ПОЛИТИКА

АРИСТОТЕЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА

съ примѣчаніями, съ критическимъ изслѣдованіемъ о Политикѣ Аристотеля и съ двумя экскурсами, содержащими въ себѣ ученіе Аристотеля о правѣ и о воспитаніи.

Н. Скворцова.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и Ко)
1865.

130

Доз

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изданіе перевода Политики Аристотеля предпринято мною въ томъ убѣжденіи, что книга эта можетъ быть полезна для политическаго образованія нашего общества. Образовательное значеніе ея состоитъ въ томъ, что общія политическія задачи излагаются въ ней въ ихъ элементарной простотѣ, а не въ той сложности и часто запутанности, до которыхъ довела ихъ современная жизнь. Между тѣмъ знакомство съ элементами политическаго быта тѣмъ болѣе важно, чѣмъ менѣе доступно безъ него сознательное пониманіе современныхъ политическихъ вопросовъ.

Что касается до самого перевода, то, сознавая его недостатки, я позволю себѣ однако замѣтить, что трудность переводить Политику, кромѣ испорченности текста, общей для всѣхъ сочиненій Аристотеля, много зависитъ также и отъ того, что построеніе

рѣчи у Аристотеля чисто діалектическое, отъ котораго такъ далеко уклонилась рѣчь современной литературы.

Книги Политики размѣщены мною въ томъ порядкѣ, какой принятъ Сентъ-Илеромъ; при такомъ размѣщеніи наиболѣе сохраняется послѣдовательность и цѣльность изложенія.

Н. Скворцовъ.

15-го іюля,
1865 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Книга вторая.

Книга третья.

Книга четвертая.

Книга пятая.

Книга шестая.

Книга седьмая.

Книга восьмая.

О ПОЛИТИКѢ АРИСТОТЕЛЯ.

Τοῦ τέλους ἕνεκα τἆλλα.
Аристотель.

Для изученія произведеній древней классической литературы нѣтъ предѣла. На чемъ останавливается изученіе ихъ въ одинъ періодъ, съ того начинается оно въ другой. Пройдутъ годы — и ученые позднѣйшаго времени, въ тѣхъ же самыхъ произведеніяхъ классической древности, которыя изучаются уже сотни лѣтъ, найдутъ свѣжія струи мудрости и новые образовательные элементы. Блестящая, гордая своими успѣхами, современная цивилизація Европы чувствуетъ потребность не разрывать своей связи съ цивилизаціею классическаго міра. И для чего бы, кажется? Содержаніе классической цивилизаціи, безъ сомнѣнія, есть только нѣкоторые элементы того, что̀ составляетъ содержаніе современной намъ европейской цивилизаціи. Но тѣмъ дороже для насъ эти элементы, что классическій міръ выработалъ ихъ самостоятельно, самъ собою, со всею сознательностію и со всею свободою раціональной мысли. Отсюда понятно, что изученіе этихъ элементовъ въ высшей степени важно и для нашего образованія, какъ одно изъ условій нашей сознательности въ средѣ господствующей цивилизаціи. Простые элементы, потому что просты, не суть еще ничтожные; напротивъ, знаніе всего развитаго и усложненнаго условливается сознаніемъ его простыхъ элементовъ. Чѣмъ выше ра-

стетъ цивилизація новаго міра, тѣмъ болѣе цѣнитъ она цивилизацію міра древняго. Если это справедливо вообще, то еще болѣе справедливо, по отношенію къ политическому быту. Умудренный опытомъ, новый міръ видитъ въ своей судьбѣ повтореніе судьбы міра древняго, и по исторіи прошедшаго, какъ по модели современнаго, старается угадать свое будущее. Но для того, чтобы классическая цивилизація дѣйствительно была для насъ тѣмъ свѣточемъ, съ помощію котораго мы могли бы найдтись въ темной и запутанной средѣ современности, изученіе памятниковъ классической цивилизаціи не должно быть случайнымъ дѣломъ простой любознательности или любопытства, напротивъ, оно должно быть сознано какъ потребность высшаго образованія. Для этой цѣли изученіе каждаго классическаго произведенія въ отдѣльности должно состоять, конечно, не въ простомъ, любопытству лишь удовлетворяющемъ, затверженіи положеній и фразъ, встрѣчающихся въ немъ, но въ сознательномъ пониманіи и усвоеніи его, со стороны того духа, который долженъ быть понятъ какъ духъ самой классической цивилизаціи.

При этомъ нельзя не замѣтить, что всякое современное произведеніе, къ какому бы роду знанія оно ни относилось, вообще, гораздо ближе къ намъ, чѣмъ какое бы то ни было произведеніе классической древности. Причина та, что отношеніе мышленія къ тому или другому предмету, составляющему содержаніе современнаго произведенія, въ силу одного господствующаго въ данное время міровоззрѣнія, у людей одной эпохи опредѣляется почти совершенно одинаково. И между тѣмъ какъ изслѣдователь современнаго произведенія заразъ такимъ образомъ удобно становится въ то же самое отношеніе къ его содержанію, въ какомъ стоялъ къ нему и самъ авторъ, изслѣдователь классическаго произведенія долженъ напередъ много заботиться о томъ, чтобы усвоить себѣ ту чуждую для него, часто пережитую временемъ, точку взгляда на тѣ или другіе вопросы, съ какой смотрѣлъ на нихъ самъ авторъ. Забота объ этомъ должна быть первою его заботою; въ противномъ случаѣ, онъ рискуетъ написать изслѣдованіе, котораго не принялъ бы на свой счетъ самъ авторъ ислѣдуемаго произведенія.

Имѣя это въ виду, прежде всего мы должны теперь обратить вниманіе свое на то, что сочиненіе Аристотеля, извѣстное подъ именемъ Политики, по содержанію своему, не можетъ быть поставлено въ параллель ни съ какимъ произведеніемъ изъ области современной литературы. Содержаніе Политики Аристотеля сложно: въ нее вошли элементы всего того, что̀ въ наше время составляетъ содержаніе отдѣльныхъ дисциплинъ, спеціально касающихся тѣхъ или другихъ сторонъ общественной и государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя содержаніемъ своимъ простые элементы отдѣльныхъ дисциплинъ, Политика Аристотеля стоитъ въ связи съ ученіемъ о правѣ, какъ естественномъ, такъ и положительномъ, о государствѣ и его учрежденіяхъ — наукой, которая только недавно систематизирована какъ отдѣльная и самостоятельная наука, — съ политической экономіей и съ педагогіей. Вотъ каковы тѣ вопросы, рѣшеніемъ которыхъ занимается Аристотель въ своей Политикѣ. Очевидно, что для болѣе правильной критики тѣхъ рѣшеній, какія даетъ философъ тому или другому вопросу, мы должны постараться о томъ, чтобы какъ эти рѣшенія, такъ и самые вопросы выяснить себѣ, по мысли самаго философа, чтобы понять основный характеръ самого изслѣдованія философа въ области политики, понять его Политику, въ существенномъ элементѣ его мышленія; — тогда только мы уразумѣемъ произведеніе философа въ его истинномъ свѣтѣ и, воспроизводя совершенно свободно политическія его воззрѣнія, можемъ быть увѣрены, что изображаемъ истинные взгляды Аристотеля, а не выдаемъ за нихъ свои собственные. Для этой-то цѣли мы должны выяснить себѣ то, какъ относится Аристотель къ тѣмъ и другимъ явленіямъ изъ сферы политической жизни, въ какомъ характерѣ разсматриваетъ онъ то и другое, и ка-

кова та точка взгляда, которая господствуетъ, при рѣшеніи основныхъ задачъ Политики.

Политика, какъ наука, занимается «изслѣдованіемъ средствъ, годныхъ для возможно совершеннаго достиженія цѣли государства и для всесторонняго содѣйствія общественному благу.» Такова существенная задача, которую должна имѣть въ виду и современная политика, какъ наука [1]). Но между тѣмъ какъ государство имѣетъ теперь для насъ значеніе юридическаго лица, для Аристотеля оно имѣло значеніе просто какъ среда счастливой жизни (τοῦ εὖ ζῆν, какъ часто говоритъ Аристотель).

Понятіе о благѣ жизни дѣйствительно есть одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ мышленія нашего философа, въ области Политики, и на этомъ мотивѣ Политика его сходится съ Этикою. Этика и политика, по мнѣнію Аристотеля, имѣютъ одну цѣль — благо человѣка. Это благо есть тоже самое, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго государства. Различіе состоитъ лишь въ томъ, что въ средѣ государства оно можетъ быть достигнуто полнѣе и совершеннѣе. И далѣе — «если хорошо и честно заботиться о благѣ отдѣльнаго человѣка; то и лучше и божественнѣе заботиться о благѣ цѣлаго государства.» Такая солидарность существуетъ, въ понятіи Аристотеля, между этикою и политикою [2]). И поелику высшая цѣль государства — благо не можетъ быть достигнуто помимо нравственности, то ученіе о нравственности, или этика является первымъ и главнымъ основаніемъ, на которомъ должна утверждаться жизнь гражданъ въ государствѣ [3]).

---

1) См. Шиллингъ. Естественное Право. Москва 1862 года § 22 стр. 38, 39. Аренсъ Cours de la philosophie du droit стр. 19, 20.

2) Ηθικ. Νικομ. 1. 1. Связь между Этикою, извѣстною подъ именемъ Никомахейской, и Политикою Аристотеля, по словамъ Штара, такова, что въ Этикѣ Аристотель указываетъ на Политику, выражаясь: ὕστερον, а въ Политикѣ ссылается на Этику, говоря: πρότερον. См. Staar Aristotelia II стр. 113. Срав. также Полит. III. 7.

3) Ηθικ. Μεγ. I. 1.

Поэтому, при разсужденіи о какомъ нибудь государственномъ учрежденіи, Аристотель часто ищетъ ему гарантіи не въ юридическомъ принужденіи, основанномъ на правѣ, но въ хорошемъ нравственномъ расположеніи личной воли гражданъ. Этой солидарности политики съ этикою мы обязаны тѣмъ, что на страницахъ Политики Аристотеля имѣемъ удовольствіе читать прекрасныя мысли его о воспитаніи.

Таже этическая точка взгляда имѣетъ мѣсто въ ученіи Аристотеля о правѣ. Право Аристотель понимаетъ, прежде всего, просто какъ фактъ жизни, который имѣетъ мѣсто всегда, коль скоро есть между людьми какія бы то ни были отношенія. Понятіе о правѣ въ его юридической сферѣ, право съ той формальной стороны, съ которой разработано оно римскими юристами, не входитъ въ составъ политическихъ понятій Аристотеля. Напротивъ, изслѣдуя право въ его натурѣ, Аристотель, какъ будетъ показано ниже, видитъ въ немъ правду общественныхъ отношеній — непосредственное содержаніе справедливости. Такимъ образомъ, ученіе Аристотеля о правѣ прямо тяготѣетъ къ ученію о нравственности, и потому вопросъ о правѣ подробнѣе разсматривается имъ въ Этикѣ.

Но кромѣ того, при обсужденіи того или другаго явленія общественной жизни, Аристотель руководится также и практическими соображеніями. Дѣйствительно, въ Политикѣ Аристотеля мы имѣемъ очень много замѣчаній, носящихъ на себѣ характеръ практической мудрости. Замѣчанія эти часто стоятъ совершенно отдѣльно и внѣ всякой связи съ цѣлымъ построеніемъ взгляда его на то или другое политическое явленіе, и опредѣляются практическимъ разсчетомъ выгоды или невыгоды, годности или негодности. Сюда можно отнести, напримѣръ, замѣчаніе Аристотеля объ условіяхъ быстрой перемѣны одной формы политическаго устройства въ другую, о соразмѣрномъ возвышеніи правительственныхъ лицъ въ государствѣ, какъ объ условіи status quo государственнаго устройства,

объ участіи низшаго класса гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ не первой важности; объ отношеніи дэмагоговъ къ олигархической партіи въ государствѣ, и многія другія. Въ эти практическія замѣчанія входитъ часто элементъ эстетическій. Таково эстетическое требованіе мѣры, въ развитіи того или другаго принципа государственной жизни. Этотъ же эстетическій элементъ лежитъ въ практическомъ взглядѣ Аристотеля на остракизмъ [1]). Читатели Политики всегда ясно отличать эти практическія правила Аристотеля отъ тѣхъ его положеній, въ которыхъ высказывается основной его взглядъ на то или другое явленіе общественнаго быта, выработанный въ высшей сферѣ мысли, а не въ сферѣ практической мудрости.

Таже практическая мудрость Аристотеля видна еще и въ томъ, что, для разъясненія разныхъ вопросовъ, онъ обращается къ указанію исторіи. Сообразно съ задачею политики вообще, Аристотель, въ своей Политикѣ, стремился рѣшить вопросъ о томъ, какое политическое устройство государства есть наилучшее. Лучшее политическое устройство — вотъ искомое всѣхъ анализовъ, какими такъ богата Политика. Въ виду лучшаго политическаго устройства, Аристотель изслѣдуетъ въ своей Политикѣ какъ существующія формы государственной жизни и государственныя учрежденія, такъ и проэктированныя кѣмъ бы то ни было. Стремленіе къ изученію существующихъ формъ политическаго устройства простиралось въ Аристотелѣ до того, что онъ составилъ, не дошедшее до насъ, описаніе *ста пятидесяти восьми* извѣстныхъ ему республикъ [2]). Бизе [3]) справедливо замѣчаетъ, что въ такихъ историческихъ изслѣдованіяхъ Аристотеля виденъ ученый тактъ философа. Обращая вниманіе свое на явленія дѣйствительности, Аристотель анализируетъ ихъ и опредѣляетъ ихъ достоинство, по степени осуществленія ими того государственнаго быта, который требуется, по идеѣ самого государства. Такимъ образомъ, сфера опыта, эмпирическая среда исторіи — вотъ куда еще обращалась мысль Аристотеля, для рѣшенія существенной задачи Политики. Ученые давно замѣтили, что ни одинъ классическій мыслитель не былъ такъ склоненъ къ историческимъ соображеніямъ и изслѣдованіямъ, какъ Аристотель. Его называютъ обыкновенно первымъ историкомъ философіи. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, первая книга Метафизики полна историческими изысканіями, также и первая книга сочиненія «о душѣ» (если оно принадлежитъ Аристотелю). Историческій методъ изслѣдованія замѣтенъ у Аристотеля всюду. Справедливо замѣчаетъ Сентъ-Илеръ [1]) что Аристотель изучаетъ государство точно также какъ и другія существующія вещи; но несправедливо думаетъ этотъ ученый, что историческія изысканія Аристотеля въ Политикѣ условливаются близостію его къ македонскому двору. Такой взглядъ С.-Илера стоитъ въ связи съ общимъ, до нашихъ дней продолжающемся, направленіемъ науки — изъяснять явленія интеллектуальнаго міра изъ *нуждъ* окружающей среды. Чтоже касается до Политики Аристотеля, то македонскій дворъ играетъ у нѣкоторыхъ важнѣйшую роль въ изъясненіи самыхъ существенныхъ ея пунктовъ. Но объ этомъ заблуждающемся направленіи скажемъ обстоятельнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Историческій мотивъ изслѣдованія, замѣченный въ политикѣ Аристотеля, составляя собою отличительную особенность его мышленія, въ тоже время, какъ справедливо замѣтилъ Буле [2]) служитъ достоинствомъ самого сочиненія. Важность историческихъ изысканій въ области политики Аристотель опредѣляетъ тѣмъ, что фор-

1) Относящіяся сюда мѣста Полит. см. VIII 6, 7. III. V и Гр.
2) Отрывки этого сочиненія Аристотеля собралъ Car. Fr Neumann: Ἀριστοτέλους πολιτείων τὰ σωζόμενα-1827 года.
3) Die Philosophie des Aristoteles 2 Bd. стр. 400.

1) С.-Илеръ. Politique d'Aristote. Préface. pp. LV—LVIII.
2) І. Г. Буле. Geschichte der neuern Philosophie. Bd. I. p. 323.

мы государственнаго устройства и государственныя учрежденія усовершенствуются, въ своемъ историческомъ развитіи. «Если измѣненіе, говоритъ онъ, приличествуетъ другимъ знаніямъ,—такъ, напримѣръ, медицина въ настоящее время далеко двинута впередъ, сравнительно съ ея прежнимъ состояніемъ, точно также и гимнастика и вообще всѣ искусства, въ которыхъ проявляются наши способности, — то, считая и политику за одно изъ числа этихъ знаній, очевидно, что и съ ней должно быть нѣчто подобное» [1]). Тѣмъ болѣе историческія изысканія должны были имѣть значеніе въ глазахъ Аристотеля, что греческій полуостровъ представлялъ собою самое удобное поле для этихъ изысканій. Въ самомъ дѣлѣ, при существующемъ въ Греціи разнообразіи формъ политической жизни, Аристотель имѣлъ полную возможность изучить общій характеръ государственнаго устройства, и самымъ опытомъ узнать достоинства и недостатки различныхъ формъ политическаго быта. Кромѣ того, какъ мы уже замѣтили, многія теоріи формъ политической жизни, предложенныя разными философами и политиками, были для него поводомъ къ аналитическому разбору различныхъ вопросовъ и мнѣній, касающихся извѣстныхъ сторонъ политической жизни. Читая Политику Аристотеля, постоянно удивляешься неутомимости его наблюдательнаго ума, этой микроскопической работѣ эмпиризма. Замѣтно, что философъ не пренебрегалъ ничѣмъ и изъ всего старался извлекать сокровища знанія. Достаточно существовать предмету, или мысли однажды быть высказанной, чтобы они возбудили полное его сочувствіе. Хотя тираннія и олигархія считаются Аристотелемъ за худшія формы политической жизни, однако онъ съ одинаковою заботливостію разсуждаетъ о нихъ, какъ и о другихъ лучшихъ формахъ. Самый деспотическій, дурной правитель слышитъ отъ него тонкіе совѣты, какъ сохранить свое господство.

1) Полит. II. 5.

Размышляя о государствѣ, Аристотель беретъ человѣка, каковъ онъ есть; онъ слѣдитъ за всѣмъ развитіемъ его дѣйствительной жизни; онъ заботится о немъ еще прежде его рожденія. Совѣты его касаются даже мелчайшихъ подробностей возраста и физическихъ свойствъ людей, вступающихъ въ бракъ и т. п. Все это очень ясно даетъ намъ разумѣть, что Аристотель въ своей Политикѣ имѣлъ въ виду раскрыть предметъ такимъ, каковъ онъ есть, высказать всѣ, относящіяся сюда, наблюденія и сообщить касательно его, свои личныя убѣжденія.

Но не смотря на такое, по видимому, совершенно эмпирическое направленіе своей мысли въ Политикѣ, — въ общемъ, въ цѣльномъ взглядѣ на основныя формы политическаго быта и на существенныя его стороны Аристотель остался вѣренъ самому себѣ. «Такова, говоритъ Гегель, спекулятивная философія Аристотеля: всѣ предметы переноситъ она въ сферу мысли и разсматриваетъ ихъ въ этой области, такъ что, существуя какъ мысль, они являются въ своей истинѣ» [1]). Это участіе спекулятивной мысли во всякомъ размышленіи опредѣляется взглядомъ Аристотеля на философію вообще: «она, по его мнѣнію, принадлежитъ къ самымъ точнымъ наукамъ, потому что разсматриваетъ образы и свойства сущаго, какъ такого, и не обращаетъ вниманія на частныя стороны матеріальнаго, ибо чрезъ нихъ предметъ всего менѣе можетъ быть опредѣленъ» [2]). Сообразно съ этимъ, при всемъ эмпирическомъ характерѣ изложенія Политики, спекулятивная мысль философа жива и дѣятельна въ ней, какъ жива и дѣятельна она всюду, что только ни изслѣдовалъ бы Аристотель. Спекулятивное, или метафизическое отношеніе Аристотеля ко всякому предмету изслѣдованія составляетъ отличительную особенность этого классическаго писателя. Тоже самое метафизическое отношеніе Аристотеля къ явленіямъ

1) Гегель. Geschichte der Philosophie. Bd. 2 p. 296.
2) Метафиз. I. 2.

сферы политической должно быть понято нами, какъ существенный характеръ его изслѣдованія, въ его Политики. Если же кто опуститъ изъ виду этотъ метафизическій характеръ его мышленія, въ сферѣ политики, то, какъ сказали мы выше, рискуетъ сказать о ней нѣчто такое, чего не принялъ бы на свой счетъ Аристотель. Но постараемся напередъ выяснить себѣ какъ понятіе о метефизическомъ мышленіи вообще, такъ и объ отношеніи метафизическаго изслѣдованія того или другаго явленія къ простому опытному наблюденію его, какъ факта действительности.

Извѣстно, что сочиненіе Аристотеля, которое мы знаемъ подъ именемъ Метафизики, не было названо такъ самимъ философомъ. Тѣмъ не менѣе, названіе метафизики и метафизической философіи осталось навсегда за тѣмъ философскимъ мышленіемъ, которое составляетъ содержаніе вышеозначеннаго сочиненія Аристотеля. Каково же это философское мышленіе, или въ чемъ состоитъ метафизическое мышленіе? Аристотель даетъ ясное опредѣленіе этого мышленія, когда говоритъ, что содержаніе его первой философіи (*πρώτη φιλοσοφία*), которая извѣстна намъ подъ именемъ Метафизики, составляетъ изслѣдованіе началъ и причинъ сущаго. Именемъ первой философіи Аристотель обозначаетъ то философское мышленіе, которое изслѣдуетъ явленіе не въ предлежащемъ чувственномъ его опредѣленіи, но въ границахъ его постоянной и неизмѣнной вышечувственной натуры, причемъ явленіе познается не какъ только что нибудь, но со стороны того, *что̀* оно есть само въ себѣ, познается въ своей сущности, въ своемъ основномъ началѣ: таково и есть, по содержанію своему, метафизическое мышленіе. Имѣя содержаніемъ своимъ просто сущее, какъ сущее, метафизическое мышленіе старается понять его само въ себѣ, не какъ движущееся и измѣняющееся, не въ чувственныхъ аффектахъ его предлежащаго существованія, но въ постоянныхъ опредѣленіяхъ вышечувственной и вѣчно рав-

ной себѣ субстанціи, какова, по преимуществу, субстанція божественная. Такимъ образомъ, послѣдняя задача метафизическаго мышленія есть познаніе сущаго, каково оно въ божественной субстанціи. Такое мышленіе есть истинная мудрость, такъ какъ предметъ его есть нѣчто божественное и такъ какъ, въ совершенствѣ своемъ, оно доступно только Богу. Но оно свойственно и человѣку—по стольку, по скольку онъ можетъ, въ своемъ умственномъ занятіи, отрѣшаться отъ идеи пользы и искать знанія ради самого знанія. А такого знанія дѣйствительно ищетъ первая философія и всякое метафизическое мышленіе. Изслѣдуя причины и начала даннаго явленія, метафизическое мышленіе открываетъ въ немъ его постоянную сущность, его неизмѣнную натуру, и такимъ образомъ доставляетъ намъ истинное познаніе о немъ, познаніе, котораго ищетъ мудрость, стремящаяся не къ полезному, но къ истинному. Истину, говоритъ Аристотель, должно извлекать изъ того, что̀ всегда остается однимъ и тѣмъ же и не терпитъ измѣненія. Такимъ образомъ, метафизическое мышленіе, стремящееся постигнутъ истину явленія, беретъ его, не какъ предлежащее опыту и внѣшнему чувству, со стороны его измѣняемости, но со стороны его сущности, по скольку оно остается неизмѣннымъ. Какъ мышленіе, имѣющее содержаніемъ своимъ причины и начала даннаго явленія, метафизическое мышленіе изслѣдуетъ законы его бытія, необходимость ему быть такимъ, каково оно есть, внутреннюю основу или цѣль его существованія. Точка отправленія метафизическаго мышленія есть, по Аристотелю, фактъ въ его предлежащемъ бытіи. Выходя, въ своей теоретической дѣятельности, говоритъ Аристотель, изъ того, что̀ намъ знакомо, мы доходимъ наконецъ до того, что̀ само въ себѣ познаваемо (а въ себѣ самомъ познаваемое есть, по Аристотелю, начала и причины; потому что все другое познается въ нихъ и чрезъ нихъ, а не онѣ сами чрезъ то, что̀ подлежитъ имъ), для того чтобы сдѣлать это предметомъ познанія для самаго

субъекта познающаго. И между тѣмъ какъ простое опытное знакомство съ явленіемъ, какъ съ фактомъ дѣйствительности, доставляетъ познаніе о немъ, какъ о явленіи сложившемся, и потому преходящемъ, метафизическое мышленіе, открывая постоянную натуру явленія, старается познать его, въ его непреложности, въ его неизмѣнномъ въ себѣ-бытіи. Такое познаніе явленія есть познаніе его истины, познаніе со стороны его *что* оно есть,—познаніе, которое совершенно тожественно съ познаваемымъ. Такое познаніе явленія, познаніе его сущности, его причинъ и началъ даетъ возможность правильно судитъ о явленіи въ его предлежащемъ, данномъ бытіи, и есть, такимъ образомъ истинное начало критики[1]).

Внимательное чтеніе Политики Аристотеля открываетъ, несомнѣнно, что философъ къ главнымъ и основнымъ явленіямъ политической жизни относился метафизически, что онъ хотѣлъ познать эти явленія въ ихъ истинѣ, въ ихъ непреложной натурѣ, *которая постоянно остается тою же самою и не терпитъ измѣненія*. Дѣйствительно, метафизическое начало есть основное начало мышленія Аристотеля въ сферѣ политики; метафизическая точка взгляда есть господствующая точка, съ которой онъ смотритъ на основныя явленія, подлежащія его изслѣдованію. Законъ явленія, его внутренюю необходимость—вотъ что̀ хочетъ открыть философъ въ своей Политикѣ. Благодаря такой метафизической задачѣ, которую, главнымъ образомъ, имѣлъ Аристотель въ своемъ сочиненіи, оно имѣетъ вѣковое значеніе и всегда будетъ служить не только средствомъ общаго политическаго образованія, но и источникомъ для самой политической мудрости нашего вѣка. Не случайнымъ сходствомъ тѣхъ явленій, которыя изображаетъ Аристотель въ своей Политикѣ, съ явленіями современными, важна и интересна она для насъ, но тѣмъ метафизическимъ анализомъ, которому подвергаетъ онъ въ ней эти явленія, потому что метафизическая сторона въ явленіи постоянно остается одною и тою же, такъ что явленіе, познаваемое съ этой стороны, познается въ его истинѣ. Итакъ, устанавливая болѣе правильный взглядъ на политику Аристотеля, мы должны смотрѣть на нее, какъ на сочиненіе, по преимуществу, метафизическаго характера. Относясь къ явленіямъ политической жизни, какъ къ фактамъ дѣйствительности, авторъ предлежащаго намъ сочиненія описываетъ, изъясняетъ и оцѣниваетъ ихъ; онъ старается понять ихъ съ метафизической ихъ стороны, въ ихъ постоянной натурѣ, въ ихъ сущности. Основныя понятія политики, каковы понятія о государствѣ, о формахъ политической жизни, о гражданинѣ и правительствѣ, суть чисто философскія понятія, понятія метафизическаго характера. Эти понятія лежатъ въ основѣ того анализа, той критики, которымъ подвергаетъ философъ факты политической жизни, какъ они являются въ дѣйствительности. Со стороны этихъ основныхъ понятій, Политика Аристотеля стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ метафизическимъ ученіемъ его о сущемъ. Изслѣдованіе этой связи должно, потому, быть понято, какъ существенная задача изслѣдованія Политики. Мы должны смотрѣть на Политику Аристотеля, въ общемъ характерѣ умственной дѣятельности нашего философа, должны постоянно имѣть въ виду, что взглядъ его на государство и на всѣ существенные его элементы не есть взглядъ отрывочный отъ нея, что, напротивъ, онъ формулированъ въ сферѣ самой чистой спекулятивной мысли.

Сообразно съ этимъ пониманіемъ Политики, мы даемъ ей слѣдующее опредѣленіе: основанная на умозрительномъ понятіи государства, Политика Аристотеля есть критика разнаго рода государственныхъ устройствъ, какъ формъ общественной жизни, разсматриваемыхъ не съ формальной юридической стороны, но со стороны сообразности ихъ съ цѣлію всякаго общежитія, которая есть благо.

1) Изложеніе взгляда Аристотеля на метафизическое мышленіе взято изъ слѣдующихъ мѣстъ его Метафизики: I. 1. 2. VI. 1. 4. XI. 4. 6.

Имѣя это въ виду, мы укажемъ теперь 1 — на связь политическаго ученія Аристотеля съ основными положеніями его Метафизики; 2 — изслѣдуемъ критически вопросъ о вліяніи историческихъ обстоятельствъ на политическое ученіе Аристотеля. За тѣмъ, въ видѣ отдѣльныхъ экскурсовъ, изложимъ ученіе Аристотеля о правѣ и о воспитаніи.

I.

Связь политическаго ученія Аристотеля съ основными положеніями его Метафизики.

Чтобы уразумѣть Политику Аристотеля, въ ея подлинномъ смыслѣ, для этого недостаточно изучить, хотя бы во всей подробности, ея содержаніе; для этого должно понять все его философское мышленіе, потому что философское мышленіе, при всей разносторонности его содержанія, есть нѣчто цѣльное, во всѣхъ частяхъ себѣ одинаково равное. Какъ органическое, оно, въ каждомъ произведеніи философа, качественно выступаетъ все. Поэтому, истинное уразумѣніе каждаго произведенія философа достигается тогда, когда это произведеніе изучается не только со стороны его содержанія, но и со стороны самого мышленія философа объ этомъ содержаніи. Такое изученіе доставляетъ пониманіе о данномъ произведеніи въ его подлинномъ, истинномъ смыслѣ. Но для этой цѣли самое мышленіе философа должно быть изучено и понято въ его основномъ характерѣ, въ томъ пунктѣ, въ которомъ централизуется вся его система. Разсуждая по этому поводу, Шеллингъ замѣчаетъ, что мышленіе каждаго философа непремѣнно тяготѣетъ къ какому-нибудь такому коренному пункту, который служитъ базисомъ всей его системы; потому, чтобы понять систему философа, продолжаетъ Шеллингъ, должно стараться понять этотъ основный ея пунктъ: всякое другое пониманіе

есть пониманіе отрывочное, не полное и не удовлетворительное.

Основной пунктъ, къ которому тяготѣетъ всякая философская мысль Аристотеля о чемъ бы то ни было, есть, какъ извѣстно, понятіе о цѣли. Въ ученіи о цѣли разрѣшается у Аристотеля всякая философская комбинація понятій, къ чему бы онѣ не относились Въ ученіи о цѣли мышленіе философа выступаетъ въ своемъ подлинномъ характерѣ, какъ мышленіе спекулятивно-логическое. Гегель говоритъ, что въ мышленіи Аристотеля есть одинъ основной элементъ, связующій вмѣстѣ всѣ воззрѣнія Аристотеля, какихъ бы сторонъ знанія, или какихъ бы предметовъ бытія онѣ ни касались; этотъ элементъ есть элементъ спекулятивности, который составляетъ существенную черту сочиненій Аристотеля. Гегель называетъ Аристотеля «мыслителемъ-наблюдателемъ», или: «совершеннымъ эмпирикомъ и въ тоже время мыслителемъ». «Аристотель, говоритъ Гегель, всѣ отдѣльныя стороны всеобщаго разсматриваетъ не иначе, какъ спекулятивный философъ, и вырабатываетъ самое глубокое спекулятивное понятіе. Но при всемъ спекулятивномъ проникаціи его въ природу предмета, послѣдній остается въ своемъ конкретномъ опредѣленіи, и Аристотель рѣдко возводитъ его до абстрактнаго опредѣленія». Или въ другомъ мѣстѣ: «Аристотель въ высшей степени философиченъ (philosophisch), между тѣмъ какъ кажется только эмпирикомъ. Весь свой эмпиризмъ онъ возводитъ до спекулятивности, а эмпирическое, взятое въ своемъ синтезѣ, есть спекулятивное понятіе» [1]).

Пояснимъ эти выраженія Гегеля о философіи Аристотеля. Философія Аристотеля есть логическая философія, но она выходитъ изъ предлежащаго существующаго, изъ того, что дано въ опытѣ. Начало ея есть опытъ, а конецъ — чистое мышленіе, логическое умозрѣніе

1) Гегель. Ibid. p. 277, 279, 280.

въ высшемъ смыслѣ, въ томъ смыслѣ, что это логическое умозрѣніе имѣетъ у Аристотеля необходимое отношеніе къ дѣйствительному бытію. Притомъ, хотя Аристотель, въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ, идетъ, какъ говоритъ Шеллингъ[1]), отъ эмпирическаго къ логическому, но логическое, составляя истинное достояніе его философской мысли, его πρώτη ἐπιστήμη, — не есть простое порожденіе опыта, выводъ изъ него, напротивъ, оно есть нѣчто предопытное; опытъ только доводитъ до логическаго, само же логическое существуетъ въ мышленіи философа a priori; опытное изслѣдованіе даннаго явленія служитъ только тою средою, въ которой логическое понятіе о немъ выясняется до степени дѣйствительности, до той степени, на которой оно познается уже не какъ простое понятіе, но какъ дѣйствительно существующее. Потому Аристотель порицаетъ тѣхъ, которые, оставаясь ἐν τοῖς λόγοις, хотятъ понять самую дѣйствительность. Вообще, по его мнѣнію, между логическою необходимостію и тѣмъ, какъ логическое дано въ дѣйствительности, лежитъ большое пространство. Аристотель нерѣдко указываетъ на ту сбивчивость мысли, которая происходитъ отъ неразличенія логическаго порядка отъ порядка дѣйствительности, законовъ бытія отъ формальныхъ законовъ мышленія. Шеллингъ говоритъ: міръ, который раціональная философія имѣетъ только въ мышленіи, Аристотель разсматриваетъ какъ дѣйствительно существующій міръ; но Аристотель имѣетъ дѣло не съ существованіемъ его; существованіе міра есть для него, въ этомъ случаѣ, нѣчто случайное и имѣетъ значеніе лишь по-стольку, по-скольку оно есть то, въ средѣ чего философъ можетъ понять сущность міра, какъ дѣйствительно такого. Существованіе міра есть для его мышленія простое предположеніе, только исходный пунктъ его; собственная же цѣль мышленія

1) Шеллингъ. Philos. d. Offenbar. стр. 103.

о мірѣ состоитъ въ изслѣдованіи того, что̀ есть міръ[1]). Дѣйствительно, въ изслѣдованіи сущности явленія, въ изслѣдованіи того, что̀ оно есть само въ себѣ, заключается основный интересъ всякаго философскаго ученія Аристотеля. Тотъ же самый интересъ Аристотель преслѣдуетъ и въ своей Политикѣ. Какъ при изслѣдованіи разныхъ существующихъ государственныхъ учрежденій, такъ равно и при изложеніи своихъ собственныхъ политическихъ мнѣній, Аристотель постоянно считается съ сущностію государства; понятіе государства самого въ себѣ служитъ основнымъ базисомъ его мышленія, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Но понятіе о государствѣ, какъ чисто формальное понятіе, не есть для Аристотеля результатъ опытнаго познанія государства, напротивъ, оно есть для него умозрительное понятіе и мыслится имъ a priori. Не опытъ даетъ ему это понятіе, но оно изслѣдуется имъ въ средѣ опыта, для того чтобы имѣть съ нимъ дѣло, не какъ съ простымъ только логическимъ понятіемъ, но какъ съ дѣйствительно существующимъ. Само же по себѣ, какъ формальное понятіе, понятіе государства мыслится Аристотелемъ внѣ и прежде всякаго дѣйствительнаго государства. Отсюда понятно, что ученіе Аристотеля о государствѣ вполнѣ уяснится намъ только тогда, когда мы поймемъ то значеніе, какое понятіе о государствѣ, какъ понятіе умозрительное, имѣетъ въ цѣлой системѣ его философскаго мышленія.

Для этой цѣли мы, прежде всего, должны обратить вниманіе свое на тѣ основныя понятія, въ которыхъ вращается философская мысль Аристотеля. Мы уже знаемъ, что наука, которую Аристотель называетъ πρώτη φιλοσοφία, изслѣдуетъ сущее, просто какъ сущее, и старается постигнуть его въ высшемъ его опредѣленіи, какъ абсолютно и само по себѣ сущее. «Если бы кромѣ сущностей, данныхъ въ природѣ, говоритъ Аристотель, не было никакой

1) Ibid. стр. 104.

другой сущности, то физика была бы первою наукою. Но такъ какъ есть нѣкоторая неподвижная субстанція, то наука, имѣющая ее своимъ предметомъ, есть болѣе первая, и потому она первая философія. Эта-то наука должна изслѣдовать о сущемъ, какъ о сущемъ, каково оно по понятію, и что̀ ему, какъ сущему приличествуетъ [1]). Имѣя дѣло съ отдѣльными сторонами, какъ съ частями сущаго, философія, говоритъ Аристотель, въ другомъ мѣстѣ, о каждой изъ нихъ разсуждаетъ также какъ о сущемъ, по-скольку оно есть сущее [2]). Это значитъ, что философская мысль, чего бы она ни касалась, разсматриваетъ подлежащее ея изслѣдованію, просто какъ сущее, со стороны тѣхъ основъ и началъ, въ силу которыхъ оно постоянно, само въ себѣ таково, а не предлежательно: потому что все, какъ такое, какъ само въ себѣ — какъ было уже замѣчено выше — познается, по Аристотелю, чрезъ познаніе началъ и причинъ его. Итакъ, первое понятіе, котораго касается философская мысль Аристотеля, есть понятіе о сущемъ. Вотъ сфера, куда, прежде всего, мы должны вступить, для того чтобы усвоить себѣ философскую мысль Аристотеля; это — сфера сущаго, просто сущаго, каково оно есть какъ такое, безотносительно къ тому, каково оно и колико и т. д. Вступая въ эту сферу, мышленіе наше заразъ какъ бы должно оторваться отъ всего предлежательно сущаго. Но изслѣдованіе началъ и причинъ сущаго — изслѣдованіе, которое предпринимаетъ мышленіе тотчасъ, какъ войдетъ въ сферу просто сущаго — обращаетъ его къ дѣйствительному, предлежащему; потому что, при вопросѣ о началахъ, сущее должно мыслиться уже какъ субстанція.

Вопросъ о субстанціи есть одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, которые рѣшаетъ Аристотель въ своей Метафизикѣ. Выходя изъ понятія о сущемъ, которое есть или

1) Метаф. VI. 1.
2) Ibid. XI. 4.

какъ что̀, или какъ качественное, или какъ количественное и т. д. Аристотель говоритъ, что субстанція есть сущее, разсматриваемое просто какъ *что̀*. Это *что̀* есть подлинное опредѣленіе сущаго, каково оно въ себѣ, все же другое, какъ, напримѣръ, его свойство, количество — есть сущее уже только потому, что для нихъ есть нѣкоторый субстратъ, что̀ и есть субстанція. Такъ идущее, сидящее и здравствующее есть нѣчто сущее, но неотдѣльно отъ данной субстанціи; потому что, только въ силу этой субстанціи, существуетъ каждый изъ этихъ предикатовъ. Итакъ субстанція, продолжаетъ философъ, есть то̀, что прежде всего опредѣляется какъ сущее, какъ просто сущее, какъ *что̀*. Это *что̀* есть первое, и относительно понятія, и относительно познанія, и относительно времени. По времени — потому что предикаты его, хотя также суть сущее, но неотдѣльно отъ него и самостоятельно, а только вмѣстѣ съ нимъ, а оно есть само по себѣ сущее. И по понятію, сущее какъ *что̀* также есть первое, такъ какъ въ понятіи каждой вещи, прежде всего необходимо заключается понятіе ея субстанціи, а субстанціальное вещи и есть ея *что̀*. И относительно познанія, сущее какъ *что̀* есть также первое, потому что познаніе каждой вещи болѣе опредѣляется познаніемъ того что̀ оно есть, чѣмъ познаніемъ ея качества и количества и т. д. Всѣ подобные предикаты, входя въ опредѣленіе вещи, какова она въ своемъ *что̀*, не составляютъ собою этого *что̀*, каково оно въ чистотѣ своей, какъ содержаніе субстанціи, но мыслятся подъ категоріею *что̀* точно также, какъ несущее, напримѣръ, мыслится подъ категоріею бытія, когда говорятъ о несущемъ, что оно есть. «И вотъ — какъ издревле, такъ и теперь и всегда, заключаетъ Аристотель, предметъ философскаго изслѣдованія о томъ, что̀ есть сущее — есть именно нашъ вопросъ: что̀ есть субстанція?»

Опредѣляемая собственно какъ *что̀* сущее (а не какъ качественное, или количественное сущее), субстанція, по

понятію Аристотеля, распадается на два вида: на субстанцію, какъ нѣчто конкретное, и на субстанцію, какъ понятіе. Поясняя это, Аристотель говоритъ, что первая субстанція есть понятіе, соединенное съ матеріею, а другая субстанція есть просто понятіе. Отсюда Аристотель различаетъ субстанціи чувственныя, которыя онъ называетъ общепризнанными, каковы всѣ простыя тѣла, произведенія природы и части ихъ, животныя и части ихъ, и наконецъ, небо и части неба. Итакъ, чувственная субстанція есть субъектъ, который, какъ нѣчто образовавшееся изъ формы и матеріи, съ одной стороны, есть матерія, а съ другой, форма. Но матерія и форма, въ отдѣльности, также могутъ быть разсматриваемы какъ субстанціи. Потому что матерія, какъ такая, остается при всѣхъ измѣненіяхъ ея въ ту или другую форму. Но такъ какъ только подъ вліяніемъ формы она входитъ въ опредѣленіе сущаго, какъ даннаго *что*, то сама по себѣ матерія есть субстанція по возможности. Форма, напротивъ, будучи существеннымъ моментомъ въ опредѣленіи сущаго, какъ *что* — есть потому субстанція сама въ себѣ, по дѣйствительности, истинная, чистая субстанція, *κατ' ἐξοχήν*. Но тѣмъ не менѣе, каждая субстанція выражаетъ собою непремѣнно моментъ соединенія матеріи и формы, какъ бы ни были онѣ различны другъ отъ друга, или какъ бы ни были онѣ тожественны между собою.

Понятія о матеріи и формѣ суть тѣ основныя понятія, въ которыхъ вращается мышленіе Аристотеля о субстанціи. Разсматриваемыя не какъ составныя части данной субстанціи, но сами по себѣ, безотносительно—матерія и форма суть тѣ всеобщія начала, въ силу которыхъ сущее есть та или другая субстанція. Таковы эти схоластическія causa materialis и causa formalis. Но форма и матерія, хотя суть непреложныя начала всякой субстанціи, сами по себѣ однако не дѣятельны; субстанція слагается изъ нихъ, но не онѣ ее слагаютъ. Для того чтобы онѣ были дѣйствительными элементами, способными образовать суб-

станцію, онѣ должны быть приведены въ дѣйствіе. Такимъ образомъ, въ образованіи каждой субстанціи, мышленіе усматриваетъ участіе еще двухъ началъ, таковы начала движенія и цѣли—causa efficiens и causa finalis. Первая изъ этихъ причинъ, причина движенія образуетъ ту или другую субстанцію, приводя въ движеніе субстратъ матеріи: таково искусство врача, которое дѣлаетъ тѣло здоровымъ. Такъ какъ матерія есть только возможность субстанціи, то движеніе, говоритъ Аристотель, есть дѣятельность возможнаго, пока оно есть только возможное. Такимъ образомъ, движеніе есть дѣйствительность возможнаго, какъ возможнаго; но эта дѣйствительность, замѣчаетъ Аристотель, есть не совершенная (ἀτελής), потому что само возможное есть нѣчто не совершенное. Потому движеніе, заключаетъ философъ, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ дѣйствительность, а въ нѣкоторомъ и недѣйствительность.

Какъ начало движенія проявляется въ матеріи, такъ равно цѣль, или конечная причина субстанціи усматривается въ ея формѣ. Ученіе Аристотеля о цѣли составляетъ, какъ мы замѣтили выше, коренное ученіе его философіи: каждая субстанція, какъ такая, познается, по Аристотелю, въ ея конечной причинѣ, ибо этою конечною причиною, по понятію Аристотеля, опредѣляется каждая собстанція, во всѣхъ своихъ предикатахъ. Такъ, не организмъ и качества животнаго опредѣляютъ его натуру, но наоборотъ, натурою, или что тоже цѣлью животнаго опредѣляется все устройство его организма; такимъ образомъ ясно, что между всѣми причинами, или началами субстанціи высшая есть цѣль, или причина конечная, потому что и форма, и матерія, и причина движенія, только въ силу извѣстной цѣли, приводятся въ субстанціи въ гармоническое единство. Эта цѣль субстанціи есть основной и первый ея моментъ, существующій прежде, чѣмъ она сама. Отсюда, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно и то знаменательное метафизическое положеніе Аристотеля,

что цѣлое, по понятію, прежде своихъ частей, потому что субстанція, какъ нѣчто цѣлое, въ себѣ замкнутое, опредѣляется только своею цѣлію. Такъ, изъ понятія человѣка, или, что̀ то же, изъ цѣли существованія человѣка, опредѣляется вся его организація. Въ дѣйствительномъ человѣкѣ эта цѣль становится образовательною силою его жизненнаго, историческаго развитія; ею, какъ идеально цѣлымъ, опредѣляется весь образъ человѣка, каковъ онъ есть въ томъ или другомъ мѣстѣ, въ то или другое время. Цѣль субстанціи, опредѣляя ее собою, какъ такое цѣлое, существуетъ не внѣ и выше ея, напротивъ, какъ душа, она проникаетъ внутрь самой субстанціи, и только въ мышленіи мы можемъ отдѣлитъ понятіе о цѣли отъ всѣхъ другихъ началъ, участвующихъ въ образованіи той или другой субстанціи; потому что въ дѣйствительности, какъ мы уже видѣли, всѣ остальныя начала (матерія, форма и начало движенія) обдержатся въ субстанціи, въ своей индивидуальной опредѣленности, только въ силу ея высшей причины—причины конечной; опредѣляя собою форму субстанціи, она, такимъ образомъ, составляетъ истинную сущность, постоянную натуру, однимъ словомъ то неподвижное *что̀*, которое и есть настоящая субстанція. Таково, въ краткихъ словахъ, ученіе Аристотеля о цѣли.

Въ связи съ изложенными нами доселѣ метафизическими понятіями Аристотеля о началахъ сущаго, философское мышленіе его движется еще между другими, столь же существенными, метафизическими понятіями: динаміи и энергіи. Понятія динаміи, или возможности и энергіи, или дѣйствительности, въ мышленіи Аристотеля, совпадаютъ съ понятіями матеріи и формы, въ томъ смыслѣ, что матерія динамична, или есть только возможность субстанціи, а форма энергична, и сама есть дѣйствительная субстанція. Возможность матеріи, говоритъ Аристотель, есть начало страдательнаго измѣненія, посредствомъ чего-либо другаго; потому что возможное вообще есть то, что̀, сталкиваясь съ энергіею, не есть уже невозможное, по отно-

шенію къ тому, чего само по себѣ оно есть только возможное, и какъ такое, слѣдовательно, могущее быть имъ и не быть. Такимъ образомъ, сущее по дѣйствительности такъ относится къ сущему по возможности, какъ бодрствующій ко спящему, смотрящій къ тому, кто зажмурилъ глаза, обдѣланное къ необдѣланному и т. д. Матерія, какъ нѣчто только возможное, не дѣятельна; это субстратъ, (ὑποκείμενον), самъ по себѣ равнодушный къ тому, чтобы подчиняться вліянію дѣятельнаго, или остаться внѣ этого вліянія. Матерія всеобща; а всеобщее, потому лишь что оно всеобще, еще не дѣятельно. Матеріи свойственно отрицаніе. Хотя изъ отрицанія образуется ничто, но матерія, которой свойственно отрицаніе, чрезъ это самое требуетъ себѣ формальнаго опредѣленія. Матерія есть не бытіе по понятію, ибо съ ней соединено отрицаніе, но само отрицаніе есть не бытіе просто; и оно собственно, а не матерія образуетъ противоположность съ опредѣленною формою. Потому Аристотель говоритъ, что матерія, въ своемъ послѣднемъ видѣ, и форма суть одно и тоже: одно, по возможности, а другое по дѣйствительности. Матерія сама по себѣ, не будучи дѣятельною, въ тоже время, какъ уже сказано, есть возможное нѣчто (δύναμις) принять на себя постороннее начало дѣятельности. Это дѣятельное начало, начало бытія, по отношенію къ матеріи, есть форма, образующая, опредѣляющая ее. Образующее начало, начало бытійное есть начало энергическое (ἐνέργεια). Два начала: бытійное и начало отрицанія, или небытія сталкиваются другъ съ другомъ въ средѣ безразличной матеріи. Здѣсь послѣднее начало уступаетъ себя первому, и дѣятельное начало бытія овладѣваетъ матеріею. Это значитъ, что матерія изъ состоянія возможнаго переходитъ въ дѣйствительное, формируется, подъ вліяніемъ принципа энергіи. Такимъ образомъ, дѣятельное начало есть начало перемѣны; перемѣна, совершающаяся подъ его вліяніемъ, совершается изъ противоположнаго въ противоположное (ἐκ τοῦ ἐναντίου), а не изъ противорѣ-

чащаго (ἐκ τῆς ἀντιφάσεως), такъ что въ основѣ перемѣны всегда остается нѣчто какъ начало не перемѣняемое, что̀ и есть начало матеріальное.

Если обратимъ теперь вниманіе на то, какое изъ этихъ началъ — возможнаго или дѣятельнаго, существуетъ прежде, то должны будемъ признать первенство за послѣднимъ. «Если предположимъ, говоритъ Аристотель, что возможное первое, то могло бы быть, что сущаго не было бы, потому что возможно, чтобы то, что̀ можетъ быть, въ дѣйствительности не существовало. Итакъ энергія прежде, нежели возможность. Возможное дѣлается дѣйствительнымъ подъ вліяніемъ дѣйствующей причины— энергіи. Поэтому энергія прежде возможности, иначе— какимъ образомъ возможное могло бы перейдти въ дѣйствительное, еслибы прежде него не существовало никакой причины въ дѣйствительности». Но дѣятельность предсуществуетъ возможности не по времени, а по сущности. Дѣятельное въ средѣ возможнаго получаетъ свое предлежащее существованіе; слѣдовательно, дѣятельное, по отношенію къ возможному, есть цѣль, въ которой возможное находитъ себя дѣйствительно такимъ, какимъ оно могло быть. Эта цѣль есть природа вещи, ибо природа вещи опредѣляется ея цѣлью; какъ что нибудь сдѣлано — это и есть его природа, но какъ что было въ началѣ — это цѣль, которая реализировалась. Все существующее существуетъ не случайно, но необходимо; необходимость принадлежитъ матеріи, но существующее таково не въ силу необходимости матеріи, хотя и не безъ нея, но въ силу цѣли (λόγος). То и другое начало, но цѣль-высшее; хотя для цѣли матерія необходима, но цѣль содержитъ ее въ своей силѣ, не позволяетъ ей обнаружить свою волю и сдерживаетъ ея внѣшнюю необходимость.

Въ отношеніи энергіи къ возможности, формы къ матеріи, Аристотель усматриваетъ различные моменты. Сообразно съ этимъ различіемъ, является различіе субстанцій, происходящихъ отъ того или другаго соединенія

этихъ противоположностей Первый родъ субстанціи—это субстанція чувственная. Въ ней матерія и форма отдѣлены другъ отъ друга. Она конечна. Эта субстанція подвержена перемѣнѣ, которая состоитъ въ томъ, что субстанція переходитъ изъ одной противоположности въ другую. Противоположности исчезаютъ другъ въ другѣ; третье, себя удерживающее, продолжающееся въ этой перемѣнѣ, есть матерія. Матерія есть мертвая основа, которая сноситъ проходящія по ней измѣненія. Измѣненіе совершается изъ бытія по возможности въ бытіе по дѣйствительности. Такова вещь. На этой степени отношенія дѣятельности къ возможности, моменты соединенія ихъ постоянно распадаются. Съ одной стороны, матерія, какъ общее, субстратъ перемѣнъ, равнодушный къ противоположностямъ; а съ другой, движеніе, какъ чистая дѣятельность; чрезъ нихъ противоположныя опредѣленія формы, отрицающія другъ друга. На высшей степени отношенія энергіи къ возможности является второй родъ субстанціи. Энергія является здѣсь какъ разумное начало, оживотворяющее матерію. Матерія же сама уже не мертвый субстратъ, терпящей пассивно на себѣ дѣятельное начало, но живой, чувствующій организмъ, одухотворяемый энергіей. Моментъ соединенія не представляетъ здѣсь насилія и разспаденія, но гармоническое сочетаніе противоположностей. Высшая степень субстанціи— когда дѣятельность достигаетъ своей цѣли въ себѣ самой (ἐντελέχεια). Это—абсолютная субстанція, сама по себѣ сущая (ἀίδιον), не движимая, но вмѣстѣ движущая, бытіе которой есть чистая дѣятельность. Въ ней нѣтъ матеріи, ибо матерія, какъ такая, есть нѣчто пассивное, терпящее перемѣну. Матерія этой субстаціи есть каждый моментъ ея недвижимаго существованія. Динамія и энергія здѣсь окончательно примирены другъ съ другомъ и не отдѣлимы одна отъ другой, такъ что динамія уже не простая динамія, но моментъ энергіи, и энергія, по существу своему, неразличимая отъ динаміи, находитъ въ ней

не противоположность себѣ, но совершенное тожество съ собою. Здѣсь моментъ соединенія совершенно исчезаетъ: нѣтъ перваго, нѣтъ и послѣдняго; нѣтъ властвующаго, нѣтъ и терпящаго; энергія въ динаміи и динамія въ энергіи.

Образованіе каждой изъ этихъ субстанцій совершается въ средѣ движенія. Движеніе, какъ было замѣчено выше, есть дѣятельность движимаго по возможности; въ этомъ состояніи, оно приходитъ въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что̀ само можетъ двигать, и такимъ образомъ въ отношеніи къ нему является страдательнымъ. Но движущее по возможности имѣетъ цѣль, что̀ составляетъ собственно принципъ и причину движенія. Но такъ какъ движущее таково только относительно движимаго, то дѣятельность обоихъ ихъ одна и та же — именно, движеніе одинаково принадлежитъ и движимому и движущему, и въ немъ онѣ сходятся другъ съ другомъ на цѣли движущаго, которая, какъ принципъ цѣлаго движенія, становится общею ихъ цѣлію; посему дѣятельность ихъ, въ стремленіи къ этой цѣли, совершенно одна и та же, какъ одно и то же отношеніе единицы къ двумъ и двухъ къ единицѣ. Такимъ образомъ, движеніе, хотя, по отношенію къ цѣли, имѣетъ свое начало на сторонѣ движущаго, въ то же время непосредственно есть дѣятельность движимаго. Образовательное движеніе въ тѣхъ субстанціяхъ, матерія которыхъ не есть простая динамія, но только моментъ энергіи, изображается Аристотелемъ какъ круговое движеніе, гдѣ движимое въ кругу движется. Схема этого движенія есть движеніе ума, въ своей дѣятельности въ себя возвращающагося. Въ умственной дѣятельности мыслимое, какъ матерія—и самая мысль, какъ энергія, сходятся другъ съ другомъ въ такой солидарности, что мысль, въ своемъ движеніи движетъ мыслимое, и мыслимое, какъ моментъ мышленія, служитъ залогомъ дальнѣйшаго ея движенія, Поэтому мысль, чрезъ принятіе мыслимаго, мыслитъ не иное что, какъ самое себя; она

сама мыслится, въ то время какъ мыслитъ; такъ что мысль, или энергія мысли и мыслимое есть одно и тоже. Очевидно, что такое движеніе мысли самой въ себѣ есть движеніе круговратное. Таковъ характеръ высшей субстанціи, какъ мысли себя мыслящей, Здѣсь нѣтъ ничего матеріяльнаго, потому что въ матеріяльномъ только возможность, между тѣмъ какъ мысли принадлежитъ только дѣятельность, энергія. Таково божество въ своемъ совершенствѣ, какъ чистая дѣятельность, сущая внѣ всего только возможнаго. Какъ дѣятельность мысли обращена на мысль, такъ и дѣятельность божества обращена на него самого: въ самосозерцаніи себя самого, какъ неизмѣннаго, состоитъ непрестанная и вѣчно равная себѣ его дѣятельность. Поэтому, высшая субстанція есть, по преимуществу, божественная, ибо созерцаніе себя, свойственное мысли, есть собственно непреложная дѣятельность вѣчнаго божества, такъ что присутствіе въ человѣкѣ себя мыслящей мысли приравниваетъ его къ божеству.

Таково, въ общихъ чертахъ, направленіе спекулятивной мысли Аристотеля. Чтобы взглядъ Аристотеля на государство поставить въ соотвѣтствіе съ его спекулятивною мыслію, мы должны прежде всего, относящіяся сюда, соображенія свести къ одному вопросу: съ какою изъ этихъ трехъ субстанцій можетъ быть приведенъ въ естественную связь образъ государства, какъ представлялся онъ нашему философу? Сущность каждой субстанціи опредѣляется степенью близости соединенія въ ней моментовъ динаміи и энергіи. Чѣмъ дальше и произвольнѣе это соединеніе, тѣмъ субстанція ниже, чѣмъ ближе, необходимѣе и естественнѣе, тѣмъ она выше. Произвольность же и необходимость опредѣляются большею или меньшею своеобразностію, большимъ или меньшимъ отчужденіемъ соединяемыхъ началъ, по самой природѣ. Такъ, въ вещи матеріальное начало совершенно чуждо началу энергическому и только насильственно сноситъ его на себѣ. Въ

органическомъ же тѣлѣ матеріяльное начало несравненно ближе къ энергическому, ибо безъ него оно уже, по самому существу своему, не таково, каково при немъ, между тѣмъ какъ въ вещи сущность матеріяльнаго начала остается такою же, какою она была до соединенія матеріи съ энергическимъ началомъ. Въ высшей субстанціи мысль уже совершенно не мыслится безъ мыслимаго.

Обращаясь къ государству, мы можемъ видѣть энергическое начало этой субстанціи въ той силѣ, въ той сущности, которая существуетъ прежде всякаго общества и отдѣльнаго человѣка; динамическимъ же ея началомъ будутъ люди, общество. Но какими условіями соединяются здѣсь эти начала въ индивидуально-личную субстанцію? Въ подобныхъ случаяхъ, нельзя довольно часто не повторять всѣмъ извѣстнаго положенія Аристотеля, что человѣкъ есть πολιτικὸν ζῶον. Съ перваго раза могло бы показаться, что въ этомъ ζῶον его πολιτικὸν тоже, что во всякой другой матеріи возможность быть тѣмъ или другимъ, подъ вліяніемъ энергіи. Но съ точки зрѣнія Аристотеля, въ этомъ животномъ политическое его неразрывно связано съ его сущностію, такъ что нѣтъ возможности оставаться ему самимъ собою, при отрицаніи въ себѣ этой возможности. Между тѣмъ какъ матерія вещи, въ безразличіи, мертвенности своего состоянія, является тою или другою вещію, только подъ вліяніемъ энергіи, — человѣкъ, какъ политическое животное, гражданинъ, и притомъ только гражданинъ, еще прежде образованія государства. Точно также матерія государства не можетъ быть припаровлена къ матеріи втораго рода субстанціи, ибо здѣсь она такова только въ моментъ соединенія своего съ энергіей. Человѣкъ же въ самомъ себѣ, внѣ государства, уже носитъ принципъ энергіи государства, какъ субстанціи. Такимъ образомъ соединеніе моментовъ энергіи и динаміи здѣсь естественно и необходимо. Образованіе субстанціи начинается со стороны возможнаго начала, но въ низшихъ субстанціяхъ дѣятельность обра-

зующая совершенно отдѣлена и чужда возможности; цѣль движенія матеріи заключается здѣсь не въ ея дѣйствительности, а въ томъ, что̀ есть въ ней какъ возможность. Обращаясь къ государству, мы замѣчаемъ, что въ этой субстанціи люди и общество, по взгляду Аристотеля, сами собою, совершенно естественно движутся въ государство, и въ этомъ движеніи достигаютъ реальнаго осуществленія энергіи государственной субстанціи своею собственною дѣятельностью. Такимъ образомъ, матерія государства — не простая пассивная матерія, а только моментъ его недвижимаго существованія. Итакъ, если уже необходимо опредѣлить степень субстанціи государства, то мы должны, не обинуясь, признать, что государство есть субстанція высшаго порядка, равная по степени субстанціи самопознающаго ума. Но принаравливая субстанцію государства къ субстанціи себя мыслящей мысли, мы должны быть особенно осторожны въ томъ, чтобы не перенести государство въ ту сферу отвлеченнаго, въ какую необходимо мы входимъ, при наблюденіи субстанціи мысли.

Съ точки зрѣнія Аристотеля, политическій принципъ до такой степени присущъ человѣку, что внѣ его человѣкъ существуетъ уже внѣ себя самого, и есть или звѣрь, или богъ, какъ говоритъ философъ. Движеніе человѣка можетъ быть не иначе представлено, какъ его личное развитіе; развитіе же въ человѣкѣ его личнаго принципа было для Аристотеля развитіемъ его политическаго. Человѣкъ не остается одинъ. Первое движеніе его — движеніе отъ единичности къ фамиліи — движетъ и самое государство; въ дальнѣйшемъ движеніи человѣка къ роду, селенію, онъ ближе подходитъ къ государству, и государство въ немъ ближе становится къ себѣ самому; наконецъ, въ послѣднемъ движеніи человѣка, государство уже совершенно находитъ въ немъ самого себя. Но во весь процессъ этого движенія человѣка, движилось собственно государство, ибо человѣкъ, какъ такой, оставался недвижимъ, движилось же въ немъ его политическое,

которое совершенно тожественно съ сущностію государства; такимъ образомъ, государство само себя въ себѣ искало, въ себѣ же само себя и нашло. Итакъ, мы видимъ, что матерія государства, въ движеніи своемъ, не подлежитъ перемѣнамъ, не переходитъ изъ одного во что-либо другое, какъ это бываетъ въ субстанціяхъ низшаго рода, но постоянно остается въ себѣ, потому что стоитъ не въ пассивномъ отношеніи къ своей энергіи, а есть только моментъ ея неподвижнаго существованія. Внѣ общества, внѣ человѣка государство не мыслимо; на этой степени, государство тоже что разумъ, что мысль внѣ мышленія: книга съ бѣлыми листами, на которыхъ ничего не написано. Изъ такого состоянія мысль переходитъ въ дѣйствительность, въ себя, когда начинаетъ мыслить; также и государство изъ неподвижнаго, въ своемъ принципѣ замкнутаго состоянія переходитъ въ дѣйствительное, когда начинаетъ дѣйствовать. Но какъ мысль, дѣйствуя, себя мыслитъ, такъ и госусударство — себя дѣйствуетъ: дѣятельность, изъ него происходящая на него же и обращается; цѣль дѣятельности мысли и государства есть таже мысль, то же государство — и здѣсь его божественность. Государство не внѣшняя форма, которую пассивно сноситъ матерія; оно само и форма и матерія, ибо государство, по понятію философа, предшествуя человѣку, само не существуетъ иначе какъ въ немъ; слѣдовательно, оно само себѣ предшествуетъ; поэтому оно матерія и форма, возможность и дѣйствительность въ одно и то же время; такимъ образомъ, высшая, абсолютная, сама по себѣ существующая, божественная субстанція. «Если въ области существующаго, говоритъ Аристотель, есть что-либо самостоятельное и непреложное, то въ немъ есть нѣчто божественное» [1]).

Совершенно иное представлаетъ организація семейнаго общества. Семья образуется двоякимъ соединеніемъ: мужа

1) Μεταφ. XI. 7.

съ женою и господина съ рабомъ. Союзъ мужа съ женою совершенно подобенъ государственному. Отношеніе же господина къ рабу очень близко, по понятію Аристотеля, отношенію души къ тѣлу. Для раба также полезно быть въ подчиненіи господину, какъ тѣлу быть въ зависимости отъ души [1]). Каково же значеніе души въ тѣлѣ? «Душа, говоритъ Аристотель, есть энтелехія физическаго тѣла, имѣющаго жизнь по возможности» [2]). Соображая это, мы замѣчаемъ, что отношеніе господина къ рабу, съ этой точки взгляда, совершенно равно отношенію энергическаго и динамическаго начала во второй субстанціи. Рабъ — существо динамическое, олицетворенная готовность сдѣлаться способнымъ къ той или другой дѣятельности. Дѣйствительное его состояніе подъ властію господина, какъ состояніе тѣла въ зависимоси отъ души, не его собственное, но условленное вліяніемъ на него привходящей въ него энергіи. Что же касается до отношенія отца къ сыну, то оно, если не совершенно равно отношенію господина къ рабу, то гораздо ближе подходитъ къ нему, чѣмъ отношеніе человѣка къ государству; ибо дитя имѣетъ несовершенную добродѣтель, слѣдовательно, только возможность. Чтобы достичь возможнаго въ дѣйствительности, оно подчиняется вліянію высшаго, уже вполнѣ развитаго дѣятельнаго существа, подъ непосредственною властью котораго оно и энергируется.

Метафизическій элементъ во взглядѣ Аристотеля на государство еще болѣе откроется предъ нами тогда, когда мы вникнемъ въ то, какъ понимаетъ философъ отношеніе общества и человѣка къ государству, какъ частей къ своему цѣлому. Для этой цѣли, намъ слѣдуетъ снова обратиться къ ученію Аристотеля объ отношеніи формы къ матеріи.

«Форма явленія, говоритъ Аристотель, (или понятіе

1) Полит. I. 6.
2) Περι ψυχῆς II. 1.

его) не происходитъ; то, что происходитъ, всегда есть из-
вѣстнаго рода соединеніе, опредѣляемое формой. Потому,
еслибы самая форма могла быть произведена, то она
должна была бы быть произведена точно также, какъ и
все, что производится, какъ, напримѣръ, производится
мѣдный шаръ;а мѣдный шаръ производится такъ, что
изъ того, что есть мѣдь, дѣлается то, что есть шаръ».
Слѣдовательно и форма, еслибы была произведена, то
она, какъ нѣчто еще не существующее, была бы сдѣ-
лана изъ чего нибудь существующаго; а то, изъ чего
она была бы сдѣлана, само должно было бы быть сдѣ-
ланнымъ изъ чего нибудь; такимъ образомъ, проис-
хожденіе было бы безконечнымъ, замѣчаетъ Аристо-
тель. Выясняя далѣе свою мысль о формѣ, Аристотель,
въ противность ученію объ идеяхъ, по которому идеи
(формы) сами суть нѣчто *это*, опредѣленное, *τόδε τι*,
утверждаетъ, что форма означаетъ *σημαίνει* собою только
нѣчто такое *τοιόνδε*, но *не есть οὐκ ἔστι* нѣчто это опре-
дѣленное; такое *τοιόνδε* дѣлается этимъ *τόδε* только въ
средѣ предлежащаго (*ὅταν γεννηθῇ*). Такимъ образомъ фор-
ма, по понятію Аристотеля, есть *то чьмъ* что нибудь бы-
ваетъ. Такъ, мѣдь бываетъ шаромъ, камень статуею и т. д.
Здѣсь шаръ и статуя, какъ формы мѣди и камня, не суть
сами эти шаръ и статуя, но только понятія, дѣйствитель-
ное, предлежащее бытіе которыхъ, какъ такихъ, услов-
ливается возможностію мѣди и камня сдѣлаться шаромъ
и статуею. Для того, чтобы былъ дѣйствительный шаръ,
дѣйствительная статуя, мѣдь и камень изъ возможности
быть такими должны перейдти въ дѣйствительные шаръ и
статую. Такой переходъ совершается путемъ движенія ихъ
изъ безразличнаго, безформеннаго состоянія въ состоя-
ніе различія, отдѣльности, въ предѣлы формы. Аристо-
тель различаетъ двоякое движеніе матеріи въ форму: или
посредствомъ внѣшняго агента, или самой отъ себя, ка-
ково движеніе сѣмени, потому что сѣмя само въ себѣ со-
держитъ, какъ возможность, форму того, что будетъ изъ

него, ибо то, изъ чего сѣмя (напримѣръ человѣкъ), одно-
именно съ тѣмъ, что произойдетъ изъ него. Итакъ, ме-
жду тѣмъ какъ элементы художественнаго произведенія су-
ществуютъ раздѣльно одинъ отъ другаго — именно форма
произведенія въ самомъ художникѣ, а матерія внѣ его;
въ произведеніи сѣмени и форма и матерія произведенія
даны непосредственно въ самомъ сѣмени. Слѣдовательно
можно сказать, что въ произведеніи сѣмени матерія
произведенія движется въ форму сама отъ себя.

Указавъ на различное отношеніе, какое по Аристотелю
возможно въ томъ или другомъ явленіи, между формою и ма-
теріею, мы можемъ теперь понять отношеніе частей даннаго
явленія къ его цѣлому. При этомъ форму можно разсматри-
вать или какъ чистую форму, въ ея идеальномъ видѣ, внѣ
матеріи (*εἶδος ἄυλον*), или какъ форму въ матеріи (*εἶδος ἔνυλον*
σύνυλον). Если форма существуетъ матеріяльно, *εἶδος συνει-*
λημένον τῇ ὕλῃ, то она разлагается на составныя свои части;
если же она существуетъ идеально, какъ понятіе, то она не
разлагается на матеріальныя части; такъ, кругъ въ пре-
дѣлахъ матеріи, напримѣръ, мѣдный кругъ распадается на
сѣченія; но кругъ, какъ понятіе, какъ чистая форма, не
состоитъ изъ сѣченій. Отсюда ясно, что понятіе цѣлаго
какъ формы не содержитъ въ себѣ понятія тѣхъ частей,
изъ которыхъ состоитъ оно, будучи въ предѣлахъ мате-
ріи; такъ, полукружія, какъ матеріяльныя части матеріяль-
наго круга, не входятъ въ понятіе круга, какъ такого цѣ-
лаго. Но понятіе цѣлаго содержитъ въ себѣ понятіе ча-
стей, когда эти части не суть матеріальныя, составныя
части чувственно представляемаго понятія, но логическіе
моменты его. Такъ, понятіе слога содержитъ въ себѣ
понятіе звуковъ, какъ свои логическіе моменты, но не
какъ чувственно матеріяльныя части, напримѣръ, звуки
мягкіе или другіе, ибо такіе звуки, хотя составляютъ ча-
сти слога, но уже какъ матерію его, и потому не содер-
жатся въ немъ, какъ въ чистомъ понятіи. Поясняя далѣе
эти положенія, Аристотель говоритъ: «если данная линія

распадается на половины, если человѣкъ разлагается на кости, мясо и т. д., то и линія и человѣкъ, какъ данныя, уничтожаются, потому что половины, какъ части линіи, кости и мясо, какъ части человѣка, не суть части ихъ сущности, части ихъ какъ понятій, но части матеріяльныя; онѣ части уже данныхъ, въ сферѣ чувственныхъ представленій существующихъ предметовъ, а не части формы и понятія, потому онѣ и не содержатся въ логическихъ опредѣленіяхъ этихъ понятій. Итакъ, часть, продолжаетъ Аристотель, есть или часть формы (формою же я называю чистое понятіе) или часть цѣлаго, сложеннаго изъ формы и матеріи». Далѣе Аристотель задаетъ такой вопросъ: «что̀ есть часть формы и что̀ есть часть сложившаяся изъ формы и матеріи»? Рѣшая этотъ вопросъ, онъ говоритъ: то, въ чемъ что нибудь какъ форма является содѣланнымъ, не входитъ какъ часть въ сущность того, что содѣлывается. Такъ мѣдь, камень, дерево не суть части круга, потому что матерія всѣхъ этихъ видовъ существуетъ и отдѣльно отъ круга. Но относительно плоти, костей и другихъ частей, въ которыхъ является форма человѣка — трудно сказать, — замѣчаетъ Аристотель — суть ли они части формы и понятія, или также матеріяльныя части, которыхъ только мы не можемъ отдѣлить». Анализируя далѣе понятіе человѣка, Аристотель утверждаетъ, что человѣкъ, какъ живое существо, не можетъ быть опредѣленъ безъ понятія движенія; движеніе есть существенный моментъ въ опредѣленіи всякаго живаго существа. Такъ, не всякаго рода рука есть часть человѣка, но та лишь, которая способна отправлять извѣстное дѣло. Итакъ, матеріяльныя части человѣка входятъ существеннымъ моментомъ въ его опредѣленіе, не какъ собственно матеріяльныя части, но какъ части движущіяся. А то, что, внѣ этихъ матеріяльныхъ частей человѣка, какъ такого, не встрѣчается, не даетъ повода утверждать, что эти части суть части его, какъ сущности; потому что, если бы всѣ круги встрѣчались

только мѣдные, то мѣдь все-таки не была бы частію формы. Что же касается до математическихъ величинъ, то здѣсь части цѣлаго суть части понятія, потому что математическія величины не суть чувственныя величины. Итакъ, часть формы есть то, что входитъ въ составъ понятія, какъ его логическій моментъ, а части сложившагося изъ формы и матеріи суть тѣ элементы въ цѣломъ, на которые оно распадается, какъ на составныя свои части. Слѣдовательно, матеріяльныя части не входятъ въ понятіе цѣлаго, если цѣлое мыслится, какъ безраздѣльная форма; но тѣ же матеріяльныя части входятъ въ понятіе цѣлаго, какъ сложившагося изъ формы и матеріи.

Примѣняя эти положенія къ государству, мы можемъ видѣть, что государство, какъ форма общественнаго быта, не было для Аристотеля чѣмъ-то происшедшимъ, сдѣлавшимся; произошла не форма, какъ форма, а общественный бытъ въ этой формѣ; государство, какъ такое (ὡς καϑόλου), какъ дѣйствительно сущее есть такимъ образомъ нѣчто сложившееся изъ формы и матеріи. Форма здѣсь есть чистое понятіе государства, матерія же есть масса людей, въ средѣ которой осуществляется государство, какъ дѣйствительно такое. Цѣлое государство, какъ сложившееся изъ формы и матеріи, распадается на свои матеріальныя части, и мыслимое, какъ чистая форма, не содержитъ въ себѣ ихъ; но въ сферѣ понятія, государство, какъ цѣлое, содержитъ въ себѣ понятіе частей, какъ свои логическіе моменты; а эти логическіе моменты понятія государства суть то *политическое* человѣка (πολιτικόν), въ силу чего человѣкъ и является матеріаломъ для осуществленія государства, какъ предлежательно сущаго. Какъ слогъ не мыслится безъ звука, какъ безъ своего логическаго момента, такъ равно и государство не мыслится безъ того качества *политичности*, которое есть существенное качество человѣка; ибо только одаренные этимъ качествомъ, люди могутъ составить изъ себя государство, а безъ него они образовали бы только стадо,

какъ нѣкоторыя животныя, или пчелы. Значеніе этого качества политичности таково, что входя, какъ логическій моментъ въ понятіе государства, оно, какъ личное качество человѣка, опредѣляетъ его собою, какъ матеріалъ для предлежащаго существованія государства. Такое отношеніе въ государствѣ формы къ матеріи даетъ основаніе полагать, что государство, по субстанціи своей, должно быть охарактеризовано иначе, нежели какъ характеризуется субстанціи вещи или животнаго организма. Субстанція государства есть субстанція высшаго рода.

Таковъ метафизическій характеръ взгляда Аристотеля на государство, по которому государство, какъ цѣлое, сложившееся изъ формы и матеріи, распадается на составныя свои матеріальныя части, и эти части, какъ матеріальныя части цѣлаго сложившагося, не содержатся въ понятіи государства. Если же теперь мы спросимъ: что̀ прежде—цѣлое ли государство прежде своихъ частей, или части государства прежде его какъ цѣлаго, — то на такой вопросъ, замѣчаетъ Аристотель, нельзя отвѣчать просто, но напередъ слѣдуетъ опредѣлить болѣе точно, что̀ разумѣется подъ словомъ часть: логическая ли часть понятія, или матеріальная часть цѣлаго, сложившагося изъ формы и матеріи. Тѣ части, которыя составляютъ матерію и на которыя цѣлое распадается, какъ на матерію, позднѣе цѣлаго, но части цѣлаго, какъ понятія суть первыя относительно его, какъ цѣлаго. Сообразно съ этимъ общимъ метафизическимъ взглядомъ Аристотеля на отношеніе частей къ цѣлому, и относительно государства мы должны сказать, что матеріальныя части государства какъ сложившагося позднѣе его какъ такого (ὡς καθόλου), ибо человѣкъ (матеріальная часть госудаства) какъ такой, т. е. какъ истинный человѣкъ можетъ быть опредѣленъ только въ силу государства (его цѣлаго). Какъ не всякій палецъ, по словамъ Аристотеля, есть дѣйствительный палецъ живаго существа, но отрѣзанный,

онъ палецъ только ономически (потому что всякій предметъ, какъ такой, опредѣляется его дѣйствіемъ, а отрѣзанный палецъ не дѣйствуетъ), такъ и человѣкъ, отдѣльно отъ государства, не можетъ быть опредѣленъ, какъ дѣйствительный человѣкъ, но только номинально, а дѣйствительно онъ есть или богъ или звѣрь. Но политическое, какъ логическій моментъ чистаго понятія государства, прежде его, какъ сложившагося цѣлаго. Итакъ, вотъ метафизическое оправданіе знаменитаго положенія Аристотеля о томъ, что по смыслу своей природы государство существуетъ прежде чѣмъ семья и каждый человѣкъ въ отдѣльности. Это положеніе, какъ мы ясно видимъ теперь, условливается тѣмъ метафизическимъ элементомъ, который, какъ сказано, есть у Аристотеля преобладающій элементъ его мышленія въ сферѣ политическаго изслѣдованія. Ибо высказанный въ Политикѣ взглядъ Аристотеля на отношеніе государства какъ цѣлаго къ его частямъ, можетъ быть объясненъ только общимъ метафизическимъ его пониманіемъ отношенія частей къ цѣлому. Такъ какъ политическій элементъ, который, по Аристотелю, есть существенное качество человѣка, есть, какъ мы видѣли, логическій моментъ понятія государства; то это понятіе, какъ форма, только потому и можетъ осуществиться въ массѣ людей, какъ въ своей матеріи, что по качеству своему матерія эта характеризуется какъ въ себѣ самой необходимо носящая форму государства; вслѣдствіе чего, она и не существуетъ какъ безформенная матерія, но будучи матеріей государства, общество, люди въ тоже время суть уже и государство.

Итакъ, въ метафизическомъ своемъ опредѣленіи, государство мыслится Аристотелемъ, какъ чистая, абсолютная субстанція. При такомъ представленіи государства, какъ чистой абсолютной субстанціи, прежде всего ожидается совершенное отрицаніе правленія, какъ отдѣльнаго момента. При такомъ представленіи государства, какіе люди могутъ быть лучшими? Что можно здѣсь назвать

лучшимъ и худшимъ, первымъ и послѣднимъ? Въ этомъ actus purus моменты дѣятельнаго и возможнаго, лучшаго и худшаго слиты и нераздѣльны. Правленіе въ этомъ государствѣ, если можетъ быть какое, то не иное какъ самоуправленіе. Таково, дѣйствительно, прежде всего свойство этого организма для нашего философа, ибо существеннымъ свойствомъ гражданъ считаетъ Аристотель способность властвовать и подчиняться. Но на такомъ представленіи государства остановиться философъ не могъ. Благодаря глубокому пониманію дѣйствительности, благодаря отсутствію въ своемъ умѣ всякихъ фантастическихъ, утопическихъ тенденцій, возведши представленіе о государствѣ на степень спекулятивнаго понятія, онъ очень хорошо сознавалъ, что имѣетъ дѣло не съ простою спекулятивною отвлеченностію, а съ чистою дѣйствительностію. Въ этомъ существенная особенность Аристотеля, въ этомъ его геній — удерживать постоянно самую строгую гармонію между спекулятивнымъ мышленіемъ и опытнымъ наблюденіемъ, смотря на предметъ всегда съ широкой точки зрѣнія спекулятивно-историческаго взгляда. Для идеалиста, ставшаго на такую высокую точку спекулятивнаго взгляда, на которую сталъ Аристотель въ общемъ представленіи государства, — для идеалиста невозможно было бы спуститься отсюда въ низшую среду дѣйствительности, ему естественно было бы тогда отрицать и власть, и подчиненіе, и всякую форму правленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ абсолютномъ существованіи государства возможна ли какая форма правленія, какъ нѣчто отдѣльное? Возможно ли какое скопленіе власти въ одномъ пунктѣ? Въ дѣйствительности же и власть, и извѣстная форма правленія необходимы. Но здѣсь, въ вопросѣ о формѣ, спекулятивное мышленіе должно уступить свое мѣсто опытному, историческому наблюденію. Съ этой точки взгляда для насъ должно быть понятно то, почему, желая опредѣлить наилучшую форму правленія, Аристотель начи-

наетъ изложеніемъ того, какія бываютъ формы, какъ, гдѣ была и развивалась извѣстная форма, при какихъ условіяхъ та или другая форма имѣла полный успѣхъ, что способствовало ея исчезновенію, или переходу въ другую форму, однимъ словомъ, въ рѣшеніи этого вопроса главную и исключительную роль играетъ собственно опытно-историческое мышленіе философа. Здѣсь, въ высшей степени, должна быть для насъ замѣчательна та мысль Аристотеля, что абсолютной совершенной формы политическаго устройства, одной для всѣхъ государствъ, быть не можетъ. Рѣшить вопросъ абсолютно только можно въ сферѣ отвлеченнаго мышленія: но этотъ вопросъ по самой природѣ своей не можетъ быть взятъ отвлеченно, онъ непремѣнно долженъ быть разсматриваемъ въ средѣ дѣйствительности, а въ дѣйствительности все условно. Въ дѣйствительности ни та ни другая форма не представляется съ такими средствами, которыми бы она безусловно могла достигать своей цѣли. Поэтому Аристотель не хотѣлъ и не могъ сказать опредѣленно, какую собственно форму должно избрать государство, ибо съ его точки всякое опредѣленное выраженіе въ отвѣтъ на этотъ вопросъ значило бы только то, что онъ ручается за случайность, такъ какъ и та и другая форма можетъ быть хороша и дурна при извѣстныхъ условіяхъ. Такое случайное достоинство монархической формы правленія философъ высказываетъ очень ясно, когда говоритъ: не сообразно съ природою, чтобы часть повелѣвала цѣлымъ, но это прилично тому, кто имѣетъ превосходство надъ другими [1]. Не имѣя дѣла съ видимостію, случайностію, и въ то же время не желая возводить рѣшеніе вопроса до абсолютнаго положенія, философъ разсматриваетъ его какъ дѣйствительное, какъ условное, какъ историческое явленіе. Съ этой точки зрѣнія, мы позволяемъ себѣ думать, что недоконченность Политики, недостатокъ трак-

1) Полт. III. 11.

тата о лучшемъ государственномъ устройствѣ происходитъ не отъ внѣшняго, посторонняго обстоятельства, не отъ того что Политика, вмѣстѣ съ другими сочиненіями Аристотеля, попортилась въ сырыхъ кладовыхъ наслѣдниковъ Нелея, а имѣетъ причиною сознаніе философа о невозможности организовать совершеннѣйшую форму государственнаго устройства, общую для всѣхъ государствъ...»

«Нѣтъ никакого Аристотелева государства, говоритъ Дальманъ (читаемъ у Моля р. 233), какъ есть Платоново государство; есть только ученіе Аристотеля о государствѣ». Дѣйствительно, Аристотель не создавалъ государства, какъ форму быта, по своему воззрѣнію, но лишь изслѣдовалъ явленіе, какъ оно дано въ дѣйствительности. Аристотель, говоритъ Моль, не представляетъ никакого основнаго положенія касательно собственнаго существа государства. Дѣйствительно, въ общемъ представленіи Аристотеля о государствѣ не дано мѣста юридическому элементу, потому что существенный принципъ государства выводитъ Аристотель не изъ юридическаго начала, а единственно изъ существеннаго момента человѣческой природы. Сообразно съ общимъ настроеніемъ философскаго мышленія Аристотеля — возводить предметъ изъ области условной дѣйствительности въ сферу чистой мысли и здѣсь искать его истины — образъ государства добытъ имъ путемъ самой спекулятивной абстракціи. Государство какъ такое существуетъ для него прежде, нежели существуетъ какое либо государство. Какъ высшій моментъ развитія человѣческой сущности, оно внѣ всякихъ преднамѣренныхъ разсчетовъ; оно продуктъ необходимаго движенія человѣческаго принципа, существующаго самостоятельно и неизмѣнно, въ средѣ условныхъ и измѣняющихся человѣческихъ отношеній. Но этотъ принципъ есть тотъ же принципъ государственный; такимъ образомъ въ этомъ движеніи растетъ государство, въ мѣру возраста личнаго человѣческаго принципа. Для этого движенія государства въ человѣческомъ

принципѣ и человѣческаго принципа въ государствѣ, какъ во всякомъ круговомъ движеніи, какая можетъ быть форма, кромѣ круга, гдѣ каждый моментъ есть въ одно и тоже время моментъ государства и человѣческой личности? Съ этой точки зрѣнія, собственно говоря, ни одна форма, въ которой государственный принципъ сжатъ, собранъ въ одномъ моментѣ, для Аристотелева государства не есть форма органическая. Каждая такая форма должна низвести государство съ высоты его абсолютнаго совершенства. При такомъ пониманіи, естественно, что Аристотель не остановился исключительно на той, или другой формѣ политическаго устройства, какъ на лучшей, совершенно удовлетворяющей своему содержанію. Но понятно, что, имѣя дѣло съ реальнымъ, историческимъ явленіемъ, онъ не могъ обойти молчаніемъ ни одной изъ нихъ. Здѣсь, въ этой сферѣ дѣйствительнаго, на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о томъ, какая изъ существенныхъ формъ, по крайней мѣрѣ, менѣе нарушаетъ гармонію государственной сущности. А вся сущность государства главнымъ образомъ сосредоточена въ томъ, что всякое движеніе, всякій интересъ въ немъ есть общее достояніе цѣлаго организма. Отсюда, тѣ формы политическаго устройства, гдѣ правительство преслѣдуетъ общій интересъ всего государства и каждаго изъ его членовъ, суть формы правильныя; между тѣмъ какъ тѣ формы, гдѣ общественный интересъ стягивается въ интересѣ одного правительства и совершенно въ немъ пропадаетъ, суть формы не правильныя, ибо онѣ уже совершенно разрушаютъ государственную субстанцію въ самомъ ея принципѣ.

II.

Критическое изслѣдованіе вліянія историческихъ обстоятельствъ на политическое ученіе Аристотеля.

Еслибы кто сказалъ, что связь общаго направленія спекулятивной мысли Аристотеля со взглядомъ его на государ-

ство не такъ крѣпка и очевидна, не такъ естественна, какъ она кажется намъ; въ такомъ случаѣ, вполнѣ сознавая узкость этого взгляда, мы не сочли бы нужнымъ останавливаться на такомъ, очевидно, ложномъ возраженіи. Но если есть возраженіе съ другой стороны, если, не стараясь провести естественную связь между политическимъ и спекулятивнымъ направленіемъ философа, указываютъ на другія, внѣшнія, случайныя обстоятельства, съ которыми приводятъ въ связь его политическое убѣжденіе; въ такомъ случаѣ мы должны принять въ разчетъ такое возраженіе, потому что всякое другое мнѣніе, которому мы дадимъ мѣсто, будетъ свидѣтельствовать о несостоятельности нашего собственнаго. Къ такимъ внѣшнимъ, случайнымъ обстоятельствамъ относится, по нашему мнѣнію, царственное достоинство современной Аристотелю личности Александра Великаго, съ чѣмъ хотятъ привести въ связь уваженіе философа къ божественной формѣ царскаго правленія. Такъ, находимъ у Гегеля такое мнѣніе, будто, вознося до апотеозы царскую личность, Аристотель имѣлъ въ виду Александра Великаго. «Безъ сомнѣнія, говоритъ Гегель, въ этомъ случаѣ носился предъ Аристотелемъ образъ его Александра, который господствовалъ подобно богу и надъ которымъ никто не могъ господствовать, даже самый законъ.» Другое, относящееся сюда мнѣніе, есть мнѣніе Шлоссера. Шлоссеръ думаетъ, что Аристотель, утверждая за царемъ божественное достоинство, имѣлъ въ виду сдѣлать комплиментъ воспитаннику своему Александру. Повидимому, странно разрывать эту связь современнаго развитія монархической власти и уваженія къ ней философа, съ перваго раза какъ будто такъ очевидную въ его Политикѣ. Но связи между тѣмъ и другимъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакой — и здѣсь все ложно: въ отношеніи историческомъ и въ отношеніи критическаго пониманія Политики Аристотеля. Ложно, вопервыхъ, то что Аристотель сочуствовалъ военному абсолютизму Александра; вовторыхъ, ложно то, что Аристотель дѣйствительно оказывалъ какое-либо особенное уваженіе монархическому устройству предъ всѣми другими формами политическаго быта.

Обратимъ теперь вниманіе на ученіе Аристотеля о формахъ государственнаго устройства. Вопросъ о томъ, кому должна принадлежать верховная власть въ государствѣ, рѣшается Аристотелемъ просто, что она должна принадлежать лучшему. Но кто лучше? Вопервыхъ, законъ, или человѣкъ? Далѣе, одинъ ли лучшій, или нѣсколько таковыхъ? Или, наконецъ, большинство вообще, хотя бы и не лучшихъ абсолютно лучше меньшинства, по своему количеству? Это глубокое основаніе *лучшаго*, на которомъ, по Аристотелю, должно опираться право верховной власти, и было причиною того, что философъ, какъ мы уже замѣтили, не призналъ абсолютнаго преимущества ни за какою формой политическаго устройства. Потому что не та или другая хорошая форма политическаго устройства дѣлаетъ извѣстныя лица достойными правительственной власти; но наоборотъ, достоинство правительства опредѣляетъ, по Аристотелю, достоинство самой формы политическаго устройства. Общее же условіе достоинства всякаго правительства, какъ мы уже видѣли, состоитъ, по Аристотелю, въ томъ, чтобы оно заботилось объ общемъ благѣ всѣхъ гражданъ и властвовало надъ ними, какъ надъ существами свободными. Поэтому всякое правительство, удовлетворяющее этому требованію, можетъ быть названо хорошимъ правительствомъ. Трудный вопросъ состоитъ здѣсь въ томъ, какое правительство наиболѣе можетъ удовлетворить этому требованію. Рѣшая этотъ вопросъ, Аристотель говоритъ: неправильны притязанія на власть тѣхъ, которые опираются въ этомъ случаѣ на свое богатство, на свое происхожденіе; потому что если въ средѣ нихъ есть кто-нибудь одинъ, превосходящій всѣхъ богатствомъ, или благородствомъ происхожденія, то по тому же самому праву онъ долженъ

властвовать надъ всѣми остальными. Но съ другой стороны, множество, замѣчаетъ Аристотель, сравнительно съ тѣми, которые притязаютъ на верховную власть, на основаніи своего личнаго достоинства, и сравнительно съ тѣми, которые опираются въ этомъ случаѣ на свое богатство — имѣетъ, повидимому, на своей сторонѣ болѣе справедливое основаніе для власти, потому что множество, въ совокупности его членовъ, конечно, лучше и богаче меньшинства. Между тѣмъ, преимущество большинства предъ меньшинствомъ не исключаетъ въ мысли Аристотеля представленія о томъ, что въ числѣ гражданъ можетъ быть одинъ, абсолютно превосходящій другихъ своимъ личнымъ достоинствомъ. Такого человѣка, замѣчаетъ Аристотель, никто, конечно не сочтетъ за нужное изгнать изъ государства, а съ другой стороны, никто не можетъ имѣть притязанія властвовать надъ нимъ: это было бы похоже на то, еслибы люди захотѣли властвовать надъ Зевсомъ. Остается только всѣмъ охотно повиноваться ему [1]). Таково положеніе Аристотеля, на которое обыкновенно указываютъ критики, заключая отсюда, что Аристотель предпочитаетъ монархію всякой другой формѣ политическаго устройства. Но что̀ на самомъ дѣлѣ говоритъ Аристотель? Онъ говоритъ, что монархія дѣйствительно есть одна изъ наилучшихъ формъ политическаго устройства, когда монархъ лице нравственно совершенное. Указывая на это опредѣленіе монархіи, какъ наилучшей формы политическаго устройства, Кантъ справедливо видитъ въ немъ тавтологію, потому что здѣсь говорится только то, что лучшее устройство есть то, въ которомъ правительственная власть находится въ рукахъ лучшихъ правителей, т.-е. то, замѣчаетъ Кантъ, которое лучше [2]). Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель цѣнитъ монархію, не всякую, какова бы она ни была, но ту, гдѣ

1) Полит. III. 8.

2) Кантъ. Metaph. der Sitten § 51 стр. 176.

монархъ дѣйствительно есть лице наилучшее изъ всѣхъ. Такимъ образомъ, онъ цѣнитъ монархическое устройство государства, какъ необходимое слѣдствіе того, что среди гражданъ есть одно лице, обсолютно наилучшее всѣхъ прочихъ. На этомъ же основаніи, если только можно найдти большинство людей подобныхъ тому лучшему, который, на основаніи своего преимущества, долженъ быть одинъ правителемъ государства, Аристотель предпочитаетъ аристократію всякой другой формѣ политическаго устройства — даже самой монархіи [1]). Такимъ образомъ, какъ замѣчено уже выше, Аристотель не отстаивалъ ни ту ни другую форму политическаго устройства, какъ абсолютно наилучшую. Утверждая, что верховная власть въ государствѣ должна принадлежать наилучшему, Аристотель, какъ сказано, требуетъ, чтобы властвующій властвовалъ надъ своими подданными, какъ надъ свободными, притомъ, въ интересахъ ихъ благосостоянія, а не своего собственнаго. Итакъ, свобода гражданъ — вотъ основной политическій принципъ, который, по Аристотелю, долженъ лежать въ основѣ всякой хорошей формы политическаго устройства.

Но обратимся къ исторіи. Дастъ ли она хоть какое-нибудь основаніе думать, что историческія обстоятельства могли имѣть какое-нибудь вліяніе на историческое ученіе Аристотеля.

Могъ ли Аристотель въ правительственномъ абсолютизмѣ Александра находить всѣ условія лучшаго правительства, какимъ представляетъ онъ его въ Политикѣ — вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго должно зависѣть то, принять или не принять вышеприведенныя мнѣнія о вліяніи Александра на политическія убѣжденія философа.

Что между философомъ и Македонскимъ дворомъ вообще были дружественныя отношенія, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Лестное письмо Филиппа къ Аристотелю, въ

1) Полит. III. 10.

которомъ онъ благодаритъ боговъ не столько за то что у него родился сынъ, сколько за то, что онъ родился во времена Аристотеля; интимная переписка Александра съ своимъ наставникомъ; забота Македонскаго царя собрать богатую коллекцію разныхъ заморскихъ растеній и животныхъ для занятій философа; наконецъ, возстановленіе разрушенной Филиппомъ родины Аристотеля Стагиры, по ходатайству философа — все это очень ясно говоритъ въ пользу самыхъ близкихъ, дружественныхъ отношеній между наставникомъ и воспитателемъ. Изображая отношенія Александра къ Аристотелю, Нибуръ говоритъ: «онъ былъ расположенъ къ Аристотелю, но вѣдь и левъ и тигръ чувствуютъ нѣкотораго рода дружбу къ воспитателямъ и хранителямъ ихъ юности, пока наконецъ хищный звѣрь не войдетъ во все свое звѣрство». [1]) И дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, воспитанный Аристотелемъ тигръ, разсвирѣпѣвъ, едва не кинулся въ послѣдствіи на своего воспитателя. Такимъ образомъ, хотя между царемъ и философомъ и была нѣкоторая дружба, но выводить отсюда то мнѣніе, что политика Македонскаго завоевателя находила себѣ горячаго приверженца въ греческомъ философѣ, едвали есть какое либо логическое основаніе. При всемъ космополитизмѣ Аристотеля по его спекулятивному направленію, мы должны смотрѣть на него, какъ на истую греческую личность. Вспомнимъ только то, какъ онъ говоритъ о значеніи греческой націи, въ кругу другихъ; вспомнимъ его рѣзкія сужденія о всѣхъ варварахъ, какъ синонимѣ рабовъ — и мы должны будемъ согласиться, что національное чувство гелленизма было живо въ его душѣ. А Александръ не былъ гелленомъ; популярный между Греками, производя даже миѳически свой родъ отъ Грековъ, онъ, по замѣчанію Нибура, былъ столько же чуждъ Грекамъ, сколько Наполеонъ — Французамъ. [2]) После этого, могъ ли Аристотель сочувствовать политикѣ Македонскаго двора, которая безжалостно смѣялась надъ чувствомъ Грековъ, равняя ихъ съ другими народами — варварами? Могъ ли онъ въ этой политикѣ видѣть начало той истинной политики, которая представлялась ему, съ точки зрѣнія его гелленизма? Какъ воспитатель, какъ частный человѣкъ, Аристотель могъ быть въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Филиппа и сходиться съ пылкимъ Александромъ въ энергическомъ стремленіи ко всякаго рода познаніямъ. Но какъ Грекъ, какъ родной сынъ Геллады, онъ не могъ сочувствовать воинственнымъ стремленіямъ Македонскаго завоевателя. Что Греки не охотно подчинились Александру, это можно видѣть изъ тѣхъ чувствъ, которыми наполнены были сердца всѣхъ, при извѣстіи о его смерти. Разсказываютъ, что когда въ Аѳины пришло первое извѣстіе о смерти Александра, то ораторъ Демодъ воскликнулъ: «это не справедливо; если бы Александръ умеръ, то вся вселенная наполнилась бы запахомъ его трупа.» Такое грубое, по выразительное мнѣніе, замѣчаетъ Гротъ, свидѣтельствуетъ о непосредственномъ, сильномъ и глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ внезапною смертію великаго завоевателя. Таково было чувство каждаго изъ многихъ пословъ, которые такъ недавно пришли умилостивлять этого далеко-метающаго Аполлона; таково было чувство всякаго, принадлежавшаго къ тѣмъ націямъ, которыя посылали этихъ пословъ... [1]) Если дѣйствительно таково было общее чувство современниковъ, то мудрено, чтобы не раздѣлялъ его Аристотель. Онъ могъ, пожалуй, не сочувствовать тому крайне—демократическому настроенію, которое возымѣло тогда силу въ обществѣ, онъ могъ по этому поводу удалиться изъ Аѳинъ; но гдѣ же во всемъ этомъ основаніе думать, что онъ сочувствовалъ обсолютизму Александра? Философъ могъ бы сочуствовать воин-

1) Niebuhr. Vorträge über alte Geschichte B. 2, стр. 420.

2) Ibid стр 418.

1) Grote. History of Greece Vol, XII p. 346—7.

скимъ стремленіямъ своего воспитанника, если бы эти стремленія выходили изъ гелленскаго начала и имѣли въ виду возвышенныя цѣли, сообразныя съ задачею гражданственности, какъ представлялась она нашему философу. Но каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ характеръ Александра? Каковы были его воинскія стремленія? Въ этомъ случаѣ, Гегель — историкъ Греческой мысли и Гротъ — историкъ Греческой политики совершенно противорѣчатъ другъ другу. Но понятно, что выборъ между ними для насъ не можетъ быть сомнителенъ. Для Гегеля личность Александра является во всемъ блескѣ греческаго характера: онъ передовой человѣкъ современной Греціи, выполнитель ея интересовъ. «Александръ, говоритъ онъ, исполнялъ планъ задуманный его отцемъ: — во главѣ Грековъ, отмстить Азіи за Европу и подчинить Азію Греціи. Александръ далеко по Азіи разнесъ греческое образованіе, стараясь поднять до уровня Греческаго міра эту дикую, разрушающуюся и въ себѣ распадающуюся смѣсь самаго высшаго невѣжества и грубости, эти страны, погруженныя въ совершенный сонъ и находящіяся въ отрицаніи духа.» [1])

Нельзя ничего придумать, что̀ болѣе противорѣчило бы этому мнѣнію, какъ мнѣніе Грота. Для послѣдняго, въ продолженіе одиннадцати лѣтъ — отъ перехода Александра чрезъ Геллеспонтъ (334 г.) до его смерти (323 г.) — въ исторіи Греціи является пробѣлъ, исключая немногихъ, тамъ и сямъ разсыпанныхъ, происшествій. Только со смертію Александра, греческіе граждане вступаютъ въ дѣятельное движеніе [2]). Греки такимъ образомъ никогда не могли примириться съ мыслію быть подъ властію Александра. Гротъ желалъ бы вычеркнуть изъ исторіи Греціи тѣ страницы, на которыхъ приходится ему разсказывать войны Александра въ Персіи. «Хотя этотъ

1) Hegel. Geschichte der Philos. B. 11, стр. 268—9.
2) Grote. Ibid. стр. 67—68.

походъ, говоритъ онъ, былъ предпринятъ Александромъ подъ предлогомъ пангреческой мести за бывшее нашествіе Ксеркса на Грецію, но историкъ усматриваетъ здѣсь совершенно другія цѣли. Онъ былъ предпринятъ во-первыхъ съ тѣмъ, чтобы въ глазахъ самого Александра прославить это предпріятіе, потому что духъ его былъ склоненъ къ религіознымъ и легендарнымъ ощущеніямъ, и онъ охотно отожествлялъ себя съ Агамемнономъ или Ахиллесомъ, стараясь обезсмертить себя, какъ исполнителя общей мести всѣхъ Грековъ за Азіатское нашествіе. Потомъ, давъ такое пангелленское значеніе этому походу, Александръ хотѣлъ сохранить между Греками спокойствіе во время своего отсутствія, ибо, прибавляетъ Гротъ, Александръ и самъ очень хорошо зналъ, что истинныя чувства Грековъ были скорѣе противны, чѣмъ благопріятны его предпріятіямъ» [1]). Касательно колонизаціи Гротъ сомнѣвается, чтобы всѣ колоніи, приписываемыя Александру въ Азіи, дѣйствительно ему принадлежали. Причиною сомнѣнія онъ выставляетъ то обстоятельство, что Арріанъ умалчиваетъ о многихъ изъ нихъ и перечисляетъ только нѣкоторыя. Притомъ, краткость жизни Александра заставляетъ сомнѣваться въ этомъ [2]). Что же касается до распространенія Александромъ гелленизма въ Азіи, то Гротъ рѣшительно возстаетъ противъ этого. «Гелленизмъ, говоритъ онъ собственно такъ называемый, — совокупность греческихъ обычаевъ, чувствованій, энергіи и ума, проявлявшихся у Грековъ въ продолженіе всей эпохи ихъ автономіи — никогда не проникалъ въ Азію; высшія свойства греческаго духа и внутренній характеръ греческихъ учрежденій остались ей чужды. Все, что прошло въ Азію, было слабымъ и частнымъ подражаніемъ гелленизму, носило на себѣ поверхностный отпечатокъ

1) Grote. Ibid. стр. 69.
2) Ibid. стр. 360. Примѣч.

оригинала»[1]). Таковы были истинныя слѣдствія воинскихъ предпріятій Александра. Но такой исходъ дѣла прежде всего имѣлъ своимъ основаніемъ личныя тенденціи завоевателя. Неутомимый, дѣятельный Александръ стрѣмился только къ однимъ побѣдамъ. Его самолюбіе, говоритъ Арріанъ, ничѣмъ не могло быть удовлетворено, какъ покореніемъ всего извѣстнаго тогда населеннаго міра. Нибуръ, стараясь какъ будто представить личность Александра въ болѣе свѣтломъ видѣ, хотя и говоритъ, что онъ далъ новой видъ всему міру, что онъ началъ то, что должно быть совершено теперь — это господство Европы надъ Азіею; но и Нибуръ, кажется, не считаетъ такой результатъ дѣятельности Александра за сознательную его цѣль. Напротивъ, онъ смотритъ на него, только какъ на замѣчательное явленіе ума и таланта [2]). А Гротъ еще рѣзче высказывается въ этомъ случаѣ. «Отдѣльно отъ превосходныхъ заслугъ Александра, какъ воина и полководца, говоритъ Гротъ, нѣкоторые авторы приписываютъ ему честь за его великія и благодѣтельныя цѣли, къ которымъ онъ велъ своихъ подданныхъ, и за стремленія, въ высшей степени, благопріятныя для всего человѣчества. Я не вижу никакого основанія принять такое мнѣніе. Пріобрѣтеніе владычества надъ всей вселенной, понимая это не метафорически, но буквально, тѣмъ болѣе что географическія свѣдѣнія того времени были недостаточны,— было господствующею страстію его души. На всякое новое пріобрѣтеніе Александръ смотрѣлъ, какъ на капиталъ для дальнѣйшихъ пріобрѣтеній. Трудно доказать, какимъ образомъ эта безпредѣльная власть могла быть управляема высшими цѣлями о пользѣ тѣхъ, кто былъ ей подчиненъ. Постоянное стремленіе отъ побѣды къ побѣдѣ занимало всю жизнь всемірнаго завоевателя, не оставляя ему времени для разныхъ предпріятій, согласныхъ съ ми-

1) Niebuhr. Ibid. стр. 363—4.
2) Niebuhr. Ibid. стр. 418—21.

ромъ и спокойствіемъ, если только мы дадимъ вѣру тому, что подобныя стремленія существовали у него въ теоріи. Въ отношеніи разсудочной дѣятельности и своего генія, говоритъ далѣе нашъ историкъ, Александръ былъ въ полномъ смыслѣ Гелленомъ, а по своимъ намѣреніямъ и цѣлямъ онъ всего менѣе былъ имъ». [1]) Съ этой точки зрѣнія смотря на Македонскаго героя, Гротъ не признаетъ большаго вліянія на него со стороны его наставника. Личныя сношенія философа съ Александромъ не были продолжительны. Три, четыре года не могли установить между ними строгія, разумныя отношенія, тѣмъ болѣе что это время было временемъ самой первой юности Александра, когда онъ, по своему горячему термераменту, бросался безъ различія въ какую угодно игру свободной мысли. Между тѣмъ какъ для Гегеля все великое въ умѣ и дѣйствіяхъ Александра есть самое лучшее свидѣтельство о благодѣтельныхъ слѣдствіяхъ, какія имѣло на него воспитаніе Аристотеля [2]), — Гротъ, въ минуту самаго высшаго развитія величія Александра, усматриваетъ въ немъ его восточный темпераментъ. «Представлять Александра сыномъ Геллады, говоритъ онъ, принявшимъ въ себя политическій принципъ Аристотеля и готовымъ для пользы человѣчества на систематическое распространеніе Греческаго образованія, по моему мнѣнію, значитъ цѣнить его вопреки очевиднымъ свидѣтельсвамъ. Говорятъ, что Александръ слѣдовалъ наставленію Аристотеля въ лучшемъ способѣ колонизаціи; но его природа, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ азіатскихъ войнъ, до того измѣнилась, что онъ не только началъ терять всякое уваженіе къ мнѣніямъ Аристотеля, но даже сталъ жестоко его ненавидѣть. Хотя наставленія философа Александру не сохранены, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ право утверждать вообще, что онъ совѣтовалъ Александру поступать съ Гре-

1) Grote. Ibid. стр. 349—50, 352—3—4—7.
2) Hegel. Ibid. стр. 267.

ками, какъ ихъ предводитель или президентъ (ἡγεμονικῶς — говоритъ Плутархъ), а съ варварами, какъ ихъ господинъ. Греческій философъ не думалъ, чтобы Азіатцы были способны къ свободной гражданской политикѣ, на которой основывался успѣхъ всякаго греческаго союза. Кажется, Аристотель не желалъ низвести Азіатцевъ ниже того уровня, къ которому они привыкли, но онъ желалъ спасти Грековъ отъ начинающагося въ то время нисхожденія ихъ къ этому уровню. Но Александръ не сознавалъ подобнаго различія, представленнаго его учителемъ. Онъ одинаково обращался съ Греками и Азіатцами, не возвышая послѣднихъ, но стараясь унизить первыхъ. Хотя онъ пользовался всѣми безъ разбора какъ средствами, однако, свободную рѣчь какъ Грековъ такъ и Македонянъ онъ находилъ въ такой степени низкою и презрѣнною, что его благорасположеніе болѣе и болѣе обращалось на сторону рабскихъ азіатскихъ чувствъ и обычаевъ. Вмѣсто того, чтобы гелленизовать Азію, онъ старался азіатить Македонію и Элладу. (Instead of hellenizing Asia, he was tending to asiatize Macedonia and Hellas). Его характеръ, измѣнившійся вслѣдствіе нѣсколькихъ лѣтъ постоянныхъ завоеваній, сдѣлалъ его совершенно неспособнымъ исполнять все то, что предлагалъ ему Аристотель въ отношеніи Грековъ. Какъ персидскій царь, или какъ французскій императоръ Наполеонъ, онъ былъ совершенно не способенъ снести частное пораженіе или замѣчаніе со стороны свободной критики, что̀ неразлучно съ положеніемъ ограниченнаго правителя [1]). Можетъ быть, Аристотель и имѣлъ въ виду распространеніе геллинизма за предѣлы Греціи, можетъ быть, онъ и льстилъ себя надеждою, что всемірныя завоеванія Александра такъ или иначе приведутъ къ этой желанной цѣли; но странно было бы приписывать эту цѣль самому Александру и предполагать, что философъ не

1) Grote. Ibid. стр. 367. — 8. — 9.

могъ самъ видѣть въ завоевателѣ того, что въ немъ видѣли всѣ, и уважалъ бы въ немъ чуждые ему гелленскіе принципы. Если такъ далеко расходились между собою политическія убѣжденія Аристотеля и завоевательныя стремленія Александра, если мы имѣемъ положительное свидѣтельство Плутарха, что Александръ не слѣдовалъ политическимъ наставленіямъ философа, то смѣшно было бы думать, что Аристотель, подъ вліяніемъ воинскаго абсолютизма македонскаго царя, вознесъ царскую власть до божественнаго достоинства. Кромѣ того, есть основаніе думать, что личныя отношенія философа къ своему воспитаннику не были всегда въ пользу чувства уваженія Аристотеля къ Александру. Конечно, мы не имѣемъ никакого права принимать тотъ вымыселъ, будто бы Аристотель участвовалъ въ намѣреніи Антипатра отравить Александра, тѣмъ не менѣе можно сомнѣваться въ продолжительности дружбы между ними. Извѣстно, что Александръ претендовалъ на божественное происхожденіе и принималъ отъ другихъ божескія почести. Эти церемоніи особенно были въ ходу въ продолженіе пира Александра, по случаю женитьбы его на Роксанѣ, въ Бактріи. Здѣсь философъ Анаксархъ публично высказалъ божественное достоинство Александра и требовалъ ему отъ всѣхъ адораціи. Хотя многіе, говоритъ Гротъ, не сочувствовали признанію за Александромъ той чести, какую приписывали ему другіе, но боялись быть замѣченными въ нерасположеніи къ нему. Судьба Клита была у всѣхъ въ глазахъ. Наконецъ, чувство большинства нашло себѣ органъ въ Калисѳенѣ. Нельзя, кажется, вмѣстѣ съ Грановскимъ, видѣть въ этотъ философѣ просто злоумышленнаго заговорщика. Равнымъ образомъ, мы не видимъ основанія, по которому Нибуръ описываетъ Калисѳена, какъ человѣка двуличнаго. Прежде всего, странно, конечно, звучатъ тѣ слова, которыми великій историкъ опредѣляетъ этого философа. Онъ былъ *софистъ*, говоритъ Нибуръ, *хотя и родственникъ* Аристотеля. За

тѣмъ, описывая Калисѳена, Нибуръ говоритъ: «есть ха-
рактеры подвижные, имѣющіе склонность къ тому, чтобы
не стоять внѣ своего времени, но способные войдти въ
него, если даже оно и противорѣчитъ ихъ духу. Они
принимаютъ такой внѣшній видъ, посредствомъ котораго
нравятся современникамъ и вступаютъ съ ними въ сно-
шенія; внѣшнимъ образомъ они даже солидарничаютъ
съ властителями своего времени, преклоняются предъ
той victrix causa, quae diis placuit, а внутри себя но-
сятъ чувство досады и недовольства тѣмъ, что обстоя-
тельства времени таковы и что они не могутъ измѣ-
нить ихъ. Таковъ былъ Калисѳенъ.» Такъ понимаетъ
Нибуръ Калисѳена [1]). Напротивъ, Гротъ видитъ въ немъ
нѣчто другое. «Трагическая судьба этой личности, по
словамъ Грота, возбуждаетъ къ себѣ глубокое чув-
ство симпатіи и уваженія» [2]). Дѣйствительно, обстоятель-
ство, послужившее основаніемъ для Александра преслѣ-
довать Калисѳена, было совершенно другое, нежели уча-
стіе его въ возмущеніи юношей. Юноши при допросѣ
не показали на Калисѳена, чего желалъ бы Александръ.
Это обстоятельство было совершенно постороннее, давшее
только поводъ Александру начать публичныя обвиненія
противъ Калисѳена. Настоящая же причина неудоволь-
ствія Александра на философа заключалась въ томъ, что
послѣдній не оказалъ божеской почести Александру, какъ
предложилъ то Анаксархъ и какъ исполнили это нѣкото-
рые. Какъ въ послѣдствіи многіе Римскіе Императоры,
Александръ, хотя формально и оказывалъ нерасположеніе
этой толпѣ льстецовъ и софистовъ, которые чтили его
за бога, однако, какъ всегда бываетъ, строго наблюдалъ
за тѣмъ, чтобы на самомъ дѣлѣ кто не поставилъ его

1) Niebuhr. Ibid. стр: 411. 492.

2) Grote Ibid. стр. 302. His tragical fate excited a profound sentiment of sympathy and indignation among the philosophers of antiquity.

въ уровень съ окружающею средой. Калисѳенъ былъ одинъ изъ тѣхъ, который публично снялъ съ Александра окружавшій его чело ореолъ божеской чести. Въ этой публичности, въ этой гласности, съ которою онъ протестовалъ своею энергическою рѣчью противъ апотеозы царя, выказалось какъ его личное убѣжденіе, такъ равно, по мнѣнію Курція, голосъ прочихъ, въ особенности старцевъ, которымъ тяжело было такое крайнее извращеніе старинной нравственности. Странно думать, чтобы Аристотель не раздѣлялъ мнѣнія этихъ старцевъ и самого Калисѳена, съ которымъ онъ находился въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ. Но кромѣ этого, изъ писемъ Александра къ нѣкоторымъ лицамъ, сохраненныхъ у Плутарха, можно ясно видѣть, что Александръ считалъ своего наставника на сторонѣ Калисѳена. Эти письма обличаютъ тревожное состояніе духа Александра: объ одномъ обстоятельствѣ въ разныхъ письмахъ онъ говоритъ различно; такимъ образомъ, эти письма свидѣтельствуютъ, что обвиненіе Калисѳена въ участіи его въ заговорѣ юношей не имѣло никакихъ юридическихъ основаній и было дѣломъ личнаго произвола Александра, желавшаго наказать философа за непризнаніе имъ его божескаго достоинства. «Я накажу софиста, писалъ Александръ къ Антипатру, накажу и тѣхъ, которые его выслали, и тѣхъ, которые дали въ своихъ городахъ убѣжище злоумышлявшимъ противъ меня». Софистъ Калисѳенъ, продолжаетъ Гротъ, былъ посланъ (спутникомъ Александру въ его персидскомъ походѣ) Аристотелемъ... Невозможно, чтобы онъ (Аристотель) принималъ участіе въ заговорѣ юношей. Въ этомъ дикомъ порывѣ угрозы противъ отсутствующаго наставника, Александръ обнаружилъ истинное состояніе своего чувства, которое побуждало его преслѣдовать Калисѳена — ненависть къ тому гражданскому духу и къ той свободѣ слова, которую не только имѣлъ Калисѳенъ, вмѣстѣ съ Аристотелемъ и другими учеными Греками, но которую онъ смѣло обнару-

жилъ въ своемъ протестѣ противъ предложенія обоготворить смертнаго [1]).

Такую-то коллизію открываетъ исторія между политическими убѣжденіями Аристотеля и властолюбивыми притязаніями Александра. Ужели, послѣ этого, можно думать, что философъ, расходившійся съ Македонскимъ царемъ въ самыхъ принципахъ своихъ политическихъ убѣжденій и нашедшій въ немъ, по этому случаю, своего недоброжелателя, могъ быть въ то же время настолько подъ его вліяніемъ, чтобы рисовать съ него портретъ своего божественнаго царя, или дѣлать ему комплименты? Но кромѣ этихъ историческихъ указаній, въ самой Политикѣ Аристотеля можно встрѣтить нѣсколько такихъ намековъ на Александра, которые рѣшительно, по нашему мнѣнію, не позволяютъ считать философа политическимъ его другомъ. Сюда относятся всѣ тѣ мѣста Политики, гдѣ говорится о значеніи завоеваній и о тѣхъ, которые заботятся о расширеніи своей власти. Но изъ всѣхъ этихъ указаній приведемъ одно мѣсто, гдѣ Аристотель говоритъ о современномъ состояніи монархіи. Излагая условія, способствующія разрушенію царства, или переходу его въ другую форму правленія, Аристотель говоритъ: въ наше время царства уже не существуетъ болѣе; если есть какія-либо монархіи, то онѣ скорѣе могутъ быть названы тиранніями.... Потому что если кто силою завладѣетъ не желающими покоряться одному, тотъ уже тираннъ. [2]) Спрашивается, отозвался ли бы такъ Аристотель о своемъ времени, если бы царство Александра имѣло сходство съ тѣмъ царствомъ, которое, вмѣстѣ съ другими формами, представлялось ему какъ лучшая форма политической жизни? Дѣло въ томъ, что, допуская вліяніе Александра на политическія убѣжденія Аристотеля, мы не только дѣлаемъ произвольный разрывъ общаго теченія всей его фи-

1) Grote. Ibid. стр. 301—2. О судьбѣ Калисѳена 290 и слѣд.
2) Полит. III.

лософской мысли, но даже лишаемъ его самостоятельности въ его личномъ мышленіи. Ибо, если дѣйствительно Аристотель имѣлъ особенное уваженіе къ монархической формѣ политическаго устройства, то общій взглядъ его на государство долженъ находиться въ естественномъ соотвѣтствіи и строжайшемъ примѣненіи лишь только къ этой, а не другой какой-либо формѣ. Если же, съ другой стороны, уваженіе къ монархической формѣ образовалось у Аристотеля подъ вліяніемъ Александра и высказано имъ какъ комплиментъ ему, то вся его Политика должна потерять въ нашихъ глазахъ всякое значеніе и существовать только какъ памятникъ комплимента философа своему воспитаннику......

Въ объясненіи политическаго ученія Аристотеля изъ обстоятельствъ окружающей дѣйствительности мы имѣемъ только одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того заблуждающагося направленія науки, по силѣ котораго явленія духовной—умственной и нравственной—дѣятельности человѣка объясняются исторически, т. е. мѣстными и временными условіями среды. Можетъ быть, такое направленіе современная критика получила подъ вліяніемъ успѣховъ исторической школы, но историческую школу нельзя, конечно, обвинять въ неуспѣхѣ и заблужденіи философской критики. Ложное направленіе послѣдней, о которомъ мы говоримъ теперь, можно назвать господствующимъ направленіемъ современной науки. По крайней мѣрѣ, поползновеніе объяснять факты духовной жизни условіями среды встрѣчается въ критическихъ трудахъ ученыхъ людей нашего времени. Но никто, можетъ быть, не послужилъ этому направленію такъ усердно, никто, можетъ быть, не довелъ его до такой степени уродливости и безобразія, какъ Гаймъ въ своихъ лекціяхъ о Гегелѣ. При этомъ мы не можемъ не высказать нѣкотораго сожалѣнія о судьбѣ нашей образовательной литературы. Какъ будто нарочно обществу нашему дѣлаются доступными произведеніями иностранныхъ лите-

ратуръ, большею частію, ложнаго или фальшиваго направленія. Одѣ изъ нихъ расходятся скрытымъ путемъ подземной печати и, выступая на свѣтъ, являются интересными источникомъ, изъ котораго можетъ черпать себѣ мудрость любознательное общество. Другія, также фальшивыя, не строго научныя, порожденія *литературнаго* образованія ихъ авторовъ, сходятъ у насъ нерѣдко за послѣднее слово европейской науки. Такую, кажется, роль, въ области философской критики, играютъ въ нашемъ обществѣ лекціи Гайма и литературно-философскія произведенія Куно-Фишера. По этимъ произведеніямъ, которыя, большею частію, суть только парадоксы философской критики, общество наше должно знакомиться съ философіею. Неудивительно послѣ этого, что въ достояніе ему попадаютъ часто дурные образовательные элементы. Гаймъ, напримѣръ, такъ далеко зашелъ по вышесказанному ложному пути критики, что не обращая вовсе никакого вниманія на сущность Гегелева мышленія, каково оно само въ себѣ, по своей натурѣ, безотносительно къ Гейдельбергу или Берлину, къ 1805 или къ 1811 годамъ, всю задачу своего изслѣдованія о философіи Гегеля полагаетъ въ томъ, чтобы, какъ выражается обыкновенно онъ фразерски, «превратить систематическое, метафизически вѣчное въ развалины человѣческаго мышленія и человѣческой исторіи, преобразовать во временное и земное то, что до сихъ было признаваемо за безконечное, не земное». [1]) Фраза эта значитъ не болѣе не менѣе, какъ то, что философское мышленіе Гегеля, или кого бы то ни было, будетъ доступно для нашего пониманія и вполнѣ сознательно для насъ, когда мы познакомимся поближе съ характеромъ и привычками философа, съ образомъ его жизни, съ отношеніемъ его къ друзьямъ и знакомымъ, съ состояніемъ его здоровья въ то время, когда онъ обдумавъ ту или другую часть своей системы, съ состояніемъ его финансовъ въ это время — вотъ *тѣ развалины человѣческой исторіи*, которыя, по мнѣнію Гайма, должно обстоятельно изучить для того, чтобы хорошо понимать систему философа. Такъ изучая философію, Гаймъ думаетъ *содѣйствовать* «къ очищенію науки философіи», и въ этомъ изученіи, въ этой *конкретно исторической критикѣ* онъ видитъ «замѣну вышедшей изъ вѣры метафизики.» [1]) Съ этой точки зрѣнія, Гаймъ считаетъ совершенно согласнымъ съ истиной утверждать, что ученіе Гегеля о государствѣ имѣло безусловнымъ своимъ источникомъ отношеніе философа къ существовавшему въ его время положенію политическихъ дѣлъ въ Германіи. Что же касается до Аристотелева взгляда на государство, то онъ выдаетъ за непреложную аксіому то, что этотъ взглядъ условливается исторической средою его времени. «Аристотель, говоритъ Гаймъ, превознося истинную монархію, приспособляетъ свой взглядъ на государство къ могущественно распространившемуся въ Греціи македонизму; философская литература, продолжаетъ онъ, не представляетъ намъ *втораго примѣра* такого поразительнаго и безбоязненнаго идеализированія существующей политической дѣйствительности, какъ то, которое встрѣчаемъ въ Гегелевой философіи права». [2]) Нечего говорить, что Гаймъ не имѣлъ никакого права высказываться такъ о взглядѣ Аристотеля на государство. Говоря такъ, онъ, конечно, повторяетъ только ходячее мнѣніе, а самъ не изслѣдуетъ его критически. Это наносное мнѣніе, которое, къ несчастію, повторяется очень многими, свидѣтельствуетъ намъ только то, что говорящіе такъ не изучали сами Политики Аристотеля со всемъ вниманіемъ, потому что Политика Аристотеля не даетъ никакого повода къ убѣжденію въ такомъ мнѣніи. Хотя бы правда было то, что философъ особенно стоитъ за мо-

1) Гаймъ. Гегель и его время стр. 9.

1) Ibid. стр. 12.
2) Ibid. стр. 331.

нархическую форму политическаго устройства; напротивъ, Аристотель вездѣ повторяетъ, что большинство лучше одного. Кто внимательно прочтетъ Политику Аристотеля, тотъ непремѣнно замѣтитъ, что философъ съ намѣреніемъ выставляетъ на видъ всѣ затрудненія, какія должны встрѣтиться при осуществленіи этой формы политическаго устройства въ дѣйствительности, и уступаетъ достоинству этой формы только подъ тѣмъ условіемъ, когда монархическая власть принадлежитъ тому, кто обсолютно, кто какъ богъ лучше другихъ. Это, конечно, замѣтятъ внимательные читатели Политики.

Откуда же взялось то распространенное, всѣмъ знакомое мнѣніе, что на политическія убѣжденія Аристотеля оказывала вліяніе политика Македонскаго завоевателя? Мнѣніе это идетъ чуть ли не изъ самой древности и есть просто порожденіе слабой критики и плодъ не аналитическаго изученія Политики. Для общаго, не критическаго смысла, весьма соблазнительно искать вездѣ параллели. Дѣти, въ этомъ отношеніи, превзойдутъ иногда самого Бэкона. Чѣмъ проще смыслъ, чѣмъ ниже уровень аналитической критики, тѣмъ меньше спрашиваютъ о томъ, что есть нѣчто само въ себѣ, тѣмъ менѣе изслѣдуютъ сущность, натуру явленія, и тѣмъ болѣе стараются объяснить его чрезъ уподобленіе и сопоставленіе съ другими явленіями, не обращая вниманія на ихъ внутреннее, существенное различіе, а довольствуются лишь однимъ внѣшнимъ, кажущимся сходствомъ. Такимъ-то сходствомъ прельщается критика, которая сводитъ политическія убѣжденія Аристотеля съ господствующею въ его время политикой Александра. Въ наше время, ложное направленіе критики—объяснять духовныя явленія изъ конкретно историческихъ причинъ поддержано матеріалистическимъ направленіемъ философіи, по которому всѣ отправленія духовной жизни объясняются химическими и механическими процессами въ тѣлесномъ организмѣ. Такое направленіе какъ философіи вообще, такъ и критики

въ частности, какъ болѣе доступное для каждаго, не требующее особеннаго углубленія въ сущность изслѣдуемаго явленія, освобождающее изслѣдователя отъ строгаго анализа, нашло свое убѣжище въ средѣ тѣхъ *литературно* ученыхъ, которыхъ, къ несчастію для науки, все болѣе и болѣе размножаютъ намъ современныя школы. Благодаря такому направленію, критика разнообразныхъ явленій человѣческаго духа переродилась въ исторію ихъ, равно какъ за философію выдаютъ нерѣдко опытную физіологію. Такъ, не твердая въ себѣ наука — пользуемся выраженіемъ Гайма — перескакиваетъ чрезъ тотъ широкій ровъ, который отдѣляетъ метафизическое отъ чисто исторически-человѣческаго. Такой скачекъ представляется Гайму величайшимъ успѣхомъ науки, но мы, съ своей стороны, видимъ въ немъ ея безсиліе и заблужденіе: безсиліе ея состоитъ въ томъ, что она не можетъ разъяснить и анализировать духовнаго явленія, какъ такого, самого въ себѣ, и безсильная — она заблуждается въ томъ, что рядомъ всегда болѣе или менѣе случайныхъ условій времени старается объяснить явленіе, которое въ сущности своей остается однимъ и тѣмъ же во всякое время.

Не такова, по нашему мнѣнію, должна быть задача изслѣдователя Политики Аристотеля; не слѣды Македонскаго героя онъ долженъ видѣть на ея страницахъ, но сознавая, что въ политическихъ убѣжденіяхъ философа проявился свободно философствующій разумъ, онъ долженъ видѣть на нихъ слѣды той основной его философской идеи, къ которой тяготѣетъ все его спекулятивное мышленіе, потому что между политическимъ взглядомъ Аристотеля и его спекулятивнымъ мышленіемъ существуетъ очень тѣсная связь. Связь эта, конечно, самая тонкая, но тѣмъ не менѣе естественная и дѣйствительная — и такая крѣпкая, что, какъ мы старались показать, ею только и можно объяснять взглядъ философа на государство.

ЭКСКУРСЪ I.

Ученіе Аристотеля о правѣ.

Право, какъ основательно утверждаютъ юристы, не есть что-либо наживное человѣкомъ; напротивъ, право есть нѣчто такое, что̀ сопутствуетъ человѣку съ самыхъ первыхъ дней вступленія его въ жизнь общественную. Выступая въ средѣ общественныхъ отношеній, право хотя есть элементъ общественной жизни, но принадлежитъ индивиду — будетъ ли то человѣкъ, или корпорація, или цѣлое общество — какъ одному въ средѣ многихъ. Право, такимъ образомъ, есть нѣчто разъединяющее безразличіе массы общества, вселяющее въ него различіе, слѣдовательно, начало гармоніи, порядка, потому что гармонія и порядокъ могутъ быть только въ средѣ того, что̀ различено; а какъ такое начало гармоніи, право есть начало формулирующее, вселяющее единство въ массу общества, потому что гармонія есть нѣкоторое единство. Такъ характеризованное, право, слѣдовательно, есть начало формирующее общественныя отношенія, начало формы общества. Таково, дѣйствительно, оно есть по своему значенію. Какъ форма вообще уничтожаетъ безразличіе матеріи какъ массы и, упорядочивая ее по себѣ, вноситъ въ нее высшее единство — единство, основанное не на безразличіи массы, но на гармоническомъ ея различіи; таково и право, если посмотрѣть на него со стороны значенія его въ обществѣ. Но это сравненіе права съ

формою вообще не исчерпываетъ всего понятія о правѣ. Будучи формою, право, въ тоже время, полно содержаніемъ, потому оно можетъ быть опредѣлено и въ своемъ содержаніи, какъ нѣчто конкретное. Въ такомъ опредѣленіи право должно быть понято, какъ масса или сумма положительныхъ условій, необходимыхъ для достиженія тѣхъ или другихъ благъ, составляющихъ цѣль жизни человѣка въ обществѣ [1]). Доселѣ о правѣ какъ о фактѣ жизни. Выступая всегда, какъ положительное условіе, опредѣляющее образъ дѣйствія для каждаго изъ лицъ, вступающихъ между собою въ тѣ или другія общественныя отношенія, право есть форма ограничивающая и упорядочивающая эти отношенія. Но что̀ есть право само въ себѣ, по своему началу?

Не смотря на множество попытокъ ученыхъ опредѣлить право само въ себѣ, въ виду самого этого разнообразія опредѣленій, мы не думаемъ ошибиться, сказавъ, что такое опредѣленіе не сдѣлано еще окончательно. Право, несомнѣнно, должно быть отличено отъ справедливости — вотъ требованіе, которое выступаетъ для мысли каждаго тотчасъ, лишь только онъ касается вопроса о правѣ. И дѣйствительно, право отлично отъ справедливости; но какъ должно быть понято это отличіе, въ чемъ состоитъ оно — вотъ пунктъ, расходясь на которомъ, юристы и философы расходятся между собою и въ точномъ опредѣленіи права.

Что же касается до Аристотеля, то существенная разница воззрѣнія его на отношеніе права къ справедливости отъ возрѣнія на это философовъ и юристовъ позднѣйшаго времени состоитъ въ томъ, что онъ отличаетъ право отъ справедливости не разностію тѣхъ сферъ, къ которымъ относится каждое изъ этихъ понятій, не юридическимъ элементомъ, который, какъ существенный эле-

---

1) Такъ опредѣляетъ право Аренсъ. См. Cours de la philosophie du droit, стр. 140.

ментъ права, можетъ быть противоположенъ нравственному элементу справедливости; но просто онъ разсматриваетъ право, какъ существенный элементъ, какъ непосредственное содержаніе самой справедливости. Въ этомъ смыслѣ τὸ δίκαιον Аристотеля имѣетъ скорѣе значеніе правды, а не права. Понятіе права τοῦ δικαίου не расходится у Аристотеля съ понятіемъ справедливости до такой степени, какъ въ римскомъ правѣ, о которомъ говорили: summum jus summa injuria. Напротивъ, τὸ δίκαιον, какъ понимаетъ его Аристотель, должно быть строго соблюдено въ извѣстномъ фактѣ, для того чтобы онъ былъ справедливымъ. Понятіе справедливости, какъ замѣчаетъ Шлоссеръ[1]) есть понятіе, которое во всѣхъ языкахъ употребляется въ двоякомъ смыслѣ: съ одной стороны, какъ сумма нравственныхъ добродѣтелей — таковъ обширный смыслъ этого понятія, а съ другой, въ своемъ спеціальномъ смыслѣ, какъ понятіе равенства. Съ этихъ двухъ сторонъ разсматриваетъ справедливость и Аристотель. Справедливость въ обширномъ смыслѣ, говоритъ Аристотель, не есть часть добродѣтели, а вся добродѣтель и приводитъ изрѣченіе: «одна справедливость содержитъ въ себѣ всѣ другія добродѣтели.» Отъ этой справедливости, понимаемой въ смыслѣ всей добродѣтели, онъ отличаетъ справедливость, какъ часть добродѣтели. Справедливость этого рода, по словамъ Аристотеля, имѣетъ мѣсто въ предѣлахъ чести, денегъ и вообще благосостоянія. Въ противоположность справедливости, несправедливость также можетъ быть разсматриваема въ двухъ смыслахъ: несправедливость, какъ порокъ въ его цѣлости, и несправедливость, какъ только часть порока, имѣющая мѣсто тамъ же, гдѣ можетъ выступить и справедливость, въ ея спеціальномъ смыслѣ. Но при всемъ различіи справедливости въ обширномъ смыслѣ отъ справедливости въ ея спеціальномъ характерѣ, значеніе и смыслъ той и дру-

1) См. переводъ Полит. Арист. I. Abtheil. стр. 29.

гой состоятъ въ томъ, что онѣ проявляются, какъ добродѣтели человѣка въ отношеніи его къ другимъ. Справедливость, говоритъ Аристотель, есть совершеннѣйшая добродѣтель, но не просто и абсолютно, а по скольку она, какъ добродѣтель, относится къ другому. Дѣйствія справедливыя, въ обширномъ смыслѣ понятія справедливости, суть, по Аристотелю, такія дѣйствія, которыя согласны съ закономъ, равно какъ несправедливость вообще есть беззаконіе. Право и безправіе, соотвѣтствующія этой справедливости и несправедливости, опредѣляются также закономъ; онѣ суть тѣ законныя дѣйствія, которыя предписываются или запрещаются во имя вообще добродѣтели; такъ, законъ позволяетъ каждому жить порядочно и запрещаетъ всякое порочное дѣйствіе. Понимая право, какъ внутреннюю правду дѣйствія и считая его непосредственнымъ содержаніемъ справедливости, Аристотель называетъ эти, закономъ опредѣляемыя, права производительными причинами добродѣтели. Но основной мотивъ справедливости въ собственномъ смыслѣ и соотвѣтствующаго ей права есть мотивъ равенства (потому что, замѣчаетъ Аристотель, что̀ не равно, то противузаконно, но не все противузаконное непремѣнно не равное). Въ каждомъ дѣйствіи, въ которомъ есть болѣе или менѣе, находится, говоритъ Аристотель, и равное; и если не право есть не равенство, то право будетъ *равенство*. А такъ какъ равное есть среднее, то право должно быть нѣчто среднее. Но равное — далѣе, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ мѣсто между двумя; потому право, заключаетъ Аристотель, необходимо есть среднее и равное, относящееся къ чему нибудь и имѣющее мѣсто между чѣмъ нибудь. Таково понятіе нашего философа о правѣ. Понимая его въ смыслѣ правды, какъ непосредственное содержаніе справедливости, Аристотель видитъ въ правѣ зерно, основной элементъ добродѣтели. Извѣстно, что Аристотель опредѣляетъ добродѣтель, какъ средину между крайностями, какъ уравненіе между болѣе и менѣе; право

же и есть, по его понятію, то постоянное среднее, то постоянное уравненіе, къ выраженію котораго должно стремиться каждое дѣйствіе, чтобы быть дѣйствіемъ справедливымъ, дѣломъ добродѣтели. Таковъ взглядъ Аристотеля на право.

Право, говоритъ философъ, имѣетъ мѣсто какъ относительно лицъ, которымъ оно принадлежитъ, такъ и относительно вещей, къ которымъ оно относится. Будучи среднимъ и равнымъ между крайностями, между болѣе и менѣе, право, по опредѣленію Аристотеля, состоитъ въ соотношеніи и сравненіи, и потому понятіе о правѣ Аристотель поясняетъ на соизмѣреніи линій. Понимаемое въ элементѣ соотношенія, право, какъ выраженіе этого соотношенія, разсматривается Аристотелемъ съ двухъ сторонъ: съ одной стороны, какъ соотношеніе геометрическое, а съ другой, какъ соотношеніе ариѳметическое. Право, въ смыслѣ геометрическаго соотношенія, требуетъ, чтобы отдѣльное сравнивалось съ отдѣльнымъ и цѣлое съ цѣлымъ. Какъ такое геометрическое соотношеніе, право имѣетъ мѣсто въ распредѣленіи чести, денегъ и всего другаго, что можетъ быть распредѣлено между тѣми, которые соединены между собою общимъ политическимъ устройствомъ. Право, какъ равенство распредѣленія, по общему признанію, состоитъ въ томъ, чтобы каждому дано было по его достоинству. Достоинство же это, замѣчаетъ Аристотель, не вездѣ одно и тоже, но опредѣляется принципомъ того или другаго политическаго устройства государства. Но такъ какъ общество, говоритъ Аристотель примѣромъ, состоитъ не изъ двухъ врачей, а изъ врача и земледѣльца, и вообще изъ различныхъ, не подобныхъ и не равныхъ, которые однако должны быть уравнены, поэтому достоинство ихъ дѣлъ должно быть опредѣлено на чемъ нибудь такомъ, что можетъ быть мѣрою всякихъ дѣлъ, потому что все измѣряется; а еслибы не было возможности сравнить на чемъ нибудь дѣла разныхъ членовъ общества, тогда бы

не было между ними общенія, замѣчаетъ Аристотель. Средство общенія и мѣра для измѣренія достоинства дѣлъ того или другаго члена въ обществѣ суть *деньги*. Деньги, какъ замѣчено Аристотелемъ въ Политикѣ, сами по себѣ какъ деньги, не имѣютъ цѣны; значеніе ихъ, какъ мѣры для опредѣленія достоинства того или другаго дѣла, опредѣляется согласіемъ, договоромъ людей; отсюда и имя ихъ, лингвизируетъ философъ, νόμισμα отъ νόμος. Таково, по Аристотелю, содержаніе права, какъ геометрически пропорціональнаго распредѣленія между членами общества благъ жизни, распредѣленія, основаннаго на достоинствѣ каждаго. Право въ другомъ видѣ, право, имѣющее мѣсто въ договорахъ и взаимныхъ обязательствахъ, есть также нѣчто равное, но это равное состоитъ не въ геометрической пропорціональности, а въ ариѳметической. Смыслъ этой ариѳметической пропорціональности Аристотель даетъ понять, когда говоритъ, что, при соблюденіи этого права, не обращается вниманія на то, кто кого обманулъ или вообще обидѣлъ: — хорошій ли человѣкъ дурнаго, или дурной хорошаго; право требуетъ, чтобы между ними возстановлены были договорныя отношенія; право это, которое выражается въ исправленіи испорченнаго, Аристотель опредѣляетъ какъ среднее между убыткомъ и прибылью. Итакъ право, разсматриваемое Аристотелемъ, какъ правда взаимныхъ отношеній, по внутреннему своему смыслу, съ точки зрѣнія философа, есть не что иное, какъ раздѣленіе чего нибудь на равныя части — раздѣленіе, основанное или на достоинствѣ соучастниковъ, или на первоначальномъ ихъ согласіи относительно того или другаго дѣла. Дѣйствіе, въ которомъ соблюдено это равенство, есть дѣйствіе справедливое. Такъ понимая право, Аристотель усматриваетъ въ словѣ δίκαιον слѣдующій смыслъ: онъ говоритъ, что δίκαιον значитъ δίχα ἐστιν-то, что раздѣлено на равныя части, какъ бы вмѣсто δίχαιον; и δικαστής, по его мнѣнію, есть διχαστής — тотъ, кто распредѣляетъ что либо на равныя части.

Понятіе Аристотеля о правѣ, какъ о равномъ и среднемъ, рѣшительно и рѣзко выдѣляетъ его взглядъ на право изъ числа всѣхъ, встрѣчающихся въ позднѣйшей юридической и философской литературѣ. Отличительный характеръ взгляда Аристотеля на право состоитъ въ томъ, что въ правѣ, какъ понимаетъ его онъ, нѣтъ элемента юридическаго. Аристотель разсматриваетъ право не какъ схему, но какъ качество дѣйствія, которое должно быть выдержано въ дѣйствіи, для того чтобы оно было справедливымъ. Таково равное и среднее, которое, какъ право, должно, по Аристотелю, имѣть мѣсто во всякомъ дѣйствіи, порождаемомъ столкновеніемъ тѣхъ или другихъ лицъ. Такимъ образомъ, право какъ качество Аристотель усматриваетъ только въ средѣ дѣйствія, въ конкретѣ, и не знаетъ права съ его формальной стороны. Юридическая сфера права, та сфера, въ которой право можетъ стать въ противорѣчіе съ справедливостію, не знакома Аристотелю. Право, какъ понимаетъ его Аристотель, выступаетъ всюду, какъ скоро люди вступаютъ между собою въ какія нибудь отношенія, что̀, какъ сказано, есть та правда, которая ищется въ дѣйствіи, какъ его равное и среднее. Аристотелево право, будучи качествомъ, въ силу котораго извѣстное дѣйствіе бываетъ справедливымъ, есть такимъ образомъ понятіе скорѣе нравственнаго свойства, чѣмъ юридическаго. Право Аристотеля, понятое какъ правда, есть непосредственное содержаніе справедливости, и само въ себѣ, въ абсолютномъ своемъ качествѣ, оно есть, по Аристотелю, равное. Между тѣмъ какъ для современнаго юриста равное выступаетъ какъ требованіе для ограниченія внѣшней свободы людей, живущихъ въ обществѣ, и *порождаетъ* собою *право* — особенную область юридическихъ отношеній, или, какъ выражается Аренсъ, массу условій необходимыхъ для членовъ общества для достиженія ими раціональныхъ цѣлей ихъ жизни;—Аристотель видитъ право въ самомъ этомъ равномъ, и понимая равное, какъ справедливое, онъ, та-

кимъ образомъ, съ понятіемъ права непосредственно уходитъ въ область нравственности, въ область добродѣтели. Оттого въ понятіе права у него не входитъ элементъ принужденія; оттого, далѣе, онъ понимаетъ право въ его положительномъ характерѣ, какъ правду, а не въ отрицательномъ. Право Аристотеля, *τό δίκαιον* стоитъ въ связи или напоминаетъ ту силу, которая въ греческой древности господствовала въ сознаніи людей и извѣстна была подъ именемъ *Δίκη*. Эта *Δίκη*, которая является всегда вслѣдъ или вмѣстѣ съ Зевсомъ — *Δίκη*, о которой Софоклъ (Эд. Кол. ст. 1384) говоритъ: *Δίκη σύνεδρος Ζηνὸς ἀρχάιοις νόμοις*, означая собою силу необходимости, влекущую все въ должные предѣлы каждаго, есть по Гераклиту (свидѣтельство Александра Афрод. у Шлейермахера Fragm 57.) *ἦθος ἀνθρώπῳ δαίμων τουτέστι φύσις*. Этотъ *ἦθος* который для человѣка есть его законъ, эта *φύσις*, по объясненію Шеллинга [1]), есть та владѣющая людьми сила, которая является источникомъ натуральнаго, для всѣхъ общаго права — того права, о которомъ Софоклъ въ Антигонѣ говоритъ, что оно не съ нынѣшняго только дня существуетъ, но во всѣ времена есть и было, и никто не знаетъ, откуда оно произошло [2]). Вотъ это-то право — право общее для всѣхъ, право состоящее въ равномъ и среднемъ, это метафизически опредѣляемое право и имѣетъ въ виду Аристотель, когда говоритъ о правѣ, когда выражается *τὸ δίκαιον*. Говоря о правѣ, Аристотель преимущественно разумѣетъ подъ нимъ природу добродѣтели, этическое начало справедливости, и далекъ отъ того формальнаго, юридическаго понятія о правѣ, которое мы соединяемъ съ этимъ словомъ.

---

1) Einleitung in Phil. d. Mit. стр. 531.

2) Rhet. I. 10. 13 *Ἔστι γαρ ὃ μαντεύονταί τι πάντες φύσει κοινὸν δίκαιον καὶ ἄδικον, καὶ μηδεμία κοινονία πρὸς ἀλλήλους ᾖ, μηδὲ συνθήκη, οἷον καὶ ἡ Σοφοκλέους φαίνεται λέγουσα* (т. е. Антигона).

ЭКСКУРСЪ II.

Ученіе Аристотеля о воспитаніи.

Мы имѣемъ въ виду выяснить взглядъ философа на воспитаніе, въ виду того постулята, который онъ ставитъ для него. Трактатъ этотъ тѣмъ болѣе можетъ быть интересенъ и важенъ, что при помощи нашей теперешней школы, въ литературѣ нашей нерѣдко попадаются такія лжепедагогическія претензіи отъ школы, которыя свидѣтельствуютъ только, что истинная цѣль воспитанія у насъ еще мало сознана. Аристотель формулируетъ эту цѣль слѣдующимъ образомъ: воспитаніе, какъ всякое искусство, имѣетъ въ виду восполнить недостатки природы. Опредѣливъ такъ цѣль воспитанія, философъ рѣшаетъ такія задачи: слѣдуетъ ли установить какой-либо порядокъ въ воспитаніи; должно ли воспитаніе быть дѣломъ общественнымъ или частнымъ; наконецъ, каково должно быть воспитаніе. Смотря на воспитаніе, какъ на средство приготовленія добродѣтельныхъ (въ общирномъ смыслѣ слова) гражданъ для того или другого государства, Аристотель утверждаетъ, что, сообразно съ цѣлію государства, которая есть одна, и воспитаніе гражданъ должно быть одно для всѣхъ, въ одномъ опредѣленномъ планѣ; на этомъ же основаніи оно должно быть дѣломъ общества, а не частныхъ лицъ, потому что каждый частный человѣкъ сталъ бы по своему заботиться о своихъ дѣтяхъ, уча ихъ чему вздумается. Въ этихъ требованіяхъ

философа — чтобы воспитаніе юношества было одинаково, чтобы оно было дѣломъ общества, а не каждаго человѣка въ отдѣльности, мы видимъ тѣ солидныя требованія, за которыя должна держаться лучшая и современная педагогія: — это, во первыхъ чтобы общее образованіе юношества, въ той или другой мѣрѣ, было одинаково для всѣхъ, потому правильная педагогія справедливо возстаетъ противъ ранняго специализованья молодаго человѣка къ военнымъ или другимъ какимъ-либо занятіямъ; во вторыхъ, чтобы юношество воспитывалось въ публичныхъ школахъ и притомъ, въ школахъ открытыхъ.

Но вмѣсто того, чтобы отстаивать эти солидныя требованія и развивать ихъ, наша лжепедагогическая литература полна самыхъ безсмысленныхъ претензій. Такова, между прочимъ, лжепедагогическая претензія нашей литературы, — чтобы школа давала своимъ питомцамъ гражданское воспитаніе, чтобы въ ней преподавалась *наука объ обществѣ*. Всѣ подобныя лжепедагогическія претензіи нашей литературы фиктируются вслѣдствіе того, что общество наше дѣйствительно представляется неудовлетворительнымъ, какъ въ отношеніи всякаго рода воспитанію, такъ и въ отношеніи собственно къ гражданскому воспитанію. Но странное дѣло! Въ томъ обществѣ, на страницахъ исторіи котораго сохранилось такъ много памяти о гражданской доблести его членовъ, въ томъ обществѣ, которое и не чувствовало себя иначе, какъ, въ опредѣленіяхъ среды гражданской, въ томъ обществѣ, въ которомъ личность человѣка смутно и то только нѣкоторыми различалась отъ личности гражданина, наконецъ въ томъ обществѣ, наилучшій членъ котораго прямо сказалъ, что тотъ, кто произвольно остается внѣ гражданской среды, есть или богъ или звѣрь — въ этомъ обществѣ, каковымъ было общество греческое, — никому не приходило на мысль давать юношеству въ школахъ гражданское воспитаніе. Такъ, если Аристотель утверждаетъ, что школа должна приготовить людей, годныхъ для настоящей кон-

ституціи того или другаго государства, то онъ ни слова не говоритъ о наукѣ политики, какъ о средствѣ годномъ для этой цѣли — нѣтъ, не ни слова, напротивъ, такъ какъ цѣль политики есть высшее благо, счастіе, какое только возможно для людей въ ихъ общественной жизни, и такъ какъ далѣе невозможно, чтобы юноша имѣлъ достаточную для этого житейскую мудрость, которая всего болѣе условливается опытностію, то изъ всего этого, говоритъ Аристотель, слѣдуетъ, что политика какъ наука опытная, есть наука доступная лишь взрослымъ, а не незрѣлому юношеству [1]). Обращась къ самой греческой школѣ, мы дѣйствительно не встрѣчаемъ въ ней преподаванія никакихъ наукъ, имѣющихъ спеціальную цѣль развить въ юношахъ гражданскія доблести. Хотя Аристотель и замѣчаетъ о существующемъ въ его время разногласіи относительно предметовъ и ближайшей цѣли воспитанія, но несомнѣнно, что преобладающій историческій интересъ греческой школы состоялъ въ развитии въ человѣкѣ начала добродѣтели. Смотря съ разныхъ точекъ зрѣнія на самую добродѣтель, въ этомъ взглядѣ на цѣль образованія сходились всѣ: — и тѣ, которые болѣе заботились объ умственномъ и нравственномъ образованіи, и тѣ, которые стояли за практическое образованіе, за пріобрѣтеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы для жизни, и наконецъ тѣ, которые искали въ образованіи удовлетворенія интересамъ, перехватывающимъ за нужды дѣйствительной жизни, — спекулятивнымъ интересамъ ума. Но при всемъ разнообразіи въ пониманіи добродѣтели, какъ цѣли образованія, въ господствующемъ мнѣніи Грековъ, она всегда бралась съ практической стороны. Вообще должно замѣтить, что, не смотря на ходячее мнѣніе о Грекахъ, какъ о народѣ юномъ. съ дѣтскимъ чувствомъ и характеромъ, на самомъ дѣлѣ народъ этотъ былъ практическій народъ и практитескій интересъ преслѣдовалъ во

1) Hθικ Νικομ. I. 1.

всемъ; съ такой же практической точки Греки смотрѣли и на воспитаніе. Аристотель, во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, говоритъ, что цѣль воспитанія должна состоять въ томъ, чтобы люди были годны и для управленія и для подчиненія; обѣ эти способности должны быть соединены въ нихъ гармонически, потому что истинное совершенство человѣка, живущаго въ обществѣ, состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ и управлять и подчиняться. Такова цѣль, какую видитъ истый Грекъ въ образованіи, которое желательно для всѣхъ полноправныхъ гражданъ. И какъ бы, кажется, стремясь къ этой цѣли, не прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, которыя рекомендуетъ наша доморощенная педагогія — учить въ школѣ наукѣ объ обществѣ. Но какъ бы на смѣхъ этой педагогіи, Аристотель указываетъ на такія средства, которыя, повидимому, никакъ не могутъ вести къ предположенной цѣли. Аристотель говоритъ, что въ господствующей въ его время системѣ воспитанія приняты четыре дисциплины, въ изученіи которыхъ состоитъ воспитаніе юношеста онѣ суть: грамота, гимнастика, музыка и четвертый предметъ, который признается только нѣкоторыми — графика. Грамоту (состоящую изъ чтенія, письма и счета) и графику (рисованье) изучаютъ, какъ предметы полезные въ жизни и какъ имѣющіе въ ней большое приложеніе; гимнастику же, какъ развивающую человѣка со стороны мужества. Что же касается до музыки, [1]) прибавляетъ Аристотель, то въ наше время занимаются ею большою частію для удовольствія, но сперва она употреблялась, какъ предметъ воспитанія для того, чтобы люди въ состояніи были вести хорошую схолическую жизнь (καλῶς σχολάζειν). Потому что не забава же должна быть содержаніемъ досуга, ибо забава имѣетъ только значеніе от-

1) Подъ музыкою, какъ предметомъ воспитанія разумѣлась у древнихъ не исключительно только музыка въ нашемъ смыслѣ, но вообще занятіе поэтическими произведеніями. См. ниже стр. 232 и слѣд.

дыха среди трудовъ. Содержаніемъ же схолическаго состоянія должно быть нѣчто, что само по себѣ есть цѣль;— и вотъ издавна введена въ воспитаніе музыка, не какъ что-то необходимое и не какъ что-то полезное въ томъ смыслѣ, какъ полезны грамота, графика и гимнастика. Музыка, напротивъ, говоритъ Аристотель, принята въ воспитаніе какъ занятіе, достойное свободнаго человѣка во время досуга, и указываетъ на Одиссея, который, рисуя картину наилучшаго препровожденія времени, изображаетъ тѣсный кружокъ людей, сидящихъ у стола и слушающихъ пѣвца. Такъ свидѣтельствуетъ нашъ философъ о господствующемъ въ его время направленіи и цѣли воспитанія.

Что же кается до мнѣнія объ этомъ самого Аристотеля, то прежде всего онъ говоритъ, что изъ области полезнаго дѣти должны учиться только тому, что необходимо; но и не всему необходимому, а только тому, что достойно свободнаго человѣка и что не сдѣлаетъ его простымъ ремесленникомъ, т. е., человѣкомъ съ тупою мыслію и неспособнымъ къ схолическимъ занятіямъ. Напротивъ, самыми необходимыми и полезными предметами, какъ, напримѣръ, грамотою или графикою слѣдуетъ заниматься не изъ-за одной только пользы ихъ въ нуждахъ жизни, но и въ высшихъ интересахъ эстетическаго и умственнаго образованія. Искать же всюду только пользы, говоритъ Аристотель, не прилично для людей свободныхъ и съ возвышенною душою. Хотя умственному—нравственному и эстетическому воспитанію должно, по мнѣнію Аристотеля, предшествовать развитіе дѣтей со стороны тѣла и воспитаніе ихъ въ привычкахъ, но при этомъ философъ замѣчаетъ, что въ воспитаніи не слѣдуетъ обращать вниманія исключительно на одну какую-нибудь сторону, а всего менѣе на атлетизмъ тѣлосложенія, потому что главная роль въ воспитаніи принадлежитъ красотѣ...

Приступая къ изслѣдованію о наиважнѣйшемъ предметѣ воспитанія, о музыкѣ, Аристотель спрашиваетъ:

какъ должно понимать значеніе музыки? Слѣдуетъ ли обращаться къ ней для забавы и отдыха, съ какою цѣлію прибѣгаютъ обыкновенно къ вину, сну и танцамъ? Или, какъ гимнастика развиваетъ тѣло, — музыка разработываетъ нравственную натуру человѣка? Или, наконецъ, музыка доставляетъ умственное наслажденіе во время досуга? Отвѣчая на первый изъ этихъ вопросовъ, Аристотель говоритъ, что, по крайней мѣрѣ съ педагогической точки зрѣнія, на музыку нельзя смотрѣть, какъ на забаву, потому что учащіеся не забавляются, напротивъ, *ученіе всегда горько*. Равнымъ образомъ, съ педагогической точки зрѣнія, на музыку нельзя смотрѣть и какъ на содержаніе схолическаго состоянія; потому что такое состояніе не для дѣтей, но для взрослыхъ. Если же обучать дѣтей музыкѣ съ тою цѣлію, чтобы впослѣдствіи они могли находить въ ней наслажденіе во время схолическаго состоянія, то здѣсь выступаетъ сильное возраженіе на счетъ того, зачѣмъ же заставлять дѣтей самихъ заниматься музыкой: въ зрѣломъ возрастѣ они будутъ наслаждаться ею, слушая другихъ. Тоже самое возраженіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если смотрѣть на музыку, какъ на средство нравственнаго развитія. Итакъ, одинъ изъ существенныхъ педагогическихъ вопросовъ Аристотеля состоитъ въ томъ, почему для образованія юношей необходимо имъ самимъ учиться музыкѣ?

Музыка, говоритъ Аристотель, имѣетъ, конечно, и значеніе забавы, какъ средство отдыха послѣ трудовъ, и составляетъ также содержаніе схолическаго времени; но не цѣнна ли музыка болѣе сама въ себѣ, по своей сущности, чѣмъ только по этому? Дѣйствительно такъ; потому учиться музыкѣ должно не изъ-за одного только того общаго удовольствія, которое она доставляетъ, но гораздо болѣе въ виду тѣхъ цѣлей, достигнуть которыхъ можно только исключительно посредствомъ ея. Эти цѣли состоятъ въ извѣстномъ облагораживающемъ насъ настроеніи духа, въ извѣстномъ настроеніи нашего сознанія. Въ

риѳмахъ и мелодіяхъ, говоритъ Аристотель, есть имитаціи гнѣва, кротости, мужества и благоразумія и всѣхъ прочихъ нравственныхъ нашихъ состояній, чрезвычайно близкія къ естественнымъ проявленіямъ ихъ въ дѣйствительности, что́ ясно изъ того, что, слушая такія риѳмы и мелодіи, мы, сообразно съ ними, измѣняемся душою. А отъ привычки испытывать то или другое отъ подобій, близко уже и къ тому, чтобы входить въ это состояніе и на самомъ дѣлѣ. Такого значенія не имѣютъ для нашего нравственнаго состоянія предметы, подлежащіе другимъ нашимъ чувствамъ. Нѣсколько подобной имитиціи есть въ предметахъ, подлежащихъ чувству зрѣнія, но и то не съ нравственной стороны. Одна музыка наиболѣе способна возбуждать въ насъ то или другое нравственное настроеніе и такимъ образомъ воспитывать насъ въ томъ или другомъ нравственномъ чувствѣ. Если же такъ, заключаетъ Аристотель, то ясно, что юношей необходимо должно воспитывать въ музыкѣ, и притомъ такъ, чтобы они сами пѣли и сами своими руками играли на инструментахъ, потому что для образованія большая разница въ томъ, самъ ли человѣкъ упражняется въ извѣстномъ дѣлѣ, или нѣтъ. Это краткое замѣчаніе должно имѣть для насъ особенную важность, потому что у насъ педагогія позволяетъ часто воспитанникамъ быть до такой степени не дѣятельными, что, принимая отъ учителя науку въ самомъ разжеванномъ видѣ, они не имѣютъ уже ничего, надъ чѣмъ бы подумали сами, и такимъ образомъ привыкаютъ вѣрить, что знаютъ что-нибудь сами, тогда какъ знаетъ и отвѣчаетъ за нихъ ихъ учитель. Музыка, по мнѣнію Аристотеля, должна быть для юношей той Архитовой гремушкой, которой они должны заниматься сами, въ интересахъ своего нравственнаго и умственнаго развитія. А пришедши въ зрѣлый возрастъ, они оставятъ эту гремушку, не сдѣлавшись сами ремесленниками въ музыкѣ, но лишь людьми съ развитымъ вкусомъ и нравственностію,

Итакъ, вотъ какова педагогія Аристотеля, вотъ каковъ педагогическій постулятъ этого философа, который говоритъ, что граждане должны быть воспитываемы въ интересахъ того или другаго политическаго устройства — говоритъ онъ это и надѣется достигнуть этой цѣли, уча дѣтей не политикѣ, не наукѣ объ обществѣ, а воспитывая ихъ въ музыкѣ. И какъ же, въ самомъ дѣлѣ, несмотря на отрицаніе политики, какъ науки годной для образованія юношества, при этихъ, повидимому, ничтожныхъ средствахъ образованія, неведущихъ по крайней мѣрѣ къ развитію гражданскихъ доблестей, — какъ же, въ самомъ дѣлѣ, греческое общество было по преимуществу гражданское общество и отличалось прекрасными гражданскими добродѣтелями? Цѣль достигалась вѣрно, потому что образованіе давалось не *претензіозное* какое-нибудь, какого требуетъ наша лжепедагогія, но общее (*κοινὴ παιδία*), которое развиваетъ всю натуру человѣка, разрабатываетъ ее съ наилучшей стороны, со стороны добродѣтели. Стремясь къ образованію хорошихъ гражданъ, годныхъ для существующей конституціи государства, греческая школа не имѣла претензіи сама непосредственно создавать гражданъ, прямо изъ своей среды выпускать готовыхъ гражданъ; она имѣла въ виду сдѣлать людей лишь способными къ гражданской жизни, чтобы они могли, какъ говоритъ Аристотель, все — и жить на войнѣ и вести мирныя дѣла, и наслаждаться досугомъ и проч. И эти люди, которые выходили изъ школы только способными на все, что требуется въ гражданской жизни, вслѣдствіе самой этой способности, которую развивала въ нихъ школа, дѣйствительно становились потомъ хорошими гражданами. Но школа не давала имъ собственно гражданскаго воспитанія, не учила ихъ быть гражданами, потому что это не ея дѣло........

Между тѣмъ, воспитываться граждански дѣйствительно необходимо, но элементы гражданскаго воспитанія должны быть не школьные, не научные, но жизненные, та-

кіе, которые, носясь въ воздухѣ, дѣйствовали бы на всѣхъ одинаково. Гражданское воспитаніе пріобрѣтается практически, самою жизнію, самымъ участіемъ членовъ общества въ дѣлахъ гражданскихъ. Нашъ философъ говоритъ, что граждане воспитываются обычаями, философіею и законами. Вотъ тѣ элементы — обычаи и законы, путемъ которыхъ практически получается гражданское воспитаніе. Что же касается до философіи, то у Грековъ она была болѣе дѣломъ жизни, дѣломъ практическимъ, нежели занятіемъ кабинетнымъ, теоретическимъ. Какъ непосредственное содержаніе досуга, философія была существеннымъ элементомъ жизни, уже развитаго образованнаго человѣка, а не ребенка, не юноши.

Мы съ намѣреніемъ изложили здѣсь мысли Аристотеля о воспитаніи, мы изложили ихъ, не желая опускать удобнаго случая, чтобы шаткой, часто теряющей свою цѣль нашей педагогіи указать на истинную ея задачу, на ту задачу школы, какъ понималъ ее одинъ изъ истинныхъ и наилучшихъ просвѣтителей человѣчества.

ПОЛИТИКА АРИСТОТЕЛЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Государство, какъ высшая форма общественной жизни. Семья и части ея: мужъ и жена, господинъ и рабъ. Слобода. Свойства человѣка, условливающія способность его къ государственной жизни.

Всякое государство [1] представляетъ собою нѣкоторую форму общежитія; а всякое общежитіе состоятельно только въ

[1] *Πᾶσαν πόλιν ὁρῶμεν κοινωνίαν τινὰ οὖσαν.* — Въ большинствѣ случаевъ слово *πόλις* у Аристотеля соотвѣтствуетъ нашему слову государство (civitas, Staat), а не слову городъ (urbs, Stadt). Мы отличаемъ государство отъ города, какъ въ топографическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ; но у Грековъ какъ въ томъ, такъ почти и въ другомъ отношеніи, понятіе о городѣ совершенно совпадало съ понятіемъ о государствѣ. Вслѣдствіе особенныхъ условій топографіи, каждая маленькая мѣстность греческаго полуострова стремилась къ индивидуальному обособленію въ своихъ границахъ; поэтому Греція не была однимъ сплошнымъ государствомъ, а множествомъ мелкихъ, безконечно разнообразныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое замыкалось въ предѣлахъ почти одного города. Между тѣмъ какъ нашъ городъ есть только часть государства, какъ цѣлаго: въ Греціи, напротивъ, какъ среда политической жизни, городъ не рѣдко былъ тоже что и государство; поэтому греческій городъ стоялъ къ другому городу въ международныхъ отношеніяхъ: житель одного города былъ чужестранцемъ (ξένος) въ другомъ городѣ (см. Пропил. т. III Греція до Персидск. войнъ г. Леонтьева. стр. 17). Что же касается до слова *πόλις*, то въ началѣ оно, вмѣстѣ

виду какого-либо блага [2]), потому что всякое дѣло люди дѣлаютъ не иначе, какъ въ виду того, что̀ представляется имъ благомъ. Итакъ, если общежитіе, во всѣхъ своихъ формахъ, стремится къ какому-либо благу, то наилучшее изъ всѣхъ благъ имѣетъ въ виду та форма, которая стоитъ выше всѣхъ и всѣ другія собой обнимаетъ. А это та форма, которая называется государствомъ — форма политическаго общежитія. Неправильно разсуждаютъ тѣ, [3]) которые не дѣлаютъ различія между государственнымъ человѣкомъ, царемъ, домохозяиномъ и господиномъ. Они думаютъ, что различіе между ними опредѣляется лишь большимъ или меньшимъ количествомъ лицъ, подчиненныхъ ихъ власти, а не качествомъ самой власти. Такъ, по ихъ мнѣнію, кто властвуетъ надъ нѣсколькими, тотъ господинъ, кто надъ большимъ числомъ лицъ, тотъ хозяинъ дома, а кто еще надъ большимъ, тотъ управляетъ ими, какъ государственный человѣкъ, или какъ царь,— какъ будто большая семья и малое государство ничѣмъ не различаются между собою. Что же касается до различія между властію государственнаго человѣка и властію царя, то царь, по ихъ мнѣнію, тотъ, кто властвуетъ самъ отъ себя; кто же, напротивъ, властвуетъ по смыслу политики какъ науки, такъ что только частію властвуетъ, а частію и самъ подчиняется, тотъ властвуетъ, какъ человѣкъ государственный. [4]) Та-

---

съ словами ἄστυ, πτολίεθρον, означало просто укрѣпленное мѣсто, въ отличіе отъ ἀγρός, γῆ или χῶρα Такъ напримѣръ въ Одиссеѣ 17, 18 κατὰ πτόλιν (вм. πόλιν) ἠὲ κατ' ἀγρούς. Theog. ст. 866: γῆν τε καὶ ἄστυ и др. Въ послѣдствіи слово ἄστυ стали употреблять только въ мѣстномъ значеніи, притомъ собственно въ значеніи крѣпости, а политическое, государственное значеніе города осталось за словомъ πόλις См. Вахсмутъ. Hellenische Alterthumskunde 1. 1. стр. 316—317. Впрочемъ, въ Политикѣ Аристотеля, слово πόλις употребляется также и въ смыслѣ города. См. напр. кн. IV гл. 10. 11 и др.

2) Понятіе объ этомъ благѣ развито у Аристотеля въ III кн. Полит. гл. 7.

3) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду Сократа и Платона. Въ III кн. 4 гл. Memorabil. Сократъ говоритъ: ἡ τῶν ἰδίων ἐπιμέλεια πλήθει μόνον διαφέρει τῆς τῶν κοινῶν, τὰ δὲ ἄλλα παραπλήσια ἔχει. Подобная мысль высказана и Платономъ въ Политикѣ стр. 259 B. Изд. Stallb. Μεγάλης σχῆμα οἰκήσεως, говоритъ Ксеносъ, ἢ σμικρᾶς αὖ πόλεως ὄγκως μῶν τι πρὸς ἀρχὴν διοίσετον.

4) Эти начала политической науки, на основаніи которыхъ долженъ дѣйствовать государственный человѣкъ, высказаны Аристоте-

кое воззрѣніе неправильно. Для насъ это будетъ ясно, если разсмотримъ дѣло тѣмъ способомъ, которымъ мы обыкновенно руководимся въ подобныхъ изслѣдованіяхъ. [5]) Какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, сложное необходимо дѣлить на простые элементы (такіе элементы суть самыя меньшія части цѣлаго), такъ и теперь разсмотримъ, изъ какихъ элементовъ состоитъ государство; тогда мы яснѣе поймемъ отличіе ихъ другъ отъ друга и увидимъ, можно ли относительно каждаго изъ нихъ допустить что-либо искусственное. [6]) Если же притомъ посмотрѣть на дѣло съ исторической точки зрѣнія, тогда, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, можно дойдти до самыхъ правильныхъ воззрѣній.

Прежде всего необходимо соединяется между собою то, что̀ не можетъ существовать одно безъ другаго: такъ женщина соединяется съ мущиной съ цѣлію рожденія, и это соединеніе бываетъ конечно не поразчету: напротивъ, въ человѣкѣ, какъ въ другихъ животныхъ и растеніяхъ, есть природное стремленіе оставить послѣ себя особь подобную себѣ. Далѣе, властвующій и подчиненный также естественно соединяются между собою, въ интересѣ ихъ собственнаго благосостоянія. Кто можетъ мыслить и предусматривать, тотъ естественно властитель и господинъ; а кто только своимъ тѣлеснымъ трудомъ въ состояніи осуществлять его мысль на дѣлѣ, тотъ стоитъ къ нему въ подчиненномъ отношеніи и является рабомъ по самой природѣ. Такое отношеніе между господиномъ и рабомъ обоюд-

---

лемъ въ III кн. 2 гл. Политики: δεῖ δὲ τὸν πολίτην ἀγαθὸν ἐπίςτασθαι καὶ δύνασθαι καὶ ἄρχεσθαι καὶ ἄρχειν.

5) Κατὰ τὴν ὑφηγημένην μέθοδον. Этотъ методъ, которымъ Аристотель пользовался во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, состоитъ въ анализѣ данныхъ понятій на основные, первоначальные элементы, изъ которыхъ онѣ слагаются. Чрезъ такой анализъ конечно лучше выясняется природа даннаго предмета, и такимъ образомъ мышленіе, имѣющее его своимъ содержаніемъ, заключается уже тѣми необходимыми предѣлами, которые обозначаются для него самою природою предмета. (См. также кн. 1 гл. 3.)

6) Ἔι τι τεχνικὸν ἐνδέχεται λαβεῖν. Ища объясненія этой фразы въ послѣдующихъ выраженіяхъ Аристотеля, мы находимъ его въ выраженіи προαίρεσις. Это выраженіе, имѣя смыслъ разчета, соображенія, характеризуетъ собою все техническое, искусственное. Аристотель говоритъ, что элементы государства, тѣ части, изъ которыхъ состоитъ оно, каковы: семья, слобода, какъ увидимъ ниже, образуются οὐκ ἐκ προαιρέσεως т.-е. не искусственно, но φύσει, естественно.

но полезно как для того, так и для другаго. Между тѣмъ женщина и рабъ естественно различны между собою. Природа ничего не производитъ нищенски, ничего такого, что было бы похоже на дельфійскій ножъ; [7]) напротивъ, каждый отдѣльный предметъ она производитъ для одной какой-либо цѣли: ибо всякое орудіе тогда только можетъ достигнуть высшаго совершенства, когда оно служитъ не для многихъ дѣлъ, а для одного. Но у варваровъ одинаково смотрятъ на женщину и на раба, и это потому, что у нихъ нѣтъ никого, кто имѣлъ бы власть по самой природѣ; общество ихъ состоитъ изъ рабынь и рабовъ, потому выраженіе поэтовъ: [8]) «Гелленамъ прилично властвовать надъ варварами»— надобно понимать въ томъ смыслѣ, что варваръ и рабъ по природѣ своей одно и тоже. [9])

---

7) Аристотель называетъ дельфійскій ножъ произведеніемъ бѣднымъ, πενιχρῶς. По объясненію Геттлинга, бѣдность дельфійскаго ножа состояла въ томъ, что онъ былъ изъ дерева и желѣза. См. Геттлингъ. Arist. Politic. Adnotation. стр. 278. Въ противоположность дельфійскому ножу, природа (такъ объясняетъ Геттлингъ мысль Аристотеля) не производитъ людей такими, что они частію рабы, а частію свободны, напротивъ, рабы всецѣло рабы, а свободные всецѣло свободны. Но обращая вниманіе на послѣдующее опредѣленіе совершеннѣйшаго орудія, можно думать, что дельфійскій ножъ, въ противоположность совершеннѣйшему орудію, употреблялся не для одной, а для разныхъ нуждъ, съ чѣмъ согласны и другіе комментаторы. См. Шлоссеръ. Aristot. Politik. 1798 г. стр. 5. Прим. 7. С.—Илеръ. Politique d'Aristote 1848 г. стр. 4.

8) Здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду Эврипида, въ трагедіи котораго Iph. Aul. ст. 1400, героиня говоритъ: «мать моя, Гелленамъ прилично властвовать надъ варварами, а не варварамъ надъ Гелленами, потому что варвары рабы, а Геллены свободны.» Въ «Еленѣ» въ трагедіи того же Эврипида ст. 284 Елена, жалуясь на то, что попала къ варварамъ, говоритъ: у варваровъ всѣ рабы, исключая одного.

9] Признаніе рабства, какъ явленія законнаго и нормальнаго, основывалось въ древнемъ мірѣ на томъ, что личность человѣка чувствовалась тогда только въ опредѣленіяхъ среды гражданской. См. Германъ. Lehrbuch der Griechischen Staatsalterthümer § 9. Свобода и рабство, въ понятіи Грековъ, были, можно сказать, синонимами гелленизма и варварства. Индивидуумъ греческаго міра чувствовалъ себя свободнымъ лишь по стольку, по скольку онъ сознавалъ себя членомъ цѣлаго государства. Напротивъ, всѣ тѣ, которые, по происхожденію своему, не принадлежали прямо къ тому или другому Греческому государству, и такимъ образомъ не принимали непосред-

Итакъ изъ вышеупомянутыхъ двухъ соединеній [10]) образуется первая форма общежитія — семья. Гезіодъ справедливо сказалъ: прежде всего домъ, потомъ жена и рабочій волъ; [11]) потому что у бѣдныхъ волъ замѣняетъ раба. Итакъ первая

ственнаго участія въ дѣлахъ его, были не свободны. Таковы были всѣ не Греки—варвары. Впрочемъ понятіе о варварѣ въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно употребляется у греческихъ авторовъ, принадлежитъ уже классическому времени. Гомеръ, какъ замѣчаетъ Өукидидъ 13, не употребляетъ этого слова въ смыслѣ классическаго времени. Первоначально слово варваръ означало человѣка не гелленскаго происхожденія, указывало только на грубость и шероховатость его рѣчи (см. Страб. 14.662). Въ этомъ отношеніи, по замѣчанію Геродота, (кн. 11 гл. 151) не только Греки, но и Египтяне называли варваромъ всякаго, кто не говорилъ на ихъ языкѣ. Слово варваръ, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, не исключительно принадлежитъ греческому языку. Въ формахъ barbara, barvara, varbara и varvara, это слово встрѣчается въ древнихъ санкритскихъ памятникахъ индійской письменности, въ законахъ Ману и Магабгаратѣ. У Индусовъ это слово обозначаетъ варвара не только въ древнемъ греческомъ смыслѣ, но и человѣка низшихъ, презрѣнныхъ кастъ. (См. Отеч. Зап. 1862 г. № 7. Этнографич. Этюды г. Ешевскаго стр. 107). Въ этомъ смыслѣ, слово варваръ приближается къ употребленію его у греческихъ авторовъ классическаго времени и къ тому смыслу, какой соединяетъ съ нимъ Аристотель, въ указанномъ мѣстѣ текста.

10) Т.-е. мужа съ женою и господина съ рабомъ.

11) См. Ἔργ. κ. ἡμέρ. ст. 405. Слѣдующій за тѣмъ стихъ читается у Гезіода такъ: κτητὴν οὐ γαμετήν, ἥτις καὶ βουσὶν ἕποιτο — пріобрѣтенную (т.-е. рабу, служанку), а не жену, чтобы она могла ходить и за волами. Принимая въ соображеніе этотъ стихъ, комментаторы Политики замѣчаютъ, что Аристотель неправильно воспользовался словами Гезіода. Аристотель говоритъ, что въ основаніи семьи лежатъ два союза: мужа съ женою и господина съ рабомъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ стихъ изъ Гезіода. Если приведенный стихъ читать одинъ, то, по объясненію Аристотеля, онъ, дѣйствительно, можетъ служить подтвержденіемъ его словъ; если же читать его вмѣстѣ съ слѣдующими стихами, то, по Гезіоду, семья состоитъ только изъ одного союза — изъ союза господина и служанки, а не изъ двухъ, какъ говоритъ Аристотель. Такимъ образомъ Гезіодъ въ этомъ случаѣ не можетъ служить подтвержденіемъ Аристотелю. Но такое неосторожное пользованіе чужими словами едвали можетъ быть допущено относительно Аристотеля. Скорѣе слѣдуетъ принять, что вышеприведенный стихъ о рабѣ и женѣ, есть вставочный и что Аристотель въ этомъ мѣстѣ не читалъ его у Гезіода. (См. Геттлингъ. Ibid стр. 279. Шнейдеръ. Arist. Politicor. Vol. 11 стр. 8).

естественная форма общежитія, неизмѣняющаяся во все время человѣческаго существованія, есть семья; членовъ семьи Харондъ называетъ однокашниками, а Эпименидъ Критянинъ — одноочажниками [12]) Затѣмъ слѣдуетъ другая форма общежитія, — слобода [13]); она состоитъ изъ нѣсколькихъ семей, и интересы ея не ограничиваются уже предѣлами обыденныхъ нуждъ. Всего естественнѣе смотрѣть на слободу, какъ на разселеніе семьи; членовъ одной слободы нѣкоторые называютъ одномолошниками, таковы дѣти и внуки. Если государства, какъ и теперь еще сохранилось это у нѣкоторыхъ племенъ, первоначально были подъ управленіемъ царей, то это потому, что сложились онѣ изъ такихъ людей, которыми управляли цари. Подобно тому какъ всякою семьею управляетъ старѣйшій въ родѣ, въ качествѣ царя, такъ и дальнѣйшее разселеніе семьи, вслѣдствіе родства ея членовъ между собою, находится также подъ управленіемъ царя [14]). Изреченіе Гомера: каждый властвуетъ надъ дѣтьми и женами [15]) — относится именно къ эпохѣ спорадическаго образа жизни, а такъ дѣйствительно жили люди въ древности. Тогда гово-

12) Харондъ — славный законодатель Катаны въ Сициліи за 400 л. до Р. Хр. Эпименидъ Критянинъ жилъ за 300 или болѣе л. до Р. Хр. Онъ вѣроятно писалъ что нибудь объ общественномъ устройствѣ Критянъ. Вотъ, между прочимъ, свидѣтельство глубочайшаго философа и политика о родовомъ бытѣ народовъ. Аристотель говоритъ о родовомъ бытѣ, какъ объ общей нормѣ быта народовъ, на извѣстной степени ихъ развитія. Такъ дѣйствительно и есть на самомъ дѣлѣ: родовой бытъ есть тотъ бытъ, которымъ живутъ всѣ историческіе народы. Задача историка какого-либо народа состоитъ не въ томъ, чтобы доказать, жилъ или нѣтъ этотъ народъ родовымъ бытомъ, но въ томъ, чтобы выяснить индивидуальную форму родоваго быта въ исторіи даннаго народа.

13) Κώμη — селеніе, слобода — есть одна изъ естественныхъ формъ общественной жизни. Жизнь въ слободахъ предшествовала у Грековъ городской жизни, и сама слобода есть не что иное, «какъ дробь отсутствующаго цѣлаго, т.-е. города» (См. Пропил. Т. III, Греція до Перс. войнъ г. Леонтьева стр. 17). Различіе жизни въ слободѣ отъ городской жизни, по свидѣтельству Павсанія, (X. 4. 1.) состоитъ въ томъ, что у слободскихъ жителей нѣтъ ни священныхъ акрополей, ни государственныхъ площадей, нѣтъ изящно украшенныхъ храмовъ и портиковъ, нѣтъ ни театра для музыки или драмы, ни гимнасія для тѣлесныхъ упражненій. Жители слободъ не знаютъ безопасности, доставляемой твердыми стѣнами города; потому, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, они принуждены бѣжать въ лѣса и горы. Что жизнь въ слободахъ дѣйствительно была прецедентомъ городской жизни Грековъ и не можетъ считаться философскою фикціей Аристотеля, въ этомъ увѣряютъ насъ Ѳукидидъ, Страбонъ и др. Ѳукидидъ прямо говоритъ, что Геллены сперва жили въ слободахъ, *κατὰ κώμας*. (См. Ѳук. 1. 5. 1. — 1. 10. 2. — III. 94. 4. Также Страб. VIII. стр. 336 — 7.) Впрочемъ можно думать, что *κώμη*, какъ форма жизни, предшествующая городской, не заключаетъ въ себѣ никакого опредѣленнаго юридическаго понятія; отъ этой *κώμη*, какъ естественной формы жизни, должно отличать другую *κώμη*, дорійскую, которая, по свидѣтельству Аристотеля, соотвѣтствуетъ тому, что Афиняне называютъ словомъ *δῆμοι*, (см. Poet. 111. 6). Эта дорійская *κώμη*, если была также прецедентомъ города, то она существовала одновременно съ городомъ, стоя къ нему въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и даже послѣ него. Такъ Страбонъ говоритъ о *κώμη* Гелосъ, что прежде она была городомъ: *καὶ κώμη Ἕλος πρότερον δ᾽ ἦν πόλις* (VIII 363). См. К. Ф. Германъ. Antiquitat. Laconicar. 1. стр. 24

14) Этими словами Аристотель очевидно описываетъ патріархальный бытъ. Личность царя въ патріархальномъ бытѣ характеризуется совершенно особенными чертами. Какъ старшій въ родѣ, онъ, подобно гомеровскимъ анактамъ, былъ предводителемъ своего племени на войнѣ, его судьею и ходатаемъ его предъ богами. Жреческая обязанность была не отъемлемою принадлежностью царской власти. Majorum haec erat consuetudo, ut rex esset etiam sacerdos et pontifex, говоритъ Сервій (ad Virg Aeneid III. 80.)—что одинаково относится, какъ къ греческимъ царямъ, такъ и къ римскимъ. Тоже говоритъ и Платонъ о египетскихъ царяхъ и гелленскихъ. (См. Politicus p. 290 E. Stallb). Итакъ старѣйшество царя, судейская его власть, предводительство на войнѣ, наконецъ его жреческое достоинство, вмѣстѣ съ отсутствіемъ письменныхъ законовъ, мѣсто которыхъ заступаютъ обычаи, или такъ называемые *ἄγραφοι νόμοι* — вотъ черты патріархальной монархіи, о которой говоритъ Аристотель въ текстѣ. Эта патріархальная монархія называется у Платона (De Leg. 33 стр. 680) *δυναστέια*,, которую, впрочемъ, должно отличать отъ *δυναστέια*, употребляемой Аристотелемъ. Что эта монархія, или, по Платону, династія, была древнѣйшею формою управленія въ Греціи, въ этомъ увѣряютъ насъ всѣ писатели древности. Таковы были *πατρικαὶ βασιλέιαι*, о которыхъ говоритъ Ѳукидидъ (1. 13.) Также Діонисій Галикарнасскій говоритъ: *κατ᾽ ἀρχὰς μὲν ἅπασα πόλις ἑλληνικὴ ἐβασιλεύετο* (γ. 74). Изображеніе этого быта, какъ мы уже сказали, находится у Гомера. Такой бытъ можно считать началомъ чисто гелленской жизни. Цари у Гомера вовсе не похожи на азіатскихъ деспотовъ. Какъ царь боговъ Зевсъ подчиненъ велѣнію высшей судьбы (См. Вахсмутъ. Hellen Alterthumsk. 1. 1. стр. 88), такъ и цари патріархальнаго быта подчинялись высшей идеѣ права и закона, такъ что, по выраженію одного писателя, царь былъ одушевленный законъ — *νόμος ἔμψυχος*.

15) См. Одис. VIII. 114. Здѣсь Гомеръ говоритъ о циклопахъ.

рили, что и боги находятся подъ управленіемъ царя, потому что сами люди, какъ встрѣчаемъ это еще и теперь, въ древности были подъ управленіемъ царей. Представляя себѣ боговъ въ человѣческомъ видѣ, они думали, что и образъ жизни боговъ такой же, какъ и у нихъ.

Наконецъ совершеннѣйшая форма общежитія, состоящая изъ многихъ слободъ, есть государство, — такая форма, въ которой общественная жизнь, во всѣхъ отношеніяхъ можно сказать, достигаетъ высшей степени благосостоянія [16]). Происходя просто по нуждѣ жизни, государство, въ сущности своей, есть среда счастливой жизни [17]). Итакъ, если существованіе предшествующихъ формъ общежитія объясняется потребностью человѣческой природы, то и государство точно также вытекаетъ изъ природы, какъ конечной цѣли предшествующихъ формъ общественной жизни [18]). Природою каждаго предмета мы называемъ то, чего достигаетъ предметъ, какъ цѣли своего бытія; такъ мы опредѣляемъ природу человѣка, лошади, семьи. Далѣе, цѣль, для которой существуетъ предметъ, есть самое лучшее въ немъ, а благосостояніе составляетъ цѣль общежитія; посему та форма общежитія, въ которой жизнь дѣйствительно достигаетъ этой цѣли, есть самая лучшая [19]).

Изъ всего сказаннаго явно, что государство есть естественная форма общежитія и человѣкъ, по природѣ своей, существо политическое; такъ что кто по природѣ своей, а не по обстоятельствамъ жизни стоитъ внѣ государства, тотъ или хуже, или лучше человѣка. О такомъ человѣкѣ не безъ гнѣва говоритъ Гомеръ: безродный, беззаконный, безпріютный. [20]) Такой человѣкъ естественно бываетъ сварливъ, потому что ничѣмъ не связанный, онъ живетъ какъ птица. [21]) Мысль, что человѣкъ есть существо болѣе общественное, нежели пчелы и всѣ прочія животныя, живущія стадами, находитъ себѣ подтвержденіе въ природѣ всего созданнаго: если природа не производитъ ничего безъ цѣли, то не даромъ одинъ только человѣкъ между всѣми животными обладаетъ словомъ. Голосъ вообще служитъ лишь для выраженія печали и радости, посему его имѣютъ и другія животныя, ибо природа животныхъ развита до такой степени, что онѣ способны ощущать печаль и радость и свои ощущенія передавать другъ другу. А слово служитъ для того, чтобы высказывать, что̀ полезно и что̀ вредно, и также что̀ справедливо и что̀ не справедливо. Отъ прочихъ животныхъ человѣкъ отличается именно тѣмъ, что имѣетъ сознаніе о добрѣ и злѣ, о справедливомъ и не справедливомъ и о другомъ подобномъ. Итакъ, вслѣдствіе общенія людей между собою, сперва образуется семья, а потомъ государство; но, по смыслу своей природы, государство существуетъ прежде, чѣмъ семья и каждый изъ насъ въ отдѣльности, потому что цѣлое необходимо прежде своей части; [22]) такъ какъ съ уничтоженіемъ цѣлаго (человѣ-

16) Πάσης ἔχουσα πέρας τῆς αὐταρκείας

17) Здѣсь мы встрѣчаемъ обыкновенное въ греческомъ языкѣ различіе между γίγνεσθαι и εἶναι: ἡ πόλις γινομένη τοῦ ζῆν ἕνεκεν, οὖσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν, говоритъ Аристотель. Γινομένη указываетъ на то, что бываетъ; а οὖσα — на то, что должно быть, на сущность, на внутреннюю цѣль государства. Въ этомъ смыслѣ глаголъ εἶναι означаетъ revera, на самомъ дѣлѣ. Туже мысль о существенной цѣли государства Аристотель высказываетъ и въ другихъ мѣстахъ Политики. Срав. III. 5. 10.

18) Представленіе о природѣ и о цѣли сущаго лежитъ въ основаніи всего спекулятивнаго мышленія Аристотеля и проходитъ чрезъ всю его философію. См. ученіе Аристотеля о природѣ и цѣли въ Metaph. Кн. V гл. 4 и 16 и др.

19) Послѣдняя слова текста: ἔτι τὸ οὗ ἕνεκα καὶ τὸ τέλος βέλτιστον, ἡ δ' αὐτάρκεια τέλος καὶ βέλτιστον — читаются различно, и во всякомъ случаѣ, для буквальнаго и точнаго перевода не удобно. Тѣмъ не менѣе мысль Аристотеля понятна. Философъ говоритъ, что государство, какъ цѣль всѣхъ низшихъ формъ общежитія, есть наилучшая изъ всѣхъ другихъ формъ.

20) См. Ил. XV. 63.

21) Ἅτε περ ἄζυξ ὢν ὥσπερ ἐν πεττοῖς. Слова эти вѣроятно также суть стихъ изъ какого нибудь поэта. Въ текстѣ стиха можетъ быть прямо было указано на извѣстный родъ птицъ, но комментаторы Аристотеля разногласятъ въ этомъ случаѣ. Одни говорятъ, что Аристотель разумѣлъ здѣсь орла, другіе думаютъ, что это указаніе болѣе относится къ кукушкѣ. Срав. Histor anim. VIII. 9.

22) Ученіе о первомъ и второмъ бытіи, о бытіи по понятію и по дѣйствительности, есть одно изъ основныхъ ученій нашего философа. Подробнѣе оно развито имъ въ Метафизикѣ и въ Физикѣ. Первое бытіе есть бытіе по понятію; второе бытіе есть бытіе дѣйствительное. Что̀ по понятію прежде, то̀ по дѣйствительному бытію послѣ. Цѣль по понятію прежде того, что̀ существуетъ сообразно съ нею; потому государство, какъ цѣль всякаго общежитія, слѣдовательно по понятію, должно быть прежде, чѣмъ семья и каждый отдѣльный человѣкъ. Но замѣтимъ, что Аристотель только формулировалъ этотъ взглядъ научнымъ образомъ, а по содержанію своему

ка напримѣръ) не будетъ ни ноги, ни руки, развѣ только номинально, въ такомъ напримѣръ смыслѣ, какъ каменную руку называютъ рукою; но она не истинная рука, а поддѣльная. Всякій предметъ, какъ такой, опредѣляется какъ самымъ его дѣйствіемъ, такъ и способностью дѣйствовать, такъ что, пока предметъ еще не дѣйствуетъ, или не высказываетъ способности дѣйствовать, [23]) до тѣхъ поръ о немъ нельзя сказать, что онъ именно этотъ предметъ, но можно только сказать, что онъ подобенъ этому предмету. Итакъ ясно, что государство существуетъ естественно и притомъ прежде, чѣмъ каждый отдѣльный его членъ; потому что, если внѣ государства никто не можетъ имѣть полнаго благосостоянія, то каждый человѣкъ относится къ государству точно также, какъ вообще части относятся къ своему цѣлому. А кто не можетъ жить въ обществѣ, или кто не имѣетъ ни въ чемъ нужды, потому что самъ доволенъ собою во всемъ, тотъ не составляетъ никакой части государства, и есть или звѣрь, или богъ. Между тѣмъ во всѣхъ людяхъ есть природное стремленіе къ такого рода общежитію; и основатель такой формы общежитія былъ виновникомъ величайшихъ благъ для людей. Потому что, если съ одной стороны, въ совершенствѣ своемъ, человѣкъ есть лучшій изъ всѣхъ живыхъ существъ, то съ другой—оставаясь внѣ закона и справедливости, онъ становится худшимъ изъ всѣхъ, такъ какъ вооруженная несправедливость есть самая ужасная, а человѣкъ дѣйствительно отъ природы владѣетъ могущественнымъ оружіемъ, которое заключается въ его мудрости и энергіи—оружіемъ, которое онъ можетъ употреблять въ ту и другую сторону. Потому безъ добродѣтели человѣкъ

онъ издавна лежитъ въ основаніи всего греческаго государственнаго права—именно: отдѣльный человѣкъ только въ средѣ государства есть человѣкъ и лицо; вотъ точка взгляда, съ какой въ древнемъ мірѣ смотрѣли на отношеніе индивидуума къ государству. Древній человѣкъ принадлежалъ государству, какъ составная часть его, и безъ него, какъ часть безъ цѣлаго, онъ не имѣлъ никакого значенія. Справедливо замѣчаетъ Титтманнъ (Griech. Staatsverfass. стр. 15), что «въ новое время государство гораздо болѣе имѣетъ въ виду безопасность отдѣльнаго лица, нежели какъ это было у Грековъ, потому что у нихъ все вниманіе было устремлено на сохраненіе цѣлаго, т.-е. государства и т. д.»

23) Ὥστε μηκέτι τοιαῦτα ὄντα т.-е. или предметъ еще не дѣйствуетъ, или не имѣетъ способности дѣйствовать.

становится самымъ нечестивымъ и самымъ дикимъ существомъ, а въ отношеніи къ половому наслажденію и пищѣ онъ хуже тогда всякаго животнаго. Но справедливость имѣетъ мѣсто только въ политической жизни, потому что весь строй политическаго общежитія держится на правѣ, а право само по себѣ есть нечто иное, какъ основа для критики справедливаго и несправедливаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ученіе о господинѣ и рабѣ. Доказательства въ пользу и противъ рабства. Взглядъ самого Аристотеля на рабство.

Уяснивъ себѣ такимъ образомъ, изъ какихъ частей состоитъ государство, прежде всего мы должны говорить о семьѣ, потому что государство слагается изъ семей; а въ семьѣ есть свои части, изъ которыхъ, въ свою очередь, состоитъ она сама; именно, цѣльная семья состоитъ изъ рабовъ и свободныхъ. Такъ какъ каждое дѣло должно изслѣдовать въ его основныхъ, самомалѣйшихъ частяхъ, и такъ какъ первыя и самомалѣйшія части семьи суть: господинъ и рабъ, мужъ и жена, отецъ и дѣти; то на эти-то три элемента семейнаго быта и должно, кажется, обратить намъ свое вниманіе. Разсмотримъ, въ чемъ состоитъ каждый изъ нихъ, и каковъ онъ долженъ быть.

Въ семьѣ имѣютъ мѣсто отношенія трояказо рода: господскія, супружескія (впрочемъ для соединенія жены съ мужемъ нѣтъ особеннаго названія) и родительскія, но и это послѣднее отношеніе также не обозначается какимъ-либо собственнымъ именемъ [1]); тѣмъ не менѣе между членами семьи мы

---

1) Здѣсь конечно поражаютъ читателя замѣчанія, что для супружескихъ и родительскихъ отношеній нѣтъ особеннаго названія, между тѣмъ какъ онѣ названы. Вотъ въ чемъ дѣло: Аристотель говоритъ, что между членами семьи существуютъ троякія отношенія: 1) господскія δεσποτική отъ δεσπότης господинъ; 2) супружескія, по-гречески должно бы быть ποσιακή, отъ πόσις супругъ, но такого прилагательнаго по-гречески нѣтъ; потому Аристотель и говоритъ, что

признаемъ именно эти трoякія отношенія. Кромѣ того есть еще одна сторона семейной жизни, на которую одни смотрятъ вообще какъ на экономическую ея сторону, а другіе— какъ на самую важнѣйшую ея часть: я говорю о стяжательности; [2]) въ послѣдствіи [3]) мы разсмотримъ, въ чемъ состоитъ эта сторона семейнаго быта

Скажемъ сначала о господинѣ и рабѣ; при этомъ мы имѣемъ въ виду уяснить, что въ отношеніяхъ ихъ между собою есть необходимаго для житейскихъ нуждъ; кромѣ того мы имѣемъ здѣсь еще въ виду и другую цѣль: нельзя ли на эти отношенія взглянуть нѣсколько лучше, нежели какъ доселѣ ихъ понимали. Нѣкоторымъ кажется, что отношенія между господиномъ и рабомъ опредѣляются какою-то наукой, [4]) и что власть господина, какъ замѣтили мы выше, та же самая, что и власть домохозяина, или власть человѣка государственнаго, или власть царя. Другіе же [5]) думаютъ, что пользоваться го-

---

это отношеніе ἀνώνυμον. Также точно ἀνώνυμον — отношеніе, которое по-русски мы означили словомъ родительское, ибо по-гречески оно должно бы быть названо πατρική, но этимъ словомъ означается наслѣдственность отъ отца къ дѣтямъ. См. Полит. кн. III гл. 5, 9. Ἠθικ. Νικομ. VIII. 10. Впрочемъ слово πατρική, въ смыслѣ родительскаго отношенія, употреблено Аристотелемъ въ этой же книгѣ, въ началѣ 5 гл.

2) Περί τῆς καλουμένης χρηματιστικῆς. Подъ словомъ χρῆμα Аристотель разумѣетъ частію вообще имущество, частію собственно деньги, какъ увидимъ ниже. Въ настоящемъ случаѣ онъ говоритъ конечно о пріобрѣтеніи вообще.

3) См. 3 гл. этой же книги.

4) Аристотель очевидно намекаетъ здѣсь на Платона, который на отношенія господина къ рабу смотрѣлъ, какъ на предметъ науки, которой будто бы можно учиться. См. ниже примѣч. 21.

5) Кто эти другіе? Кто бы они ни были, замѣчательно то, что въ средѣ греческаго общества, матеріальный и экономическій бытъ котораго основывался на рабствѣ, были люди, протестовавшіе противъ этой основы быта. Такъ у Аѳенея (lib. VI p. 263.) сохранился стихъ комическаго поэта Ферекрата, современника Перикла, въ которомъ онъ сожалѣетъ о времени, когда не было рабовъ. Подобнымъ образомъ, поэтъ Филемонъ и философъ Митродоръ, жившіе, по всей вѣроятности, во время Аристотеля, также были не расположены къ рабству, какъ это видно изъ фрагментовъ ихъ сочиненій, переданныхъ Стобеемъ (Serm. CLXXIV. стр. 600). Первый замѣчаетъ, что рабъ, несмотря на свое несчастное положеніе, все же не перестаетъ быть человѣкомъ. Второй говоритъ, что рабъ есть очень невыгодная собственность. Аѳеней замѣчаетъ (lib. VI p. 263), что

сподскою властію противуестественно, потому что рабъ и свободный таковы только будто бы по закону, а по природѣ они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Посему власть господина надъ рабомъ, какъ власть основанная на силѣ, по ихъ мнѣнію, не справедлива.

Если владѣніе имуществомъ есть одно изъ условій семейнаго быта, то умѣнье пріобрѣтать имущество составляетъ одну изъ сторонъ домашняго хозяйства, (потому что безъ необходимаго нельзя не только хорошо жить, но и просто жить); далѣе, какъ для успѣха каждаго дѣла, которое дѣлается съ опредѣленною цѣлію, необходимо должны быть спеціальныя средства, если только хотимъ, чтобы это дѣло было выполнено въ совершенствѣ, такъ и для хозяйственныхъ цѣлей необходимо должны быть извѣстныя средства. Эти средства двоякаго рода: одни не одушевленныя, а другія одушевленныя. Для корабельщика напримѣръ руль — средство не одушевленное, а рулевой — одушевленное, потому что слуга въ каждомъ дѣлѣ есть то же, что орудіе въ какомъ-либо искусствѣ. Посему, если каждый предметъ, которымъ мы владѣемъ, есть средство для жизни, а вообще имущество слагается изъ множества такихъ средствъ; то рабъ, какъ и всякій вообще слуга, будучи одушевленнымъ имуществомъ, есть лучшее средство для разныхъ потребностей жизни, ибо онъ замѣняетъ собою нѣсколько другихъ. Еслибы каждое орудіе, или по приказанію человѣка, или по собственному предусмотрѣнію, само могло исполнять свое дѣло, подобно тому какъ разсказываютъ о произведеніяхъ Дедала и о треножни-

---

ни у одного греческаго племени рабы не назывались собственнымъ именемъ «рабовъ;» напротивъ, у однихъ они назывались пенестами, у другихъ — илотами, а у иныхъ — періэками, какъ бы обитателями вокругъ дома. Каллистратъ, одинъ изъ древнѣйшихъ комментаторовъ Аристофана, увѣряетъ, что этотъ эвфимизмъ былъ принятъ для того, чтобы, по крайней мѣрѣ, на словахъ облегчить печальное положеніе рабовъ. Историкъ Ѳеопомпъ, современникъ Аристотеля, говоритъ, (см. Аѳен. lib. VI p. 265), что Хіосцы, первые между Греками, ввели обычай покупать рабовъ и что дельфійскій оракулъ возвѣстилъ имъ за это гнѣвъ боговъ. Ясно такимъ образомъ, что рабство еще въ IV вѣкѣ до Р. Хр. имѣло уже противъ себя протестъ. Самъ Аристотель, который доказываетъ, что есть люди—рабы по природѣ, предъ смертію далъ свободу своимъ рабамъ. (См. Діог. Лаэрц. lib. V p. 169—70.)

кахъ Гефеста, [6]) которые, по словамъ поэта, сами собою катились въ сонмъ боговъ,—такъ еслибы челноки сами ткали, а плектры сами играли на киоарѣ, тогда бы мастерамъ не было никакой нужды въ слугахъ, а господамъ въ рабахъ. Должно замѣтить, что орудія, въ собственномъ смыслѣ этого слова, суть производительныя орудія, а имущество есть только лишь практическое средство жизни. [7]) Такъ, кромѣ собственнаго употребленія челнока, при помощи его дѣлается еще нѣчто другое, а платье и кроватъ только сами составляютъ предметъ употребленія. Если производство и дѣйствіе, будучи различны по виду, требуютъ для себя извѣстныхъ орудій, то и самыя эти орудія необходимо должны имѣть между собою тоже самое различіе. Жизнь есть дѣйствіе, а не производство, поэтому рабъ есть слуга во всемъ томъ, что относится къ дѣйствію и, какъ имущество, онъ имѣетъ то же самое значеніе, какое вообще имѣетъ часть. Какъ часть не только есть часть другаго, но и всецѣло принадлежитъ другому, такъ равно и имущество; на этомъ основаніи господинъ есть только господинъ раба, но не принадлежитъ ему; а рабъ не только рабъ господина, но и всецѣло принадлежитъ ему. Итакъ отсюда ясно, какова природа раба и каково его значеніе. Кто, будучи человѣкомъ, по природѣ своей принадлежитъ не себѣ но другому, тотъ рабъ по самой природѣ. Хотя онъ и человѣкъ, но если онъ составляетъ предметъ имущества другаго, то онъ и человѣкъ другаго; а имущество вообще есть практическое средство жизни, отдѣлимое отъ его владѣльца. [8]) Но дѣйствительно ли кто-нибудь рабъ по своей природѣ, или нѣтъ; дѣйствительно ли для кого-нибудь лучше и справедливѣе быть рабомъ, или должно думать, что всякое рабство есть явленіе не согласное съ природою—вотъ вопросы, на которые намъ слѣдуетъ теперь обратить свое вниманіе.

6) О Дедалѣ извѣстно, что онъ сталъ давать статуямъ видъ болѣе сходный съ фигурою человѣка. Онъ отдѣлилъ отъ туловища руки и ноги, такъ что казалось, что статуи движутся сами. См. Діод. Сиц. lib. 4. cap. 76. Плат. Menon. cap. 39. Eutyphron cap. 12 Арист. De anima 1. 3. О треножникахъ Гефеста. См. Ил. XVIII ст. 376.

7) Подобное различеніе орудія отъ средства см. въ Этикѣ. Ἠθικ. Νικομ. L. VI. p. 1140. Ἠθικ. Μεγ. L. 1. p. 1197.

8) О рабахъ, какъ объ имуществѣ владѣльца и цѣнности рабовъ, о продажѣ, куплѣ и употребленіи ихъ см. Бекъ. Die Staatshaushaltung d. Athener Bd. 1. стр. 73—80.

Рѣшить эти вопросы не трудно какъ путемъ логическихъ соображеній, такъ и на основаніи дѣйствительныхъ данныхъ.

Начало власти и начало подчиненности принадлежатъ къ числу не только необходимыхъ, но и полезныхъ условій общественнаго быта. Такъ уже самымъ рожденіемъ опредѣляется различіе между тѣмъ, кто назначается къ подчиненію и тѣмъ, кто назначается къ власти. Но какъ между властвующими, такъ и между подчиненными есть много видовыхъ различій. Лучшая власть всегда бываетъ тамъ, гдѣ сами подчиненные лучше; такъ власть надъ человѣкомъ лучше, чѣмъ власть надъ звѣремъ; потому что дѣло, исполняемое лучшими, и само бываетъ лучше; а у властвующаго и подчиненнаго безъ сомнѣнія также есть общее для нихъ дѣло. Коль скоро изъ многаго слагается одно что-либо цѣлое—будетъ ли то изъ частей соединенныхъ, или раздѣльныхъ — во всякомъ случаѣ, одно всегда является властвующимъ, а другое подчиненнымъ. Въ ряду всѣхъ явленій въ природѣ, такое отношеніе преимущественно имѣетъ мѣсто между существами одушевленными, хотя есть также нѣкоторая власть и въ средѣ того, что не причастно жизни, какъ, напримѣръ, въ гармоніи [9]); но вопросъ объ этомъ принадлежитъ иной совершенно посторонней намъ теперь области изслѣдованія. [10]

9) Καὶ γὰρ ἐν τοῖς μὴ μετέχουσι ζωῆς ἐστί τις ἀρχή, οἷον ἁρμονίας. По общепринятому пониманію, смыслъ этихъ словъ таковъ, въ какомъ мы передали ихъ: гармонія, какъ нѣчто неодушевленное, μὴ μετέχουσα ζωῆς, приводится въ примѣръ того, что все, состоящее изъ частей, слагается изъ нихъ такъ, что одна часть властвуетъ надъ другими: именно, въ гармоніи всегда есть одинъ тонъ основной, которому вторятъ другіе. Но замѣчаютъ (см. Шнейдеръ. Arist. Politic. Vol. 11. стр. 22), что такое объясненіе могло бы быть принято только при другомъ чтеніи, именно, еслибы въ соотвѣтствіе μὴ μετέχουσι ζωῆς стояло: οἷον ἐν τῇ ἁρμονίᾳ, а не ἁρμονίας, какъ читается во всѣхъ кодексахъ; а при такомъ чтеніи, подразумѣвая слово ἀρχὴ, слѣдуетъ, говорятъ, понять это мѣсто такъ, что власть, или основа нэ одушевленныхъ вещей есть та гармонія, которою держатся ихъ части, въ подтвержденіе чего приводятъ мѣсто изъ Цицерона De natura deor. lib. 11 cap. 11, гдѣ онъ говоритъ, что все сложное имѣетъ въ себѣ нѣкоторый основной элементъ; in homine mens, in bellua quidam simile mentis; in arborum autem et earum rerum, quae gignantur e terra, radicibus inesse principatus putatur.

10) Ἐξωτερικοτέρας ἐστί σκέψεως. Геттлингъ полагаетъ, что изслѣдованіе о гармоніи Аристотель относитъ къ той наукѣ, quam coram auditoribus exponere solebat. (Pol. Ar. стр. 286). Но повидимому нель-

Всякое живое существо состоитъ изъ души и тѣла; естественное отношеніе между ними таково, что душа властвуетъ, а тѣло подчиняется. Должно замѣтить, что природныя свойства можно наблюдать въ предметахъ только тогда, когда они существуютъ согласно съ природою, а не тогда, когда они находятся въ извращенномъ видѣ. Посему въ настоящемъ случаѣ мы должны имѣть въ виду человѣка самаго совершеннаго, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. Въ такомъ человѣкѣ сказанное выше отношеніе души къ тѣлу вполнѣ очевидно. Но у людей порочныхъ или съ порочными наклонностями, тѣло, повидимому, часто властвуетъ надъ душею, потому что они живутъ дурно и вопреки природѣ. Итакъ въ человѣкѣ, [11]) я говорю, должно различать двоякаго рода власть: власть господскую и власть политическую. Душа властвуетъ надъ тѣломъ силою господской власти, а разумъ надъ пожеланіями тѣла— силою власти политической и царской. [12]) Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что подчиненіе тѣла душѣ, равно какъ подчиненіе пожеланій разуму и мышленію, согласно съ самою природой и полезно, какъ для души, такъ и для тѣла, тогда какъ равенство, или обратное отношеніе ихъ между собою вредно для той и другой стороны. То же отношеніе, въ свою очередь, существуетъ между человѣкомъ и прочими животными. Такъ хотя домашнія животныя, по природѣ своей, лучше дикихъ, но для всѣхъ ихъ лучше быть въ подчиненіи у человѣка, потому что чрезъ это подчиненіе онѣ достигаютъ своего собственнаго благосостоянія. Далѣе, мущина, въ сравненіи съ женщиной, лучше ея, по самой природѣ, а женщина хуже его, [13]) потому онъ властвуетъ надъ ней, а она подчиняется

зя допустить раздѣленія сочиненій Аристотеля на экзотерическія и эсотерическія, какъ хотятъ нѣкоторые, и слова ἐξωτερικός и ἐσωτερικός не слѣдуетъ вообще понимать какъ спеціальные термины, указывающіе на характеръ изложенія мыслей. См. кн. III гл. 4. Примѣч. 9.

11) Eν ζῴῳ—въ живомъ существѣ, но собственно, очевидно, рѣчь идетъ о человѣкѣ.

12) Въ отрывкѣ изъ III кн. De republica Цицерона, сохраненномъ у Августина въ 4-й кн. противъ Пелагія, разсуждается объ этомъ иначе. Imperandi et serviendi, говоритъ Цицеронъ, sunt dissimilitudenes cognoscendae. Nam ut animus corpori dicitur imperare, dicitur etiam libidini, sed corpori, ut rex civibus suis, libidini autem,ut servis dominus, quod eam coercet et frangit.

13) У Аристотеля сказано: τὸ μὲν ἄρρεν κρεῖττον, τὸ δὲ θῆλυ χεῖρον.

ему. Тотъ же законъ власти и подчиненія необходимо служитъ основаніемъ и для опредѣленія отношеній между всѣми людьми. Если нѣкоторые люди на столько разнятся отъ другихъ, на сколько тѣло разнится отъ души, животное отъ человѣкъ (а таковы всѣ тѣ люди, занятіе которыхъ состоитъ только въ тѣлесномъ трудѣ, и для которыхъ это занятіе есть самое лучшее), то они рабы по самой природѣ, и лучшая доля ихъ такова, чтобы быть въ подчиненіи той же самой власти, какой подчиняются тѣло и животныя. По природѣ рабъ тотъ, кто можетъ принадлежать другому, (потому рабъ дѣйствительно принадлежитъ другому), и тотъ, кто на столько лишь причастенъ разума, чтобы понимать разумное, а не на столько, чтобы самому обладать разумомъ. [14]) Что же касается до другихъ животныхъ, то онѣ не чувствуютъ надъ собой даже и внушеній разума, но руководятся лишь только инстинктивными побужденіями. Но относительно пользы, которую приносятъ рабы и домашнія животныя, тѣ и другія мало раз-

---

Какъ изъ самыхъ этихъ выраженій, такъ и изъ связи съ предшествующими, видно, что Аристотель прямо противуполагаетъ мущину женщинѣ, какъ лучшаго худшему. Шлоссеръ, смягчая выраженіе Аристотеля, переводитъ: der Mann ist stärker, das Weib schwächer. Но въ подлинникѣ, кажется, нѣтъ такого смысла.

14) Такъ объясняется фактъ рабства, съ точки зрѣнія Аристотеля. Рабъ тотъ, кто не въ состояніи владѣть разумомъ, но способный понимать разумное, въ состояніи лишь выполнять своими тѣлесными трудами разумную волю другаго; такимъ образомъ, по цѣли своей дѣятельности, онъ совершенно принадлежитъ другому. Повторяя Аристотеля, Цицеронъ въ 3 кн. De republica (apud Nonnium in verbo Famulantur) говоритъ: est enim genus injustae servitutis, cum ii sunt alterius, qui sui possunt esse. Такое объясненіе рабства, какъ факта, конечно не оправдываетъ его. Вышепредложенный вопросъ Аристотеля: дѣйствительно ли кто-нибудь рабъ по своей природѣ,— очевидно, не рѣшается такъ, что рабъ есть тотъ, кто, не будучи въ состояніи владѣть разумомъ, принадлежитъ другому. Въ этихъ словахъ формулируется только взглядъ древнихъ на рабство, но для оправданія рабства требуется еще доказать: дѣйствительно ли есть люди, которые по природѣ своей не способны обладать разумомъ, и потому должны принадлежать другимъ. Историческій фактъ рабства, на которомъ держался весь общественный и экономическій бытъ древняго міра, тѣмъ самымъ былъ гарантированъ отъ строгой критики, потому что непризнаніе рабства должно было нести къ радикальному перевороту всего общественнаго и преимущественно экономическаго быта древности. Не на томъ ли же основаніи держалось и держится рабство кое-гдѣ и въ новомъ мірѣ?

личаются между собою: своимъ тѣлеснымъ трудомъ они одинаково доставляютъ помощь во всѣхъ необходимыхъ потребностяхъ жизни. Природа, желая установить такое различіе между свободными и рабами, дѣлаетъ различіе и между самыми ихъ тѣлами. [15]) Тѣла рабовъ сильны, такъ что они могутъ быть употребляемы на разныя работы, необходимыя въ жизни; а тѣла свободныхъ не согбенны и не способны на такія работы, за то свободные люди годны для политической жизни, которая является въ двухъ видахъ, какъ дѣятельность воинская и какъ дѣятельность мирная. Но часто случается на оборотъ: есть люди, которые только по тѣлу свободны, а другіе — только по духу. Но еслибы нѣкоторые на столько превосходили другихъ своимъ тѣломъ, на сколько изображенія боговъ превосходятъ живыхъ людей, то и тогда бы, очевидно, всѣ согласились съ тѣмъ, что остальнымъ людямъ слѣдуетъ служить имъ. [16]) Если это справедливо относительно тѣла, то еще болѣе справедливо опредѣлять между людьми отношеніе, на основаніи различія ихъ души. Но должно замѣтить, что красота души не такъ легко узнается, какъ красота тѣла. Итакъ изъ всего сказаннаго очевидно, что нѣкоторые по природѣ свободны, а другіе по природѣ рабы; вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно и то, что польза и справедливость требуютъ, чтобы послѣдніе служили первымъ. Но при всемъ томъ не трудно сообразить, что и тѣ, которые утверждаютъ противное нашему мнѣнію, въ нѣкоторомъ отношеніи разсуждаютъ справедливо, потому что понятіе о рабствѣ и о рабѣ имѣетъ двоякій смыслъ. Такъ есть нѣкоторые рабы по закону; законъ въ этомъ случаѣ имѣетъ смыслъ договора, по силѣ котораго побѣжденные на войнѣ признаются собственностію побѣдителей. [17]) Между тѣмъ многіе легисты осуждаютъ это право побѣдителей, говоря, что оно, какъ

15) Тотъ же смыслъ содержатъ и слѣдующія два стиха Өеогнида поэта жившаго за 250 л. до Аристотеля.

Οὔποτε δουλεία κεφαλὴ εὐθεῖα πέφυκε,
Ἀλλ' αἰεὶ σκολιὴ, κ'αὐχένα λοξὸν ἔχει.

16) Подобную мысль высказываетъ и Платонъ въ діалогѣ «Политикъ.» P. 307. Stallb.

17) Ὁμολογία τις; въ этомъ мѣстѣ слово ὁμολογία всего лучше соотвѣтствуетъ понятію, заключающемуся въ нашемъ рѣченіи договоръ. См. Естественное право Шиллинга отъ стр. 136 до 141. Аөе-

какой-нибудь риторъ, отстаиваетъ противузаконное. [18]) Имъ кажется страннымъ, какимъ образомъ побѣжденный долженъ быть рабомъ и въ подчиненіи у того, кто въ состояніи былъ побѣдить его, потому что вообще превосходитъ его силою. Также смотрятъ на это право многіе во всѣхъ отношеніяхъ умные люди, но другіе, также умные люди, разсуждаютъ объ этомъ иначе. [19]) Причина такого разногласія и такого колебанія во мнѣніяхъ зависитъ отъ того, что, при помощи внѣшнихъ средствъ, побѣдить преимущественно можетъ только личное достоинство; и дѣйствительно, на сторонѣ одолѣвающаго всегда есть преимущество какого-либо внутренняго качества; такъ что внѣшняя сила, повидимому, тѣсно связана съ внутреннимъ достоинствомъ побѣдителя; посему недоумѣніе въ настоящемъ случаѣ касается только вопроса о справедливости. Что же касается до вопроса о справедливости, то нѣкоторымъ кажется, что только та власть справедлива, которая основана на добромъ согласіи. Другіе же думаютъ, что власть должна принадлежать лучшему. Такъ какъ одно изъ противуположныхъ мнѣній: будто человѣкъ, превосходящій другихъ личнымъ достоинствомъ, не долженъ властвовать и господствовать—не имѣетъ достаточной силы и убѣдительности; то защитники противуположнаго мнѣнія, опираясь на справедливое, по ихъ мнѣнію, основаніе, (потому что законъ вообще

ней (см. lib. VI p. 253) цитуетъ слова историка Архемака о подобномъ договорѣ, бывшемъ между одною колоніею Беотійцевъ и Фессалійцами. Въ древности, особенно въ эпоху Аристотеля, побѣдители пользовались этимъ правомъ во всей его силѣ. Изъ исторіи Фукидида о Пелопонесской войнѣ можно указать нѣсколько примѣровъ пользованія этимъ правомъ. Такъ lib. I. cap. XXX. lib. II cap. V и проч.

18) Ὥσπερ ῥήτορα γράφοντας παρανόμων. Этими словами Аристотель указываетъ на постановленіе Перикла, называвшееся γραφὴ παρανόμων. Это было обвиненіе, которому каждый гражданинъ могъ подвергнуть всякаго, предлагающаго какой-нибудь новый законъ, или даже измѣненіе въ старыхъ законахъ, не согласное съ духомъ всего законодательства, или противорѣчащее отдѣльному общепринятому закону. Многіе юристы, по словамъ Аристотеля, полагаютъ, что право побѣдителя дѣлать побѣжденныхъ рабами, подлежитъ той же γραφὴ παρανόμων, какъ и предложеніе какого-либо ритора, отстаивающаго нововведеніе, которое противорѣчитъ духу всего законодательства.

19) Геттлингъ полагаетъ, что Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду Платона и Пиндара. См. Polit. Ar. стр. 290.

есть нѣчто справедливое), полагаютъ, что рабство, какъ результатъ войны, не противорѣчитъ справедливости; но вѣдь въ то же время они и отрицаютъ его законность, такъ какъ самая война, по началу своему, можетъ быть несправедливою; потому всякаго, кто выше рабства, вѣроятно никто никогда не назоветъ рабомъ; въ противномъ случаѣ люди хорошаго рода, если попадутъ въ плѣнъ и будутъ проданы, окажутся рабами, и дѣти ихъ—дѣтьми рабовъ. Посему защитники этого мнѣнія не хотятъ считать рабами людей хорошаго рода, и признаютъ ими только варваровъ. [20]) Но разсуждая такъ, они рѣшаютъ лишь вопросъ о томъ, кто рабъ по самой природѣ — вопросъ, о которомъ мы уже говорили сначала. Для рѣшенія же этого вопроса необходимо признать, что нѣкоторые люди всегда рабы, а другіе никогда. Точно такимъ же образомъ должно разсуждать и о благородствѣ происхожденія. О самихъ себѣ какъ Грекахъ они думаютъ, что они благородны не только въ своей странѣ, но и во всѣхъ другихъ мѣстахъ; варвары же, по ихъ мнѣнію, благородны только у себя дома, потому что одни люди безусловно благородны и безусловно свободны, а другіе таковы только подъ условіемъ. Въ этомъ смыслѣ Елена говоритъ у Ѳеодекта: «меня, происходящую отъ двухъ божественныхъ родовъ, кто осмѣлится назвать рабою?» [21]) Разсуждая такимъ образомъ, все различіе между рабомъ и свободнымъ, человѣкомъ благороднымъ и неблагороднымъ они основываютъ не на чемъ иномъ, какъ на природномъ достоинствѣ, или на природномъ недостаткѣ человѣка. Они думаютъ, что какъ отъ человѣка рождается человѣкъ, а отъ животнаго животное, такъ и отъ че-

20) Αὐτοὺς οὐ βούλονται λέγειν δούλους.—Нѣкоторые древніе комментаторы полагаютъ, что здѣсь подъ словомъ αὐτοὺς Аристотель разумѣетъ Грековъ (см. Шнейдеръ. Arist. Polit. Vol. 11 стр. 33). А подъ защитниками этого мнѣнія нѣкоторые новые комментаторы (Шлоссеръ. Arist. Polit. 1. Abtheil. стр. 35. С. Илеръ. Pol. d'Arist. стр. 20) разумѣютъ Платона и ссылаются на 4 кн. его Республики стр. 44, гдѣ Платонъ совѣтуетъ Грекамъ не дѣлать себѣ рабами самихъ же Грековъ, но только варваровъ.

21) Ѳеодектъ былъ ученикомъ Аристотеля (или Исократа). Онъ писалъ трагедіи, какъ говорится у Аспазія въ комментаріѣ къ Этикѣ Ником. VII. 7. Кромѣ того изъ Реторики Аристотеля 11. 23. видно, что онъ писалъ также о законѣ и о республикѣ. Слич. Фабрицій. Bibliot. graec. 11 стр. 19.

ловѣка хорошихъ свойствъ—человѣкъ съ хорошими свойствами. Дѣйствительно природа часто стремится это дѣлать, но не всегда она бываетъ въ состояніи достигнуть своей цѣли. Итакъ хотя очевидно, что сомнѣніе о свободѣ и рабствѣ имѣетъ нѣкоторое основаніе; тѣмъ не менѣе очевидно также и то, что одни по природѣ рабы, а другіе по природѣ свободны. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что это различіе господства и рабства рѣзко выступаетъ въ отношеніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, именно тѣхъ, изъ которыхъ одному полезно быть рабомъ, а другому—господиномъ. Въ этомъ случаѣ справедливо и нормально, чтобы одинъ былъ въ подчиненіи, а другой властвовалъ силою той власти, которую онъ имѣетъ, по своей природѣ, т.-е. властію господина. Но должно замѣтить, что дурная власть и дурное повиновеніе не полезны ни для властвующаго, ни для подчиненнаго, потому что одно и тоже приноситъ пользу и части и цѣлому, и тѣлу и душѣ, а рабъ дѣйствительно есть часть господина, какъ бы нѣкоторая, отдѣльно отъ него существующая, одушевленная часть его тѣла. Поэтому въ отношеніяхъ между рабомъ и господиномъ, если каждый изъ нихъ таковъ по своей природѣ, имѣютъ мѣсто какъ взаимная польза, такъ и взаимная дружба. Но противуположныя слѣдствія бываютъ тогда, когда эти отношенія условливаются не природою лицъ, но основываются на законѣ и силѣ. Изъ всего сказаннаго очевидно также и то, что власть господина и власть государственнаго человѣка не одна и та же, и что вообще не всѣ власти тожественны между собою, какъ утверждаютъ это нѣкоторые. Одна власть простирается на тѣхъ, которые по природѣ своей свободны, а другая на тѣхъ, которые по природѣ рабы. Власть домохозяина есть монархическая власть, (потому что весь домъ находится подъ властію одного), а государственная власть есть власть, простирающаяся на свободныхъ и равныхъ. Господиномъ называется кто-либо не потому, что онъ знаетъ науку [22]) управлять людьми, но потому, что на самомъ дѣлѣ онъ

22) Эту мысль Аристотеля можно выяснить такимъ образомъ: кто изучаетъ какую-либо науку, тотъ получаетъ себѣ имя отъ имени этой науки; таковъ грамматикъ, философъ; но кто изучаетъ науку управлять рабами, тотъ не дѣлается еще чрезъ это господиномъ. При этомъ замѣчаніи Аристотель имѣлъ въ виду Платона (см. выше примѣч. 3). Но Платонъ разсуждалъ по этому поводу, кажется, та-

таковъ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ разсуждать о рабѣ и свободномъ. Но обязанности господина и обязанности раба могутъ быть предметомъ науки. Такова наука объ обязанностяхъ раба, которую преподавалъ нѣкто въ Сиракузахъ [23]). За извѣстную плату онъ обучалъ тамъ дѣтей рабовъ всѣмъ вообще услугамъ, которыя отъ нихъ требуются. Такое обученіе можетъ имѣть въ виду и одинъ какой-либо родъ службы изъ всей области рабскихъ службъ, напримѣръ поварскую, или другія службы подобнаго рода. Дѣло дѣлу рознь: одно согласно съ требованіями болѣе утонченнаго вкуса, а другое удовлетворяетъ только необходимымъ требованіямъ. Въ этомъ смыслѣ и пословица гласитъ: рабъ изъ рабовъ, господинъ изъ господъ [24]). Такъ дѣлятся всѣ знанія, относящіяся къ обязанностямъ рабовъ; а знаніе касающееся господина состоитъ въ умѣньи пользоваться рабами, потому что значеніе господина не въ пріобрѣтеніи рабовъ, а въ пользованіи ими. Это знаніе очевидно не заключаетъ въ себѣ ничего важнаго и значительнаго: господинъ долженъ только умѣть приказать то, что рабъ долженъ умѣть исполнить. Поэтому у тѣхъ господъ, богатство которыхъ позволяетъ имъ не входить самимъ во всѣ мелочи домашняго управленія, эта обязанность лежитъ на управителѣ, а сами они занимаются или государственными дѣлами, или философіею. Но наука о пріобрѣтеніи рабовъ совершенно отлична отъ двухъ вышесказанныхъ; какъ истинная наука, она есть наука собственно о войнѣ и объ охотѣ. Итакъ доселѣ о рабѣ и господинѣ.

кимъ образомъ: кто имѣетъ раба, но не умѣетъ владѣть имъ, для того рабъ и его собственное господство надъ нимъ ничего не значитъ. (См. Шлоссеръ стр. 41).

23) Комментаторы говорятъ, что Сиракузы славились особенно искусствомъ своихъ поваровъ. См. Республ. Платона lib. III. стр. 404.

24) Δοῦλος πρὸ δούλου, δεσπότης πρὸ δεσπότου. Эта пословица приведена у Свиды, sub v. πρό.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Экономическая сторона жизни въ двухъ ея видахъ—какъ экономическая дѣятельность естественная и неестественная.

Согласно съ принятымъ нами способомъ изслѣдованія [1]), разсмотримъ теперь вопросъ вообще о владѣніи имуществомъ и о пріобрѣтеніи имущества; такъ какъ рабъ, о которомъ мы доселѣ говорили, есть только часть имущества. Прежде всего представляется такой вопросъ: пріобрѣтеніе имущества тожественно ли съ экономическою дѣятельностію, или то есть только часть ея, или первое стоитъ въ служебномъ отношеніи ко второй, и если въ служебномъ, то относится ли оно къ ней такъ, какъ производство челноковъ относится къ самому ткачеству, или оно стоитъ къ ней въ такомъ отношеніи, какъ выдѣлка мѣди къ отливкѣ статуй. Очевидно, что производство челноковъ стоитъ къ ткачеству не въ одинаково служебномъ отношеніи, какъ выдѣлка мѣди къ отливкѣ статуй: первое доставляетъ орудіе, а второе матеріалъ. Матеріаломъ я называю тотъ предметъ, изъ котораго что-либо дѣлается; такъ для ткачества матеріаломъ служитъ шерсть, а для отливки статуй—мѣдь. Ясно, что умѣнье управлять хозяйствомъ не тоже, что умѣнье пріобрѣтать имущество: здѣсь дѣло состоитъ въ пріобрѣтеніи, а тамъ въ употребленіи. Потому что въ чемъ другомъ состоитъ домашнее хозяйство, какъ не въ пользованіи всѣмъ тѣмъ, что составляетъ домашнее имущество? Но съ другой стороны можно быть въ недоумѣніи насчетъ того, есть ли пріобрѣтеніе имущества только часть домашняго хозяйства, или оно составляетъ собою совершенно отдѣльный видъ. Задача человѣка, заботящагося о пріобрѣтеніи имущества, состоитъ въ томъ, чтобы предусматривать, откуда можно пріобрѣсти его, отъ чего можно получить прибыль. Но прибыль и богатство обнимаютъ собою многія части имущества; посему прежде всего должно рѣшить слѣдующій вопросъ: земледѣліе и вообще забота о пропитаніи составляетъ ли часть заботъ о пріобрѣтеніи имущества, или это занятіе совершенно иного рода.

---

1) Κατὰ τὸν ὑφηγημένον τρόπον. См. 5-е примѣч. къ 1-й главѣ.

Такъ какъ есть много родовъ пищи, то и образъ жизни какъ животныхъ такъ и людей различенъ. Безъ пищи жить нельзя; различіе же въ пищѣ опредѣляетъ собою различный образъ жизни самихъ живущихъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя изъ дикихъ животныхъ живутъ стадами, а другія спорадически, (разсѣянно) по скольку тотъ или другой образъ жизни пригоденъ имъ для снисканія пищи, потому что нѣкоторыя изъ нихъ суть животныя плотоядныя, другія травоядныя, а иныя всеядныя; на этомъ основаніи самый образъ ихъ жизни природа расположила такъ, что онѣ удобнѣйшимъ для себя образомъ могутъ снискивать себѣ пищу. Такъ какъ не одна и таже пища годна для всѣхъ животныхъ, но для каждаго своя, то и жизнь животныхъ плотоядныхъ и травоядныхъ различна. Нѣчто подобное должно сказать и о людяхъ: образъ ихъ жизни также рѣзко отличается одинъ отъ другаго. Такъ одни ведутъ лѣнивую жизнь номадовъ; все продовольствіе, получаемое ими отъ домашнихъ животныхъ, достается имъ безъ труда. Когда скоту ихъ приходится перемѣнить мѣсто пастбища, тогда и они бываютъ принуждены послѣдовать за нимъ; такимъ образомъ они воздѣлываютъ какъ бы живое поле [2]). Но другіе живутъ охотой, притомъ одни занимаются однимъ родомъ охоты, а другіе-другимъ. Такъ, напримѣръ, одни живутъ морскимъ разбоемъ [3]), другіе — рыболовствомъ; такой образъ жизни ведутъ обыкновенно тѣ люди, селенія которыя расположены близь озеръ, прудовъ, рѣкъ, или по берегу моря, пригоднаго для рыболовства. Иные живутъ охотой за птицами и дикими животными. Большая же часть людей живетъ земледѣліемъ, питаясь плодами растительности. Таковы различные образы жизни тѣхъ людей, дѣятельность которыхъ обращена непосредственно на предметы самой природы и которые не снискиваютъ себѣ пропитанія мѣною и продажею — такова жизнь номадовъ, земледѣльцевъ, морскихъ разбойниковъ и

2) Ὥσπερ γεωργίαν ζῶσαν γεωργοῦντες.

3) По замѣчанію Θукидида (Lib 1 cap. V.) морское разбойничество не было въ древней Греціи дѣломъ безчестнымъ. Даже во время самаго Θукидита нѣкоторыя племена сохраняли еще такой образъ жизни. Гоббесъ (Imperium cap. V § 2 и cap. XIII § 14) говоритъ: est nihil aliud praedatio, quam quod parvis copiis geritur bellum. А Блаженный Августинъ въ сочиненіи De civitate Dei съ обществомъ морскихъ разбойниковъ сравниваетъ даже государство.

охотниковъ. Но особенно счастливо живутъ тѣ люди, которые одинъ образъ жизни соединяютъ съ другимъ: пополняя недостающее въ одномъ образѣ жизни тѣмъ, что́ съ избыткомъ находится въ другомъ, они такимъ путемъ достигаютъ полнаго благосостоянія. Такъ нѣкоторые монадическій образъ жизни соединяютъ съ морскимъ разбоемъ, а другіе, будучи земледѣльцами, занимаются вмѣстѣ и охотой. Точно также, смотря по нуждѣ, люди избираютъ и другіе образы жизни. Имущество, необходимое для каждаго такого образа жизни, дается, повидимому, самою природой, какъ при первомъ появленіи человѣка на свѣтъ, такъ и въ совершенномъ его возрастѣ. Такъ нѣкоторыя животныя, вмѣстѣ съ рожденіемъ дѣтей, тотчасъ доставляютъ имъ столько пищи, что ея бываетъ совершенно достаточно до того времени, пока рожденное ими не будетъ въ состояніи само снискивать себѣ пищу. Таковы насѣкомыя, которыя производятъ червей, или птицы, которыя кладутъ яица, а другія животныя, рождающія живыхъ дѣтей, до извѣстнаго времени въ самихъ себѣ имѣютъ для нихъ пищу — молоко. Равнымъ образомъ очевидно, что природа сама доставляетъ живымъ существамъ пищу и въ то время, когда онѣ приходятъ уже въ совершенный возрастъ; такъ растенія существуютъ для животныхъ, а животныя на пользу людей. Домашнія животныя частію употребляются человѣкомъ на разныя полезныя для него дѣла, а частію идутъ ему въ пищу. А изъ дикихъ животныхъ, если не всѣ, то большая часть употребляется въ пищу и для другихъ потребностей жизни: такъ онѣ доставляютъ человѣку одежду и разные другіе предметы потребленія. Итакъ, если природа ничего не производитъ безъ цѣли, ничего по напрасну, то конечно все существующее произведено ею на пользу человѣка [4]). Съ этой точки зрѣнія дѣло войны, по природѣ своей, есть какъ бы дѣло пріобрѣтенія. Такова охота, которая, будучи частію воинскаго дѣла, имѣетъ цѣлію пріобрѣтеніе дикихъ животныхъ и тѣхъ людей, которые, по природѣ своей будучи назначены къ подчиненію, противятся своему на-

4) Такое воззрѣніе согласно съ общимъ міровоззрѣніемъ Аристотеля. Хотя каждый предметъ, какъ такой, существуетъ совершенно самостоятельно, согласно съ своею цѣлію, или природою, но самая эта цѣль опредѣляется цѣлію иного предмета высшей организаціи.

значенію [5]). Такая война, какъ дѣло естественное, конечно справедлива. Итакъ дѣятельность пріобрѣтенія въ одномъ своемъ видѣ, именно на сколько она естественна, дѣйствительно есть часть домашняго хозяйства. Потому что для домашняго хозяйства необходимы всѣ тѣ удобные для сбереженія предметы, которые потребны въ жизни и полезны въ общественномъ быту, какъ гражданскомъ такъ и семейномъ; если же ихъ нѣтъ, то должно заботиться объ ихъ пріобрѣтеніи. Эти-то предметы, повидимому, и составляютъ собою истинное богатство, потому что мѣра имущества, необходимаго для счастливой жизни, конечно не безгранична, какъ говоритъ Солонъ: «для богатства у людей нѣтъ опредѣленной мѣры» [6]) Напротивъ, какъ другія потребности, такъ и богатство имѣетъ свои предѣлы, потому что никакое средство для удовлетворенія какой бы то ни было потребности не безпредѣльно ни по числу ни по мѣрѣ, а богатство очевидно есть нечто иное, какъ сумма средствъ для жизни семейной и гражданской. Изъ всего сказаннаго такимъ образомъ ясно, что забота о стяжаніи имущества, по скольку она естественна, входитъ въ кругъ дѣятельности какъ домохозяевъ, такъ и людей государственныхъ. Причина этого также ясна. Но есть еще другой видъ пріобрѣтенія имущества; его справедливо называютъ собственно пріобрѣтеніемъ [7]) денегъ; съ этой стороны для богатства и стяжанія нѣтъ, повидимому, никакого предѣла. Такъ какъ пріобрѣтеніе денегъ граничитъ съ тѣмъ видомъ пріобрѣ-

5) Здѣсь Аристотель говоритъ конечно о войнѣ Грековъ противъ варваровъ. Варвары суть люди, которые πεφυκότες ἄρχεσθαι μὴ θέλωσιν ἄρχεσθαι; потому война противъ нихъ считается справедливою и естественною. Замѣтимъ впрочемъ, что люди, которые всюду ищутъ интриги, говорятъ, что Аристотель льститъ этими словами воинской страсти Александра.

6) Этотъ стихъ изъ стихотвореній Солона находится у Стобея Serm. IX. также у Плутарха De divitiarum cupiditate 4. p. 152. У Плутарха онъ читается нѣсколько иначе, чѣмъ у Аристотеля. Впрочемъ Солонъ говоритъ, кажется, не о безграничности богатства, но о безграничномъ желаніи людьми богатства.

7) Χρηματιστικήν. Здѣсь это слово очевидно употреблено въ мыслѣ пріобрѣтенія денегъ. (См. 2-е прим. во 2-й лг.). Замѣтимъ впрочемъ, что въ текстѣ слова κτῆσις и χρῆμα, κτητικὴ и χρηματιστικὴ мѣшаются между собою по употребленію; потому каждое изъ нихъ въ разныхъ случаяхъ мы передаемъ различно, руководясь общимъ смысломъ того или другаго мѣста.

тенія, о которомъ мы говорили выше, то многіе думаютъ, что оба эти вида пріобрѣтенія суть одно и тоже. Но они не одно и тоже, хотя дѣйствительно не далеко отстоятъ одинъ отъ другаго. Одно пріобрѣтеніе естественно, а другое не естественно; послѣднее существуетъ лишь на основаніи опыта жизни и скорѣе есть дѣло искусства, чѣмъ природы. Начнемъ же теперь разсуждать объ этомъ родѣ пріобрѣтенія.

Каждый предметъ нашего владѣнія имѣетъ двоякое употребленіе. Хотя въ томъ и другомъ случаѣ предметъ употребляется какъ такой, но не одинаково. Въ одномъ случаѣ бываетъ собственное употребленіе предмета, а въ другомъ не собственное [8]). Таково, напримѣръ, употребленіе обуви—какъ самое ношеніе обуви и какъ торговля обувью, хотя въ обоихъ случаяхъ употребляется самая обувь. Человѣкъ, мѣняющій обувь тому, кто нуждается въ ней, на деньги или на хлѣбъ, употребляетъ конечно обувь, какъ обувь, но не пользуется собственнымъ ея употребленіемъ; потому что обувь существуетъ не для мѣны. Тоже самое должно сказать и о другихъ предметахъ нашего владѣнія: всѣ они могутъ быть предметами мѣны. Что же касается до самой мѣны, то она происходитъ конечно естественно, потому что нѣкоторыхъ предметовъ бываетъ у людей обыкновенно больше, а нѣкоторыхъ меньше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія потребностей. Отсюда очевидно, что торговля въ маломъ объемѣ естественно имѣетъ мало общаго съ тѣмъ занятіемъ, которое состоитъ собственно въ пріобрѣтеніи денегъ; потому что торговля, по необходимости производимая, ведется лишь въ тѣхъ размѣрахъ, насколько это потребно для торгующихъ. Въ первой формѣ общежитія, въ формѣ семейнаго быта, такая торговля очевидно не имѣетъ мѣста, но она составляетъ принадлежность той формы общежитія, которая по объему своему болѣе семьи. Члены семьи пользуются сообща всѣмъ тѣмъ, что́ принадлежитъ ей, а члены высшихъ формъ общежитія, владѣя предметами порознь, нуждаются во многихъ другихъ [9]); посему, смотря по нуждѣ,

8) Таково одно изъ основныхъ положеній политической экономіи относительно народнаго богатства. См. Adam Smith. Rechrches sur la nature et les caufes de la richesse des nation. Trad. par Germ. Garnier. Paris 1822 г. V. 1. Тоже самое говоритъ Аристотель еще въ Ἠθικ. Μεγ. 111. 4.

9) То-есть, которыхъ имъ не достаетъ. Въ греческомъ текстѣ мысль

они необходимо должны производить мѣну, какъ это еще досель дѣлаютъ многіе варварскіе народы, ведя между собою мѣновую торговлю: они только мѣняютъ одни предметы потребленія на другіе — и болѣе ничего; такъ, напримѣръ, вино мѣняютъ на хлѣбъ и наоборотъ; точно также поступаютъ и со всѣми другими предметами потребленія. Съ одной стороны такая мѣна не есть какое-либо противуестественное дѣло; а съ другой она не составляетъ собою никакого вида и той дѣятельности, которая состоитъ собственно въ пріобрѣтеніи денегъ. Мѣновая торговля условливается тѣмъ стремленіемъ къ благосостоянію, которое неразлучно съ природою человѣка. Но отсюда очень логически развилась въ послѣдствіи та дѣятельность, которая исключительно направлена на пріобрѣтеніе денегъ. Коль скоро разныя страны почувствовали надобность взаимной помощи для привоза въ одну изъ нихъ того, чего въ ней недостаетъ, и для вывоза изъ нея того, въ чемъ у нея избытокъ, тогда по необходимости началось употребленіе денегъ, потому что не каждый предметъ, естественно необходимый въ человѣческой жизни, всегда удобно можетъ быть переносимъ съ одного мѣста на другое. Вмѣсто мѣны вещей натурою, люди согласились между собою давать и получать за предметы потребленія нѣчто такое, что, будучи цѣнно, [10]) имѣетъ въ житейскомъ быту ту выгоду предъ прочими предметами что оно удобно для обращенія: таковы мѣдь и серебро, или что-нибудь другое подобное. Сначала такой предметъ просто былъ опредѣленъ въ величинѣ и въ вѣсѣ, а потомъ стали класть на него знакъ, чтобы не вѣшать его при каждомъ случаѣ; потому что знакъ выражаетъ постоянную его стоимость [11]). Итакъ, какъ скоро, вслѣдствіе необходимыхъ условій мѣновой торговли, изобрѣтена была мо-

---

эта выражена чрезвычайно сжато: *ἡ μὲν γὰρ τῶν αὐτῶν ἐκοινώνευν πάντων, ἡ δὲ κεχωρισμένοι πολλῶν πάλιν καὶ ἑταίρων.*

10. Здѣсь Аристотель говоритъ конечно о металлахъ въ ихъ простомъ видѣ, потому называетъ ихъ цѣнными, или собственно полезными *τί τῶν χσησίμων*; между тѣмъ деньгамъ собственно (см. ниже въ текстѣ) онъ не придаетъ никакого значенія для жизни; въ этомъ смыслѣ говоритъ онъ о деньгахъ и въ Ηθικ Νικομ V. 5.

11) Срав. Ηθικ Νικομ. V. 8. Такого взгляда на деньги держится, какъ извѣстно, и современная наука. См. Естественное Право Шиллинга стр. 103—4.

нета, тогда появился новый видъ пріобрѣтенія имущества — торговля съ барышемъ. Сначала это дѣло шло просто, но потомъ, наученные опытомъ, люди стали дѣйствовать искуснѣе: стали обращать вниманіе на то, откуда и какимъ образомъ, вслѣдствіе обращенія денегъ, можно бы было получить болѣе прибыли. Такимъ образомъ забота о пріобрѣтеніи имущества, повидимому, имѣетъ въ виду преимущественно деньги, такъ что все дѣло въ этомъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, чтобы по возможности предусматривать, откуда можно получить болѣе денегъ. Съ этой стороны забота о пріобрѣтеніи имущества есть не-что иное, какъ дѣятельность, направленная на производство богатства и всякаго рода цѣнностей. Отсюда понятно, почему богатство полагаютъ часто во множествѣ денегъ — понятно, потому что всякая дѣятельность, стремящаяся къ пріобрѣтенію цѣнностей и къ барышу, имѣетъ въ виду собственно деньги. Между тѣмъ сами по себѣ деньги, повидимому, суть совершенные пустяки и имѣютъ лишь значеніе условное: вышедши изъ употребленія у тѣхъ, кто ими пользовался, сами по себѣ онѣ, какъ деньги, ничего не значатъ и негодны ни накакую необходимую потребу, такъ что богатый деньгами часто можетъ имѣть нужду въ насущномъ хлѣбѣ; хотя, съ другой стороны, конечно нелѣпо думать, что богатство есть нѣчто такое, и при обиліи чего можно однако умереть съ голоду, какъ повѣствуется это въ сказаніи о томъ миѳическомъ Мидасѣ [12]), у котораго все, что ни было, по причинѣ его безмѣрной алчности, превращалось въ золото. Тѣ, которые правильно понимаютъ богатство, ищутъ инаго богатства, инаго пріобрѣтенія, и дѣйствительно есть инаго рода пріобрѣтеніе, инаго рода богатство — богатство естественное. Такого рода пріобрѣтеніе богатства есть пріобрѣтеніе экономическое, а то пріобрѣтеніе, [о которомъ мы выше говорили], называется барышничествомъ, и барышъ получается здѣсь не какимъ бы то ни было образомъ, но не иначе, какъ посредствомъ мѣны цѣнностей. Такое пріобрѣтеніе оче-

---

12) Миѳологическое преданіе о Мидасѣ состоитъ въ слѣдующемъ: по просьбѣ Мидаса Вакхъ сдѣлалъ то, что всѣ предметы, къ которымъ онъ ни касался, превращались въ золото. Это радовало Мидаса. Но когда онъ захотѣлъ ѣсть и пить, то пища и питье точно также превратились въ золото.

видно имѣетъ въ виду только деньги, потому что деньги суть начало и конецъ всякой мѣны. Богатство, получаемое путемъ пріобрѣтенія денегъ, безпредѣльно въ своемъ объемѣ. Подобно тому какъ врачебное искусство, заботясь о здоровьѣ, дѣйствуетъ въ безпредѣльность, или какъ всякое искусство, стремящееся къ идеальной цѣли, безпредѣльно, (потому что этой цѣли обыкновенно хотятъ достигнуть, какъ можно лучше), между тѣмъ какъ другія дѣла, имѣющія въ виду данную цѣль, не простираются въ безпредѣльность, (потому что для всѣхъ такого рода дѣлъ данная цѣль есть предѣлъ ихъ);— такъ равно конечная цѣль пріобрѣтенія денегъ въ дѣйствительности не имѣетъ предѣла, потому что цѣль такого пріобрѣтенія [13]) и состоитъ только лишь въ самомъ стяжаніи богатства и цѣнностей.

Напротивъ, экономическая дѣятельность, задача которой состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ, имѣетъ для себя предѣлъ. Посему, съ экономической точки зрѣнія, кажется, что для всякаго богатства необходимо долженъ быть предѣлъ; но если мы обратимся къ дѣйствительности, то встрѣтимъ противное; мы увидимъ, что всѣ, заботящіеся о пріобрѣтеніи денегъ, заботятся о безпредѣльномъ ихъ умноженіи. Такое явленіе объясняется близостію экономической дѣятельности съ дѣятельностію собственно барышническою. Обращенныя на одно и тоже, обѣ эти дѣятельности нерѣдко замѣняютъ одна другую. Но хотя тамъ и здѣсь предметъ пользованія одинъ и тотъ же, однако самое пользованіе имъ не одинаково. Въ одномъ случаѣ для денегъ есть иная цѣль, а въ другомъ цѣль состоитъ

13) Аристотель въ настоящемъ случаѣ пользуется понятіемъ идеальной цѣли, чтобы изобразить безпредѣльность той дѣятельности, которая направлена на пріобрѣтеніе денегъ и вообще цѣнностей. Стремленіе къ идеальной цѣли должно быть безпредѣльно; таково, напримѣръ, стремленіе ваянія, или живописи изобразить идеалъ красоты никогда не достигается, потому что каждое произведеніе этихъ искусствъ представляетъ собою только нѣкоторую степень совершенной красоты, къ которой онѣ стремятся. Такова судьба всякой дѣятельности, которая служитъ сама себѣ цѣлію. Она не можетъ остановиться тамъ, гдѣ кончается всякая другая дѣятельность, для которой предѣлъ или цѣль лежитъ внѣ ея самой. Такова экономическая дѣятельность, цѣль которой добыть то, что нужно для жизни. Напротивъ, дѣятельность, имѣющая въ виду пріобрѣтеніе денегъ, считая деньги своею цѣлію, не знаетъ предѣла.

лишь въ самомъ умноженіи денегъ; отъ этого нѣкоторымъ и кажется что задача экономической дѣятельности состоитъ также въ умноженіи денегъ; разсуждая такимъ образомъ, они думаютъ, что должно сберегать, или умножать деньги безпредѣльно.

Причина такого воззрѣнія условливается тѣмъ, что многіе заботятся просто лишь о жизни, а не о счастливой жизни; а такъ какъ желаніе жизни безпредѣльно, то и средствъ они желаютъ также безпредѣльныхъ. А другіе, стремясь и къ счастливой жизни, ищутъ этого счастія въ матеріальныхъ удовольствіяхъ; но такъ какъ эти удовольствія возможны очевидно только при условіи стяжанія, то вся забота такихъ людей обыкновенно бываетъ направлена на пріобрѣтеніе денегъ, и такимъ образомъ происходитъ новый видъ той дѣятельности, цѣль которой состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ. При отсутствіи въ чувствѣ удовольствія всякой мѣры, эти люди тѣмъ не менѣе ищутъ средствъ для удовлетворенія своихъ безграничныхъ удовольствій, и если не могутъ найти для этого денегъ обыкновеннымъ путемъ, то пытаются пріобрѣсти ихъ другимъ путемъ, пользуясь для того всѣми своими способностями, даже вопреки ихъ природѣ. Такъ, напримѣръ, цѣль мужества не состоитъ конечно въ пріобрѣтеніи денегъ, но она должна быть источникомъ смѣлаго подвига; равнымъ образомъ деньги не могутъ быть цѣлью воинскаго искусства, или искусства врачебнаго, но первое должно имѣть въ виду побѣду, а второе — здоровье. Между тѣмъ есть люди, которые все это употребляютъ какъ средство для пріобрѣтенія денегъ, потому что деньги для нихъ суть цѣль, а все естественно должно быть направлено къ цѣли. Итакъ мы говорили до сихъ поръ о той дѣятельности пріобрѣтенія, которая не необходима; мы сказали, въ чемъ состоитъ она и почему она въ ходу между людьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сказали и о той дѣятельности, которая необходима. Какъ дѣятельность экономическая, вытекающая изъ потребности самой природы, дѣятельность, имѣющая въ виду пріобрѣтеніе лишь насущнаго хлѣба, она отлична отъ той дѣятельноти и не безпредѣльна, какъ та, но имѣетъ для себя опредѣленныя границы.

Такимъ образомъ для насъ становится яснымъ теперь отвѣтъ на предложенный въ началѣ вопросъ о томъ, долженъ ли хозяинъ дома, или человѣкъ государственный, заботиться

о пріобрѣтеніи цѣнностей, или, напротивъ, цѣнности должны уже предлежать, какъ матеріалъ для дѣятельности того и другаго. Какъ политическая дѣятельность не создаетъ людей, но пользуется ими въ томъ видѣ, какъ даетъ ихъ природа, такъ равно таже самая природа изъ нѣдръ земли, изъ глубины моря, или какимъ-либо инымъ путемъ должна дать человѣку все то, что́ составляетъ насущную потребность для его жизни, а задача экономической дѣятельности должна состоять лишь въ томъ, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ, какъ должно. Такъ, напримѣръ, производство шерсти не есть дѣло ткачества, но его дѣло состоитъ лишь въ томъ, чтобы употреблять шерсть, притомъ зная, какая шерсть потребна и годна, и какая не потребна и не годна. Далѣе, можно спросить также: почему пріобрѣтеніе цѣнностей составляетъ часть экономической дѣятельности, а врачебная дѣятельность не составляетъ ея части, тогда какъ здоровье, очевидно, также необходимо для членовъ семьи, какъ жизнь, или другое что-нибудь такое. Отвѣчаемъ: какъ въ кругъ дѣятельности домохозяина и всякаго властелина, съ одной стороны, входитъ забота о здоровьѣ подчиненныхъ ему, а съ другой стороны, это очевидно не его дѣло, а дѣло врача; такъ равно забота о пріобрѣтеніи цѣнностей лишь только частію составляетъ предметъ дѣятельности домохозяина, вообще же это побочное для него дѣло. Въ этомъ случаѣ, какъ мы выше сказали, главнымъ образомъ слѣдуетъ помнить, что матеріалъ для экономической дѣятельности долженъ быть данъ самою природой, потому что доставлять твари насущный хлѣбъ безъ сомнѣнія есть дѣло природы. Такъ дѣйствительно, въ области сущаго, для всего послѣдующаго пищею служитъ предыдущее. Посему естественное стремленіе къ пріобрѣтенію у всѣхъ людей проявляется, какъ стремленіе къ пріобрѣтенію растеній и животныхъ. Итакъ дѣятельность пріобрѣтенія, какъ мы сказали, двояка: одна барышническая, а другая экономическая; послѣдняя необходима и похвальна, а первая, состоящая въ одной мѣнѣ, справедливо подлежитъ осужденію, (потому что она основана не на естественной потребности, а на взаимномъ барышѣ мѣняющихся). Посему ростовщичество, по всей справедливости, заслуживаетъ презрѣнія, такъ какъ прибыль получается здѣсь отъ самыхъ денегъ; слѣдовательно деньги употребляются не на то, для чего онѣ изобрѣтены. Онѣ изобрѣтены только для удобства мѣны, а ростъ умножаетъ ихъ самихъ, откуда и самое имя—ростовщичество. Рожденное обыкновенно бываетъ только подобно родившему его, а посредствомъ роста изъ денегъ рождаются тѣже деньги. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ родовъ пріобрѣтенія цѣнностей, ростовщичество всего болѣе дѣло неестественное [14]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Практическія замѣчанія о пріобрѣтеніи имущества.

Разсмотрѣвъ вопросъ о пріобрѣтеніи имущества со стороны теоретической, мы должны теперь обратить на него вниманіе по отношенію къ практикѣ. При всѣхъ подобныхъ случаяхъ въ теоріи можно быть вполнѣ свободнымъ, а на практикѣ приходится дѣйствовать по необходимости. Практическая сторона пріобрѣтенія цѣнностей состоитъ въ томъ, чтобы быть опытнымъ въ предметахъ пріобрѣтенія: должно знать, какіе изъ нихъ самые прибыльные, гдѣ и какъ можно ихъ пріобрѣсть; такъ, напримѣръ, все это должно знать относительно лошадей, воловъ, овецъ, равно и относительно прочихъ животныхъ. Очевидно, только по опыту можно знать,

---

14) Вопросъ о коммерческой дѣятельности Аристотель разсматриваетъ въ настоящемъ случаѣ, не основываясь на соображеніяхъ о значеніи и пользѣ ея въ дѣйствительности, а просто на анализѣ основныхъ понятій. Аристотель не беретъ здѣсь еще въ разчетъ обстоятельствъ дѣйствительности, но изслѣдуетъ явленія абсолютно, въ ихъ примитивной природѣ, и осуждаетъ коммерцію, если она изъ средствъ къ жизни, чѣмъ должна быть по своей природѣ, дѣлается для нѣкоторыхъ цѣлью ихъ жизни. Впрочемъ должно замѣтить, что въ древности коммерціальная профессія не считалась почтенною. Платонъ (De Leg. XI) говоритъ о коммерціи въ духѣ Аристотеля. Понятіе древнихъ о торговлѣ см. у Heeren. Ideen über Politik. etc. T. III. отдѣл. 1. и Бекъ. Die Staatshaushaltung d. Athener. Bd. 1. Zw. B. Почетнымъ дѣломъ коммерческая дѣятельность стала не ранѣе эпохи итальянскихъ республикъ. Монтескьё (Esprit des Lois L. XXI. chap. 20) думаетъ, что изложенный въ текстѣ взглядъ Аристотеля на торговлю былъ причиною низкаго состоянія коммерціи въ средніе вѣка.

какое изъ этихъ животныхъ, сравнительно съ прочими, самое выгодное и какое гдѣ можно получить, потому что въ разныхъ мѣстностяхъ водятся различныя животныя. Потомъ должно быть опытнымъ въ обработкѣ земли, какъ луговой, такъ и пахатной, а также въ пчеловодствѣ, равно какъ и въ разведенiи прочихъ полезныхъ животныхъ, водныхъ или пернатыхъ. Таковы основныя части, на которыя распадается собственная дѣятельность прiобрѣтенiя. Что же касается до промышленной дѣятельности, то наибольшая ея часть состоитъ въ торговлѣ. (Самая торговля распадается на три части: морская торговля, торговля сухопутная и торговля розничная; различiе между ними состоитъ въ томъ, что въ одной менѣе риска, за то другая доставляетъ большiй барышъ). Второй видъ промышленной дѣятельности составляетъ ростовщичество, а третiй— работа по найму. Къ этому виду относятся ремеслинническiя производства, которыя не требуютъ никакого искусства, но только одной тѣлесной силы. Третiй видъ дѣятельности прiобрѣтенiя занимаетъ средину между промышленною дѣятельностiю и дѣятельностiю прiобрѣтенiя въ собственномъ смыслѣ, потому что онъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть той и другой дѣятельности. Сюда принадлежитъ все то, что, будучи произведенiемъ земли, хотя не относится къ плодамъ земнымъ, тѣмъ не менѣе полезно въ быту житейскомъ. Такова, напримѣръ, рубка лѣса, раскопыванiе земли для добыванiя металловъ. Послѣдняя дѣятельность, въ свою очередь, обнимаетъ собою многiя отрасли той же дѣятельности, потому что есть нѣсколько видовъ веществъ ископаемыхъ. Итакъ о всѣхъ видахъ дѣятельности прiобрѣтенiя мы сказали теперь вообще; останавливаться же на каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности для насъ было бы неудобно, хотя конечно это полезно для самой дѣятельности; мы замѣтимъ только, что есть занятiя въ высшей степени художественныя, въ которыхъ случайность играетъ самую малую роль; есть другiя ремесленныя, въ которыхъ тяжесть труда преимущественно лежитъ на тѣлѣ; есть занятiя рабскiя, для которыхъ исключительно потребна только тѣлесная сила; наконецъ есть занятiя не благородныя, для которыхъ нѣтъ почти и надобности въ добродѣтели. Обо всѣхъ этихъ занятiяхъ мы имѣемъ сочиненiя нѣкоторыхъ писателей; такъ, напримѣръ, Харитъ Паросскiй и Аполлодоръ Лемносскiй [1])

1) О Харитѣ, кажется, болѣе нигдѣ не упоминается у древнихъ

писали объ обработкѣ земли, какъ луговой, такъ и пахатной, а другiе — о другихъ занятiяхъ. Такимъ образомъ въ этихъ сочиненiяхъ каждый можетъ найти все то, что его интересуетъ. Кромѣ того можно собрать еще нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ о томъ, какимъ образомъ нѣкоторые, заботясь о прiобрѣтенiи, достигли наконецъ желанной цѣли. Все это конечно должно быть полезно для тѣхъ, кто особенно радѣетъ о прiобрѣтенiи. Такъ напримѣръ разсказываютъ о Θалесѣ Милетскомъ [2]). Поступокъ его конечно есть дѣло чисто промышленной спекуляцiи, но обыкновенно его приписываютъ Θалесу, какъ доказательство его мудрости, и дѣйствительно, въ основанiи его лежитъ правило общее для всѣхъ промышленныхъ предпрiятiй. Вотъ въ чемъ дѣло: когда нѣкоторые злословили Θалеса и, указывая на его бѣдность, говорили, что философiя безполезна, то онъ, говорятъ, еще зимою сообразивъ на основанiи астрономическихъ наблюденiй, что въ слѣдующемъ году будетъ большой урожай маслины, собралъ нѣсколько денегъ и, давъ задатки всѣмъ производителямъ маслины, какъ въ Милетѣ, такъ и въ Хiосѣ, оставилъ ее за собою за ничтожную цѣну, потому что никто не конкуррировалъ съ нимъ. Когда же наконецъ пришло время уборки, и вдругъ оказался на нее большой запросъ, то Θалесъ сталъ продавать ее по такой цѣнѣ, по какой ему было угодно. Собравъ такимъ образомъ много денегъ, онъ доказалъ, что философы удобно могутъ разбогатѣть, если хотятъ, но что они вовсе не заботятся о богатствѣ. Такимъ образомъ Θалесъ, говорятъ, доказалъ свою мудрость. Но такой образъ дѣйствiя, какъ мы уже сказали, употребителенъ вообще въ промышленныхъ предпрiятiяхъ: стоитъ только прiобрѣсти себѣ въ чемъ-либо монополiю. Даже нѣкоторыя государства пользуются этимъ средствомъ торговой монополiи, когда имѣютъ недостатокъ въ деньгахъ. А въ Сицилiи былъ одинъ спекулянтъ, который, скопивъ себѣ деньги, скупилъ все желѣзо на желѣзныхъ заводахъ. Потомъ, когда купцы со всѣхъ рынковъ стали обращаться къ нему за товаромъ, то онъ продавалъ

писателей, а Аполлодоръ поименованъ у Варрона (De re rustica I. 8) въ числѣ писателей, писавшихъ о земледѣлiи.

2) См. Дiогенъ Лаэрц. Lip. 1. Жизнь Θалеса. Сюда же относятся: Плутарха Vita Solonis. Цицерона De divinat 1. 49.

одинъ, и хотя конечно не пользовался репутаціею честнаго человѣка, за то на каждые пятьдесятъ талантовъ получалъ сто. Но Діонисій, узнавъ объ этомъ, приказалъ ему взять свое имущество съ собою и запретилъ долѣе жить въ Сиракузахъ, за то что онъ заботился о пріобрѣтеніи такого количества денегъ, которое не соотвѣтствовало его коммерческимъ трудамъ [3]). Между тѣмъ спекуляція Ѳалеса и этого Сиракузца одна и та же: оба они получили монополію искусственнымъ образомъ. Для людей государственныхъ конечно не безполезно знать эти дѣла, потому что многія государства, также какъ и семья, или даже еще болѣе, имѣютъ нужду въ богатствѣ и слѣдовательно во всѣхъ такихъ средствахъ для его пріобрѣтенія [4]). А нѣкоторые изъ государственныхъ людей, управляя государствомъ, исключительно имѣютъ въ виду только развитіе богатства своихъ подданныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Личность домохозяина. Отношеніе его къ членамъ семьи и взаимное отношеніе ихъ между собою, со стороны этической.

Мы видѣли, что дѣятельность домохозяина въ семейной жизни можетъ быть разсматриваема съ трехъ сторонъ: съ одной — въ отношеніи его какъ господина къ рабу, о чемъ мы говорили уже прежде; съ другой—въ отношеніи его какъ отца къ дѣтямъ и съ третьей — въ отношеніи его какъ мужа къ женѣ; потому что глава семьи имѣетъ власть и надъ женою и надъ дѣтьми — надъ обоими, какъ надъ свободными, но не одинаковымъ образомъ: надъ женою онъ властвуетъ,

3) ὡς πόρους εὑρίσκοντα τοῖς αὑτοῦ πράγμασιν ἀσυμφόρους. Во всѣхъ почти переводахъ слова эти переданы различно,

4) Хотя Аристотель, по видимому, и рекомендуетъ монополію, какъ средство обогащенія; но уже выше предостерегъ отъ пользованія ею, сказавъ, что сицилійскій монополистъ не пользовался репутаціею человѣка честнаго.

какъ государственный человѣкъ, а надъ дѣтьми—какъ царь [1]). Гдѣ природныя отношенія не извращены, тамъ преимущество власти естественно принадлежитъ мущинѣ, а не женщинѣ, равно какъ старшему и совершенному, а не младшему и несовершенному. Что же касается до государственнаго быта, то во многихъ государствахъ не существуетъ различія между властвующимъ и подчиненнымъ, потому что природа государства требуетъ, чтобы граждане были равны между собою и въ политическомъ отношеніи ничѣмъ не отличались другъ отъ друга. Но коль скоро одна часть гражданъ властвуетъ, а другая находится въ подчиненіи; въ такомъ случаѣ между тою и другою ищется различіе какъ во внѣшнемъ видѣ, такъ и въ отношеніяхъ одной изъ нихъ къ другой, а равно и въ знакахъ чести, какъ уже замѣтилъ это Амазисъ, по поводу умывальницы для ногъ [2]). Но мущина въ отношеніи къ женщинѣ всегда сохраняетъ власть одинаковымъ образомъ. Что же касается до власти отца надъ дѣтьми, то она есть царская власть. Потому что родившій имѣетъ конечно власть надъ рожденнымъ, какъ на основаніи любви своей къ нему, такъ и на основаніи своего старѣйшества; а власть, опирающаяся на такія основанія, относится къ роду царской власти. Посему Гомеръ прекрасно изображаетъ Зевса, называя его «отцемъ

1) Въ 12-й гл. VIII кн. Ηθικ Νικομ. Аристотель также говоритъ, что власть мужа надъ женой подобна власти правителя въ аристократическомъ устройствѣ государства; но въ 8 гл. той же кн. Ηθικ Νικομ объ отношеніи мужа къ женѣ онъ говоритъ, какъ о дружественномъ отношеніи между лицами неравными.

2) Преданіе объ Амазисѣ, на которое указываетъ Аристотель, находится у Геродота въ 11 кн. 172 гл. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: Амазисъ былъ не знатнаго рода и происходилъ изъ среды простаго народа. Когда, по смерти Апрія, Амазисъ вступилъ на престолъ, то граждане не оказывали ему особеннаго почтенія (ἐν οὐδεμιῇ μοίρῃ μεγάλῃ ἦγον, какъ говоритъ Геродотъ), но Амазисъ принудилъ ихъ къ тому своею мудростію. Между многими драгоцѣнными вещами, у Амазиса была золотая умывальница, въ которой онъ и всѣ гости, которые у него бывали, обмывали свои ноги. Амазисъ приказалъ сдѣлать изъ этой умывальницы статую бога; всѣ Египтяне каждое утро подходили къ ней и поклонялись. Тогда Амазисъ призвалъ своихъ гражданъ и сказалъ имъ: если вы поклоняетесь предъ этой статуей, не смотря на то что она была прежде простою умывальницею для ногъ, то точно также должны чтить и меня, не смотря на то что я прежде былъ такой же димотъ (δημότης), какъ и вы.

людей и боговъ», такъ какъ онъ царь надъ всѣми ими [3]). Отъ подданныхъ царь долженъ отличаться только по природѣ своей, а по происхожденію онъ одинаковъ съ ними. Тоже самое отношеніе существуетъ между старшимъ и младшимъ, между родителемъ и сыномъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что наибольшая доля дѣятельности домохозяина заключается въ попеченіи о людяхъ, нежели о пріобрѣтеніи вещей неодушевленныхъ, болѣе въ заботѣ объ ихъ благосостояніи, чѣмъ о благосостояніи того имущества, которое мы называемъ богатствомъ, притомъ болѣе о благосостояніи людей свободныхъ, чѣмъ о благосостояніи рабовъ. Но касательно рабовъ можно предложить такой вопросъ: можетъ ли рабъ имѣть какое-нибудь иное болѣе почетное качество, кромѣ качества орудной и служебной силы; можетъ ли онъ имѣть разсудительность, мужество, справедливость, или другое какое-нибудь подобное качество, или кромѣ тѣлесныхъ услугъ для него недоступна никакая иная дѣятельность? Въ томъ и другомъ случаѣ есть одинаковое затрудненіе. Такъ если рабамъ доступна иная высшая дѣятельность, то чѣмъ они будутъ отличаться отъ свободныхъ? Если же недоступна, то это было бы несообразно съ тѣмъ, что они люди и пользуются разумомъ. Почти тотъ же самый вопросъ можно предложить относительно жены и дѣтей — именно: возможны ли для нихъ какія-нибудь нравственныя достоинства, т.-е. должна ли жена быть разсудительна, мужественна, справедлива и можетъ ли сынъ быть самостоятельнымъ и руководиться своимъ разумомъ, или нѣтъ? Этотъ же вопросъ долженъ быть предметомъ изслѣдованія, при разсужденіи вообще объ отношеніяхъ между подчиненнымъ и властвующимъ. Вопросъ состоитъ въ томъ, одно ли и тоже ихъ достоинство, или различно? Если они оба должны быть одинаково совершенны, какъ физически, такъ и нравственно, [4]) то почему одинъ долженъ постоянно властвовать, а другой быть въ постоянномъ подчиненіи? Понят-

---

3) Ил, 1, 549.

4) Εἰ μὲν γὰρ δεῖ ἀμφοτέρους μετέχειν καλοκαγαθίας. Въ Н.Эѳик. Мег. 11. 9. и въ Н.Эѳик Евд. Аристотель опредѣляетъ καλοκαγαθία какъ совершеннѣйшую добродѣтель; т.-е. καλοκαγαθία есть такое состояніе человѣка, когда онъ бываетъ по возможности совершеннымъ, какъ физически, (καλὸς) такъ и нравственно (ἀγαθὸς).

но, что мѣра ихъ достоинства не можетъ служить основаніемъ для ихъ различія, потому что понятіе подчиненія и власти различны, по самому качеству, а различіе мѣры нисколько не есть различіе качественное. Но съ другой стороны странно было бы также признать, что только одинъ долженъ быть совершеннымъ, а другой — нѣтъ; потому что, если, напримѣръ, властвующій не будетъ разсудителенъ и справедливъ, то какимъ образомъ онъ будетъ хорошо властвовать? Равно если и подчиненный не будетъ такимъ же, то какимъ образомъ онъ будетъ хорошъ въ подчиненіи? Будучи необузданнымъ или вялымъ, онъ конечно не будетъ дѣлать того, что слѣдуетъ. Такимъ образомъ очевидно, что тотъ и другой должны быть нравственно совершенны, но самое это совершенство для каждаго изъ нихъ различно, такъ какъ властвующій и подчиненный различны по самой природѣ. Это различіе должно быть для насъ ясно изъ того, что было высказано нами о душѣ. [5]) Одна часть души по природѣ своей властвующая, а другая подчиненная, и каждая изъ нихъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ свое собственное достоинство — таково различное достоинство души разумной и души неразумной. Отсюда ясно, что и въ другихъ случаяхъ отношеніе между властвующимъ и подчиненнымъ тоже самое, т.-е. вообще говоря, властвующій и подчиненный таковы по своей природѣ; но самая власть въ каждомъ данномъ случаѣ различна. Такъ свободный къ рабу, мущина къ женщинѣ и мужъ къ ребенку стоятъ въ различныхъ отношеніяхъ власти. Хотя душа съ ея частями есть конечно во всѣхъ ихъ, но въ каждомъ изъ нихъ она различна. Такъ рабъ вовсе не имѣетъ способности обдумывать, женщина, хотя и имѣетъ эту способность, но въ слабой степени, а дитя имѣетъ ее еще въ неразвитомъ видѣ. Подобнымъ образомъ люди необходимо различаются между собою и со стороны этическихъ добродѣтелей. Слѣдуетъ допустить, что этическія добродѣтели должны принадлежать всѣмъ, но не въ одной и той же степени, а каждому постольку, по скольку это сообразно съ его дѣятельностію.

---

5) См. объ отношеніи души къ тѣлу выше во 2-й гл. Впрочемъ въ текстѣ говорится далѣе о различныхъ частяхъ души — ученіе, которое изложено Аристотелемъ въ IV кн. Политики, въ XIII гл.

Такъ властвующій долженъ быть нравственно совершененъ, (потому что его дѣятельность есть чисто архитекторская дѣятельность: разумъ его и есть архитекторъ), а изъ прочихъ каждый долженъ быть постольку нравственно совершеннымъ, поскольку это совершенство требуется его положеніемъ. Такимъ образомъ очевидно, что этическое качество, принадлежа всѣмъ тѣмъ лицамъ, о которыхъ мы говорили выше, для всѣхъ ихъ не одно и тоже. Такъ разсудительность мущины не одна и таже, что разсудительность женщины, равно мужество и справедливость, какъ полагалъ Сократъ; [6]) но въ одномъ случаѣ мужество, напримѣръ, имѣетъ характеръ властительный, а въ другомъ оно имѣетъ только служебный характеръ. Подобнымъ же образомъ должно разсуждать и о другихъ этическихъ качествахъ. Все сказанное вообще о добродѣтели особенно должно быть ясно, если разсматривать добродѣтель по частямъ. Но ошибаются конечно тѣ, которые, разсуждая вообще о добродѣтели, говорятъ, что она состоитъ въ хорошемъ расположеніи души, или въ правильной дѣятельности, или въ чемъ-нибудь другомъ подобномъ. Напротивъ другіе, которые, какъ напримѣръ Горгій, [7]) изчисляютъ добродѣтели, разсуждаютъ о ней гораздо лучше, чѣмъ тѣ, которые опредѣляютъ ее вышесказаннымъ образомъ. Поэтому хотя должно думать, что сказанное поэтомъ о женщинѣ—молчаніе придаетъ женщинѣ красоту [8]), имѣетъ силу и относительно всѣхъ, но для мущины, очевидно, этого еще недостаточно. Равнымъ образомъ, если дитя есть существо несовершенное, то и добродѣтель его не есть самостоятельная

---

6) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду ученіе Платона, которое онъ влагаетъ въ уста Сократу. По мнѣнію Платона, высказанному Сократомъ, женская природа одинакова съ природою мущины, и женщины потому одинаково способны къ гражданской дѣятельности, какъ и мущины.

7) Опредѣлить добродѣтель, какова она сама въ себѣ, какъ извѣстно, было задачею Сократа. Менонъ, въ діалогѣ Платона того же имени, на вопросъ Сократа: въ чемъ состоитъ добродѣтель, началъ пересчитывать множество, или, какъ выражается Платонъ, пчелиный рой добродѣтелей. Менонъ былъ ученикомъ Горгія; посему можно думать, что Аристотель, указывая на Горгія, имѣетъ въ виду его взглядъ на добродѣтель—взглядъ, который былъ высказанъ собственно ученикомъ его Мемономъ. Сюда же относится Пϑιк Nιк. 11. 7.

8) См. Айяксъ Софокла ст. 291.

добродѣтель его самого въ отношеніи къ нему самому; но она лишь постольку добродѣтель, поскольку осносится къ совершенству добродѣтели, къ добродѣтели того, кто руководитъ имъ какъ совершенный. Подобнымъ образомъ и добродѣтель раба измѣряется отношеніемъ его къ господину. Мы сказали, что рабъ есть существо годное для разныхъ необходимыхъ дѣлъ; отсюда очевидно, что отъ него должно требовать не большаго нравственнаго достоинства, именно на столько, на сколько это нужно для того, чтобы онъ, по своей необузданности или вялости, не опускалъ своихъ дѣлъ. Но здѣсь можетъ имѣтѣ мѣсто и такое недоразумѣніе: если все сказанное доселѣ справедливо, то не должны ли и ремесленники имѣть тѣ же самыя добродѣтели, какъ и рабы, потому что и они по невоздержности своей часто ведутъ свои дѣла небрежно, или между рабомъ и ремесленникомъ есть большое различіе? Дѣйствительно такъ, потому что рабъ участвуетъ въ средѣ самой текущей жизни, а ремесленникъ стоитъ въ сторонѣ отъ жизни, и добродѣтель раба принадлежитъ ремесленнику постольку, поскольку положеніе его совпадаетъ съ положеніемъ раба; такъ дурной ремесленникъ дѣйствительно находится въ нѣкотораго рода рабскомъ положеніи. Но рабъ—рабъ по природѣ, а сапожникъ, напримѣръ, или другой какой-либо ремесленникъ таковъ конечно вовсе не по природѣ. Изъ сказаннаго очевидно, что для раба иниціативою его добродѣтели долженъ быть господинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ надобности, чтобы господинъ обладалъ искусствомъ обучать рабовъ ихъ дѣламъ. Тѣ разсуждаютъ неправильно, которые думаютъ, что рабы вовсе лишены разума, и утверждаютъ, что относительно ихъ должно употреблять только приказаніе. [9]) Напротивъ, рабы болѣе, нежели дѣти, должны подлежать внушенію разума. Но объ этомъ до-

---

9) Здѣсь Аристотель очевидно имѣетъ въ виду Платона, см. De
Leg. lib. VI p. 303. Между тѣмъ нѣкоторые думаютъ, (Supelveda, Ra-
mus,) что въ настоящемъ мѣстѣ Аристотель противорѣчитъ тому,
что было сказано имъ выше, во 2-й главѣ, именно, что рабъ не
владѣетъ разумомъ. Но мы не видимъ здѣсь никакого противорѣчія,
потому что и во 2-й гл. Аристотель признаетъ, что рабы способны
подчиняться внушеніямъ разума, слѣдовательно не лишены его во-
все—въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ слово ἀποστεροῦντες, употреблен-
ное въ текстѣ:—λέγουσιν οὐ καλῶς οἱ λόγου τοὺς δούλους ἀποστεροῦντες.

вольно. Что же касается до мужа, жены, дѣтей и отца, до добродѣтели каждаго изъ этихъ лицъ, до ихъ взаимнаго отношенія между собою — что̀ есть въ нихъ хорошаго, и что̀ не хорошаго, и какъ должно упрочить хорошія отношенія и избѣжать дурныхъ — все это должно разсматривать при изслѣдованіи о формахъ политическаго быта. [10]) Потому что если каждая семья есть часть государства, а эти лица суть части семьи, и если далѣе совершенство части всегда должно имѣть въ виду совершенство цѣлаго; то очевидно, что и дѣтей и женщинъ должно воспитывать, сообразно съ требованіями политическаго быта, если только образованіе дѣтей и женщинъ имѣетъ какое-либо отношеніе къ процвѣтанію государствъ; а отношеніе между тѣми и другимъ необходимо существуетъ. Потому что женщины составляютъ собою половинную часть людей свободныхъ, а изъ дѣтей въ послѣдствіи образуются люди, участвующіе въ дѣлахъ государства. Но сказавъ пока объ этомъ, обо всемъ прочемъ, что̀ сюда относится, скажемъ въ другихъ мѣстахъ. Не изслѣдуя болѣе того, о чемъ мы говорили доселѣ, мы начнемъ теперь говорить о другомъ. Прежде всего разсмотримъ мнѣнія тѣхъ, которые изображали наилучшія, по ихъ мнѣнію, формы политическаго быта.

---

10) Можно думать, что этими словами Аристотель вообще указываетъ мѣсто, которое должно занять изслѣдованіе этого вопроса въ Политикѣ, причемъ, можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду IV и V кн. своей Политики, въ которой частію разсуждаетъ объ этихъ вопросахъ. (См. Polit. d'Aristote. С.—Илеръ стр. 47).

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Критическое изслѣдованіе Платонова государства, проэктированнаго имъ въ діалогѣ о Государствѣ.

Такъ какъ, по вопросу о политическомъ общежитіи, мы имѣемъ въ виду обратить вниманіе на то, какая форма политическаго общежитія наиболѣе благопріятствуетъ гражданамъ жить благополучно, [1]) на сколько только это возможно, то мы должны напередъ разсмотрѣть во первыхъ тѣ формы политическаго устройства, которыми пользуются нѣкоторыя государства, извѣстныя своими хорошими учрежденіями, а во вторыхъ и тѣ, которыя были проэктированы разными философами и, по общему мнѣнію, считаются хорошими. Мы должны сдѣлать это, частію для того, чтобы показать, что̀ въ тѣхъ и другихъ справедливаго и годнаго, а частію для того, чтобы, ища иной формы государственнаго устройства, мы сами не казались людьми, желающими только мудрствовать, но чтобы всѣмъ было очевидно, что изслѣдованіе наше о лучшей формѣ политическаго быта предпринято нами собственно потому, что формы, существующія въ на-

---

1) Ζῆν ὅτι μάλιστα κατ' εὐχήν. Слова эти обыкновенно принимаютъ въ смыслѣ: *жить какъ кто хочетъ*. Шлоссеръ (Arist. Polit. 1 Abtheil. стр. 84) справедливо замѣчаетъ, что государство, гдѣ каждый живетъ какъ хочетъ, Аристотель считаетъ за ненормальное состояніе даже самой демократіи; поэтому онъ предлагаетъ переводить приведенную фразу: *жить какъ можно лучше*; но очевидно, что прямо этой мысли въ текстѣ не дано.

стоящее время, оказываются несовершенными [2]). Но прежде всего намъ слѣдуетъ утвердить то положеніе, которое естественно можетъ служить началомъ предложеннаго нами изслѣдованія. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: или всѣ граждане все должны имѣть общее, или ничего не должны они имѣть общаго, или, наконецъ, нѣкоторыми предметами должны они пользоваться сообща, а нѣкоторыми порознь. Чтобы граждане ничего не имѣли общаго, это, очевидно, невозможно, потому что государство, при какомъ бы то ни было политическомъ устройствѣ, непремѣнно есть нѣкотораго рода общежитіе, и мѣстность его — вотъ, прежде всего, то, чѣмъ члены его пользуются сообща, потому что для одного государства и мѣстность конечно одна, а граждане суть сочлены одного своего государства. Итакъ вопросъ состоитъ теперь въ томъ: что лучше для хорошей организаціи государства: то ли, чтобы всѣмъ, чѣмъ только можно, граждане его пользовались сообща, или, напротивъ, лучше, чтобы нѣкоторые предметы они имѣли общими, а нѣкоторые принадлежали бы имъ порознь. Потому что взаимное общеніе гражданъ можетъ простираться на дѣтей, женъ и имущество, какъ рисуется это въ Республикѣ Платона [3])—именно: Сократъ говоритъ тамъ, что дѣти, жены и имущество должны быть у гражданъ общими. Итакъ какой же, спрашивается, порядокъ дѣлъ въ этомъ отношеніи лучше: тотъ ли, который существуетъ въ современныхъ государствахъ, или тотъ, которой изображенъ въ Республикѣ Платона?

Что касается до общенія женъ между всѣми гражданами, то кромѣ многихъ другихъ затрудненій при осуществленіи этого въ дѣйствительности, въ соображеніяхъ Сократа объ этомъ предметѣ, повидимому, вовсе нѣтъ достаточнаго основанія въ пользу того, чтобы такой образъ жизни

2) Этими словами Аристотель опредѣляетъ методу изложенія своего сочиненія и даетъ намъ руководящую нить для приблизительно правильнаго размѣщенія книгъ Политики.

3) Plat. Republ. Lib. V. Многіе укоряютъ Аристотеля за то, что онъ часто искажаетъ и преувеличиваетъ Платона (см. Шлоссеръ тамъ же стр. 46 Примѣчаніе 7.). Но кажется, что въ критикѣ Платонова государства, къ которой приступаетъ теперь Аристотель, онъ болѣе имѣетъ въ виду общія коммунистическія идеи, которыя систематизированы у Платона, чѣмъ только самое сочиненіе его.

гражданъ, какъ говоритъ онъ, былъ утвержденъ закономъ.
При томъ учрежденіе это, покрайней мѣрѣ, какъ онъ его
изображаетъ, невозможно и по той цѣли, которую онъ ука-
зываетъ государству, не объясняя однако того, какимъ обра-
зомъ цѣль государства можетъ быть достигнута при этомъ
учрежденіи. Я говорю о единствѣ, какъ о преимуществен-
номъ условіи наилучшаго состоянія всякаго государства — по-
ложеніе, которое принимаетъ и Сократъ. Но очевидно, что
государство, ушедшее въ единство болѣе, чѣмъ сколько нуж-
но, уже не государство; потому что государство по природѣ
своей—множество; слѣдовательно, будучи единствомъ болѣе,
чѣмъ сколько нужно, изъ государства оно дѣлается уже семь-
ею, а изъ семьи однимъ человѣкомъ, потому что семья болѣе
едина, чѣмъ государство, а одинъ человѣкъ единичнѣе самой
семьи. Посему, хотя бы и можно было достигнуть крайняго
единства государства, тѣмъ не менѣе этого не должно дѣлать,
потому что это рѣшительно уничтожитъ государство. Государ-
ство состоитъ не только изъ многихъ людей, но и изъ различ-
ныхъ; а изъ одинаковыхъ не образуется государства [4]). Иное
дѣло военный союзъ, иное дѣло государство. Тамъ все дѣло со-
стоитъ въ количествѣ членовъ его, хотя бы они были и тоже-
ственны другъ съ другомъ по своимъ свойствамъ; потому что
военный союзъ, по натурѣ своей, есть общеніе людей для вза-
имнаго вспомоществованія, такъ какъ большая тяжесть оче-
видно тянетъ сильнѣе. Точно также есть различіе между
государствомъ и народомъ [5]), въ томъ случаѣ когда народъ

4) Хотя Платонъ и Аристотель одинаково утверждаютъ, что госу-
дарство должно быть едино, но относительно самаго понятія объ
его единствѣ, они очевидно расходятся, именно: Платоново един-
ство есть безразличное тожество; покрайней мѣрѣ такъ смотритъ
на него Аристотель; съ своей же стороны Аристотель, говоря о един-
ствѣ государства, ищетъ его въ кажущемся разнообразіи, какъ вид-
но это изъ послѣдующаго текста. Изслѣдованіе Аристотеля о един-
ствѣ и различныя его опредѣленія см. въ его Метафиз. кн. X, гла-
вы 1, 2 и 3.

5) Это замѣчаніе Аристотеля служитъ однимъ изъ принциповъ со-
временнаго намъ политическаго ученія. Нѣкоторыя соображенія по
этому предмету находятся въ рѣчи г. Капустина: «О значеніи націо-
нальности въ международномъ правѣ». Изъ словъ Аристотеля ясно,
что политическая среда, по мотиву своему, не совпадала для него
съ средою народности. Не національность есть основной мотивъ
государства, не ею опредѣляется политическая среда. Нація, народъ

живетъ не по отдѣльнымъ селеніямъ, но такъ, какъ жили Аркадяне. Части, изъ которыхъ слагается единое (государство), должны быть различны по виду. Посему только то равенство зиждетъ государства, которое, какъ сказано было прежде въ Этикѣ [6]), допускаетъ воздѣйствіе ихъ членовъ другъ на друга. Это воздѣйствіе необходимо должно имѣть мѣсто въ жизни свободныхъ и равныхъ, потому что всѣ заразъ они не могутъ конечно властвовать, но, принимая на себя власть или на-годъ, или слѣдуя въ этомъ случаѣ другому какому-либо порядку и времени, они такимъ образомъ дѣйствительно всѣ будутъ властвовать, подобно тому какъ еслибы сапожники и плотники мѣнялись по очереди своими занятіями и не были бы всегда одни и тѣже. Но если конечно лучше, чтобы каждый изъ нихъ оставался при своемъ занятіи, то и въ государственномъ общежитіи, очевидно, также лучше, чтобы власть, если только возможно, была въ рукахъ однихъ и тѣхъ же. А гдѣ это невозможно, потому что по природѣ всѣ равны между собою, (да притомъ и справедливость требуетъ, чтобы всѣ принимали участіе во власти, не смотря на то, хороша ли она, или нѣтъ), — тамъ должно слѣдовать тому порядку, чтобы равные по очереди уступали другъ другу власть надъ

есть естественная единица, государство же есть единица, организованная твердыми постановленіями, постоянными и опредѣленными отношеніями тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ она слагается. Элементами такой единицы, очевидно, могутъ быть разныя національности; потому что существованіе отдѣльной націи не опредѣляетъ еще отдѣльнаго государства; для этого нужны еще нѣкоторыя условія, которыхъ не даетъ національность. Напротивъ, народъ можетъ существовать какъ отдѣльная нація, но не составлять собою государства. Таковы были Аркадяне. Находясь среди Пелопонесса, они жили колонически и не имѣли собственныхъ городовъ и селеній. Попытки соединить ихъ въ какомъ-нибудь центрѣ не имѣли успѣха, въ отношеніи образованія изъ нихъ отдѣльнаго государства. Таковы въ Cl. Ол. были попытки Ликомеда. Потомъ, послѣ битвы при Левктрахъ, Эпаминондъ Өивскій хотѣлъ соединить ихъ въ Мегалополѣ, какъ центрѣ, но спустя годъ по смерти Эпаминонда, (въ 362 г.) Аркадяне снова пришли въ прежнее состояніе. Мегалополь былъ для Аркадянъ синедріономъ, въ которомъ они должны были совѣщаться о своихъ дѣлахъ, но онъ не имѣлъ для нихъ значенія политическаго: политически Аркадяне не составляли собою государства. На такое состояніе Аркадянъ и указываетъ Аристотель, противополагая Аркадскій народъ народу, живущему по отдѣльнымъ селеніямъ.

6) См. Ἠθικ. Νικομ. V. 8.

собою [7]). Одни и тѣже, властвуя и подчиняясь, они такимъ образомъ попеременно дѣлаются какъ-бы другими, причемъ разныя лица могутъ отправлять разныя правительственныя должности. Итакъ изъ всего сказаннаго ясно, что естественное единство государства состоитъ не въ томъ, въ чемъ полагаютъ его нѣкоторые, напротивъ, что, по ихъ мнѣнію, есть величайшее благо для государства, на самомъ дѣлѣ только уничтожаетъ его; между тѣмъ какъ истинное благо всегда зиждительно.

Стремленіе сдѣлать государство исключительно единымъ оказывается не лучше и съ другой точки зрѣнія, именно: какъ семья болѣе довлѣетъ себѣ, чѣмъ одинъ человѣкъ, такъ множество болѣе самодовольно, чѣмъ семья. Потому что тогда только и образуется государство, когда множество слагается въ такую форму общежитія, въ которой оно совершенно довлѣетъ себѣ. Поэтому, если болѣе самодовлѣющая среда предпочтительнѣе среды, которая менѣе довлѣетъ себѣ для жизни, то и единство менѣе сжатое предпочтительнѣе единства болѣе сжатаго. Притомъ если даже крайнее единство государства и лучше для общественной жизни, то все же, кажется, оно ни мало не усматривается изъ того, что всѣ граждане вмѣстѣ могутъ говорить о чемъ-либо: это мое и не мое, какъ думаетъ Сократъ. Потому что слово *всѣ* имѣетъ двоякій смыслъ. Такъ если принять его въ значеніи каждый, тогда выйдетъ нѣчто болѣе того, что хотѣлось бы Сократу: — тогда объ одномъ и томъ же каждый будетъ утверждать, что онъ его сынъ, и объ одной и той же женщинѣ,— что она его жена. Точно тоже каждый скажетъ тогда объ имуществѣ и обо всемъ прочемъ. Но на самомъ дѣлѣ, при общеніи женъ и дѣтей, граждане конечно не скажутъ о себѣ: всѣ — въ смыслѣ каждаго изъ нихъ. Равнымъ образомъ

---

7) Изъ прочитаннаго текста читатель не понимаетъ, что́ же въ самомъ дѣлѣ, по Аристотелю лучше—то ли, чтобы власть постоянно находилась въ рукахъ однихъ и тѣхъ же, или чтобы попеременно она принадлежала всѣмъ. И то хорошо и другое — таковъ постоянный отвѣтъ Аристотеля. Первое хорошо въ томъ отношеніи, что, при постоянномъ сосредоточеніи власти въ однѣхъ рукахъ, система управленія бываетъ болѣе прочною; между тѣмъ, по принципу политическаго общежитія, которое возможно только при равенствѣ всѣхъ членовъ, — лучше, чтобы всѣ одинаково участвовали въ управленіи.

и объ имуществѣ, хотя всѣ скажутъ, что оно ихъ, но не въ томъ смыслѣ, чтобы оно принадлежало каждому изъ нихъ. Итакъ очевидно, что въ выраженіи *всѣ* заключается нѣкоторый паралогизмъ: такъ какъ это выраженіе, по причинѣ двоякаго его смысла, одинаково значитъ и то и другое: и каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ, и четное и нечетное, что обыкновенно и приводитъ мышленіе къ такимъ заключеніямъ, которыя могутъ быть оспариваемы [8]). Итакъ, если съ одной стороны пожалуй и хорошо, чтобы всѣ говорили одно и тоже, но на дѣлѣ это невозможно; притомъ, съ другой стороны, такое единогласіе вовсе не служитъ признакомъ единомыслія. Кромѣ того система общиннаго владѣнія имѣетъ еще другой недостатокъ. Объ общемъ для всѣхъ каждый заботится очень мало, такъ какъ всѣ заняты болѣе своимъ собственнымъ, а общимъ занимаются обыкновенно менѣе—на столько, на сколько оно касается каждаго лично. Здѣсь, кромѣ другихъ причинъ, болѣе главная та, что общее дѣло всѣ сваливаютъ другъ на друга. Такъ въ семейной жизни—гдѣ больше слугъ, тамъ они служатъ обыкновенно хуже, нежели гдѣ ихъ меньше. Представимъ себѣ, что въ государствѣ на каждаго гражданина приходится по тысячѣ сыновей, не такъ конечно, чтобы у каждаго было столько своихъ сыновей, а такъ, что у кого угодно всякій кому угодно, можетъ быть сыномъ. Тогда очевидно всѣ одинаково мало будутъ заботиться о нихъ. Въ этомъ случаѣ о каждомъ гражданинѣ, хорошъ ли онъ или дуренъ и каковъ бы онъ ни приходился по счету, [9]) каждый обязанъ говорить: онъ мой, т. е. точно также мой, какъ и его—такъ онъ долженъ говорить о каждомъ изъ тысячи и да-

8) Объ этомъ паралогизмѣ см. въ сочиненіи Аристотеля. De Soph. Elench. 1. 2. Паралогизмъ въ выраженіи: *всѣ* — состоитъ въ томъ, что оно одинаково значитъ ἀμφότερα, и то и другое: и оба вмѣстѣ, и каждый въ отдѣльности. Глосса къ этому мѣсту текста, глосса вѣроятно испорченная и написанная дурнымъ языкомъ — въ примѣръ этой обоюдности значенія (ἀμφότερα) указываетъ на хожденіе обѣими ногами. (Геттл. тамъ же стр. 310). Также «всѣ» значитъ и четное и нечетное; напримѣръ шесть, какъ цѣлое, есть четное число, а какъ три и три — нечетное.

9) То есть, для каждаго гражданина, который будетъ говорить о младшихъ лицахъ: это мой, это мой. Впрочемъ въ другихъ переводахъ это мѣсто передано иначе, и, какъ намъ кажется, не правильно. См. перев. С.—Илер. стр. 55. Шлёссера стр. 97.

же болѣе, сколько ни есть въ государствѣ лицъ извѣстнаго возраста — и во всякомъ случаѣ сомнительно, потому что неизвѣстно, кѣмъ рожденъ и кѣмъ воспитанъ этотъ ребенокъ. Итакъ спрашиваатся: что лучше — то ли, чтобы каждый обо всемъ говорилъ: это мое, когда объ одномъ и томъ же должны говорить такъ двѣ тысячи, или десять тысячъ человѣкъ; или, напротивъ, лучше, чтобы каждый въ такомъ смыслѣ говорилъ «мое», въ какомъ слово это теперь употребляютъ въ государствахъ. Теперь одного и того же одинъ называетъ своимъ сыномъ, другой — своимъ братомъ, тотъ — своимъ двоюроднымъ братомъ, а тотъ—просто своимъ сродникомъ по крови, а для иного тотъ же самый—свой по сожительству или по дружбѣ его какъ съ нимъ самимъ, такъ и съ ближайшими къ нему. Но при всемъ томъ, для нихъ онъ можетъ быть чужой по фратріи, или по трибѣ [10]). Во всякомъ же случаѣ конечно лучше быть истиннымъ двоюроднымъ братомъ, нежели такимъ сыномъ, какимъ приходится быть при общеніи женъ и дѣтей. Между тѣмъ и при такомъ устройствѣ общества нельзя избѣжать того, чтобы хоть нѣкоторые не узнали своихъ братьевъ, дѣтей, отцевъ и матерей [11]). На основаніи одного сходства, которое обыкновенно бываетъ между дѣтьми и родителями, необходимо предположить что они могутъ узнавать другъ друга. Такое предположеніе подверждается свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ путешественниковъ. Такъ у нѣкоторыхъ племенъ верхней Африки [12]), хотя жены общія, но дѣти обыкновенно дѣлятся по сходству съ родителями. Точно

10) О фратріяхъ и о трибахъ смотр. ниже.

11) Платонъ въ своей Республикѣ принимаетъ большія предосторожности для того, чтобы сами матери не могли узнавать своихъ дѣтей. См. De Rep. Lib V.

12) Помпоній-Мела разсказываетъ это о Гарамонтахъ, обитателяхъ верхней Африки. Геродотъ (Lib IV p. 180) говоритъ также объ Авзеяхъ (Ἀυσέες), одномъ Ливійскомъ племени, жившемъ на берегу Тритана, что они имѣли общихъ женъ. По свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, (3 p. 197) общія жены были также у Триглодитовъ, народа, жившаго на западномъ берегу Аравійскаго моря; одинъ только царь ихъ, говоритъ историкъ, могъ имѣть свою собственную жену. Тотъ же обычай Геродотъ приписываетъ и нѣкоторымъ Скиѳскимъ племенамъ. Шнейдеръ (Arist. Politic. Vol. II. стр. 83) приводитъ слова Кампенгаузена, (Bemerkungen über Russland — сочиненіе издано въ Лейпцигѣ въ 1807 г.) что обычай общенія женъ былъ у нашихъ запорожцевъ, и что жены ихъ жили отдѣльно.

также самки и другихъ животныхъ, какъ-то кобылы, коровы естественно рождаютъ дѣтей очень похожихъ на самцовъ, такова, напримѣръ, ферсальская лошадь, извѣстная подъ именемъ Дикайя [13]). Кромѣ того должно замѣтить, что при такой формѣ общественнаго быта, о которой мы говоримъ теперь, нелегко уберечь общество и отъ такихъ несчастій, какъ драки, убійства, произвольныя и непроизвольныя ссоры и брань. Между тѣмъ все это гораздо болѣе противузаконно въ отношеніи къ отцу, къ матери и къ ближайшимъ родственникамъ, нежели къ людямъ постороннимъ; а конечно подобныя столкновенія гораздо чаще должны быть между людьми, незнающими другъ друга, нежели между знающими. Да еслибы между людьми знающими другъ друга и случилось что нибудь такое, то въ такомъ случаѣ всякая такая исторія можетъ имѣть законную развязку, а между незнающими это невозможно.

Странно еще и то, что законодатель, допуская общеніе дѣтей, запрещаетъ только сожительство лицъ, состоящихъ другъ къ другу въ эротическихъ отношеніяхъ, а самой эрастіи не воспрещаетъ (лишь бы она осталась только эрастіею) и прочихъ любовныхъ отношеній — что конечно вовсе неприлично ни между отцомъ и сыномъ, ни между братомъ и братомъ. Притомъ, и самое сожительство это странно отрицать лишь только на томъ основаніи, что оно ведетъ къ развитію слишкомъ сильнаго сладострастія, не обращая при этомъ никакого вниманія на то, отецъ ли живетъ съ сыномъ, или хоть братья другъ съ другомъ [14]). Общеніе женъ и дѣтей, повидимому, болѣе полезно для земледѣльцевъ, чѣмъ для воиновъ, потому что, имѣя общихъ женъ и дѣтей, они будутъ менѣе дружны

13) Объ этой ферсальской лошади Аристотель говоритъ также въ Histor. anim. VII. 6. Здѣсь онъ именно говоритъ, что нѣкоторыя самки рождаютъ дѣтей похожихъ на себя, а другія на отцовъ и, въ примѣръ послѣднихъ, указываетъ на ферсальскую лошадь.

14) Объ этихъ любовныхъ связахъ Платонъ разсуждаетъ въ III и V книгахъ своей Республики. Шлёссеръ, который, въ этой полемикѣ Аристотеля противъ Платона, вообще держитъ сторону послѣдняго, указывая часто, что Аристотель извращаетъ мысль Платона — если иногда оказывается пристрастнымъ къ Платону, то въ этомъ случаѣ, кажется, справедливо отстаиваетъ его противъ Аристотеля. Ибо Платонъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шлёссеръ, (тамъ же стр. 101.) говоритъ о той идеальной (платонической) любви, которая по чистотѣ своей можетъ быть безъ различія между родственниками и друзьями.

между собою; — а вѣдь этотъ-то элементъ несогласія между подвластными и наженъ для того, чтобы они повиновались, а не думали о нововведеніяхъ.... Вообще должно замѣтить, что результатомъ такого закона общенія неминуемо будетъ нѣчто противное тому, что должно быть результатомъ законодательства, правильно организованнаго и что конечно имѣлъ въ виду самъ Сократъ, когда думалъ, что въ разсужденіи дѣтей и женъ общество должно быть устроено такимъ образомъ. Мы думаемъ, что дружба между гражданами есть величайшее благо государства, (потому что при ней всего менѣе возможны между ними столкновенія); и Сократъ особенно цѣнитъ въ государствѣ его единство, а это единство, какъ, кажется, и онъ утверждаетъ, есть результатъ взаимной любви гражданъ. Такъ Аристофанъ, [15]) въ своихъ эротическихъ разсужденіяхъ, говоритъ, что лица, любящія другъ друга сильною любовію, желаютъ обыкновенно такъ соединиться между собою, чтобы изъ двухъ образовался одинъ человѣкъ — чего нельзя конечно понять иначе, какъ такъ, что оба индивида, или одинъ изъ нихъ долженъ перестать существовать. Между тѣмъ гдѣ господствуютъ такія общественныя отношенія, тамъ дружба между гражданами необходимо дѣлается водянистою; ибо ни сынъ ни отецъ не въ состояніи тамъ сказать другъ о другѣ: это мой отецъ, или: это мой сынъ. Подобно тому какъ небольшая частица сладкаго, смѣшенная съ большимъ количествомъ воды, не производитъ въ ней никакаго чувствительнаго измѣненія, такъ равно то родство, выраженіемъ котораго служатъ родственныя названія, въ подобной общественной средѣ умаляется до того, что ни отецъ о дѣтяхъ, ни сынъ объ отцѣ, ни братья другъ о другѣ вовсе почти не пекутся. Между тѣмъ есть только два условія, при которыхъ люди могутъ заботиться другъ о другѣ и любить: это—собственность и симпатіи, но ни одно изъ нихъ не можетъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ люди пользуются такимъ государственнымъ устройствомъ. Что же касается до передачи дѣтей [16]) земледѣльцевъ и ремесленниковъ въ среду воиновъ и наоборотъ, дѣтей воиновъ

15) См. Платона Symposion Cap. 14 и сл. Здѣсь Аристофанъ разсказываетъ, что вдревле люди были безразличны поломъ и органами, но что послѣ они раздѣлились въ этомъ отношеніи на двѣ половины.

16) Платонъ говоритъ объ этомъ въ IV книгѣ Республ. p. 425.

въ общество земледѣльцевъ и ремесленниковъ, то такая передача въ исполненіи своемъ представляетъ много затрудненій. Очевидно, что родители, отдающіе своихъ дѣтей, необходимо должны знать, кому какихъ дѣтей они отдали. Между тѣмъ при этой передачѣ необходимо должны происходить всѣ тѣ столкновенія, о которыхъ мы говорили уже выше, — таковы: драки, любовныя связи и убійства. Ибо если, напримѣръ, дѣтей воиновъ, будутъ отдавать въ общество другихъ гражданъ, а дѣтей другихъ гражданъ — въ среду воиновъ, то граждане не признаютъ въ послѣдствіи другъ въ другѣ ни братьевъ, ни дѣтей, ни отцевъ, ни матерей и конечно изъ-за родства уже не будутъ удерживать себя ни отъ чего дурнаго. Итакъ вотъ какъ разсуждаемъ мы объ общеніи дѣтей и женъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Продолженіе критики Платонова государства Изслѣдованіе объ общинномъ владѣніи и частной собственности.

Ближайшій вопросъ, подлежащій теперь нашему разсмотрѣнію, есть вопросъ о поземельномъ владѣніи [1]). Вопросъ состоитъ въ томъ, какого рода поземельное владѣніе должно рекомендовать для гражданъ, желающихъ имѣть у себя наилучшее политическое устройство: общинное или частное? Вопросъ этотъ можно разсматривать отдѣльно отъ всѣхъ узаконеній касательно дѣтей и женщинъ—именно, предполагая, что жены и дѣти, какъ это теперь во всѣхъ государствахъ, у каждаго свои, можно спросить: лучше ли, чтобы владѣніе землею и пользованіе ею были общія, притомъ какъ лучше:

1) Περὶ τῆς κτήσεως. Слово κτῆσις у Грековъ дѣйствительно, какъ говоритъ г. Куторга въ статьѣ: Критическія разысканія о законодательствѣ Алкмеонида Клисѳена (см. Пропилеи Т. III стр. 160 и 169) означало собственно поземельное владѣніе. Въ настоящемъ случаѣ Аристотель конечно говоритъ о немъ. Но въ другихъ случаяхъ у Аристотеля κτῆσις употребляется просто, въ смыслѣ владѣнія чѣмъ бы то ни было.

такъ ли, чтобы участки у всѣхъ были отдѣльные и приносимые ими плоды держивались бы сообща, какъ дѣлается это у нѣкоторыхъ народовъ [2]); или, напротивъ, земля должна быть общею и обрабатывать ее должно сообща, а плоды съ нея дѣлить по нуждамъ каждаго; говорятъ, что такой родъ общиннаго владѣнія встрѣчается у нѣкоторыхъ варваровъ [3]); или, наконецъ, какъ участки, такъ и плоды съ нихъ должны быть общіе. Гдѣ земледѣліе находится въ рукахъ постороннихъ лицъ [4]), тамъ дѣло другаго рода, и вопросъ о землевладѣніи рѣшается легко. А гдѣ граждане работаютъ сами на себя, тамъ въ вопросѣ о землевладѣніи представляется много затрудненій. Такъ какъ, при общинномъ землевладѣніи, пользованіе трудомъ и самый трудъ распредѣляются не поровну между всѣми, то слѣдствіемъ этого бываютъ необходимо неудовольствія со стороны тѣхъ, которые менѣе получаютъ, а болѣе трудятся, противъ тѣхъ, которые получаютъ много, а трудятся мало. Вообще какъ сожительство людей, такъ и общеніе ихъ между собою во всѣхъ сторонахъ человѣческой жизни и особенно въ землевладѣніи представляетъ много затруднительнаго. Посмотрите на компаніи людей, вмѣстѣ путешествующихъ: большею частію они расходятся между собой изъ-за всего, что только ни случается съ ними и ссорятся другъ съ другомъ изъ-за всякой малости. Еще примѣръ: мы сами обыкновенно больше негодуемъ на тѣхъ изъ своихъ слугъ, которыми всего чаще пользуемся для ежедневныхъ нуждъ. Итакъ общинное землевладѣніе имѣетъ на своей сторонѣ какъ эти, такъ и другія подобныя затрудненія. Между тѣмъ господствующая теперь система землевладѣнія, при хорошихъ обычаяхъ и правильномъ законодательствѣ, конечно имѣетъ на своей сторонѣ не мало преимуществъ; она соеди-

2) Повидимому Аристотель указываетъ здѣсь на Критянъ, у которыхъ былъ обычай десятую часть сбора земныхъ плодовъ жертвовать въ пользу общественнаго стола. Такъ думаетъ Шлосееръ (см. тамъ же стр. 105). Другіе же думаютъ, что Аристотель говоритъ здѣсь о Лакедемонянахъ или Тарентинцахъ (см. Шнейдеръ тамъ же стр. 86).

3) Такого обычая держатся нѣкоторыя племена номадовъ. Тацитъ и Цезарь считаютъ его принадлежностію нѣкоторыхъ германскихъ племенъ.

4) Т. е. не принадлежащихъ къ числу гражданъ, подъ которыми можно разумѣть илотовъ, метёковъ и другихъ.

няетъ въ себѣ все лучшее изъ той и другой системы, т.-е. системы общиннаго землевладѣнія и системы землевладѣнія частнаго. Землевладѣніе только частію должно быть общинное, а вообще оно должно быть частное. Въ такомъ случаѣ раздѣльные интересы гражданъ не будутъ служить поводомъ къ неудовольствіямъ ихъ другъ на друга, напротивъ, они будутъ побуждать всѣхъ заботиться объ общемъ благѣ, какъ будто бы каждый дѣйствовалъ въ виду лишь своихъ собственныхъ интересовъ. А между тѣмъ, въ силу своей добродѣтели, они будутъ пользоваться согласно съ пословицей, которая гласитъ, что у друзей все общее [5]). Черты такого общежитія, встрѣчаясь и теперь въ нѣкоторыхъ государствахъ, доказываютъ ясно, что оно не невозможно. Но если нѣкоторые элементы такого общежитія, особенно въ благоустроенныхъ обществахъ, встрѣчаются и теперь кое-гдѣ; то другіе слѣдовательно могутъ развиться въ нихъ въ послѣдствіи. Гдѣ каждый имѣетъ свое собственное имущество, тамъ онъ дозволяетъ друзьямъ своимъ пользоваться имъ, и самъ, въ свою очередь, пользуется ихъ имуществомъ, какъ общимъ. Такъ, напримѣръ, въ Лакедемонѣ [6]) каждый пользуется рабомъ другаго, какъ будто своимъ собственнымъ; также точно пользуются тамъ и лошадьми, и собаками, и даже всѣмъ тѣмъ, въ чемъ кто-либо ни встрѣтитъ нужду, во время своихъ полевыхъ путешествій по странѣ. Итакъ изъ всѣхъ видовъ общиннаго землевладѣнія наилучшій, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобы владѣніе землею было частнымъ, а пользованіе ею — общимъ. Но какимъ бы образомъ устроить такъ, чтобы граждане дѣйствительно распоряжались такъ своимъ имуществомъ, это ужъ дѣло законодателя.

Должно замѣтить, что одна мысль о собственности доставляетъ несказанное удовольствіе. Не напрасно же конечно каждый имѣетъ любовь къ самому себѣ, напротивъ, чувство

---

5) Эту же пословицу приводитъ и Платонъ, но Гифаній замѣчаетъ, что Аристотель callide ею пользуется. Nam eo (proverbio) hic (Платонъ) velut argumento utitur ad confirmandam suam communitatem, utitur et Aristoteles ad suam; sed ille ad communitatem quoque dominii, hic ad usus duntaxat. (См. Шнейдеръ тамъ же стр. 86).

6) Смотр. Мюллеръ. Die Dorier. II стр. 37. Ксенофонтъ (De Rep. Lac. lib VI) признаетъ этотъ обычай за дѣйствильный законъ Ликурга.

это въ насъ естественно [7]). Хотя самолюбіе по справедливо-
сти осуждается, но быть самолюбивымъ не просто значитъ лю-
бить себя, но любить больше, чѣмъ сколько должно. Въ томъ
же смыслѣ и сребролюбіе подлежитъ осужденію, хотя съ
другой стороны всѣ, можно сказать, любятъ себя и деньги.

Нѣтъ сомнѣнія, что для каждаго весьма пріятно оказать
какую-нибудь услугу и помощь своимъ друзьямъ, знакомымъ
и другимъ ближнимъ, а это только и возможно при частной
собственности. При исключительномъ же единствѣ государ-
ства, ничего этого быть не можетъ; кромѣ того, при этомъ
уничтожается еще всякое проявленіе двухъ другихъ добро-
дѣтелей; первая изъ нихъ есть благоразумное обхожденіе съ
женщинами (потому что по благоразумію удержать себя отъ
связи съ чужою женщиною конечно есть добродѣтель), а
вторая — щедрость въ распоряженіи своею собственностію;
потому что тогда никто не окажется щедрымъ и никто небу-
детъ въ состояніи сдѣлать какое-нибудь щедрое дѣло, такъ какъ
щедрость проявляется только въ употребленіи собственнаго
имущества. Между тѣмъ законоположеніе объ общинномъ
владѣніи можетъ показаться очень хорошимъ и филантропи-
ческимъ. Внимая изображенію этой системы общежитія, слу-
шатель съ удовольствіемъ принимаетъ ее, думая, что при
ней-то и водворится между всѣми удивительная дружба, осо-
бенно, если, обращая вниманіе на зло существующее въ со-
временныхъ государствахъ, подумаетъ, что оно происходитъ
отъ недостатка общиннаго владѣнія, — таковы напримѣръ су-
дебные процессы, къ которымъ даютъ поводъ разные дого-
воры гражданъ между собою, разбирательство лжесвидѣ-
тельствъ, униженіе бѣдныхъ предъ богатыми. Но должно за-
мѣтить, что всѣ подобные случаи происходятъ вовсе не отъ
недостатка общиннаго владѣнія, а отъ испорочености чело-
вѣческой природы. Такъ мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что,
при общинномъ владѣніи и пользованіи, столкновеній между
общинниками сравнительно бываетъ гораздо болѣе, неже-
ли въ томъ случаѣ, когда каждый имѣетъ свою отдѣльную
собственность; хотя лицъ, живущихъ общиннымъ бытомъ,

---

7) Эту мысль о любви къ себѣ Аристотель повторяетъ часто, во мно-
гихъ мѣстахъ своей этики. Платонъ De Leg. lib V p. 213 также при-
знаетъ, что любовь къ самому себѣ, φιλαυτία, есть чувство естественное.

встрѣчается намъ менѣе, сравнительно съ большинствомъ тѣхъ, которые владѣютъ собственнымъ имуществомъ. При томъ справедливость требуетъ говорить не только о томъ, какихъ золъ избѣгаютъ тѣ, которые живутъ въ формѣ общиннаго быта, но и о томъ, какихъ благъ они лишаются чрезъ это. Кажется, что при общинномъ владѣніи самая жизнь становится совершенно невозможною. Причиною всей ошибки Сократа должно полагать невѣрность его основнаго положенія. Правда, что какъ семья такъ и государство должны быть едины, но это единство ихъ не должно быть исключительнымъ. Потому что государство, переступая предѣлы должнаго единства, не будетъ уже государствомъ, или если и будетъ, то, стоя близко къ тому, чтобы не быть, оно будетъ худшимъ, чѣмъ какимъ должно быть; это то же, если бы кто изъ одного звука захотѣлъ образовать симфонію, или изъ одной стопы риѳмъ.

Множество, изъ котораго, какъ сказано прежде [8]), состоитъ государство, должно сдѣлаться цѣльнымъ и единымъ посредствомъ воспитанія. Но странно, что нѣкоторые, имѣя въ виду ввести между гражданами воспитаніе и полагая, что только чрезъ воспитаніе гражданъ государство можетъ быть совершеннымъ, достичь этого совершенства думаютъ посредствомъ коммунистическаго образа жизни, а не обычаями, философіею и законами. Такъ, чрезъ учрежденіе сисситій законодатель достигъ имущественнаго общенія гражданъ въ Лакедемонѣ и Критѣ. Но не должно забывать и того, что для всякаго учрежденія потребно много времени, нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ оказалось бы, хорошо ли оно для государства. Потому что все почти уже найдено людьми, но одного люди не знаютъ, а другимъ не пользуются, хотя и знаютъ.

Все сказанное доселѣ, по поводу республики Платона, было бы особенно ясно, если бы такъ организованное государство можно было видѣть на самомъ дѣлѣ. Потому что въ дѣйствительности Платонъ не могъ бы организовать такого государства иначе, какъ раздѣляя гражданъ [9]) по сисситіямъ

8) Смотр гл. I.

9) *Οὐ γὰρ δυνήσεται μὴ μερίζων αὐτῶν καὶ χωρίζων ποιῆσαι τὴν πόλιν* — такъ читаетъ Геттлингъ, которому мы слѣдуемъ въ этомъ случаѣ (Arist. Politic. p. 315); другіе, какъ Шнейдеръ и Штаръ, читаютъ: *μὴ μερίζων αὐτὰ* понимая *αὐτὰ* въ смыслѣ — bona.

и отдѣляя ихъ другъ отъ друга на фратріи и трибы. Такимъ образомъ изъ всего законодательства Платона не останется ничего другаго, кромѣ того, что воины не должны заниматься земледѣліемъ, что̀ уже и въ наше время начинаютъ дѣлать Лакедемоняне [10]). Что же касается до политическаго устройства при такомъ общинномъ бытѣ гражданъ, то Сократъ объ этомъ ничего не сказалъ, да и не легко было бы ему сказать что нибудь объ этомъ. Въ объемъ государства, кромѣ воиновъ, входятъ также еще и другіе граждане, относительно которыхъ у Платона также ничего опредѣленнаго не сказано; такъ у него ничего не сказано, напримѣръ, о томъ, должны ли земледѣльцы имѣть владѣнія общія, или у каждаго изъ нихъ должно быть свое собственное, равно у каждаго ли изъ нихъ должны быть жены и дѣти свои собственныя, или у всѣхъ общія. Если общинное владѣніе одинаково должно имѣть мѣсто въ бытѣ всѣхъ гражданъ; то чѣмъ земледѣльцы будутъ отличаться тогда отъ военныхъ? Почему они должны оставаться подъ властію тѣхъ? Вслѣдствіе какого знанія одни будутъ удерживать власть надъ другими, если только они не придумаютъ чего нибудь въ родѣ Критянъ, которые позволяя своимъ рабамъ почти все то, чѣмъ занимались сами, возбраняли имъ только гимнасіи и ношеніе оружія. Если же и между остальными гражданами Платоновой республики [11]) будутъ такія же отношенія, какія существуютъ между гражданами въ прочихъ государствахъ, то что̀ это будетъ за коммунизмъ? Тогда въ одномъ государствѣ необходимо будутъ два государства, и при томъ противоположныя одно другому. Потому что онъ (Сократъ) военнымъ предоставляетъ только охраненіе государства, а гражданами считаетъ земледѣль-

10) Извѣстно, что Спартанцы, по законамъ Ликурга, не обработывали сами полей, но предоставляли это дѣло илотамъ. Впрочемъ, если этотъ Спартанскій обычай есть древній обычай, то что значатъ слова Аристотеля: начинаютъ дѣлать *ποιεῖν ἐπιχειροῦσιν*?

11) Т. е. кромѣ воиновъ. Должно замѣтить, что Платонъ въ своей Республикѣ говоритъ собственно объ общинномъ бытѣ военнаго Аристосословія; а о бытѣ прочихъ гражданъ, какъ замѣчаетъ самъ тель, онъ ничего не говоритъ; потому Аристотель и дѣлаетъ далѣе предположеніе, что, если при общинномъ бытѣ военнаго сословія, бытъ прочихъ гражданъ будетъ одинаковъ съ бытомъ гражданъ во всѣхъ другихъ государствахъ, то у Платона въ одномъ государствѣ будетъ два.

цевъ, ремесленниковъ и проч. Между тѣмъ жалобы, процессы и всякое другое зло, какое находитъ онъ въ современныхъ государствахъ, будетъ также и у нихъ. Но Сократъ, хотя и говоритъ, что, благодаря воспитанію, граждане его республики не будутъ имѣть нужды во многихъ законахъ, каковы, напримѣръ, законы полицейскіе и относящіеся до торговли, между тѣмъ самое воспитаніе онъ предоставляетъ только военнымъ. Далѣе, если земледѣльцевъ, платящихъ подать, онъ признаетъ собственниками ихъ владѣній; то при этомъ естественно опасаться, что они будутъ болѣе вредными и требовательными людьми, чѣмъ таковы гдѣ либо илоты, пенесты и другіе рабы [12]). Но необходимо ли все это, или одинаково можетъ и не быть, объ этомъ у Платона ровно ничего не сказано; также у него ничего не сказано и о томъ, что вытекаетъ отсюда: каково, напримѣръ, должно быть государственное устройство у такихъ гражданъ, ихъ воспитаніе и законы. Какъ съ одной стороны не легко опредѣлить все это, такъ съ другой стороны для сохраненія общественнаго быта воиновъ, не маловажный вопросъ состоитъ въ томъ, каковъ будетъ родъ жизни земледѣльцевъ. Если установить, чтобы жены ихъ были общими, а собственность оставить имъ въ частное владѣніе, то кто будетъ заботиться тогда о семьѣ, такъ какъ каждый мущина будетъ заботиться о своемъ участкѣ земли? Подобное же затрудненіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если и собственность, и жены земледѣльцевъ будутъ общія.

Странно также, основываясь на сравненіи людей съ животными, утверждать, что женщины должны заниматься тѣмъ же самымъ, чѣмъ и мущины, между тѣмъ какъ въ бытѣ животныхъ нѣтъ мѣста ни для какой семейной дѣятельности. [13]) Не безъ риска также постановленіе Сократа относительно правителей; правители, по его мнѣнію, должны быть всегда одни и тѣ же, что конечно будетъ причиною возмущенія какъ

---

12) Илоты — это рабочее сословіе въ Спартѣ; пенесты то же въ Өессаліи; въ экономическомъ бытѣ тѣ и другіе суть то же, что и рабы.

13) Въ V кн. Республ. p. 451 Платонъ говоритъ, что женщины, наровнѣ съ мущинами, могутъ быть хорошей охраною государства; въ подтвержденіе чего указываетъ на собакъ, которыя, безъ различія пола, могутъ быть пригодны на охотѣ и для сбереженія стада.

въ средѣ тѣхъ, которые не имѣютъ въ себѣ чувства собственнаго достоинства, такъ и въ обществѣ людей отважныхъ и воинственныхъ. Но понятно, что Сократу необходимо нужно было признать постоянныхъ правителей; потому что, по его теоріи, золото, исходящее отъ Бога, не попеременно соединяется то съ тѣми, то съ другими душами, но всегда съ одними и тѣми же. Такъ онъ говоритъ, что тотчасъ по рожденіи къ однимъ примѣшивается золото, къ другимъ серебро; а мѣдь и желѣзо достаются на долю тѣхъ, которые будутъ ремесленниками и земледѣльцами. Кромѣ того, отнимая у воиновъ ихъ личное счастіе, онъ говоритъ, что законодатель все государство долженъ сдѣлать счастливымъ. Но все государство, очевидно, не можетъ быть счастливо, если большая часть гражданъ, или хоть нѣкоторые, лишены счастія, потому что отношеніе счастливаго цѣлаго къ частямъ своимъ не то же, что отношеніе четнаго къ своимъ частямъ. Четное можетъ принадлежать цѣлому, не заключаясь ни въ одной части его, а счастливое не можетъ быть въ такомъ отношеніи къ своимъ частямъ. Итакъ, если воины лишены счастія, то кто же будетъ счастливъ? Ужь конечно не ремесленники и не вся эта масса рабочихъ. Итакъ, вотъ какія затрудненія представляетъ то политическое устройство, о которомъ говорилъ Сократъ; но тутъ также есть и другія не менѣе значительныя затрудненія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Критическое изслѣдованіе политическихъ мнѣній Платона, изложенныхъ въ сочиненіи о Законахъ.

Почти то же самое высказано Платономъ въ Законахъ [1]), сочиненіи, написанномъ имъ позже Республики. Посему мы

---

1) Νόμοι Leges. Это сочиненіе Платона имѣетъ болѣе практическій характеръ, чѣмъ его Республика, и служитъ какъ бы критикою этого послѣдняго сочиненія, критикою,— основанною болѣе на нуждахъ дѣйствительности, чѣмъ на отвлеченныхъ идеальныхъ соображеніяхъ.

можемъ не столь долго останавливаться на разсмотрѣніи того государственнаго устройства, которое представлено имъ въ этомъ сочиненіи. Впрочемъ и въ самой Республикѣ Сократъ вполнѣ разобралъ только нѣкоторые вопросы; такъ, относительно общенія женъ и дѣтей, онъ рѣшаетъ только вопросъ о томъ, каково должно быть это общеніе, далѣе вопросъ о собственности и о строѣ государственнаго управленія. Вся масса жителей раздѣляется у него на двѣ части: на земледѣльцевъ и на воиновъ; а третью часть, состоящую изъ двухъ первыхъ, составляютъ люди, совѣщающіеся о дѣлахъ государственныхъ и правящіе государствомъ. Но должны ли земледѣльцы и ремесленники принимать какое-либо участіе въ управленіи, должны ли они носить оружіе и воевать вмѣстѣ съ другими — обо всемъ этомъ Сократъ ничего не сказалъ. Но женщины, по его мнѣнію, должны участвовать въ войнѣ, вмѣстѣ съ воинами, и получать то же самое воспитаніе, какъ и они. Далѣе онъ говоритъ о томъ, каково должно быть воспитаніе воиновъ, а остальная часть его изслѣдованія наполнена посторонними соображеніями. Что же касаетя до Законовъ, то это сочиненіе Платона, въ большей своей части, подлинно есть законы; а о государственномъ устройствѣ онъ говоритъ здѣсь не много. Притомъ, имѣя въ виду изобразить такое государственное устройство, которое было бы болѣе общимъ для всѣхъ существующихъ въ настоящее время государствъ, онъ мало-по-малу сводитъ его къ своему прежнему государственному устройству. Въ самомъ дѣлѣ, исключая общеніе женъ и имущества, все прочее у него одинаково, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ изображеніи государственнаго устройства: то же самое воспитаніе, та же самая жизнь, удаленная отъ необходимыхъ работъ, тѣ же самыя сисситіи. Разница состоитъ только въ томъ, что въ послѣднемъ изображеніи государственнаго устройства онъ говоритъ, что и для женщинъ [2]) должны быть сисситіи, да еще въ томъ, что тамъ въ составъ сисситій входила у него только тысяча гражданъ, владѣющихъ оружіемъ, а здѣсь онѣ состоятъ уже изъ пяти тысячъ [3]). Впрочемъ должно замѣтить, что всѣ мысли

2) См. Plat. De Leg. VI. 21. стр. 780. Впрочемъ о женскихъ сисситіяхъ Платонъ, повидимому, говоритъ не безъ осторожности.

3) Впрочемъ у Платона сказано: *πεντάκις μὲν χίλιοι ἔστωσαν καὶ τεσσαράκοντα* V. стр. 737.

Сократа хотя чрезвычайно изысканны, остроумны, оригинальны и глубоки, но при всемъ томъ трудно сказать, чтобы были вѣрны. Такъ нельзя не замѣтить, что для упомянутаго сейчасъ количества гражданъ потребна такая страна, какъ Вавилонія, или иная также громадная область, потому что она должна прокормить пять тысячъ человѣкъ, ничего не дѣлающихъ, и другую еще большую толпу женщинъ и слугъ. Хорошо конечно строить планы по своему желанію, но не должно мыслить ни о чемъ невозможномъ. Сократъ говоритъ, что, издавая законы, законодатель долженъ обращать вниманіе на два предмета: на страну и на людей; но къ этому еще должно присоединить и на близь лѣжащія страны, если тотько взять въ разчетъ то, что государство должно вести политическую жизнь [4]). Такъ военная сила государства должна быть пригодна ему не только въ его собственныхъ предѣлахъ, но и въ мѣстностяхъ, лежащихъ внѣ его. Хотя законодатель не рекомендуетъ воинскаго образа жизни, ни въ частности для отдѣльныхъ лицъ, ни вообще для государства, но тѣмъ не менѣе граждане его должны быть страшны своимъ врагамъ не только тогда, когда послѣдніе дѣлаютъ нашествіе на ихъ страну, но и тогда, когда они оставляютъ ее. Что касается до количества поземельнаго имущества, какимъ должны владѣть граждане, то слѣдуетъ подумать, нельзя ли опредѣлить его точнѣе. Имущества у гражданъ, говоритъ онъ, должно быть столько, сколько нужно его для того, чтобы жить скромно,—другой бы въ этомъ случаѣ сказалъ: чтобы жить хорошо; такое опредѣленіе болѣе обширно. Потому что можно вести скромную, но въ то же время очень трудную жизнь. Но наилучшее опредѣленіе въ этомъ случаѣ будетъ: скромно и свободно, потому что, безъ того или другаго условія, въ жизнь входитъ или роскошь или страданіе. Эти же самыя добродѣтели суть необходимыя условія и для пользованія имуществомъ. Такъ нельзя пользоваться имуществомъ вяло или мужественно, но можно пользоваться имъ скромно и свободно; и дѣйствительно, пользованіе имуществомъ необходимо должно быть такое. Но странно далѣе то, что Платонъ, уравнивая гражданъ по имуществу, не ставитъ ника-

4) Платонъ, хотя мимоходомъ, говоритъ объ этомъ въ V кн. Законовъ, стр. 225 и въ VI, стр. 263.

кихъ границъ относительно количества гражданъ и не опре-
дѣляетъ мѣры дѣторожденія, надѣясь на то, что при без-
плодныхъ бракахъ, сколько бы ни рождалось дѣтей отъ дру-
гихъ браковъ, наличное число гражданъ всегда будетъ одно
и то же, или близко къ нему, что повидимому и бываетъ въ
существующихъ нынѣ государствахъ. Но въ Платоновомъ го-
сударствѣ требуется болѣе точности въ опредѣленіи отноше-
нія между имуществомъ и количествомъ гражданъ, чѣмъ на
сколько это необходимо въ существующихъ нынѣ государ-
ствахъ, потому что теперь, вслѣдствіе раздѣленія имущества
между какимъ бы то ни было числомъ гражданъ, никто не
терпитъ абсолютнаго недостатка, а тамъ, при нераздѣльно-
сти имущества, гражданамъ сверхъ опредѣленнаго числа, по
необходимости, недостанется ничего,—все равно, мало ли, мно-
го ли будетъ такихъ гражданъ. Можно думать, что скорѣе
слѣдуетъ опредѣлить дѣторожденіе, чѣмъ имущество, такъ
чтобы рожденій было не болѣе опредѣленнаго числа. Число
же это можно опредѣлить, взявши въ разчетъ случаи смерти
родившихся и случаи безплодныхъ браковъ. Если же оставить
этотъ вопросъ безъ вниманія, то результатомъ такой неопре-
дѣленности, какъ дѣйствительно это и бываетъ во многихъ
государствахъ, должна быть бѣдность гражданъ, а бѣдность
производитъ безпорядки и злодѣянія. На этомъ основаніи
одинъ изъ древнѣйшихъ законодателей, Фидонъ Коринѳскій [5])
думалъ, что какъ число семей, такъ и количество всѣхъ граж-
данъ постоянно должно быть одно и то же, хотя бы перво-
начальные участки владѣній не были у всѣхъ равны по вели-
чинѣ. Но въ Законахъ высказано противное этому мнѣніе.
Что же касается до нашего личнаго мнѣнія касательно всего
этого, то мы намѣрены изложить его въ послѣдствіи [6]). Ме-
жду тѣмъ въ Законахъ оставленъ безъ вниманія еще во-
просъ о томъ, какое различіе должно быть между властвую-
щими и подчиненными. Сократъ говоритъ поэтому случаю
только слѣдующее: какъ основа и утокъ бываютъ не изъ од-

5) Этотъ Фидонъ жилъ въ концѣ IX в. до Р. Хр. за 80 лѣтъ до Ли-
курга. Въ VIII кн. Полит. въ 8 гл. Аристотель говоритъ объ Аргив-
скомъ тираннѣ Фидонѣ, котораго, очевидно, слѣдуетъ отличать отъ
Фидона Коринѳскаго, См. Müller Dorier 1 стр. 155. 11 стр. 108. 200.
Heynii Opusc. acad. II стр. 255.

6) См. Полит. кн. IV гл. 5, 9 и 14.

ной и той же шерсти, такъ не одинаковы, по его словамъ,
должны быть властвующіе и подчиненные [7]). Далѣе, если вся-
кое другое имущество онъ дозволяетъ увеличивать только до
пяти разъ [8]), то почему бы и относительно земли не по-
ложить какого-нибудь предѣла? Что же касается до раздѣ-
ленія хозяйственныхъ усадьбъ, то слѣдовало бы подумать, не
будетъ ли это раздѣленіе вредно для домашней экономіи.
Каждому онъ назначаетъ два отдѣльныхъ участка, но вѣдь
трудно вести хозяйство на два дома [9]).

Вся организація Платонова государства не позволяетъ пред-
полагать, чтобы оно было демократіею, или олигархіею; на-
противъ, оно есть что-то среднее между ними, каковое устрой-
ство обыкновенно называютъ республикою; потому что рес-
публика состоитъ изъ людей носящихъ оружіе [10]). Если на
это политическое устройство онъ смотритъ какъ на такое, ко-
торое изъ числа прочихъ наиболѣе доступно для всѣхъ го-
сударствъ, въ такомъ случаѣ онъ разсуждаетъ справедливо:
если же онъ выставляетъ его, какъ лучшее послѣ перваго
наилучшаго политическаго устройства, то это несправедливо:
потому что въ этомъ случаѣ болѣе можно похвалить полити-
ческое устройство Спартанцевъ, или другое какое-нибудь
болѣе аристократическое. Между тѣмъ нѣкоторые [11]) говорятъ,
что лучше политическое устройство должно быть смѣшеннымъ
изъ всѣхъ политическихъ устройствъ; поэтому-то они и хва-

7) См. Leg. V p. 754.

8) Ἐπεὶ δὲ τὴν πᾶσαν οὐσίαν ἐφίησι γίνεσθαι μείζονα μέχρι πενταπλασίας.
Но по Платону, имущество можно увеличивать только до четырехъ
разъ; см. Legg. V. p. 744. Μέτρον δὲ αὐτῶν θέμενος ὁ νομοθέτης, διπλάσιον
ἐάσει τοῦ κτᾶσθαι καὶ τριπλάσιον καὶ μέχρι τετραπλασίου. Трудно согласить
это противорѣчіе; нельзя ли думать, что и Аристотель говоритъ о
пятомъ разѣ, какъ о предѣлѣ, до котораго можно только увеличи-
вать имущество, не включая его въ число разъ.

9) Платонъ говоритъ (Legg V. 14 p. 745) καὶ δύο νέμεσθαι ἕκαστον
οἰκήσεις τὴν τε ἐγγὺς τοῦ μέσου καὶ τὴν τῶν ἐσχάτων. Такимъ образомъ
Платонъ прямо говоритъ о двухъ усадьбахъ или жилищахъ; поправ-
ляя Платона, Аристотель въ IV кн. Полит. гл. 9 говоритъ, что граж-
дане должны имѣть *поземельную собственность* въ двухъ мѣстахъ и
приводитъ на это уважительныя причины.

10) Ниже, въ 5 кн. Полит., какъ признакъ республиканской жизни,
Аристотель выставляетъ права гражданъ носить оружіе.

11) Аристотель вѣроятно указываетъ здѣсь на Пиѳагорейца Архита,
взглядъ кртораго на государство цитуетъ Стобей. стр. 440.

лять политическое устройство Лакедемонян [12]). Политическое устройство Лакедемонян, говорят они, состоит из олигархіи, монархіи и демократіи: представителями монархіи, по ихъ словамъ, являются цари; а власть геронтовъ представляетъ олигархію; демократическій же элементъ заключается во власти эфоровъ; потому что эфоры избираются изъ народа, но другіе власть эфоровъ считаютъ тираніею, а демократическій элементъ видятъ въ сисситіяхъ и въ прочихъ порядкахъ каждодневной жизни Лакедемонянъ. Но въ Законахъ сказано, что лучшее политическое устройство должно состоять изъ демократіи и тираніи [13]) — изъ такихъ формъ политическаго быта, которыя, или вовсе не слѣдуетъ считать политическими, или слѣдуетъ считать самыми худшими изъ всѣхъ другихъ. Итакъ, вообще говоря, тѣ, которые думаютъ, что лучшая форма политическаго быта должна быть смѣшена изъ многихъ формъ, разсуждаютъ конечно лучше, потому что политическое устройство, сложившееся изъ многихъ другихъ, дѣйствительно лучше. Потомъ, государство Платона, не имѣя въ себѣ, повидимому, никакого монархическаго элемента, заключаетъ лишь только элементы олигархическій и демократическій, но болѣе, кажется, оно клонится къ олигархіи, какъ это ясно изъ принятаго въ немъ порядка назначенія властей. Кондидатовъ, выбранныхъ въ правительственныя должности баллотировать еще по жребію — это черта общая и для олигархіи и для демократіи; но ставить въ обязанность людямъ достаточнымъ, чтобы они собирались, назначали правителей, или занимались какими-либо другими государственными дѣлами, а прочихъ устранять отъ всего этого, — въ этомъ собственно видна уже олигархія [14]). Оли-

12) Анализъ политическаго устройства Лакедемонянъ находится въ 6 гл. этой кн. Политики.

13) Хотя въ четвертой кн. Законовъ Платонъ дѣйствительно говоритъ о тиранническомъ элементѣ, который, по его мнѣнію, долженъ войти въ составъ государственной конституціи, но только въ извѣстныхъ предѣлахъ и для нѣкоторыхъ цѣлей; вообще же онъ склоняется болѣе къ соединенію монархіи съ демократіею; (смотр. Legg. L. III. p. 693). Въ Республикѣ же, извѣстно, Платонъ склоняется къ аристократическому устройству, такъ какъ при этомъ устройствѣ правителями, по его мнѣнію, бываютъ лучшіе.

14) Въ послѣдующихъ книгахъ Политики Аристотель разбираетъ всѣ

гархическій характеръ Платонова государства усматривается еще въ томъ, что большинство правителей избираются изъ числа людей богатыхъ, и въ томъ, что болѣе значительныя должности обложены довольно высокимъ цензомъ. Избраніе членовъ вулы (βουλῆς) носитъ въ себѣ также характеръ олигархическій. Хотя обязанность избранія лежитъ на всѣхъ, но сперва избираются только люди, принадлежащіе, по своему цензу, къ первому классу, потомъ равное число избирается изъ втораго класса, а потомъ изъ третьяго, съ тѣмъ однако отличіемъ, что обязанность избранія лежитъ здѣсь не на всѣхъ, но только на тѣхъ, которые принадлежатъ къ первымъ тремъ классамъ; а для выбора изъ четвертаго класса, обязанность избранія лежитъ только на лицахъ перваго и втораго класса. Потомъ онъ говоритъ, что изо всѣхъ, такимъ образомъ выбранныхъ, на каждый классъ должно быть выбрано равное число [15]). При такой системѣ, большинство избирателей, очевидно, будетъ изъ высшихъ классовъ, и притомъ лучшіе, потому что нѣкоторые изъ низшихъ классовъ не примутъ участія въ избраніи, такъ какъ они къ тому необязаны [16]). Итакъ изъ всего, сказаннаго нами доселѣ, ясно,

элементы олигархіи, демократіи и другихъ формъ политическаго устройства.

15) Извѣстно, что Платонъ дѣлитъ всѣхъ гражданъ, по цензу, на 4 класса; это раздѣленіе лежитъ у него въ основаніи и при избраніи членовъ вулы. Порядокъ избранія (какъ объясненъ онъ Геттлингомъ) былъ слѣдующій. См. Геттл. тамъ же стр. 321. (Объ избраніи членовъ вулы Платонъ говоритъ въ 6 кн. законовъ p. 259). Изъ четырехъ классовъ каждогодно избираются 360 членовъ, сперва по 90 изъ каждаго класса. При избраніи членовъ изъ перваго и втораго класса, должны учавствовать всѣ четыре, такъ что неявившіеся платятъ штрафъ, притомъ граждане третьяго класса вдвое противъ гражданъ четвертаго класса, а граждане втораго втрое и т. д. При избраніи изъ третьяго класса, четвертый можетъ не являться, а присутствовать при этомъ избраніи обязательно только для первыхъ трехъ. При избраніи изъ четвертаго класса, должно присутствовать только первымъ двумъ. За тѣмъ, на пятый день выборовъ, имена кандидатовъ выставляются публично, и всѣ граждане должны вновь избрать по 180 членовъ изъ каждаго класса, потомъ изъ числа всѣхъ 720 кандидатовъ половина, выбранная уже по жребію, составляетъ изъ себя вулу.

16) Руководящій мотивъ избранія членовъ вулы, предложеннаго Платаномъ, какъ сказано выше, понятенъ. Онъ, очевидно, состоитъ

что такое политическое устройство не есть комбинація демократіи и монархіи. Но еще болѣе это будетъ очевидно изъ того, что будетъ сказано о немъ въ послѣдствіи, когда придется намъ разсуждать о такой формѣ политическаго устройства [17]). Что же касается до избранія правителей, то выбирать ихъ ужѣ изъ выбранныхъ представляется дѣломъ не безопаснымъ, потому что въ такомъ случаѣ, если бы нѣкоторые, хоть не въ большемъ числѣ, согласились между собою, то избраніе всегда происходило бы по ихъ волѣ. Итакъ вотъ что̀ сочли мы нужнымъ замѣтить относительно того политическаго устройства, которое изложено въ Законахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Взглядъ на государственное устройство, проэктированное Фалеасомъ Халкидонскимъ.

Есть еще нѣкоторые образцы политическаго устройства, проэктированные или простыми гражданами [1]), или философами и людьми государственными. Если сравнить ихъ съ вышеизложенными двумя образцами Платона, то окажется, что всѣ они ближе подходятъ къ существующимъ формамъ политическаго устройства современныхъ государствъ. Такъ никто, кромѣ Платона, не предложилъ такихъ нововведеній въ

въ томъ, чтобы въ государствѣ, имѣющемъ видъ демократіи, усилить элементъ аристократическій.

17) См. кн. VI гл. 5.

1) Ἁι μὲν ἰδιωτῶν ἁι δὲ φιλοσόφων καὶ πολιτικῶν. Здѣсь простые граждане противуполагаются философамъ и людямъ государственнымъ. Цицеронъ также противуполагаетъ простыхъ гражданъ философамъ. Такъ въ рѣчи pro P. Sextio cap. 51 онъ говоритъ: postquam rem paternam ab idiotarum divitiis ad philosophorum regulam perduxit. Впрочемъ приведенный текстъ Аристотеля иначе понимаетъ Геттлингъ; къ этому же пониманію склоняется и Шнейдеръ (см. Arist. Politcor. Vol. II p. 100) Геттлингъ говоритъ (Arist. Politicor p. 323) opponuntur philosophi politici I. e. qui jam ad rempublicam accesseruut, philosophis privatis (ἰδιώταις).

политической жизни, какъ общеніе дѣтей и женъ, равно и сисситіи женщинъ; напротивъ, всѣ касались болѣе необходимыхъ вещей. Нѣкоторымъ кажется, что правильная организація собственности есть наиважнѣйшее дѣло въ политическомъ устройствѣ, потому что всѣ безпорядки, говорятъ они, происходятъ въ государствѣ изъ-за собственности. Такъ Фалеасъ халкидонскій [2]) первый положилъ въ основаніе своего политическаго устройства то правило, что у всѣхъ гражданъ должно быть равное имущество. Ему казалось, что этого равенства съ наименьшимъ трудомъ можно достигнуть въ періодъ самаго образованія государства, чѣмъ послѣ, когда оно уже совсѣмъ сложилось. Во всякомъ случаѣ граждане, по его мнѣнію, всего скорѣе сравнялись бы между собою въ имуществѣ, если бы богатые давали все бѣднымъ безвозмездно, а бѣдные только бы получали отъ богатыхъ и ничего не давали бы сами. Платонъ же въ своихъ Законахъ думалъ, что умноженіе собственности должно позволить только до извѣстной степени, именно, какъ сказано было прежде, не выше количества, большаго только въ пять разъ, противъ назначеннаго минимума. Но при всѣхъ подобныхъ законодательствахъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что, опредѣляя количество имущества, должно опредѣлить и количество дѣтей; потому что если число дѣтей превышаетъ количество имущества, то законъ необходимо долженъ потерять силу; да и помимо этого, дурно въ этомъ случаѣ еще и то, что многіе изъ богатыхъ сдѣлаются тогда бѣдными, потому что при такомъ положеніи дѣлъ гражданамъ трудно не быть революціонерами. Что равенство имущества имѣетъ нѣкоторое значеніе въ политическомъ общежитіи, это, кажется, понимали и нѣкоторые изъ древнихъ. Такъ, напримѣръ, Солонъ издалъ

---

2) Кто былъ этотъ Фалеасъ халкидонскій — трудно сказать, потому что кромѣ Аристотеля никто изъ древнихъ, кажется, не упоминаетъ о немъ. Извѣстно только (Fabric. Biblioth. Graec LII. cap. XII) что нѣкоторые называли его карѳагенскимъ (καρχηδόνιος) Геттлингъ (тамъ же p. 323) хорошо объясняетъ это переиначиванье имени Χαλκηδόνιος въ Καρχηδόνιος. Аристотель очевидно говоритъ здѣсь не о дѣйствительномъ политическомъ устройствѣ, которое далъ Фалеасъ государству, но о его политическомъ планѣ, что̀ особенно ясно изъ послѣдующаго замѣчанія Аристотеля, что Фалеасъ долженъ былъ опредѣлить, каково должно быть воспитаніе гражданъ. (См. ниже въ текстѣ этой главы).

законъ — такой же законъ былъ и у другихъ, — по которому гражданамъ воспрещалось владѣть какимъ угодно количествомъ земли [3]). Потому же мотиву, законы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воспрещаютъ владѣльцамъ продавать свое имущество. Такъ у Локровъ [4]) есть законъ, воспрещающій владѣльцу продавать свое имущество, исключая только тѣ случаи, когда его постигаетъ какое-нибудь несчастіе. Напротивъ, законъ повелѣваетъ сохранять въ цѣлости прежніе участки, пріобрѣтенные по жребію. Нарушеніе этого закона въ Левкидѣ [5]) повело къ перестрою всего политическаго быта въ духѣ демократическомъ; потому что съ этихъ поръ граждане стали достигать власти независимо отъ опредѣленныхъ условій ценза. Между тѣмъ, и при равенствѣ имущества, послѣднее можетъ быть слишкомъ велико, такъ что граждане будутъ роскошничать, или слишкомъ мало, такъ что они съ трудомъ будутъ жить. Отсюда очевидно, что законодателю не достаточно установить только равенство въ имуществѣ, но ему должно также опредѣлить среднюю его величину. Но если бы кто даже и установилъ для всѣхъ среднюю мѣру имущества, то и это еще немного значитъ; нужно, напротивъ, болѣе заботиться о томъ, чтобы уравнять желанія гражданъ, нежели ихъ имущества [6]). А это невозможно, если граждане не достаточно хорошо воспитаны [7]). Но Фалеасъ, можетъ быть, воз-

---

3) Одинъ только Аристотель, кажется, приписываетъ этотъ законъ Солону. Извѣстіе это вообще не ясно. Такъ какъ Аристотель говоритъ здѣсь о Солонѣ, какъ объ одномъ изъ древнихъ законодателей, противуполагая ихъ Фалеасу; то слѣдуетъ думать, что Фалеасъ жилъ послѣ Солона.

4) Гейне (Opusc. academ. II p. 42) полагаетъ, что здѣсь говорится о Локрахъ — Эпизефирахъ въ Великой Греціи.

5) Левкида, на островѣ того же имени, въ Іоническомъ морѣ, была коринѳскою колоніею, основанною въ правленіе тиранна Періандра. О политическомъ устройствѣ этого государства, или скорѣе города, говорится только въ этомъ мѣстѣ у Аристотеля.

6) Прошу читателя обратить вниманіе на то, къ чему тяготѣетъ политическая мысль философа. Гарантію всѣмъ юридическимъ и экономическимъ институтамъ Аристотель находитъ въ нравственной волѣ человѣка, которая можетъ быть приведена въ должное расположеніе только чрезъ воспитаніе, потому вопросъ о воспитаніи для всѣхъ древнихъ политиковъ былъ первымъ и важнѣйшимъ государственнымъ вопросомъ. Но кто и изъ современныхъ политиковъ не дастъ ему также перваго мѣста?

7) Въ текстѣ говорится: μὴ παιδευομένοις ἱκανῶς ὑπὸ τῶν νόμων. Этими

разитъ, что это самое онъ и говоритъ, когда утверждаетъ, что равенство у гражданъ должно быть въ двухъ вещахъ: въ собственности и въ воспитаніи. Этого мало; слѣдуетъ опредѣлить, каково должно быть самое воспитаніе гражданъ: если даже оно для всѣхъ одно и тоже, то и это еще не много значитъ. Будучи однимъ и тѣмъ же, оно однако можетъ быть такимъ, что, получая его, граждане все-таки будутъ стремиться къ избытку или въ богатствѣ, или въ почестяхъ, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ.

Столкновенія между гражданами бываютъ не только изъ-за неравенства собственности, но и изъ за неравенства почестей: въ томъ и другомъ случаѣ различны только претенденты. Для большинства поводомъ къ возмущенію обыкновенно служитъ неравенство собственности; тѣ, напротивъ, которыхъ льстятъ почести, возмущаются изъ-за нихъ, если онѣ равны. Объ этомъ и поэтъ говоритъ: въ равной чести и худой и хорошій [8]). Люди наносятъ другъ другу оскорбленія нетолько изъ-за необходимыхъ вещей — средство противъ чего Фалеасъ видитъ въ равенствѣ имущества, причемъ никто, по его мнѣнію, не ограбитъ другаго изъ-за того, чтобы самому не умереть отъ холода или голода; — но кромѣ того, люди часто обижаютъ другъ друга просто изъ за того, что ищутъ себѣ удовольствій и стремятся къ удовлетворенію своихъ желаній. Такъ если желанія ихъ простираются далѣе необходимаго, то они оказываются не справедливыми къ другимъ изъ-за средствъ для ихъ удовлетворенія. Но столкновенія между гражданами бываютъ не только по этому побужденію, а просто даже и по тому, чтобы наслаждаться удовольствіями безъ всякой печали. Какія же средства противъ трехъ этихъ золъ? Въ первомъ случаѣ потребно только не большое имущество и способность къ труду; въ другомъ нужно благоразуміе; а въ третьемъ, еслибы кто захотѣлъ найдти свое счастіе чрезъ себя самого, то средства для этого онъ не найдетъ ни въ чемъ, какъ только въ философіи; для всѣхъ же прочихъ удо-

---

словами указывается на воспитаніе, какое получаетъ человѣкъ, находясь подъ управленіемъ хорошихъ законовъ; причемъ слово νόμος, законъ — взято въ болѣе широкомъ смыслѣ, именно въ смыслѣ руководительнаго начала, въ чемъ бы оно ни выступало — въ наставленіяхъ ли школы, или въ государственныхъ учрежденіяхъ.

8) См. Иліад. IX ст. 319.

вольствій ему потребны другіе люди [9]). Люди обыкновенно бываютъ не справедливы другъ къ другу изъ-за прихотей, а не изъ-за необходимаго; такъ, напримѣръ, никто не дѣлается тиранномъ изъ-за того, чтобы не терпѣть стужи. Посему и чести больше не тому, кто убьетъ вора, а тому, кто убьетъ тиранна. Итакъ образецъ политическаго устройства, представленный Фалеасомъ, гарантируетъ гражданъ только со стороны малыхъ преступленій ихъ въ отношеніи другъ къ другу. Вообще Фалеасъ много хлопочетъ о приисканіи такихъ условій, при которыхъ граждане могли бы быть между собою въ хорошихъ общественныхъ отношеніяхъ. Но вѣдь кромѣ того, для всякаго государства необходимо должны быть гарантированы отношенія его къ ближайшимъ сосѣдямъ и вообще ко всѣмъ иностранцамъ. Посему, при всякомъ политическомъ устройствѣ, должно обращать вниманіе на военную силу, о чемъ Фалеасъ съ своей стороны ничего не сказалъ. Равнымъ образомъ должно обращать вниманіе и на богатство. Государство должно быть богато, не только для удовлетворенія нуждъ, но и на случай внѣшнихъ опасностей. Матеріальныя средства государства, съ одной стороны, не должны быть такъ велики, чтобы количество ихъ возбуждало алчность сосѣднихъ и болѣе сильныхъ государствъ, тогда какъ владѣльцы ихъ не въ состояніи выдержать нападеніе враговъ, а съ другой, онѣ не должны быть и такъ малы, чтобы государство не могло вести на нихъ войну съ другими равными и подобными ему государствами. Обо всемъ этомъ Фалеасъ ровно ничего не сказалъ. Не должно упускать изъ виду того, въ какомъ объемѣ богатство государства дѣйствительно можетъ быть полезно ему. Въ этомъ отношеніи, наилучшее опредѣленіе можетъ быть слѣдующее: богатство государства не должно быть такъ велико, чтобы избыткомъ его болѣе сильныя государства возбуждались къ войнѣ противъ него,

---

9) Итакъ средство, обезпечивающее спокойствіе гражданъ, которое можетъ быть нарушено не равенствомъ ихъ имущества, заключается, по мнѣнію Аристотеля, въ томъ, чтобы всѣ граждане имѣли не большое имущество и главное—были бы способны къ труду. Далѣе благоразуміе σωφροσύνη признается какъ необходимое этическое условіе для того, чтобы соразмѣрять цѣли съ средствами. Наконецъ философскія занятія—вотъ та среда, въ которой человѣкъ можетъ найти полное самоудовлетвореніе и удовольствіе.

но чтобы враги государства отъ побѣды надъ нимъ не разсчитывали пріобрѣсти столько, сколько стоитъ самая побѣда. Когда Автофрадатъ намѣревался осадить Атарнею, то Эвбулъ совѣтовалъ ему подумать, во сколько времени онъ возьметъ городъ и, по количеству времени, сообразить издержки. А самъ за меньшую сумму готовъ былъ оставить Атарнею; вслѣдствіе этого, Автофрадатъ, по нѣкоторомъ размышленіи, дѣйствительно снялъ осаду [10]). Итакъ, хотя въ равенствѣ имущества гражданъ и заключается нѣкоторая гарантія противъ возмущеній, но нельзя сказать, чтобы эта гарантія была достаточно сильна. Люди болѣе счастливые могутъ быть не довольны этимъ, особенно если считаютъ себя достойными не равнаго съ другими. Посему они часто являются притѣснителями другихъ и возмутителями общества, тѣмъ болѣе, что алчность людей ненасытима: такъ, если прежде достаточно было только двухъ оболовъ, то, по полученіи ихъ, начинаютъ нуждаться въ большемъ, даже до безграничности [11]). Желанія человѣка естественно безпредѣльны, а многіе и живутъ лишь только для исполненія своихъ желаній. Слѣдовательно главное дѣло состоитъ не въ равенствѣ имущества, но въ томъ, чтобы людей порядочныхъ по своей природѣ настроить такъ, чтобы они сами не желали избытка, а дурныхъ поставить такъ, чтобы они не могли его желать. А это будетъ тогда, когда, будучи слабѣе другихъ, они не будутъ терпѣть отъ другихъ обиды. Но Фалеасъ и о самомъ равенствѣ имущества сказалъ не хорошо. Онъ уравниваетъ гражданъ въ отношеніи только поземельной собственности; между тѣмъ богатство заключается еще въ рабахъ, стадахъ, деньгахъ и во многомъ другомъ, что обыкновенно называется движи-

---

10) Евбулъ былъ тиранномъ мизійскаго города Атарнеи; въ послѣдствіи Атарнея была подъ управленіемъ раба Евбулова Герміаса, который былъ другомъ Аристотеля, какъ говоритъ самъ Аристотель въ Oeconom. 2. 28. Въ эпиграммѣ Θеокрита Хіосскаго сказано, что Аристотель построилъ на могилѣ Герміаса, раба Евбулова, высокій монументъ. Автофрадатъ былъ лидійскимъ сатрапомъ и жилъ во время персидскаго царя Артаксеркса Мнемона.

11) Комментаторы говорятъ, что Аристотель намекаетъ здѣсь на аѳинскихъ судей, которые сперва получали за дѣло только одинъ оболъ, потомъ стали получать два, а при Периклѣ и три. Аристофанъ, во многихъ мѣстахъ своихъ комедій, указываетъ на это увеличеніе платы судьямъ.

мымъ имуществомъ. Поэтому, или во всемъ этомъ должно стараться уравнять гражданъ, установивъ, по крайней мѣрѣ, для ихъ имущества какую-нибудь опредѣленную норму, или должно оставить все такъ, какъ есть. Изъ законодательства Фалеаса видно, что онъ имѣлъ въ виду не большое государство, такъ какъ всѣ ремесленники, по его мнѣнію, должны принадлежать государству, а не составлять изъ себя дополнительнаго класса гражданъ. Но если всѣ, занимающіеся въ государствѣ работами на пользу общества, должны входить въ составъ самого государства, то это должно быть такимъ образомъ, какъ было въ Эпидамнѣ [12]) или такъ, какъ нѣкогда устроилъ это Діофантъ [13]) въ Аѳинахъ. Итакъ изъ всего, что сказано о планѣ политическаго устройства, предложенномъ Фалеасомъ, можно видѣть, что̀ въ немъ хорошаго, и что̀ не хорошаго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Изслѣдованіе плана конституціи, предложеннаго Гипподамомъ Милетскимъ. Взглядъ на движеніе законодательства.

Гипподамъ Милетскій, сынъ Еврифана — тотъ самый, который придумалъ раздѣлять города на улицы и дѣйствительно сдѣлалъ это въ Пиреѣ; [1]) будучи честолюбивъ, человѣкъ этотъ

---

12) Эпидамнъ, въ послѣдствіи Диррахіумъ, теперь Дураццо на Адріатическомъ морѣ, колонія Корциры и Коринѳа, основанная въ 580 г. О такомъ политическомъ устройствѣ Эпидамна, о которомъ говоритъ Аристотель, нѣтъ болѣе свидѣтельствъ; Шнейдеръ (тамъ же стр. 107—8) приводитъ мѣсто изъ Эліана V. H. III. 16. *Ἐπιδάμνιοι ἐπιδημεῖν καὶ μετοικεῖν παρεῖχον τῷ βουλομένῳ* unde, говоритъ Шнейдеръ, licebit colligere artifices ibi *μετοικίῳ* soluto admissos fuisse omnes peregrinos, itaque cives nullum artificium exercuisse ipsos, sed opera *μετοίκων* artificum usos fuisse.

13) Діофантъ былъ архонтомъ въ Аѳинахъ въ 394 г. до Р. Хр. Неизвѣстно обстоятельно, каково было то учрежденіе, о которомъ говоритъ здѣсь Аристотель.

1) О Гипподамѣ Милетскомъ Аристотель упоминаетъ также въ VIII кн. 10 гл. Полит. У Фотія онъ называется архитекторомъ, а по имени

до такой степени былъ изысканъ во всей своей жизни, что на взглядъ нѣкоторыхъ онъ жилъ, заботясь только о количествѣ и о красотѣ своихъ волосъ и о платьѣ, которое, хотя было просто, но тепло не только зимою, но и лѣтомъ; наконецъ, въ отношеніи ко всѣмъ явленіямъ природы, онъ, кажется, желалъ быть раціональнымъ; — этотъ-то Гипподамъ первый изъ людей, не занимающихся государственными дѣлами, рѣшился сказать свое слово о лучшемъ политическомъ устройствѣ. Онъ представлялъ себѣ государство изъ десяти тысячъ гражданъ, раздѣленныхъ на три части. Одну часть составляютъ ремесленники, другую — земледѣльцы, а третью — воины и вообще люди, носящіе оружіе. Точно также и самую землю онъ дѣлитъ на три части: на землю священную, землю общественную и землю частную: священная земля — та, плоды съ которой назначаются на установленныя богамъ жертвы; общественная — та, на которой должны жить воины; а частная земля принадлежитъ земледѣльцамъ. Онъ думалъ далѣе, что существуютъ только три вида закона, сообразно съ числомъ преступленій, которыхъ онъ насчитываетъ также три: обида, причиненіе вреда и убійство. Онъ учреждаетъ одно высшее судилище, куда должны вноситься всѣ процессы, которые кажутся не хорошо рѣшенными въ другихъ судахъ. Это судилище онъ образуетъ изъ нѣкоторыхъ старцевъ, назначенныхъ по выбору. Самый же судъ въ судахъ не должно, по его мнѣнію, производить посредствомъ подачи голосовъ; но каждый судья долженъ имѣть при себѣ дощечку, чтобы писать на ней свой приговоръ въ томъ случаѣ, если онъ вполнѣ обвиняетъ подсудимаго; если же онъ оправдываетъ его вполнѣ, то долженъ оставить дощечку пустою; а если подъ

его названа была одна площадь въ Пиреѣ — *Ἱπποδάμεια* (см. также Ксеноф. Hellenic 11. 4. 1.) Не одинъ только Пирей былъ раздѣленъ по плану Гипподама, но по свидѣтельству Страбона (см. Географія Страб. L. XIV p. 622), существовавшее при немъ раздѣленіе Родоса также принадлежало Гипподаму. У Стобея (Serm. 141) сохранился фрагментъ изъ сочиненія Гипподама о государствѣ; но онъ названъ здѣсь пиѳагорейцемъ. Нѣкоторые комментаторы отождествляютъ этого Гипподама съ Гипподамомъ, о которомъ говоритъ Аристотель; но судя потому, что раздѣліе гражданъ, которое приписываетъ далѣе Гипподаму Аристотель, разнится отъ того раздѣленія, о которомъ говорится во фрагментѣ у Стобея, — слѣдуетъ, кажется, скорѣе различать ихъ другъ отъ друга.

однимъ условіемъ оправдываетъ, а подъ другимъ обвиняетъ, то долженъ точно опредѣлить эти условія. Настоящая же система суда, по его мнѣнію, не хороша, потому что она принуждаетъ судей поступать не по клятвѣ въ томъ случаѣ, когда приходится имъ принять непремѣнно то или другое мнѣніе. Относительно тѣхъ, которые изобрѣтаютъ что-либо полезное для государства, Гипподамъ постановилъ законъ о присужденіи имъ почести. Дѣти умершихъ на войнѣ должны воспитываться на счетъ государства, какъ будто бы такого закона нигдѣ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ; (между тѣмъ такой законъ существуетъ въ Аѳинахъ [2]) и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ). Всѣ правители, по установленію Гипподама, должны быть избираемы изъ среды народа (народомъ онъ считаетъ всѣ три части гражданъ), а избираемые должны заботиться объ общественныхъ интересахъ, вести дѣла съ иностранными государствами и пещись о сиротахъ. Итакъ, вотъ почти всѣ основныя положенія Политики Гипподама, заслуживающія особеннаго вниманія.

Прежде всего можно замѣтить касательно самаго дѣленія гражданъ. Ремесленники, землевладѣльцы и граждане, носящіе оружіе, по системѣ Гипподама, всѣ одинаково принимаютъ участіе въ политическомъ бытѣ государства, между тѣмъ земледѣльцы не имѣютъ оружія, а ремесленники — ни земли, ни оружія; такимъ образомъ они должны быть почти рабами тѣхъ, которые владѣютъ оружіемъ. Они не могутъ принимать участія во всѣхъ почетныхъ должностяхъ; напротивъ, должность стратега, градоправителя и всѣ, можно сказать, главнѣйшія должности въ государствѣ, очевидно, будутъ заняты людьми, носящими оружіе. Какимъ же образомъ люди, не участвующіе въ политическомъ бытѣ государства, могутъ быть расположены къ его политическому устройству? Хотя, по видимому, часть гражданъ, владѣющихъ оружіемъ, должна быть сильнѣе двухъ остальныхъ частей, но это едва ли возможно, такъ какъ число ихъ не можетъ быть велико. А если бы и на самомъ дѣлѣ они были сильнѣе, то для чего тогда допускать другихъ къ участію въ дѣлахъ политическихъ и давать имъ власть назначать правителей? Сверхъ того, какую пользу государству могутъ приносить земледѣльцы? Ремесленники конечно необходимы, потому что всякое государство имѣетъ нужду въ ремесленникахъ; какъ въ другихъ государствахъ, такъ и въ государствѣ, устроенномъ по плану Гипподама, они могутъ жить своимъ ремесломъ. Но земледѣльцы, еслибы они доставляли содержаніе тѣмъ, которые владѣютъ оружіемъ, тогда, разумѣется, составляли бы изъ себя нѣкоторую часть государства; но имѣя землю въ своей собственности, и обработывать ее они будутъ для себя. Если же военные сами будутъ обработывать общественное поле, съ котораго они должны получать себѣ пропитаніе, тогда военный классъ не будетъ отличенъ отъ класса земледѣльцевъ, чего желаетъ законодатель. Если же обработывать это поле будутъ другіе люди, отличные и отъ земледѣльцевъ собственниковъ и отъ военныхъ, то они составятъ собою четвертую часть гражданъ, которые ни въ чемъ не будутъ участвовать и будутъ чужды дѣламъ государства. Но если положить, что земледѣльцы, воздѣлывающіе собственную и общественную землю, должны быть одни и тѣ же, тогда отъ каждаго изъ нихъ потребуется огромное количество плодовъ, и они такимъ образомъ будутъ работать на двѣ семьи. Почему же слѣдовательно прямо не позволить земледѣльцамъ владѣть столькими участками земли, чтобы они могли получать съ нея продовольствіе и для себя, и доставлять его военнымъ. И такъ, все это представляетъ собою страшную путаницу. Не хорошъ также законъ Гипподама о судѣ. Вмѣсто того чтобы требовать отъ судей прямаго рѣшенія дѣла, написаннаго опредѣленно, онъ позволяетъ имъ высказать свое мнѣніе, съ различныхъ сторонъ, и такимъ образомъ судья дѣлается у него посредникомъ (между преступленіемъ и закономъ). Такая система возможна при большемъ числѣ членовъ суда, въ мировыхъ судахъ (тутъ они сообщаютъ другъ другу свои мнѣнія), но это невозможно въ судѣ дикастовъ; напротивъ, большинство законодателей заботятся о томъ, чтобы дикасты не сообщали другъ другу своихъ мнѣній. И какъ же въ самомъ дѣлѣ рѣшеніе суда можетъ быть не шатко, когда, напримѣръ, дикастъ думаетъ, что отвѣтчикъ хотя долженъ истцу, но нестолько, сколько требуетъ истецъ. Такъ онъ требуетъ, напримѣръ, двадцать минъ, а дикастъ присуждаетъ десять, притомъ одинъ присуждаетъ больше, а другой меньше, — тотъ пять минъ, а тотъ четыре. Такая раздѣльность мнѣній можетъ наконецъ

2) Изданіе такого закона въ Аѳинахъ относится ко времени послѣ персидск. войнъ, нѣсколько ранѣе 459 г. до Р. Хр.

дойти до того, что между тѣмъ какъ одни будутъ присуждать цѣлую сумму, другіе ничего не будутъ присуждать. Какое же должно быть средство для разбора мнѣній? Между тѣмъ, если жалоба представлена вполнѣ справедливо, ничто не принуждаетъ дикаста нарушать клятву, когда онъ рѣшительно оправдываетъ или рѣшительно обвиняетъ отвѣтчика. Потому что оправдывая, дикастъ не рѣшаетъ дѣла такъ, что отвѣтчикъ ничего не долженъ заплатить, но онъ только не присуждаетъ ему платить, напримѣръ, двадцать минъ; напротивъ, тотъ дикастъ нарушаетъ клятву, который присуждаетъ комулибо двадцать минъ, небудучи убѣжденъ въ томъ, что онъ долженъ отдать эту сумму. Что же касается да почести, которая, по его мнѣнію, должна быть воздаваема изобрѣтателямъ чего-либо полезнаго для государства, то узаконить это не безопасно, хотя для слуха эта мысль имѣетъ много прелести. Такой законъ повелъ бы къ разнымъ интригамъ, а прислучаѣ даже и къ политическимъ волненіямъ.

Между тѣмъ вопросъ этотъ совпадаетъ съ другимъ вопросомъ, также требующимъ разрѣшенія. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: вредно ли, или полезно для государствъ измѣнять древніе законы, даже въ томъ случаѣ, если новый законъ представляется лучшимъ прежняго. Если вредно, то не легко тотчасъ согласиться съ тѣмъ, что предложено Гипподамомъ; потому что въ такомъ случаѣ можетъ быть, что нѣкоторые станутъ требовать, какъ общественнаго блага, совершеннаго нарушенія законовъ, или даже всего политическаго устройства. Коснувшись разъ этого вопроса, лучше будетъ обсудить намъ его еще нѣсколько. Вопросъ о движеніи законодательства, какъ мы уже сказали, представляется затруднительнымъ; измѣненіе въ законодательствѣ можетъ казаться лучшимъ, чѣмъ неизмѣнное храненіе старыхъ законовъ [3]. Если измѣненіе приличествуетъ другимъ знаніямъ: такъ, напримѣръ, медицина въ настоящее время далеко двинута впередъ сравнительно съ ея прежнимъ состояніемъ, точно также гимнастика и вообще всѣ искусства, въ которыхъ проявляются наши способности, то — считая и политику за одно изъ этихъ знаній — очевидно, что и съ ней необходимо должно быть нѣчто подобное. Доказательство тому можно найти въ самомъ опытѣ. Такъ древнее наше законодательство было простое и варварское. Тогда Греки ходили вооруженными [4]) и покупали другъ у друга женъ [5]). Сохранившіеся гдѣ-либо доселѣ древніе законы отличаются совершенною наивностію. Такъ, напримѣръ, въ Кимѣ [6]) существуетъ такой законъ о смертоубійствѣ: если истецъ представитъ нѣсколько свидѣтелей изъ числа ближайшихъ къ себѣ лицъ, то отвѣтчикъ бываетъ повиненъ смерти. Человѣчество же вообще стремится не къ тому, что было въ древности, а къ тому, что всегда хорошо. Предки наши, произошли ли они изъ земли, или создала ихъ какая нибудь иная катастрофа [7]), были подобны конечно тѣмъ неразумнымъ людямъ, которые встрѣчаются намъ въ толпѣ и теперь; покрайней мѣрѣ таковъ смыслъ сказанія о происхожденіи людей изъ земли. Очевидно, что намъ нелѣпо оставаться при догматахъ этихъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно также и то, что и письменные законы не хорошо оставлять безъ движенія. Какъ относительно всѣхъ другихъ искусствъ, такъ равно должно замѣтить и относительно политики, что весь строй политической жизни государства не можетъ быть точно опредѣленъ письменно. Письменно необходимо должно быть опредѣлено только общее, а частныя дѣйствія условливаются уже отдѣльными случаями. Отсюда видно, что нѣкоторые законы иногда должны быть измѣняемы. Но присвсемъ томъ, въ другомъ взглядѣ на нашъ вопросъ, кажется, все-таки болѣе осторожности. Именно, если польза измѣненія законовъ не велика, между тѣмъ привычка легко нарушать законы дѣло вредное, то, очевидно, лучше уже допустить нѣкоторыя ошибки, какъ со стороны законодателей, такъ и со стороны правителей. Потому что, въ противномъ случаѣ, не

3) Извѣстно, что, по аѳинскому законодательству, каждый могъ предлагать новые законы, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они не исключали собою существующихъ законовъ и не противорѣчили духу всего законодательства.

4) Объ этомъ см. у Ѳукидида. L. 1 cap. 5 и 6.

5) Этотъ обычай извѣстенъ вообще какъ коренной обычай варварскаго быта.

6) Кима, городъ Эоліи въ Малой Азіи; въ древности существовало много городовъ этого имени, какъ напр. въ Греціи, въ Италіи.

7) Здѣсь имѣется въ виду древнее преданіе о томъ, что родъ человѣческій произошелъ изъ земли, или путемъ катастрофы, бывшей съ землею. См. Платонъ Leg. 3 p. 106.

столько принесется пользы отъ измѣненія законовъ, сколько получится вреда отъ привычки общества не повиноваться правителямъ [8]). Между тѣмъ самое сравненіе политики съ другими искусствами ложно; потому что измѣнить искусство и измѣнить законъ неодно и то же. Законъ не имѣетъ никакой другой силы, принуждающей къ подчиненію ему, кромѣ обычая; а обычай образуется неиначе, какъ въ продолженіи извѣстнаго времени. Посему измѣненіе существующихъ законовъ на другіе новые должно ослаблять самую силу закона. Итакъ, если законы и должны быть измѣняемы, то спрашивается: всѣ ли и во всякомъ ли политическомъ устройствѣ, или нѣтъ; притомъ всякій ли, кому угодно, можетъ ихъ измѣнять, или только нѣкоторые. Во всемъ этомъ большая разница, но отложимъ эти вопросы до другаго болѣе удобнаго времени.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Критическое изслѣдованіе государственнаго устройства Лакедемонянъ.

Что касается до политическаго устройства Лакедемонянъ и Критянъ, то здѣсь, какъ и при изслѣдованіи другихъ формъ

8) Мы приведемъ примѣчаніе Шлоссера изъ его перевода Политики Аристотеля (1 Abt. стр. 156—7). Если наши политическіе реформаторы — демократы, или аристократы, говоритъ Шлоссеръ, не прочтутъ всего Аристотеля съ предисловіемъ, анализомъ и съ примѣчаніями, то я желалъ бы, чтобы по крайней мѣрѣ они прочли то, что̀ говорится въ этой главѣ и что̀ еще говорится въ трехъ первыхъ главахъ четвертой книги (у Шлоссера она считается седьмою); конечно никакія такія разсужденія не излечатъ нашихъ реформаторовъ, потому что въ сущности имъ нѣтъ дѣла ни до отечества, ни до блага государства; а между тѣмъ многіе восхищаются ими, не замѣчая, что они, по замѣчанію Ливія, какъ безчестные врачи, всюду открываютъ болѣзни и раны, чтобы только звали ихъ на помощь. Sic tanquam artifices improbi opus quaerunt et semper in republica aliquid aegri volunt, ad cujus curationem a vobis adhibeantur (L. V. c. 3). Легко, въ самомъ дѣлѣ, видѣть причину, которая возбуждаетъ часто этихъ людей къ реформаторской дѣятельности: на нее указалъ одинъ древній поэтъ, сказавъ: Ἐν δὲ διχοστάσιῃ καὶ πάγκακος ἔμμορε τιμῆς. «Во время смуты и совершенно дурной человѣкъ достигаетъ чести.»

политическаго устройства, должно обратить вниманіе на двѣ вещи: вопервыхъ, какія въ этихъ государствахъ хорошія учрежденія и какія въ нихъ недостатки, сравнительно съ наилучшимъ политическимъ устройствомъ; вовторыхъ, нѣтъ ли въ учрежденіяхъ этихъ государствъ чего-либо противорѣчащаго основному положенію и общему строю ихъ конституціи. Хотя всѣ убѣждены, что, для хорошаго политическаго устройства, граждане должны быть свободны отъ заботъ о дѣлахъ первой необходимости [1]), но не легко понять, какимъ бы образомъ могло это быть на самомъ дѣлѣ. Потому что въ дѣйствительности вотъ что бывало вслѣдствіе этого. Θессалійскіе пенесты [2]) часто бывали опасны для самихъ Θессалійцевъ;

1) Быть свободнымъ отъ заботъ о нуждахъ первой необходимости, вести схолическій образъ жизни — вотъ что по мнѣнію Аристотеля и Платона, составляетъ принадлежность и признакъ совершеннаго гражданина. У Аристотеля см. объ этомъ въ IV книгѣ Политики; у Платона въ законахъ кн. VIII.

2) Это сжатое изложеніе Аристотеля требуетъ поясненія. Аристотель хочетъ сказать, что если, для освобожденія гражданъ отъ заботы о дѣлахъ необходимыхъ, попеченіе о нихъ возложить на людей, въ родѣ пенестовъ или гелотовъ, то эти люди могутъ также нарушить покой схолической жизни гражданъ, — и указываетъ примѣры. Что касается до Θессалійскихъ пенестовъ, то Аѳеней, со словъ историка Архемека, говоритъ, что пенесты были клоонисты Θиванцевъ и вступили потомъ въ договоръ съ Θессалійцами, по которому Θессалійцы обязывались не нарушать ихъ безопасности, а сами они должны были обработавать ихъ поля, платя за это оброки владѣльцамъ. По положенію своему въ государствѣ, они тожественны съ спартанскими гелотами (о нихъ въ текстѣ см. ниже). Тѣ и другіе небыли рабами, въ собственномъ смыслѣ слова, но они были, какъ рабы. Они были крестьянское сословіе, жили въ небольшихъ слободахъ, или отдѣльными дворами вокругъ города. Прикрѣпленные къ землѣ, подобно колонамъ послѣднихъ временъ Римской имперіи, они обработывали свои поля и платили оброки своимъ господамъ, жившимъ въ Спартѣ; имѣя свой домъ, свою усадьбу, они пользовались удобствами семейной жизни, но должны были сопровождать своихъ господъ на войнѣ; отличавшіеся на войнѣ получали нерѣдко свободу. Господа ихъ не только не имѣли права убить ихъ, но вѣроятно и продать; по крайнѣй мѣрѣ, о Спартанскихъ гелотахъ достовѣрно извѣстно, что они не могли быть проданы за предѣлы Спартанскаго государства. Находясь въ такомъ положеніи, гелоты и пенесты получали возможность пріобрѣтать себѣ довольно значительное богатство.

Вслѣдствіе всего этого, они, какъ говоритъ въ текстѣ Аристотель, были опасны для самихъ гражданъ того государства, къ которому принадлежали. Подобное сословіе, какъ сословіе пенестовъ и гело-

равно какъ гелоты для Спартанцевъ. Какъ враги ихъ, первые постоянно пользовались несчастіями послѣднихъ для того, чтобы вредить имъ. Но у Критянъ никогда не было ничего такого — и это конечно отъ того, что сосѣднія Криту государства, хотя и вели между собою войны, однако не оказывали ни какой помощи тѣмъ, которые возставали противъ Критянъ; потому что это было бы безполезно для нихъ самихъ, такъ какъ и сами они владѣли періэками [3]). Но сосѣди Спартанцевъ, какъ то: Аргивяне, Мессеняне, Аркадяне [4])— всѣ были враги ихъ. Такъ и въ Ѳессаліи, первое возстаніе пенестовъ произошло, благодаря войнѣ, которую Ѳессалійцы вели тогда съ сосѣдями: Ахеянами, Пергебами и Магнетами. Итакъ, если для схолическаго состоянія гражданъ, всю заботу о дѣлахъ первой необходимости свалить на рабовъ [5]), то въ этомъ слу-

---

товъ было и въ другихъ государствахъ. Такъ Германъ (Lehrbuch. d. ghriechischen Staatsallerthümer стр. 50) говоритъ: въ Сикіонѣ они назывались *κορυνηφόροι*; въ Аргосѣ — *γυμνῆτες*, или *γυμνήσιοι*. Что касается до самыхъ именъ пенестовъ и гелотовъ — *πενέσται*, *εἵλωτες* — то разныя производства ихъ вообще сомнительны. Такъ Аѳеней (см. выше) говоритъ, что пенесты назывались менестами, и производитъ это имя отъ слова *μένειν*, оставаться. Діонисій Галикарнасскій производитъ имя пенестовъ отъ *πένεσθαι* (11, 9 p. 253). Имя гелотовъ одни производятъ отъ названія города Гелоса, который будто бы былъ взятъ Спартанцами послѣ того, какъ онъ покушался возстать противъ нихъ; другіе — отъ *ἕλω*, *αἱρέω* (Мюллеръ Dovier 11 стр. 33).

3) Періэковъ слѣдуетъ отличать отъ пенестовъ и гелотовъ, въ отношеніи къ выгодамъ положенія тѣхъ и другихъ. По замѣчанію Грота, (заимствуемъ мнѣніе Грота изъ статьи г. Леонтьева. «Греція до персидскихъ войнъ». — Пропилеи кн. III. Отдѣленіе 11 стр. 61) періэки были свободные граждане покоренныхъ городовъ Лаконіи; гелоты — сельскіе жители. Горожанинъ, говоритъ Гротъ, даже и покоренный, находился въ лучшемъ положеніи, нежели селянинъ. Но въ политическихъ дѣлахъ періэки, какъ пенесты и какъ гелоты, были лишены всякой самостоятельности. Въ этомъ, конечно, отношеніи Аристотель приравниваетъ ихъ къ пенестамъ и гелотамъ. И тѣмъ болѣе, замѣтимъ, періэки должны были быть опасны для гражданъ того государства, къ которому они принадлежали, что они жили въ городахъ и, пользуясь лучшимъ положеніемъ, стояли ближе къ политикѣ и интересамъ своего времени.

4) Аргивяне жили на сѣверовостокѣ отъ Лаконіи, Мессеняне — на западѣ и Аркадяне на сѣверозападѣ.

5) Слова эти вставлены нами для ясности рѣчи; мы употребили здѣсь слово *рабы*, не въ собственномъ его смыслѣ, но для обозна-

чаѣ, не говоря уже о чемъ-либо другомъ, трудная задача состоитъ въ установленіи способа обращенія съ этими людьми. При свободномъ обращеніи съ ними, они обыкновенно дѣлаются грубыми и привыкаютъ считать себя равными своимъ господамъ; а при жестокомъ, они злоумышляютъ противъ господъ и ненавидятъ ихъ. Ясно, такимъ образомъ, что тѣ, которымъ приходится терпѣть все это отъ своихъ рабовъ, (гелотовъ) не знаютъ еще наилучшаго способа обращенія съ ними.

Невниманіе Лакедемонскаго законодательства къ положенію женщинъ вредитъ какъ достиженію цѣли политическаго устройства, такъ и дѣйствительному благосостоянію государства. Какъ мужъ и жена суть составныя части семьи, такъ, очевидно, слѣдуетъ думать, что и государство распадается на двѣ половины: мущинъ и женщинъ. Посему, если въ законодательствѣ какого-либо государства мало обращено вниманія на положеніе женщинъ, тамъ половину государства должно признать лишенною законовъ, что̀ дѣйствительно и случилось съ Лакедемонскимъ государствомъ. Хотя лакедемонскій законодатель желалъ конечно, чтобы всѣ члены государства одинаково были серьезны и строги, но онъ успѣлъ въ этомъ только въ отношеніи къ мущинамъ, а въ отношеніи къ женщинамъ ему это не удалось; потому что Лакедемонскія женщины ведутъ жизнь распущенную во всѣхъ отношеніяхъ и роскошную [6]). Въ такой общественной средѣ, богатство не-

---

ченія гелотовъ, пенестовъ и другихъ подобныхъ, которые въ древности строго отличались отъ рабовъ собственно — *δοῦλος*.

6) Вопросъ о положеніи спартанскихъ женщинъ — одинъ изъ затруднительнѣйшихъ вопросовъ о Спартанскомъ общественномъ устройствѣ. Между тѣмъ какъ Аристотель укоряетъ Спартанскихъ женщинъ въ распущенности и роскоши, другіе древніе писатели (Ксенофонтъ. Лакед. Госуд. 1. 3 — 4 и Плутархъ. Ликургъ 13 — 14) изображаютъ спартанскихъ женщинъ, какъ достойныхъ спутницъ суровой жизни ихъ мужей. Они говорятъ, что дочери Спартанцевъ получали такое же физическое воспитаніе, какъ и ихъ сыновья: упражняли свои силы въ бѣгѣ, борьбѣ и кулачномъ бою. «Чтобы согласить эти противуположныя изображенія Спартанской жизни, говоритъ вмѣстѣ съ Гротомъ г. Леонтьевъ, (Греція до Перс. войнъ. Тамъ же стр. 69), неизбѣжно, кажется, предположеніе, что, во время Аристотеля, богатымъ Спартанкамъ удалось освободиться отъ общей дисциплины и что этихъ-то эманципировавшихся женщинъ Аристотель имѣетъ въ виду.» Съ этимъ объясненіемъ мы не можемъ со-

обходимо должно имѣть въ глазахъ гражданъ большое значеніе, особенно, если въ обществѣ господствуетъ гинайкократія [7]), какъ бываетъ это у многихъ воинственныхъ племенъ;

гласиться уже потому, что Аристотель, какъ видитъ читатель изъ текста, говоритъ о распущенности спартанскихъ женщинъ, не какъ о слѣдствіи уклоненія ихъ (эманципаціи) отъ требованій закона, но какъ о слѣдствіи небреженія къ положенію женщины, со стороны самаго спартанскаго законодательства. По смыслу словъ Аристотеля выходитъ, что женщины спартанскія обойдены закономъ и обойдены въ томъ смыслѣ, что законъ не печется о нихъ, какъ женщинахъ, врознь отъ мущинъ, не предписываетъ соотвѣтственнаго имъ воспитанія и всего образа жизни; напротивъ, въ случаяхъ, напримѣръ, общественной опасности, онѣ дѣйствуютъ наравнѣ съ мущинами, но, замѣчаетъ Аристотель, болѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу. Таковъ, по нашему мнѣнію, взглядъ Аристотеля на положеніе спартанской женщины, — и какъ такой, онъ вовсе не противорѣчитъ взгляду Ксенофонта и Плутарха; напротивъ, всѣ — и Аристотель и Ксенофонтъ и Плутархъ говорятъ въ этомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, одно и то же; разница въ томъ, что Аристотель критички анализируетъ положеніе спартанской женщины; а Ксенофонтъ и Плутархъ только изображаютъ его.

7) По поводу замѣчанія Аристотеля о гинайкократіи, мы позволимъ себѣ сдѣлать извлеченіе изъ обширнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ Бахофена: Das Mutterrecht Eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiosen und rechtlichen Natur. von J. J. Bachofen. Stuttgart, 1861 г.

Основное начало жизни каждаго народа, въ его первобытную эпоху, есть начало религіозное. Это начало имѣетъ огромное значеніе въ образованіи и развитіи первоначальныхъ формъ общественнаго быта. То или другое общественное положеніе женщины Бахофенъ не только ставитъ въ связь съ религіозными представленіями эпохи, но даже выводитъ его изъ нихъ, какъ слѣдствіе. Представленія культа, говоритъ онъ, составляютъ то начало, изъ котораго гражданскія формы жизни вытекаютъ какъ слѣдствія. Если таково значеніе религіозныхъ представленій вообще, для всего народнаго быта; то тѣмъ болѣе слѣдуетъ искать вліянія религіи, при опредѣленіи положенія женщины, въ особенности въ доисторическую эпоху. Такъ какъ развитіе всякой личности совершается согласно съ ея натурою; то личность женщины должна была развиваться преимущественно подъ вліяніемъ религіозныхъ представленій, ибо женщина, по натурѣ своей, стоитъ въ ближайшей связи съ религіею, чѣмъ мущина. Женщина, говоритъ Бахофенъ, вслѣдствіе направленія своего духа къ сверхъестественному, божественному и чудесному, во всѣ времена оказывала самое большое вліяніе на мущину, на образованіе и развитіе народовъ. Страбонъ замѣчаетъ, что богопочитаніе (δεισιδεμονία) первоначально было присуще только женщинѣ, а отъ

впрочемъ изъ числа ихъ слѣдуетъ исключить Кельтовъ и нѣкоторыя другія племена, которыя явно предпочитаютъ сожительство съ людьми мужескаго пола. Тѣмъ не менѣе миѳоло-

---

женщины распространилось потомъ и на мущину. Исторія всѣхъ временъ и народовъ, говоритъ нашъ авторъ, оправдываетъ справедливость такаго замѣчанія. Женщины всегда бывали дѣятельнѣе въ распространеніи всѣхъ религій. Пророчество женщины древнѣе пророчества мущины. Женщина продолжительнѣе хранитъ преданія, особенно относящіяся къ области культа и религіозныхъ церемоній. Такою природою женщины, по замѣчанію Бахофена, объясняется происхожденіе гинайкократіи — такаго періода въ развитіи общественной жизни, когда женщина имѣла преимущество предъ мущиной. Законъ природы, говоритъ онъ, вручаетъ скипетръ власти сильнѣйшему. Если же слабѣйшія руки отняли у него этотъ скипетръ, то значитъ, что здѣсь пришла въ дѣйствіе другая сторона человѣческой природы. Эта другая сторона есть сторона нравственная и собственно религіозная. Съ этой стороны женщина оказалась въ исторіи сильнѣе мущины. Благодаря этой религіозной силѣ, слабый полъ получилъ возможность вступить въ борьбу съ болѣе сильнымъ и остаться побѣдителемъ. Физической силѣ мущины женщина противоставила могущественное вліяніе ея религіозныхъ убѣжденій; принципу насилія — принципъ мира, кровавой враждѣ — прощеніе, ненависти — любовь; и такимъ образомъ, незвязанное никакимъ закономъ, дикое существованіе общества въ первое время, выступило на путь тихаго и мирнаго образа жизни, срединнымъ пунктомъ котораго, какъ носительница высшаго принципа, явилась женщина. Въ исторіи развитія человѣческаго рода съ женщиною связанъ первый шагъ къ образованію и къ правильному образу жизни, и особенно первое религіозное воспитаніе человѣчества. Періодъ гинайкократіи не принадлежитъ исключительно тому или другому народу, напротивъ, онъ есть одна изъ эпохъ въ развитіи всего человѣчества и совершенно совпадаетъ съ извѣстнымъ періодомъ развитія миѳологіи. Подобно тому какъ полный курсъ миѳологическаго развитія принадлежитъ всему человѣчеству, и отдѣльные народы суть только представители разныхъ фазъ въ его развитіи, точно также, и въ области общественныхъ отношеній, гинайкократія есть одна изъ ступеней въ соціальномъ развитіи человѣчества. Отдѣльные народы, въ жизни которыхъ яснѣйшимъ образомъ проявляется элементъ гинайкократіи, суть только случайные представители степени развитія всего человѣчества. Такъ какъ они не пошли дальше въ своемъ развитіи, то отличительныя черты той степени развитія, на которой они остановились, остались въ исторіи на всегда за ними. Періодъ гинайкократіи, вмѣстѣ съ господствующимъ въ немъ правомъ матери, принадлежитъ болѣе ранней степени развитія, нежели къ какой относится система отеческаго права. Гинайкократія, говоритъ Бахофенъ, есть поэзія исторіи. Историческій древній міръ, по его мнѣнію, стоитъ къ этому архаическому періоду ги-

гія, кажется, не безъ основанія соединяетъ бракомъ Ареса
съ Афродитой, такъ какъ всѣ воинственныя племена, повиди-

найкократіи въ такомъ же отношеніи, какъ нашъ новый міръ къ рыцар-
ской эпохѣ германскаго міра. Тамъ и здѣсь поэзія, но эта поэзія не
плодъ фантазіи, а дѣйствительность исторіи. Чѣмъ далѣе въ исто-
рію, чѣмъ глубже въ среду архаическаго быта, тѣмъ болѣе наро-
довъ, въ религіи и жизни которыхъ гинайкократическій элементъ
сохраняетъ свою силу и значеніе. Гинайкократія принадлежитъ тѣмъ
племенамъ, которыя Страбонъ изображаетъ варварскими; это тѣ
обитатели Греціи, которые предшествовали собственно Гелленамъ.
Исторія знаетъ только о ихъ постоянномъ блужданіи. Они называ-
ются племенами блуждающими — πλανητικοί. Всѣ гинайкократическія
формы жизни принадлежатъ преимущественно той эпохѣ, которая,
какъ древнѣйшая, предшествовала эпохѣ гелленизма. Древній гел-
ленскій міръ, въ отношеніи къ періоду гинайкократіи, представля-
етъ позднѣйшую степень развитія общественныхъ отношеній. Въ
противуположность гелленскому міру, въ которомъ преобладающее
начало есть начало отеческаго права, является міръ пеласгическій,
полный гинайкократическихъ элементовъ, во всѣхъ отправленіяхъ
жизни. Но гелленскій міръ хранитъ въ себѣ также преданія о ги-
найкократической эпохѣ. Варронъ оставилъ намъ въ этомъ отноше-
ніи замѣчательный разсказъ объ Аѳинахъ — этомъ центрѣ геллениз-
ма. Вотъ этотъ любопытный разсказъ: во время правленія Кекроп-
са, вдругъ на одномъ мѣстѣ выросла маслина, а на другомъ вы-
ступила вода. Царь послалъ въ Дельфы узнать, что̀ это значитъ?
Оракулъ отвѣчалъ, что маслина значитъ Минерву, а вода Нептуна.
И вотъ между гражданами родилось сомнѣніе, именемъ какого бо-
жества называть городъ. Тогда царь собралъ всѣхъ гражданъ, какъ
мущинъ, такъ и женщинъ. Мущины стояли за Нептуна, а женщины
за Минерву, и такъ какъ на ихъ сторонѣ было голосомъ болѣе, то
Минерва побѣдила. Нептунъ разсердился, и море залило всю землю
Аѳинянъ. Чтобы умилостивить бога, женщины должны были поне-
сти троякое наказаніе: онѣ должны были отказаться отъ права по-
давать голосъ, какъ это было доселѣ; дѣти ихъ не должны были
называться именемъ матери, и сами онѣ перестали называться Аѳи-
нянками (по имени богини Аѳины или Минервы). Изъ этого инте-
реснаго повѣствованія видно, что отеческое право аѳинскаго демо-
са есть позднѣйшее явленіе въ развитіи аѳинской общественной
жизни. Нептунъ — представитель отеческаго права, а Минерва, или
Аѳина — представительница права матери. Пока имѣло силу послѣд-
нее право, дотолѣ дѣти носили имя матери, и женщины — имя бо-
гини. Будучи Аѳинянками, онѣ были истинными гражданками города:
имѣли право голоса въ общественныхъ собраніяхъ. Послѣ онѣ ста-
ли только женами аѳинскихъ гражданъ. Сперва, въ періодъ гинайко-
кратіи, мущина говорилъ: гдѣ ты гаянка, тамъ и я гай (ὅπου σὺ γαΐα,
ἐγὼ γάϊος) а послѣ, въ періодъ отеческаго права, наоборотъ, жен-
щина уже говорила: гдѣ ты гай, тамъ и я гаянка (ὅπου σὺ γάϊος; ἐγὼ

мому, одинаково склонны къ сообщенію какъ съ мущинами,
такъ и съ женщинами. У Спартанцевъ также была гинайко-

γαΐα). Противуположность между гелленскимъ и пеласгическимъ мі-
ромъ, какъ между эпохами отеческаго и материнскаго права, усма-
тривается изъ самого названія Геллена. Извѣстно, что Римляне на-
зывали Грековъ Греками, а не Гелленами. Римляне остались вѣрны
древнему пеласгическому имени, хотя безъ сомнѣнія они понимали,
что названіе Грековъ не есть собственное названіе того народа, ко-
торый они привыкли означать этимъ именемъ. Такъ Сервій (Aen. 24.)
говоритъ: Graeci proprie Thessali, и Ѳессалійцы, судя по ихъ быту
и по степени ихъ миѳологическаго развитія, очевидно, принадле-
жатъ древней пеласгической эпохѣ. Итакъ элементы гинайкократи-
ческаго устройства, составляющіе принадлежность пеласгической
эпохи, принадлежатъ и Гелленамъ, но не поскольку они Геллены, а
поскольку они Греки, то-есть доколѣ они сохранили въ своей жиз-
ни элементы пеласгическаго быта. Пеласгическій міръ есть подно-
жіе міра гелленскаго: послѣдній возникъ на его развалинахъ. Отли-
чительныя черты пеласгическаго міра совершенно противуположны
основнымъ чертамъ міра гелленскаго. Тамъ дѣйствуетъ гинайкокра-
тія, здѣсь получаетъ свою силу принципъ отеческаго права. Обра-
тимъ теперь вниманіе на отличительныя черты, или признаки гинай-
кократической эпохи.

Преимущество женщины предъ мущиной прежде всего замѣчается
въ семейномъ быту: здѣсь мать имѣетъ преимущество предъ от-
цомъ. Слѣды этого преимущества очевидны въ томъ обычаѣ, по
которому дѣти называются по имени матери, а не отца. Такъ Ге-
родотъ повѣствуетъ, что ликейскіе народы, въ противуположность
Гелленамъ, называли своихъ дѣтей не по отцу, а по матери (1. 173).
Геродотъ, говоритъ Баховенъ, видитъ въ этомъ только странное укло-
неніе отъ гелленскихъ обычаевъ; напротивъ, этотъ обычай долженъ
вести къ пониманію глубочайшихъ основъ общественнаго строя. Мы
видимъ въ немъ не нарушеніе правилъ, но систему, не произволъ,
но необходимость. Этотъ обычай называть дѣтей по матери есть
конечно одна изъ характеристическихъ чертъ гинайкократическаго
періода въ жизни народовъ. Другой отличительный признакъ ги-
найкократической эпохи состоитъ въ томъ, что наслѣдство получа-
ли дочери, а сыновья не имѣли на него никакого права. На основа-
ніи такого обычая, дѣвушка, въ гинайкократическую эпоху, была
гораздо свободнѣе, чѣмъ въ періодъ отеческаго права. Независимо
отъ отца, имѣя право на извѣстную долю въ наслѣдствѣ, она та-
кимъ образомъ сама распоряжалась своимъ приданымъ и сама из-
бирала себѣ мужа. Это право свободнаго избранія мужа, вмѣстѣ съ
правомъ на наслѣдство, безъ сомнѣнія, глубоко коренится въ самомъ
основномъ началѣ гинайкократической эпохи—въ преимуществѣ жен-
щины предъ мущиною. Геродотъ повѣствуетъ о лидійскихъ женщи-
нахъ, что онѣ сами себя выдавали замужъ (1. 193). То же самое
было у Этрусковъ, Египтянъ и у всѣхъ народовъ, въ эпоху ги-

кратія: во время ихъ гегемоніи, многія дѣла дѣлались по ра-

найкократіи. Въ этомъ отношеніи весьма интересно сказаніе Страбона о Кентаврахъ. «У Кентавровъ, говоритъ онъ, (5, 165) мущины приносили женамъ приданое. У нихъ только дочери имѣли право на наслѣдство. Сестры отдавали братьевъ въ бракъ съ женщинами. Въ основаніи всѣхъ этихъ обычаевъ лежитъ гинайкократія.» То же самое говоритъ Тацитъ о Германцахъ: dotem non uxor marito, sed uxori maritus affert. (Germ. 18).

Къ отличительнымъ чертамъ гинайкократической эпохи, въ отношеніи семейнаго быта, принадлежитъ консерватизмъ, замѣчаемый во всѣхъ сторонахъ жизни. Чувство консерватизма всегда оказывалось болѣе сроднымъ женщинѣ, чѣмъ мущинѣ. Женщина глубже мущины хранитъ въ себѣ преданія старины и ощущаетъ обязательную ихъ силу. Мы имѣемъ возможность указать на плоды этого консерватизма въ самой исторической дѣйствительности. Понятно, что мать имѣетъ огромное вліяніе на языкъ и обычаи своихъ дѣтей. Но это вліяніе должно быть еще больше, если женщина, по самому праву своему, стоитъ высоко въ общественной жизни. Такое положеніе женщины можетъ служить гарантіею для чистоты языка и обычаевъ въ молодомъ поколѣніи. Такъ дѣйствительно мы видимъ это въ дорической жизни. Должно замѣтить, что въ средѣ дорическихъ племенъ долѣе, чѣмъ у другихъ племенъ, устояло гинайкократическое начало быта. Дорическія женщины въ семейномъ быту были гораздо самостоятельнѣе женщинъ Аѳинскихъ; отсюда, можетъ быть, должно объяснить ту иногда циническую вольность въ поведеніи дорическихъ женщинъ, вслѣдствіе которой Аѳиняне часто смотрѣли на Дорянъ, подобно тому какъ Римляне, по словамъ Тацита, смотрѣли на Германцевъ. Но отсюда же слѣдуетъ объяснить и консерватизмъ Дорянъ, замѣчаемый въ ихъ жизни и въ языкѣ. Этотъ консерватизмъ ихъ, особенно консерватизмъ языка, безъ сомнѣнія не мало обязанъ тому вліянію женщины, какое она имѣла по праву гинайкократіи.

Въ историческомъ своемъ развитіи, гинайкократія выступила за предѣлы семьи и оказала свою силу въ средѣ жизни гражданской. Въ лѣтописяхъ древности сохранились ясные слѣды того, что въ представленіи архаическихъ народовъ женщина была источникомъ права. Такъ, въ гимнѣ Изидѣ, найденномъ Россомъ на островѣ Родосѣ, въ 1841 году, Изида изображается, какъ существо, соединяющее мущину съ женщиной и утверждающее права царской власти. Та мать, та женщина, которая соединяетъ мужа съ женою, та же самая основываетъ право. Плодородіе и право, такимъ образомъ, по понятію древнихъ, присущи одной и той же причинѣ. На извѣстной степени развитія гинайкократіи, женщина является строительницею городовъ, основательницею общества. Въ преданіи народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ есть много указаній на то, что цѣлыя осѣдлыя общества обязаны своимъ происхожденіемъ преимущественно стремленію женщины къ воздѣлыванію земли.

споряженію женщинъ; потому что какая разница въ томъ,

Есть также не мало преданій древности, повѣствующихъ о томъ, что женщина, сожигая корабли, полагала конецъ бродячей жизни народа. Основывая города, женщины оставляютъ за ними свое имя.

Гинайкократія въ исторіи своей составляетъ цѣлый процессъ развитія, исполненный разнообразныхъ степеней и оттѣнковъ. Элементы этого процесса дѣйствуютъ въ исторіи послѣдовательно, одни уступая мѣсто другимъ. Живучесть того или другаго элемента много зависитъ отъ вліянія на него посторонникъ, извнѣ приходящихъ факторовъ, дѣйствующихъ въ процессѣ общественной жизни. Духу времени обыкновенно болѣе сопротивляются тѣ части древней системы, которыя стоятъ въ неразрывной связи съ религіею. И какъ бы ни было сильно дѣйствіе новаго порядка вещей, тѣмъ не менѣе система гинайкократіи, въ развитіи своемъ, составляетъ такой процессъ, что элементы его, дѣйствующіе еще въ доисторическое время, могутъ быть наслѣжены въ самые поздніе періоды, и еще теперь легко замѣтны въ быту нѣкоторыхъ народовъ Африки. Для знакомства съ бытомъ африканскихъ народовъ, мы можемъ указать на прекрасное сочиненіе Вайца: Antropologie der Naturvölker. Читатели найдутъ въ этомъ описаніи народовъ Африки нѣкоторыя черты, сходныя съ общими чертами гинайкократической эпохи. Впрочемъ должно замѣтить, что въ бытѣ африканскихъ народовъ гинайкократическіе элементы не сохранились во всей своей чистотѣ, но перемѣшаны съ элементами изъ новой системы отеческаго права. Баховенъ, съ своей стороны, указываетъ на многія сочиненія о народахъ Африки и заимствуетъ изъ нихъ черты жизни гинайкократическаго характера. Главнѣйшія изъ этихъ чертъ суть: особенное вліяніе матери на дѣтей; воинское ополченіе женщинъ; престолонаслѣдіе не по прямой линіи отъ отца къ сыну, а по женской, отъ отца къ сыну сестры и нѣкоторые другіе обычаи, особенно у абиссинскихъ женщинъ, сходные съ тѣми, о которыхъ мы говорили доселѣ.

Эпоха гинайкократіи соотвѣтствуетъ той степени развитія культуры, когда духовные интересы человѣка не обращаютъ на себя его вниманія, когда все вниманіе поглощено заботами о благосостояніи матеріальной жизни. Сообразно съ этимъ высшая добродѣтель этой эпохи есть добродѣтель практическая, πρακτικὴ ἀρετή, которую Стобей противуполагаетъ мудрости, σοφία, которая составляетъ принадлежность новаго быта, основаннаго на началахъ отеческаго права. Замѣчательно, что у всѣхъ гинайкократическихъ народовъ мущины, а не женщины занимаются рукодѣльными промыслами. Это впрочемъ очень естественно: при высокомъ значеніи женщины, мущина лишался многихъ изъ тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ ему въ эпоху господства отеческаго права. Въ эпоху гинайкократіи мущина несъ на себѣ обязанности работника, производителя всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для жизни. Есть даже какое то униженіе въ положеніи мущины, въ гинайкократическую эпоху. Такъ, по свидѣтельствамъ древнихъ, египетскіе мужчины сидѣли за станкомъ, между

лично ли женщины управляютъ государствомъ, или правители государства находятся подъ властію женщинъ?

тѣмъ, правящія семействомъ, высокопочтенныя женщины являлись на площади. До какой степени рукодѣльные промыслы были развиты у гинайкократическихъ народовъ, — это всего лучше видно изъ свидѣтельства Адріана объ Александріи. Онъ говоритъ: «одни производятъ стекло, другіе выдѣлываютъ бумагу, а иные ткачи: всѣ занимаются какимъ либо производствомъ. Даже подагрики занимаются кое-чѣмъ, слѣпые находятъ, что имъ дѣлать, самые хирагрики у нихъ не праздны.»

Въ противуположность отеческому праву, отличительный характеръ котораго есть ограниченность одною средою, материнское право не знаетъ никакихъ границъ. Какъ слѣдствіе материнскаго начала, является сознаніе о братствѣ всѣхъ людей. Семья, основанная на отеческомъ правѣ, слагается въ одинъ индивидуальный организмъ, но семья, въ основѣ которой лежитъ материнское право, носитъ характеръ космополитическій. На этомъ характерѣ основывается принципъ общей свободы и общаго равенства, что составляетъ одну изъ основныхъ чертъ въ жизни гинайкократическихъ народовъ; на немъ основывается также чувство непріязни гинайкократическихъ народовъ ко всякимъ ограниченіямъ; на немъ—чувство симпатіи, которая, не зная предѣловъ, одинаково обнимаетъ всѣхъ членовъ народа.

Въ связи съ этими особенностями гинайкократической эпохи, должно упомянуть о тѣхъ признакахъ, которыми эта эпоха отличается отъ послѣдующей эпохи отеческаго права. Эти признаки суть слѣдующіе: преимущество лѣвой стороны предъ правою: лѣвая сторона принадлежитъ женской пассивной натурѣ, а правая мужской дѣятельной; преимущество ночи передъ днемъ, который изъ нея происходитъ. Далѣе сюда же относится преимущество луны предъ солнцемъ, земли, воспринимающей въ себя, предъ оплодотворяющимъ ее моремъ, умершихъ передъ живыми, печали передъ радостью и друг.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи гинайкократической эпохи. Изслѣдуя этотъ пунктъ, Баховенъ старается указать на связь соціальнаго процесса съ другими міровыми процессами, и исторію развитія гинайкократіи приводитъ въ связь съ космическимъ и миѳологическимъ процессами. Хотя нельзя не замѣтить, что подобное воззрѣніе нашего автора подлежитъ еще высшей критикѣ, тѣмъ не менѣе, въ основѣ своей, оно конечно вполнѣ правильно. Ошибка субъективнаго взгляда въ этомъ случаѣ можетъ состоять только въ неправильномъ и произвольномъ сопоставленіи фазъ одного процесса съ фазами другихъ; но внутренняя связь явленій общественной жизни съ явленіями миѳологическаго и космическаго процесса — это объективная истина. Гинайкократія, говоритъ Баховенъ, есть та эпоха въ исторіи человѣчества, когда во всѣхъ отправленіяхъ общественной жизни женскій элементъ преобладалъ надъ мужскимъ. Отдаленная, первоначальная форма гинайко-

Въ томъ и другомъ случаѣ результатъ одинъ и тотъ же. При той отвагѣ, которая вовсе безполезна въ обыденной

кратіи есть гетеризмъ, которому въ миѳологическомъ процессѣ соотвѣтствуетъ поклоненіе Афродитѣ, а соотвѣтствующая ему степень въ космическомъ развитіи есть дикая, болотная растительность; — это эпоха безбрачнаго материнства. За нею слѣдуетъ эпоха собственно материнства, соотвѣтствующая въ миѳологіи культу Деметры, а въ космической жизни агрикультурѣ, которой была тогда предана женщина гинайкократической эпохи. Высшая степень развитія гинайкократическихъ элементовъ есть періодъ Амазонокъ.

Говоря о древнѣйшихъ женщинахъ, какъ о гетерахъ, мы должны быть далеки своею мыслію не только отъ нашихъ камелій, но и отъ гетеръ аѳинскаго общества. Архаическія гетеры не были развратныя женщины, точно также какъ не были развратны тѣ женщины, которыя, исполняя религіозный обрядъ, приносили себя въ жертву мущинѣ чужестранцу. Гетеры древнѣйшаго времени не случайность, или какое-либо мѣстное явленіе, напротивъ, это космополитическое явленіе, одна изъ степеней въ цѣломъ процессѣ развитія женской личности. Какъ ни привычно для насъ представленіе о бракѣ, какъ о древнѣйшей формѣ быта, тѣмъ не менѣе свидѣтельство исторіи на сторонѣ того, что древней формѣ брака предшествовала еще древнѣйшая форма гетеризма. Принципъ Деметры выступилъ въ исторіи, въ ущербъ противуположнаго ему первоначальнаго принципа Афродиты. Бракъ, наносящій ударъ гетеризму, есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, нарушеніе древняго постановленія, освященнаго самою религіей. Съ этой точки зрѣнія, бракъ требуетъ примиренія съ тѣмъ божествомъ, законъ котораго онъ нарушаетъ своею исключительностію; потому что, по представленію архаическаго времени, женщина надѣлена отъ природы всѣми своими прелестями не для того, чтобы поблекнуть въ рукахъ одного. Эпоха гетеризма — эпоха, не знающая отца, когда дѣти именуются ἀπάτορες или πολυπάτορες, незаконорожденными, spurii, σπαρτοί, — эта эпоха имѣетъ ту же историческую достовѣрность, какъ и эпоха материнскаго права. Во многихъ миѳахъ, а равно и въ произведеніяхъ свободнаго творчества, сохранились ясные слѣды этой эпохи гетеризма. Такая эпоха безсомнѣнія совпадаетъ съ самою низкою степенью развитія культуры и жизни, но тѣмъ не менѣе она наполняетъ собою довольно большой предѣлъ времени. Какъ всякое жизненное, историческое явленіе, гетеризмъ не вдругъ уступилъ мѣсто новому періоду гинайкократіи: вся исторія борьбы азіатскаго міра съ міромъ греческимъ есть изображеніе борьбы древняго гетеризма съ новымъ началомъ исключительнаго материнства.

Другой періодъ развитія гинайкократіи есть собственно материнство. Женщина является здѣсь въ брачномъ союзѣ съ мущиною. Земледѣліе есть прототипъ этого соединенія. Въ этотъ хѳоническій періодъ представленіе о землѣ входитъ, какъ элементъ, во многія понятія. Въ жизни общественной женщина повторяетъ ту роль, какую

жизни и годится развѣ только на войнѣ, лакедемонскія женщины, и во время войнъ, были самыми вредными людьми. Такъ

въ жизни космической играла въ это время земля. Бракъ древніе представляли себѣ въ формѣ аграрнаго отношенія, поэтому терминологія, относящаяся къ браку, заимствована отъ представленія о земледѣліи. Такъ рожденіе дѣтей въ бракѣ обозначается нерѣдко словомъ ἄροτος, что собственно значитъ паханіе, воздѣлываніе поля.

Въ борбѣ гетерическаго и материнскаго принципа совершилось развитіе Діонисоваго культа. Діонисъ является однимъ изъ величайшихъ защитниковъ материнскаго начала. Противникъ гетеризма, всю свою заботу онъ обращаетъ на выполненіе закона о бракѣ, на обращеніе женщины къ ея материнской роли. Такимъ образомъ Діонисова религія оказывается защитою для брачнаго закона Деметры. На всѣхъ степеняхъ своего развитія, культъ Діониса сохраняетъ этотъ характеръ. Связанный съ женщиною своею чувственностію, Діонисъ особенно близокъ съ нею; онъ далъ ея жизни новое направленіе и самъ нашелъ въ ней самаго вѣрнаго своего послѣдователя и служителя; на воодушевленіи женщины основана вся его сила. Діонисъ, въ полномъ смыслѣ слова, есть богъ женщины. Всѣ сказанія о Діонисѣ приводятъ его въ связь съ женщиною. Такъ въ Сикіонѣ его окружаютъ вакханки. Въ другомъ мѣстѣ шестнадцать женщинъ образуютъ собою посвященную ему коллегію. Женщины приносили ему жертву; въ Египтѣ женщины носили его изображеніе. На праздникѣ въ честь его женщины занимали первое мѣсто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ матери приносили ему въ жертву своихъ дѣтей. Въ самомъ образѣ Діониса господствуетъ женскій элементъ. Первое время своей жизни Діонисъ былъ въ обществѣ дѣвицъ. Этотъ богъ былъ всегда открытъ для женщины, ею онъ былъ принятъ, ею познанъ, и она распространила его культъ. Но въ тоже время онъ не просто богъ женщины, онъ богъ матери: отсутствію всякихъ правилъ женской жизни, въ эпоху гетеризма, онъ противупоставилъ законъ брака, и въ этомъ законѣ женщина нашла все свое совершенство. Но Діонисъ является для женщины не только основателемъ ея земнаго благосостоянія, онъ обращаетъ ея взоры и на будущее существованіе ея по смерти. Женщина, исполнившая въ своей жизни законъ брака, по смерти достигаетъ вѣчнаго соединенія съ этимъ богомъ. Какъ супруга Діониса, въ существованіи на небѣ она находитъ продолженіе своей земной материнской жизни. Здѣшнее и будущее существованіе женщины основывается на одномъ законѣ брака, дарованномъ Діонисомъ. Потому Діонисъ является спасителемъ-освободителемъ женщины (σώτηρ, λυαῖος). Никакой богъ не былъ такъ близокъ къ женщинѣ, какъ Діонисъ, потому никто такъ не воодушевлялъ женщину, какъ онъ. Въ мистеріяхъ Діониса женщина достигала сверхъестественнаго состоянія. Чувственный образъ Діониса дѣйствовалъ на ея воображеніе, которое для женщины есть исходный пунктъ всякихъ вождѣленій, и на чувство любви, безъ котораго женщина ничего не можетъ сдѣлать достойнаго себя. Діонисова религія является преиму-

это ясно оказалось при нападеніи на Спарту Ѳиванцевъ [8]. Безполезныя на войнѣ, какъ вообще всѣ женщины, онѣ производили въ странѣ большее смятеніе, нежели самъ непріятель. Между тѣмъ такое внѣ-законное положеніе спартанскихъ женщинъ, конечно, естественно вытекало изъ первоначальнаго состоянія спартанскаго общества. Вслѣдствіе войнъ, которыя Спарта вела сперва съ Аргивянами, а потомъ съ Аркадянами и съ Мессенянами, Спартанцы — мущины, въ продолженіи долгаго времени, были отчуждены отъ своей родины. Потомъ, когда наступило мирное время, воинская жизнь уже достаточно подготовила ихъ для рукъ законодателя (потому что воинская жизнь есть хорошая школа добродѣтели); что же касается до женщинъ, то, хотя, говорятъ, Ликургъ и сталъ-было подчинять ихъ законамъ, но, встрѣтивъ съ ихъ

щественно съ женскимъ характеромъ. Она подняла между людьми чувство любви, свободы и равенства, стерла всѣ различія между людьми, вытекающія изъ политическаго воззрѣнія — отсюда демократія и потомъ, образовавшаяся изъ нея, тираннія одного. Какъ всякая эротическая, чувственная эпоха, эпоха поклоненія Діонису пришла къ тому, что женщина возвысилась надъ мущиной; она развила въ себѣ до послѣдней крайности всѣ черты чувственности, а мущина не остался вѣренъ своей мужской натурѣ.

Положеніе женщины, какъ гетеры и какъ матери, не исчерпываетъ еще собою всѣхъ элементовъ дѣйствующихъ въ гинайкократіи: между женщиною-гетерою и женщиною-матерью занимаетъ мѣсто женщина-амазонка. Амазонство стоитъ въ тѣсной связи съ гетеризмомъ. Эти два явленія въ женской жизни условливаютъ себя взаимно: относительно содержанія, связь между ними есть чисто отрицательная. Амазонство необходимо предполагаетъ гетеризмъ. Эти два періода въ развитіи женской личности сходятся между собою въ той исключительной женственности, которой предана женщина какъ въ тотъ, такъ и въ другой періодъ. Подобно гетеризму, амазонство есть явленіе не мѣстное, не случайное, но космополитическое, составляющее ступень развитія женской личности въ гинайкократическую эпоху. Чрезъ злоупотребленіе мущины, женщина, униженная въ своемъ достоинствѣ, почувствовала наконецъ въ себѣ сильное желаніе къ болѣе чистому образу жизни, и это желаніе воодушевило ее до того огненнаго состоянія, до того вооруженнаго сопротивленія всему, что посягаетъ на исключительность ея существованія, что въ этомъ состояніи женщина превзошла границы своей женственности.

8) Нападеніе Ѳиванцевъ на Лаконію, подъ предводительствомъ Эпаминонда, относится къ 367 году до Р. Хр. Показаніе Аристотеля подтверждаютъ Ксенофонтъ (Hellenic. L. VI cap. V § 23) и Плутархъ (Агисъ cap. XXX).

стороны сопротивленіе, принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія [9]. Таковы были причины, опредѣлившія собою содержаніе спартанской исторіи. Отъ нихъ же зависитъ и этотъ недостатокъ въ политическомъ устройствѣ спартанскаго общества. Но мы имѣемъ въ виду разсуждать не о томъ, чему въ спартанской политикѣ слѣдуетъ сочувствовать и чему не слѣдуетъ, мы указываемъ лишь на то, что въ ней правильно и что неправильно. Внѣзаконное положеніе спартанскихъ женщинъ, какъ уже сказано было прежде, кажется, не только не хорошо тѣмъ, что само по себѣ производитъ разстройство въ политическомъ бытѣ общества, но и тѣмъ, что возбуждаетъ гражданъ къ любостяжанію. Но кромѣ того, спартанское устройство можно упрекнуть еще въ ненормальномъ распредѣленіи имущества. Одни въ Спартѣ владѣютъ чрезвычайно большимъ имуществомъ, а другимъ достается самое ничтожное, такъ какъ вся земля находится тамъ во владѣніи небольшаго числа гражданъ. Это дурное распредѣленіе имущества поддерживается здѣсь дурнымъ законодательствомъ. Законодатель Спарты считалъ неприличнымъ для гражданъ покупать и продавать другъ другу свою собственность. Но въ тоже время онъ предоставилъ желающимъ право дарить ее другимъ по завѣщанію [10]. Но въ томъ и другомъ случаѣ результатъ долженъ быть одинъ и тотъ же. И вотъ, вслѣдствіе большаго числа наслѣдницъ и вслѣдствіе обычая давать за

---

9) Плутархъ (жизнь Ликурга cap. 14) разсказываетъ, что Ликургъ встрѣтилъ сопротивленіе и со стороны молодыхъ людей, лишился даже глаза, но несмотря на все это остался твердымъ въ своемъ намѣреніи и выполнилъ его. Но какъ въ самомъ дѣлѣ удалось Ликургу водворить въ Спартѣ такую, въ пословицу вошедшую, суровую и стѣснительную дисциплину — это тайна исторіи (см. Греція до персидскихъ войнъ г. Леонтьева стр 72)

10) Судя по выраженію рѣчи въ текстѣ, нельзя утвердительно сказать, что Аристотель говоритъ здѣсь о Ликургѣ, тѣмъ болѣе что право дарить или передавать свое имущество по завѣщанію у Плутарха приписывается эфору Эпитедею, который будто бы издалъ этотъ законъ изъ ненависти къ своему сыну. (См. Плутархъ. Жизнь Агиса гл. V). Впрочемъ должно замѣтить, что, относительно распредѣленія въ Спартѣ поземельной собственности, у Плутарха приписывается Ликургу то, что̀ здравая критика принуждена отвернуть въ наше время. (См. Пропил. кн. III. Греція до персидскихъ войнъ отъ стр. 72 до 81).

дочерьми большое приданое [11]), почти двѣ пятыхъ всей земли
принадлежали спартанскимъ женщинамъ. Но лучше бы уста-
новить, чтобы за дочерьми или вовсе не было никакого при-
данаго, или небольшое, и вообще въ опредѣленной мѣрѣ.
Притомъ въ Спартѣ отецъ имѣлъ право отдать свою наслѣд-
ницу дочь за кого ему угодно. Если же онъ умиралъ, не рас-
порядившись насчетъ того, кому онъ оставляетъ свое наслѣд-
ство; тогда опекунъ могъ отдать сироту (со всѣмъ приданымъ)
за кого ему было угодно. Отсюда происходитъ то, что стра-
на, которая въ состояніи прокормить полторы тысячи всад-
никовъ и тридцать тысячъ оплитовъ, не считаетъ въ себѣ и ты-
сячи войска [12]),

Событія показали наконецъ ясно, что такой порядокъ дѣлъ
для самихъ Спартанцевъ имѣлъ вредныя слѣдствія. Государ
ство не вынесло даже одного удара [13]) и погибло отъ не-
достатка въ людяхъ. Между тѣмъ говорятъ, что при пер-
выхъ царяхъ право гражданства давали и чужестранцамъ [14]);

---

11) Напротивъ Плутархъ, Еліанъ и Юстинъ утверждаютъ, что въ
Спартѣ было запрещено давать за дочерьми приданое. Юстинъ
(3. 3) относитъ это запрещеніе къ Ликургу: virgines sine dote nube-
re jussit, ut uxores eligerentur, non pecuniae. Но Аристотель гово-
ритъ объ обычаѣ давать за дочерьми большое приданое, а не о за-
конѣ Ликурга. А такъ какъ, говоря объ обычаѣ, онъ не говоритъ
при этомъ о законѣ Ликурга относительно приданаго, то слѣдуетъ,
что показаніе Юстина и другихъ не вѣрно. Впрочемъ нѣкоторые
ученые (Манзо. Спарта) не отвергаютъ этихъ показаній рѣшительно.

12) Это замѣчаніе Аристотеля довольно темно. Можно предполо-
жить, что Аристотель указываетъ здѣсь на раздѣленіе всей Лаконіи
на 30,000 участковъ, изъ которыхъ каждымъ владѣлъ одинъ спар-
танскій гражданинъ — раздѣленіе, которое Плутархъ приписываетъ
Ликургу, что̀ впрочемъ опровергнуто Гротомъ и другими учеными.
Если такъ, то Аристотель могъ сдѣлать это замѣчаніе въ виду того,
что въ его время число спартанскихъ гражданъ простиралось толь-
ко до 1000 человѣкъ. Но должно замѣтить, что въ одномъ кодексѣ
Политики Аристотеля (Parisinus primus, manu Demetrii Chalcondilae,
Atheniensis scriptus) на полѣ около τρισμυρίους читается τρισχιλίους.
Геттлингъ предпочитаетъ послѣднее чтеніе (см. Гетл. Тамъ же стр.
333).

13) Аристотель говоритъ о битвѣ при Левктрахъ въ 371 году до
Р. Хр.

14) Собственные граждане Спарты большею частію были потом-
ки дорійскихъ завоевателей; но право полнаго гражданства опредѣ-
лялось въ Спартѣ не столько происхожденіемъ, сколько воспитані-

такъ что не смотря даже на продолжительныя войны, въ Спартѣ не было такаго недостатка въ людяхъ. Полагаютъ, что Спартанцевъ было тогда до десяти тысячъ [15]). Но справедливо ли все это или нѣтъ — не знаемъ; замѣтимъ однако, что умножать населеніе государства во всякомъ случаѣ лучше уже посредствомъ уравненія имущества гражданъ, чѣмъ чрезъ дарованіе гражданства иностранцамъ. Въ противорѣчіи такому способу улучшенія государства стоитъ законъ о дѣторожденіи. Законодатель, желая, чтобы какъ можно болѣе было Спартанцевъ, употребилъ всѣ средства на то, чтобы граждане рождали какъ можно болѣе дѣтей. Въ виду этого у Спартанцевъ существуетъ законъ, что гражданинъ, имѣющій троихъ сыновей, освобождается отъ военной службы, а имѣющій четырехъ, освобождается отъ всѣхъ гражданскихъ повинностей. Но понятно, что, съ умноженіемъ числа гражданъ, между тѣмъ какъ раздѣленіе земли остается одно и тоже, — и число бѣдныхъ необходимо должно постоянно увеличиваться. Институтъ эфоровъ [16]) въ Спартѣ также дуренъ. Эфоратъ тамъ

семъ. Поэтому моѳоны или моѳаки — люди, происходившіе отъ гелотянокъ, но воспитанные по спартански, получали права спартанскихъ гражданъ (см. Германъ Lehrbuch d. griechischen Staatsalterthümer § 25). Въ примѣръ этому мы можемъ указать на Гилиппа, Лизандра и др. Но съ другой стороны, урожденные Спартанцы, но уклонившіеся отъ дисциплины, (или хоть просто, какъ увидимъ ниже у Аристотеля, не вносившіе извѣстнаго количества припасовъ и денегъ въ сисситіи), лишались полноты гражданскихъ правъ. На этомъ общемъ основаніи гражданства у Спартанцевъ, слѣдуетъ думать, что иностранцы, по крайней мѣрѣ взрослые, не были принимаемы въ число гражданъ, такъ какъ они не были воспитаны по-спартански. Но Аристотель, говоря здѣсь о времени первыхъ царей, вѣроятно говоритъ объ эпохѣ до Ликурга, когда спартанскій элементъ не имѣлъ еще своей силы. Эти иностранцы, которыхъ принимали въ Спартѣ въ число гражданъ, вѣроятно были покоренные туземцы. О принятіи иностранцевъ въ число гражданъ говоритъ также и Страбонъ VIII стр. 366.

15) Число спартанскихъ гражданъ, во время персидскаго нашествія, доходило, по мнѣнію Геродота, до 8000; во время Аристотеля, какъ замѣчено выше, до 1000, а въ половинѣ 3-го вѣка до Р. Хр. при Агисѣ III, оно уменьшилось до 700, и изъ нихъ только 100 владѣли землею.

16) Къ какому времени относится учрежденіе эфоровъ въ Спартѣ, объ этомъ какъ показанія древнихъ, такъ и убѣжденія новыхъ ученыхъ разногласятъ. Г. Леонтьевъ (Грецiя до Персидскихъ войнъ

могущественная власть, касающаяся важнѣйшихъ дѣлъ государства; между тѣмъ всѣ эфоры берутся изъ демоса [17]); та-

---

стр. 48) совершенно отвергаетъ, что коллегія эфоровъ была учреждена Ликургомъ и, слѣдуя Аристотелю, (Полит. кн. VIII гл. 9.) относитъ это учрежденіе къ эпохѣ царей Полидора и Θеопомпа, на столѣтіе позже Ликурга. Но можно, кажется, думать, что власть въ родѣ власти эфоровъ была въ Спартѣ даже до Ликурга (см. Германъ. Antiquit. Laconic. L. II. p. 65 Not. 43.) Какъ бы то ни было, болѣе вѣрнаго объ эфорахъ можно сказать то, что они сначала были судьями въ гражданскихъ дѣлахъ и надзирателями за порядкомъ, при куплѣ и продажѣ на рынкѣ. Несомнѣнно, что они были представителями народнаго собранія. На такой степени развитія своей власти, эфоры ежемѣсячно клялись царямъ, что власть царей останется неприкосновенною; а цари въ свою очередь присягали, что будутъ дѣйствовать согласно съ существующими законами. Въ послѣдствіи власть эфоровъ увеличилась до того, что имъ стали отвѣтственны сами цари. Мюллеръ полагаетъ, что это расширеніе власти эфоровъ было сдѣлано эфоромъ Астеропомъ (ранѣе 576 года до Р. Хр.) Мало-по-малу сила эфоровъ возрасла до того, что вся власть въ государствѣ осталась за ними, и во главѣ государства стояли уже не цари, а эфоры. По имени перваго изъ нихъ назывался тотъ годъ, на который они были избраны; избирались же они на одинъ годъ, чѣмъ смягчалось конечно могущество ихъ власти. Эфоры были не въ одной Спартѣ; они упоминаются въ дорійской колоніи Киренѣ (въ Африкѣ) и на островѣ Θерѣ — колоніи Спарты и метрополіи Кирены. Вотъ все, что сочли мы нужнымъ сказать объ эфорахъ въ прибавленіе къ тому, что найдетъ читатель у Аристотеля (см. Германъ. Lehrbuch d. griechischen Staatsalterthümer §§ 44—45. Его же Antiquit. Lacon. L. II. стр. 65—75). Въ заключеніе приведемъ слова Цицерона о значеніи эфоровъ въ кругу другихъ властей въ государствѣ: ut contra consulare imperium tribuni plebis, sic illi (ephori) contra vim regiam constituti. De republ. Fragm. II. 33.

17) Вопросъ о томъ, что такое былъ спартанскій демосъ времени Аристотеля и Ксенофонта, удовлетворительно рѣшенъ Германомъ въ его Antiquit. Laconic. L. IV. Спартанскій демосъ времени Аристотеля и Ксенофонта, говоритъ Германъ, произошелъ постепенно изъ такихъ Спартанцевъ, которые не получили національнаго воспитанія и не вели національнаго образа жизни. По Ликургову закону, они должны были терять свои полныя права; число ихъ постоянно должно было увеличиваться чрезъ прибавленіе тѣхъ, которые, по бѣдности своей, не могли принимать участія въ сисситіяхъ, потому что они не были уже полноправными гражданами. Такимъ образомъ сословіе спартанскихъ гражданъ, мало-по-малу, раздѣлилось на сословіе гражданъ полноправныхъ, которые допускались къ высшимъ государственнымъ должностямъ, и на имѣвшихъ меньшія права, между которыми, по свидѣтельству Аѳенея, было нѣсколько различій (см. Lehrbuch d. griechischen Staatsalterthümer. § 25 Прим. 14). Эти-то люди, съ умень-

кимъ образомъ власть эта часто достается людямъ очень бѣднымъ, которые, по причинѣ стѣснительнаго своего положенія, оказываются людьми продажными. Такіе случаи часто бывали въ Спартѣ, какъ въ прежнія времена, такъ и въ новое время; подкупность спартанскихъ эфоровъ ясно оказалась на андріяхъ [18]). Въ самомъ дѣлѣ, причиною погибели Спартанскаго государства въ нѣкоторой мѣрѣ была подкупность эфоровъ. Такъ какъ власть ихъ была очень высока и почти-что тиранническая, то и сами цари часто принуждены бывали льстить имъ. Такимъ образомъ отъ института эфоровъ пострадало все политическое устройство Спарты: изъ аристократіи Спарта стала демократіею [19]). Но съ другой стороны должно замѣтить, что этотъ институтъ можетъ упрочить политическое устройство государства. Народъ, принимая участіе въ столь значительной власти, остается спокойнымъ, что для государства конечно очень полезно — все равно, достигается ли это законодательнымъ путемъ, или слагается такъ, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Для сохраненія политическаго устройства въ цѣлости, должно желать того, чтобы всѣ части государства постоянно оставались одними и тѣми же въ отношеніи ихъ другъ къ другу. Благодаря тѣмъ почестямъ, которыми въ Спартѣ пользуются цари, они совершенно удовлетворяютъ этому требованію; со стороны высшаго класса гражданъ, Лакедемонское государство обезпечено въ этомъ отношеніи тѣмъ, что оно имѣетъ голосъ въ герусіи — право, которое считается наградою за добродѣтель; а вслѣдствіе института эфоровъ оно спокойно въ этомъ отношеніи и со стороны самаго народа, такъ какъ члены эфоровъ избираются исъ числа всѣхъ гражданъ. Но хотя эфоры должны быть дѣй-

---

шенными правами, и составляли, по мнѣнію Германа, тотъ спартанскій демосъ, изъ котораго, по словамъ Аристотеля, избирались эфоры.

18) Ἐν τοῖς Ἀνδρίοις. Аристотель говоритъ здѣсь объ андріяхъ, т. е. фидитіяхъ, или сисситіяхъ (смотр. слѣдующую главу). О продажности эфоровъ см. также Rhetor. Арист. кн. III гл. 18.

19) Аристократическій характеръ должна была имѣть Спарта, по плану Ликургова политическаго устройства; но благодаря тому, что эфоры, избиравшіеся изъ демоса, получили такую власть въ Спартѣ, въ ней сталъ преобладать демократическій элементъ. См. выше гл. III, гдѣ сказано, что демократическій элементъ въ устройствѣ Лакедемонскомъ было учрежденіе эфората.

ствительно избираемы изъ числа всѣхъ, но конечно не такимъ ребяческимъ способомъ [20]), какъ это дѣлается въ Спартѣ теперь. Такъ какъ власти спартанскаго эфората, не смотря на всю случайность избранія его членовъ, подлежитъ рѣшеніе важныхъ дѣлъ, то очевидно, было бы лучше, если бы эфоры дѣлали свои рѣшенія не на основаніи своего собственнаго мнѣнія, а на основаніи писанныхъ постановленій и законовъ. Наконецъ самый образъ жизни эфоровъ не соотвѣтствуетъ интересамъ лакедемонскаго государства. Они ведутъ очень распущенную жизнь; впрочемъ должно замѣтить, что никто въ Спартѣ не въ состояніи вынести всей той суровости, какая требуется въ жизни отъ всѣхъ гражданъ; напротивъ, уклоняясь тайно отъ закона, Спартанцы гоняются лишь за тѣлесными удовольствіями.

Не хорошо также организована въ Спартѣ власть геронтовъ [21]). Конечно, если геронты люди достойные и достаточ-

---

20) Неизвѣстно, каковъ былъ этотъ ребяческій способъ избранія эфоровъ; достовѣрно только то, что эфоры не избирались по жребію, потому что жребій былъ не употребителенъ въ Спартѣ. Если эфоры избирались также, какъ и сенаторы (такъ думаетъ С.—Илеръ. Polit. d'Arist. стр. 100. Объ избраніи сенаторовъ см. у Ар. ниже), то, по описанію Плутарха, (Ликургъ гл. XXVI) этотъ способъ избранія былъ слѣдующій: кандидаты по очереди представлялись народу, который при появленіи каждаго изъ нихъ, испускалъ болѣе или менѣе громко какіе-то крики; между тѣмъ лица, уполномоченныя властію, сидѣли въ это время въ потаенномъ мѣстѣ и, не видя кандидатовъ, но слыша голосъ народа, рѣшали, на основаніи его силы, кто изъ кандидатовъ по очереди долженъ быть избранъ... Θукидитъ (1. 87) говоритъ, что въ Спартѣ избирали крикомъ, βοῇ.

21) Геронты — члены *герусіи*, или, по спартанскому выговору, герогіи, сената или вулы — учрежденія, основаннаго Ликургомъ. Германъ (Antiq Laconic L 1. стр. 40) герусію Ликурга ставитъ въ связь съ гомерическою думою. Утверждая, что политическое устройство Спартанцевъ до Ликурга соотвѣтствовало политическому быту, изображенному Гомеромъ, и полагая даже, что главная задача дѣятельности Ликурга состояла въ усиленіи собственно дорическаго элемента (см. Грецiя до Персидскихъ войнъ г. Леонтьева стр. 48 — 50), который въ Лаконіи, въ средѣ Ахейскихъ туземцевъ, формулировался, какъ исключительно спартанскій элементъ, Германъ говоритъ, что Ликургъ не выдумалъ какихъ-либо новыхъ элементовъ герусіи, но заимствовалъ ихъ изъ гомерческаго быта и у Критянъ (тамъ же стр. 40 — 1 и 16). Въ Спартанской герусіи Германъ расположенъ видѣть демократическое учрежденіе. Члены герусіи избирались изъ почтенныхъ лицъ, достигшихъ 60 лѣтняго возраста. Избираемый долженъ

но воспитаны для того, чтобы дѣйствовать добросовѣстно и
честно, то можно сказать, что это учрежденіе принесетъ поль-
зу государству; но и въ этомъ случаѣ подлежитъ еще сомнѣ-
нію, на сколько полезно то, что они, въ продолженіе всей
своей жизни, остаются властелинами въ обсужденіи важныхъ
государственныхъ вопросовъ, потому что и для ума, какъ для
тѣла, бываетъ своя старость. Если же они таковы, что самъ
законодатель не можетъ довѣрить имъ, какъ людямъ нечест-
нымъ, то учрежденіе это конечно не безопасно [22]). И дѣй-
ствительно, люди принимающіе участіе въ этой власти оказы-
ваются способными на подкупъ и эксплуататорами въ свою
пользу многихъ общественныхъ интересовъ. По этому лучше
бы было, если бы геронты не были безотвѣтны, какъ это
теперь въ Спартѣ. Другимъ, пожалуй, можетъ показаться,
что эфоры имѣютъ власть контролировать всѣ другія власти;
по нашему мнѣнію, для эфоровъ это слишкомъ много; при-
томъ отвѣтственность властей, которую мы рекомендуемъ,
должна быть не такова. Далѣе, самое избраніе въ герон-
ты, относительно того основанія, на которомъ оно совер-
шается, оказывается какимъ-то ребяческимъ дѣломъ. Такъ
неправильно конечно, чтобы человѣкъ, будучи удостоенъ
власти, напередъ самъ объявилъ на нее свое желаніе: по-
тому что удостоенный власти долженъ властвовать, не смо-
тря на то, хочетъ ли онъ или нѣтъ. Но законодатель въ этомъ
случаѣ поступилъ, кажется, также, какъ онъ поступалъ во
всей своей политикѣ. Возбудивъ въ гражданахъ честолюбіе,
онъ пользовался имъ, для избранія ихъ въ геронты, потому

былъ объявить напередъ, что онъ хочетъ быть геронтомъ (см. ниже у Аристотеля). Герусія спартанская разсматривала важныя мѣры, которыя должны были поступить на рѣшеніе народнаго собранія; уголовныя дѣла исключительно подлежали вѣдѣнію герусіи, которая имѣла право приговорить къ безчестію и смерти. Члены герусіи имѣли надзоръ за нравами гражданъ, и всѣ граждане считали себя какъ бы юношами въ отношеніи къ этимъ почтеннымъ старцамъ. Всѣхъ членовъ герусіи было 30 человѣкъ, вѣроятно по 10 человѣкъ изъ каждаго колѣна (филы), на которыя дѣлились спартанскіе граждане; два лица изъ этихъ 30 человѣкъ были цари.

22) Въ законодательствѣ спартанскомъ ничѣмъ, кажется, не выражено недовѣрія къ герусіи; напротивъ, какъ справедливо замѣчаетъ Мюллеръ, геронтовъ оставляли безотвѣтственными, довѣряя имъ, какъ *лучшимъ*, на совѣсть.

что безъ честолюбія никто не сталъ бы искать себѣ власти. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что большая часть произвольныхъ дурныхъ поступковъ бываетъ у людей изъ-за любочестія и сребролюбія.

Что касается далѣе до института царской власти, то въ другомъ мѣстѣ [23]) мы скажемъ о томъ, что лучше для государствъ: существованіе ли этого института, или отсутствіе его. Если первое, то институтъ царской власти долженъ быть организованъ не такъ, какъ онъ организованъ въ настоящее время въ Лакедемонѣ, но такъ, чтобы каждый изъ царей былъ избираемъ, на основаніи достоинства его собственной жизни [24]). Самъ законодатель, очевидно, сомнѣвается въ томъ, чтобы цари могли быть людьми хорошими и честными. По крайней мѣрѣ онъ не довѣряетъ имъ, какъ людямъ достаточно честнымъ. На этомъ основаніи въ Лакедемонѣ, въ качествѣ спутниковъ царскихъ, въ походы съ ними обыкновенно посылали ихъ недоброжелателей [25]), и вообще были того мнѣнія, что благосостояніе государства условливается взаимною враждою царей [26]). Сисситіи, или такъ называемыя въ Спартѣ фидитіи организованы здѣсь также не хорошо, и виною тому самъ основатель этого учрежденія. По настоящему, учрежденіе это должно бы содержаться на общественный счетъ, какъ это въ Критѣ, но у Лакедемонянъ каждый гражданинъ долженъ вносить въ пользу этого учрежденія опредѣленную закономъ часть своего имущества [27]); но такъ какъ въ государствѣ всегда есть очень мно-

---

23) Смотр. Полит. кн. III главы 10 и 11.

24) Извѣстно, что два спартанскихъ царя были потомки Геракла
и назначались всегда изъ двухъ линій этого царственнаго дома. Та-
кимъ образомъ царскій санъ въ Спартѣ опредѣлялся не личнымъ
достоинствомъ, но происхожденіемъ, на что и указываетъ Аристо-
тель Значеніе ихъ въ государствѣ подобно значенію гомерическихъ
царей: они — представители государства въ его отношеніяхъ къ бо-
гамъ и пользуются всѣми правами жрецовъ. Такой характеръ цар-
ской власти сохранялся въ Спартѣ конечно отъ древняго, до Ли-
кургова времени (См. г. Леонтьева: Греція до Персидскихъ войнъ
стр. 53—54 и Германа Antquit. Laconic L. 1.

25) То были два эфора; см. Ксенофонта Республ. Лакед. XIII. 5.

26) Раздѣленіе царской власти между двумя лицами полагало преграду честолюбивымъ ихъ замысламъ, и такимъ образомъ служило гарантіею спартанскихъ учрежденій. См. Платонъ Leg. III, 691.

27) Основываясь на словахъ Плутарха, что учрежденіе Ликургомъ

го бѣдныхъ гражданъ, которые не въ состояніи пожертновать
столько въ пользу сисситій, то изъ учрежденія этого выхо-
дитъ нѣчто противное тому, что имѣлъ въ виду законодатель;
законодатель желалъ, чтобы учрежденіе сисситій было демо-
кратическимъ учрежденіемъ, но при такомъ устройствѣ оно все-
кратическимъ учрежденіемъ, но при такомъ устройствѣ оно все-
го менѣе является демократическимъ, потому что для очень бѣд-
ныхъ не удобно принимать въ нихъ участіе, а между тѣмъ
права гражданина издревле опредѣляются у нихъ участіемъ
въ этихъ сисситіяхъ. Слѣдовательно, кто не въ состояніи не-
сти эту обязанность, тотъ лишается уже и правъ спартанска-
го гражданина. Что же касается до института навархов, то
нѣкоторые справедливо порицали это учрежденіе, такъ какъ
оно даетъ только поводъ къ возмущеніямъ; и дѣйствительно,
рядомъ съ царями, которые суть не что иное, какъ постоян-
ные стратеги, новархія есть ни болѣе ни менѣе, какъ вто-
рой институтъ царской власти [28]). Такимъ образомъ самый
планъ спартанскаго законодателя дѣйствительно можно упрек-
нуть въ томъ, въ чемъ упрекалъ его уже Платонъ въ своихъ
Законахъ [29]). Весь сводъ лакедемонскихъ законовъ имѣетъ въ
виду развить въ гражданахъ одинъ только видъ добродѣте-
ли — добродѣтель воинскую, но она годна только для побѣдъ.
Поэтому, пока Спарта воевала, то она держалась, а достиг-

сисситій встрѣтило, со стороны Спартанцевъ, сильное сопротивле-
ніе (см. выше прим. 10), Гротъ полагаетъ, что до Ликурга не было
въ Спартѣ сисситій, но Мюллеръ полагаетъ, что Ликургъ возстано-
вилъ только древній обычай. Потому что подобныя учрежденія бы-
ли въ Критѣ, въ Мегарѣ (во время Өеогнида), Коринѳѣ, (до Періан-
дра), въ Аркадіи и въ другихъ мѣстахъ. Сисситіи состояли въ томъ,
что граждане ежедневно обѣдали за общими столами; за каждымъ
столомъ сидѣло, или правильнѣе, возлежало пятнадцатъ человѣкъ.
Учрежденіе это, какъ видно изъ Аристотеля, имѣло гражданское
значеніе и стояло въ связи съ суровою дисциплиной спартанскаго
общества. Каждый гражданинъ вносилъ въ пользу сисситій извѣст-
ную долю ячной муки, вина, сыра, смоквы и не большое количе-
ство денегъ. См. Греція до Персидскихъ войнъ г. Леонтьева Гер-
манъ. Lehrbuch D. griechischen Staatsalterthümer § 27. Müller. Dorier.
II. 10. Геттлингъ Arist. Politicor. Exc. I. стр. 469—470.

28) У Спартанцевъ сперва не было флота, но потомъ, когда онъ
былъ сооруженъ, правителемъ его, или навархомъ было всегда лицо,
избранное изъ народа на одинъ годъ.

29) См. Leg. 1. p. 630.

нувъ власти, она погибла вслѣдствіе того, что граждане ея
не умѣли пользоваться досугомъ и заниматься какимъ-нибудь
другимъ дѣломъ, болѣе высшимъ, чѣмъ дѣло войны. Не ма-
лая ошибка Лакедемонянъ заключается еще и въ слѣдую-
щемъ: разсуждая вполнѣ справедливо, что блага, къ которымъ
мы стремимся, скорѣе могутъ быть пріобрѣтены путемъ до-
бродѣтельныхъ дѣйствій, нежели порочныхъ, они не правы
въ томъ, что эти блага считаютъ выше самой добродѣтели.
Касательно общественной кассы Спартанцевъ также должно
замѣтить, что она организована у нихъ дурно. Между тѣмъ
какъ страна принуждена вести большія войны, въ обществен-
ной кассѣ нѣтъ ничего, потому что граждане вносятъ въ нее
съ грѣхомъ пополамъ. Такъ какъ большая часть земли при-
надлежитъ спартіотамъ, то относительно взноса они и не
наблюдаютъ другъ за другомъ. А отсюда изъ учрежденія это-
го произошло нѣчто противное той пользѣ, какую законода-
тель хотѣлъ достигнуть посредствомъ него — именно: государ-
ство осталось безъ денегъ, а частные люди сдѣлались корыс-
столюбивы. Вотъ все, что мы хотѣли сказать о политиче-
скомъ устройствѣ Лакедемонянъ: критикуя его, мы указыва-
ли преимущественно на то, что особенно заслуживаетъ въ
немъ порицанія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Изслѣдованіе о государственномъ устройствѣ Крита, въ сравненіи съ Лакедемонскимъ.

Политическое устройсво Крита стоитъ въ связи съ по-
литическимъ устройствомъ Лакедемона [1]); но если въ нѣкото-
рыхъ частяхъ оно не хуже его, то въ общемъ оно менѣе со-
вершенно, чѣмъ устройство лакедемонское. Существуетъ до-
вольно вѣрное преданіе, что Лакедемоняне въ своей поли-
тикѣ много подражали Критянамъ, а въ древности государ-

---

1) Платонъ называетъ Лакедемонскіе и Критскіе законы ἀδελφοὺς νόμους — Leg. III. p. 683.

ственныя учрежденія, по большей; части, организованы были хуже новѣйшихъ. Говорятъ, что Ликургъ, по снятіи съ себя опеки надъ царемъ Хариломъ [2]), отправился путешествовать и жилъ долго въ Критѣ, гдѣ онъ нашелъ родственныхъ себѣ жителей; потому что Ликтейцы были колонисты Лаконіи [3]). Лаконцы, пришедшіе въ Критъ, подчинились тѣмъ законамъ, которые были уже у тамошнихъ жителей. Поэтому періэки на островѣ Критѣ еще и доселѣ пользуются этими законами, въ томъ же самомъ видѣ, какъ они были при первомъ основателѣ ихъ Миносѣ. Благодаря прекрасному своему положенію, островъ Критъ самой природою, по видимому, назначенъ къ господству надъ герленскими племенами, которыя всѣ почти разселены по берегу моря, среди котораго лежитъ этотъ островъ. Съ одной стороны онъ граничитъ съ Пелопонессомъ, а съ другой съ Азіею — именно, со странами, лежащими близь Тріопа [4]) и Родоса. Пользуясь такимъ положеніемъ острова, Миносъ утвердилъ господство его на морѣ и надъ ближайшими къ нему островами, изъ которыхъ одни онъ завоевалъ, а другіе колонизировалъ; наконецъ, предпри-

2) Память о дѣйствительномъ Ликургѣ, можно сказать, затеряна въ историческихъ преданіяхъ. По Геродоту, онъ жилъ за 996 лѣтъ до Р. Хр. По Симониду за 880. Геродотъ называетъ его опекуномъ спартанскаго царя Лабота; Аристотель слѣдуетъ Симониду.

3) Ликтосъ былъ древнѣйшій городъ Крита на сѣверо-восточномъ берегу этого острова, занятый Дорянами, что̀ было извѣстно уже и поэту Одиссеи (XIX, 174). По преданію, Доряне пришли въ Критъ подъ предводительствомъ Тектама, сына Дора. Между тѣмъ какъ въ Ликтосѣ жили Дорійцы, въ Кноссѣ, другомъ критскомъ городѣ, обитало Ахейское племя; имъ управлялъ царь Миносъ, законодательство котораго славится, какъ древнѣйшее законодательство Крита. Послѣ похода Гераклидовъ, Доряне, поселившіеся въ Лаконіи, стали колонизировать ближайшія мѣстности, между ними — Критъ, гдѣ, въ городѣ Ликтосѣ, дорійскій элементъ утвердился, преимущественно предъ всѣми другими мѣстностями острова. Трудно сказать, на сколько дорійскіе поселенцы Ликтоса подчинились дѣйствующимъ въ Критѣ законамъ Миноса и на сколько справедливо, что сходство спартанскаго (Ликургова) законодательства съ Критскимъ условливалось тѣмъ, что Ликургъ долго жилъ въ Критѣ и заимствовалъ будто бы отсюда законодательство Миноса; основательнѣе, кажется, предположить, что близость спартанскаго законодательства съ критскимъ опредѣляется тѣмъ, что Спартанцы и Критяне (собственно Ликтійцы) были одного происхожденія — дорическаго.

4) Тріопъ — Карійскій городъ въ малой Азіи.

нявъ войну противъ Сициліи, онъ кончилъ тамъ свою жизнь близь Камика [5]). Итакъ критская конституція имѣетъ аналогію съ конституціею Лакедемонянъ. У Лакедемонянъ землю обработываютъ гелоты, у Критянъ — періэки [6]); далѣе, у обоихъ народовъ существуютъ сисситіи; притомъ въ древности Лакедемоняне не называли ихъ фидитіями, но также, какъ Критяне — андріями [7]); отсюда очевидно, что Лакедемоняне заимствовали ихъ изъ Крита. Что же касается собственно до самого государственнаго устройства, то въ Лакедемонѣ эфоры имѣли туже самую власть, какая въ Критѣ принадлежитъ, такъ называемымъ тамъ, космамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что эфоровъ въ Лакедемонѣ пять, а космовъ въ Критѣ десять. А геронты въ Лакедемонѣ совершенно одинаковы съ тѣми геронтами, собраніе которыхъ въ Критѣ называютъ вулою. Институтъ царской власти былъ прежде и въ Критѣ, но потомъ Критяне уничтожили его, и теперь уникъ на войнѣ предводительствуютъ космы. Въ народномъ собраніи въ Критѣ принимаютъ участіе всѣ граждане, но народное собраніе ни

5) См. Геродотъ VII, 169. Страбонъ VI, 419.

6) Аристотель, который, какъ мы выше замѣтили (см. глава 6, прим. 2) не различаетъ гелотовъ отъ періэковъ, и здѣсь сопоставляетъ однихъ съ другими. См. Геттлингъ. Arist. Polit. стр. 336 Но въ Критѣ періэки назывались *гипикоями*. Созикратъ у Аѳенея (VI, 84) говоритъ: κοινὴν δουλέιαν οἱ Κρῆτες καλοῦσι μνόιαν, τὴν δ᾽ ἰδίαν ᾽αφαμιώτας, τοὺς δὲ περιοίκους ὑπηκόους. Кто же въ Критѣ обрабатывалъ землю? Очевидно, не гипикои, которые соотвѣтствуютъ спартанскимъ періэкамъ собственно, которыхъ должно въ этомъ случаѣ отличать отъ гелотовъ (чего не дѣлаетъ Аристотель); но тѣ, которые, по роли своей, ближе подходятъ къ спартанскимъ гелотамъ, таковы должны быть μνῶται (κοινὴ δουλεία, περιόικοι Аристотеля). Объ нихъ Поллуксъ говоритъ: μεταξὺ ἐλευθέρων καὶ δούλων οἱ Λακεδαιμόνιων εἵλωτες καὶ Θετταλῶν πενέσται καὶ Κρητῶν κληρῶται καὶ μνῶιται. III. 8. Итакъ здѣсь съ илотами сопоставляются клироты и мноты; мноты — это люди, принадлежащіе государству, а клороты — люди, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ, т.-е. афаміоты. Такъ у Аѳенея (6, 263), читаемъ: καλοῦσι δὲ οἱ Κρῆτες — ᾽Αφαμιῶτας τοὺς κατ᾽ ἀγρὸν ἐγχωρίους μὲν ὄντας, δουλοθέντας δὲ κατὰ πόλεμον διὰ τὸ κληρωθῆναι κλαρῶτας. Такимъ образомъ спартанскимъ гелотамъ должны, кажется, соотвѣтствовать съ одной стороны мноты — люди, принадлежащіе государству, а съ другой — афаміоты, или клироты, принадлежащіе частнымъ владѣльцамъ. См. Германъ Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer § 22. Вахсмутъ Hellenische Alterthumskunde 1. стр. 170.

7) См. глава VI примѣчаніе 19.

въ чемъ не имѣетъ власти; оно должно только псифизировать мнѣнія геронтовъ и космовъ [8]). Чтоже касается до сисситій, то у Критянъ это учрежденіе лучше, чѣмъ у Лакедемонянъ. Въ Лакедемонѣ на устройство сисситій всѣ поголовно вносятъ опредѣленную плату, а тѣ, которые уклоняются отъ этой обязанности, какъ уже было сказано прежде, лишаются по закону гражданскихъ правъ. Между тѣмъ въ Критѣ учрежденіе это имѣетъ болѣе общинный характеръ: отъ всѣхъ плодовъ земли и домашнихъ животныхъ, а также отъ всѣхъ общественныхъ доходовъ и податей, которыя вносятъ періэки, одна часть назначена тамъ для религіозныхъ дѣлъ и другихъ общественныхъ литургій, а другая идетъ на сисситіи, такъ что и женщины, и дѣти, и мущины — всѣ содержатся въ Критѣ на общественный счетъ [9]). Законодатель Крита много заботился о воздержаніи гражданъ, находя, что оно полезно. Такъ онъ старался изолировать женщинъ отъ мущинъ съ тѣмъ, чтобы тѣ не рождали много дѣтей и, въ замѣнъ общенія съ женщинами, позволилъ мущинамъ имѣть сообщеніе другъ съ другомъ; дурно ли это или нѣтъ — объ этомъ мы будемъ имѣть случай разсуждать впослѣдствіи [10]).

Что же касается до учрежденія сисситій, то очевидно, что въ Критѣ оно лучше, чѣмъ въ Лакедемонѣ. Но институтъ космовъ въ Критѣ хуже лакедемонскаго института эфоровъ. Дурная сторона въ учрежденіи эфоровъ имѣетъ мѣсто и въ институтѣ космовъ. Эта дурная сторона состоитъ въ томъ, что въ число космовъ, какъ въ число эфоровъ, поступаютъ люди всякіе, но той пользы, которая проистекаетъ отъ института эфоровъ для политическаго устройства Лакедемонянъ, не приноситъ для Крита институтъ космовъ. Такъ какъ эфоры въ Лакедемонѣ избираются изъ числа всѣхъ гражданъ, то народъ тамъ, принимая участіе въ столь важной власти, желаетъ конечно, чтобы политическое устройство государ-

8) Народное собраніе въ Критѣ имѣло право только принять предложеніе геронтовъ и космовъ, а не имѣло въ своихъ рукахъ правительственной инициативы.

9) Андріями у Критянъ назывались сисситіи для взрослыхъ; а сисситіи для юношей — агелами (ἀγέλαι) см. Германъ тамъже § 22.

10) Читателю покажется страннымъ, что Аристотель, какъ бы съ равнодушіемъ, отлагаетъ заклеймить позоромъ это попущеніе Критскаго законодетеля.

ства оставалось неизмѣннымъ: между тѣмъ въ Критѣ космы избираются не изъ числа всѣхъ гражданъ, а только изъ нѣкоторыхъ родовъ ихъ, геронты же избираются у нихъ только изъ тѣхъ, которые были уже космами. О критскихъ геронтахъ можно сказать то же самое, что сказано было о геронтахъ лакедемонскихъ. Безотвѣтственность этихъ лицъ и пожизненность ихъ власти — это такая честь, которая превышаетъ ихъ достоинство; и здѣсь, какъ тамъ, одинаково не безопасно то, что они дѣйствуютъ не на основаніи писанныхъ законовъ, а по собственному усмотрѣнію. Спокойствіе народа, не принимающаго участія въ этой власти, не служитъ еще признакомъ того, что институтъ этотъ организованъ хорошо. Космы въ Критѣ, не такъ какъ лакедемонскіе эфоры, гарантированы отъ подкупа тѣмъ, что живутъ на островѣ, вдали отъ соблазновъ [11]). Между тѣмъ средства, къ которымъ прибѣгаютъ въ Критѣ противъ злоупотребленій космовъ, не сообразны съ цѣлію государственной жизни и не политичны, но насильственны. Такъ часто бываетъ, что нѣкоторые или изъ товарищей космовъ, или изъ постороннихъ лицъ, согласившись между собою, низвергаютъ космовъ. Между тѣмъ и самимъ космамъ позволяется отказываться отъ своей власти. Но лучше, если бы все это совершалось по закону, чѣмъ по личному произволу, потому что въ общественныхъ дѣлахъ этотъ канонъ не безопасенъ. Но всего хуже для государства совершенное уничтоженіе института космовъ [12]), что часто бываетъ, когда могущественные граждане не желаютъ подвергнуться какому-либо наказанію. Отсюда явно, что, хотя такой строй государственной жизни имѣетъ нѣкоторый видъ политическаго устройства, но въ сущности онъ не политическое устройство, а скорѣе династическое, т.-е. основанное на силѣ [13]). Отсюда слѣдующее явленіе, очень обыкновенное

11) Комментаторы Аристотеля, не говорятъ о томъ, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ понимать это замѣчаніе. Кажется, что въ этихъ словахъ можно видѣть иронію.

12) Аристотель выражается здѣсь лаконически: ἀκοσμία. Выраженіе это можно принять здѣсь за игру слова, ибо ἀκοσμία значитъ безпорядокъ.

13) Ἀλλὰ δυναστεία μᾶλλον, говоритъ Аристотель. Этимъ именемъ Аристотель называетъ правительство, опирающееся не на достоинствѣ, не на признаніи, но на силѣ (δύναμις): таковы династы.

въ Критѣ: люди разныхъ политическихъ факцій, склонивъ на свою сторону народъ и друзей, стремятся захватить власть въ одни свои руки и въ междуусобной войнѣ истребляютъ другъ друга. Такое состояніе государства тоже, какъ если бы, въ продолженіи нѣкотораго времени, государства, какъ такаго, вовсе не существовало, и политическій бытъ былъ бы совершенно разрушенъ. Государству, находящемуся въ такомъ положеніи, грозитъ опасность нападенія со стороны могущественныхъ сосѣдей, если они только пожелаютъ этого. Но, какъ уже извѣстно, островъ Критъ спасаетъ отъ этой опасности само его положеніе. Отстоя далеко отовсюду, онъ не знаетъ ксенеласіи [14]; вслѣдствіе чего и самыя отношенія между Критянами и періэками доселѣ остаются не нарушимыми, между тѣмъ какъ гелоты часто отпадали отъ Лакедемонянъ [15]. Критяне долго не вступали въ соприкосновеніе ни съ какою внѣшнею силою и только недавно, когда иностранныя войска прошли по острову [16], безсиліе дѣйствующихъ тамъ законовъ оказалось со всею очевидностію. Доселѣ о критскомъ государственномъ устройствѣ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Государственное устройство Карѳагена.

Политическое устройство Карѳагенянъ считается также хорошимъ, а съ многихъ сторонъ даже наилучшимъ, сравнительно съ другими, особенно со стороны нѣкоторыхъ изъ тѣхъ учрежденій, которыя близко подходятъ къ учрежденіямъ лакедемонскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти три государства: Критъ; Лакедемонъ и Карѳагенъ, какъ съ одной стороны родствен-

14) Объ этомъ см. выше въ началѣ IV главы.

15) Изгнаніе иностранцевъ — право, которымъ особенно пользовались въ Спартѣ.

16) Нельзя, кажется, съ достовѣрностью сказать, о какой войнѣ говоритъ Аристотель. Полагаютъ, что дѣло идетъ о войнѣ Критянъ съ Македонянами во время Александра, или съ Лакедемонянами при царѣ Агисѣ.

ны другъ съ другомъ, [1]) по своему политическому устройству, такъ равно съ другой стороны отличаются отъ всѣхъ прочихъ государствъ. Что же касается собственно до Карѳагена, то многія изъ учрежденій этого государства дѣйствительно прекрасны. Признакъ хорошаго политическаго устройства Карѳагена [2]) состоитъ въ томъ, что, несмотря на присутствіе въ немъ демократическаго элемента, государство карѳагенское остается неизмѣннымъ въ своемъ политическомъ строѣ; такъ что въ немъ не было никакого возмущенія, о которомъ стоило бы говорить, и не появлялось никакого тиранна. Сходство карѳагенскаго политическаго устройства съ устройствомъ лакедемонскимъ замѣчается, вопервыхъ, въ сосстройствомъ лакедемонскимъ замѣчается, вопервыхъ, въ союзническихъ сисситіяхъ Карѳагенянъ [3]), которыя соотвѣтствуютъ лакедемонскимъ фидитіямъ; потомъ, въ коллегіи ста четырехъ, [4]) соотвѣтствующей лакедемонскому эфорату (съ тѣмъ

1) Полибій, признавая нѣкоторое сходство въ устройствѣ Карѳагена и Лакедемона, отрицаетъ его между Карѳагеномъ и Критомъ. Lib. VI. cap. XLIX. Шлоссеръ Arist. Polit. 1. Abth. стр. 195 удивляется тому сближенію, къ которому Аристотель приводитъ политическое устройство Карѳагена съ политическимъ бытомъ Лакедемона. Существенная разница, по его мнѣнію, между этими государствами состоитъ въ томъ, что Карѳагенъ былъ торговое государство, чего нельзя конечно сказать о Лакедемонѣ. Аристотель, по его мнѣнію, самъ мало зналъ устройство Карѳагена.

2) Σημεῖον δὲ πολιτείας συντεταγμένης. — Геттлингъ полагаетъ, что этими словами Аристотель указываетъ на комбинацію въ политическомъ устройствѣ Карѳагена аристократіи, олигархіи и демократіи. См. Arist. Polit. Exc. III. p. 482.

3) Согласно съ общимъ замѣчаніемъ комментаторовъ, нельзя представлять себѣ карѳагенскихъ сисситій такими же, каковы были сисситіи въ Лакедемонѣ. Семьсотъ тысячъ жителей не могли обѣдать за общими столами, какъ справедливо замѣчаетъ Клугъ (Politia Carthag.) Слѣдуя Геттлингу, должно полагать, что карѳагенскія сисситіи составлялись изъ кружка лицъ, принадлежащихъ къ одной какой-либо политической партіи. (Геттлингъ. Тамъ же Exc III p. 488).

4) По мнѣнію Геттлинга, институтъ этотъ организованъ Карѳагенянами въ то время, когда граждане болѣе богатые потребовали себѣ участія въ правительственной власти. Членамъ этой коллегіи подлежали всѣ судебныя дѣла. Несмотря на то что Аристотель говоритъ далѣе еще о какой-то коллегіи правительственныхъ лицъ, число которыхъ онъ опредѣляетъ во сто, Геттлингъ отожествляетъ эту послѣднюю коллегію съ коллегіею ста четырехъ, на томъ основаніи, что Аристотель, по его мнѣнію, во второй разъ не прибавилъ ко сту четыре; нѣчто подобное, въ самомъ дѣлѣ, встрѣчаемъ

однако преимуществомъ, что, между тѣмъ какъ въ эфоры вы-
бираются всякіе люди, въ коллеггію ста четырехъ избираютъ-
ся лишь люди лучшіе). Что же касается до института царской
власти и герусіи, то карѳагенскіе цари и геронты сходны съ
царями и геронтами лакедемонскими. Но лучшее въ институ-
тѣ царской власти у Карѳагенянъ состоитъ въ томъ, что цар-
ское достоинство не постоянно принадлежитъ у нихъ одному
и тому же роду, притомъ не какому бы то ни было; напро-
тивъ, цари въ Карѳагенѣ назначаются изъ лучшаго рода и ско-
рѣе по выбору, чѣмъ по возрасту [5]). Потому-что, если цари
люди посредственнаго достоинства, то распоряжаясь важны-
ми дѣлами, они обыкновенно причиняютъ государству много
вреда, и дѣйствительно, лакедемонскіе цари причиняли боль-
шой вредъ своему государству. Впрочемъ, во всѣхъ выше-
означенныхъ нами политическихъ устройствахъ, есть очень
много такого, что, какъ уклоненіе отъ правильнаго полити-
ческаго быта, должно бы подлежать осужденію. Что же ка-
сается до тѣхъ учрежденій, которыя по цѣли своей должны

мы у Аристотеля въ изображеніи Республики Платона — именно:
вмѣсто пяти тысячъ сорока воиновъ Платона, о чемъ упомянуто бы-
ло въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ Аристотель опредѣляетъ это чис-
ло просто только какъ пять тысячъ. (См. Геттлингъ тамъ же Exc.
III p. 486).

5) Въ Карѳагенѣ цари назывались суфетами, (судьями). Хотя пря-
мо никто изъ древнихъ не говоритъ о числѣ царей въ Карѳагенѣ,
но судя потому, что Аристотель сопоставляетъ ихъ съ царями ла-
кедемонскими, а Ливій — съ римскими консулами, можно положи-
тельно утверждать, что ихъ было два. Геттлингъ полагаетъ, что вто-
раго царя избрали Карѳагеняне съ учрежденіемъ втораго сената,
что, какъ сказано въ предшествующемъ примѣчаніи, произошло
тогда, когда, съ увеличеніемъ числа богатыхъ, потребовалось допу-
стить ихъ къ участію въ дѣлахъ правленія. Одинъ изъ царей управ-
лялъ внутренними дѣлами государства (rex togatus) а другой внѣш-
ними (rex sagatus); послѣдній не рѣдко избирался полководцемъ во
время войны. Что же касается до совѣта геронтовъ, то Геттлингъ
полагаетъ, что сперва былъ въ Карѳагенѣ одинъ такой совѣтъ, со-
стоящій, какъ кажется, изъ тридцати членовъ. Въ послѣдствіи, съ
учрежденіемъ новаго правительственнаго института изъ ста четы-
рехъ членовъ, за древнимъ совѣтомъ, или такъ-называемаго герусі-
ею, осталось распоряженіе внѣшними дѣлами государства. Изъ двухъ
царей къ этой герусіи принадлежалъ rex sagatus. Внутреннія же дѣла
государства поступили подъ вѣдомство совѣта ста четырехъ, во гла-
вѣ котораго стоялъ rex togatus. См. Геттлингъ. Тамъ же стр. 484—85.

бы удовлетворять даже интересамъ аристократіи и республи-
ки, то въ Карѳагенѣ однѣ изъ нихъ клонятся къ демокра-
тіи, а другія къ олигархіи. Такъ, напримѣръ, если цари и
геронты согласны въ чемъ-либо между собою, то они оди-
наково властны предложить или не предложить это наро-
ду. Если же въ чемъ они не согласны между собою, то въ
рѣшеніи такого дѣла принимаетъ участіе и народъ. Но цари
и геронты, внося что-либо на разсмотрѣніе народа, предла-
гаютъ ему это, не только для выслушанія имъ мнѣнія объ
этомъ его властелиновъ; напротивъ, народъ имѣетъ право
самъ судить о данномъ дѣлѣ, и каждому позволяется возра-
жать противъ внесеннаго предложенія. Такова здѣсь пре-
рогатива народа, которой лишенъ онъ въ другихъ государ-
ствахъ. Олигархическій характеръ государственнаго устрой-
ства Карѳагена проявляется въ томъ, что пентархи, власть
которыхъ простирается на многія и очень важныя дѣла, из-
бираютъ не только сами себя, но и совѣтъ [6]) ста, — эту вели-
чайшую власть въ государствѣ, и такимъ образомъ, они вла-
ствуютъ дольше, чѣмъ другіе правители (потому что вышедши
изъ пентарховъ, они властвуютъ, какъ члены совѣта ста, а
при выходѣ, какъ избиратели своихъ намѣстниковъ [7]); служба
же ихъ безъ жалованья, избраніе не по жребію и проч. — со-
ставляетъ аристократическій признакъ этого института. Такая
же аристократическая черта въ государственномъ устройствѣ
Карѳагена усматривается и въ томъ, что всѣ вообще процессы
подлежатъ въ Карѳагенѣ рѣшенію однихъ и тѣхъ же прави-
тельственныхъ лицъ, а не такъ какъ въ Лакедемонѣ, различ-
наго рода процессы рѣшаютъ различныя лица. Наклонность
карѳагенскаго устройства отъ аристократіи къ олигархіи объ-
ясняется господствующимъ въ Карѳагенѣ взглядомъ на прави-
тельственныя лица — именно: тамъ думаютъ, что выборъ въ

---

6) т. е. ста четырехъ, какъ полагаетъ Геттлингъ.

7) Это одно изъ трудныхъ мѣстъ греческаго текста. Оно читает-
ся такъ: καὶ γὰρ ἐξεληλυθότες ἄρχουσι καὶ μέλλοντες. Шнейдеръ, (тамъ
же) Гюльманъ (Staatsrecht d. Alterthums. стр. 207) читаютъ: μένοντες и
даютъ словамъ Аристотеля совершенно иной смыслъ. Мы слѣдуемъ
чтенію и объясненію этого мѣста Геттлингомъ (тамъ же стр. 486—7).
Переводъ нашъ, кажется, достаточно ясенъ для того, чтобы чита-
тель безъ объясненія могъ понять отношеніе пентарховъ къ совѣту
ста (или ста четырехъ). Власть пентарховъ соотвѣтствовала власти
римскихъ цензоровъ (См. Гюльманъ. Тамъ же стр. 207—8).

правительственныя лица долженъ быть, не только на основанiи личнаго достоинства, но и на основанiи богатства; потому что, по ихъ мнѣнiю, нуждающiйся человѣкъ не можетъ имѣть досуга и не въ состоянiи хорошо исполнять свою правительственную должность. Итакъ, если избранiе по богатству есть избранiе олигархическое, а по личному достоинству — аристократическое, то порядокъ избранiя правительственныхъ лицъ въ Карѳагенѣ составляетъ нѣчто среднее между аристократическимъ и олигархическимъ; потому что въ Карѳагенѣ, особенно при избранiи въ важныя правительственныя должности, какъ-то въ цари и стратеги, имѣютъ въ виду оба эти условiя. Такое уклоненiе карѳагенскаго устройства отъ аристократическаго принципа должно считать ошибкою законодателя. Потому что, какъ на одно изъ самыхъ необходимыхъ условiй, законодатель прежде всего долженъ обращать вниманiе на то, чтобы лучшiе люди, не только правительственные, но и частные, въ состоянiи были вести жизнь досужкую, и чтобы ничто не нарушало ихъ досуга. Конечно, въ интересахъ самаго досуга правительственныхъ лицъ, должно обращать вниманiе и на ихъ внѣшнее благосостоянiе; но въ Карѳагенѣ не хорошо то, что важныя правительственныя должности, какъ напримѣръ должность царя и стратега, суть покупныя должности. Этотъ обычай купли правительственныхъ должностей ставитъ богатство выше личнаго достоинства, и такимъ образомъ всѣ граждане дѣлаются любостяжательными. Потому что, коль скоро правительство придаетъ чему либо значенiе, то такое же мнѣнiе объ этомъ слагается необходимо и у прочихъ гражданъ. А гдѣ личное достоинство не очень цѣнится, тамъ политическое устройство не можетъ быть серiозно аристократическимъ. Издержавшись на власть, правители, купившiе себѣ должности, естественно стараются потомъ наживаться отъ нихъ. Если есть опасность, что бѣдный, но честный человѣкъ захочетъ нажиться отъ своей должности, то нелѣпо думать, что не захочетъ этого дурной человѣкъ, который къ тому же истратился для полученiя своей должности. Поэтому властвовать должны лишь тѣ, которые способны властвовать наилучшимъ образомъ; но во всякомъ случаѣ было бы лучше, если бы законодатель, если онъ не позаботился устранить бѣдность отъ людей честныхъ, позаботился бы по крайней

мѣрѣ объ удобствахъ схолической жизни людей правительственныхъ. Далѣе, дурною стороною карѳагенскаго государственнаго устройства можно, кажется, почитать и то, что одно и тоже лицо занимаетъ тамъ много правительственныхъ должностей, что однако считаютъ въ Карѳагенѣ дѣломъ хорошимъ. Но конечно одинъ человѣкъ наилучшимъ образомъ можетъ исполнить только одно дѣло, и законодатель долженъ заботиться о томъ, чтобы дѣйствительно такъ было, и нетребовать отъ одного и того же и игры на флейтѣ и шитья сапогъ. Если государство не малочисленно, то, согласно съ началами республики и демократiи, слѣдуетъ, чтобы въ правительственныхъ должностяхъ принимало участiе наибольшее число гражданъ. Потому что въ такомъ случаѣ, какъ было замѣчено уже прежде [8]), исполненiе каждой государственной обязанности оказывается дѣломъ болѣе общественнымъ и постольку ведется лучше и скорѣе, поскольку въ каждой изъ нихъ принимаютъ участiе одни и тѣже лица. Такъ это очевидно въ дѣлѣ воинскомъ и морскомъ: тамъ и здѣсь права власти и обязанность подчиненiя проходятъ, можно сказать, чрезъ всѣхъ. Будучи по устройству своему государствомъ олигархическимъ, Карѳагенъ спасается отъ возмущенiй тѣмъ, что время отъ времени высылаетъ изъ себя извѣсную часть народонаселенiя въ покоренные имъ города. Таково лѣкарство, которымъ излѣчивается онъ отъ недуговъ и поддерживаетъ свое политическое устройство. Между тѣмъ это лѣкарство только временное средство, а обязанность законодателя должна состоять въ томъ, чтобы граждане обсолютно не были способны къ возмущенiямъ. Но теперь, если бы вслѣдствiе какого-либо несчастiя большинство подданныхъ возмутилось, то законы страны не дали бы никакой охраны для общественнаго спокойствiя. Итакъ, вотъ въ общихъ чертахъ, политическое устройство Лакедемона, Крита и Карѳагена, — государствъ, которыя, по справедливости, считаются хорошими.

---

8) См. кн. 1 гл. 1.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Изложеніе законодательствъ: Солона, Залевка, Харонда, Ономакрита, Филолая Ѳивскаго, Драконта, Питтака, Андродама.

Многіе изъ писавшихъ о политикѣ вовсе не занимались никакими политическими дѣлами, но всю жизнь свою прожили частными людьми. Что̀ стоило сказать о нихъ, мы сказали уже почти все. Другіе же, будучи законодателями или въ своемъ отечествѣ или у другихъ народовъ, въ то же время и сами принимали участіе въ управленіи государствомъ. Притомъ одни изъ нихъ просто были только законодателями, а другіе также и политиками; таковы, напримѣръ, были Ликургъ и Солонъ: каждый изъ нихъ издалъ законы и далъ своему народу политическое устройство. О лакедемонскомъ политическомъ устройствѣ Ликурга мы уже сказали. Что же касается до Солона, то нѣкоторые [1]) считаютъ его отличнымъ законодателемъ. И дѣйствительно, онъ разрушилъ олигархію, которая стала нестерпима, освободилъ народъ отъ рабства и возстановилъ отечественную демократію, прекрасно скомбинировавъ въ бытѣ Аѳинянъ элементы разныхъ политичнскихъ устройствъ. Такъ, въ совѣтѣ Ареопага можно видѣть элементъ олигархическій; аристократическій элементъ политическаго быта въ Аѳинахъ заключается въ избираемости властей, а Аѳинскіе дикастиріи суть демократическій институтъ. Итакъ Солонъ не разрушилъ, кажется, прежде бывшихъ учрежденій, каковы совѣтъ и выборныя власти, но, допустивъ всѣхъ гражданъ къ участію въ дикастиріяхъ, онъ тѣмъ самымъ возстановилъ демократическій элементъ Аѳинскаго государства. Но нѣкоторые и порицаютъ его за это. Говорятъ, что, усиливъ власть дикастовъ, въ число которыхъ граждане избирались по жребію, Солонъ ослабилъ чрезъ это другія власти въ государствѣ. Такъ какъ дикасты постоянно усиливались, то льстецы, угождая народу, какъ какому-нибудь тиранну, довели политическое устройство Аѳинъ до той степени демократизма, на которой государство это находится въ настоящее время. Такъ Эфіальтъ [2]) ограничилъ совѣтъ Ареопага, что̀ сдѣлалъ также и Периклъ, который сверхъ того назначилъ дикастамъ жалованье; за тѣмъ, по его примѣру, и всѣ прочіе демагоги, увеличивая власть народа, довели такимъ образомъ государственное устройство Аѳинъ до теперешней демократіи. Между тѣмъ это вовсе не лежало, кажется, въ намѣреніи Солона, а скорѣе произошло случайно. Именно народъ Аѳинскій, будучи во время Персидскихъ войнъ виновникомъ могущества Аѳинскаго государства на морѣ, возмечталъ о себѣ и поддержалъ сторону дурныхъ демагоговъ, несмотря на оппозицію противъ нихъ лучшихъ политическихъ мужей того времени. Но самъ Солонъ, очевидно, даровалъ народу только самую необходимую власть, именно: право избирать правителей и требовать отъ нихъ отвѣтственности, потому что безъ этого права народъ былъ бы рабомъ своихъ властей и стоялъ бы къ нимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Но къ правительственнымъ должностямъ Солонъ допустилъ только людей благородныхъ и богатыхъ: пентакосимновъ и зевгитовъ и изъ третьяго класса [3]), извѣстнаго подъ именемъ всадниковъ, а четвертый классъ — классъ ѳетовъ — не принималъ никакого участія въ правительственныхъ должностяхъ [4]).

1) *Σόλωνα δ' ἔνιοι μὲν οἴονται νομοθέτην γενέσθαι σπουδαῖον.* Qnasi aliorum auctoritate, говоритъ Геттлингъ, opus fuisset civi Atheniensi, quum de Solone, ut bono legislatore, loqueretur? Основываясь на этомъ и на многомъ другомъ, Геттлингъ полагаетъ, что вся 9 гл. II кн. Политики не принадлежитъ самому Аристотелю, а написана кѣмъ-нибудь non subactissimi ingenii, какъ выражается Геттлингъ (См. Arist. Polit. стр. 346). Мы же, съ своей стороны, позволяемъ себѣ думать, что настоящая глава Политики Аристотеля есть одно изъ наиболѣе испорченныхъ мѣстъ Политики. Можетъ быть, дѣйствительно, въ теперешнемъ видѣ она написана кѣмъ-нибудь другимъ по памяти, но нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что содержаніе этой главы входило въ составъ плана Политики, задуманнаго самимъ Аристотелемъ.

2) Эфіалтъ демагогъ, внесшій декретъ противъ власти Ареопага въ 461 г. до Р. Хр. былъ убитъ своими врагами. См. Діодоръ II, стр. 59.

3) Солоновы классы исчисляются здѣсь не въ настоящемъ порядкѣ, именно: третій классъ — зевгиты поставленъ здѣсь на мѣстѣ втораго класса — всадниковъ, который занимаетъ здѣсь третье мѣсто. Геттлингъ указываетъ на эту неточность въ исчисленіи классовъ въ подтвержденіе того, что глава эта принадлежитъ не Аристотелю.

4) Такъ какъ Аристотель не разбираетъ здѣсь подробно законодательства Солона, и касается его только въ числѣ другихъ, то мы и не считаемъ нужнымъ дѣлать къ этому отдѣлу болѣе обширныя

Залевкъ былъ законодателемъ у Эпизефирскихъ Локровъ [5]);
а Харондъ Катанейскій — у своихъ согражданъ и въ другихъ
Халкидскихъ городахъ, въ Италіи и Сициліи [6]). Нѣкоторые ста-
раются доказать, что Ономакритъ первый прославился своимъ
законодательствомъ; будучи Локрійцемъ, онъ обучался будто
бы въ Критѣ и оставался тамъ долго, благодаря тому что
былъ искусный прорицатель [7]). Другомъ его, говорятъ, былъ
Θалесъ, а Ликургъ и Залевкъ были будто бы учениками Θа-
леса. Но говорящіе такъ мало обращаютъ вниманія на хро-
нологію. У Θиванцевъ законодателемъ былъ Коринθянинъ
Θилолай. Онъ происходилъ изъ рода Бакхіадовъ [8]) и былъ
любимцемъ Діокла, побѣдителя на олимпійскихъ играхъ. Но
когда Діоклъ [9]), тяготясь любовію матери своей Алкіониды,
оставилъ свой отечественный городъ, то и Θилолай послѣдо-
валъ за нимъ въ Θивы, гдѣ оба они и скончались. Въ Θи-
вахъ еще и теперь показываютъ ихъ могилы, хорошо вид-
ныя другъ отъ друга, но съ коринθской стороны видно толь-
ко одну могилу. Разсказываютъ, что они сами приказали

замѣчанія, тѣмъ болѣе, что, при обиліи спеціальныхъ изслѣдованій
объ этомъ предметѣ, трудно сказать только что-либо, не изложивъ
обстоятельно всѣхъ относящихся сюда вопросовъ.

5) Время жизни Залевка относятъ обыкновенно къ VIII в. до Р. Х.
Эпизефирскіе Локры жили въ средней Италіи и, по происхожденію
своему, родственны съ Опунтійскими Локрами и Корцирянами. См.
Мюллеръ. Dovier II, стр. 227. Гейне Opusc Acad. Vol. II, стр. 9 и 43.
У Діодора (XII, 20 гл.) приведены нѣкоторые законы Залевка каса-
тельно поведенія мущинъ и женщинъ.

6) О Харондѣ см. Полит. кн. I, гл. 1. Діодоръ упоминаетъ о немъ
въ XII кн. 11 гл. и считаетъ его законодателемъ города Туріума,
основаннаго въ 83 Ол. Халкидскіе города, о которыхъ упоминаетъ
Аристотель, вѣроятно суть Калиполисъ, Эвбея, Гимера и др. въ Си-
циліи. См. Платонъ Республ. кн. X.

7) Этого Ономакрата не должно смѣшивать съ Ономакратомъ, о
которомъ говоритъ Геродотъ въ 6 гл. VII кн. Объ Ономакратѣ Ари-
стотеля никто изъ древнихъ, кажется, не упоминаетъ. Хронологиче-
скія показанія относительно Ономакрата, и далѣе — Θалеса и Залев-
ка очень сбивчивы, какъ замѣчаетъ и самъ Аристотель.

8) Мюллеръ (Dorier T. II, стр. 208) относитъ этого Филолая (ко-
тораго, конечно, не должно смѣшивать съ Филолаемъ Пиθагорей-
скимъ) къ 430 г. до Р. Хр. Бакхіады, какъ извѣстно, была царству-
ющая въ Коринθѣ фамилія.

9) Судя по Филолаю, никто конечно несмѣшаетъ этого Діокла съ
Сиракузскимъ.

устроить свои могилы такимъ образомъ: Діоклъ, по нена-
висти своей къ безумной страсти, приказалъ устроить свою
могилу такъ, чтобы Коринθской стороны не было ему видно
и изъ могилы, а Θилолай — такъ, чтобы она видна была ему.
Итакъ, вотъ по какой причинѣ попали они въ Θивы. Зако-
нодателемъ же въ Θивахъ былъ собственно Θилолай. Законы
его между прочимъ касались также усыновленія дѣтей, по-
чему Θиванцы называютъ ихъ законами θетическими [10]).
Собственно же Θилолаемъ было узаконено, что количество
надѣла землею у каждаго должно оставаться неизмѣннымъ.
Въ законодательствѣ Харонда нѣтъ почти ничего, собствен-
но ему принадлежащаго, кромѣ только закона о судѣ надъ
лжесвидѣтелями, (дѣйствительно онъ первый обратилъ на это
вниманіе); по точности своихъ законовъ, Хорондъ стоитъ вы-
ше даже современныхъ намъ законодателей.

Законодателю Фалеасу принадлежитъ собственно законъ о
равенствѣ имущества [11]); а Платону — законъ объ общеніи
женъ, дѣтей и имущества, равно какъ и учрежденіе сисситій для
женщинъ; ему также принадлежитъ законъ о пиршествахъ, по
которому пиршествомъ должны распоряжаться люди трез-
вые [12]); равнымъ образомъ законъ о томъ, чтобы въ воинскихъ
упражненіяхъ обѣ руки были въ дѣлѣ, съ тѣмъ чтобы на войнѣ
ни одна рука не оставалась безъ употребленія, но чтобы поль-
зовались обѣими [13]). Есть еще также законы Драконта, но
они даны имъ уже существующему политическому устрой-
ству. Притомъ изъ того, что въ законодательствѣ его принад-
лежитъ собственно ему, нѣтъ ничего такого, что было бы до-
стойно упоминанія, исключая развѣ только тяжести и жесто-
кости наказанія [14]).

---

10) См. Мюллеръ Dorier II, стр. 200.

11) Нѣкоторые читаютъ: Филолая; Геттлингъ указываетъ на это
мѣсто, какъ на доказательство неподлинности всей 9 главы. Что ка-
сается до равенства имущества, о которомъ говорится здѣсь, какъ
о дѣлѣ Фалеаса, то можно думать, что здѣсь разумѣется законъ о
постоянномъ уравниваніи собственности, чрезъ опредѣленный срокъ
времени.

12) См. Платона 2-ю кн. Законовъ р. 671.

13) См. 7 кн. Законовъ р. 794.

14) Законодательство Драконта, въ Аθинахъ, предшествовавшее
законодательству Солона, кажется Аристотелю очень тягостнымъ,
но конечно оно, какъ замѣчаетъ Гротъ, не было таково для сво-

Питтакъ также былъ только законодателемъ, а не устроителемъ политическаго быта. Законъ, принадлежащій ему, состоитъ въ томъ, что пьяные, если они кого-либо прибьютъ, подвергаются большему наказанію, нежели трезвые. То обстоятельство, что люди наносятъ другимъ обиды болѣе въ пьяномъ видѣ, чѣмъ въ трезвомъ, не заставило Питтака обратить вниманіе свое на то, что къ пьянымъ должно имѣть болѣе снисхожденія; онъ имѣлъ въ виду въ этомъ случаѣ только одну общую пользу [15]). У Халкидянъ, во Фракіи, законодателемъ былъ Андродамъ ригійскій: [16]) законы его касаются вопросовъ о смертоубійствѣ и о наслѣдствѣ по женской линіи. Но изъ нихъ нельзя указать ни на одинъ, который бы принадлежалъ собственно ему. Итакъ, вотъ нашъ взглядъ на разныя политическія устройства, какъ тѣ, которыя существуютъ въ дѣйствительности, такъ и тѣ, которыя были кѣмъ-либо высказаны въ видѣ проэктовъ.

его времени. Существенное въ законодательствѣ Драконта есть учрежденіе судилища, состоявшаго изъ 51 члена судей, называвшихся эфетами и засѣдавшихъ для суда надъ смертоубійствами въ трехъ разныхъ мѣстахъ. Это судилище было болѣе мягкаго характера, чѣмъ прежнее судилище Ареопага. (См. Греція до персидскихъ войнъ г. Леонтьева стр. 117).

15) Питтакъ, современникъ Солона и Креза. Аристотель упоминаетъ о немъ еще въ III кн. 9 гл. Полит. О законѣ его касательно пьяныхъ упоминается также у Платона и Плутарха.

16) Шлоссеръ полагаетъ, что здѣсь должно разумѣть Халкидянъ, жившихъ на Стримонѣ, а не въ Эвбеѣ. Въ отличіе отъ Халкидянъ эвбейскихъ и сицилійскихъ, они, по мнѣнію Шлоссера, во время Аристотеля, могли называться Χαλκιδεῖς ἐπὶ Θράκης. См. Шлоссера Arist. Polit. 1. Abtheil. стр. 215. О самомъ же Андродамѣ изъ исторіи неизвѣстно ничего.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Государство и гражданинъ. Условія гражданственности лицъ. Отличительный характеръ гражданина — право суда и совѣщаній о дѣлахъ государства. Недостаточность популярнаго опредѣленія гражданина. Вопросъ о тожествѣ и нетожествѣ государства, по отношенію къ его мѣстности и къ людямъ, его населяющимъ. Государство мѣняется съ измѣненіемъ его плоитическаго устройства.

При разсмотрѣніи особенностей и свойствъ разныхъ формъ политическаго устройства, вниманіе изслѣдователя главнымъ образомъ должно быть обращено вообще па государство; что такое государство — вотъ вопросъ, который прежде всего долженъ онъ рѣшить въ этомъ случаѣ. Потому что въ теперешнемъ понятіи о государствѣ, очевидно, есть разногласіе. Такъ, объ одномъ и томъ же актѣ одни говорятъ, что онъ актъ государства, другіе же, напротивъ, признаютъ его актомъ только меньшинства, стоящаго во главѣ государства, или даже актомъ одного тиранна. Дѣятельность лица государственнаго и законодателя конечно направлена на цѣлое государство, и политическое устройство государства, въ свою очередь, есть не что иное, какъ порядокъ общественной жизни всѣхъ людей, населяющихъ его предѣлы [1]); но такъ какъ государство есть нѣчто сложное и слѣдовательно, какъ все сложное, состоитъ изъ многихъ частей, то очевидно, что для опре-

---

1) Здѣсь Аристотель принимаетъ государство въ болѣе широкомъ смыслѣ — съ точки зрѣнія всѣхъ, входящихъ въ него частей, а не однихъ только членовъ, его составляющихъ. Различіе государства съ той и другой стороны смотр. ниже кн. IV. гл. 4 и 7.

дѣленія понятія о государствѣ должно напередъ выяснить понятіе о гражданинѣ [2]): потому что государство есть нечто иное, какъ масса гражданъ. Итакъ, кого должно называть гражданиномъ и кто собственно гражданинъ — вотъ вопросъ, который предлежитъ теперь нашему изслѣдованію. И на гражданина, какъ на государство, есть разныя воззрѣнія, такъ что одного и того же человѣка не всѣ признаютъ гражданиномъ. Кто гражданинъ въ демократическомъ государствѣ, тотъ часто не считается за гражданина въ олигархическомъ.

Изъ числа гражданъ, прежде всего, должно исключить тѣхъ, которые какъ нибудь случайно пріобрѣли себѣ это имя, таковы, напримѣръ, лица, сдѣланныя гражданами [3]). Мѣсто жительства также не дѣлаетъ никого гражданиномъ; потому что и метёки [4]) и рабы, по мѣсту жительства, соприкасаются съ

---

2) Хотя, по общему взгляду Аристотеля на государство, какъ изложили мы его во введеніи, не слѣдуетъ, что понятіе о государствѣ должно быть выведено изъ понятія о гражданинѣ; но очевидно, что въ настоящемъ случаѣ Аристотель не имѣетъ въ виду выяснять метафическую натуру государства, но старается дать лишь практическое опредѣленіе этой формы быта. Впрочемъ см. Шлоссеръ: Arist. Politik. Erst. Abth. стр. 218.

3) Τοὺς ποιητοὺς πολίτας — такъ назывались въ Аѳинахъ лица, принятыя въ число гражданъ, въ отличіе отъ гражданъ по рожденію. Демосѳенъ называетъ ихъ τῇ ποιήσει πολίτας. См. Περὶ ἀτελείας πρὸς Λεπτίνην. p. 465.

4) Въ объясненіи слова метёки существуетъ разногласіе. Одни (Сентъ-Круа, Германъ, Бёкъ и мног. другіе) утверждаютъ, что метёки въ Аттикѣ были люди, поселившіеся на житье въ чуждомъ государствѣ и пользовавшіеся покровительствомъ его законовъ, но устраненные отъ гражданскихъ званій. По словамъ Ксенофента, (de Rep. Ath. 1. 12) метёки занимались большею частію торговыми промыслами, но не были богаты, исключая очень не многихъ (см. Бекъ Staatshaushaltung d. Athener 2. стр. 76.) Поземельной собственности они не имѣли, потому и не считались полными гражданами. Но такъ какъ они пользовались охраною законовъ, то платили каждогодно прямую подать въ 12 драхмъ; въ чрезвычайныхъ налогахъ они были сравнены съ истинными гражданами; точно также наравнѣ съ ними они несли и военную службу. Число метёковъ въ Аѳинахъ иногда было очень велико; такъ въ 309 году до Р. Хр. ихъ было тамъ до-10,000 взрослыхъ мущинъ (см. Бекъ Ibid 1. стр. 75 — 79 2. стр. 353 и слѣд. Вахсмутъ. Hellenische Alterthumskunde II. I. стр. 137 — 8. Германъ Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer § 115) Но по другому объясненію, предложенному г. Куторгою (О дарованіи гражданскаго званія метёкамъ. Пропилеи Т.

истинными гражданами. Равнымъ образомъ и тѣ не граждане, которымъ доступны только общія права гражданъ — право отвѣтчика и истца, потому что это доступно и тѣмъ, которые живутъ обществомъ въ силу какаго либо договора; впрочемъ должно замѣтить, что во многихъ мѣстахъ и этими правами метёки пользуются не сами по себѣ, но не иначе, какъ ввѣривъ себя покровительству какого либо простата. Слѣдовательно въ гражданскомъ быту метёки принимаютъ не полное участіе. Точно также о дѣтяхъ, которые, по возрасту своему, еще не вписаны [5]) въ число гражданъ и о старцахъ,

---

III.), къ которому клонится также мнѣніе Грота и Гюльмана — подъ метёками прежде всего должно разумѣть свободныхъ владѣльцевъ не большихъ участковъ въ отечественной странѣ, которые отдѣлились отъ слободы — κώμη, — передались, со всѣмъ своимъ имуществомъ, другому лицу (простату) и поступили въ число людей его (стр. 182). Не имѣя поземельной собственности, они не считались гражданами. Въ такомъ смыслѣ говоритъ здѣсь о нихъ и Аристотель, т. е. какъ о людяхъ, которые хотя живутъ и на одной землѣ, вмѣстѣ съ настоящими гражданами, но, не владѣя ею сами, какъ и рабы, не суть граждане. Не будучи рабами по происхожденію, метёки, какъ люди, вполнѣ зависящіе отъ своего простата (патрона), были рабами по положенію своему въ обществѣ. Этихъ рабовъ метёковъ, по мнѣнію г. Куторги, должно отличать отъ метёковъ иностранцевъ ξένοι μέτοικοι, которые, будучи также лишены права поземельной собственности, не считались гражданами. Итакъ г. Куторга, вопреки господствовавшему до него взгляду, признаетъ два рода метёковъ: δούλους и ξένους: первые — домашніе метёки, рабы въ отношеніи къ своему простату, вторые — иностранцы метёки. Но спрашивается: приравнивались ли метёки — иностранцы, по положенію своему, къ положенію рабовъ, какъ метёки туземные? На это г. Куторга ничего не говоритъ. Но Демосѳенъ отвѣчаетъ, на этотъ вопросъ утвердительно, говоря, что метёки, не платящіе подати, покупались, какъ рабы (Demosth. adv. Aristogon. 1. p. 787). Будемъ ли такимъ образомъ разумѣть подъ метёками только иностранцевъ или и туземцевъ — во всякомъ случаѣ не сомнѣнно, что они стояли въ пассивномъ отношеніи къ государству и въ извѣстныхъ случаяхъ трактовались, какъ рабы. Отъ того Аристотель говоритъ здѣсь о нихъ на ряду съ рабами, а ниже въ этой же главѣ называетъ ихъ даже δούλους μετοίκους.

5) Каждый сынъ аѳинскаго гражданина, съ наступленіемъ юношескаго возраста, вступалъ въ общественную жизнь подъ именемъ эфеба (возрастъ эфеба отъ 16 до 18 лѣтъ); слѣдующіе за тѣмъ два года посвящались развитію силъ будущаго гражданина. По прошествіи этого времени, юноши получали въ народномъ собраніи щитъ и копье и приносили клятву къ защитѣ своего отечества. Послѣ этого, въ продолженіе одного или двухъ лѣтъ, юноши, подъ именемъ

которые уже исключены изъ него, хотя можно конечно сказать, что они граждане, но не абсолютно, именно: объ однихъ — что они не взрослые, а о другихъ — что они устарѣли, или что нибудь такое; въ этомъ нѣтъ большой разницы, лишь бы было понятно въ чемъ дѣло. Мы же ищемъ просто гражданина, безъ всякихъ ограниченій. А касательно гражданскаго достоинства людей, заклейменныхъ безчестіемъ и изгнанныхъ изъ государства, слѣдуетъ разсуждать точно также, какъ рѣшенъ нами этотъ вопросъ относительно дѣтей и старцевъ. Но абсолютное понятіе гражданина ни чѣмъ инымъ не можетъ быть опредѣлено, какъ тѣмъ, что гражданинъ участвуетъ въ судѣ и управленіи; при чемъ — нѣкоторыя институты власти ограничиваются извѣстнымъ срокомъ, т. е. нѣкоторыя правительственныя должности одинъ и тотъ же гражданинъ не можетъ занимать дважды, или не иначе, какъ чрезъ извѣстное время; а другія не ограничены въ этомъ отношеніи; такова, напримѣръ, власть дикаста и члена экклезіи. Между тѣмъ, пожалуй, скажутъ, что дикасты и члены экклезіи не суть властители и что они не участвуютъ въ управленіи государствомъ. Но не смѣшно ли людей, на самомъ дѣлѣ столь могущественныхъ, считать не имѣющими власти? Тѣмъ болѣе замѣчаніе это невѣрно потому, что въ немъ все дѣло касается только имени, такъ какъ въ рѣчи у насъ нѣтъ слова, которое бы обозначало вообще власть дикаста и члена народнаго собранія. Поэтому пусть, въ отличіе отъ другихъ родовъ власти, власть ихъ будетъ неопредѣленная [6]). Гражданиномъ же во всякомъ случаѣ мы признаемъ лишь того, кто принимаетъ участіе въ судѣ и въ народномъ собраніи. Такое опредѣленіе гражданина наиболѣе прилично всѣмъ тѣмъ, которые называются обыкновенно этимъ именемъ. Между тѣмъ не должно упускать изъ виду того, что

περίπολοι, несли на себѣ обязанность военной службы, а потомъ, записанные въ книгу — *ληξιαρχικὸν γραμματεῖον* — становились полными гражданами, имѣющими право говорить въ народномъ собраніи и участвовать въ судѣ — *συνεκκλησιάζειν καὶ δικάζειν* (см. Вахмутъ. Ibid I. 1. стр. 252 — 3. Германъ Ibid. § 123).

6) Ἔστω δὴ διορισμοῦ χάριν ἀόριστος ἀρχή. Здѣсь слово «ἀόριστος» мы принимаемъ не просто въ смыслѣ власти неограниченной временемъ, но и въ смыслѣ неопредѣленной т. е. *не спеціальной*, каковы всѣ другія власти.

предметы, которые хотя и подлежатъ одному и тому же понятію, но по виду такъ различаются одинъ отъ другаго, что одинъ изъ нихъ первый, другой — второй и т. д., что такіе предметы или совершенно не имѣютъ между собою ничего общаго [7]), или если имѣютъ, то весьма мало. Такъ мы видимъ, что формы государственнаго устройства, по виду своему, такъ различаются одна отъ другой, что однѣ изъ нихъ — вторыя, а другія — первыя, именно тѣ формы государственнаго устройства, которыя не свободны отъ многихъ недостатковъ и уклоняются отъ основныхъ требованій государственнаго быта, суть вторыя относительно тѣхъ, въ которыхъ нѣтъ подобныхъ недостатковъ. (Послѣ будетъ ясно [8]), какія формы государственнаго устройства мы называемъ уклоняющимися отъ основныхъ требованій государственнаго быта.) Отсюда очевидно, что въ каждомъ политическомъ устройствѣ гражданинъ не одинъ и тотъ же. Тотъ гражданинъ, о которомъ сказано выше, по преимуществу есть гражданинъ демократическаго государства. Это не значитъ впрочемъ, что гражданинъ государства съ другимъ политическимъ устройствомъ не можетъ быть такимъ же, но только то, что, при другомъ политическомъ устройствѣ, гражданинъ не необходимо таковъ, потому что въ нѣкоторыхъ государствахъ народъ не составляетъ самостоятельнаго элемента въ государствѣ; поэтому тамъ нѣтъ, собственно такъ называемой, экклезіи, а существуютъ собранія, состоящія изъ отборныхъ членовъ [9]). Притомъ раз-

---

7) Нельзя не замѣтить, что это положеніе логически не совсѣмъ вѣрно и грѣшитъ противъ правила: dictum de omni et de nullo см. *Αναλυτ. πρότ.* I. 1. (Впрочемъ см. примѣчаніе С.-Илера къ этому мѣсту стр. 126).

8) См. гл. 5 этой же кн.

9) Рѣчь идетъ о Спартѣ. Аристотель, по замѣчанію Германа (Antiquit. Laconicar стр. 123—144) *δῆμον* противополагаетъ не Спартанцамъ вообще, а равнымъ (*ὅμοιοι*), которыми, по замѣчанію Ксенофонта, назывались (De Rep. Lacon. X. 7) въ Спартѣ люди, выдержанные строго въ школѣ національнаго спартанскаго воспитанія (см. выше кн. II. гл. 6 примѣч. 18). Въ противоположность этимъ равнымъ, былъ въ Спартѣ *δῆμος*, о которомъ Аристотель и говоритъ здѣсь, что онъ не составляетъ собою самостоятельнаго элемента въ государствѣ. Этотъ *демосъ* не то же, что аѳинскій *демосъ*. Recte enim observatum est, говоритъ Германъ (ibid стр. 124) eundem locum, quem apud Athenienses universum populum, apud Dorienses urbanam plebem tenere. И между тѣмъ какъ въ Аѳинахъ демосъ составлялъ собою

личные судебные процессы рѣшаются тамъ различными людьми; такъ, напримѣръ, въ Лакедемонѣ гражданскіе иски разбираютъ обыкновенно эфоры, притомъ разные иски подлежатъ не однимъ и тѣмъ же эфорамъ; а геронты рѣшаютъ дѣла уголовныя; другія же дѣла подлежатъ обсужденію другихъ правительственныхъ лицъ; а въ Карѳагенѣ всѣ судебныя дѣла подлежатъ рѣшенію извѣстныхъ правительственныхъ лицъ. Такимъ образомъ предложенное нами выше опредѣленіе гражданина допускаетъ нѣкоторое измѣненіе, основанное на томъ, что въ другихъ государствахъ (т. е. кромѣ демократіи) дикастъ и членъ экклезіи не суть лица, облеченныя неопредѣленною [10]) властію; напротивъ, каждый изъ нихъ, по отношенію къ своей власти, поставленъ тамъ достаточно опредѣленно. Право давать совѣты и произносить судебные приговоры бываетъ доступно или всѣмъ, или только нѣкоторымъ, притомъ или во всѣхъ дѣлахъ, или только въ нѣкоторыхъ.

Итакъ изъ всего сказаннаго ясно, кто истинный гражданинъ. Кому доступна власть совѣщательная и судебная, тотъ и гражданинъ. А государство есть масса такихъ гражданъ, — масса, которая, говоря коротко, довлѣетъ себѣ для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ своей жизни. [11]) Но въ житейскомъ быту гражданиномъ называется тотъ, кто не только съ одной какой-нибудь стороны, напримѣръ, со стороны отца или матери, а съ обѣихъ происходитъ отъ гражданъ; нѣкоторые же идутъ въ этомъ еще дальше — до дѣдовъ, пра-

---

экклезію, въ Спартѣ народное собраніе составляли люди отборные — ἔκκλητοι, которые, можетъ быть, были не тоже, что вообще равные, какъ думаетъ Германъ, но несомнѣнно выборные изъ равныхъ, а не изъ демоса. Такъ, въ глазахъ Аристотеля, отличается аѳинская экклезія отъ спартанскаго собранія, состоящаго изъ экклитовъ; это собраніе отборныхъ членовъ Ксенофонтъ называетъ μικρὰ ἐκκλησία (Hellen. III. 5, 8), въ отличіе отъ большой экклезіи, которая называлась ἁλία, но мало-по-малу вышла изъ употребленія.

10) Изъ предъидущаго видно, что здѣсь ἀόριστος ἄρχων должно понять, какъ власть неопредѣленную, какъ въ отношеніи къ своему содержанію, такъ и въ отношеніи къ лицамъ, которымъ она принадлежитъ.

11) Сообразно съ общимъ въ древнемъ мірѣ опредѣленіемъ истиннаго гражданина, какъ поземельнаго собственника, можно думать, что Аристотель также имѣетъ здѣсь въ виду доходы съ поземельной собственности, какъ непремѣнное условіе πρὸς αὐτάρκειαν ζωῆς.

дѣдовъ, пра-прадѣдовъ и болѣе. [12]) При такомъ, хотя попу-
лярномъ, но тѣмъ не менѣе поверхностномъ опредѣленіи граж-
данина, нѣкоторые затрудняются тѣмъ, какимъ образомъ пра-
дѣдъ или пра-прадѣтъ могутъ быть гражданами. Горгій Леон-
тійскій [13]) частію, можетъ быть, и самъ понимая это затруд
неніе, частію иронизируя такое опредѣленіе гражданина,
говоритъ: какъ горшки сдѣланы горшечниками, такъ и Ла-
риссы диміургами, — какъ будто есть какіе-нибудь Лариссей-
щики. Но дѣло просто: если чьи-либо предки пользовались
тѣми гражданскими правами, на которыя указали мы выше,
то они были гражданами, потому что происхожденія отъ
гражданина или отъ гражданки, какъ условія гражданствен-
ности, нельзя требовать отъ тѣхъ, которые впервые населили,
или основали какое-нибудь государство. Гораздо болѣе за-
трудненія по вопросу о гражданственности представляютъ тѣ,
которые пріобрѣли права гражданства, вслѣдствіе государ-
ственнаго переворота; такъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ поступилъ
Клисѳенъ [14]) по изгнаніи тирановъ: онъ ввелъ въ филы чу-
жестранцевъ и рабовъ — метёковъ. Но спорный пунктъ въ
этомъ случаѣ состоитъ уже не въ томъ, гражданинъ ли кто,
но въ томъ, справедливо ли, или несправедливо пользуется
кто-либо правомъ гражданства. Между тѣмъ въ этомъ случаѣ

---

12) Таково различіе въ опредѣленіи гражданина по его свойству,
какъ внутреннее его опредѣленіе, и по внѣшнему признаку, котора-
го, какъ бы мимоходомъ, касается Аристотель.

13) Горгій Леонтійскій софистъ, современникъ Перикла. Одинъ
изъ діалоговъ Платона носитъ его имя.

14) Аристотель употребляетъ здѣсь выраженіе ἐπολίτευσε — кото-
рое значитъ тоже, что даровать гражданство; ибо уже въ до-исто-
рическія времена граждане Аттики дѣлились на филы, такъ что быть
гражданиномъ нельзя было иначе, какъ будучи филетомъ. Филы, какъ
форма общественнаго быта, были естественнымъ развѣтленіемъ ро-
да; средняя между ними форма была фратрія. У Римлянъ триба, ку-
рія и родъ. Законодательство Солона не коснулось этого дѣленія
гражданъ на филетовъ. Какъ до него, такъ и послѣ него граждане
дѣлились на 4 филы. Но Клисоенъ (508 года до Рож. Хр.), желая
даровать право гражданства многимъ не филетамъ, ввелъ въ филы
метёковъ и чужестранцевъ, которые доселѣ были только приписаны
къ государству, раздѣливъ всѣхъ гражданъ на 10 филъ вмѣсто преж-
нихъ 4-хъ (см. Пропилеи Т. III. Греція до персидскихъ войнъ, г.
Леонтьева отъ стр. 93 и далѣе. «О законодательствѣ Алкмеонида
Клисѳена» г. Куторги стр. 148—149).

можно разсуждать такъ, что, если кто пользуется правомъ гражданства несправедливо, тотъ и не гражданинъ, такъ какъ несправедливость есть понятіе равносильное подлогу. Но такъ какъ и несправедливыхъ правителей мы все-таки считаемъ за правителей, хотя и не справедливыхъ, то и тѣхъ, которые несправедливо пользуются правомъ гражданства, очевидно, слѣдуетъ признать гражданами, потому что гражданинъ опредѣляется также какъ человѣкъ, пользующійся извѣстною властію, (такъ что достаточно имѣть эту власть, для того чтобы быть гражданиномъ), а вопросъ о справедливости или несправедливости ихъ права на гражданство совпадаетъ съ тѣмъ вопросомъ, на который указали мы выше, говоря, что во многихъ случаяхъ трудно сказать — какой актъ государства, и какой не государства; такъ хоть, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда изъ олигархіи или тиранніи государство становится демократіею. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые отказываются отъ выполненія прежде заключенныхъ торговыхъ договоровъ и другихъ подобныхъ обязательствъ, ссылаясь на то, что не государство, а тираннъ получалъ прежде отъ нихъ выгоду; такъ какъ дѣйствительно, нѣкоторыя изъ государственныхъ учрежденій держатся только на силѣ, а не потому что доставляютъ общую пользу. Между тѣмъ, если демократія образовалась гдѣ-либо хоть и такимъ образомъ (т. е. вслѣдствіе политическаго переворота), то этому государству одинаково принадлежатъ акты изъ прежняго времени олигархіи и тиранніи, какъ принадлежатъ ему акты новаго политическаго устройства (демократическаго).

Но собственный смыслъ настоящаго вопроса состоитъ, кажется, въ слѣдующемъ: въ какомъ случаѣ слѣдуетъ говорить о государствѣ, что оно тоже самое. и въ какомъ — что оно не то же самое, а другое? Самымъ поверхностнымъ образомъ вопросъ этотъ рѣшается по отношенію къ мѣсту государства и къ людямъ, его населяющимъ — говорю поверхностнымъ, потому что люди, населяющіе государство, могутъ быть вовсе не связаны мѣстомъ, напротивъ, одни изъ нихъ могутъ жить на одномъ мѣстѣ, другіе на другомъ. Итакъ въ этомъ отношеніи, предложенный выше вопросъ оказывается наименѣе труднымъ, тѣмъ болѣе, что разрѣшенію его способствуетъ разнообразное значеніе самого понятія государства. Равнымъ образомъ можно также спросить: когда люди, живущіе на

одномъ мѣстѣ, составляютъ изъ себя одно государство? Потому что не стѣны же, конечно, опредѣляютъ государство; ибо въ такомъ случаѣ, пожалуй, весь Пелопонессъ пришлось бы обнести стѣною. Таковъ Вавилонъ и всякое другое государство, которое по объему своему представляетъ собою скорѣе область цѣлой націи, чѣмъ государство. О Вавилонѣ, напримѣръ, говорятъ что на третій день послѣ взятія его непріятелемъ нѣкоторая часть его еще не знала объ этомъ [15]). Впрочемъ вопросъ этотъ мы будемъ имѣть случай обстоятельнѣе разсмотрѣть въ другой разъ. [16])

Между тѣмъ политику не слѣдуетъ упускать изъ виду того, какъ велико должно быть государство и что лучше — когда состоитъ оно изъ одного народа, или когда слагается изъ многихъ. Но пусть на одномъ и томъ же мѣстѣ живутъ одни и тѣ же люди: — и тогда, спрашивается, должно ли говорить, что государство, которое составляютъ эти люди, также одно и тоже, какъ продолжается одинъ и тотъ же родъ людей, не смотря на то что индивидумы рода умираютъ и вновь нарождаются, — и говорить это въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно говорятъ о рѣкахъ и источникахъ, что они одни и тѣже, не смотря на то что волна за волной въ нихъ постоянно прибываетъ и убываетъ? Или на этомъ основаніи, напротивъ, только гражданъ должно считать одними и тѣми же, а государство слѣдуетъ признавать уже другимъ? Если государство есть форма общежитія гражданъ, пользующихся извѣстнымъ политическимъ устройствомъ, то, поелику это политическое устройство можетъ быть другимъ и измѣниться въ своемъ видѣ—и самое государство не всегда, кажется, должно быть однимъ и тѣмъ же; такъ мы различаемъ хоръ трагическій и хоръ комическій, хотя люди, ихъ составляющіе, одни и тѣ же. Подобнымъ образомъ мы различаемъ всякое иное общеніе, всякую иную связь—постольку, поскольку различна ихъ форма; такъ, напримѣръ, гармонію звуковъ мы различаемъ съ одной стороны, какъ гармонію дорическую, а съ другой какъ фригійскую, не смотря на то что самые звуки тамъ и здѣсь остаются одни и тѣ же. Если такъ, то очевидно, что только

15) Здѣсь дѣло идетъ, кажется, о взятіи Вавилона Киромъ, а не Александромъ (см, отъ Геродотъ. Lib 1 cap. 191).

16) Смотр. кн. IV гл. 4.

при цѣлости политическаго устройства въ государствѣ должно говорить о немъ, что оно одно и тоже. Что же касается до имени, то называть государство можно или другимъ именемъ, или однимъ и тѣмъ же, не обращая вниманія на то, одни ли и тѣже люди его населяющіе, или уже совсѣмъ другіе. Но справедливо ли требовать, чтобы, и при перемѣнѣ одного политическаго быта въ государствѣ на другой, прежнія обязательства были исполнены, или можно ихъ и не исполнять— это уже другой вопросъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Добродѣтель человѣка и гражданина не одна и таже. Добродѣтель гражданина всегда опредѣляется съ точки зрѣнія даннаго политическаго устройства; только въ лицѣ правителя гражданская добродѣтель совпадаетъ съ добродѣтелью человѣка. Хорошій гражданинъ опредѣляется какъ субъектъ, способный и властвовать и подчиняться власти.

Въ слѣдъ за тѣмъ, что сказано доселѣ, разсмотрѣнію нашему подлежитъ теперь такой вопросъ: тожественна ли добродѣтель хорошаго человѣка съ добродѣтелью хорошаго гражданина, или онѣ различны? Для рѣшенія этого вопроса, понятіе добродѣтели гражданина должно опредѣлить нѣкоторыми типическими чертами. Какъ матросъ на кораблѣ есть членъ цѣлаго корабельнаго общества, такъ точно и гражданинъ въ государствѣ. Далѣе, матросы, по своему значенію, не одинаковы между собою въ общемъ дѣлѣ: (такъ одинъ изъ нихъ гребецъ, другой кормчій, третій помощникъ кормчаго, а тотъ носитъ другое какое-нибудь имя). Ясно такимъ образомъ, что точнѣйшее опредѣленіе добродѣтели каждаго изъ нихъ должно быть сообразно съ личною задачей каждаго, но въ тоже время для всѣхъ ихъ должно быть и нѣкоторое общее опредѣленіе, сообразное съ ихъ общею задачей, которая есть благополучіе плаванія. Подобнымъ образомъ, какъ бы ни были не одинаковы между собою граждане, цѣлость той формы общежитія, которою они пользуются, составляетъ общее ихъ дѣло, а та или другая форма политическаго устройства и есть форма ихъ

общежитія. Поэтому добродѣтель гражданина должна быть опредѣляема по отношенію къ данному политическому устройству [1]).

А такъ какъ есть много видовъ политическаго устройства, то ясно, что совершенная добродѣтель хорошаго гражданина не можетъ быть только одна, между тѣмъ какъ хорошаго человѣка мы опредѣляемъ обыкновенно абсолютно, съ точки зрѣнія общей совершенной добродѣтели. Такимъ образомъ очевидно, что хорошій гражданинъ можетъ и не обладать тою добродѣтелью, которая необходима для того, чтобы быть совершеннымъ человѣкомъ. Къ тому же самому заключенію можно придти и другимъ путемъ, разсуждая объ этомъ вопросѣ съ точки зрѣнія наилучшаго политическаго устройства. Невозможно, чтобы всѣ граждане въ государствѣ были одинаково хороши; напротивъ, требуется только, чтобы каждый хорошо исполнялъ свое дѣло, что конечно невозможно безъ нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ съ его стороны; но если всѣ граждане не могутъ быть безразличны въ своихъ нравственныхъ качествахъ, то добродѣтель хорошаго гражданина и добродѣтель хорошаго человѣка, очевидно, не одна. Качество хорошаго гражданина должно принадлежать всѣмъ (потому что только при этомъ условіи государство можетъ быть наилучшимъ); но нельзя требовать, чтобы качества хорошихъ людей были принадлежностію всѣхъ гражданъ; такъ какъ для хорошаго государства нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы его составляли люди непремѣнно нравственно совершенные. Далѣе, государство слагается изъ неподобныхъ. Какъ въ составъ живаго существа входитъ душа и тѣло, въ составъ души — разумъ и пожеланія, въ составъ семьи — мужъ и жена, или какъ въ составъ понятія объ имуществѣ входятъ понятія о господинѣ и рабѣ; также точно и государство, состоя изъ всего этого, кромѣ того слагается еще и изъ другихъ не подобныхъ составныхъ частей: вслѣдствіе чего гражданская добродѣтель необходимо должна быть не одна для всѣхъ гражданъ: такъ виртуозность корифея не одинакова съ виртуозностью другаго кого бы то ни было изъ хора. Итакъ изъ всего сказаннаго ясно, что добродѣтель гражданина и чело-

---

1) Вотъ точка взгляда, съ которой Аристотель трактуетъ вопросъ о тожествѣ и различіи добродѣтели гражданина и человѣка.

вѣка абсолютно не одна и таже. Но нѣтъ ли кого нибудь такого, въ комъ добродѣтель хорошаго гражданина совпадала бы съ добродѣтелью хорошаго человѣка? Утверждаемъ же мы, что хорошій правитель есть человѣкъ нравственный и умный, а государственный человѣкъ необходимо долженъ быть уменъ; поэтому нѣкоторые требуютъ даже особеннаго воспитанія для того, кто долженъ быть правителемъ. Такъ мы дѣйствительно видимъ, что сыновья царей упражняются въ верховой ѣздѣ и въ воинскомъ искусствѣ; и Эврипидъ говоритъ: «не учите меня пышностямъ, но тому, въ чемъ нуждается государство» [2]), давая тѣмъ знать, что для правителя есть нѣкоторое особенное воспитаніе. Но если добродѣтель хорошаго правителя и добродѣтель хорошаго человѣка одна и таже, то о гражданинѣ абсолютно все-таки нельзя сказать, что его добродѣтель тожественна съ добродѣтелью человѣка, потому что и подчиненный власти также гражданинъ; поэтому должно сказать, что добродѣтель только извѣстнаго гражданина совпадаетъ съ добродѣтелью человѣка, потому что добродѣтель правителя и вообще гражданина не одна и таже; потому Язонъ [3]) говоритъ, что онъ дотолѣ будетъ алкать, пока не будетъ господствовать, давая тѣмъ знать, что онъ какъ бы не умѣетъ быть частнымъ человѣкомъ. Между тѣмъ обыкновенно хвалятъ [4]) того, кто въ состояніи и властвовать и подчиняться, такъ что добродѣтель настоящаго гражданина опредѣляется не иначе какъ тѣмъ, что онъ также хорошо умѣетъ властвовать, какъ и подчиняться. Итакъ добродѣтель хорошаго человѣка мы находимъ въ гражданинѣ въ умѣньи его властвовать, а собственную добродѣтель гражданина, какъ въ способности властвовать, такъ равно и въ способности повиноватися; но та и другая способность не могутъ быть оцѣ-

2) Фрагментъ изъ Эврипитова «Эола» находится у Стобея (Florilegium 45). Аристотель взялъ лишь нѣсколько словъ изъ слѣдующаго двустишія:

Μή μοι τὰ κόμψα ποικίλοι γενοίατο,
'Αλλ' ὧν πόλει δεῖ, μεγάλα βουλεύοντες εὖ.

Въ переводѣ мы старались удержать только смыслъ антитезы этого двустишія.

3) Язонъ Фессалійскій, о которомъ Аристотель упоминаетъ еще въ Rhetor. 1, 12. См. также Цицеронъ. De officiis 1, 30.

4) Аристотель вѣроятно имѣлъ здѣсь въ виду Платона и Пиѳагорейцевъ.

ны въ одинаковомъ смыслѣ — именно: если привитель и подчиненный, взятые каждый въ отдѣльности, должны развивать въ себѣ не одну и туже добродѣтель, то гражданину слѣдуетъ воспитывать себя и въ той и другой добродѣтели и въ обѣихъ ихъ принимать участіе; все это легко можетъ быть понято изъ слѣдующихъ соображеній [5]).

Какъ отдѣльный видъ власти, существуетъ власть господская; подъ именемъ ея мы разумѣемъ власть, которая простирается на предметы необходимые въ жизни. Тому, кому принадлежитъ эта власть, нѣтъ необходимости самому дѣлать все то, надъ чѣмъ онъ властвуетъ; ему нужно, напротивъ, умѣть лишь пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ распоряжается; а остальное ужь дѣло рабовъ: — ихъ дѣло умѣть выполнять разныя служебныя обязанности. Есть нѣсколько видовъ рабовъ, такъ какъ и нѣсколько видовъ тѣхъ обязанностей, которыя ими выполняются. Такъ одинъ видъ рабовъ составляютъ рабы — херниты; таковы всѣ тѣ, которые, какъ самое имя ихъ показываетъ, живутъ трудами рукъ своихъ; къ нимъ относятся также и всѣ простые ремесленники. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ древнія времена, пока демократическій элементъ не развился еще до крайнихъ своихъ предѣловъ, рабочіе люди не были допускаемы ни къ одной правительственной должности. Знать обязанности такихъ подчиненныхъ нѣтъ надобности ни для хорошаго государственнаго человѣка, ни для хорошаго гражданина, развѣ только захотятъ они того сами для себя, для своей собственной пользы; потому что въ государствѣ собственно нѣтъ ни господина, ни раба. Но есть иная власть, простирающаяся на равныхъ и свободныхъ. Такова власть политическая. Чтобы властвовать этою властію, должно изучить ее чрезъ подчиненіе ей же самой, подобно тому, какъ для того, чтобы предводительствовать конницею, должно самому быть въ подчиненіи у ея предводителя, чтобы быть стратегомъ, должно быть въ подчиненіи у стратега, чтобы быть таксіархомъ или лохагомъ, должно быть

5) Въ подлинникѣ все это мѣсто очень затруднительно: 'Ει οὖν τὴν μὲν τοῦ ἀγαθοῦ ἀνδρὸς τίθεμεν ἀρχικὴν, τὴν δὲ τοῦ πολίτου ἄμφω, οὐχ ἂν ἔιη ἄμφω ἐπαινετὰ ὁμόιως. 'Επεὶ οὖν ποτὲ δοκεῖ ἀμφότερα, καὶ οὐ ταὐτὰ δεῖν τὸν ἄρχοντα μανθάνειν καὶ τὸν ἀρχόμενον, τὸν δὲ πολίτην ἀμφοτερ' ἐπίστασθαι καὶ μετέχειν ἀμφοῖν, τοὐντεῦθεν ἂν κατίδοι τις. См. Геттлингъ. Ibid. Adnotat. стр. 352.

сперва въ подчиненіи у того и другаго. Поэтому правильно говорятъ, что тотъ, кто не былъ подъ властію, и самъ не можетъ хорошо властвовать [6]. Но при всемъ томъ добродѣтель властителя и добродѣтель подвластнаго различны между собою, не смотря на то что хорошій гражданинъ дѣйствительно долженъ знать и умѣть какъ подчиняться власти, такъ и самъ властвовать: онъ долженъ умѣть властвовать надъ свободными и самъ подчиняться свободно; въ этомъ состоитъ его добродѣтель. Равнымъ образомъ понятіе о хорошемъ человѣкѣ слагается изъ понятія о двухъ добродѣтеляхъ — таковы благоразуміе и справедливость, хотя та и другая добродѣтель, какъ принадлежность правительственнаго лица, есть уже иного рода. Да и самая добродѣтель хорошаго человѣка, какъ подчиненнаго и какъ свободнаго, очевидно, также не одна, такова, напримѣръ, справедливость—но имѣетъ виды, изъ которыхъ одинъ приличествуетъ ему по стольку, по скольку онъ управляетъ, а другой — по скольку онъ подчиняется. Такъ равно благоразуміе и мужество мущины и женщины различны: мужчина конечно оказался бы робкимъ, если бы былъ такъ мужественъ, какъ мужественна женщина, а женщина, въ свою очередь, показалась бы очень свободною, если бы была только такъ скромна, какъ прилично это мущинѣ. Даже въ самой хозяйственной средѣ добродѣтель мущины и женщины различна, ибо дѣло мущины пріобрѣтать для дома, а дѣло женщины сберегать пріобрѣтенное. Спеціальная добродѣтель правителя есть собственно мудрость, а другія добродѣтели должны быть общими и для правителей и для подчиненныхъ, но мудрость не есть добродѣтель подчиненнаго: его добродѣтель состоитъ въ умѣньи правильно понимать вещи. Подчиненный подобенъ тому, кто дѣлаетъ флейты, а правитель есть какъ бы самъ флейтистъ, играющій на нихъ. Итакъ изъ всего сказаннаго доселѣ очевидно, въ какомъ отношеніи добродѣтель хорошаго человѣка тожественна съ добродѣтелью хорошаго гражданина и въ какомъ отношеніи онѣ различны.

---

6) Таково было положеніе Солона (Стобей р. 518).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вопросъ о правѣ гражданства ремесленниковъ и наемниковъ. Изслѣдованіе о немъ съ точки зрѣнія того, или другаго политическаго устройства.

По вопросу о гражданинѣ намъ остается еще разрѣшить слѣдующее затрудненіе: тотъ ли только подлинно гражданинъ, кому доступно участіе въ управленіи, или и ремесленниковъ также должно считать за гражданъ? Если съ одной стороны и тѣхъ должно считать за гражданъ, кому не доступна власть, въ такомъ случаѣ, опредѣленная нами выше, добродѣтель гражданина не можетъ быть добродѣтелью всякаго гражданина, такъ какъ и тотъ гражданинъ, кому не доступна власть; если же съ другой стороны никто изъ такихъ людей не гражданинъ, то куда отнести ихъ? Вѣдь никто изъ нихъ конечно ни метёкъ, ни чужестранецъ: не странно ли бы было утверждать это? Равнымъ образомъ они и не рабы, не вольноотпущенные. Изъ всего этого выводимъ одну истину, что не всѣхъ тѣхъ должно считать гражданами, безъ которыхъ не можетъ существовать государство; такъ дѣти не въ томъ же смыслѣ граждане, въ какомъ взрослые мущины; но одни просто граждане, а другіе подъ условіемъ: и дѣти граждане, но еще не совершенные. Въ древнія времена, въ нѣкоторыхъ государствахъ всякій ремесленникъ считался рабомъ или чужестранцемъ, поэтому многіе изъ нихъ еще и доселѣ таковы. Государство, пользующееся наилучшимъ политическимъ устройствомъ, не дастъ конечно ремесленнику правъ гражданина [1]). Если же и ремесленника считать гражданиномъ, то должно сказать, что гражданская добродѣтель, какъ мы выше о ней говорили, есть добродѣтель не всякаго гражданина и даже не всякаго свободнаго, но того лишь, кто вовсе не принимаетъ никакаго участія въ дѣлахъ, необходимыхъ въ быту житейскомъ. Между тѣмъ одни изъ тѣхъ, которые занимаются этими дѣлами, суть рабы: это тѣ работники, которые служатъ одному; другіе, работая на кого угодно, суть ремеслен-

---

1) Извѣстно, что, на основаніи Солоновыхъ учрежденій, четвертый классъ гражданъ, состоящій изъ ремесленниковъ и торговцевъ, не пользовался полнымъ правомъ гражданства.

ники и ѳеты (наемники). Отсюда, при маломъ соображеніи, становится ясно, какъ должно смотрѣть на людей такаго рода. Дѣло само по себѣ ясное уясняется вслѣдствіе всего сказаннаго доселѣ. Такъ какъ есть нѣсколько формъ политическаго устройства, то необходимо есть и нѣсколько видовъ гражданина, тѣмъ болѣе гражданина, находящагося въ подчиненіи; именно, при извѣстномъ политическомъ устройствѣ и ремесленникъ и ѳетъ необходимо граждане, а при другомъ устройствѣ, какъ, напримѣръ, при аристократическомъ устройствѣ государства, въ которомъ почетныя должности даются на основаніи личнаго достоинства каждаго, это невозможно. Потому что, ведя жизнь ремесленника или ѳета, нельзя преуспѣвать въ добродѣтели. А въ олигархическихъ государствахъ хотя ѳеты не признаются гражданами, (потому что участіе въ управленіи опредѣляется здѣсь довольно большимъ цензомъ), ремесленникъ считается за гражданина, потому что многіе изъ ремесленниковъ бываютъ достаточно богаты. Впрочемъ въ Ѳивахъ былъ законъ, по которому никто не могъ принять участія въ управленіи, кто, въ продолженіи десяти лѣтъ, не былъ свободенъ отъ занятія коммерческими дѣлами. Между тѣмъ во многихъ государствахъ законъ даетъ право гражданства даже нѣкоторымъ и изъ иностранцевъ; такъ въ нѣкоторыхъ демократическихъ государствахъ гражданиномъ признается и тотъ, кто родился только хоть отъ матери гражданки, точно также во многихъ мѣстахъ и незаконнорожденные считаются гражданами. Но поелику такіе люди дѣлаются тамъ гражданами вслѣдствіе недостатка чистыхъ гражданъ, (потому что такое законодательство условливается конечно недостаткомъ людей); то, съ увеличеніемъ населенія, и тамъ мало-по-малу начинаютъ отдѣлять отъ числа гражданъ сперва тѣхъ, которые произошли отъ раба и рабыни, потомъ тѣхъ, которые только по женской линіи имѣютъ гражданское происхожденіе, и наконецъ оставляютъ гражданами только тѣхъ, которые съ обѣихъ сторонъ происходятъ отъ гражданъ. Итакъ изъ всего сказаннаго очевидно, что есть нѣсколько видовъ гражданина и что въ собственномъ смыслѣ гражданиномъ называется тотъ, кому доступны гражданскія почести. Въ этомъ смыслѣ Гомеръ говоритъ [2]): «какъ переселенца ка-

2) См. Иліаду IX ст. 648.

кого нибудь, не пользующагося никакою честію;» потому что кому не доступны гражданскія почести, тотъ какъ бы метёкъ въ государствѣ. Если же гдѣ такое различіе не выставляется на видъ, то это дѣлается конечно для того, чтобы обмануть тѣхъ, которые принадлежатъ государству только по мѣсту своего жительства. Итакъ, что касается до того, должно ли различать добродѣтель хорошаго человѣка и хорошаго гражданина, или должно считать ее за одну и ту же, это понятно изъ всего сказаннаго нами доселѣ; именно въ одномъ государствѣ и хорошій человѣкъ и хорошій гражданинъ есть одно и тоже лицо, а въ другомъ слѣдуетъ различать между ними, при томъ и въ томъ государствѣ не всякій хорошій гражданинъ тожественъ съ хорошимъ человѣкомъ, но только политикъ и дѣйствительный представитель общественныхъ интересовъ, или кто хоть только можетъ быть имъ—все равно, одно ли будетъ лицо, или нѣсколько [3]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Поолитическое устройство. Мотивы общежитія. Формы политическаго устройства; основной принципъ раздѣленія ихъ на правильныя и неправильныя.

Послѣ всего, разсмотрѣннаго нами доселѣ, обратимъ вниманіе на слѣдующее: должно ли признать только одно поли-

3) Вопросъ о правѣ гражданства ремесленниковъ и ѳетовъ здѣсь
какъ бы упущенъ изъ виду; говорится только о тожествѣ и не то-
жествѣ добродѣтели хорошаго человѣка и хорошаго гражданина—во-
просъ, рѣшенный въ предъидущей главѣ. Очевидно, это мѣсто испор-
чено. Тюро (N. Jahrb. f. Phil und Paed. Bd. LXXXI 1860 г. Hft. II. стр.
752) предлагаетъ исправить его такъ: πότερον μὲν οὖν ἑτέραν ἢ τὴν αὐτὴν
θετέον καθ᾽ ἣν ἀνὴρ ἀγαθός ἐστι καὶ πολίτης σπουδαῖος, δῆλον ἐκ τῶν εἰρη-
μένων (πῶς ἡ αὐτὴ καὶ πῶς ἑτέρα καὶ) ὅτι (βάναυσος καὶ πολίτης) τινὸς μὲν
πόλεως ὁ αὐτός.... такъ что, по его мнѣнію, въ заключительныхъ сло-
вахъ этой главы трактуется о тожествѣ ремесленника съ гражда-
ниномъ.

тическое устройство, или нѣсколько, и если нѣсколько, то ка-
кія, и сколько, и чѣмъ одно отличается отъ другаго. Полити-
ческое устройство государства выражаетъ собою тотъ основ-
ной мотивъ, по которому организуются въ государствѣ какъ
всѣ прочіе институты власти, такъ особенно институтъ вла-
сти правительственной, ибо правительственная власть есть тотъ
пунктъ, къ которому тяготѣетъ вся политическая жизнь госу-
дарства, такимъ образомъ политическое устройство государ-
ства и есть не что иное, какъ политическая его жизнь; такъ,
напримѣръ, въ демократическомъ государствѣ правительствен-
ная власть находится въ рукахъ народа, а въ олигархическомъ—
въ рукахъ меньшенства; поэтому мы говоримъ, что тамъ и
здѣсь политическое устройство различно; на томъ же самомъ
основаніи мы различаемъ и прочія государственныя устрой-
ства. Но прежде всего должно установить намъ свой взглядъ
на то, во имя чего существуетъ государство и сколько ви-
довъ той власти, которая простирается какъ на каждаго че-
ловѣка въ отдѣльности, такъ и на цѣлое общество людей.

Уже въ предъидущихъ нашихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ раз-
суждали мы объ экономической сторонѣ жизни и объ инсти-
тутѣ господской власти, было сказано, что человѣкъ, по при-
родѣ своей, есть существо политическое; посему, хотя бы
люди и вовсе не нуждались во взаимной помощи, тѣмъ не ме-
нѣе они стремились бы къ общежитію. Но при всемъ томъ,
по скольку каждый человѣкъ въ отдѣльности стремится въ
своей жизни къ счастію, по стольку и желаніе общей пользы
составляетъ существенный мотивъ общежитія. Жить благо-
получно — вотъ послѣдняя цѣль, къ которой стремится какъ
цѣлое общество, такъ и каждый человѣкъ въ отдѣльности.
Между тѣмъ люди сходятся между собою и просто для того,
чтобы жить (потому что жизнь сама по себѣ доставляетъ
человѣку долю счастія), и самое политическое общежитіе
устроивается обыкновенно только для того, чтобы жить,
лишь бы не очень одолѣвали несчастія. Мы видимъ, что
многіе люди до того страстно желаютъ жить, что пре-
терпѣваютъ изъ-за этого много непріятностей, потому что
для человѣка въ самой жизни есть удовольствіе и какое-то
естественное наслажденіе. Что же касается до различныхъ
характеровъ той и другой власти, то намъ легко обсудить
ихъ, тѣмъ болѣе что мы часто разсуждаемъ о нихъ въ эксо-

терическихъ нашихъ бесѣдахъ [1]). Не смотря на то, что ин-
ститутъ господской власти одинаково полезенъ и для раба,
какъ и для господина, однако эта власть гораздо болѣе имѣ-
етъ въ виду интересъ господина, чѣмъ раба; послѣдній за-
интересованъ въ этой власти не существенно, а случайно,—
на столько, на сколько онъ необходимъ для господина; такъ какъ
власть господина несостоятельна безъ раба. Власть надъ дѣть-
ми, надъ женою и надъ всей семьею, власть, которую мы
обыкновенно называемъ властію домохозяина, имѣетъ въ
виду пользу или только подчиненныхъ, или общую пользу
какъ подчиненныхъ, такъ и правителя. Сама по себѣ эта
власть имѣетъ въ виду только пользу подчиненныхъ, но
какъ въ другихъ искусствахъ, напримѣръ, въ искусствѣ вра-
чеванія, или въ гимнастикѣ, случайно эта власть, какъ и
эти искусства, могутъ быть полезны для самихъ ихъ пред-
ставителей. Такъ ничто не препятствуетъ тому, чтобы, напри-
мѣръ, учитель гимнастики иногда и самъ былъ однимъ изъ
упражнющихся въ этомъ искуствѣ, подобно тому какъ корм-
чій всегда есть одинъ изъ плывущихъ. Итакъ, хотя учитель
гимнастики и кормчій имѣютъ въ виду собственно благо под-
чиненныхъ, но каждый изъ нихъ, будучи однимъ изъ участ-
никовъ въ общемъ дѣлѣ, случайно участвуетъ и самъ въ вы-
годахъ этого дѣла, потому что тотъ (кормчій) также плыветъ
какъ и другіе, а этотъ (гимнастъ), будучи учителемъ гимна-
стики, въ то же время и самъ упражняется въ этомъ искус-
ствѣ. Поэтому въ такихъ государствахъ, политическое устрой-
ство которыхъ основывается на равенствѣ и политическомъ
безразличіи всѣхъ гражданъ, обыкновенно требуютъ, чтобы
граждане занимали государственныя должности по очереди.
Такъ — что и естественно — прежде дѣйствительно полагали,
что каждый по очереди обязанъ извѣстное время отправлять
какую либо общественную должность, а потомъ пусть кто ни-
будь другой также будетъ заботиться о благѣ его, какъ онъ,
будучи облеченъ властію, самъ прежде заботился о благѣ то-

---

1) Старый вопросъ объ эксотерическихъ и эсотерическихъ сочи-
неніяхъ Аристотеля возбужденъ снова въ современной ученой ли-
тературѣ. Сюда относятся: Die Dialoge d. Aristoteles in ihrem Ver-
haltniss zu seinen übrigen Werken. v. Iacob Bernays. Berlin 1863 г.
(стр. 51—57). Aristoteles und die exoterischen Reden P. W. Forscham-
mer Kiel 1864 г. (стр. 23 и слѣдующ.).

го. Но теперь, вслѣдствіе тѣхъ выгодъ, какія доставляютъ общественныя должности и вообще власть, желаютъ властвовать постоянно, какъ будто власть можетъ доставить больнымъ людямъ постоянное здоровье; потому что только въ этомъ случаѣ можно такъ ревниво стремиться къ власти. [Итакъ очевидно, что только тѣ политическія устройства, которыя имѣютъ въ виду общее благо, суть устройства правильныя и согласныя съ понятіемъ справедливости въ обсолютномъ смыслѣ этого слова; тѣ, напротивъ, которыя организованы исключительно въ интересахъ одного правительства, суть ненормальныя и представляютъ собою уклоненія отъ правильныхъ, потому что во всѣхъ такихъ государствахъ отношенія между правительствомъ и подданными походятъ на отношенія между господами и рабами; тогда какъ государство есть общежитіе людей свободныхъ.]

За тѣмъ намъ слѣдуетъ теперь обратить свое вниманіе на самыя политическія устройства, указать сколько ихъ числомъ и каковы они. Напередъ мы разсмотримъ правильныя политическія устройства, потому что тогда уклоненія отъ нихъ будутъ очевидны сами собою.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Формы политическаго устройства — правильныя и неправильныя. Богатство и свобода, какъ основные мотивы олигархіи и демократіи. Существенный характеръ и условія государственнаго быта и отличіе его отъ всѣхъ прочихъ формъ общественной жизни.

Политическое устройство и политическій бытъ государства суть одно и тоже. Политическій бытъ государства опредѣляется родомъ правительственной власти, правительственная же власть въ государствѣ необходимо принадлежитъ или одному человѣку, или меньшеству, или большинству. [1]) [Но стоитъ ли во главѣ государства одинъ человѣкъ, или меньшинство, или наконецъ большинство лицъ — во всякомъ случаѣ, если только представители верховной власти въ государствѣ дѣйствуютъ въ интересахъ общаго блага, политическое устройство такого государства необходимо правильное. Напротивъ, если все вниманіе правительственной власти обращено на собственный интересъ одного — или меньшинства, или даже хотъ большинства; то въ этомъ случаѣ политическое устройство представляетъ уклоненіе отъ правильнаго.] Потому что или не всѣхъ тѣхъ слѣдуетъ считать гражданами, изъ которыхъ состоитъ государство, или они должны принимать участіе во всѣхъ выгодахъ общественной жизни. [Всякаго рода монархическое управленіе государствомъ мы обыкновенно называемъ царствомъ (βασιλεία); а всякое такое устройство государства, гдѣ правительственная власть находится хотя въ рукахъ не многихъ, но лишь бы не одного, мы называемъ аристократіей — или потому, что власть здѣсь находится въ рукахъ лучшихъ, или потому, что цѣль такого управленія есть лучшее, какъ для государства вообще, такъ и для всѣхъ членовъ его въ отдѣльности. Но когда государствомъ управляетъ множество и дѣйствуетъ въ интересахъ общей пользы, тогда политическое устройство его называется общимъ именемъ всѣхъ политическихъ устройствъ (πολιτεία) — политіею, республикою.] Происхожденіе всѣхъ этихъ политическихъ устройствъ легко объясняется по разуму. Именно, одинъ или нѣсколько человѣкъ могутъ конечно отличаться отъ другихъ добродѣтелью; но отъ массы трудно ожидать совершенства во всякой добродѣтели, кромѣ только воинской, потому самая война есть дѣло массы. Поэтому въ государствѣ съ такимъ политическимъ устройствомъ [2]) воинская часть населенія есть самая господствующая, и только люди, носящіе оружіе, принимаютъ участіе въ судьбахъ государства.

Уклоненія отъ этихъ, изложенныхъ нами, формъ политическаго устройства суть слѣдующія: въ противуположность царскаго устройства суть слѣдующія: въ противуположность цар-

---

1) Эта классификація формъ политическаго устройства не принадлежитъ Аристотелю. Она встрѣчается у Платона въ его Республикѣ (кн. 1 стр. 28. Но можно думать, что это дѣленіе формъ политическаго устройства усвоено было наукой въ болѣе древнее время (см. Геродотъ гл. LXXX. и слѣд.) Спиноза, Монтескьё, Маккіавель, Руссо и другіе, во взглядѣ своемъ на различіе формъ политическаго устройства, держатся того же принципа раздѣленія верховной власти.

2) То-есть гдѣ правительственная власть находится въ рукахъ множества.

ству — тираннія; въ противуположность аристократіи — олигархія; и въ противуположность республикѣ — демократія [3]).

Такъ тираннія есть та же монархія, но имѣющая въ виду только выгоду одного монарха; олигархія имѣетъ въ виду интересы только людей зажиточныхъ, а демократія — выгоды людей недостаточныхъ; объ общей же пользѣ не заботится ни одно изъ этихъ правительствъ. Но мы должны нѣсколько обстоятельнѣе сказать о томъ, въ чемъ состоитъ каждая изъ этихъ формъ политическаго быта, потому что въ представленіи о нихъ есть нѣкоторыя затрудненія; *а кто изслѣдуетъ что-либо философскимъ путемъ, а не ограничивается лишь однимъ только практическимъ примѣненіемъ своихъ мыслей, тому должно заботиться не только о томъ, чтобы не упустить чего-либо изъ виду, или совершенно не обойти чего-нибудь, но и о томъ, чтобы, относительно каждаго пункта, выяснить чистую истину.*

Итакъ тираннія, какъ мы сказали, есть монархія, но монархія относящаяся деспотически къ цѣлому политическому обществу. Олигархія же состоитъ въ томъ, что верховная власть въ государствѣ находится въ рукахъ богатыхъ собственниковъ; а демократія, напротивъ, въ томъ, что представители верховной власти суть люди, не имѣющіе большой собственности, люди недостаточные. Но вотъ первое затрудненіе касательно самого раздѣленія формъ политическаго устройства: можетъ случиться, что верховная власть въ государствѣ находится въ рукахъ хотя большинства людей, но людей богатыхъ; — а когда верховная власть находится въ рукахъ большинства, тогда государство, по формѣ своего политическаго быта, есть демократія; равнымъ образомъ возможно также, что бѣдные, хотя по численности своей уступающіе богатымъ, но будучи болѣе сильны чѣмъ они, возьмутъ въ свои

---

3) Собственно охлократія, какъ въ послѣдствіи эта форма государственнаго устройства опредѣлена у Полибія (lib. VI—4, 6: 57, 9; см. Германъ Antiquit. Laconic. § 52 примѣч. 9). Аристотель не знаетъ этого имени и слово «демократія» одинаково употребляетъ, какъ для означенія правильной формы политическаго устройства, основанной на принципѣ большинства, такъ равно и неправильной, основанной на томъ же принципѣ. Такъ и Платонъ замѣчаетъ, что для обозначенія того и другаго вида демократіи нѣтъ особаго имени (см. Плат. Politicus стр. 392, А—и 302 Д.)

руки верховную власть въ государствѣ; — а государство, въ которомъ верховная власть находится въ рукахъ меньшинства, называютъ олигархіею. Отсюда можно заключить, что вышепредложенное нами раздѣленіе формъ политическаго быта сдѣлано не правильно. Но пусть даже съ понятіемъ о богатствѣ соединимъ мы понятіе о меньшинствѣ, а съ понятіемъ о бѣдности — понятіе о большинствѣ и скажемъ, что олигархія есть такое политическое устройство, въ которомъ верховная власть находится въ рукахъ богатаго меньшинства, а демократія — такое, въ которомъ верховная власть принадлежитъ бѣдному большинству; тѣмъ не менѣе и при этомъ мы будемъ имѣть другое затрудненіе: — именно, если кромѣ сказанныхъ нами формъ политическаго быта нѣтъ еще никакой другой, то какъ назвать тѣ формы политическаго быта, о которыхъ мы сейчасъ говорили — именно, съ одной стороны ту, когда богатое большинство и съ другой ту, когда бѣдное меньшинство являются представителями верховной власти во всемъ государствѣ? Такимъ образомъ изъ всего нашего изслѣдованія, кажется, становится яснымъ, что господство въ олигархіи меньшинства и въ демократіи большинства есть явленіе не существенное для той и другой формы политическаго быта, а бываетъ такъ только потому, что богатыхъ вездѣ меньше, а бѣдныхъ, напротивъ, вездѣ больше. Поэтому различіе между большинствомъ и меньшинствомъ, на которое указали мы выше, само по себѣ не служитъ основаніемъ различія между демократіею и олигархіею; различіе между ними состоитъ собственно въ бѣдности и богатствѣ. Гдѣ граждане пользуются властію, въ силу своего богатства, тамъ — несмотря на то, будетъ ли таковыхъ меньшинство, или большинство — политическій бытъ необходимо представляетъ собою олигархію; а гдѣ властвуютъ люди бѣдные, тамъ — демократію. А что тѣхъ меньше, а этихъ больше — это, какъ уже сказано, не существенно, потому что богатствомъ обыкновенно пользуется только меньшинство; свобода же принадлежитъ всѣмъ безъ различія — богатымъ и бѣднымъ. Этими-то мотивами обыкновенно и условливается борьба противуположныхъ партій за политическое устройство государства.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ понять, на какіе принципы опираются олигархія и демократія, и на сколько каждая изъ

этихъ формъ политическаго быта справедлива сама въ себѣ. Извѣстная мѣра справедлавости есть конечно на сторонѣ защитниковъ всякаго политическаго устройства, но въ томъ-то и дѣло, что до нѣкоторой степени; никто, напротивъ, не высказываетъ въ свою пользу такого положенія, которое бы было вполнѣ и въ высшей степени справедливо. Такъ справедливое понимается нѣкоторыми въ смыслѣ равнаго, и дѣйствительно оно таково, но не для всѣхъ, а только для равныхъ. Точно также и неравенство представляется нѣкоторымъ справедливостью: таково оно и есть, но опять не для всѣхъ, а только для не равныхъ. Слѣдовательно, кто разсуждаетъ обо всемъ этомъ безотносительно къ субъекту, тотъ поступаетъ неправильно, потому что въ такомъ случаѣ обо всѣхъ судитъ по себѣ; а всѣ по большой части плохіе судьи въ томъ, что касается ихъ самихъ. Итакъ, если справедливость есть понятіе относительное, то, какъ уже сказано было прежде въ сочиненіяхъ объ этикѣ [4]), она различна, какъ относительно предметовъ, такъ и относительно лицъ. Люди, соглашаясь между собою относительно равенства предметовъ, спорятъ изъ-за личнаго равенства, что происходитъ конечно вслѣдствіе того, о чемъ мы сейчасъ сказали, именно вслѣдствіе того, что о самихъ себѣ люди судятъ неправильно, такъ какъ говоря только до нѣкоторой степени справедливо, думаютъ, что высказываютъ нѣчто абсолютно справедливое. Такъ одни, будучи не равны между собою только въ одномъ чемъ нибудь, напримѣръ, въ богатствѣ, думаютъ, что они вообще неравны между собою; а другіе, напротивъ, равные другъ съ другомъ въ одномъ чемъ нибудь, напримѣръ, въ свободѣ, считаютъ себя равными и во всѣхъ другихъ отношеніхъ. Но разсуждая такимъ образомъ, никто не говоритъ того, что въ этомъ случаѣ самое главное.

Если бы люди сходились между собою и вступали въ общежитіе только для стяжанія, тогда конечно каждый участвовалъ бы въ жизни государства по мѣрѣ своего имущества, и олигархическій принципъ, по-видимому, имѣлъ бы тогда силу; потому что несправедливо въ самомъ дѣлѣ сумму, состоящую изъ ста минъ, — считать ли только одинъ основный капиталъ, или вмѣстѣ съ наросшими на него процентами, — раздѣлить по-ровну между двумя, изъ которыхъ одинъ внесъ въ эту сумму только одну мину, а другой все остальное. Но цѣль человѣческаго общежитія состоитъ не просто въ томъ, чтобы жить, а гораздо болѣе въ томъ, чтобы жить счастливо, потому что, въ противномъ случаѣ, государство могло бы состоять изъ рабовъ и изъ другихъ животныхъ [5]), а на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, потому что ни тѣ, ни другія не знаютъ счастія и не живутъ по предначертанному плану. Государство существуетъ также не для совмѣстной войны его членовъ противъ несправедливыхъ притѣсненій со стороны кого бы то нибыло, не для торговыхъ операцій и взаимныхъ выгодъ, потому что въ такомъ случаѣ Тирренцы [6]) и Карѳагеняне и всѣ тѣ народы, которые вступаютъ между собою въ разныя сношенія, были бы гражданами одного государства. Они связаны между собою условіями относительно привоза и вывоза товаровъ; есть между ними и договоры о томъ, чтобы не причинять другъ другу обидъ; есть также и письменные акты, обезпечивающіе имъ взаимную помощь во время войны. Но у нихъ нѣтъ общей правительственной власти; напротивъ, у каждаго народа свое правительство, и въ отношеніи другъ къ другу они вовсе не заботятся ни о томъ, каковъ каждый долженъ быть самъ въ себѣ, ни о томъ, чтобы никто изъ членовъ союза не былъ несправедливъ и не имѣлъ въ душѣ своей никакого порока, но обращаютъ вниманіе лишь на то, чтобы они, какъ народы, не терпѣли другъ отъ друга ничего несправедливаго. Между тѣмъ на добродѣтели и пороки гражданъ обращаютъ вниманіе только тѣ, которые заботятся о хорошемъ законодательномъ устройствѣ общества; отсюда ясно, что государство, которому имя это принадлежитъ истинно, а не на словахъ только, должно пещись и о добродѣтели гражданъ; иначе изъ политической формы общежитія образуется просто воинскій союзъ, который тѣмъ только будетъ отличаться отъ другихъ союзовъ, члены которыхъ живутъ отдѣльно другъ отъ друга, что его члены живутъ въ одномъ мѣстѣ, а законъ обратится въ про-

4) См. Ηϑικ Νικομ. V. 6. Ηϑικ Μεγ. 1. 34.

5) Καὶ γὰρ ἂν δούλων καὶ τῶν ἄλλων ζώων ἦν πόλις.

6) Тирренцы, Τυρρηνοί, Tusci — суть Этрусски. Собственное ихъ имя было *Racena*. (См. Niebuhr Romische Geschichte. I. стр. 66.

этихъ формъ политическаго быта справедлива сама въ себѣ. Извѣстная мѣра справедливости есть конечно на сторонѣ защитниковъ всякаго политическаго устройства, но въ томъ-то и дѣло, что до нѣкоторой степени; никто, напротивъ, не высказываетъ въ свою пользу такого положенія, которое бы было вполнѣ и въ высшей степени справедливо. Такъ справедливое понимается нѣкоторыми въ смыслѣ равнаго, и дѣйствительно оно таково, но не для всѣхъ, а только для равныхъ. Точно также и неравенство представляется нѣкоторымъ справедливостью: таково оно и есть, но опять не для всѣхъ, а только для не равныхъ. Слѣдовательно, кто разсуждаетъ обо всемъ этомъ безотносительно къ субъекту, тотъ поступаетъ неправильно, потому что въ такомъ случаѣ обо всѣхъ судитъ по себѣ; а всѣ по большой части плохіе судьи въ томъ, что касается ихъ самихъ. Итакъ, если справедливость есть понятіе относительное, то, какъ уже сказано было прежде въ сочиненіяхъ объ этикѣ [4]), она различна, какъ относительно предметовъ, такъ и относительно лицъ. Люди, соглашаясь между собою относительно равенства предметовъ, спорятъ изъ-за личнаго равенства, что происходитъ конечно вслѣдствіе того, о чемъ мы сейчасъ сказали, именно вслѣдствіе того, что о самихъ себѣ люди судятъ неправильно, такъ какъ говоря только до нѣкоторой степени справедливо, думаютъ, что высказываютъ нѣчто абсолютно справедливое. Такъ одни, будучи не равны между собою только въ одномъ чемъ нибудь, напримѣръ, въ богатствѣ, думаютъ, что они вообще неравны между собою; а другіе, напротивъ, равные другъ съ другомъ въ одномъ чемъ нибудь, напримѣръ, въ свободѣ, считаютъ себя равными и во всѣхъ другихъ отношеніхъ. Но разсуждая такимъ образомъ, никто не говоритъ того, что въ этомъ случаѣ самое главное.

Если бы люди сходились между собою и вступали въ общежитіе только для стяжанія, тогда конечно каждый участвовалъ бы въ жизни государства по мѣрѣ своего имущества, и олигархическій принципъ, по-видимому, имѣлъ бы тогда силу; потому что несправедливо въ самомъ дѣлѣ сумму, состоящую изъ ста минъ, — считать ли только одинъ основный капиталъ, или вмѣстѣ съ наросшими на него процентами, —

4) См. Ἠθικ Νικομ. V. 6. Ἠθικ Μεγ. 1. 34.

раздѣлить по-ровну между двумя, изъ которыхъ одинъ внесъ въ эту сумму только одну мину, а другой все остальное. Но цѣль человѣческаго общежитія состоитъ не просто въ томъ, чтобы жить, а гораздо болѣе въ томъ, чтобы жить счастливо, потому что, въ противномъ случаѣ, государство могло бы состоять изъ рабовъ и изъ другихъ животныхъ [5]), а на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, потому что ни тѣ, ни другія не знаютъ счастія и не живутъ по предначертанному плану. Государство существуетъ также не для совмѣстной войны его членовъ противъ несправедливыхъ притѣсненій со стороны кого бы то нибыло, не для торговыхъ операцій и взаимныхъ выгодъ, потому что въ такомъ случаѣ Тирренцы [6]) и Карѳагеняне и всѣ тѣ народы, которые вступаютъ между собою въ разныя сношенія, были бы гражданами одного государства. Они связаны между собою условіями относительно привоза и вывоза товаровъ; есть между ними и договоры о томъ, чтобы не причинять другъ другу обидъ; есть также и письменные акты, обезпечивающіе имъ взаимную помощь во время войны. Но у нихъ нѣтъ общей правительственной власти; напротивъ, у каждаго народа свое правительство, и въ отношеніи другъ къ другу они вовсе не заботятся ни о томъ, каковъ каждый долженъ быть самъ въ себѣ, ни о томъ, чтобы никто изъ членовъ союза не былъ несправедливъ и не имѣлъ въ душѣ своей никакого порока, но обращаютъ вниманіе лишь на то, чтобы они, какъ народы, не терпѣли другъ отъ друга ничего несправедливаго. Между тѣмъ на добродѣтели и пороки гражданъ обращаютъ вниманіе только тѣ, которые заботятся о хорошемъ законодательномъ устройствѣ общества; отсюда ясно, что государство, которому имя это принадлежитъ истинно, а не на словахъ только, должно пещись и о добродѣтели гражданъ; иначе изъ политической формы общежитія образуется просто военскій союзъ, который тѣмъ только будетъ отличаться отъ другихъ союзовъ, члены которыхъ живутъ отдѣльно другъ отъ друга, что его члены живутъ въ одномъ мѣстѣ, а законъ обратится въ про-

5) Καὶ γὰρ ἂν δούλων καὶ τῶν ἄλλων ζῴων ἦν πόλις.
6) Тирренцы, Τυρρηνοί, Tusci — суть Этрусски. Собственное ихъ имя было *Racena*. (См. Niebuhr Romische Geschichte. I. стр. 66.

стой договоръ, который, какъ сказалъ софистъ Ликофронъ [7]), обезпечиваетъ только взаимныя права лицъ, вступившихъ другъ съ другомъ въ союзъ, но не въ состоянiи сдѣлать гражданъ честными и справедливыми. Очевидно, что все, сказанное нами до сихъ поръ, справедливо: пусть, въ самомъ дѣлѣ, отдѣльныя другъ отъ друга мѣстности соединятъ въ одну, пусть, напримѣръ, Мегару и Коринѳъ обнесутъ стѣною — и тогда все еще не составится изъ нихъ одного государства; не составится одного государства даже и въ томъ случаѣ, если граждане того и другаго государства вступятъ между собою въ брачные союзы, хотя бракъ между гражданами разныхъ государствъ есть одна изъ крѣпкихъ связей для самыхъ государствъ. Подобнымъ образомъ, если бы нѣкоторые люди жили отдѣльно другъ отъ друга, но не такъ далеко, чтобы нельзя было имъ имѣть между собою никакого общенiя, напротивъ, если бы были у нихъ общiе законы, обезпечивающiе имъ справедливость другъ къ другу въ ихъ взаимныхъ отношенiяхъ, — когда, напримѣръ, одинъ изъ нихъ былъ бы плотникъ, другой землепашецъ, тотъ сапожникъ, а тотъ другой кто-нибудь такой же, — и пусть число всѣхъ ихъ будетъ десять тысячъ; но если, кромѣ торговыхъ отношенiй и взаимной обороны, ни въ чемъ другомъ они не имѣютъ между собою ничего общаго: то въ такомъ случаѣ они также не составили бы изъ себя государства. Почему? Конечно уже не потому, что въ общежитiи своемъ они не близки другъ къ другу по мѣсту. Потому что, при такомъ общежитiи, если бы они даже и сошлись въ одно мѣсто, то каждый изъ нихъ въ своемъ домѣ чувствовалъ бы себя какъ въ отдѣльномъ государствѣ. Какъ члены одного оборонительнаго союза, защищая себя взаимно только противъ притѣснителей, въ глазахъ основательнаго мыслителя они конечно не могутъ показаться членами одного государства, если и сошедшись вмѣстѣ останутся между собою въ такомъ же общенiи, какъ прежде, когда жили отдѣльно другъ отъ друга. Отсюда очевидно, что государство, какъ нѣкоторая форма общежитiя, не условливается мѣстомъ, что цѣль его не состоитъ въ томъ, чтобы члены его не терпѣли другъ отъ друга несправедливости и помогали другъ другу взаимными услугами. Между тѣмъ все это необходимо бываетъ, если только есть государство, но и при существованiи всего этого, государство еще не существуетъ. Государство есть такая форма общежитiя, которая существуетъ съ цѣлiю вполнѣ счастливой жизни, какъ для семействъ, такъ и для цѣлыхъ поколѣнiй — жизни совершенной и вполнѣ себѣ довлѣющей. Но конечно это невозможно безъ того, чтобы люди не жили на одномъ мѣстѣ и не вступали между собою въ брачные союзы. Отсюда въ государствахъ образуются обыкновенно родственные кружки — фратрiи, религiозные союзы и другiе виды совмѣстной жизни. Но основной мотивъ всѣхъ этихъ формъ общежитiя есть дружба, потому что рѣшимость жить вмѣстѣ зависитъ отъ дружбы. А цѣль государства есть счастiе жизни, и всѣ вышеупомянутыя формы жизни существуютъ для этой цѣли. Государство есть такая форма общежитiя, въ которой разные роды и слободы сошлись вмѣстѣ для совершенной и самодовольной жизни; а это и значитъ, какъ мы сказали, жить счастливо и хорошо. Слѣдовательно должно признать, что цѣль государственной формы общежитiя состоитъ въ хорошихъ дѣйствiяхъ, а не въ томъ, чтобы жить вмѣстѣ. А потому тѣ, которые въ среду такого общежитiя вносятъ болѣе хорошихъ дѣлъ, имѣютъ болѣе правъ на участiе въ дѣлахъ ея, чѣмъ тѣ, которые хотя, по свободѣ и по происхожденiю своему, равны съ ними, или пожалуй превосходятъ ихъ, но неравны въ отношенiи гражданской доблести, или тѣ, которые стоятъ выше ихъ по богатству, но уступаютъ имъ въ добродѣтели. Итакъ изъ сказаннаго очевидно, что всѣ противорѣчащiя между собою воззрѣнiя относительно разныхъ формъ политическаго устройства имѣютъ на своей сторонѣ только нѣкоторую долю справедливости.

———

7) Аристотель упоминаетъ о немъ также въ Rhetor. III. 3. 9. въ Elench. Soph. 1. 14.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Кому должна принадлежать верховная власть въ государствѣ? Одинаковое затрудненіе въ этомъ случаѣ для большинства и меньшинства. Доказательства въ пользу народнаго правленія; кругъ дѣятельности народа; значеніе закона въ управленіи.

Между тѣмъ трудно рѣшить, кому дѣйствительно должна принадлежать верховная влать въ государствѣ? Очевидно, или массѣ, или богатымъ, или людямъ высшаго круга, или одному лучшему изъ всѣхъ, или наконецъ тирану. Но при всякомъ такомъ рѣшеніи этого вопроса есть, кажется, своего рода затрудненіе. Чтожъ такое? Положимъ, что верховная власть въ государствѣ находится въ рукахъ бѣдныхъ; тогда они, опираясь на свою многочисленность, раздѣлили бы между собою имущество богатыхъ—ужели это не несправедливость? Конечно, правительству это казалось бы справедливымъ; но что же послѣ этого должно назвать самою крайнею несправедливостью? Предположимъ еще, что большинство изъ числа уже всѣхъ остальныхъ вновь раздѣлитъ между собою имущество меньшинства; — этимъ, очевидно, оно въ конецъ повредитъ государству. Но какъ добродѣтель, напротивъ, не вредитъ тому, въ комъ она пребываетъ, такъ слѣдовательно и для государства справедливость не есть что-либо вредное. Отсюда очевидно, что такой порядокъ дѣлъ въ государствѣ не можетъ быть справедливымъ. Иначе всѣ дѣйствія тиранна необходимо суть дѣйствія также справедливыя, потому что онъ, будучи сильнѣйшимъ, точно также дѣйствуетъ на всѣхъ принудительно, какъ большинство дѣйствуетъ относительно богатыхъ. По этому не справедливо ли властвовать меньшинству и людямъ богатымъ? Но если бы они дѣйствовали точно также, какъ и тѣ, т. е. грабили бы большинство и отнимали бы у него имущество; то было ли бы это справедливо? Но вѣдь въ такомъ случаѣ справедливъ и тотъ порядокъ дѣлъ, о которомъ мы выше говорили; итакъ очевидно, что всѣ эти формы правленія дурны и несправедливы. Но не люди ли высшаго круга должны властвовать и управлять всѣми? Въ такомъ случаѣ, всѣ остальные, не имѣя чести участвовать въ государственныхъ должностяхъ, необходимо должны быть людьми, лишенными почета, потому что,

по нашему мнѣнію, почетъ есть процентъ власти; а когда власть находится въ рукахъ однихъ и тѣхъ же, то прочіе необходимо должны оставаться безъ почета. Итакъ можетъ быть лучше, чтобы власть принадлежала одному человѣку, который морально превосходитъ всѣхъ? Но вѣдь это еще олигархичнѣе, потому что въ такомъ случаѣ большинство людей лишается почета. Но можетъ быть кто нибудь скажетъ, что вообще дурно, когда правительственная власть принадлежитъ человѣку, а не закону, потому что человѣкъ подверженъ страстямъ. Но если самый законъ будетъ олигархическимъ или тиранническимъ, то какая въ этомъ разница, въ виду тѣхъ затрудненій, на которыя мы сейчасъ указали? Все, сказанное прежде, одинаково будетъ имѣть мѣсто и въ этомъ случаѣ. Но о прочихъ, относящихся сюда, вопросахъ поговоримъ въ другомъ мѣстѣ, [1]).

Что же касается до того, что правительственная власть скорѣе должна принадлежать большинству, чѣмъ людямъ наилучшимъ, которыхъ всегда бываетъ меньшинство, то хотя въ этомъ мнѣніи и можетъ быть нѣкоторое затрудненіе, но истина все же, кажется, на его сторонѣ. Потому что многіе — хотя каждый въ отдѣльности и не вполнѣ совершенный человѣкъ,— вмѣстѣ конечно могутъ быть лучше тѣхъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности хорошъ: — лучше не порознь, а всѣ вмѣстѣ, подобно тому какъ пиръ въ складчину конечно можетъ быть лучше пира, устроеннаго иждивеніемъ одного. Изъ числа многихъ каждый владѣетъ только извѣстною долею добродѣтели и благоразумія; а вмѣстѣ, какъ множество, это уже какъ бы одинъ человѣкъ, имѣющій много рукъ, много ногъ, много чувствъ; таково же оно въ отношеніи моральномъ и умственномъ. По этому многіе лучше судятъ какъ о произведеніяхъ музыки, такъ и поэзіи: между тѣмъ какъ каждый обращаетъ вниманіе на одну какую нибудь часть, всѣ вмѣстѣ видятъ всё. Но при всемъ томъ, различіе между однимъ человѣкомъ морально совершеннымъ и множествомъ таково же, какое, говорятъ, существуетъ между красивыми и не красивыми, между рисункомъ художника и дѣйствительностію — именно, различіе состоитъ въ томъ, что разрозненное по частямъ здѣсь — тамъ соединено въ одно,

[1]) См. ниже гл. 10.

хотя въ тоже время каждый въ отдѣльности можетъ имѣть тотъ или другой членъ даже болѣе красивымъ, чѣмъ то и другое на рисункѣ. Но неизвѣстно еще, относительно ли всякаго демоса, относительно ли всякаго множества можно признать такое различіе въ немъ большинства отъ меньшинства. По крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ ясно, что нельзя допустить въ нихъ этого различія. Потому что, въ такомъ случаѣ, тоже самое положеніе придется примѣнить и къ животнымъ; вѣдь чѣмъ, къ слову сказать, иные люди отличаются отъ животныхъ? Но тѣмъ не менѣе ничто не препятствуетъ тому, чтобы сказанное выше было справедливо относительно какого либо даннаго множества. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ соображеній, легко можно разрѣшить какъ выше предложенный вопросъ о лицахъ, которымъ должна принадлежать верховная власть въ государствѣ, такъ и слѣдующій вопросъ о томъ, до какихъ предѣловъ должна простирать свою власть масса свободныхъ гражданъ — я разумѣю здѣсь всѣхъ тѣхъ, которые не особенно богаты и не отличаются рѣзко какими либо моральными достоинствами. Участіе такихъ лицъ въ высшихъ государственныхъ должностяхъ не безопасно (потому что вслѣдствіе отсутствія чувства справедливости, или по недостатку благоразумія, они могутъ поступать несправедливо и ошибочно); но съ другой стороны опасно также совершенно удалять ихъ отъ участія въ дѣлахъ государства, потому что, когда многіе въ государствѣ лишены почета и притомъ бѣдны, то, вслѣдствіе этого, государство необходимо наполняется враждебными элементами. Поэтому остается допустить ихъ къ участію въ совѣтѣ и судѣ. Такъ дѣйствительно Солонъ [2]) и нѣкоторые другіе законодатели, предоставляя такимъ людямъ право избранія правительственныхъ лицъ и контроля надъ ними, въ то же время ни одного изъ нихъ въ отдѣльности не допускали къ власти. Потому что хотя всѣ вмѣстѣ они имѣютъ достаточно смысла и въ соединеніи съ лучшими

---

2) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду тотъ законъ Солона, по которому четвертый классъ аѳинскихъ гражданъ (доходъ которыхъ былъ не выше 200 медимновъ или драхмъ), принимая участіе въ народномъ собраніи, имѣлъ право избирать архонтовъ изъ класса пентакосіомедимновъ (людей 1-го класса) а по истеченіи года могъ требовать отъ нихъ отчета въ ихъ дѣятельности (см. выше 11. 9).

приносятъ государству пользу — такъ и не чистопитательные элементы, вмѣстѣ съ элементами чистопитательными, дѣлаютъ всю пищу болѣе полезною, чѣмъ малая доля одного питательнаго элемента; — но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ въ отдѣльности оказывается недостаточно совершеннымъ въ своемъ сужденіи. Такая организація государства представляетъ собою прежде всего слѣдующее затрудненіе: судить о томъ, правильно ли кто лѣчилъ, свойственно, кажется, тому, кто самъ въ состояніи лѣчить, т. е. страдающаго извѣстной болѣзнью дѣлать здоровымъ. Таковъ врачъ. Подобнымъ образомъ во всякой другой практикѣ и во всякомъ другомъ искусствѣ. Далѣе, какъ врачъ долженъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только предъ врачами, такъ и всѣ другіе могутъ быть подъ контролемъ только подобныхъ себѣ. Но врачъ не только тотъ кто практикуетъ, но и тотъ кто владѣетъ и руководитъ цѣлымъ искусствомъ врачеванія, и въ третьихъ еще тотъ кто вообще знакомъ съ этимъ дѣломъ; такъ почти и относительно всѣхъ другихъ искусствъ, всегда найдутся люди, имѣющіе въ нихъ только нѣкоторыя общія познанія. Но право суда не въ меньшей мѣрѣ мы признаемъ за тѣми, кто только практически знакомъ съ дѣломъ, какъ и за людьми, вполнѣ свѣдущими въ немъ. Равнымъ образомъ и относительно избранія властей, кажется, имѣетъ мѣсто тоже самое соображеніе. Но скажутъ, что правильное избраніе свойственно только тѣмъ, которые понимаютъ цѣль, для которой избираютъ кого нибудь. Такъ, избрать геометра есть дѣло людей, свѣдущихъ въ геометріи, а избрать кормчаго могутъ только свѣдущіе въ карабельномъ дѣлѣ. Если же въ иныхъ дѣлахъ и искусствахъ принимаютъ участіе нѣкоторые и изъ постороннихъ, то все же не въ большей мѣрѣ, чѣмъ спеціалисты. Итакъ, на основаніи этихъ соображеній, множество, повидимому, не должно бы имѣть въ своихъ рукахъ права избранія правительственныхъ лицъ и контроля надъ ними, Но должно замѣтить, что всѣ эти соображенія не достаточно правильны. Мы основываемся въ этомъ случаѣ на томъ положеніи, которое прежде высказали, предполагая при этомъ, что большинство стоитъ не на очень уже низкой степени развитія. Выше мы сказали, что каждый изъ массы конечно будетъ худшимъ судьею, чѣмъ спеціалистъ въ какомъ либо дѣлѣ, но что всѣ вмѣстѣ члены множества, если не лучше,

то по крайней мѣрѣ не хуже спеціалистовъ. Кромѣ того есть нѣкоторыя вещи, въ которыхъ разумѣетъ даже и тотъ, кто самъ не владѣетъ искусствомъ дѣлать ихъ; слѣдовательно производители такихъ дѣлъ не только не единственные, но даже и не компетентные въ нихъ судьи; такъ, напримѣръ, судитъ о домѣ въ состояніи не только тотъ, кто его построилъ, но гораздо лучше судитъ о немъ тотъ, кто пользуется имъ (таковъ хозяинъ дома); или, напримѣръ, о достоинствѣ руля кормчій судитъ лучше, чѣмъ плотникъ, точно также о пищѣ судитъ лучше тотъ, кто сидитъ за столомъ, а не поваръ. Такимъ-то, повидимому, путемъ удобно можно рѣшить и то затрудненіе, на которое мы указали выше. Но затѣмъ остается другое затрудненіе: кажется несообразнымъ, чтобы простые люди имѣли преимущество предъ людьми высшаго круга въ такихъ важнѣйшихъ дѣлахъ, какъ контроль надъ правительственными лицами и избраніе ихъ. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ государствахъ обязанность эту, какъ выше сказано, поручаютъ демосу. Народное собраніе господствуетъ тамъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, и члены его, какъ совѣтники, такъ и судьи, вступаютъ въ него по малому цензу и безъ различія въ отношеніи къ возрасту. Между тѣмъ должность правителя общественною казною, предводителя войскомъ и другія важныя правительственныя должности опредѣляются обыкновенно большимъ цензомъ. Но и это затрудненіе рѣшается также легко, какъ предшествующее. Такой порядокъ дѣлъ даже справедливъ, потому что не дикастъ, не отдѣльный членъ совѣта и народнаго собранія имѣетъ власть, но цѣлое судилище, цѣлый совѣтъ и цѣлый народъ. А каждое изъ упомянутыхъ лицъ есть только часть этихъ правительственныхъ институтовъ: таковъ членъ совѣта, членъ народнаго собранія и дикастъ. Такъ оправдывается та высшая власть, какую большинство удерживаетъ за собою въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Такова власть совѣта, народа, судилища, — которыя состоятъ изъ многихъ. Самый цензъ со всѣхъ нихъ будетъ гораздо больше, нежели съ тѣхъ, которые исправляютъ важныя государственныя должности или по одиночкѣ, или въ небольшомъ числѣ. Итакъ вотъ какимъ образомъ разрѣшается это возраженіе. Между тѣмъ изъ перваго, высказаннаго нами, затрудненія [3])

3) Аристотель говоритъ здѣсь объ эксплуатаціи какимъ бы то ни было правительствомъ интересовъ цѣлаго общества — замѣчаніе, высказанное имъ въ началѣ этой главы.

выступаетъ на видъ не что либо другое, какъ то, что господствующею силою въ государствѣ долженъ быть законъ правильный въ основныхъ своихъ положеніяхъ, и правитель — будетъ ли то одно лицо, или нѣсколько, — долженъ простирать свою власть только на то, относительно чего законъ не въ состояніи высказать точныхъ положеній, потому что въ общихъ выраженіяхъ не удобно опредѣлить ясно всѣ случаи. Но каковъ именно долженъ быть правильный законъ, — это пока еще не выяснено, и вопросъ этотъ доселѣ представляетъ такое же затрудненіе, какъ и прежде. Очевидно одно, что какъ политическое устройство, такъ и законы необходимо или дурны, или хороши, или справедливы, или несправедливы. Кромѣ того, очевидно также, что законы должны быть приноровлены къ данному политическому устройству. А если такъ, то ясно, что, при правильныхъ формахъ политическаго устройства, и законы необходимо суть справедливые законы, а при неправильныхъ политическихъ устройствахъ, уклоняющихся отъ нормы, — и законы несправедливы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Взглядъ на справедливое, какъ равное. Условія подлежащія сравненію для опредѣленія политическаго равенства. Несправедливость требованія политическаго преимущества, основаннаго на случайномъ и одностороннемъ неравенствѣ.

Если цѣль всѣхъ наукъ и искусствъ есть благо, то величайшее благо, и притомъ благо по преимуществу, есть конечно цѣль наиглавнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, какова политика. Благо, какъ цѣль политики, есть справедливое, т. е. общее благо. По общему же мнѣнію справедливое есть равное, что до нѣкоторой степени согласно съ тѣми нашими философскими изслѣдованіями, въ которыхъ мы обсуждали разные этическіе во-

просы [1]). Говорятъ, что справедливое есть относительное понятіе, опредѣляемое какъ вещію, такъ и лицомъ, что между равными должно быть равенство; но не должно упускать изъ виду того, относительно чего равенство и относительно чего не равенство. Пунктъ этотъ представляетъ затрудненіе и принадлежитъ къ области политической философіи. Но, можетъ быть, кто нибудь скажетъ: пусть во всемъ прочемъ люди ни чѣмъ не отличаются другъ отъ друга, но правительственная власть должна быть раздѣляема между ними, на основаніи преуспѣянія ихъ въ томъ или другомъ добромъ качествѣ, потому что для людей, различающихся другъ отъ друга по качеству, и право и достоинство различны. Но если это положеніе справедливо, то преимущество въ политическихъ правахъ должно принадлежать и тѣмъ, которые превосходятъ другихъ цвѣтомъ кожи, ростомъ и другими подобными совершенствами. Не очевидная ли это ложь? Что ложь, то это видно на другихъ наукахъ и искусствахъ. Такъ, напримѣръ, при равномъ искусствѣ игроковъ па флейтѣ, лучшую флейту конечно не слѣдуетъ давать тому, кто выше другаго по своему происхожденію, потому что отъ этого онъ не будетъ играть лучше; но преимущество передъ прочими въ инструментѣ должно предоставить тому, кто превосходитъ другихъ самымъ искусствомъ. Если же все, сказанное доселѣ, еще недостаточно выясняетъ дѣло, то мы надѣемся пояснить его такимъ образомъ. Положимъ, что кто нибудь, превосходя другихъ въ игрѣ на флейтѣ, далеко отстаетъ отъ нихъ въ благородствѣ происхожденія и красотѣ, положимъ также, что каждое изъ этихъ достоинствъ (я говорю о благородствѣ происхожденія и о красотѣ) есть большее благо, чѣмъ искусство играть на флейтѣ и что люди, имѣющіе эти достоинства, стоятъ гораздо выше сравнительно съ тѣмъ, на сколько игрокъ на флейтѣ превосходитъ ихъ своимъ искусствомъ, — но при всемъ томъ лучшія флейты все-таки должны быть отданы ему, а не имъ. Ибо, въ противномъ случаѣ, всякое преимущество богатства, или благородства происхожденія должно бы содѣйствовать успѣху самого дѣла, а вѣдь эти преимущества въ дѣйствительности не оказываютъ дѣлу никакого содѣйствія. Кромѣ того, на этомъ основаніи всякое благо можно бы было срав-

1) По преимуществу въ Н.Эѳ. Nік. V. 8.

нивать со всякимъ другимъ. Такъ, если кто, по величинѣ, имѣетъ преимущество предъ другимъ, то и вообще величину пришлось бы сравнивать и съ богатствомъ и съ свободой. Положимъ, напримѣръ, что А, по величинѣ своей, имѣетъ болѣе преимущества предъ другими, чѣмъ Б по своей добродѣтели; допуская, что вообще величина имѣетъ болѣе преимущества, сочѣмъ добродѣтель, все можно бы было сравнивать между собою. Потому что, если данная величина лучше другой данной величины, то ясно, что между ними есть нечто равное. Но такъ какъ такое мѣрило не возможно, то и въ политической средѣ тѣ, очевидно, поступаютъ благоразумно, которые вопросъ о власти рѣшаютъ не на основаніи всякаго неравенства. Такъ, напримѣръ, если одни медленны въ ходьбѣ, а другіе скоры, то это различіе не даетъ ни малѣйшаго основанія для того, что бы одни имѣли болѣе власти, чѣмъ другіе; это различіе получаетъ свое значеніе только въ гимнастическихъ состязаніяхъ. Рѣшать же вопросъ о власти необходимо на основаніи тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ государство. Посему благородные, свободные и богатые имѣютъ достаточное основаніе для того, чтобы оспаривать другъ у друга часть власти; потому что въ составъ государства должны входить какъ свободные, такъ и люди достаточные, которые въ состояніи бы были вносить извѣстный цензъ [2]), а изъ однихъ бѣдныхъ, точно также какъ и изъ однихъ рабовъ, не можетъ составиться никакого государства. Но если богатство и свобода суть необходимые элементы, входящіе въ составъ государства, то справедливость и воинская доблесть также необходимы для него; потому что и безъ нихъ государство не можетъ существовать. Разница въ томъ, что безъ тѣхъ элементовъ просто не можетъ быть государства, а безъ этихъ оно не можетъ существовать хорошо. И такъ, что касается только до существованія государства, то все, или по крайней

2) Аристотель очевидно имѣлъ здѣсь въ виду раздѣленіе аѳинскихъ гражданъ, на четыре класса, сдѣланное Солономъ па основаніи ихъ имущества. Смотря по оцѣнкѣ имущества каждый классъ платилъ государству, въ случаѣ нужды, извѣстный окладъ. По изслѣдованію Бёка (Staatshaushaltung der Athener. Bd. II. стр. 58 и слѣдующ.) оказывается, что капиталъ, подлежащій подати, высчитывался чрезъ умноженіе ежегоднаго дохода — для перваго, самаго богатаго класса — на 12; для втораго — на 10, а для третьяго — на 5.

мѣрѣ нѣкоторые изъ упомянутыхъ элементовъ его, по справедливости, могутъ быть поставлены подъ сомнѣніе, относительно преимущественнаго ихъ значенія одного предъ другимъ. А въ отношеніи къ счастливой жизни государства, какъ уже и прежде было сказано, со всѣмъ правомъ могли бы поспорить между собою о преимуществѣ только умственное и моральное образованіе. Но такъ какъ равные въ чемъ нибудь одномъ не должны имѣть равенства и во всѣмъ, точно также какъ неравные въ одномъ не должны быть неравными во всемъ[3]); то всѣ тѣ формы политическаго быта, которыя не держатся на этомъ началѣ, необходимо представляютъ собою уклоненіе отъ настоящей нормы. Выше мы уже сказали, что всѣ только въ нѣкоторомъ отношеніи справедливо спорятъ между собою о своихъ преимуществахъ, но обсолютно не всѣ въ этомъ случаѣ поступаютъ справедливо. Такъ, напримѣръ, богатые основываютъ свое преимущество предъ другими на томъ, что имъ принадлежитъ большая часть страны: но страна есть общее достояніе всего государства. Кромѣ того, они еще указываютъ въ этомъ случаѣ на то, что въ торговыхъ обязательствахъ они пользуются большимъ кредитомъ. Люди свободные и люди хорошаго рода, стоя близко другъ къ другу, также сталкиваются между собою по вопросу о преимуществѣ. Люди хорошаго рода, конечно, болѣе граждане, чѣмъ люди низкаго происхожденія, и благородство происхожденія всюду пользуется почетомъ, тѣмъ болѣе что отъ лучшихъ, естественно, и происходятъ лучшіе, потому что благородство есть преимущество цѣлаго рода[4]). Подобнымъ образомъ и личная добродѣтель человѣка, по нашему мнѣнію, справедливо служитъ ему основаніемъ для требо-

3) Это положеніе, очевидно, служитъ для Аристотеля основаніемъ тому требованію, чтобы личность каждаго гражданина, въ основныхъ ея опредѣленіяхъ, какъ мы старались показать это въ нашемъ изслѣдованіи, была сохранена при всякомъ политическомъ устройствѣ.

4) Подобное же воззрѣніе на родовую аристократію встрѣчается въ фрагментѣ Аристотеля περὶ εὐγενείας, который находится у Аѳенея, Плутарха и Стобея. Сюда относится слѣдующее мѣсто фрагмента, которое приводитъ Стобей. Мѣсто испорченное; читаемъ его по тексту исправленному Бернаемъ. См. Die Dialoge. D. Aristot. и т. д. стр. 142. ὅταν μὲν οὖν αὐτὸς ἀγαθὸς (ᾖ), μὴ ἔχῃ δὲ τοιαύτην δύναμιν τῆς φύσεως, ὥς τίκτειν πολλοὺς ὁμοίους οὐκ ἔχει ἀρχήν· (Ἐν ὅσοις δέ) τοιαύτη δύναμις, ἐν τούτοις ἀρχὴ τοῦ γένους.

ванія преимущества предъ другими. Такова справедливость, которую мы считаемъ собственно добродѣтелью общественнаго быта и которой необходимо сопутствуютъ всѣ другія добродѣтели. Но и большинство также имѣетъ преимущество предъ меньшинствомъ, потому что многіе, взятые вмѣстѣ, сравнительно съ меньшинствомъ, оказываются и богаче и сильнѣе и лучше. Предположимъ теперь, что въ какомъ либо государствѣ есть и люди съ личнымъ достоинствомъ, и богатые, и благородные, да кромѣ того еще извѣстное количество другихъ граждан: спрашивается, ужели въ этомъ случаѣ можетъ быть сомнѣніе на счетъ того, кому должна принадлежать власть, или здѣсь уже нѣтъ никакого сомнѣнія? Относительно каждой изъ упомянутыхъ формъ политическаго устройства вопросъ этотъ рѣшается помимо всякаго спора; потому что самое различіе этихъ формъ условливается различіемъ верховной власти, т.-е. въ одномъ государствѣ представителями верховной власти служатъ богатые, въ другомъ люди лучшіе и такъ далѣе, въ каждомъ изъ прочихъ. Но обратимъ вниманіе на то, какъ долженъ быть рѣшенъ вопросъ о власти, когда въ государствѣ, въ одно и то же время, находятся всѣ эти различные элементы? Предположимъ еще, что люди, имѣющіе личное достоинство, составляютъ въ государствѣ меньшинство — какимъ образомъ тогда должно будетъ рѣшить вышепредложенный вопросъ? Должно ли трактовать ихъ, какъ меньшинство съ точки зрѣнія самого дѣла, т.-е. въ состояніи ли они отправлять всѣ государственныя должности, или съ той точки, что количество ихъ должно быть таково, чтобы изъ нихъ составилось государство. Впрочемъ, по вопросу о государственныхъ почестяхъ, всегда есть какое либо возраженіе относительно всѣхъ вообще претендентовъ. Тѣ, которые свое право на власть основываютъ на богатствѣ, равно какъ и тѣ, которые основываютъ его на своемъ происхожденіи, по видимому, претендуютъ несправедливо. Потому что если въ средѣ первыхъ есть кто нибудь одинъ богаче ихъ всѣхъ, то очевидно, что этотъ одинъ, по тому же самому праву, долженъ будетъ властвовать надъ всѣми, точно также какъ среди тѣхъ, которые оспариваютъ другъ у друга преимущество, на основаніи свободнаго рожденія, власть должна принадлежать тому, кто благородствомъ своего происхожденія отличается передъ всѣ-

ми. То же самое должно быть и при аристократическомъ устройствѣ государства, гдѣ право на власть основывается на личномъ достоинствѣ; именно, если изъ среды людей, лично способныхъ къ государственному управленію, найдется одинъ лучшій прочихъ, то, на основаніи того же самаго права, онъ долженъ быть верховнымъ главою въ государствѣ. Равнымъ образомъ, такъ какъ право массы на верховную власть въ государствѣ основывается на томъ, что она сильнѣе меньшинства, то если бы одинъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое меньшинство оказалось сильнѣе прочихъ, въ такомъ случаѣ оно болѣе должно бы было имѣть права на верховную власть, чѣмъ самое большинство. Изъ всего этого, по видимому, достаточно ясно, что ни одно изъ вышесказанныхъ условій не на столько истинно, чтобы, по силѣ его, извѣстная часть гражданъ считала себя въ правѣ властвовать, а отъ другихъ всѣхъ требовать себѣ подчиненія. Такъ, сравнительно съ тѣми, которые думаютъ, что верховная власть въ государствѣ принадлежитъ имъ, на основаніи ихъ личнаго достоинства, равно какъ сравнительно съ тѣми, которые опираются въ этомъ случаѣ на своемъ богатствѣ, большинство имѣетъ, кажется, на своей сторонѣ болѣе справедливое основаніе; потому-что ни мало не странно, что множество, конечно въ совокупности своихъ членовъ, лучше и богаче меньшинства. Такимъ же путемъ можно разрѣшить и слѣдующій вопросъ, который предлагаютъ нѣкоторые, какъ проблемму изслѣдованія. Именно, нѣкоторые спрашиваютъ, какъ долженъ поступить законодатель, желающій издать самые правдивые законы, въ томъ случаѣ, когда въ государствѣ происходитъ то столкновеніе правъ, о которомъ мы говорили: долженъ ли онъ обращать вниманіе на интересы лучшихъ, или на интересы большинства? Справедливое въ этомъ случаѣ должно быть понято, какъ равное, а равно справедливое есть то, что полезно какъ для цѣлаго государства, такъ и вообще для всѣхъ его гражданъ. Гражданинъ же вообще есть тотъ, кто столько же властвуетъ, сколько и подчиняется власти, хотя въ каждомъ политическомъ устройствѣ онъ не одинъ и тотъ же. Въ наилучшемъ политическомъ устройствѣ гражданинъ дѣйствительно тотъ, кто, сообразно съ цѣлію морально совершенной жизни, способенъ и согласенъ какъ подчиняться власти, такъ и самъ властвовать.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Положеніе наилучшаго, или наилучшихъ въ средѣ равныхъ. Остракизмъ. Общее его значеніе и частное—въ правильныхъ формахъ политическаго устройства.

Положимъ, что въ какомъ либо государствѣ есть одинъ, или нѣсколько людей, но не такъ много, чтобы они могли составить изъ себя цѣлое государство, которые на столько превосходятъ другихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, что всѣ остальные, какъ по личному достоинству, такъ и по гражданскому значенію, не могутъ идти въ сравненіе съ ними, если ихъ нѣсколько, или даже съ нимъ, если таковъ одинъ. Предполагая такихъ людей, мы не должны уже считать ихъ частію государства, потому что, будучи такъ не равны съ другими, по своему личному достоинству и по своему гражданскому значенію, они будутъ конечно терпѣть несправедливость, если мы сочтемъ ихъ за равныхъ со всѣми другими. Такой человѣкъ, напротивъ, есть какъ бы богъ между людьми. Отсюда ясно, что законодательство необходимо должно имѣть въ виду только равныхъ, какъ по происхожденію, такъ и по своему гражданскому значенію. А для такихъ людей, о которыхъ мы выше говорили, нѣтъ закона, потому что они сами законъ, и попытка подчинить ихъ какому либо закону была бы конечно смѣшна. Въ этомъ случаѣ они, пожалуй, сказали бы то же что, по словамъ Антисѳена, сказали львы, когда зайцы, толкуя однажды въ собраніи звѣрей, требовали для всѣхъ равенства [1]). Вотъ причина, почему въ демократическихъ государствахъ существуетъ остракизмъ. Стремясь къ равенству больше всѣхъ государствъ, онѣ, посредствомъ остракизма, удаляютъ на нѣкоторое время изъ государства такихъ гражданъ, которые, какъ кажется имъ, превосходятъ другихъ или своимъ богатствомъ, или множествомъ своихъ друзей,

1) Антисѳенъ — ученикъ Сократа. Діогенъ исчисляетъ его этическія сочиненія, въ которыхъ, вѣроятно, и приводится эта сказка о львахъ. Изъ Эзопа видно, что львы отвѣчали зайцамъ въ такомъ смыслѣ: для поддержанія - де такой претензіи вамъ слѣдуетъ имѣть зубы подобные нашимъ. (См. Шнейдеръ. Тамъ же стр. 206 и С.-Илеръ. Тамъ же стран. 171.)

или чѣмъ-либо другимъ, что усиливаетъ ихъ гражданское значеніе. На подобномъ основаніи, какъ повѣствуется въ миѳологіи, и Аргонавты исключили изъ своей среды Геракла. Разсказываютъ, что Аргосъ не хотѣлъ везти его вмѣстѣ съ другими пловцами по той причинѣ, что онъ далеко превосходилъ ихъ [2]). Посему нельзя абсолютно утверждать, что тѣ, которые осуждаютъ тираннію и совѣтъ, данный Періандромъ Тразивулу, разсуждаютъ вполнѣ основательно. Разсказываютъ, что Періандръ, не сказавъ ничего послу, который былъ посланъ къ нему за совѣтомъ, ограничился тѣмъ, что сровнялъ поле, выдернувъ всѣ выдающіеся на немъ колосья. Когда посолъ, не понимая цѣли, съ которою это было сдѣлано, разсказалъ все это Тразивулу, то Тразивулъ понялъ, что совѣтъ заключается въ томъ, что всѣ люди, выступающіе изъ общаго уровня, должны быть удалены [3]). Но остракизмъ не только выгоденъ для тиранновъ — и не одни тиранны имъ пользуются — онъ одинаково имѣетъ мѣсто и въ монархіяхъ и въ демократіяхъ. Потому что остракизмъ точно также состоитъ и въ простомъ ограниченіи людей выдающихся, какъ и въ изгнаніи ихъ. Государства и народы, имѣющіе на своей сторонѣ преимущество силы, поступаютъ такъ даже съ другими государствами и народами; такъ, напримѣръ, Аѳиняне поступили съ Самосцами, Хіосцами и Лесбосцами [4]); коль скоро послѣдніе достигли довольно сильнаго могущества, Аѳиняне стѣснили ихъ, не смотря даже на существующій между ними договоръ. Такъ и персидскій царь часто ослаблялъ Мидянъ, Вавилонянъ и всѣ другіе народы, которые гордились, памятуя о своемъ прежнемъ господствѣ [5]). Вопросъ объ остракизмѣ касается всѣхъ формъ политическаго устройства, даже и правильныхъ. Конечно, тѣ политическія устройства, которыя представляютъ уклоненіе отъ настоящей нормы, дѣйствуютъ въ

2) Аполлодоръ (Bibliot. I. IX. § 19) разсказываетъ, что самъ корабль Аргосъ, остановившись, изрекъ, что онъ не можетъ везти Геракла.

3) Геродотъ (кн. V, гл. 92) разсказываетъ напротивъ, что Тразивулъ, тираннъ Милета, далъ этотъ совѣтъ Періандру Коринѳскому.

4) Въ исторіи Фукидида разсказано нѣсколько случаевъ жестокаго обращенія Аѳинянъ съ своими союзниками. (См. кн. I, 99; VI, 53 VII, 57; VIII, 73.)

5) См. Геродотъ. I, 192 и III, 150.

этомъ случаѣ въ виду только своей собственной пользы: но тѣмъ не менѣе и въ тѣхъ политическихъ устройствахъ, цѣль которыхъ — общее благо, поступаютъ такимъ же образомъ. Начало остракизма выступаетъ ясно также и въ области другихъ искусствъ и знаній. Такъ живописецъ не позволилъ бы себѣ, чтобы у изображаемой имъ фигуры нога вышла больше, чѣмъ сколько позволяетъ симметрія, хотя бы черезъ это она выигрывала въ красотѣ. Равнымъ образомъ строитель корабля не сдѣлаетъ руль или другую какую-либо часть корабля въ чрезмѣрно большомъ видѣ. Точно также управитель хора не допуститъ, чтобы голосъ, который превосходитъ весь хоръ своею силою и изяществомъ, раздавался въ хорѣ вмѣстѣ съ остальными голосами. Смотря на остракизмъ съ этой точки зрѣнія, мы не видимъ никакого препятствія къ тому, чтобы и единодержавные правители, если только правленіе ихъ приноситъ государству пользу, дѣйствуя такимъ образомъ, оставались въ согласіи съ своимъ государствомъ. Вообще принципъ остракизма, примѣняемый къ тѣмъ случаямъ неравенства, относительно которыхъ согласны всѣ, имѣетъ за собой нѣкоторое политическое право. Но лучше конечно, если законодатель съ самаго начала постарается организовать политическій бытъ государства такъ, что онъ не будетъ имѣть нужды въ такомъ средствѣ врачеванія; при вторичной же организаціи [6]), можно прибѣгнуть и къ подобному средству.

Между тѣмъ въ существующихъ государствахъ на самомъ дѣлѣ бывало доселѣ не такъ: прибѣгая къ остракизму, тамъ обыкновенно не имѣли въ виду выгоду существующаго политическаго быта, но пользовались имъ пристрастно, въ интересахъ разныхъ политическихъ факцій. Итакъ очевидно, что въ такихъ формахъ политическаго быта, которыя уклоняются отъ настоящей его нормы, остракизмъ служитъ только частнымъ интересамъ и оправдывается лишь съ этой точки зрѣнія; но абсолютно справедливымъ въ этомъ случаѣ онъ, очевидно, не можетъ быть названъ. Между тѣмъ, и относительно наилучшаго политическаго устройства, большое затрудненіе по поводу остракизма представляетъ слѣдующее обстоятельство: положимъ, что здѣсь кто-нибудь превосходитъ другихъ не какими либо внѣшними благами, напримѣръ,

6) Δεύτερος δὲ πλοῦς.

силою, богатствомъ, большинствомъ друзей, но отличается отъ всѣхъ своимъ личнымъ достоинствомъ — спрашивается: что должно дѣлать въ такомъ случаѣ? Конечно, никто не скажетъ, что такого человѣка должно изгнать и удалить, но и остальнымъ также нельзя имѣть притязанія на то, чтобы властвовать надъ нимъ, потому что это было бы похоже на то, еслибы люди, раздѣляя между собою власть, захотѣли властвовать и надъ самимъ Зевсомъ. Итакъ остается одно, что впрочемъ совершенно согласно съ природою вещей, чтобы всѣ охотно повиновались такому человѣку. Такіе люди въ въ государствахъ суть вѣчные цари ихъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Царство и разные виды этой формы политическаго устройства.

Теперь удобно перейти къ разсмотрѣнію вопроса о царствѣ. Мы сказали уже, что эта форма политическаго устройства есть одна изъ правильныхъ. Но въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, полезно ли для благосостоянія государства и цѣлой страны быть подъ управленіемъ царской власти, или, напротивъ, для этого потребна скорѣе какая нибудь другая форма политическаго устройства, или, наконецъ, она полезна только для нѣкоторыхъ странъ, а для другихъ вовсе безполезна. Прежде надо рѣшить здѣсь слѣдующій вопросъ: есть ли данное политическое устройство одно въ своемъ родѣ, или оно имѣетъ много различій. Легко понять, что институтъ царской власти распадается на нѣсколько родовъ, и что образъ царскаго управленія не одинъ и тотъ же во всѣхъ государствахъ. Въ конституціи Лакедемонянъ институтъ царской власти, кажется, есть наиболѣе нормальное учрежденіе; господство царской власти не простирается тамъ на все, но только за предѣлами страны царь есть глава воинской дружины. Кромѣ того царямъ спартанскимъ поручено служеніе богамъ. Такой институтъ есть такимъ образомъ какъ бы нѣкоторая самодержавная, пожизненная стратегія. Царь не имѣетъ тамъ власти надъ жизнію и смертію, исклю-

чая времени воинскихъ походовъ, какъ это было и у древнихъ, когда царь дѣйствовалъ безъ суда [1]). Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Гомеръ. Такъ Агамемнонъ терпѣливо переносилъ въ народныхъ собраніяхъ все, что ни слышалъ тамъ про себя дурнаго, но лишь только выступали въ поле, онъ получалъ власть надъ жизнію и смертію. Такъ онъ говоритъ: кого я увижу вдали отъ поля битвы, тому нѣтъ уже надежды избѣжать собакъ и птицъ: въ моихъ рукахъ смерть [2]). Итакъ вотъ одинъ видъ института царской власти — пожизненная стратегія. Впрочемъ она бываетъ двоякаго рода: или наслѣдственная, или избирательная, на основаніи личнаго достоинства. Кромѣ того есть еще другой видъ царской власти — таковы царства у нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ. Во всѣхъ такаго рода монархіяхъ царская власть, по могуществу своему, близко подходитъ къ власти тиранна, но вмѣстѣ съ тѣмъ она основана на законѣ и наслѣдственна въ родѣ. Такъ какъ варварскіе народы и вообще племена, населяющія Азію, по природѣ своей, суть люди болѣе рабскаго характера, чѣмъ Геллены и народы, живущіе въ Европѣ, то деспотическое правленіе они переносятъ безъ всякой непріязни [3]). Будучи такимъ об-

---

1) Спартанскіе цари были военные предводители народа и жрецы его. Прочія прерогативы царской власти были въ рукахъ эфоровъ. Но на войнѣ цари были неограниченными правителями, съ правомъ на жизнь и смерть. По словамъ Геродота (VI, 56.), самое объявленіе войны зависѣло въ Спартѣ отъ одного царя, впрочемъ впослѣдствіи (съ 417 до Р. Х.) и на войнѣ власть спартанскаго царя была стѣснена вліяніемъ 10 совѣтниковъ и двухъ эфоровъ, постоянно находившихся при войскѣ. По словамъ Ксенофонта, эфоры имѣли право подвергнуть тюремному заключенію царя, подозрѣваемаго въ измѣнѣ (см. Полит. кн. II глава 6. Примѣчанія 25 и 17.)

2) См. Ил. II ст. 391. У Гомера это мѣсто читается нѣсколько иначе. Въ Никомахейской Этикѣ (III. II.) Аристотель приводитъ эти же слова Гомера и приписываетъ ихъ Гектору. Но у Гомера (Ил. XV ст. 348) Гекторъ говоритъ нѣсколько иначе. Очевидно, Аристотель въ обоихъ случаяхъ передаетъ только смыслъ того и другаго мѣста.

3) Мнѣніе Аристотеля о варварахъ, какъ о людяхъ рабскаго свойства, повторяется имъ еще въ IV книгѣ, въ 6 главѣ. Это же мнѣніе, кажется, особенно было проведено философомъ въ сочиненіи: περὶ βασιλείας, написанномъ, по словамъ Аммонія, для Александра. У Плутарха (De fort. Alexandri 1. 6) читаемъ: οὐ γὰρ ὡς Ἀριστοτέλης συνεβούλευεν αὐτῷ (Александру), τοῖς μὲν Ἕλλησιν ἡγεμονικῶς, τοῖς δὲ βαρβάροις δεσποτικῶς χρώμενος, καὶ τῶν μὲν ὡς φίλων καὶ οἰκείων ἐπιμελούμενος,

разомъ тиранническими, варварскія царства въ то же время достаточно прочны, потому что царская власть въ нихъ наслѣдственна въ родѣ и опирается на законъ. По этой-то причинѣ и войско въ этихъ царствахъ имѣетъ характеръ царскаго войска, а не войска тиранна; царское войско состоитъ изъ вооруженныхъ гражданъ, а войско тиранна изъ наемниковъ — чужестранцевъ [4]. Притомъ цари управляютъ тѣми, которые подчиняются имъ по доброй волѣ, а тиранны — тѣми, которые не добровольно подчинены имъ, такъ что первые имѣютъ войско изъ числа самихъ гражданъ, а вторые содержатъ его противъ гражданъ. Итакъ вотъ два вида монархіи: еще иной видъ монархіи есть та самая монархія, что была у древнихъ Гелленовъ; представителей такой монархіи называютъ эсимнитами [5]. Этотъ видъ монархіи, просто сказать, есть не что иное, какъ избирательная тираннія; отъ варварской монархіи она отличается не тѣмъ, что не основывается на законѣ, но тѣмъ лишь, что она не наслѣдственна. Въ нѣкоторыхъ монархіяхъ такого рода монархическая власть пожизненна, въ другихъ она ограничивается опредѣленнымъ срокомъ, наконецъ она существуетъ часто только для извѣстныхъ дѣйствій. Такъ Митиленцы избрали нѣкогда Питтака, [6] для войны со ссыльными, которыми предводительствовалъ Антименидъ и поэтъ Алцей. Въ одной изъ сво-

τοῖς δὲ ὡς ζῴοις ἢ φυτοῖς προσφερόμενος πολεμοποιῶν φυγῶν ἐνέπλησε καὶ στάσεων ὑπούλων τὴν ἡγεμονίαν, ἀλλὰ κτλ.

4) Аристотель, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду тиранновъ Самоса, Коринѳа и другихъ. Но нельзя не замѣтить, что войско наемное, какъ бы ни производился наемъ, въ отличіе отъ обязательной милиціи и отъ войска волонтеровъ, всегда служитъ признакомъ тиранническаго правительства.

5) Объ эсимнитахъ Аристотель говоритъ еще въ VI кн. въ 8 главѣ. Тѣмъ же именемъ эсимнитовъ названы у него тиранны въ Кимѣ (см. Нейманъ. Fragm. Aristot. стр. 122.) Самое имя эсимнитовъ (αἶσα ровная доля и νεμητής — раздѣлитель) показываетъ, что сущность этой власти, приближающейся къ тиранніи, состояла въ томъ, что эсимниты, во время своего избранія должны были возстановить порядокъ въ государствѣ, нарушенный враждующими партіями. См. Германъ. Lehrbuch d. griech. Staatsalterth. § 63. Вахсмутъ. Hellenische Alterthumskunde 1. I. стр. 200 и 281.

6) Питтакъ, тиранъ Митилены, извѣстенъ какъ одинъ изъ семи мудрецовъ (см. Страб. кн. VII, стр. 917).

ихъ сколическихъ пѣсней Алцей [7]) говоритъ, что Митиленцы избрали Питтака тиранномъ. Онъ укоряетъ ихъ за то, что они «зловреднаго отечеству Питтака, единогласно его восхваляя, поставили тиранномъ въ кроткомъ и угнетенномъ судьбою государствѣ.» Итакъ эти монархіи, въ силу своего тираннческаго характера, есть и были деспотическими; но съ другой стороны, такъ какъ монархъ есть здѣсь лицо избирательное, и подданные подчиняются его власти добровольно, то онѣ оказываются царственными монархіями. Четвертый видъ царскаго единодержавія представляютъ монархіи временъ героическихъ. Онѣ опредѣляются добровольнымъ подчиненіемъ подданныхъ, наслѣдственностію власти въ одномъ родѣ и опираются на законъ. Такъ какъ первые представители извѣстнаго рода оказали для массы какое-либо благодѣяніе, или въ области мирныхъ искусствъ, или въ дѣлахъ войны, или собраніемъ народа, или наконецъ пріобрѣтеніемъ земель, то они добровольно были избраны царями, и царская власть осталась наслѣдственною въ ихъ потомствѣ. Они предводительствовали на войнѣ и приносили жертвы, исключая гіеротическихъ; кромѣ того рѣшали также и тяжебныя дѣла. При этомъ одни употребляли клятву, а другіе не употребляли. Самая же клятва состояла въ поднятіи скиптра [8]). Цари древняго времени управляли совмѣстно, какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами государства. Въ послѣдствіи же, когда частію сами цари отказались отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ правъ, а частію онѣ отняты были у нихъ народомъ — въ нѣкоторыхъ государствахъ царямъ предоставлено было только право приносить жертвы; а въ другихъ, сколько-нибудь достойныхъ имени царствъ, они удержали за собою только предводительство на войнѣ внѣ предѣловъ государства.

7) Алцей — лирическій поэтъ древности. Сколическая пѣснь обыкновенно понимается, какъ застольная пѣснь. У Алцея составъ стиха такой:

— Τὸν κακοπάτριδα
Πιττακὸν πόλεως τᾶς ἀχόλω καὶ βαρυδαίμονος
Ἐστάσαντο τύραννον μέγ᾽ ἐπαινεῦντες ἀολέες.

См. Геттлингъ. Тамъ же Adnotat. стр. 365.

8) Аристотель очевидно изображаетъ здѣсь древнихъ царей Гомеровской эпохи. Сравн. Пл. X. ст. 321; VII. ст. 412.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Продолженіе взгляда на царство. Два основныхъ вида этой формы политическаго быта. Абсолютная монархія; доказательства въ пользу и противъ ея, въ связи съ взглядомъ на аристократію. Ходъ развитія разныхъ формъ политическаго устройства. Наслѣдственность царской власти. Количество военной силы въ рукахъ царя.

Итакъ вотъ четыре вида царства. Первый видъ относит-
ся къ временамъ героичечскимъ (подданные подчинялись ца-
рю добровольно, и власть его имѣла извѣстный опредѣлен-
ный кругъ дѣятельности — именно царь былъ стратегомъ,
дикастомъ и верховнымъ служителемъ передъ богами). Вто-
рой видъ — царство варварское (это — наслѣдственное въ родѣ,
деспотическое правленіе, опирающееся на законы). Третій
видъ тотъ, который называютъ эсимнитіею, (такова избира-
тельная тираннія.) Четвертый видъ составляетъ лакедемонское
царство Собственно говоря, это пожизненная родовая стра-
тегія. Такъ различаются между собою всѣ эти виды царства.
Но есть еще пятый видъ царства, когда верховная власть въ
государствѣ надъ всѣмъ и всѣми принадлежитъ одному лицу.
Такая власть царя соотвѣтствуетъ власти домохозяина. Какъ
хозяинъ въ домѣ — какъ бы нѣкоторый царь въ немъ, такъ и
царь является здѣсь какъ бы хозяиномъ государства, или цѣ-
лаго народа, или даже нѣсколькихъ народовъ. Итакъ, соб-
ственно говоря, существуетъ только два вида царства, на ко-
торые намъ должно обратить вниманіе — это вопервыхъ, то
царство, о которомъ мы сейчасъ сказали, и вовторыхъ, цар-
ство Лакедемонское. Такимъ образомъ разсмотрѣнію нашему
подлежатъ собственно два вопроса: вопервыхъ, полезно ли
для государства имѣть пожизненнаго стратега, и притомъ луч-
ше ли, чтобы эта власть была наслѣдственна въ родѣ, или
чтобы она была избирательная; вовторыхъ, полезно ли или
нѣтъ, чтобы верховная власть въ государствѣ принадлежала
одному лицу? Но разсуждать о вышеупомянутой стратегіи
значитъ имѣть дѣло съ законодательствомъ, а не съ полити-
ческимъ устройствомъ, потому что такая стратегія можетъ
быть во всякомъ политическомъ устройствѣ. Посему, оставляя
первый вопросъ въ сторонѣ, обратимъ вниманіе на вторую
форму царства, которая составляетъ собою отдѣльный видъ

политическаго устройства и постараемся рѣшить всѣ пред-
ставляющіеся здѣсь вопросы.

Началомъ нашего изслѣдованія служитъ слѣдующій во-
просъ: болѣе ли полезно для государства быть подъ властію
наилучшаго человѣка, или полезнѣе для него быть подъ упра-
вленіемъ наилучшихъ законовъ. Защитники института цар-
ской власти утверждаютъ, что законы высказываютъ только
общія положенія и не постановляютъ ничего касательно от-
дѣльныхъ случаевъ, такъ что здѣсь, какъ во всякомъ иску-
ствѣ, безразсудно опираться на букву закона — такого, напри-
мѣръ, который, какъ въ Египтѣ, позволяетъ врачамъ лѣчить
больнаго только на четвертый день его болѣзни, если же
врачъ начнетъ лѣчить ранѣе, то рискуетъ самъ собою [1].
Такимъ образомъ очевидно, что письменное законодатель-
ство само по себѣ не условливаетъ еще наилучшаго полити-
ческаго устройства. Но тѣмъ не менѣе правительственныя ли-
ца должны имѣть въ немъ общее основаніе для своей дѣя-
тельности, потому что свободное отъ страсти лучше того,
чему свойственна она по природѣ. Закону страсть не при-
частна, а въ душѣ каждаго человѣка она находитъ себѣ мѣ-
сто. Но съ другой стороны, пожалуй, можно сказать, что въ
частныхъ случаяхъ хорошій правитель лучше разсудитъ, чѣмъ
законъ. Потому очевидно, ему и слѣдуетъ быть законодате-
лемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ должны существовать и законы,
и только въ случаѣ уклоненія ихъ отъ справедливости, они
не могутъ имѣть надъ правителемъ обязательной силы, а ина-
че они должны быть для него обязательны. Но въ случаѣ,
если законъ не въ состояніи рѣшить дѣла удовлетворительно,
кто, спрашивается, долженъ имѣть власть — одинъ ли кто либо
лучшій, или всѣ? На дѣлѣ теперь бываетъ такъ, что всѣ, со-
шедшись вмѣстѣ, разсуждаютъ, совѣтуются и произносятъ рѣ-
шенія, и всѣ эти рѣшенія касаются только отдѣльныхъ случаевъ.
Хотя каждый въ отдѣльности, конечно, окажется хуже, сравни-
тельно съ хорошимъ правителемъ, но о государствѣ, какъ о цѣ-
ломъ состоящемъ изъ многихъ, должно замѣтить тоже, что о

1) У Египтянъ, по словамъ Діодора Сицилійскаго, (см. кн. I гл. 82)
все врачебное искусство было предписано законами. Тотъ законъ, о
которомъ говоритъ здѣсь Аристотель, по словамъ Геродота, (кн. II
гл. 89) касается только женщинъ. Впрочемъ см. Герод. II, 84.

пирѣ: какъ пиръ въ складчину лучше пира, на который употреблены только издержки одного человѣка, такъ и масса во многихъ случаяхъ судитъ лучше, чѣмъ одинъ человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ. Къ тому же большинство болѣе свободно отъ поврежденія. Какъ большая масса воды, такъ и большинство людей, сравнительно съ меньшинствомъ, менѣе доступно порчѣ. Одинъ человѣкъ, будучи подъ вліяніемъ гнѣва или другой подобной страсти, тѣмъ самымъ необходимо портитъ свой смыслъ. Но трудно, чтобы всѣ вмѣстѣ разгнѣвались и впали въ ошибку. Подъ всѣми въ настоящемъ случаѣ мы разумѣемъ только людей свободныхъ и на столько развитыхъ, что они ничего не дѣлаютъ противъ закона, исключая тѣхъ случаевъ, когда необходимость заставляетъ ихъ уклониться отъ него. Положимъ, что во многихъ случаяхъ это не легко, но если большинство въ государствѣ дѣйствительно состоитъ изъ хорошихъ людей и гражданъ, то одинъ ли кто нибудь будетъ въ этомъ случаѣ болѣе безошибочнымъ правителемъ, или большинство этихъ хорошихъ? Не ясно ли, что большинство? Но скажутъ: въ массѣ возможны волненія, а одинъ свободенъ отъ нихъ. На это должно отвѣчать, что мы беремъ большинство людей съ такими же хорошими качествами, какъ тотъ одинъ. И такъ, называя правленіе многихъ лучшихъ людей аристократіею, а правленіе одного—царствомъ, мы должны признать, что аристократія предпочтительнѣе царства, если только въ государствѣ можно найти большинство людей одинаково хорошихъ.

Царство есть древнѣйшая форма политическаго устройства, такъ какъ тогда трудно было найти людей, которые бы достаточно превосходили другихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, особенно если возьмемъ во вниманіе малонаселенность тогдашнихъ государствъ. Царями обыкновенно ставили только нѣкоторыхъ, за ихъ благотворную дѣятельность, которая составляетъ конечно отличительную черту людей хорошихъ. Но какъ скоро въ государствѣ оказалось нѣсколько людей одинаковыхъ другъ съ другомъ, по своему личному достоинству, то, не останавливаясь на прежней формѣ государственнаго устройства, стали искать иной, въ духѣ общинномъ, и основали республику (политейю, *πολιτείαν*). Но лучшіе люди, сдѣлавшись худшими, стали обогащаться на счетъ общества. Отсюда естественно образовалась олигархія, потому что богатство сдѣлалось тогда предметомъ

почета. Отъ олигархіи же сперва перешли къ тираніи, а отъ тираніи къ демократіи; изъ-за постыднаго корыстолюбія, тиранны, дѣйствуя всегда въ интересахъ меньшинства, тѣмъ самымъ возстановили противъ себя большинство, такъ что наконецъ сами принуждены были подчиниться ему, и такимъ образомъ произошла демократія. Притомъ, вслѣдствіе распространенія государственныхъ территорій, всякая другая форма политическаго устройства, кромѣ демократіи, стала уже неудобною. Но положимъ, что царское правленіе лучше всякаго другаго. Въ какомъ, спрашивается, отношеніи къ государству должны стоять цари? Должно ли достоинство царской власти принадлежать и царскому роду? Имѣя въ виду то, что въ родѣ царя могутъ быть всякіе люди, опасно допустить это положеніе. Но скажутъ, что правитель не передастъ своей власти такимъ дѣтямъ. Не легко этому повѣрить, потому что трудно ждать отъ человѣка такого поступка, который требуетъ отъ него большей добродѣтели, чѣмъ на какую способна человѣческая природа. Но вотъ еще одинъ вопросъ касательно царской власти: долженъ ли человѣкъ, вступившій на царство, имѣть въ своемъ распоряженіи какую нибудь силу, чтобы съ помощію ея онъ былъ въ состояніи принудить къ повиновенію тѣхъ, которые не хотятъ повиноваться, и какъ вообще онъ можетъ достигнуть того, чтобы исполняли его волю? Если онъ законный самодержецъ въ государствѣ и ничего не дѣлаетъ помимо закона, на основаніи лишь своего собственнаго усмотрѣнія, то конечно въ рукахъ у него необходимо должна быть сила, которою бы онъ защищалъ законы. Итакъ, относительно такого царя, вопросъ нашъ рѣшается легко. Онъ долженъ обладать извѣстной силою, но эта сила должна быть такова, чтобы, превосходя силу каждаго человѣка въ отдѣльности и даже силу нѣсколькихъ, въ тоже время она была меньше силы большинства. Такъ дѣйствительно древніе, ставя царя, котораго они обыкновенно называли эсимнитомъ, или тираномъ, давали ему именно столько войска. Точно также, когда Діонисій просилъ себѣ войска, то нѣкто совѣтовалъ Сиракузянамъ дать ему не болѣе, какъ такое количество. [2])

---

2) См. Діог. lib. XIII p. 618.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Взглядъ на абсолютную монархію. Выгоды и невыгоды личной власти, сравнительно съ властію закона. Общее замѣчаніе о несправедливости абсолютной монархіи. Исключеніе въ пользу наилучшаго человѣка.

Теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то царство, гдѣ царь во всемъ поступаетъ по своей собственной волѣ; потому что власть царя, опредѣляемая законами, какъ мы уже сказали, не образуетъ собою особой формы политическаго устройства. Пожизненная стратегія можетъ быть во всякой формѣ политическаго устройства: и въ демократіи, и въ аристократіи, и вездѣ, гдѣ большинство ввѣряетъ одному лицу управленіе всею страною. Такое правленіе существуетъ въ Епидамнѣ[1]), а также и въ Опунтѣ[1]), хотя нѣсколько и ограниченнѣе. Но въ такъ называемой абсолютной монархіи царь властвуетъ надъ всѣмъ, единственно по мотивамъ своей собственной воли. Нѣкоторымъ кажется противуестественнымъ, чтобы верховная власть надъ всѣми гражданами была въ рукахъ одного, такъ какъ государство состоитъ изъ лицъ равныхъ другъ съ другомъ, а равные по своей природѣ необходимо должны имѣть одно и то же право, одно и то же достоинство, сообразное съ ихъ природою. Какъ людямъ неодинаковымъ по природѣ одинаковая пища и одежда вредны для тѣла; такъ это же самое должно замѣтить и въ отношеніи почестей. Но съ другой стороны, и неравное вредно для равныхъ. Посему справедливость требуетъ, чтобы равные столько же властвовали, сколько и подчинялись власти — попереммѣнно, въ чемъ и состоитъ законъ, потому что законъ есть порядокъ. Такимъ образомъ власть закона должна быть предпочтительнѣе власти кого нибудь изъ гражданъ. На этомъ основаніи, если даже лучше, чтобы властвовали нѣкоторые, все же они должны быть поставлены не иначе, какъ хранителями и служителями закона. Хотя въ государствѣ необходимо должно быть правительство, но говорятъ, что при равенствѣ всѣхъ несправедливо одному только быть правителемъ, ибо если есть вещи, которыхъ законъ, по видимому

---

1) Объ Эпидамнѣ см. кн. II гл. 4. Примѣч. 12. Опунтъ — городъ Локримы.

не можетъ опредѣлить, то и человѣкъ, пожалуй, не въ состояніи ихъ понять. Но законъ со всѣмъ стараніемъ наставляетъ только въ главныхъ положеніяхъ, а обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ частныхъ случаевъ предоставляетъ правильному взгляду самихъ правителей. Кромѣ того законъ позволяетъ имъ исправлять въ немъ то, что по опыту окажется лучше, нежели какъ дано въ законѣ. Итакъ кто требуетъ власти закона, требуетъ, кажется, власти Бога и законовъ, а кто требуетъ власти человѣка, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ и власти звѣря; потому что страсть есть въ человѣкѣ нѣчто звѣрское, и духъ гордости извращаетъ даже наилучшихъ людей, когда они властвуютъ. А законъ, напротивъ, есть безстрастный разумъ. Примѣръ искусствъ, который приводятъ для доказательства несостоятельности закона въ управленіи, оказывается въ этомъ случаѣ ложнымъ примѣромъ. Такъ говорятъ, что лѣчиться по буквѣ науки дурно, что, напротивъ, гораздо предпочтительнѣе пользоваться искусными врачами. Но вѣдь врачи изъ-за дружбы не дѣлаютъ ничего такого, что противорѣчило бы основнымъ законамъ ихъ искусства, а излѣчивая больныхъ, они получаютъ за то плату. Напротивъ, люди, имѣющіе власть въ государствѣ, во многихъ случаяхъ поступаютъ обыкновенно или оскорбительно, или пристрастно; а въ этихъ случаяхъ и больные, подозрѣвая, напримѣръ, что врачи, подкупленные ихъ врагами, вмѣсто пользы оказываютъ имъ вредъ, скорѣе ищутъ себѣ помощи въ писанныхъ сочиненіяхъ. Но врачи, во время своей болѣзни, приглашаютъ къ себѣ другихъ врачей, точно также и гимнасты подвергаютъ свое искусство критикѣ другихъ гимнастовъ, сознавая, что они не въ состояніи судить правильно, — одни, потому что находятся не въ нормальномъ состояніи, а другіе, потому что должны судить о томъ, что касается собственно ихъ же самихъ. Отсюда ясно, что, ища справедливаго, должно искать средняго, а среднее въ настоящемъ случаѣ есть законъ. Притомъ должно замѣтить, что есть еще законы, основанные на обычаѣ, которые значительнѣе писанныхъ и касаются болѣе основныхъ сторонъ жизни, такъ что, если власть человѣка, пожалуй, и прочнѣе писанныхъ законовъ, но никакъ уже не прочнѣе законовъ основанныхъ на обычаѣ. Къ тому же трудно представить, чтобы одинъ кто либо въ состояніи былъ за разъ обращать вниманіе на многое. Поэтому необходимо онъ

долженъ будетъ поставить отъ себя еще нѣсколько правителей. Но какая разница въ томъ, существуетъ ли такое устройство въ государствѣ съ самаго начала, или кто нибудь одинъ устроилъ государство такимъ образомъ? Конечно, если въ государствѣ, какъ уже и прежде было сказано, есть человѣкъ превосходный изъ всѣхъ, то, будучи лучшимъ, онъ имѣетъ право на власть; но во всякомъ случаѣ два хорошихъ человѣка лучше одного. Въ этомъ смыслѣ у Гомера сказано: «съ двумя идущими вмѣстѣ» и т. д.[2]). Тоже высказываетъ Агамемнонъ въ своемъ желаніи: «если бы у меня было десять такихъ совѣтниковъ» [3]). Между тѣмъ и въ настоящее время есть правительственныя лица, которыя, какъ, напримѣръ, дикастъ, имѣютъ верховную власть въ рѣшеніи нѣкоторыхъ дѣлъ, относительно которыхъ законъ не можетъ дать опредѣленнаго постановленія; а если относительно чего законъ въ состояніи дать опредѣленное постановленіе, то никто не будетъ оспаривать, что въ этомъ случаѣ законъ управитъ и рѣшитъ дѣло возможно наилучшимъ образомъ. Но такъ какъ нѣкоторые случаи дѣйствительно могутъ быть точно опредѣлены закономъ, а относительно другихъ это не возможно, то это и заставляетъ сомнѣваться и спрашивать: какая власть предпочтительнѣе для государства— власть ли наилучшаго закона, или власть наилучшаго человѣка? Невозможно узаконить то, что въ каждомъ данномъ случаѣ подлежитъ особому обсужденію, поэтому никто не возражаетъ противъ того, что въ этихъ случаяхъ рѣшеніе должно принадлежать человѣку, но — лишь противъ того, что рѣшителемъ дѣла долженъ быть не одинъ человѣкъ, а многіе. Потому что хотя каждый правитель, воспитанный въ духѣ закона, судитъ хорошо, но тѣмъ не менѣе было бы странно, если бы кто-нибудь одинъ, посредствомъ двухъ своихъ глазъ, двухъ ушей, двухъ ногъ—видѣлъ, слышалъ и дѣйствовалъ лучше, чѣмъ многіе, которые вмѣстѣ владѣютъ наибольшимъ количествомъ этихъ органовъ; между тѣмъ и въ настоящее время монархи дѣлаютъ себѣ много глазъ, много ушей, много рукъ и ногъ, потому что людей, которые сочувствуютъ ихъ правленію и имъ самимъ, они назначаютъ

2) См. Ил. X. ст. 224.
3) См. Ил. II ст. 372.

своими соправителями. Еслибы они не сочувствовали монарху, то и не дѣйствовали бы по его плану. А такъ какъ они друзья и монарха и его правленія, а другъ равенъ и подобенъ другу; то монархъ, думая, что они должны властвовать, основательно думаетъ, что равные должны властвовать одинаково. Итакъ вотъ тѣ возраженія, которыя выставляютъ противники абсолютной монархіи. Все это такъ, но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а въ другихъ это вовсе не такъ. Потому что есть люди, которые по природѣ своей склонны къ подчиненію деспотической власти, другіе же могутъ подчиняться лишь царской власти, а для иныхъ нужна свободная политическая жизнь, и для всѣхъ ихъ, какъ для такихъ, каждая такая форма быта справедлива и полезна. Но тиранническая власть не согласна съ природою человѣка, точно такъ же противуестественны всѣ другія формы политическаго быта, которыя представляютъ уклоненіе отъ настоящей нормы: онѣ существуютъ вопреки природѣ. Изъ сказаннаго такимъ образомъ очевидно, что въ средѣ подобныхъ и равныхъ одному властвовать надъ всѣми не полезно и не справедливо. Положеніе это одинаково вѣрно и въ томъ случаѣ, властвуетъ ли кто на основаніи законовъ, или такъ, что самъ замѣняетъ собою всякій законъ, и въ томъ, когда хорошій властвуетъ надъ хорошими, даже наконецъ и въ томъ, когда властитель стоитъ только нѣсколько выше прочихъ, по своему личному достоинству, и развѣ только при одномъ условіи положеніе это будетъ невѣрно. Объ условіи этомъ, хотя мы говорили уже и прежде, но имѣемъ въ виду сказать о немъ и теперь.

Напередъ должно только опредѣлить, какіе люди склонны къ подчиненію царской власти, какіе—къ аристократіи и какіе—къ республикѣ. Подъ царскимъ управленіемъ могутъ быть люди, по природѣ своей. способные переносить надъ собою господство тѣхъ, которые превосходятъ ихъ способностію къ политической дѣятельности. Къ аристократическому устройству склонны тѣ, которые, какъ люди свободные, по природѣ своей, въ состояніи подчиняться лишь власти людей, превосходящихъ ихъ своимъ личнымъ достоинствомъ и наиболѣе способныхъ къ политическому управленію. А республиканское общество состоитъ изъ такихъ людей, которые, по природѣ своей, воинственны, способны къ подчиненію и власти, осно-

ванной на законѣ, по силѣ котораго правительственныя должности достаются и бѣднымъ, лишь бы они были ихъ достойны. Но еслибы гдѣ-нибудь или цѣлый родъ, или одинъ человѣкъ такъ отличался отъ прочихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, что въ этомъ отношеніи превосходилъ бы всѣхъ остальныхъ лицъ въ государствѣ, тогда этотъ родъ, по справедливости, долженъ бы былъ быть царскимъ родомъ и господствующимъ надъ всѣми, а этотъ одинъ — царемъ. Основаніе для этого, какъ уже прежде было сказано, заключается не только въ томъ правѣ, которое обыкновенно выставляютъ учредители разныхъ формъ политическаго быта: аристократіи, олигархіи и даже демократіи — именно, они опредѣляютъ политическое положеніе лица его превосходствомъ предъ другими, хотя это превосходство для всѣхъ ихъ не одно и то же — но основаніе для царскаго достоинства въ извѣстномъ родѣ, или въ одномъ лицѣ опредѣляется еще и тѣмъ, что было сказано нами объ этомъ прежде. Такого человѣка, конечно, нелѣпо было бы убить, или изгнать, или подвергнуть остракизму, также нельзя требовать, чтобы онъ, въ свою очередь, находился въ подчиненіи у другихъ. Потому что части противуественно стоять выше цѣлаго. А съ тѣмъ, кто имѣетъ такое обсолютное превосходство предъ другими, случилось бы нѣчто подобное, еслибы онъ находился въ подчиненіи у другихъ. Посему всѣмъ прочимъ остается только повиноваться такому человѣку, а ему самому слѣдуетъ быть не случайнымъ, но абсолютнымъ господиномъ надъ ними. Итакъ вотъ наши мысли о царствѣ и о различныхъ видахъ этой формы политическаго быта. Излагая свой взглядъ на эту форму политическаго устройства, мы указали и на то, для кого и при какихъ условіяхъ она можетъ быть полезна.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Глава не имѣетъ опредѣленнаго содержанія. Очевидно, она не кончена и составляетъ собою начало цѣлаго изслѣдованія о наилучшемъ политическомъ устройствѣ — предметъ слѣдующей книги.

Мы признаемъ три правильныя формы политическаго устройства: лучшая изъ нихъ, конечно, та, въ которой верховная власть принадлежитъ лучшимъ; это та форма, гдѣ или одинъ изъ всѣхъ, или цѣлый родъ, или наконецъ большинство далеко превосходятъ другихъ своимъ личнымъ достоинствомъ, причемъ одна часть населенія способна къ подчиненію, а другая къ власти, стремящейся къ осуществленію самыхъ возвышенныхъ цѣлей жизни. Между тѣмъ въ предъидущихъ изслѣдованіяхъ мы показали, чтъ въ наилучшемъ государствѣ добродѣтель человѣка и гражданина необходимо одна и та же; посему очевидно, что точно также и при тѣхъ же условіяхъ, при какихъ человѣкъ бываетъ прекраснымъ, можетъ быть прекраснымъ и государство, будетъ ли оно имѣть форму аристократическаго устройства, или форму царства. Воспитаніе и обычаи—вотъ средства, которыя образуютъ какъ хорошаго человѣка вообще, такъ и человѣка государственнаго и царя. Теперь намъ слѣдуетъ говорить о наилучшей формѣ политическаго устройства, какъ со стороны ея основной натуры, такъ и со со стороны способа ея осуществленія. Но для того, чтобы сдѣлать приличное изслѣдованіе объ этомъ, должно....

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Связь и отношенie между наилучшимъ образомъ жизни и наилучшимъ политическимъ устройствомъ. Основные элементы человѣческаго благосостоянiя. Фактическое опроверженiе того, что счастie состоитъ во внѣшнихъ благахъ. Рацiональное изслѣдованiе вопроса о счастiи.

Кто желаетъ настоящимъ образомъ изслѣдовать вопросъ о наилучшемъ политическомъ устройствѣ, тотъ, прежде всего, долженъ опредѣлить, какой образъ жизни предпочтительнѣе прочихъ, потому что, безъ яснаго представленiя о наилучшемъ образѣ жизни, представленie о наилучшемъ политическомъ устройствѣ должно быть также не ясно; такъ какъ, вслѣдствie тѣхъ благопрiятныхъ условiй, какiя доставляетъ людямъ наилучшее политическое устройство, наилучшiй образъ жизни совпадаетъ только съ этимъ устройствомъ, исключая развѣ только какiе-нибудь непредвидѣнные случаи. Поэтому, прежде всего, постараемся установить болѣе правильный взглядъ на тотъ образъ жизни, который для всѣхъ вообще можно признать наилучшимъ, а затѣмъ разсмотримъ, одна ли и та же наилучшая жизнь, какъ для цѣлаго общества, такъ и для каждаго члена его въ отдѣльности, или тамъ и здѣсь она различна. Мы думаемъ, что по вопросу о наилучшей жизни, достаточно много говорятъ въ эксотерическихъ бесѣдахъ, [1]) такъ что намъ остается повторить здѣсь только то, что

---

1) Νομίσαντας οὖν ἱκανῶς πολλὰ λέγεσθαι καὶ τῶν ἐν τοῖς ἐξωτερικοῖς λόγοις περὶ τῆς ἀρίστης ζωῆς. Здѣсь ἐξωτερικοὶ λόγοι мы принимаемъ въ смыслѣ общественныхъ разговоровъ. Нѣкоторое неудобство такого толкованiя этихъ словъ заключается, въ настоящемъ случаѣ, въ са-

уже всѣми принято. Такъ никто, конечно, не будетъ противъ того истиннаго положенiя, что счастливая жизнь слагается изъ трехъ видовъ благосостоянiя: внѣшняго, физическаго и нравственнаго. [2]) Ибо никто не назоветъ счастливымъ того, въ комъ нѣтъ ни мужества, ни благоразумiя, ни справедливости, ни разсудительности, [3]) кто, напротивъ, страшится

момъ содержанiи этихъ *эксотерическихъ рѣчей*. Повидимому, трудно
допустить, чтобы въ обществѣ обсуждались такie вопросы, какъ во-
просъ о дѣленiи благъ на внѣшнiя, физическiя и нравственныя. Но
не должно забывать, что аѳинское общество иначе относилось къ
философскимъ вопросамъ, чѣмъ какъ относимся къ нимъ мы. Бла-
даря публичности тогдашней жизни, благодаря охотѣ общества къ
разсужденiямъ и пренiямъ — охотѣ, которая условливалась дiалекти-
ческимъ характеромъ тогдашней науки и образованiя, благодаря,
наконецъ, отсутствiю специяльности въ умственной дѣятельности
каждаго образованнаго человѣка, философскiя разсужденiя, есте-
ственно, могли быть тогда обычнымъ занятiемъ образованнаго об-
щества. Что вопросъ объ основныхъ элементахъ человѣческаго бла-
госостоянiя былъ знакомъ тогдашнему обществу, это частiю можно
видѣть изъ того мѣста Апологiи Сократа, гдѣ Сократъ, защищаясь
противъ возводимыхъ на него обвиненiй въ развратѣ юношества,
говоритъ, что онъ наставлялъ юношей не столько заботиться о внѣш-
немъ благѣ, сколько о моральномъ совершенствѣ. (См. Апологъ, стр.
30 и 6.) Равнымъ образомъ о различныхъ родахъ блага Платонъ го-
воритъ также и въ Законахъ (III, стр. 667. 6). Этотъ же вопросъ о
видахъ человѣческаго блага трактуется у Аристотеля и въ Этикѣ;
между тѣмъ объ этическихъ своихъ сочиненiяхъ Аристотель гово-
ритъ, что онѣ не для того, чтобы знать, что̀ такое добродѣтель, а
для того, чтобы быть добродѣтельными. (См. Ἠθικ. Νικομ. I. 8. 13.
VII, 14 и друг.). Такая практическая задача философскаго ученiя за-
ставляетъ думать, что содержанie его было популярно въ тогдаш-
немъ обществѣ. Въ первомъ изъ указанныхъ мѣстъ, Аристотель за-
мѣчаетъ, что дѣленie блага на три вида выводится не только пу-
темъ заключенiй изъ понятiя, но также знакомо всѣмъ изъ обыкно-
венныхъ разговоровъ — ἀλλὰ καὶ ἐκ τῶν λεγομένων — гдѣ λεγομένων, въ
формѣ настоящаго времени, употреблено въ томъ же смыслѣ, какъ
въ нашемъ мѣстѣ πολλὰ λέγεσθαι — для выраженiя общихъ разговоровъ
текущаго времени. Впрочемъ иначе толкуетъ это мѣсто Бернай. См.
Die Dialoge d. Aristot. et cet. стр. 74 и слѣдующ.

2) См. Плат. De leg. V, 743, E.

3) Это четыре основныя добродѣтели: ἀνδρία — мужество духа, про-
являющееся въ упорномъ достиженiи трудныхъ цѣлей; σωφροσύνη —
благоразумie, состоящее въ умѣньи согласовать средства съ цѣля-
ми; δικαιοσύνη — справедливость, проявляющаяся въ правильномъ те-
ченiи дѣлъ, согласномъ съ понятiемъ правды, и наконецъ φρόνησις —

всякой мимолетящей мухи, кто, томимый голодомъ, или жаждою, не останавливается ни предъ какимъ изъ самыхъ крайнихъ средствъ, кто, изъ-за четверти обола, губитъ самыхъ близкихъ друзей, кто, наконецъ, такъ не разсудителенъ и такъ способенъ на ошибки, какъ будто ребенокъ или безумный. Но хотя на словахъ всѣ согласны съ этимъ, между тѣмъ всегда есть различіе во мнѣніяхъ, какъ относительно мѣры тѣхъ благъ, которыя составляютъ условіе благосостоянія, такъ и относительно ихъ достоинства. Такъ обыкновенно думаютъ, что для счастія достаточно только нѣсколько добродѣтели, между тѣмъ богатства, денегъ, могущества и славы желаютъ до безпредѣльности. Но въ несостоятельности такого мнѣнія легко убѣдиться путемъ самого опыта. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ — не добродѣтели пріобрѣтаются внѣшними благами, но наоборотъ [4]); притомъ, счастливая жизнь — полагать ее въ наслажденіи, или въ добродѣтели, или, наконецъ, въ томъ и другомъ — гораздо болѣе доступна тому, у кого сердце и умъ достаточно образованы, и кто, въ тоже время, умѣренъ въ пріобрѣтеніи внѣшнихъ благъ, нежели тому, кто о внѣшнихъ благахъ старается болѣе, чѣмъ сколько нужно, а въ нравственномъ отношеніи остается на низкой степени. Это также вполнѣ ясно и съ раціональной точки. Именно, внѣшнія блага, какъ всякое орудіе, имѣютъ предѣлъ; ибо все полезное таково, что избытокъ его или положительно вреденъ, или, по крайней мѣрѣ, вовсе безполезенъ для его владѣльца; между тѣмъ всякое душевное благо, чѣмъ болѣе развито, тѣмъ болѣе и полезно [5]) — если, въ отношеніи къ душевнымъ качествамъ, слѣдуетъ примѣнять не только понятіе красоты, но и понятіе пользы. Вообще мы въ правѣ сказать, что преимущество качества одной вещи передъ качествомъ другой опредѣляется тѣмъ превосходствомъ, по силѣ котораго сами вещи отстоятъ одна отъ другой [6]). Такимъ

смѣтливость, состоящая въ умѣньи примѣниться къ обстоятельствамъ.

4) Тоже самое говоритъ и Сократъ, въ указанномъ выше мѣстѣ Апологіи.

5) Ученіе это одинаково принадлежитъ Сократу и Платону. См. De leg. кн. II и V.

6) Въ подлинникѣ это мѣсто читается такъ: ὅλως δὲ δῆλον ὡς ἀκολουθεῖν φήσομεν τὴν διάθεσιν τὴν ἀρίστην ἑκάστου πράγματος πρὸς ἄλληλα κατὰ

образомъ, если душа, какъ абсолютно сама по себѣ, такъ и для насъ имѣетъ большее достоинство, сравнительно съ внѣшнимъ богатствомъ и даже съ самимъ тѣломъ, то и качественное преимущество ихъ должно быть опредѣлено по аналогіи взаимнато ихъ отношенія. Потому внѣшнія блага достойны пріобрѣтенія только въ интересѣ души, и дѣйствительно, всѣ благомыслящіе люди должны пріобрѣтать ихъ не иначе какъ для души своей, а не для нихъ заботиться о душѣ. Мы должны быть убѣждены въ томъ, что на долю каждаго выпадаетъ столько счастія, сколько онъ имѣетъ въ себѣ добродѣтели, благоразумія, и по скольку онъ дѣйствуетъ по мотивамъ этихъ качествъ. Въ подтерждѣніе нашей мысли, мы можемъ указать на бога, который счастливъ и блаженъ, не вслѣдствіе внѣшнихъ благъ, но самъ по себѣ и по существеннымъ свойствамъ своей собственной натуры [7]). На этомъ основаніи необходимо должно дѣлать различіе между благополучіемъ и счастіемъ; внѣшнія блага, условливающія благополучіе человѣка, зависятъ отъ случая, отъ удачи, но справедливъ или мудръ никто не бываетъ по случаю; отсюда, какъ слѣдствіе, необходимо вытекаетъ то, что счастливо только наилучшее государство — такое государство, въ которомъ все идетъ хорошо, но хорошо идти не можетъ тамъ, гдѣ не дѣлаютъ ничего хорошаго, а ни одно хорошее дѣло — отдѣльнаго ли лица, или цѣлаго государства, очевидно, не совершается помимо добродѣтели и благоразумія. Мужество государства, его справедливость и благоразуміе, по значенію и по формѣ своей, таковы же, каковы эти качества въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ. Но довольно объ этомъ. (Хотя намъ нельзя было не коснуться этихъ вопросовъ, но нельзя также изслѣдовать ихъ здѣсь въ ихъ собственномъ элементѣ, потому что они принадлежатъ другой области) [8]). Въ настоящемъ случаѣ остановимся лишь на томъ положеніи, что какъ для отдѣльнаго лица, такъ и вообще для государствъ, наилучшая жизнь та, въ которую элементъ добродѣтели внесенъ на столько, что она изобилуетъ добродѣтельными дѣйствіями. Если же кто не согласенъ съ

τὴν ὑπεροχήν, ἥνπερ εἴληφε διάστασιν ὧν φαμὲν αὐτὰς εἶναι διαθέσεις ταύτας. См. Геттлингъ. Adnotation, стр. 426.

7) Мысль эта развита Аристотелемъ въ Метафизикѣ кн. XII гл. VII.

8) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду Этику.

нашимъ взглядомъ, то на возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ нашего положенія, мы не будемъ отвѣчать въ настоящее время, а при случаѣ разсмотримъ ихъ въ послѣдствіи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разные взгляды на содержаніе счастія. Спорный вопросъ о превосходствѣ практической или созерцательной жизни. О значеніи власти для счастія жизни. Ложныя понятія объ интересахъ войны. Истинная задача законодателя.

Теперь намъ предлежитъ такой вопросъ: въ одномъ ли и томъ же состоитъ счастіе каждаго человѣка въ отдѣльности и счастіе цѣлаго государства, или то и другое различно? Всѣ, съ своей точки взгляда, готовы принять его за одно и тоже [1]). Кто благосостояніе отдѣльнаго человѣка полагаетъ въ богатствѣ, тотъ и цѣлое государство считаетъ счастливымъ лишь въ томъ только случаѣ, если оно богато. А кто собственно предпочитаетъ тиранническій образъ жизни, тотъ, конечно, готовъ утверждать, что то государство особенно счастливо, предѣлы власти котораго наиболѣе обширны. Если же кто, наконецъ, благосостояніе каждаго человѣка въ отдѣльности основываетъ на личномъ достоинствѣ, тотъ и о цѣломъ государствѣ будетъ утверждать, что оно тѣмъ болѣе счастливо, чѣмъ болѣе содержится въ немъ элементовъ личнаго достоинства. Но здѣсь выступаютъ два вопроса, подлежащіе нашему изслѣдованію: вопервыхъ, какой образъ жизни болѣе предпочтителенъ для человѣка — жизнь ли политическая, полная участія въ дѣлахъ государства, или жизнь чуждая цѣли государства и непричастная политической аренѣ? Затѣмъ другой вопросъ состоитъ въ томъ, какая форма, какая система поли-

1) Не должно думать, что Аристотель намѣренъ здѣсь трактовать о томъ же, что сказано было имъ тотчасъ въ I главѣ. Замѣтивъ выше, что счастье, какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго государства условливается добродѣтелями, философъ, очевидно, касается теперь вопроса о самомъ его содержаніи.

тическаго устройства должна быть признана наилучшею — та ли, которая допускаетъ всѣхъ гражданъ къ участію въ дѣлахъ государства, или та, которая допускаетъ къ нему только большинство? Но такъ какъ этотъ послѣдній вопросъ принадлежитъ собственно къ дисциплинѣ политической и не входитъ въ курсъ изслѣдованія объ интересахъ каждаго человѣка въ отдѣльности, то мы, имѣя теперь въ виду эту послѣднюю задачу, оставимъ пока тотъ вопросъ въ сторонѣ и займемся первымъ, какъ спеціальнымъ предметомъ настоящаго нашего изслѣдованія.

Очевидно, что наилучшее политическое устройство то, учрежденія котораго даютъ возможность каждому, кто бы онъ ни былъ, дѣйствовать, какъ только для него лучше и жить, такимъ образомъ, счастливо. Но и въ средѣ тѣхъ, которые согласны, что наиболѣе предпочтительна жизнь добродѣтельная, есть разница во мнѣніи относительно того, какая жизнь имѣетъ болѣе преимущества — политическая ли и практическая, или жизнь, отрѣшенная отъ всякой внѣшней дѣятельности, жизнь созерцательная, которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ, одна только и полна любомудрія: итакъ, вотъ два образа жизни — жизнь политическая и философская, въ предпочтительномъ выборѣ какой-либо изъ нихъ расходятся между собою какъ прежніе, такъ и современные ревнители добродѣтели [2]). Въ этомъ случаѣ не маловажно рѣшить, на чьей сторонѣ истина, потому что всякій здравомыслящій человѣкъ и цѣлое политическое общество, естественно, стремятся къ наилучшей, по ихъ мнѣнію, цѣли. Нѣкоторые думаютъ, что власть надъ ближними, особенно деспотическая власть, есть вопіющая несправедливость; а политическая власть, хотя, по ихъ мнѣнію, и не заключаетъ въ себѣ ничего несправедливаго, но за то служитъ препятствіемъ для благоденствія самого того, кому она принадлежитъ. Въ противоположность этому мнѣнію, существуетъ другое, по которому одна только практическая и политическая жизнь достойна человѣка, потому что всякій добродѣтельный поступокъ болѣе доступенъ людямъ, дѣй-

2) По силѣ условій гражданскаго быта въ древнемъ мірѣ, вопросъ этотъ имѣлъ тогда болѣе серіозное значеніе, чѣмъ какое можетъ имѣть въ наше время. У Ксенофонта въ Memorab. кн. II, гл. I, содержится разговоръ Сократа съ Аристиппомъ объ этомъ предметѣ.

ствующимъ на общественной аренѣ и въ средѣ политической, чѣмъ людямъ, ведущимъ частную жизнь. Такъ разсуждаютъ одни; другіе же, напротивъ, утверждаютъ, что благосостояніе государства заключается единственно въ его деспотизмѣ и тиранніи. И дѣйствительно мы видимъ, что всѣ законы нѣкоторыхъ государствъ направлены къ одной цѣли — къ господству надъ сосѣдями. Не говоря уже о многихъ такихъ государствахъ, большая часть учрежденій которыхъ существуетъ, такъ сказать, отрывочно одно отъ другаго — тамъ, гдѣ законы имѣютъ въ виду одну цѣль, всѣ они существуютъ обыкновенно въ интересѣ могущества самого государства. Такъ въ Лакедемонѣ и Критѣ, какъ воспитаніе юношества, такъ и большая часть законовъ были организованы въ интересѣ воинскомъ. Это воинское могущество особенно цѣнятъ всѣ тѣ народы, которые въ состояніи одолѣть другихъ, таковы: Скиѳы, Персы, Ѳракійцы и Кельты. Въ иныхъ государствахъ нарочно даже существуютъ такіе законы, которые возбуждаютъ гражданъ къ развитію воинской доблести. Такъ въ Карѳагенѣ, говорятъ, число колецъ на рукахъ каждаго опредѣлялось числомъ битвъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Равнымъ образомъ и въ Македоніи былъ когда-то законъ, по которому человѣкъ, не убившій еще ни одного врага, долженъ былъ ходить въ недоуздкѣ. А у Скиѳовъ такому человѣку, въ извѣстный праздникъ, не позволялось пить круговую чашу. У Иберовъ, народа воинственнаго, вокругъ гробницы каждаго гражданина ставили обыкновенно столько обелисковъ, сколько кто умертвилъ враговъ. И у другихъ народовъ есть также много подобныхъ учрежденій, которыя или утверждены закономъ, или укоренились путемъ обычая.

Но стоитъ только хоть нѣсколько размыслить, и покажется весьма абсурднымъ, что задача политическаго дѣятеля состоитъ будто бы въ пріисканіи средствъ къ пріобретенію государствомъ власти и господства надъ сосѣдями, безъ различія ихъ собственнаго на то согласія, или несогласія. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ задачею политика и законодателя можетъ быть то, что ни мало не законно само въ себѣ; потому что властвовать надъ другими, безъ различія справедливости и несправедливости, конечно, незаконно. А одолѣть другихъ можно и несправедливо. Ничего такого мы не замѣчаемъ въ области другихъ знаній. Такъ, напримѣръ, ни врачъ, ни

кормчій не полагаютъ своей обязанности въ томъ, чтобы убѣждать, или принуждать — одинъ — своихъ паціентовъ, другой — корабельщиковъ. Но касательно сферы политической дѣятельности, многіе, кажется, думаютъ, что деспотъ есть также политическое лицо, и на этомъ основаніи вовсе не стыдятся дѣйствовать относительно другихъ такъ, какъ не считаютъ справедливымъ и полезнымъ, относительно себя самихъ. Отъ власти надъ ними самими они требуютъ справедливости, а въ отношеніи къ другимъ вовсе не заботятся объ этомъ. Но и вообще власть была бы страшною нелѣпостью, еслибы сама природа не раздѣлила людей на способныхъ и неспособныхъ къ подчиненію. А если такъ, то не должно, по крайней мѣрѣ, стараться простирать свое господство надъ всѣми, но лишь надъ тѣми, которые способны къ подчиненію, подобно тому какъ для пищи и для приношенія жертвы охотятся не за людьми, но за тѣмъ, что собственно должно пріобрести для этой цѣли; таковы дикія и годныя въ пищу животныя. Между тѣмъ, если только можетъ гдѣ-либо существовать государство совершенно изолированно и пользоваться хорошими законами, то, при хорошемъ политическомъ устройствѣ, и одно само по себѣ, оно можетъ быть вполнѣ счастливо. Весь политическій строй такого государства, конечно, не будетъ уже имѣть въ виду ни войны, ни побѣды надъ врагами, потому что ничто подобное не можетъ тогда имѣть для него никакого значенія. Итакъ, хотя всякую заботливость о войнѣ, очевидно, должно считать дѣломъ хорошимъ, но въ тоже время на войну нельзя смотрѣть, какъ на послѣднюю цѣль всѣхъ интересовъ государства; напротивъ, забота о войнѣ имѣетъ значеніе только средства для иной цѣли. Задача хорошаго законодателя состоитъ въ томъ, чтобы предусматривать всѣ средства, путемъ которыхъ государство, весь человѣческій родъ и всякое общество людей, въ какой бы то ни было формѣ общежитія, имѣли бы возможность вести хорошую жизнь и пользоваться возможнымъ для нихъ счастіемъ; такъ какъ въ этомъ, конечно, отношеніи различаются между собою всѣ постановленія закона. Но такъ какъ вблизи государства есть другія сосѣднія, то задача законодательства должна состоять также и въ томъ, чтобы опредѣлить, какъ его общія отношенія къ нимъ, такъ и частныя его обязанности предъ каждымъ изъ нихъ. Но вопросъ о томъ,

къ какой, въ этомъ отношеніи, цѣли должно стремиться наилучшее политическое устройство, мы будемъ имѣть случай обстоятельно разсмотрѣть нѣсколько ниже[3]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Значеніе политической дѣятельности, по отношенію къ счастію жизни; жизнь дѣятельная предпочтительнѣе недѣятельной; въ чемъ состоитъ истинная дѣятельность.

Теперь намъ слѣдуетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу тѣхъ, которые хотя и согласны между собою въ томъ, что наиболѣе предпочтительна добродѣтельная жизнь, но расходятся во мнѣніи, относительно самаго примѣненія добродѣтели. Одни, въ этомъ случаѣ, пренебрегаютъ всякою политическою дѣятельностію, полагая, что жизнь человѣка свободнаго отъ государственныхъ занятій, будучи отлична отъ жизни человѣка государственнаго, имѣетъ на своей сторонѣ гораздо болѣе преимуществъ, сравнительно со всякой другой; другіе же, напротивъ, самою лучшею жизнію считаютъ жизнь въ сферѣ политики, потому что, говорятъ они, нельзя дѣйствовать хорошо, ничего не дѣлая, а хорошая дѣятельность и счастіе жизни — одно и тоже. Разсуждая такимъ образомъ, обѣ стороны частію разсуждаютъ справедливо, а частію несправедливо.

Хотя первое мнѣніе и правильно въ томъ отношеніи, что жизнь свободнаго человѣка дѣйствительно лучше, чѣмъ жизнь человѣка, господствующаго надъ рабами; потому что во власти надъ рабомъ, какъ рабомъ, конечно, нѣтъ ничего хорошаго, такъ какъ вообще распоряженіе необходимыми предметами не содержитъ въ себѣ никакаго эстетическаго элемента. Но неправильно думать, что всякая власть есть деспотія, потому что между властію надъ свободными и властію надъ рабами существуетъ не меньшее различіе, какъ между существомъ, по природѣ свобод-

3) См. слѣдующую главу.

нымъ, и другимъ, по природѣ рабомъ; о чемъ, впрочемъ, достаточно уже сказано было нами выше. Но съ другой стороны, несправедливо также не дѣятельную жизнь предпочитать жизни дѣятельной. Потому что счастіе жизни состоитъ въ дѣятельности; притомъ, у справедливыхъ и разсудительныхъ людей дѣятельность всегда шире по объему и лучше по своему содержанію, такъ что, на основаніи этихъ положеній, можно, пожалуй, подумать, что верховная власть всего лучше, потому что, благодаря этой власти, человѣкъ можетъ дѣйствовать, какъ можно шире и какъ можно лучше. А отсюда слѣдуетъ, что кто въ состояніи властвовать, не долженъ уступать своей власти никому, напротивъ, скорѣе онъ долженъ отнимать ее у всякаго, и такимъ образомъ, въ виду власти, ни отецъ къ дѣтямъ, ни дѣти къ отцу, ни друзья между собою — никто не долженъ питать уваженія и обращать, въ этомъ отношеніи, другъ на друга вниманіе; потому-что человѣкъ долженъ избирать то, что лучше; а хорошо дѣйствовать всего лучше. Все это было бы справедливо, если бы грабители и притѣснители могли доставить другимъ то, что всего болѣе желательно для нихъ. Но это невозможно, и самое предположеніе это, очевидно, ложно. Невозможно, чтобы дѣйствія правителя были безупречны, если онъ не на столько имѣетъ преимущества предъ другими, на сколько мущина имѣетъ преимущества предъ женщиною, отецъ предъ дѣтьми и господинъ предъ рабами. При томъ, кто разъ уклонился уже съ пути справедливости, тотъ ни чѣмъ впослѣдствіи не поправитъ этого зла на столько, на сколько онъ измѣнилъ добродѣтели.

Равное участіе во всемъ — вотъ что прекрасно и справедливо въ средѣ равныхъ, потому что это служитъ выраженіемъ ихъ равенства и сходства. Допускать же неравное для равныхъ и несходное для сходныхъ противуестественно, а все противуестественное не прекрасно. Если же, между лучшими, есть кто нибудь наилучшій, какъ по своему личному достоинству, такъ и по своимъ практическимъ способностямъ, то повиновеніе ему другихъ и хорошо и справедливо. При этомъ необходимо только, чтобы этому человѣку было присуще не только личное достоинство, но и энергія человѣка дѣятельнаго. Если это справедливо, если счастіе вообще должно полагать въ хорошей дѣятель-

ности; то практическая жизнь, конечно, лучше, какъ для цѣлаго государства, такъ и для каждаго человѣка въ отдѣльности. Но практическая жизнь не есть необходимо жизнь для другихъ, какъ думаютъ нѣкоторые, и не однѣ только тѣ мысли практичны, содержаніе которыхъ составляютъ положительные результаты, вытекающіе изъ того или другаго дѣйствія, но гораздо болѣе тѣ воззрѣнія и мысли, которыя совершенны сами въ себѣ и служатъ цѣлію для самихъ себя. Такъ какъ успѣхъ дѣла состоитъ въ достиженіи цѣли, то обсужденіе цѣли есть уже дѣятельность. На этомъ основаніи, и въ практической сферѣ, дѣятелями преимущественно называемъ мы тѣхъ, которые являются архитекторами практическихъ дѣлъ въ области мышленія. Слѣдовательно нѣтъ необходимости, чтобы государства, уединенныя отъ другихъ и предпочитающія такой образъ жизни, были не дѣятельными; благодаря тому общенію, которое всегда имѣетъ мѣсто между частями государства, дѣятельность, въ этомъ случаѣ, возможна между самими этими частями. Тоже самое замѣчаніе касается, кажется, и каждаго человѣка въ отдѣльности. Въ противномъ случаѣ, Богъ и весь міръ были бы совершенно не дѣятельны; [1]) такъ какъ, помимо ихъ дѣятельности въ самихъ себѣ, у нихъ нѣтъ еще никакихъ еще внѣшнихъ цѣлей. [2]) Изъ всего сказаннаго ясно, что наилучшая жизнь одинакова, какъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и для цѣлаго государства.

---

1) Изображеніе дѣятельности божества находимъ у Аристотеля въ Ηθικ Νικομ. X. 8.

2) Мысль этой главы понятна: жизнь дѣятельная предпочтительнѣе жизни не дѣятельной, но дѣятельность, говоря вообще, не есть исключительно практика, но гораздо болѣе теорія, ибо обсужденіе цѣли дѣла, въ достиженіи которой состоитъ успѣхъ его, — принадлежитъ собственно теоріи, а не практикѣ. Въ примѣненіи къ государству, эта мысль имѣетъ то значеніе, что дѣятельность государства состоитъ не въ расширеніи границъ его, лежитъ не внѣ его предѣловъ, но внутри его самаго: въ улучшеніи его внутренняго быта — не въ экстенсивномъ направленіи, но въ интенсивномъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внѣшнія условія для хорошей организаціи государства. Чѣмъ опредѣляется истинная величина государства; количество населенія.

Все сказанное нами доселѣ, вмѣстѣ съ предшествующимъ ученіемъ о формахъ политическаго устройства, служитъ только необходимымъ вступленіемъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь, прежде всего, намъ слѣдуетъ сказать о томъ, въ какихъ условіяхъ должно стоять государство, которому мы желаемъ наилучшей организаціи; потому-что наилучшее политическое устройство невозможно безъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ условій. Но хотя многое, такимъ образомъ, должно быть предположено нами, какъ наше желаніе; тѣмъ не менѣе ничто желаемое не должно быть невозможно; таково, напримѣръ, количество гражданъ и опредѣленное пространство страны. Какъ всякій мастеръ, напримѣръ ткачь, или корабельный мастеръ, имѣетъ нужду въ соотвѣтствующемъ его работѣ матеріалѣ; (при томъ, чѣмъ лучше матеріалъ, тѣмъ и производство мастерства необходимо должно быть лучше): такъ равно государственный человѣкъ и законодатель имѣютъ нужду въ своемъ матеріалѣ, который былъ бы пригоденъ для ихъ дѣятельности. Матеріаломъ для политической дѣятельности служитъ прежде всего масса людей, въ извѣстномъ опредѣленномъ количествѣ и съ извѣстными природными свойствами; за тѣмъ, страна извѣстной мѣры и извѣстнаго качества. Многіе думаютъ, что только большое государство можетъ быть счастливо. Положимъ, что это такъ, но говорящіе это не разумѣютъ, какое государство большое и какое малое. О величинѣ государства судятъ обыкновенно по количеству населенія, но тутъ, очевидно, слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на число, сколько на силу. У государства всегда есть въ виду какая-нибудь задача, и то государство слѣдуетъ считать наибольшимъ, которое въ состояніи наилучшимъ образомъ выполнить эту задачу. Такъ, Гиппократа, не какъ человѣка, но какъ врача, безъ сомнѣнія, можно назвать наибольшимъ, сравнительно со всякимъ другимъ врачемъ, хотя бы онъ былъ и выше его ростомъ. Но если, по вопросу о величинѣ государства, не должно обращать вниманія вообще на количество его жителей, тѣмъ бо-

тѣе нельзя въ этомъ случаѣ имѣть въ виду всякое количество, изъ кого бы оно ни состояло; (потому что въ государствахъ всегда бываетъ много рабовъ, метёковъ и чужестранцевъ). Напротивъ, только тѣхъ гражданъ должно брать въ разчетъ, при опредѣленіи величины государства, которые составляютъ существенную его часть и изъ которыхъ состоитъ оно, какъ изъ своихъ собственныхъ частей. Перевѣсъ на сторонѣ такихъ людей, дѣйствительно, служитъ признакомъ величины государства; если же въ государствѣ много ремесленниковъ и мало оплитовъ, то оно вовсе не можетъ быть названо большимъ государствомъ. Итакъ, во всякомъ случаѣ, большое государство не тоже, что многолюдное.

Между тѣмъ самый опытъ показываетъ, какъ трудно и даже невозможно, чтобы въ очень многолюдномъ государствѣ было хорошее законодательство [1]). Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ государствъ, извѣстныхъ своимъ хорошимъ политическимъ устройствомъ, мы не видимъ ни одного, которое бы не обращало вниманія на возрастающее въ немъ населеніе. То же самое ясно и по логическимъ соображеніямъ. Законъ опредѣляетъ тотъ или другой порядокъ общественной жизни; поэтому хорошее законодательство есть нечто иное какъ хорошій порядокъ; а слишкомъ большое число людей, очевидно, не въ состояніи удержать въ своей средѣ должнаго порядка. Это уже дѣло божескаго могущества, которое обдержитъ все, такъ какъ прекрасное, конечно, проявляется не иначе, какъ въ обыкновенной величинѣ и массѣ. По этому только то государство прекрасно, величинѣ котораго соотвѣтствуетъ опредѣленная мѣра населенія. Для величины государства, какъ для величины всѣхъ другихъ предметовъ, напримѣръ: животныхъ, растеній, разныхъ орудій, непремѣнно должна быть

1) Таково основное убѣжденіе Аристотеля и, можно сказать, всего древняго міра. Въ этомъ отношеніи древній міръ вполнѣ расходится съ новымъ. Нельзя не замѣтить, что ограниченный объемъ территоріи древняго государства, условливаясь демократическимъ его характеромъ, въ то же время дѣлалъ возможнымъ такія политическія учрежденія, которыя, хотя желательны, но не удобо-исполнимы въ предѣлахъ современнаго государства; но современная политика нашла средство и въ большихъ государствахъ сохранить благосостояніе и порядокъ общественной жизни.

какая-нибудь опредѣленная мѣра. Иначе, если предметъ слишкомъ малъ, или чрезмѣрно великъ, то онъ не сохранитъ въ себѣ своей силы, но или вовсе не останется вѣрнымъ своей природѣ, или будетъ дуренъ [2]). Такъ, напримѣръ, корабль величиною въ одну пядь, или въ двѣ стадіи уже не корабль. Уклоняясь отъ своей нормальной величины, корабль, во всякомъ случаѣ, или вслѣдствіе малости, или вслѣдствіе чрезмѣрной величины, будетъ дурно плавать. Равнымъ образомъ и государство, если состоитъ изъ очень небольшаго числа гражданъ, то не довлѣетъ себѣ, (а государство должно довлѣть себѣ); если же число населенія его слишкомъ велико, то оно довлѣетъ себѣ уже какъ цѣлая нація, а не какъ государство; въ такой массѣ почти уже и не можетъ быть политическаго устройства. Кто будетъ стратегомъ этого, столь чрезмѣрнаго множества? Или кто его герольдомъ? Развѣ Стенторій [3]). Итакъ, прежде всего, государство должно состоять изъ такой массы людей, которая довлѣетъ себѣ для того, чтобы жить счастливо, въ условіяхъ политической формы общежитія. Но хотя, по числу населенія, одно государство можетъ быть и больше другаго, тѣмъ не менѣе мѣра, въ этомъ отношеніи, какъ мы уже сказали, не безпредѣльна. Предѣлъ этотъ указывается опытомъ. Дѣятельность государства слагается изъ дѣятельности лицъ правительственныхъ и подчиненныхъ. Дѣятельность правителя — распорядительность и судъ. Но для правдиваго суда и для правильной раздачи государственныхъ должностей каждому, по его достоинству, граждане необходимо должны знать другъ друга, такъ что, гдѣ этого нѣтъ, тамъ и то и другое непремѣнно бываетъ дурно [4]). Потому-что поступать въ этихъ случаяхъ неосмотрительно, конечно, дурно; а въ слишкомъ многолюдномъ государствѣ, очевидно, всегда долженъ быть недосмотръ. Притомъ, въ такомъ государствѣ чужестранцы и метеки удобно могутъ захватить себѣ политическія права, тѣмъ болѣе что, при чрезмѣрномъ числѣ населенія, имъ не трудно скрывать свои намѣренія. Итакъ, наилучшая мѣра государства, въ этомъ

2) Обращаемъ вниманіе на эстетическій элементъ, который былъ такъ дѣятеленъ въ мышленіи древнихъ.

3) См. Ил. V. ст. 785.

4) См. Плат. De Leg V, 228; VI, 250.

отношеніи, очевидно, должна быть слѣдующая: масса населенія въ государствѣ должна довлѣть себѣ, во всѣхъ потребностяхъ своей жизни, но въ то же время она должна быть такова, чтобы ее легко было окинуть взглядомъ. Доселѣ о величинѣ государства.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Объемъ территоріи государства; расположеніе города, значеніе моря; морская сила государства.

Почти тоже самое должно сказать и относительно территоріи государства. Что касается до качества страны, то всякій, очевидно, предпочтетъ такую, которая, изобилуя всѣмъ необходимымъ, доставляетъ своимъ обитателямъ полное самодовольство; такъ какъ истинное самодовольство состоитъ въ томъ, чтобы имѣть все и ни въ чемъ не нуждаться. По обилію продуктовъ и по обширности своей, страна должна быть такова, чтобы обитатели ея были въ состояніи жить досужно, въ интересахъ своего разума. На сколько правильно это положеніе, яснѣе увидимъ впослѣдствіи [1], когда, по вопросу вообще о собственности и о достаткахъ имущества, намъ придется коснуться спорнаго пункта о томъ, какое отношеніе должно быть между собственностію и ея употребленіемъ. Рѣшая этотъ спорный пунктъ, одни тянутъ къ одной крайности жизни — къ скупости, а другіе къ другой, противоположной ей — къ роскоши. Опредѣлить положеніе страны не трудно; здѣсь, въ извѣстной мѣрѣ, слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію мнѣніе людей, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ; они утверждаютъ, что страна должна быть неудобна для вступленія въ нее непріятелей и удобна для выхода самихъ гражданъ. Далѣе, какъ масса людей въ государствѣ, какъ замѣтили мы выше, должна быть такова, чтобы ее легко было окинуть взглядомъ, такова же должна быть и страна: удобообозрѣваемая страна также удобно можетъ быть и защищена. Что же касается города, то, если можно въ этомъ случаѣ дѣйствовать по желанію, слѣдуетъ располагать его такъ, чтобы, съ одной стороны, онъ прилегалъ къ морю, а съ другой — къ сушѣ. Одно изъ благопріятныхъ условій такого положенія города состоитъ въ томъ, что городъ въ такомъ случаѣ, какъ уже замѣтили мы выше, открытъ для помощи со всѣхъ пунктовъ. Затѣмъ другое благопріятное условіе — то, что такое положеніе города способствуетъ привозу въ него разныхъ плодовъ земли, лѣснаго матеріала и другихъ продуктовъ, которыми изобилуетъ цѣлая страна. Впрочемъ, чрезвычайно еще спорный вопросъ [2]) о томъ, на сколько близость моря выгодна для государства, пользующагося хорошимъ законодательствомъ. Говорятъ, что присутствіе иностранцевъ, воспитанныхъ въ иныхъ законахъ, и вообще многолюдство вредно для благосостоянія законодательства; а благодаря морю, вслѣдствіе благопріятныхъ условій для вывоза и привоза товаровъ, въ государствѣ обыкновенно возрастаетъ масса торговыхъ людей [3]), что и парализируетъ хорошее устройство страны. Но помимо этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, несомнѣнно, что для безопасности гражданъ и для обилія въ странѣ всѣхъ необходимыхъ продуктовъ лучше, если государство лежитъ близь моря. Ибо легче, конечно, отразить враговъ въ томъ случаѣ, когда можно получить помощь съ обѣихъ сторонъ; и если нельзя нанести имъ уронъ съ той и другой стороны, то во всякомъ случаѣ, хоть съ одной стороны, удобнѣе это для того государства, которому открыты и суша и море. Къ выгодамъ моря относится также и то, что страна, лежащая близь моря, удобнѣе можетъ получать недостающіе въ ней необходимые продукты и сбывать другіе, которыми сама изобилуетъ. Государство должно вести торговлю въ своихъ собственныхъ интересахъ, а не въ интересахъ другихъ госу-

1) Аристотель трактуетъ этотъ пунктъ въ первой книгѣ Οἰκονομ.

2) Здѣсь Аристотель вѣроятно имѣетъ въ виду Платона. De Leg. IV стр. 705 — 706. См. Fr. Engelhardt. Loci Platonici, quorum Aristoteles in conscribendis Politicis videtur memor fuisse стр. 18. Gedani 1858 г.

3) Аристотель высказался противъ торговли еще въ I кн. 3 гл. Въ этомъ случаѣ, съ одной стороны, Аристотель остается вѣрнымъ своему метафизическому ученію о задачѣ человѣческой жизни, а съ другой, повторяетъ мнѣніе, господствовавшее во всей Греціи.

дарствъ. Если же государство открываетъ у себя рынокъ для всѣхъ, то оно дѣлаетъ это чисто изъ прибыли. А такъ какъ для государства нѣтъ надобности въ излишнемъ богатствѣ, то оно и не должно развивать у себя такую обширную торговлю. Обратимъ при этомъ вниманіе на гавани и пристани нѣкоторыхъ странъ и городовъ. Положеніе ихъ часто бываетъ такъ ловко, что, не составляя одной мѣстности съ городомъ, онѣ въ тоже время и недалеко отстоятъ отъ него [4]). Будучи обнесены стѣнами и другими подобными укрѣпленіями, онѣ, очевидно, доставляютъ государству всѣ тѣ выгоды, какія только возможны отъ общенія его съ другимъ государствомъ; а отъ вредныхъ столкновеній съ сосѣдями государство удобно можетъ быть обезпечено законами, которые должны точно опредѣлить, съ какимъ государствомъ можно ему вступать въ сношенія, и съ какимъ нельзя. Что касается до морской силы, то имѣть ее государству въ извѣстной мѣрѣ, конечно, очень хорошо. Потому что государство не только должно быть сильно само для себя, но и для сосѣдей своихъ оно должно быть — и страшно и способно оказать имъ помощь, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Въ количествѣ же и мѣрѣ морской силы должно соображаться съ направленіемъ жизни самого государства. Если государство хочетъ играть политическую роль между своими сосѣдями и ищетъ себѣ первенства, то и морская сила его необходимо должна соотвѣтствовать такому кругу его дѣятельности. Но во всякомъ случаѣ должно стараться, чтобы въ государствѣ не было слишкомъ много людей, составляющихъ морской экипажъ, потому что эти люди не входятъ въ составъ государства, какъ дѣйствительные его члены, такъ какъ только моряки, управляющіе плаваніемъ, выбираются изъ свободныхъ и входятъ, какъ часть, въ число сухопутной силы государства. Вообще говоря, если въ государствѣ достаточно періэковъ и земледѣльцевъ, то оно никогда не будетъ имѣть недостатка въ морскомъ экипажѣ. Такъ, дѣйствительно, и теперь мы видимъ это въ нѣкоторыхъ государствахъ, напримѣръ въ Гераклеѣ [5]): это государство выставляетъ въ море большое количество кораблей, хотя, по вели-

4) Таково было положеніе Пирея въ отношеніи къ Аѳинамъ.

5) Гераклея при Понтѣ, которую Страбонъ (XII) называетъ πόλιν ἀξιόλογον.

чинѣ своей, оно гораздо менѣе другихъ государствъ. Итакъ доселѣ о территоріи государства, о его пристаняхъ, о расположеніи городовъ, о морѣ и о морской силѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вліяніе мѣстныхъ условій на характеръ и свойства гражданъ. Преимущество Грековъ предъ другими народами. Практическое замѣчаніе о характерѣ общественныхъ отношеній.

Выше мы сказали, какова должна быть количественная мѣра членовъ политическаго общества. Теперь мы намѣрены высказать свое мнѣніе относительно того, каковы должны быть свойства гражданъ. Понять это не трудно; стоитъ только обратить вниманіе на благоденствующія государства Гелленовъ и прочихъ народовъ, между которыми раздѣлена вселенная. Мы видимъ, что народы, живущіе въ холодномъ климатѣ, даже въ Европѣ, хотя исполнены отваги, но бѣдны умственными и художественными способностями. Потому, хотя по большей части они остаются независимыми, но, лишенные политическаго смысла, не въ состояніи властвовать. Азіатскіе же народы, напротивъ, хотя и одарены умственными силами и способны къ искусствамъ, но лишены смѣлаго духа. Поэтому они остаются въ рабскомъ подчиненіи у другихъ народовъ. Но Греки, занимая топографически середину между Европейцами и Азіатцами, соединяютъ въ себѣ натуральныя особенности тѣхъ и другихъ [1]): они и храбры и умственно высоко развиты. Поэтому Греги — народъ свободный, пользующійся наилучшимъ политичеслимъ устройствомъ; и если бы онъ составлялъ собою одно политическое цѣлое, то былъ бы въ состояніи властвовать надъ всей вселенной. Вышеупомянутое различіе народовъ имѣетъ мѣсто и между наро-

1) Ученіе о развитіи расъ и о вліяніи мѣстныхъ условій на характеръ и жизнь народовъ принадлежитъ собственно нашему времени, и какъ самостоятельный вопросъ науки, въ первый разъ былъ изслѣдованъ Монтескье. Изъ древнихъ объ этомъ говорятъ Аристотель и Платонъ De leg L. V. и ранѣе всѣхъ Гиппократъ.

дами одной и той же греческой расы. Такъ, въ однихъ преобладаетъ одна какая нибудь изъ упомянутыхъ естественныхъ особенностей, въ другихъ, напротивъ, чуднымъ образомъ соединяются онѣ обѣ.

Для того, чтобы пользоваться руководительствомъ законодателя на пути добродѣтели, граждане, очевидно, должны быть смышлены и отважны. Нѣкоторые политики[2]) утверждаютъ что воины должны быть любезны только съ тѣми, которые имъ знакомы, а съ людьми чуждыми они должны будто бы быть суровы; но вѣдь только бодрость духа порождаетъ въ человѣкѣ любезность; она есть та сила нашей души, посредствомъ которой мы любимъ. Въ доказательство этого можно указать на то, что въ случаѣ оскорбленія эгоизмъ человѣка болѣе раздражается противъ людей, которыхъ онъ считалъ сочувствующими себѣ и друзьями, нежели противъ людей ему незнакомыхъ. Поэтому Архилохъ[3]); жалуясь на друзей своихъ, такъ обращается къ своему сердцу: «не друзья ли, говоритъ онъ, причина той тяжести, которую испытываешь ты, мое сердце?» Стремленіе къ власти и къ свободѣ существуетъ въ людяхъ также на основаніи только этой душевной силы. Но не хорошо требовать, чтобы люди были грубы въ обращеніи и съ неизвѣстными имъ лицами. Грубымъ не должно быть ни съ кѣмъ, и всѣ великодушные люди, по природѣ своей, вовсе не суровы, развѣ только съ тѣми, которые несправедливы къ нимъ, и то они суровы болѣе съ тѣми, которыхъ считали сочувствующими себѣ, въ случаѣ если видятъ, что обижены ими. Это и понятно: вмѣстѣ со вредомъ, полученнымъ отъ своихъ друзей, они считаютъ себя лишенными, со стороны ихъ, того благодѣянія, на которое разчитывали по праву. Потому и говорятъ: «тяжелы войны между братьями»; и еще: «чѣмъ болѣе другъ друга любятъ, тѣмъ болѣе и ненавидятъ». — Такъ мы сказали пока о томъ, сколь велико должно быть число лицъ въ государствѣ,

2) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду Платона. См. De Leg. L. II. стр. 375. Ἀλλὰ μέντοι δεῖ γε πρὸς μὲν τοὺς οἰκείους πράους αὐτοὺς εἶναι, πρὸς δὲ τοὺς πολεμίους χαλεπούς. Аристотель мѣняетъ выраженіе Платона, говоря: τὸ φιλητικοὺς μὲν εἶναι τῶν γνωρίμων, πρὸς δὲ τοὺς ἀγνῶτας ἀγρίους.

3) Архилохъ—лирическій и сатирическій поэтъ изъ Пароса въ VIII в. до Р. Хр.

и каковы они должны быть, по своимъ природнымъ свойствамъ. Точно также мы сказали выше и о томъ, какъ велика и какого свойства должна быть территорія государства. Но должно замѣтить, что отъ логическихъ построеній нельзя требовать той отчетности, какая необходима въ области дѣйствительности, гдѣ явленія даны намъ въ чувственныхъ опредѣленіяхъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Различіе между существенными и не существенными частями государства; условія образованія разныхъ формъ политическаго быта; основные элементы, необходимые для существованія государства.

Подобно тому какъ въ другихъ органическихъ явленіяхъ природы, не всѣ составныя части цѣлаго организма одинаковы между собою, по своему значенію; такъ, очевидно, не все то, что необходимо входитъ въ составъ государства, слѣдуетъ считать за существенныя его части. Тоже самое должно сказать и о всякой другой формѣ общежитія, которая образуетъ собою нѣчто единое. Но тѣмъ не менѣе, у членовъ того или другаго общежитія, дѣйствительно, должно быть нѣчто общее и тожественное для нихъ, по своему значенію, не смотря даже на то, въ равной или не равной мѣрѣ оно принадлежитъ имъ; таковы, напримѣръ, пища, пространство страны, занимаемой ими и другое подобное. Если изъ двухъ вещей одна дана какъ цѣль цѣлаго, а другая какъ средство этой цѣли, то между ними ничего нѣтъ общаго, кромѣ того что одна вещь дѣйствуетъ, а другая воспринимаетъ на себя ея дѣйствіе. Такъ, между орудіемъ и мастеромъ нѣтъ ничего общаго съ тою вещію, которую они производятъ; домъ, напримѣръ, и строитель его, сами по себѣ, ничего не имѣютъ общаго, но искусство строителя существуетъ для дома[1]); такимъ

1) Аристотель не различаетъ здѣсь причины дѣйствующей отъ конечной: causa efficiens и causa finalis смѣшены въ его метафизикѣ. Разъясненіе этого вопроса требуетъ особаго изслѣдованія.

образомъ, если у государства есть имущество, то отсюда не слѣдуетъ, что имущество есть часть государства, хотя въ составъ его входятъ также и многіе одушевленные предметы. Государство есть общество людей равныхъ, соединившихся между собою съ цѣлію возможно наилучшей жизни. А такъ какъ наилучшая жизнь есть жизнь счастливая, т. е. жизнь полная добродѣтельной энергіи и самаго вѣрнаго примѣненія добродѣтели ко всѣмъ случаямъ жизни, и такъ какъ одни дѣйствительно бываютъ способны къ такой жизни, а другіе мало, или вовсе къ ней не способны; то это-то и служитъ причиною различія государствъ, по формамъ ихъ политическаго устройства. Преслѣдуя счастіе, какъ цѣль жизни, различнымъ образомъ и разными средствами, люди устроиваютъ различно и свою жизнь и свой политическій бытъ.

Но обратимъ сперва вниманіе на то, сколько такихъ элементовъ, безъ которыхъ не можетъ существовать государство, такъ какъ въ числѣ ихъ заключаются, конечно, и существенныя части государства [2]). Исчислимъ же эти предметы, необходимые для государства — и тогда будетъ ясно, каковы существенныя части государства. Для существованія государства, во-первыхъ, необходимо матеріальное продовольствіе, потомъ — ремесла (потому что въ житейскомъ быту требуются разныя вещи), въ третьихъ — оружіе (такъ какъ члены политическаго общества необходимо должны имѣть оружіе, какъ для поддержанія у самихъ себя власти, противъ тѣхъ, которые не подчиняются ей, такъ и для борьбы съ внѣшними врагами, которые покушаются вредить

2) Выходя изъ того положенія, что не все то, безъ чего не можетъ быть цѣлаго, составляетъ существенныя его части, Аристотель имѣетъ въ виду опредѣлить, какія изъ необходимыхъ отправленій общественной жизни приличны истиннымъ гражданамъ. Вопросъ рѣшается на основаніи той высшей цѣли, къ которой должна быть направлена какъ жизнь каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и жизнь цѣлаго общества. Сообразно съ этимъ, Аристотель устраняетъ гражданъ отъ всего того, что хотя необходимо для жизни, но противно интересамъ добродѣтели — таковы: земледѣліе, ремесла и промыслы, и оставляетъ за ними только военныя, административныя и жреческія обязанности. (См. слѣдующую главу.) Съ этой точки взгляда, дѣлятся у Аристотеля основные элементы государства: одни, какъ необходимыя средства его существованія, другіе, какъ существенныя его части.

государству), потомъ, извѣстное количество денегъ, какъ для удовлетворенія нуждъ внутри государства, такъ и для военныхъ дѣйствій; въ пятыхъ и даже во-первыхъ, попеченіе о религіи, что обыкновенно называется гіеротіею; въ шестыхъ, что впрочемъ всего болѣе необходимо — обсужденіе того, что полезно и что вредно для государства, и рѣшеніе юридическихъ споровъ, возникающихъ между гражданами. Итакъ, вотъ въ чемъ имѣетъ нужду всякое государство. Государство не есть какая бы то ни была масса людей, но такое общество, которое, какъ мы уже сказали, имѣетъ въ себѣ достаточно силъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей своей жизни. При недостаткѣ одного какого-либо изъ вышеупомянутыхъ условій, общество не можетъ быть самостоятельнымъ. Государство можетъ существовать не иначе, какъ только при всѣхъ вышеупомянутыхъ условіяхъ. Такъ, въ государствѣ должно быть извѣстное количество земледѣльцевъ, которые бы доставляли ему пропитаніе, также для него нужны и ремесленники, военная сила, капиталисты, жрецы и судьи, охраняющіе права гражданъ и наблюдающіе за выгодами государства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вопросъ о томъ, въ какихъ отправленіяхъ общественной жизни, и всѣ ли граждане должны принимать участіе. Какія занятія противорѣчатъ высшей задачѣ общества. Военныя и административныя должности, какъ прямыя обязанности истинныхъ гражданъ, въ разное время ихъ жизни. Кому принадлежитъ право на поземельную собственность. Лица, которымъ прилично жреческое званіе. Существенныя части государства — воины и члены администраціи.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ основныхъ элементовъ государства, намъ остается разсмотрѣть слѣдующее: всѣ ли граждане должны принимать участіе во всѣхъ этихъ отправленіяхъ государственной жизни, (такъ, всѣ граждане могутъ быть и земледѣльцами, и ремесленниками, и членами совѣта, и судьями) или для каждаго такого дѣла должны быть особенные

люди, или, наконецъ, для нѣкоторыхъ дѣлъ нужны особенные люди, а къ участію въ другихъ дѣлахъ можно допускать вообще всѣхъ гражданъ. Понятно, что то и другое не можетъ быть безразлично во всякомъ государствѣ: напротивъ, какъ мы уже замѣчали [1]), могутъ быть и такія государства, въ которыхъ всѣ граждане участвуютъ во всѣхъ отправленіяхъ государственной жизни, равно какъ и такія, въ которыхъ одни занимаются однимъ дѣломъ, а другіе другимъ; въ этомъ-то и состоитъ существенная разница формъ государственнаго быта.

Такъ въ демократіяхъ, напримѣръ, всѣ граждане безразлично участвуютъ во всѣхъ дѣлахъ государства, а въ олигархіяхъ напротивъ.

Но имѣя въ виду вопросъ о наилучшемъ политическомъ устройствѣ, которое состоитъ въ возможно наибольшемъ счастіи общественной жизни, принимая притомъ въ соображеніе, что счастіе, какъ мы сказали выше, не можетъ быть помимо добродѣтели, мы ясно видимъ, что въ государствѣ съ наилучшимъ политическимъ устройствомъ, гдѣ люди абсолютно добродѣтельны, а не только сообразно съ условіями ихъ политическаго быта — что въ такомъ государствѣ граждане не должны заниматься ни ремеслами, ни промыслами, потому что такая жизнь не благородна и противна интересамъ добродѣтели. Граждане такого государства, равнымъ образомъ, не должны быть и земледѣльцами; напротивъ, какъ для развитія въ себѣ начала добродѣтели, такъ и для политической дѣятельности, имъ необходимъ философскій досугъ. Но въ составъ государства входятъ еще нѣкоторыя части — и части, какъ кажется, самыя существенныя — таковы: войско, и потомъ сословіе людей, которому подлежитъ обсужденіе государственныхъ интересовъ и рѣшеніе спорныхъ дѣлъ между гражданами. Спрашивается: должны ли и эти отрасли государственной дѣятельности быть отдѣлены одна отъ другой, или обѣ онѣ должны быть довѣрены однимъ и тѣмъ лицамъ. Очевидно, что частію они дожны быть въ однихъ рукахъ, а частію въ разныхъ; именно, по скольку, съ одной стороны, для каждой такой дѣятельности требуется различный возрастъ, такъ какъ успѣхъ одной условливается разсудительно-

1) См. кн. III; гл. 6 и 7.

стію, а успѣхъ другой физической силою дѣятеля — по стольку каждая изъ нихъ должна быть въ рукахъ разныхъ лицъ; а по скольку, съ другой стороны, невозможно, чтобы люди, владѣющіе силою, находились всегда въ подчиненіи у другихъ — по стольку и вышеупомянутыя должности въ государствѣ должны принадлежать однимъ и тѣмъ же лицамъ. Потому что, если существованіе государства опирается на войско, то отъ него же зависитъ и разрушеніе его. Итакъ, военныя и административныя должности въ государствѣ хотя должны быть довѣряемы однимъ и тѣмъ же, но не въ одно и тоже время. Принимая въ соображеніе то, что физическая сила естественно принадлежитъ молодымъ, а разсудительность взрослымъ, на основаніи этого, полезно и справедливо раздѣлить между ними и вышеупомянутыя обязанности. Такое раздѣленіе дастъ каждому то, что принадлежитъ ему, по его достоинству. Въ рукахъ этихъ же лицъ должна быть и поземельная собственность; потому-что если граждане необходимо должны владѣть землею, то эти-то люди собственно и суть граждане; такъ какъ ремесленники, равно какъ и всякій другой классъ людей, дѣятельность которыхъ не состоитъ въ разработкѣ элементовъ ихъ нравственной природы, не составляютъ собою существенной части государства. Все сказанное естественно вытекаетъ изъ того основнаго положенія, что счастіе заключается въ добродѣтели; а такъ какъ счастливымъ государство можетъ быть названо не въ виду только какой-нибудь одной его части, а въ виду всѣхъ гражданъ, то очевидно, что и поземельная собственность должна принадлежать этимъ же истиннымъ гражданамъ, между тѣмъ какъ собственно земледѣльцами обыкновенно бываютъ рабы, или варвары, или періэки.

Кромѣ исчисленныхъ нами классовъ, входящихъ въ составъ государства, остается еще классъ жрецовъ: положеніе ихъ въ государствѣ очевидно. Понятно, что ни земледѣльцы, ни ремесленники не должны быть посвящаемы въ жреческое достоинство, потому что служить богамъ прилично только гражданамъ. Общество же гражданъ дѣлится на двѣ части: на воиновъ и на людей, участвующихъ въ совѣщаніи о дѣлахъ государства; но такъ какъ гражданамъ прилично также воздавать поклоненіе и богамъ, и такъ какъ въ государствѣ всегда есть лица, которыя, вслѣдствіе

своего возраста, будучи утомлены своею дѣятельностію, имѣютъ нужду въ покоѣ, то имъ-то, кажется, и должно поручить отправленіе жреческихъ обязанностей. Итакъ, мы сказали доселѣ о томъ, безъ чего не можетъ существовать государство, и сколько вообще частей входитъ въ составъ его. Такъ земледѣльцы, ремесленники и все торговое сословіе необходимо входятъ въ составъ каждаго государства; но существенныя его части суть: воины и члены совѣта; притомъ, каждая изъ этихъ частей или навсегда и вполнѣ отдѣлена отъ другихъ, или только на время.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Раздѣленіе гражданъ на классы. Исторія происхожденія этого раздѣленія и исторія образованія сисситій. Раздѣленіе поземельной собственности. Лица, изъ которыхъ долженъ состоять классъ земледѣльцевъ.

Въ политической философіи, конечно, не съ нынѣшняго и не со вчерашняго только дня, стало извѣстно, что населеніе государства должно быть раздѣлено на отдѣльные классы, и классъ воиновъ долженъ быть отличенъ отъ класса земледѣльцевъ. Въ Египтѣ и въ Критѣ такой порядокъ ведется до сихъ поръ. Въ Египтѣ, какъ говорятъ, онъ установленъ былъ Сезостріемъ, а въ Критѣ — Миносомъ [1]). Учрежденіе сисситій принадлежитъ также древнему времени: въ Критѣ сисситіи были основаны въ царствованіе Миноса, а въ Италіи раньше, чѣмъ въ самомъ Критѣ. По словамъ тамошнихъ историковъ [2]), въ Ойнотріи былъ какой-то царь Италъ, отъ кото-

---

1) Геродотъ и Діодоръ много говорятъ о Сезострiѣ, но оба историка не приписываютъ ему раздѣленія Египтянъ на классы. Впрочемъ, это раздѣленіе, какъ извѣстно, было въ Египтѣ въ самой глубокой древности. Существованіе Сезострія относятъ за 18 столѣтій до Р. Хр., а—Миноса спустя три, или четыре вѣка послѣ Сезострія. Ясно, что подобныя личности не имѣютъ никакого историческаго значенія.

2) Нибуръ (Röm Geschichte 1. стр. 27—40) полагаетъ, что Аристотель говоритъ здѣсь собственно объ Антіохѣ Сиракузскомъ.

раго жителиэтой страны, перемѣнивъ имя, стали называться,
вмѣсто Ойнотровъ, Италами, и весь берегъ Европы, между
заливами Скиллитійскимъ и Ламетійскимъ, также получилъ имя
Италіи: вышеупомянутые пункты лежатъ одинъ отъ другаго
на разстояніи половины дня пути. [3]) Говорятъ, что этотъ
Италъ сдѣлалъ Ойнотровъ изъ номадовъ земледѣльцами, и
давъ имъ разные законы, первый основалъ у нихъ сис-
ситіи: [4]) поэтому сисситіи и доселѣ сохранились у нѣкото-
рыхъ потомковъ этого племени. Таковы Опики, живущіе на
берегу Тирренскаго моря; какъ прежде, такъ и теперь, они
называются также Авзонами. Таковы еще Хоны, населяющіе
Сиртy, лежащую близь Япигіи и Іонійскаго моря; [5]) по про-
исхожденію своему хоны были также Ойнотрами. Итакъ
учрежденіе сисситій вышло первоначально изъ этой стра-
ны; а раздѣленіе гражданъ по сословіямъ началось въ
Египтѣ. Потому что время царствованія Сезострія захо-
дитъ далеко за время царствованія Миноса. Между тѣмъ,
объ этихъ и обо всѣхъ почти другихъ учрежденіяхъ должно
думать, что онѣ изобрѣтены въ продолженіе долгаго вре-
мени, вслѣдствіе частаго пользованія ими, вслѣдствіе упо-
требленія ихъ безчисленное множество разъ. Необходи-

---

3) Нибуръ говоритъ, что Ойнотры жили въ Брутіумѣ и юго-во-
сточной части Лаконіи (см. ibid). Древніе историки различно гово-
рятъ о происхожденіи этого племени. См. Страбонъ VI, стр. 131.
Діонисій Галикарнасскій кн. I, гл. II. Италъ, по словамъ римскихъ
историковъ, былъ одинъ изъ наслѣдниковъ Ойнотра, сына Лакаона.
Скиллитійскій заливъ, о которомъ говоритъ здѣсь Аристотель, и въ
настоящее время носитъ тоже названіе — golfo di Squillaci. Онъ ле-
житъ на восточной сторонѣ оконечности итальянскаго полуострова.
Ламетійскій заливъ лежитъ на противуположной сторонѣ. Діонисій
Галикарнасскій, слѣдуя историку Антіоху, и Страбонъ называютъ
его Напитинскимъ. Теперь его имя: заливъ св. Евфиміи, golfo di
Evfemia. Разстояніе между обоими заливами по материку опредѣле-
но у Страбона въ 160 стадій, отъ 3-хъ до 4-хъ нѣмецкихъ миль.
4) Что сисситіи были древнимъ установленіемъ, это видно изъ
того, что они были также въ употребленіи, кромѣ Спарты, въ Кри-
тѣ, Мегарѣ, Коринѳѣ, и въ Аркадіи. См. Мюллеръ Dovier. II, 3. 1.
5) Χῶνες, другое чтеніе Χάωνες, Хаонія была страна въ Эпирѣ. Шлос-
серъ (Arist. Polit. 3 Abtheil. стр. 5 и 6) считаетъ Хоновъ за іонійскихъ
поселенцевъ. Но вмѣсто Σύρτιν читаютъ Σίριν, разумѣя подъ Сири-
сомъ городъ, лежащій на западномъ берегу Тарентскаго залива, про-
тивъ древней Япигіи (см. Гейне. Opusc. II стр. 211. 235).

мому учитъ сама нужда, а все, что̀ составляетъ полноту и украшеніе жизни, естественно представлять себѣ, какъ результатъ изобилія въ необходимомъ. Должно думать, что точно также бываетъ и съ политическими учрежденіями. Что всѣ они древни, доказательствомъ тому служитъ Египетъ. Не смотря на то, что Египтяне почитаются самымъ древнѣйшимъ народомъ, у нихъ издавна были и законы и политическое устройство. Поэтому, пользуясь, съ одной стороны, тѣмъ, что̀ достаточно выработано было уже въ древности, съ другой, намъ должно стараться изобрѣтать то, что опущено было въ прежнихъ учрежденіяхъ. Выше мы сказали, что земля должна принадлежать, какъ людямъ военнымъ, такъ и всѣмъ, участвующимъ въ политической жизни государства, что земледѣльческое сословіе должно быть отлично отъ нихъ; равнымъ образомъ, мы высказали свое мнѣніе и о томъ, какъ обширна и какого свойства должна быть эта земля. Теперь, прежде всего, намъ должно сказать о раздѣленіи поземельной собственности и о томъ, кто и каковы должны быть земледѣльцы.

Допуская дружеское общеніе въ пользованіи имуществомъ, мы высказались уже противъ общиннаго владѣнія, за которое стояли нѣкоторые; но въ тоже время мы конечно и противъ того, чтобы кто нибудь изъ гражданъ нуждался въ насущномъ хлѣбѣ. Что же касается до сисситій, то всѣ согласны въ той пользѣ, какую приноситъ это учрежденіе во всякомъ благоустроенномъ государствѣ. Съ своей стороны, мы также вполнѣ сочувствуемъ этому учрежденію; а почему—объ этомъ скажемъ ниже [6]). Въ настоящемъ же случаѣ замѣтимъ, по этому поводу, слѣдующее: въ сисситіяхъ должны принимать участіе всѣ граждане, но для бѣдныхъ, очевидно, не легко жертвовать на это изъ своихъ доходовъ, и въ тоже время вести на нихъ и остальное домашнее хозяйство. Далѣе, издержки по богослуженію также должны разлагаться на всѣхъ членовъ государства. Отсюда ясно, что вся страна необходимо должна быть раздѣлена на двѣ части, изъ которыхъ одна должна быть въ общемъ владѣніи гражданъ, а другая принадлежать частнымъ владѣльцамъ. Потомъ, каждый изъ этихъ участковъ снова долженъ быть

6) См. главы 10 и 11.

раздѣленъ на двѣ части, такъ чтобы одна часть доходовъ съ общественнаго поля шла на отправленіе религіозныхъ потребностей, а другая на устройство сисситій; земля же частныхъ владѣльцевъ должна быть раздѣлена такъ, чтобы одна ея часть лежала на границахъ государства, а другая вблизи отъ города, съ тою цѣлію чтобы каждый, владѣя двумя участками, принималъ одинаковое участіе въ интересахъ той и другой мѣстности. Такое раздѣленіе, удовлетворяя потребности равенства между гражданами и чувству справедливости, способствуетъ также счастливому веденію войнъ съ сосѣдними государствами. А гдѣ нѣтъ такого раздѣленія между частными владѣніями, тамъ одни ни мало не интересуются дѣйствіями враговъ на границахъ государства, а другіе, напротивъ, будучи слишкомъ заинтересованы этимъ, дѣйствуютъ часто, съ своей стороны, не удачно. Оттого въ нѣкоторыхъ государствахъ есть законъ, чтобы граждане, живущіе на границахъ государства, не принимали участія въ совѣщаніи, по поводу войны съ сосѣдними имъ народами; потому что, имѣя свою собственность на границѣ, они не въ состояніи въ этомъ случаѣ давать всегда хорошіе совѣты. На основаніи этихъ соображеній требуется, чтобы земля гражданъ была раздѣлена на два участка. Чтоже касается до земледѣльцевъ, то особенно желательно, чтобы они были рабы, но не всѣ принадлежали бы къ одной филѣ и небыли бы людьми, увлекающимися страстями; при этихъ условіяхъ они будутъ и полезны для работы, и не опасны относительно возмущеній: притомъ земледѣльцами могутъ быть варвары, періэки, которые, по натурѣ своей, близко подходятъ къ рабамъ. Тѣ изъ нихъ, которые поселены на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, должны быть собственностію этихъ владѣльцевъ, а поселенные на общественномъ полѣ должны принадлежать цѣлому обществу. Въ другой разъ мы скажемъ, [7]) какъ слѣдуетъ обращаться съ рабами и почему должно оставлять имъ всегда надежду на свободу, какъ награду за ихъ труды.

---

7) См. Οἰκονομικ 1. 5.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Внутреннее устройство и расположеніе города.

Мы говорили уже, что городъ долженъ лежать одинаково близко какъ къ сушѣ, такъ и къ морю, и—на сколько только возможно—въ одинаковомъ разстояніи отъ всѣхъ частей государственной территоріи. Что же касается до расположенія, какого должно желать собственно для самаго города, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующія четыре условія: во-первыхъ, необходимо должно обращать вниманіе на здоровье жителей; въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ города, обращенные къ востоку и къ вѣтрамъ, дующимъ съ восхода солнца; за тѣмъ, второе мѣсто остается за городами расположенными къ югу, [1]) потому что зима въ нихъ сноснѣе. Въ числѣ же прочихъ условій здоровья жителей требуется, чтобы положеніе города было удобно, какъ для внутренней дѣятельности гражданъ, такъ и для военныхъ операцій; для послѣдней цѣли городъ долженъ быть, расположенъ такъ, чтобы гражданамъ было удобно выйти изъ него, а непріятелю было бы неудобно ни войти въ него, ни обложить его извнѣ. Въ самомъ же городѣ должно быть, какъ можно болѣе, воды и всякихъ источниковъ, или, по крайней мѣрѣ, должны быть устроены въ немъ большіе резервуары съ достаточнымъ количествомъ дождевой воды, съ тѣмъ чтобы не остаться безъ воды во время войны, когда городъ бываетъ отрѣзанъ отъ сообщенія съ остальною страною. Въ самомъ дѣлѣ, если должно заботиться о здоровьѣ жителей,—а для здоровья требуется во-первыхъ, чтобы городъ былъ расположенъ въ хорошей, по условіямъ, мѣстности, а во-вторыхъ, чтобы онъ снабженъ былъ здоровою водою,—то, очевидно, и это послѣднее условіе не должно оставлять въ пренебреженіи. На здо-

1) Κατὰ βορέαν. Шнейдеръ (Arist. Polit. Vol. II. стр. 419), по аналогіи κατὰ ποταμὸν — по теченію рѣки, въ противуположность съ ἀνὰ ποταμὸν — противъ теченія рѣки—думаетъ, что κατὰ βορέαν значитъ: внизъ по теченію сѣвернаго вѣтра и, сообразно съ этимъ, понимаетъ κατὰ βορέαν—на югъ. Такъ переводитъ это слово и С. Илеръ (стр. 232) Слич. Ар. Οἰκονομ. 1 6. Xenophon. Oeconomic. (IX. 4) гдѣ также указывается на южную сторону, какъ болѣе благопріятную во время зимы.

ровье наше всего болѣе оказываетъ вліяніе то, что мы употребляемъ больше всего и чаще всего; таково, естественно, огромное вліяніе, какое имѣютъ на насъ воздухъ и вода. Поэтому, гдѣ жизнь гражданъ регулируется благоразумно, тамъ, въ случаѣ если не вся вода одинакова по своему качеству и если чувствуется недостатокъ въ источникахъ воды требуемаго качества, — должно отдѣлить одну воду для употребленія въ пищу, а другую для другихъ потребъ. Касательно пунктовъ обороны должно замѣтить, что не всѣ такіе пункты одинаково пригодны во всякомъ политическомъ устройствѣ; такъ, цитадель важна въ государствѣ съ олигархическимъ, или монархическимъ устройствомъ; для демократіи, напротивъ, пригодна равнина; для аристократіи же нѣтъ нужды ни въ томъ ни въ другомъ, а скорѣе потребно нѣсколько твердыхъ пунктовъ. Чтоже касается до расположенія частныхъ зданій, то новый планъ, именно планъ Гипподама[2]), считается болѣе красивымъ и болѣе выгоднымъ. Но старое расположеніе выгоднѣе въ отношеніи безопасности, на случай войны[3]). Планъ такого расположенія состоитъ въ томъ, чтобы, съ одной стороны, затруднить непріятелю выходъ изъ города, если онъ уже вошелъ въ него, а съ другой, воспрепятствовать ему войти въ него. Кажется, что, при расположеніи города, одинаково должно держаться той и другой системы и располагать его систадами[4]) — такъ, какъ у земледѣльцевъ располагаются обыкновенно лозы винограда; въ этомъ случаѣ, городъ удобно будетъ дѣлиться по частямъ и по отдѣльнымъ мѣстностямъ. А при такомъ расположеніи, онъ выиграетъ какъ въ своей безопасности, такъ и въ самой красотѣ. Что же касается до укрѣпленія города стѣнами, то, по взгляду нѣкоторыхъ[5]), имъ не должно быть будто бы тамъ, гдѣ граждане имѣютъ притя-

2) О Гипподамѣ см. 2 кн. 5 гл. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы проводить прямыя улицы.

3) По старому плану, бывшему до Гипподама, зданія въ городѣ строились, вѣроятно, не по линіямъ, а какъ казалось удобнѣе въ стратегическомъ отношеніи, о чемъ тотчасъ и говоритъ Аристотель.

4) Систадами называлось расположеніе виноградныхъ лозъ по четыреугольникамъ, отстоящимъ одинъ отъ другаго на извѣстное разстояніе. См. Шнейдеръ Ar. Polit. v. II стр. 421.

5) Здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду Платона. См. De Leg. VI. стр. 778.

заніе на храбрость; но отъ такого взгляда слишкомъ уже отзывается духомъ древнихъ; притомъ, мы видимъ, что государства, гордыя своею храбростію, на самомъ дѣлѣ часто обличаются въ противномъ [6]). Очевидно, не хорошо искать спасенія въ стѣнахъ, при столкновеніи съ врагомъ равнымъ, или немного превосходнымъ, но можетъ случиться, что сила нападающихъ превосходитъ какъ вообще человѣческую храбрость, такъ въ особенности храбрость малочисленной дружины. Въ этомъ случаѣ твердыя стѣны должно считать самымъ воинственнымъ средствомъ защиты противъ злодѣйствъ и обиды врага, особенно въ наше время, когда изобрѣтеніе разнаго рода стрѣлъ и машинъ для осады городовъ доведено до высшей степени совершенства [7]). Не окружать города стѣнами — почти то же, что выбрать для него мѣстность ровную, или нарочно выровнять выгодныя возвышенности. Если такъ, то изъ опасенія, чтобы жители не были не мужественными, и самыхъ жилищъ своихъ имъ не слѣдовало бы обносить стѣнами. Между тѣмъ, при обсужденіи этого вопроса, не слѣдуетъ пускать изъ виду того, что жители города, обнесеннаго стѣнами, имѣютъ возможность жить въ немъ такъ, какъ будто бы онъ и не имѣлъ стѣнъ; между тѣмъ какъ въ городѣ, не укрѣпленномъ стѣнами, нельзя жить такъ, какъ будто бы вокругъ него были стѣны. Если такъ, то не только слѣдуетъ окружать города стѣнами, но должно заботиться также о томъ, чтобы онѣ, служа ему украшеніемъ, были въ то же время полезны для нуждъ войны и пригодны для защиты его отъ всѣхъ тѣхъ стратегическихъ орудій, которыя изобрѣтены въ наше время. Какъ нападающіе изыскиваютъ всѣ средства, чтобы, какъ-бы то ни было, одолѣть противниковъ, такъ и у защищающихся есть свои средства обороны, хотя послѣдніе нуждаются еще въ изобрѣтеніи многихъ другихъ. Главная выгода тѣхъ, которые владѣютъ хорошими средствами защиты — это то, что на нихъ всего менѣе рѣшаются нападать. Такъ какъ масса гражданъ въ государствѣ должна

---

6) Рѣчь идетъ о Лакедемонянахъ, надъ которыми одержалъ побѣду Епаминондъ въ 367 году до Р. Хр.

7) Діодоръ повѣствуетъ, что орудія для разбитія стѣнъ были изобрѣтены въ Сициліи, при Діонисіѣ старшемъ. Плутархъ разсказываетъ, что Архидамъ, сынъ Агезелая, увидавъ такое орудіе, принесенное изъ Сициліи, воскликнулъ: ἀπώλετο ἀνδρὸς ἀρετά!

быть раздѣлена по сисситіямъ и такъ какъ стѣны города, въ извѣстныхъ удобныхъ пунктахъ, должны быть снабжены гауптвахтами и башнями, то ясно, что нѣкоторыя изъ сисситій могутъ быть устроены на этихъ самыхъ гауптвахтахъ. И такъ вотъ какъ, по нашему взгляду, можно было бы устроить городъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Продолженіе о размѣщеніи зданій, храмовъ и другихъ публичныхъ мѣстъ внутри города.

Зданія, назначенныя для религіозныхъ церемоній, и сисситіи главнѣйшихъ правительственныхъ лицъ должны быть помѣщены на одномъ, приличномъ для нихъ, мѣстѣ, исключая, конечно, тѣ случаи, когда законъ, или пророческій голосъ требуютъ, чтобы извѣстное святилище было отдѣлено отъ прочихъ зданій. Желательно было бы, чтобы мѣсто для храмовъ и сисситій было достаточно открыто, сообразно съ достоинствомъ своего назначенія и болѣе укрѣплено, сравнительно съ сосѣдними ему частями города. Около этого мѣста хорошо устроить площадь, подобную той, которая въ Θессаліи была извѣстна подъ именемъ *свободной* [1]). Она не должна быть занята ни какими товарами, ни ремесленникъ, ни земледѣлецъ и никто изъ людей такого рода не долженъ проходить по ней, развѣ только по призыву правительственныхъ лицъ. Особенно было бы пріятно, если бы на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ гимнасій для людей взрослыхъ.

Учрежденіе это, составляющее красу города, должно быть раздѣлено по возрастамъ: около юношей должны находиться лица, которыя бы регулировали ихъ упражненія; а старшіе возрастомъ пусть упражняются также въ присутствіи болѣе старшихъ: ибо присутствіе и надзоръ старшихъ вселяетъ

---

1) Ксенофонтъ въ Κύρου παιδεία I. 2. говоритъ также о Персахъ: ἐλευθερὰ ἀγορὰ καλουμένη, ἔνθα τά τε βασίλεια καὶ τὰ ἄλλα ἀρχεῖα πεποίηται.

въ младшихъ истинную стыдливость и страхъ, свойственный людямъ свободнымъ. Торговая площадь должна быть отдѣлена отъ этой площади и помѣщена въ мѣстности, удобной для привоза въ нее всѣхъ продуктовъ, какъ идущихъ съ моря, такъ и изнутри страны. Такъ какъ въ составъ городскаго населенія входятъ, съ одной стороны, жрецы, а съ другой, правительственныя лица, то сисситіямъ первыхъ прилично дать мѣсто около священныхъ зданій. Что же касается до послѣднихъ, то тѣмъ изъ нихъ, которые занимаются разбирательствомъ договорныхъ контрактовъ, жалобъ, поданныхъ въ судъ, приглашеніемъ подсудимыхъ и другими подобными дѣлами, равно какъ и лицамъ, которыя должны наблюдать за порядкомъ на площади и, наконецъ, такъ называемымъ астиномамъ [2]) слѣдуетъ имѣть свои сисситіи близь площади, на какомъ нибудь публичномъ мѣстѣ; таково, напримѣръ, мѣсто сосѣднее съ рынкомъ. Ту площадь, о которой говорено выше, мы представляемъ себѣ совершенно покойною, а эта, напротивъ, должна быть посвящена занятію разными необходимыми дѣлами. Подобный порядокъ должно учредить также и въ остальной странѣ. Такъ, у сельскихъ правителей, которыхъ въ однихъ мѣстахъ называютъ илорами (смотрители лѣсовъ), а въ другихъ агрономами (люди завѣдующіе полями) также должны быть замки и сисситіи; равнымъ образомъ, тамъ и здѣсь, во всей странѣ должны быть построены священные храмы, посвященные какъ богамъ, такъ и героямъ. Но было бы безполезно останавливаться долго на всемъ этомъ и вдаваться въ очень большія подробности. Потому что, хоть обсудить это и не трудно, но сдѣлать не легко. Чтобы говорить о чемъ нибудь, достаточно имѣть только охоту къ тому, а исполненіе каждаго дѣла зависитъ также и отъ благопріятныхъ условій. Остановимся на томъ, что сказано до сихъ поръ.

---

2) Это были полицейскія лица, наблюдавшія за порядкомъ. Числомъ ихъ было десять — пять въ Аѳинахъ и пять въ Пиреѣ. См. Германъ. Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer § 150. Прим. 8.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Какія качества требуются отъ гражданъ для того, чтобы они могли жить счастливо? Опредѣленіе счастія. Различіе добродѣтели. Условія благополучной жизни, данныя въ внѣшней средѣ и въ разумной дѣятельности правителя. Мотивы нравственнаго достоинства человѣка.

Обратимся опять къ вопросу о политическомъ устройствѣ. Вопросъ состоитъ въ томъ, изъ какихъ и какого свойства гражданъ должно состоять государство, для того чтобы оно было счастливо и пользовалось хорошимъ политическимъ устройствомъ. Успѣхъ всякаго дѣла зависитъ отъ двухъ условій: одно изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы правильно опредѣлить цѣль дѣла, а другое въ томъ, чтобы придумать такія средства, которыя бы прямо вели къ этой цѣли, потому что средства и цѣли могутъ быть несообразны между собою. Такъ иногда, понимая хорошо цѣль, ошибаются въ средствахъ ея достиженія, а иногда, наоборотъ, имѣя подъ руками все, что нужно для достиженія цѣли, понимаютъ дурно ее самую; наконецъ, нерѣдко одинаково ошибаются и въ цѣли и въ средствахъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, съ врачами: то ошибаются они въ опредѣленіи гигіеническаго состоянія даннаго субъекта, то не находятъ средствъ для того, чтобы привести субъектъ въ нормальное для него состояніе. Между тѣмъ, для успѣха во всякомъ искусствѣ и во всякомъ знаніи, должно владѣть и тѣмъ и другимъ — и цѣлью и средствами. Нечего говорить, что всѣ люди стремятся къ тому, чтобы жить хорошо и счастливо [1]). Но между тѣмъ какъ однимъ удается достигнуть цѣли, другіе не достигаютъ ея, или по случайнымъ обстоятельствамъ своей жизни, или вслѣдствіе иныхъ естественныхъ условій; ибо для счастія жизни, дѣйствительно, необходимы нѣкоторыя внѣшнія благопріятныя условія — въ мень-

---

1) Въ подлинникѣ эта мысль выражена, какъ апотазисъ къ вышеизложенному протазису о томъ, что успѣхъ дѣла условливается сообразностію средствъ съ цѣлями, и который, какъ протазисъ, начинается союзомъ: ἐπεί. Посредствующія мысли отъ слова: «потому что» до: «цѣлью и средствами» — въ подлинникѣ стоятъ въ скобкахъ. Чтобы избѣжать тяжеловатости въ переводѣ, мы открыли скобки и передали рѣчь отдѣльными предложеніями. См. замѣчаніе Бонитца къ этому мѣсту Aristotelische Studien. Wien 1865 г. стр. 94—95.

шей мѣрѣ для людей лучшихъ и въ большей для худшихъ. Но иногда, при всей благопріятной обстановкѣ для достиженія счастія, людямъ не вдругъ удается попасть на прямую дорогу.

Такъ какъ задача наша состоитъ теперь въ томъ, чтобы понять наилучшую форму политической жизни, а такая форма конечно та, въ которой государство пользуется наилучшимъ политическимъ устройствомъ, которое, въ свою очередь, въ наибольшей мѣрѣ условливаетъ собою счастіе гражданъ, то мы, слѣдовательно, не должны обходить здѣсь вопроса о томъ, въ чемъ состоитъ счастіе? Въ Этикѣ [2]) (если только сочиненіе это имѣетъ за собой какое нибудь достоинство) мы сказали уже, что счастіе состоитъ въ возбужденности къ добродѣтели и въ полномъ проявленіи ея въ дѣйствительности, при томъ не условно, но абсолютно—говоря: условно, я разумѣю добродѣтель по необходимости, а выраженіе: абсолютно, я понимаю въ смыслѣ просто прекраснаго. Такъ, напримѣръ, въ области юридической практики, справедливыя наказанія и взысканія, будучи, конечно, дѣлами добродѣтели, въ то же время суть дѣла необходимыя, такъ что хорошее-то въ нихъ и есть собственно необходимость (тогда какъ желательнѣе, конечно, чтобы ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлое государство не были принуждены терпѣть никакой кары). Напротивъ, просто прекрасныя дѣйствія тѣ, основной мотивъ которыхъ есть честь и нравственное достоинство. Хорошее дѣйствіе перваго рода состоитъ лишь въ уничтоженіи дурнаго, а эти дѣйствія сами производятъ хорошее. Хотя добродѣтельный человѣкъ можетъ благодушно перенесть и бѣдность и болѣзнь и другія несчастія, но счастіе жизни все-таки заключается въ противномъ. По опредѣленію, данному въ Этикѣ [3]), совершенный человѣкъ тотъ, для кого благо, въ силу самой его добродѣтели, есть абсолютное благо; при чемъ ясно, что самое пользованіе такимъ благомъ должно быть для него абсолютно нравственнымъ и абсолютно прекраснымъ. Между тѣмъ, люди думаютъ, что внѣшнія блага суть причина счастія, подобно тому какъ еслибы за причину блестящей и прекрасной игры на лирѣ считать болѣе лиру, а не искусство играющаго. Изъ сказаннаго ясно, что нѣкоторыя условія счастія

2) См. Ηϑιχ Νιχομ. 1. 13.

3) Тамъ же 11. 5.

необходимо должны быть даны въ государствѣ непосредственно, а другія, напротивъ, должны быть формированы законодателемъ. Поэтому, тѣхъ благопріятныхъ для государства условій, которыя находятся во власти судьбы, съ своей стороны, мы можемъ только желать государству [4]); но нравственное совершенство государства не дѣло случая, а знанія и предусмотрительности. Нравственное совершенство государства зависитъ отъ нравственнаго совершенства тѣхъ, которые участвуютъ въ политической жизни его; а по нашему взгляду, всѣ граждане должны принимать участіе въ политической жизни государства. Обратимъ же теперь вниманіе на то, какимъ образомъ человѣкъ можетъ быть нравственно совершеннымъ; хотя легче достигнуть того, чтобы всѣ граждане вмѣстѣ были добродѣтельны, а не каждый изъ нихъ въ отдѣльности; но желательнѣе, конечно, послѣднее, потому что, при нравственномъ совершенствѣ каждаго въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ таковы.

Нравственное достоинство людей опредѣляется тремя мотивами — они суть: природа, обычаи и разумъ. Такъ, вопервыхъ, должно родиться — и родиться человѣкомъ [5]), а не другимъ какимъ-либо животнымъ, потомъ, тѣло и душа человѣка должны имѣть извѣстныя качества, впрочемъ нѣкоторыя природныя свойства не имѣютъ въ послѣдствіи никакого значенія, потому что онѣ измѣняются подъ вліяніемъ обычая; однако между ними есть и такія, которыя посредствомъ обычая удобно могутъ быть направлены и въ дурную и въ хорошую сторону.

4) Аристотель разумѣетъ здѣсь тѣ благопріятныя мѣстныя условія, о которыхъ шла рѣчь въ 10 и 11 гл.

5) Высокое значеніе человѣка предъ всѣми другими существами опредѣляется у Аристотеля, съ точки зрѣнія самой природы человѣка. Природа, говоритъ Аристотель, всегда ищетъ совершенства (Gen. anim 1. 1). А изъ всѣхъ живыхъ существъ человѣкъ обладаетъ самою совершенною природою (ibid 11. 4. Слич, Histor. anim. IX. 1). Выраженіемъ этого преимущества человѣческой природы служитъ не только рѣчь, но и самая прямая фигура его тѣла, (De Part. anim. 11. 7. IV. 10) его блестящіе и быстро движущіеся глаза, (ibid. II. 12). Одаренный разнообразными способностями и тѣла и души (De memor. et remin. гл. 2) имѣя руки, это орудіе всѣхъ орудій (ὄργανον ὀργάνων) разумъ, — эту форму всѣхъ формъ, (εἶδος εἰδῶν De Part. amin. IV. 10. De an. III. 8) одинъ человѣкъ имѣетъ такую природу, которая способна къ высшему совершенству.

Но между тѣмъ какъ прочія животныя живутъ, большею частію, только подъ руководствомъ природы, и развѣ нѣкоторыя изъ нихъ руководятся еще привычками, человѣкъ, кромѣ того, дѣйствуетъ по внушенію разума; потому что только онъ одинъ имѣетъ разумъ. Поэтому, всѣ эти три мотива (природа, обычай и разумъ) должны быть приведены въ человѣкѣ во взаимное согласіе. Такъ люди поступаютъ часто вопреки обычаямъ и природѣ, единственно на основаніи разума, который убѣждаетъ ихъ, что такъ поступить лучше. Выше мы сказали, при какихъ естественныхъ условіяхъ граждане могутъ послужить законодателю хорошимъ матеріаломъ для его дѣятельности; остальное есть дѣло воспитанія, которое совершается двумя путями: путемъ обычаевъ и школы [6]).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О раздѣленіи власти и подчиненія между гражданами. Основаніе для этого, данное самою природою. Раздѣленіе души и ея добродѣтелей. Превосходство діаноитическихъ добродѣтелей предъ всѣми другими и сообразно съ этимъ, планъ воспитанія.

Такъ какъ во всякой формѣ политическаго общежитія есть правители и управляемые, то спрашивается: должны ли тѣ и другіе, по очереди, мѣняться своими ролями, или они постоянно должны быть одни и тѣ же. Ясно, что въ послѣднемъ случаѣ самая система воспитанія должна быть принаровлена къ такому крайнему различію государства. Конечно, еслибы нѣкоторые изъ гражданъ настолько превосходили другихъ, какъ тѣломъ такъ и душею, насколько, по нашему мнѣнію, боги и герои превосходятъ людей, такъ что превосходство правителей предъ управляемыми было бы несомнѣнно и вполнѣ очевидно, то лучше, конечно, чтобы правители и управляемые всегда были одни и тѣ же. Но такъ какъ трудно допустить это, и такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, не вездѣ бываетъ

6) Въ подлинникѣ сказано: τὰ μεν γὰρ ἐθιζόμενοι μανθάνουσι, τὰ δ' ἀκούοντες.

то что въ Индіи, гдѣ, по словамъ Скилакса [1]), цари дѣйствительно такъ высоко стоятъ, сравнительно съ своими подданными; то очевидно, что, по многимъ причинамъ, всѣмъ въ равной мѣрѣ слѣдуетъ попеременно и властвовать и подчиняться.

Равенство лицъ равныхъ другъ другу состоитъ въ тожествѣ ихъ правъ, татъ что едвали можетъ быть состоятельно какое-либо политическое устройство, которое не опирается на это справедливое начало; ибо, въ этомъ случаѣ, на сторону подчиненныхъ становятся обыкновенно и всѣ тѣ, которые желаютъ нововведеній [2]); между тѣмъ, членовъ правительства не можетъ быть такъ много, чтобы они были сильнѣе всѣхъ остальныхъ членовъ государства. Тѣмъ не менѣе, однако, безспорно, что между правителями и управляемыми должно быть различіе. Дѣло законодателя опредѣлить, въ чемъ должно состоять это различіе и какимъ образомъ возможно было бы при этомъ общее участіе всѣхъ въ управленіи. Съ своей стороны, мы сказали уже объ этомъ прежде; именно, по-нашему мнѣнію, сама природа различаетъ особей одного и того же рода тѣмъ, что одинъ и тотъ же субъектъ сперва бываетъ моложе, а потомъ старше, такъ что въ одно время ему прилично быть въ подчиненіи, а въ другое слѣдуетъ властвовать. Никто не возмущается состояніемъ подчиненія, если находится въ такомъ состояніи, вслѣдствіе своего возраста, и не считаетъ себя достойнымъ лучшаго положенія, хотя и имѣетъ, конечно, въ виду, что, съ достиженіемъ извѣстнаго возраста, онъ самъ будетъ въ такомъ же почетномъ положеніи, въ какомъ находятся теперь его начальники. Итакъ, власть и подчиненіе, съ одной стороны, должны быть признаны принадлежностью однихъ и тѣхъ же, а съ другой — и не однихъ и тѣхъ же. А если такъ, то и воспитаніе, въ одномъ отношеніи, должно быть одинаково, а въ другомъ — различно. Потому что кто хочетъ хорошо властвовать, тотъ, гово-

1) Скилаксъ, историкъ и географъ, жившій около ста лѣтъ ранѣе Аристотеля. Описаніе одного изъ его морскихъ путешествій находится apud gegraphos minores.

2) Въ подлинникѣ: μετὰ γὰρ τῶν αρχομένων ὑπάρχουσι νεωτερίζειν βουλόμενοι πάντες οἱ κατὰ τὴν χώραν. См. объясненіе этого мѣста у Тюро. Observationes criticae in Ar. Polit. libros (N. Jahrb. f. Phil. u. Päd. LXXXI. 1860 г. Hft. II. стр. 759).

ратъ, долженъ прежде самъ быть въ подчиненіи. Но власть,
какъ сказано было въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, [3]) бы-
ваетъ въ интересахъ или самого властвующаго, или подчинен-
наго: первая — это власть господина надъ рабами, а вторая—
власть надъ свободными. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ дѣлъ,
исполняемыхъ по приказанію, характеризуются какъ дѣла
слугъ, не качествомъ своимъ, но самою цѣлью ихъ. Потому
многія дѣла, которыя, кажется, принадлежатъ собственно слу-
гамъ, безъ урона чести могутъ быть исполняемы и младшими
членами общества людей свободныхъ. Потому что, въ отно-
шеніи къ чести и безчестію, дѣйствія человѣческія разли-
чаются не сами въ себѣ, но по цѣли и по мотиву. Но такъ
какъ, по нашему убѣжденію, добродѣтель гражданина — пра-
вителя тожественна съ добродѣтелью наилучшаго человѣка,
и такъ какъ одно и тоже лицо сперва должно быть подчинен-
нымъ, а потомъ правителемъ, то вотъ задача законодателя:
сдѣлать людей нравственно хорошими, притомъ, съ яснымъ
сознаніемъ какъ средствъ, такъ и цѣлей наилучшей жизни.

Душа человѣческая состоитъ изъ двухъ частей: одной изъ
нихъ существенно принадлежитъ разумъ, а другая, хотя сама
по себѣ и лишена разума, но тѣмъ не менѣе способна подчи
няться ему [4]). Душевными добродѣтелями мы признаемъ тѣ
свойства души, на основаніи которыхъ человѣкъ опредѣляется,
какъ существо нравственное. Принявъ раздѣленіе души на
двѣ части, мы не затруднимся отвѣтить на вопросъ о томъ,
въ какой части души заключается цѣль нравственнаго су-
ществованія человѣка. Худшее всегда существуетъ для луч-
шаго — положеніе одинаково вѣрное, какъ относительно про-
изведеній искусства, такъ и произведеній природы; а луч-
шая часть души та, которой принадлежитъ разумъ. Но такъ
какъ самый разумъ дѣлится также на разумъ практическій и
разумъ теоретическій, то, сообразно съ этимъ дѣленіемъ
разумной части души, должны быть раздѣлены и ея дѣй-
ствія. Дѣйствія наилучшей, по природѣ, части души, во вся-

3) Кн. 1. гл. 2. кн. III. гл. 4.

4) Извѣстно, что Аристотель дѣлитъ душу на три части: τὸ θρεπτικὸν — общую для растеній, животныхъ и человѣка (De an. II. 1. Слич. Ethic. Nicom. 1. 6.); τὸ αἰσθητικὸν — общую только для животныхъ и человѣка (ibid.) τὸ διανοητικὸν—разумную душу человѣка (De an. II. 3. Слич. Полит. I. 1.)

комъ случаѣ, должны быть предпочтительнѣе прочихъ, потому что во всякомъ дѣлѣ наиболѣе предпочтительно то, въ достиженіи чего заключается самая высшая цѣль дѣла. Жизнь человѣческая слагается изъ труда и досуга, изъ войны и мира, и вся дѣятельность человѣческая распадается на дѣятельность необходимую и полезную, и дѣятельность прекрасную. Относительно двухъ этихъ сторонъ нашей жизни и дѣятельности, необходимо должно имѣть силу тоже самое различіе, какое имѣетъ мѣсто между частями души и ихъ дѣйствіями — именно, война существуетъ для мира, трудъ для досуга, необходимое и полезное для прекраснаго. Поэтому, хотя государственный человѣкъ, издавая законы, долженъ обращать вниманіе на все, имѣя въ виду обѣ части души, вмѣстѣ съ ихъ дѣйствіями, но, по преимущетству, онъ долженъ дѣйствовать въ интересѣ того, что лучше и что составляетъ цѣль жизни. Точно также онъ долженъ относиться и къ различнымъ образамъ жизни, и къ различнымъ дѣйствіямъ человѣка. Хотя граждане должны быть способны и на трудъ и на войну, но болѣе они должны быть способны къ мирной и схолической жизни; равнымъ образомъ, хоть они и должны дѣлать необходимое и полезное, но въ большей мѣрѣ, должны быть способны къ прекрасному. Сообразно съ этими цѣлями, должно давать и воспитаніе какъ дѣтямъ, такъ, по мѣрѣ надобности, и лицамъ болѣе зрѣлаго возраста. Между тѣмъ, хотя нѣкоторыя изъ современныхъ формъ политическаго быта Грековъ считаются наилучшими, но законодатели, основывая ихъ, повидимому, вовсе не имѣли въ виду наилучшей цѣли человѣческой жизни, равно какъ издавая законы и давая направленіе воспитанію, они не обращали, кажется, вниманія на всѣ добродѣтели человѣка, но наиболѣе въ этихъ случаяхъ имѣли въ виду то, что казалось имъ полезнымъ и болѣе выгоднымъ. Точно также нѣкоторые и изъ позднѣйшихъ политическихъ писателей [5]) высказываютъ ту же самую мысль. Восхваляя политическое устройство Лакедемонянъ, они восхищаются цѣлью законодателя, который все узаконилъ въ интересахъ побѣды и войны. Но эти воинственные интере-

5) Аристотель имѣетъ здѣсь въ виду Ксенофонта и Платона, которые извѣстны своимъ расположеніемъ къ лакедемонскому устройству.

сы политическаго устройства, легко опровергаемые теоретически, опровергаются теперь и самою практикою. Раздѣляя стремленіе многихъ къ обширной власти, изъ-за того что она доставляетъ будто бы много внѣшнихъ выгодъ, Ѳиврон[6]) и другіе писатели, писавшіе о политическомъ устройствѣ Лаконцевъ, удивляются законодателю ихъ въ томъ, что, подъ сѣнію его законовъ, граждане Лакедемона, благодаря упражненію во всякаго рода опасностяхъ, достигли обширной власти. Но теперь, когда въ рукахъ ихъ нѣтъ уже болѣе власти, всѣмъ стало ясно, что они несчастны, и что законодатель ихъ былъ не хорошъ; ибо смѣшно думать, что Лаконцы, оставаясь вѣрными его законамъ и не имѣя никакого препятствія къ пользованію ими, сами отказались отъ счастливой жизни. Здѣсь все дѣло состоитъ въ неправильномъ пониманіи той власти, къ которой законодатель долженъ относиться съ почтеніемъ — такова власть надъ свободными; она прекраснѣе власти господина надъ рабами и болѣе содержитъ въ себѣ элементовъ добродѣтели. Итакъ, нельзя считать государства счастливымъ, на основаніи только его воинственныхъ притязаній, и законодателя не рекомендуетъ еще то, что, въ интересахъ господства надъ сосѣдями, онъ пріучилъ своихъ гражданъ къ побѣдамъ. Напротивъ, въ этомъ большой вредъ; потому что, благодаря этой привычкѣ, каждый могущественный гражданинъ въ государствѣ, очевидно, будетъ заботиться о томъ, чтобы захватить въ свои руки власть надъ всѣмъ государствомъ; за что Лаконцы осуждаютъ царя Павсанія[7]), несмотря на то что онъ пользовался у нихъ такою высокою честію. Въ самомъ дѣлѣ, подобные политическіе принципы и законы, какъ, съ одной стороны, не политичны въ собственномъ смыслѣ, такъ съ другой, не полезны и фальшивы. Законодатель, напротивъ, обязанъ возбуждать въ гражданахъ такое настроеніе духа, которое для нихъ лучше, какъ въ жизни частной, такъ и въ общественной. Упражняясь въ воинскомъ искусствѣ, они должны дѣлать это не для того, чтобы порабощать

6) Какъ писатель, Ѳиврон или Ѳимаронъ (Геттлингъ) неизвѣстенъ. Ксенофонтъ и Діодоръ Сицилійскій упоминаютъ о Ѳивронѣ какъ о лакедемонскомъ вождѣ.

7) О царѣ Павсаніѣ Аристотель подробнѣе говоритъ въ VIII. кн. 1 и 6. гл.

себѣ сосѣднія государства, но для того, вопервыхъ, чтобы самимъ не попасть въ рабство, а вовторыхъ для того, чтобы, стремясь къ гегемоніи, они старались оказать пользу подчиненнымъ, а не деспотизировать надъ ними. Господство надъ тѣми, которые достойны быть рабами, составляетъ въ этомъ случаѣ послѣднюю цѣль. Между тѣмъ, факты опыта и доводы разсудка убѣждаютъ насъ въ томъ, что, вмѣстѣ съ попеченіемъ объ успѣхахъ гражданъ на войнѣ и съ другими подобными постановленіями, законодатель наиболѣе долженъ заботиться о схолическомъ ихъ состояніи и о мирѣ; потому что исключительно воинственныя государства, большею частію, существуютъ лишь до тѣхъ поръ, пока воюютъ, а достигнувъ господства, сами погибаютъ: оставаясь въ мирѣ, онѣ, какъ желѣзо, теряютъ свой закалъ; а виною всему законодатель, который не воспиталъ ихъ такъ, чтобы они умѣли вести схолическую жизнь. Такъ какъ цѣль жизни, какъ общественной, такъ и частной, повидимому, одна и та же, и такъ какъ, по содержанію своему, наилучшій человѣкъ и наилучшее политическое устройство подлежатъ одному и тому же опредѣленію, то и въ государствѣ, какъ въ каждомъ человѣкѣ, должны быть приведены въ дѣйствіе схолическія добродѣтели, потому что, какъ неоднократно было уже говорено, цѣль войны есть миръ, цѣль труда — досугъ. Но какъ для схолическаго состоянія, такъ и вообще для жизни, полезны и тѣ добродѣтели, которыя имѣютъ мѣсто не только въ средѣ досуга, но также важны и при трудѣ. Потому что для самой схолической жизни требуется напередъ много необходимаго. Такъ, для самихъ схолическихъ цѣлей государства, ему слѣдуетъ быть благоразумнымъ, мужественнымъ и сильнымъ. Говоритъ же пословица: не для рабовъ схолическая жизнь[8]); а тѣ, которые не въ состояніи мужественно переносить разныя невзгоды, суть рабы того что съ ними случается. Мужество и твердость необходимы собственно для трудовой жизни, а философія для схолической; благоразуміе же и справедливость, хотя необходимы какъ тамъ, такъ и здѣсь, но болѣе, конечно, нужны для людей мирной и схолической жизни. Потому что война сама по себѣ заставляетъ людей быть справедливыми и благоразумными, а наслажде-

8) Слич. Ηϑικ. Νικ. X. 6.

ніе благополучіемъ, схолическій образъ жизни и неразлучный съ нимъ миръ — все это очень скоро дѣлаетъ людей притязательными. Въ самомъ дѣлѣ, много справедливости и много благоразумія должно имѣть тѣмъ, которые ведутъ наилучшій образъ жизни и наслаждаются всѣмъ, что доставляетъ счастіе; таковы, напримѣръ, люди, которые, какъ говорятъ поэты, живутъ на островахъ блаженныхъ. Чѣмъ болѣе наслаждаются они досугомъ, въ изобиліи всѣхъ благъ, тѣмъ болѣе должны имѣть нужду въ философской сознательности, въ благоразуміи и справедливости. На томъ же основаніи, для счастья и совершенства государства, въ немъ должны быть дѣятельны тѣже самыя добродѣтели; потому что если постыдно вообще не умѣть пользоваться благами, то еще постыднѣе это для людей досуга: въ трудахъ и на войнѣ — казаться людьми порядочными, а во время мира и въ средѣ схолической жизни уподобляться рабамъ.

Итакъ, не въ духѣ Лакедемонянъ слѣдуетъ трактовать добродѣтель гражданъ. Лакедемоняне въ этомъ случаѣ отличаются отъ другихъ не тѣмъ, что о высшемъ благѣ разсуждаютъ не такъ, какъ разсуждаютъ о немъ другіе, но тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, благо это получается путемъ одной добродѣтели — воинской. Но есть блага выше благъ войны, и удовольствіе ими, очевидно, выше удовольствія, получаемаго отъ добродѣтелей воинскихъ, потому что въ первомъ случаѣ оно получается прямо отъ самой добродѣтели [9]). Но какъ и какими средствами можно достигнуть этого высшаго блага и этого высшаго удовольствія? Какъ на необходимыхъ и самостоятельныхъ агентовъ, ведущихъ къ этой цѣли, мы уже прежде указали на природу, обычаи и разумъ. О требованіяхъ со стороны природы сказано было выше. Теперь обратимъ вниманіе на то, съ чего должно начинать воспитаніе: съ разума,

---

9) Сообразно съ вышеозначеннымъ дѣленіемъ разума на практическій и теоретическій, Аристотель, очевидно, разумѣетъ здѣсь высшія діаноитическія добродѣтели, которыя проявляются собственно въ схолическомъ состояніи, таково любомудріе, какъ наивысшая добродѣтель, доставляющая наивысшее удовольствіе. Ἡ θεωρία, говоритъ Аристотель, τὸ ἥδιστον καὶ ἄριστον (Metaph. XII. 7). Какъ дѣтскому возрасту свойственна игра — а что кому свойственно, то для того лучше и пріятнѣе (Ηθικ. Νικ. X. 7); — такъ вполнѣ развитому человѣку приличенъ философскій досугъ. (Слич. Ηθικ Νικ. IX. 9.)

или съ обычаевъ. Очевидно, что разумъ и обычаи должны быть въ самой полной гармоніи; а иначе, въ стремленіи къ наилучшей цѣли, легко ошибиться какъ при руководствѣ одного только разума, такъ и при руководствѣ обычаевъ. Здѣсь, какъ во всякомъ другомъ образованіи, начало заключается въ какомъ-либо моментѣ, который, достигнувъ своей цѣли, самъ служитъ началомъ для другихъ [10]). Разсудокъ и умъ суть цѣль нашей природы. Въ виду этой-то цѣли и должны быть регулированы обычаи нашей жизни, какъ въ самомъ ихъ образованіи, такъ и въ направленіи. Далѣе, какъ душа и тѣло суть два различные элемента въ составѣ человѣка, такъ, въ свою очередь, и въ самой душѣ мы наблюдаемъ двѣ части: одна изъ нихъ — не разумная, а другая — разумная; поэтому и свойствъ души также два — онѣ суть: пожеланія и умъ. И какъ тѣло, по происхожденію своему, прежде души, такъ и неразумная часть души прежде части разумной. Это очевидно: такъ склонность, хотѣнія и даже сильныя желанія присущи уже дѣтямъ, а разсудокъ и умъ развиваются въ человѣкѣ, вмѣстѣ съ успѣхомъ его естественнаго роста. Поэтому забота о воспитаніи первѣе всего должна быть обращена на тѣло, а не на душу, за тѣмъ — на пожеланія души; но заботясь объ образованіи этихъ естественныхъ желаній, слѣдуетъ имѣть въ виду разумъ, точно также какъ самое образованіе тѣла слѣдуетъ соизмѣрять съ интересами души [11]).

---

10) Κατάπερ ἐν τοῖς ἄλλοις ἡ γένεσις ἀπ' ἀρχῆς ἐστὶ καὶ τὸ τέλος ἀπό τινος ἀρχῆς ἄλλου τέλους. Мы перевели свободно, выдерживая только мысль подлинника. Тюро (observ. critic. in Ar. Politic. libros и т. д. стр. 759) вмѣсто ἄλλου предлагаетъ читать ἀλλ' οὐ. Reizius, въ объясненіе этого мѣста, говоритъ: Loquitur Aristoteles de hominis origine ac perfectione. Originis principium est corpus, et perfectionis finis ratio. Corpus animo perficitur, qui est finis perfectionis corporis. Animus ratione perficitur, qui est finis perfectionis animi. (См. Шнейдеръ Arist. Polit. vol. II, стр. 434—5.)

11) Такая послѣдовательность воспитанія условливается, по взгляду Аристотеля, тѣмъ, что свойства тѣла и первыя пожеланія души составляютъ какъ бы матеріалъ для образованія въ человѣкѣ настоящихъ этическихъ качествъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Наилучшія условія для брака. Возрастъ брачующихся; время года, благопріятное для брака; предѣлъ брачной жизни супруговъ.

Итакъ, если законодатель прежде всего долженъ имѣть въ виду, чтобы лица, подлежащія воспитанію, пользовались какъ можно лучшимъ тѣлосложеніемъ, то первое его попеченіе должно быть обращено на брачный союзъ: онъ долженъ опредѣлить тѣ условія, при которыхъ люди должны вступать въ бракъ. При этомъ онъ долженъ обращать вниманіе какъ на качество брачующихся лицъ, такъ и на ихъ возрастъ — чтобы сходились между собою лица, соотвѣтствующія одинъ другому, по своему возрасту, и чтобы, такимъ образомъ, силы ихъ, въ виду самой цѣли ихъ общежитія, не расходились такъ, напримѣръ, что мужъ въ состояніи еще рождать, жена его уже не способна къ дѣторожденію, или наоборотъ. Потому что это обстоятельство служитъ обыкновенно причиною взаимныхъ несогласій и раздоровъ между супругами. За тѣмъ второе, на что долженъ обратить вниманіе законодатель — это время, въ которое дѣти должны оставлять своихъ родителей: съ одной стороны, этого не должно быть въ очень раннемъ возрастѣ дѣтей (потому что, въ такомъ случаѣ, и родители не въ состояніи пользоваться никакою благодарностію, со стороны своихъ дѣтей, и дѣти не могутъ получать отъ родителей надлежащей помощи); но съ другой стороны, тѣмъ и другимъ не слѣдуетъ оставаться вмѣстѣ въ очень близкомъ другъ другу возрастѣ, потому что это ведетъ къ большимъ непріятностямъ; именно, въ этомъ случаѣ, дѣти, какъ люди уже взрослые, бываютъ менѣе почтительны къ родителямъ; притомъ, такая близость возрастовъ вредна и въ экономическомъ отношеніи. Наконецъ — возвращаемся опять къ началу — третья задача законодателя состоитъ въ томъ, чтобы дѣти въ семействахъ самымъ тѣломъ своимъ соотвѣтствовали намѣреніямъ законодателя. Впрочемъ, всѣ эти вопросы сводятся къ одному основному — къ вопросу о бракѣ: такъ, если возрастъ способный къ рожденію дѣтей, въ большей части случаевъ, для мущины опредѣляется въ семнадцать лѣтъ, а для женщины — въ пятнадцать, то съ этого возраста и должны они вступать въ бракъ, причемъ слѣдуетъ, впрочемъ, на-

блюдать соотвѣтствіе данныхъ возрастовъ. Бракъ молодыхъ лицъ обыкновенно неблагопріятенъ для дѣторожденія. Какъ дѣти прочихъ животныхъ, рожденныя отъ молодыхъ родителей, бываютъ, большею частію, субъекты несовершенные, женскаго пола и малы ростомъ [1]), такъ тоже самое необходимо должно быть и съ людьми. Доказательства на лицо: во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ, по существующему обычаю, молодые люди и дѣвицы вступаютъ въ бракъ слишкомъ рано, поколѣніе бываетъ обыкновенно слабо и мало ростомъ. Кромѣ того, молодыя матери, во время родовъ, страдаютъ болѣе, а многія изъ нихъ даже и умираютъ. На этомъ основаніи, нѣкоторые утверждаютъ, что прорицаніе оракула Тризенцамъ было по той же самой причинѣ, т.-е. что оно касалось большой смертности между ними, бывшей отъ того что ихъ дѣвицы слишкомъ рано выходили замужъ, а вовсе не относилось къ собиранію плодовъ [2]). Но кромѣ того, въ виду умѣренности чувственнаго наслажденія, слѣдуетъ отдавать замужъ болѣе взрослыхъ дѣвицъ; потому что съ молоду женщины обыкновенно бываютъ менѣе умѣренны въ брачномъ удовольствіи. Равнымъ образомъ, слишкомъ ранній бракъ также вредно дѣйствуетъ и на мущинъ, особенно въ томъ случаѣ, если они женятся ранѣе того періода, за которымъ прекращается уже ростъ человѣческаго тѣла. Поэтому дѣвицамъ слѣдуетъ вступать въ бракъ около восьмнадцатилѣтняго возраста, а мущинамъ съ тридцати семи лѣтъ, или нѣсколько ранѣе. Въ предѣлахъ этого возраста бракъ будетъ между лицами, пользующимися цвѣтущимъ здоровьемъ; причемъ супруги очень хорошо сойдутся и во времени, когда съ той и другой стороны прекращается способность дѣторожденія. Кромѣ того, дѣти, при этихъ условіяхъ брака, полагая, что рожденіе ихъ начнется въ законный срокъ, наслѣдовали бы родителямъ въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ и въ періодѣ увя-

1) Слич. Histor. anim. VII. I.

2) Геттлингъ (Ar. Polit. Adnotat. стр. 444) приводитъ изрѣченіе оракула, сохраненное на поляхъ одного кодекса. Оно читается такъ: μὴ τὲ μνὲνεας ἄλοκα, т. е. μὴ τέμνε νέας ἄλοκα, что можетъ значить: не разрывай плевы молодой, т. е. у молодой, νέᾳ. Но такъ какъ ἄλοξ значитъ собственно борозда, а νέα (т. е. γῆ), то, что въ земледѣліи называется паромъ; то Тризенцы могли подумать, что оракулъ говоритъ о земледѣліи.

дающаго возраста родителей, около, положимъ, семидесяти лѣтъ ихъ жизни. Итакъ, вотъ наши соображенія относительно возраста лицъ, вступающихъ въ бракъ. Что же касается до времени года, въ которое должно вступать въ бракъ, то въ этомъ отношеніи мы одобряемъ современный обычай большинства, по которому зимнее время считается самымъ удобнымъ для брака. Притомъ, относительно дѣторожденія, супруги должны обращать вниманіе на то, что говорятъ врачи и естествоиспытатели; такъ врачи, съ одной стороны, обстоятельно говорятъ о томъ времени, когда тѣло бываетъ особенно благопріятно для цѣли брака, а естествоиспытатели, съ своей стороны, сѣверные вѣтры предпочитаютъ въ этомъ случаѣ южнымъ. Но вопросъ о томъ, какое тѣлосложеніе родителей наиболѣе благопріятно для здоровья ихъ дѣтей, обстоятельнѣе долженъ быть разсмотрѣнъ въ ученіи о педономіи [3]). Въ настоящемъ случаѣ достаточно сказать объ этомъ вообще, именно: атлетическое тѣлосложеніе не пригодно какъ для хорошей дѣятельности, такъ равно для здоровья и для дѣторожденія, но въ то же время для этой цѣли не пригодно также тѣлосложеніе болѣзненное и худо переносящее труды, напротивъ, нужно среднее между тѣмъ и другимъ. Тѣло родителей должно быть гимнастировано, но гимнастировано не тяжелыми трудами и не въ одномъ направленіи, какъ тѣло атлетовъ, но упражненіемъ въ дѣлахъ приличныхъ для людей свободныхъ. Это условіе одинаково требуется какъ отъ мущинъ, такъ и отъ женщинъ. Матери, во время беременности, должны особенно заботиться о своемъ тѣлѣ, не оставаться въ бездѣйствіи и неупотреблять изысканной пищи. Законодатель удобно можетъ достигнуть этой цѣли, если онъ установитъ, напримѣръ, чтобы беременныя женщины каждодневно отправлялись куда-нибудь на поклоненіе божествамъ, которыя считаются покровителями родовъ [4]). Но если для тѣла беременныхъ женщинъ полезно движеніе, то мысль ихъ, напротивъ, какъ можно болѣе, должна оставаться въ это вре-

3) Подъ именемъ παιδονομία разумѣется наука обо всемъ томъ, что касается воспитанія дѣтей, съ физической и съ нравственной стороны; потому въ иныхъ кодексахъ стоитъ παιδέια. См. Геттингъ Ar. Polit. Adnotat. стр. 446.

4) Тоже говоритъ и Платонъ De Leg. VII. стр. 789.

мя въ покоѣ. Потому что на дѣтяхъ всегда отпечатлѣвается слѣдъ состоянія матери, во время ея беременности, подобно тому какъ вообще качество почвы оставляетъ свой слѣдъ на растеніи. При соображеніи о покинутіи и оставленіи младенцевъ на воспитаніе, слѣдуетъ держаться того правила, чтобы безъ воспитанія оставлять только увѣчныхъ дѣтей; а вообще, въ интересахъ увеличенія въ государствѣ числа рожденныхъ, если это не противорѣчитъ существующимъ обычаямъ, не слѣдуетъ покидать ни одного младенца [5]), и скорѣе должно опредѣлить число рожденій въ каждомъ бракѣ. Но такъ какъ у нѣкоторыхъ супруговъ можетъ родиться болѣе дѣтей, чѣмъ сколько опредѣлено закономъ, то въ этомъ случаѣ должно вытравлять зародышъ, прежде чѣмъ онъ начнетъ чувствовать и жить: позволительность и непозволительность этого дѣйствія должны быть опредѣлены степенью чувствованія и жизни младенца. Между тѣмъ недостаточно опредѣлить только возрастъ, въ который мущина и женщина должны вступать въ бракъ; слѣдуетъ еще назначить срокъ для самаго дѣторожденія. Потому что дѣти слишкомъ взрослыхъ, какъ и слишкомъ молодыхъ особъ, бываютъ слабы и тѣломъ и духомъ, а дѣти очень старыхъ супруговъ обыкновенно вовсе безсильны. Предѣлъ дѣторожденія долженъ совпадать съ полнымъ развитіемъ умственныхъ силъ человѣка; въ большинствѣ же случаевъ, по словамъ нѣкоторыхъ поэтовъ [6]), мѣрявшихъ возрастъ человѣка седьмицами, умственные силы людей достигаютъ полнаго развитія около пятидесяти лѣтъ. Поэтому люди, пережившіе этотъ возрастъ четырьмя или пятью годами, должны уже воздерживаться отъ рожденія дѣтей. Впрочемъ, въ интересахъ здоровья, или по другой не менѣе уважительной причинѣ, можно дозволить оставаться въ бракѣ и долѣе. Что же касается до невѣрности мужа или жены въ этотъ періодъ времени, то, во всякомъ случаѣ, такъ какъ они еще супруги и продолжаютъ называться этимъ име-

5) Обычай покидать слабыхъ дѣтей, исключая Θивъ, былъ общимъ обычаемъ всей Греціи. Платонъ въ Республикѣ кн. V предлагаетъ бросать и тѣхъ младенцевъ, которые окажутся лишними сверхъ нормальнаго числа гражданъ.

6) Такъ, между прочимъ, это извѣстно о Солонѣ. См. Шнейдеръ Ar. Polit. Vol. II. стр. 443.

немъ, — такая невѣрность, очевидно, безчестна; если же кто изъ супруговъ окажется невѣрнымъ въ періодѣ деторожденія, то онъ долженъ быть наказанъ безчестіемъ въ той мѣрѣ, какой заслуживаетъ своимъ преступленіемъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Общія замѣчанія о воспитаніи дѣтей перваго возраста — до семи лѣтъ. Основные вопросы касательно воспитанія.

Употребляемая дѣтьми пища оказываетъ огромное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе ихъ тѣла. Изъ наблюденія, какъ надъ прочими животными, такъ и надъ тѣми народами, которые заботятся объ образованіи воинскаго тѣлосложенія, оказывается, что молочная пища особенно пригодна для укрѣпленія тѣла. Но спиритуозную пищу, въ избѣжаніе разныхъ происходящихъ отъ нея болѣзней, слѣдуетъ давать дѣтямъ въ наименьшемъ количествѣ. Кромѣ того, для укрѣпленія тѣла дѣтей, полезны также нѣкоторыя движенія, какія только можно допустить въ такомъ раннемъ возрастѣ. Но чтобы они не повредили при этомъ своихъ нѣжныхъ членовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и въ наше время, употребляются для этого извѣстныя механическія орудія, которыя удерживаютъ тѣло отъ опаснаго для него наклоненія. Равнымъ образомъ, полезно также съ малыхъ лѣтъ пріучать дѣтей къ холоду; это очень хорошо, какъ для здоровья, такъ впослѣдствіи и для воинскихъ дѣйствій. Поэтому, у нѣкоторыхъ варваровъ, существуетъ обычай тотчасъ послѣ рожденія погружать дѣтей въ холодную воду, а у другихъ, какъ напримѣръ у Кельтовъ, завертываютъ ихъ въ легкое покрывало. Къ чему можно привыкнуть, къ тому лучше начинать пріучать съ дѣтскаго возраста, такъ чтобы, съ теченіемъ времени, постепенно развивать эту привычку. Тѣло дѣтей, вслѣдствіе большой теплоты въ ихъ организмѣ, по самой природѣ своей, способно къ перенесенію холода. Итакъ, вотъ какого рода попеченія слѣдуетъ имѣть о дѣтяхъ перваго возраста. Въ слѣдующемъ затѣмъ возрастѣ, до пяти лѣтъ—когда, изъ опасности повредить росту дѣтяти,

не хорошо еще принуждать его къ ученью, или къ какому-либо необходимому въ жизни труду — слѣдуетъ заставлять дѣтей дѣлать нѣкоторыя движенія, чтобы уничтожать чрезъ это неповоротливость ихъ тѣла. Движеніе это должно доставлять дѣтямъ, какъ посредствомъ разнаго рода занятій, такъ и посредствомъ игръ; но самыя эти игры не должны быть недостойны людей свободныхъ, слишкомъ утомительны и азартны. Попеченіе о такихъ малюткахъ, со стороны начальниковъ ихъ, такъ называемыхъ педагоговъ, должно имѣть также въ виду тѣ рѣчи и сказки, какія могутъ доходить до ихъ слуха. Потому что все это должно приготовлять дѣтей къ ихъ последующимъ занятіямъ. На этомъ основаніи, игры ихъ, по возможности, должны походить на то, чѣмъ они будутъ заниматься впослѣдствіи. Неправильно поступаютъ тѣ, которые въ своихъ законахъ запрещаютъ дѣтямъ крикъ и плачъ: то и другое, доставляя, нѣкоторымъ образомъ, упражненіе ихъ тѣлу, полезно для ихъ развитія. Какъ задержка дыханія доставляетъ трудящимся новую силу, такъ тоже самое бываетъ и съ дѣтьми, когда они напрягаются во время крика и плача. Наблюдая за образованіемъ жизни дѣтей въ другихъ отношеніяхъ, педономы должны также обращать вниманіе и на то, чтобы дѣти, какъ можно менѣе были въ обществѣ рабовъ; такъ какъ дѣти этого возраста, и даже до семи лѣтъ, непремѣнно должны воспитываться дома. Кромѣ того, очень умно уже и съ этого возраста удалять дѣтей отъ всего того, что оскорбительно для уха и глазъ свободнаго человѣка. Вообще законодатель, очищая государство отъ вредныхъ, какихъ бы то ни было, золъ, долженъ изгнать изъ него и всякое сквернословіе, потому что когда есть легкая возможность сказать что-либо постыдное, то отъ слова близко и къ самому дѣлу; но особенно должно наблюдать за дѣтьми, чтобы они не говорили и не слыхали ничего дурнаго. А въ случаѣ, если окажется, что кто-либо изъ людей свободныхъ, но не принадлежащихъ къ числу лицъ, допущенныхъ къ участію въ сисситіяхъ, говоритъ, или дѣлаетъ запрещенное, то слѣдуетъ наказать его лишеніемъ чести и побоями; а если онъ постарше, то за такой, достойный только раба, поступокъ, стоитъ наказать его такого рода лишеніемъ чести, которое ставило бы его ниже свободнаго человѣка. Запрещеніе говорить постыдныя рѣчи, какъ само собою очевидно, простирается так-

же на созерцаніе картинъ и піесъ подобнаго рода. Поэтому правители государства должны заботиться о томъ, чтобы о подобныхъ вещахъ не напоминала гражданамъ ни статуя и никакая картина, исключая, конечно, храмовъ тѣхъ божествъ, гдѣ извѣстнаго рода безчинство позволятся самимъ закономъ [1]). Впрочемъ, и въ служеніи этимъ божествамъ, законъ позволяетъ принимать участіе только лицамъ извѣстнаго возраста. Между тѣмъ юношамъ должно запретить закономъ быть зрителями ямбовъ [2]) и комедій, пока они не достигли еще того возраста, когда имъ прилично возлежать [3]), вмѣстѣ съ другими, за столомъ и пить вино — т. е. тогда, когда полученное ими воспитаніе будетъ въ состояніи предохранить ихъ отъ того вреда, который могутъ доставить подобныя вещи. Впрочемъ, теперь мы только бѣгло касаемся всего этого, имѣя въ виду когда-либо обстоятельнѣе разсмотрѣть вопросъ о томъ, абсолютно ли не должно допускать юношей къ такимъ зрѣлищамъ, или хотя и можно допускать, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Въ настоящемъ же случаѣ мы упомянули только объ этомъ, какъ о вопросѣ очень важномъ. Въ подобномъ случаѣ не дурно, кажется, разсуждалъ трагическій актеръ Ѳеодоръ [4]). Никому изъ посредственныхъ актеровъ онъ не позволялъ являться на сцену прежде себя, имѣя въ виду, что вниманіе зрителей всегда бываетъ расположено къ тому, что они слышатъ прежде. Тоже самое примѣнимо и къ обращенію нашему какъ съ людьми, такъ и съ вещами. Всякое первое впечатлѣніе для насъ болѣе завлекательно; поэтому, отъ молодыхъ людей должно устранять все дурное, особенно то, что деморализуетъ или разслабляетъ ихъ въ моральномъ отношеніи. Напротивъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, съ пяти до

---

1) См. Kreuzer Symbolik. II стр. 112.

2) Здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду драматическіе пасквили, о которыхъ онъ упоминаетъ еще въ Поэт. гл. 4. Платонъ, въ этомъ случаѣ, болѣе строгъ. См. De Leg. XI. стр. 935.

3) По древнему обычаю, старшіе возлежали за столомъ, а младшіе сидѣли. Только въ Критѣ всѣ сидѣли за столомъ. См. Ксенофонтъ. De convivio I. 8. Плутархъ. Conviv. sapient. Когда, въ концѣ стола, подавали вино, то младшіе уходили.

4) Ѳеодоръ славился, какъ трагическій актеръ, во время Филиппа Македонскаго. Аристотель упоминаетъ о немъ въ Rhetor. II. 33. III. 2. 13. Изъ другихъ писателей Демосѳенъ, Діогенъ Лаэрцій. (II. 104).

семи, дѣти должны уже наглядно знакомиться съ тѣмъ, что придется имъ изучать впослѣдствіи. Воспитаніе дѣтей должно быть раздѣлено на два періода: первый — отъ семи лѣтъ до бороды, а второй — отъ бороды до двадцати одного года. Но раздѣленіе возрастовъ по седьмицамъ, въ большей части случаевъ, оказывается не удобнымъ; гораздо лучше въ этомъ случаѣ слѣдовать раздѣленію, какое представляетъ сама природа, потому что всякое искусство, слѣдовательно и воспитаніе, имѣетъ въ виду восполнить недостатки природы.

Но обратимъ вниманіе на такіе вопросы: слѣдуетъ ли въ воспитаніи держаться какой-либо программы; затѣмъ, должно ли воспитаніе быть дѣломъ общественнымъ, или частнымъ, какъ по большей части бываетъ это теперь; наконецъ, въ третьихъ, каково должно быть самое воспитаніе.

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Значеніе воспитанія для политическаго быта государства и вытекающее отсюда условіе — публичность воспитанія. Различіе во мнѣніи о предметахъ и цѣли воспитанія.

Никто не можетъ оспаривать того, что законодатель всего болѣе долженъ заботиться о воспитаніи юношества; потому что отъ невниманія къ этому дѣлу страдаетъ самое политическое устройство государства, ибо жизнь гражданъ въ каждомъ государствѣ должна соотвѣтствовать его политическому устройству. Характеръ моральнаго состоянія того или другаго общества служитъ обыкновенно охраною его политическаго устройства, опредѣляя собою ту или другую форму его быта. Такъ, демократическое настроеніе общества стоитъ въ связи съ демократическимъ устройствомъ, олигархическое — съ олигархическимъ и т. д., такъ что лучшее нравственное настроеніе общества всегда условливаетъ собою и наилучшую форму его политическаго быта. Если во всякомъ знаніи, во всякомъ искусствѣ есть нѣчто такое, что напередъ должно быть усвоено посредствомъ обученія и навыка, для того чтобы дѣйствовать въ предѣлахъ этого искусства или знанія, то ясно, что такое приготовленіе необходимо и для добродѣтельной дѣятельности. А такъ какъ цѣль государства одна, то и воспитаніе всѣхъ гражданъ, очевидно, должно быть одно; слѣдовательно оно должно быть дѣломъ общественнымъ, а не частнымъ, какъ это бываетъ теперь, когда каждый по своему заботится о своихъ дѣтяхъ, уча ихъ чему вздумается. Нѣтъ, образованіе общественныхъ дѣятелей должно

быть дѣломъ общественнымъ, и никто изъ гражданъ не долженъ считать себя принадлежащимъ себѣ самому, но всѣ, напротивъ, должны считать себя принадлежащими государству; и если каждый гражданинъ есть только часть государства, то попеченіе о каждой части цѣлаго, естественно, должно идти рука объ руку съ попеченіемъ о цѣломъ. Въ этомъ отношеніи, нельзя довольно нахвалиться на Лакедемонянъ за то, что они прилагаютъ столь большое попеченіе о дѣтяхъ, притомъ пекутся о нихъ общими усиліями. Итакъ, очевидно, что касательно воспитанія дѣтей должны быть опредѣленныя постановленія закона, самое же воспитаніе должно быть дѣломъ общественнымъ.

Въ чемъ же должно состоять воспитаніе и какъ должно воспитывать — вотъ вопросы, которые нельзя оставить безъ разрѣшенія, тѣмъ болѣе что въ наше время существуетъ разногласіе, относительно даже самихъ предметовъ воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, не всѣ держатся одинаковаго мнѣнія относительно того, чему должно учиться юношество — какъ для развитія въ себѣ добродѣтели, такъ и просто для наилучшей практической жизни. Доселѣ невыяснено также и то, собственно ли въ развитіи мышленія должно состоять воспитаніе, или въ развитіи нравственности. По существующей системѣ воспитанія, вообще трудно составить понятіе о его истинной задачѣ, такъ какъ доселѣ не ясно даже и то, въ чемъ должно упражнять юношей — въ томъ ли что полезно собственно для жизни, или въ томъ что ведетъ къ добродѣтели, или, наконецъ, въ томъ что выше интересовъ текущей жизни. Всѣ эти системы воспитанія находятъ своихъ защитниковъ. А между тѣмъ и тѣ, по мнѣнію которыхъ, цѣль воспитанія состоитъ въ развитіи добродѣтели, расходятся между собою въ средствахъ для достиженія этой цѣли. Такъ какъ не всѣ одинаково понимаютъ добродѣтель, то отсюда раціонально вытекаетъ и различіе взглядовъ на средства, ведущія къ развитію добродѣтели.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раздѣленіе занятій на свободныя и ремесленническія. Основныя дисциплины общаго образованія. Значеніе музыки, какъ предмета воспитанія, и какъ предмета, достойнаго быть содержаніемъ досуга.

Несомнѣнно, что изъ области полезнаго дѣти должны учиться только тому, что необходимо, но и не всему необходимому; такъ какъ необходимыя занятія дѣлятся на занятія, свойственныя людямъ свободнымъ, и рабамъ. Очевидно, что дѣти должны быть допущены къ занятію только тѣми полезными предметами, которые не сдѣлаютъ ихъ лишь простыми ремесленниками; ремесленническимъ же занятіемъ должно называть такое занятіе и такія искусство и знаніе, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе людей свободныхъ дѣлаютъ не способными къ добродѣтельной дѣятельности. Поэтому, всѣ тѣ искусства, которыя ухудшаютъ тѣло, равно какъ всѣ промысловыя занятія мы называемъ ремесленническими (ванавсическими), такъ какъ онѣ дѣлаютъ мысль человѣка неспособною къ схолическимъ занятіямъ и тупою. Но если изученіе тѣхъ или другихъ свободныхъ знаній, въ извѣстной мѣрѣ, не противорѣчитъ интересамъ свободнаго человѣка, то исключительное занятіе ими бываетъ причиною такихъ же дурныхъ послѣдствій, о которыхъ мы сейчасъ сказали [1]). Большая разница въ томъ, съ какою цѣлію кто что-либо дѣлаетъ, или изучаетъ: если для себя, или друзей, или просто изъ добродѣтели, то въ такомъ случаѣ никакое занятіе не недостойно свободнаго человѣка; а если тоже самое дѣло дѣлаетъ кто-либо по волѣ другихъ, то въ этомъ случаѣ, кажется, онъ работаетъ, какъ наемникъ и рабъ. Въ настоящей системѣ воспитанія тѣ и другія занятія, какъ сказано прежде, мѣшаются между собою.

Существуютъ четыре дисциплины, въ изученіи которыхъ обыкновенно воспитывается наше юношество — онѣ суть:

1) Въ этихъ словахъ высказался взглядъ древнихъ на науку и образованіе. Между тѣмъ какъ въ наше время, всякая наука и искусство дробится на самыя исключительныя спеціальности, опредѣляющія собою профессію ученаго или художника, въ древнемъ мірѣ, всякая професссія казалась болѣе или менѣе дѣломъ ремесленника, не согласнымъ съ интересами свободнаго человѣка.

грамота, гимнастика, музыка и четвертый предметъ, который, впрочемъ, принимаютъ только нѣкоторые — графика [2]). Грамоту и графику изучаютъ, какъ предметы полезные въ жизни и имѣющіе въ ней большое приложеніе; гимнастику — для развитія мужества. Касательно же цѣли музыки есть нѣкоторое недоумѣніе [3]). Такъ, въ наше время, большею ча-

2) Должно замѣтить, что въ разное время, у разныхъ писателей, не одинаково опредѣляются тѣ науки, которымъ обыкновенно училось греческое юношество. Общее образованіе опредѣлялось вообще, какъ круговое ученіе (ἐγκύκλιος παιδεία), и состояло изъ гимнастики и музыки. Такъ оно опредѣлено у Платона. Подъ музыкою разумѣлось какъ вообще все духовное образованіе, такъ и въ частности музыка, вмѣстѣ съ пѣніемъ. Аристотель, очевидно, говоритъ здѣсь о музыкѣ, въ послѣднемъ значеніи этого слова. Музыка, какъ цѣлое духовное образованіе, кромѣ собственно музыки, состояло также въ чтеніи и заучиваньи наизусть поэтовъ, равно какъ въ знакомствѣ съ правилами благопристойности. Подъ грамотою разумѣлось какъ собственно чтеніе, такъ и грамматика. А письмо и счетъ или входили въ програму грамоты, или, вмѣстѣ съ рисованьемъ, составляли отдѣльную дисциплину — графику.

3) Вопросъ о классической музыкѣ принадлежитъ къ числу затруднительныхъ вопросовъ классической археологіи. Въ краткихъ замѣчаніяхъ, какія будутъ сдѣланы къ послѣдующимъ главамъ о музыкѣ и музыкальномъ образованіи, читатель найдетъ лишь самыя необходимыя поясненія текста. Изслѣдованіе о музыкѣ требуетъ особаго плана въ изложеніи. Изъ числа многихъ сочиненій по этому предмету упомянемъ только новѣйшее, которымъ мы пользовались: Geschichte d. alten und mittelalterlichen Musik v. Rudolf Westphal. Erste Abtheil. Breslau 1864 г. Предоставляемъ спеціалистамъ судить о томъ, на сколько справедлива основная мысль Вестфаля, что тоны и композиція греческой музыки стоятъ въ ближайшемъ соотвѣтствіи съ церковною музыкою среднихъ вѣковъ и позднѣе. Для насъ, въ вопросѣ о классической музыкѣ, важно то педагогическое ея вліяніе, какое приписываютъ ей всѣ древніе. Музыка для древнихъ имѣла прежде всего педагогическое значеніе. Занимаясь ею, древніе не имѣли въ виду пріобрѣсти виртуозность на томъ или другомъ инструментѣ, напротивъ, они смотрѣли на нее, какъ на средство духовно-этическаго образованія, и потому игра на музыкальномъ инструментѣ, преимущественно на струнномъ, составляла главный предметъ воспитанія въ школѣ. Воспитавъ здѣсь въ себѣ музыкальное чувство, юноша выносилъ его и въ общественную жизнь. При упражненіяхъ на палестрѣ, при торжественныхъ обрядахъ культа, при парадныхъ празднествахъ, на войнѣ — вездѣ музыка составляла для Грека оживляющій и воспитывающій его элементъ духовной жизни.

стію, занимаются сю просто для удовольствія, но сперва она была принята въ систему воспитанія, конечно, потому, что человѣкъ, по самой природѣ своей, какъ не разъ уже было говорено, стремится не только къ тому, чтобы вести правильно трудовую жизнь, но и къ тому, чтобы быть въ состоянiи хорошо пользоваться досугомъ; потомучто досугъ, чтобы сказать о немъ еще разъ, есть цѣль всякой дѣятельности. Но такъ какъ въ жизни необходимы и трудъ и досугъ, — хотя досугъ, конечно, имѣетъ всегда болѣе преимущества предъ трудомъ,—то намъ должно изслѣдовать теперь общій вопросъ о томъ, что должно быть содержаніемъ досуга? Не забава же; потому что забава была бы тогда цѣлью нашей жизни, что̀ невозможно, тѣмъ болѣе что къ забавамъ должно прибѣгать только во время трудовъ, (потомучто кто трудится, тотъ нуждается въ отдыхѣ; а забава и имѣетъ назначеніе наполнить время отдыха, такъ какъ время труда есть время утомленія и напряженія силъ). На этомъ основаніи, къ забавѣ всегда должно прибѣгать во время, благопріятное для пользованія его, обращаясь къ ней какъ къ лѣкарству, потомучто душа человѣка во время забавы находится въ развязномъ состояніи и отдыхаетъ, наслаждаясь тѣмъ удовольствіемъ, которое доставляетъ забава. Но схолическое состояніе само собою, кажется, доставляетъ и удовольствіе, и счастіе, и блаженство — блага, которыя не имѣютъ мѣста въ жизни людей, занятыхъ работой, но доступны лишь людямъ схолической жизни. Человѣкъ, занятый работой, трудится для какой нибудь цѣли, которой еще нѣтъ; а нравственное наслажденіе, будучи само для себя цѣлію, есть такое состояніе, находясь въ которомъ, какъ всѣ полагаютъ, мы живемъ безъ тоски и печали, но въ удовольствіи; хотя представленіе объ этомъ удовольствіи не у всѣхъ одно и тоже, напротивъ, каждый понимаетъ его по своему, сообразно съ своимъ собственнымъ настроеніемъ. Но чѣмъ кто лучше, тѣмъ и удовольствія ищетъ наилучшаго, полагая его въ томъ, что прекраснѣе всего прекраснаго. Отсюда ясно, что, для достойнаго провожденія схолическаго времени, должно также кое-чему учиться и воспитываться; притомъ, содержаніе этого воспитанія и обученія должно быть интересно для насъ само по себѣ, между тѣмъ какъ занятія, приготовляющія къ трудовой жизни, суть порожденія нужды

и служатъ для цѣли внѣ себя. И вотъ съиздавна введена въ воспитаніе музыка, — не какъ что нибудь необходимое (въ ней нѣтъ ничего такого) и не какъ что нибудь полезное, въ томъ смыслѣ, какъ полезна, напримѣръ, грамота въ коммерціи, въ хозяйствѣ, для занятія науками и политическими дѣлами, или какъ графика, которая, очевидно, можетъ быть полезна для болѣе правильнаго сужденія о произведеніяхъ художниковъ, или, наконецъ, какъ гимнастика полезна для здоровья и укрѣпленія тѣла — ничего такого мы не видимъ отъ музыки. Поэтому, музыку слѣдуетъ считать занятіемъ, которое съ достоинствомъ можетъ наполнить схолическое время, что̀, кажется, и имѣли въ виду наши предки, которые ввели ее въ воспитаніе. Такъ, дѣйствительно, музыка принята въ такомъ образѣ жизни, который считается достойнымъ людей свободныхъ. Такъ Гомеръ говоритъ въ своихъ стихахъ: «на великолѣпный пиръ можно позвать и пѣвца»: или, сказавъ напередъ о другихъ лицахъ, которые зовутъ пѣвца, прибавляетъ: «который всѣхъ услаждаетъ». Также, и въ другихъ мѣстахъ, Одиссей называетъ наилучшимъ то препровожденіе времени, когда люди, приглашенные къ столу, съ веселымъ лицомъ, въ тѣсномъ кружкѣ сидятъ въ домѣ и слушаютъ пѣвца [4]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наивысшая цѣль изученія тѣхъ или другихъ предметовъ, входящихъ въ составъ воспитанія. Педагогическое значеніе гимнастики.

Итакъ очевидно, что въ воспитаніе входятъ нѣкоторые такіе предметы, заниматься которыми должны дѣти, не какъ предметами полезными и необходимыми, а какъ предметами прекрасными и достойными людей свободныхъ. Но одинъ ли

4) Первыхъ двухъ стиховъ теперь не читаемъ у Гомера. — См. Шнейдеръ тамъ же vol. II: стр. 453. Послѣдній стихъ читаемъ въ Одиссеѣ IX. 7. Здѣсь Гомеръ описываетъ нравы своего времени.

такой предметъ, или нѣсколько, и какіе они, и какъ ими должно заниматься—обо всемъ этомъ скажемъ впослѣдствіи. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣли въ виду указать лишь на то, что, въ пользу нашего мнѣнія о значеніи предметовъ, входящихъ въ программу воспитанія, есть даже свидѣтельство самой древности. Такъ, прежде всего, мы имѣемъ такое свидѣтельство, касательно значенія музыки.

Но относительно обученія дѣтей полезнымъ предметамъ, должно замѣтить также, что нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, грамотѣ, должно учить ихъ не только изъ—за непосредственной отъ нихъ пользы, но и потому, что они открываютъ путь къ изученію многихъ другихъ наукъ. Равнымъ образомъ, и графику не должно изучать только для того, чтобы не ошибаться въ своихъ хозяйственныхъ счетахъ, или чтобы не быть обманутымъ, при покупкѣ и продажѣ разныхъ домашнихъ вещей, но потому болѣе, что эти науки изощряютъ чувство пластической красоты. А искать всюду только полезнаго нимало неприлично для людей съ возвышенной душою и свободныхъ, по своей природѣ [1].

Выше мы сказали, что прежде всего должно воспитывать дѣтей въ привычкахъ, и не въ наукахъ, и сперва развивать ихъ тѣло, а не мышленіе; если такъ, то ясно, что напередъ должно поручить дѣтей искусству гимнаста и педотриба [2], съ тѣмъ чтобы развить ихъ тѣло и сдѣлать его способнымъ къ той или другой дѣятельности. Между тѣмъ, нѣкоторыя изъ государствъ, извѣстныхъ въ наше время своею заботливостію о воспитаніи, стараются дать дѣтямъ атлетическое тѣлосложеніе [3], чѣмъ, конечно, вредятъ какъ граціи, такъ и росту ихъ тѣла, а Лаконцы хотя и не впадаютъ въ эту ошибку, но, пріучая дѣтей къ трудамъ, дѣлаютъ ихъ какими-то звѣроподобными, какъ будто это особенно полезно для развитія

1) Нельзя не обратить вниманія на эту мысль философа о значеніи знаній, входящихъ въ программу воспитанія — мысль, которая должна быть кореннымъ убѣжденіемъ педагогіи.

2) Эти два искусства обыкновенно смѣшиваютъ; но, какъ кажется, ихъ должно различать. Педотрибика образовывала тѣло спеціально для борьбы и пріучала его къ извѣстному положенію и напряженію; а гимнастика, какъ и теперь, имѣла въ виду просто укрѣпить и развить его.

3). Здѣсь имѣются въ виду Беотійцы.

въ нихъ мужества. Но повторяемъ еще разъ, что, заботясь о воспитаніи дѣтей, не должно обращать вниманія исключительно только на одну какую нибудь сторону, и всего менѣе на суровое мужество; впрочемъ, лакедемонское воспитаніе, и въ этомъ отношеніи, не вполнѣ достигаетъ цѣли. Потому что, какъ на прочихъ животныхъ, такъ и на нѣкоторыхъ племенахъ людей мы ясно видимъ, что мужество не составляетъ принадлежности звѣрскихъ натуръ, напротивъ, оно свойственно болѣе нѣжнымъ натурамъ, натурамъ львинаго характера. Такъ есть много племенъ, склонныхъ къ убійству и людоѣдству, каковы Ахеи и Геніохи [4], что близь Понта, и другія, во внутренности этихъ странъ, изъ которыхъ нѣкоторыя превосходятъ даже и тѣ — всѣ эти племена, будучи разбойническими, въ сущности вовсе не мужественны. Да и сами Лаконцы, которые такъ ревностно занимались разнаго рода трудными упражненіями, прежде дѣйствительно имѣли превосходство надъ другими народами; а теперь, какъ мы хорошо знаемъ, уступаютъ другимъ, какъ на гимнастическихъ агонахъ, такъ и въ военныхъ битвахъ; слѣдовательно, прежде они превосходили другихъ не потому, что упражняли свое юношество именно такимъ образомъ, но потому только, что всегда имѣли дѣло съ людьми, не знакомыми съ такого рода экзерциціями. Но такъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ первая роль въ воспитаніи должна принадлежать красотѣ, а не звѣрству; потому что волкъ и всякое другое дикое животное никогда не въ силахъ выиграть истинно блестящей побѣды, къ чему способенъ лишь умственно развитый человѣкъ. Поэтому, кто старается о развитіи дѣтей, исключительно съ одной только физической стороны, оставляя безъ воспитанія другія, также необходимыя стороны, тотъ, по правдѣ сказать, приготовляетъ изъ нихъ только ремесленниковъ, годныхъ лишь для одной какой либо дѣятельности, да и въ этой-то дѣятельности, они, какъ легко понять, бываютъ хуже другихъ [5]. Чтоже касается до лаке-

4). Объ Ахеяхъ и Геніохахъ Аристотель говоритъ еще въ Н. Эѳ. Νιχομ. VII. 5. См. также Геродотъ IV. 18.

5) Почему же хуже? Потому что, развитые въ одномъ направленіи, они обыкновенно дѣлаются простыми ремесленниками какого либо дѣла, не способными къ самодѣятельности и его усовершенствованію. Для наилучшаго выполненія и каждаго спеціальнаго дѣла, нуж-

демонскаго воспитанія, то объ успѣхахъ его должно судить, не по прежнимъ его результатамъ, а по теперешнимъ, потому что теперь у нихъ есть соревнователи, а прежде они ихъ не имѣли.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе о педагогическомъ значеніи гимнастики. Вопросъ о значеніи музыки вообще, и какъ предмета воспитанія. Вопросъ объ активномъ занятіи музыкой.

Что касается до гимнастики, то, во взглядѣ на пользу и на способы гимнастическихъ упражненій, нѣтъ никакого разногласія. До зрѣлаго возраста, гимнастическія упражненія должны быть болѣе легки, причемъ должно избѣгать тяжелой пищи и слишкомъ большихъ трудовъ, чтобы ничто не препятствовало возрастанію и укрѣпленію тѣла. А что усиленные труды, дѣйствительно, могутъ повредить здоровью тѣла, то вотъ не малое тому доказательство: между побѣдителями на олимпійскихъ играхъ, едвали найдутся двое или трое, которые, и будучи мужами, также одержали бы побѣду, какъ одержали ее еще дѣтьми [1]); причина та, что эти люди уже

но общее образованіе всей натуры человѣка. Слѣдовательно, общее образованіе, по возможности, должно быть для всѣхъ одинаково и опредѣляться не будущею, часто мечтаемою спеціальностію каждаго, но требованіями человѣческой натуры и достоинствомъ самихъ средствъ. Это тоже коренное убѣжденіе педагогіи.

1). Извѣстно, что въ Аѳинахъ, на гимнастическія агоны, появлялись и дѣти, которые, въ случаѣ одержанія побѣды надъ противникомъ также увѣнчивались вѣнками. При этомъ нельзя не обратить вниманія на различіе педагогическаго значенія гимнастики у насъ, на континентѣ Европы, и въ Аѳинахъ. Для насъ она есть простое средство развитія мускуловъ. Домашняя ли, или въ школѣ гимнастики проходимая по урокамъ, она не только не оказываетъ у насъ никакого вліянія на развитіе духа, но, какъ замѣчаютъ педагоги, часто кажется скучною для дѣтей, отъ природы любознательныхъ и остроумныхъ. Въ Аѳинахъ, напротивъ, будучи предметомъ публичнаго суда, гимнастика была средствомъ не только физическаго упражненія, но и нравственнаго образованія. Получая награды за побѣды, состя-

съ дѣтства теряютъ обыкновенно свою силу, вынося разныя, принудительныя для нихъ, гимнастическія упражненія. Первое время юношескаго возраста, въ продолженіи лѣтъ трехъ, должно быть посвящено изученію другихъ предметовъ, входящихъ въ программу воспитанія, а слѣдующій за тѣмъ возрастъ прилично проводить въ болѣе тяжелыхъ трудахъ и въ болѣе строгомъ діэтическомъ образѣ жизни. Но трудиться въ одно и тоже время и умственно и физически не слѣдуетъ, потомучто каждый изъ этихъ трудовъ, естественно, оказываетъ противуположныя дѣйствія. Такъ, физическій трудъ ослабляетъ мышленіе, а трудъ умственный, въ свою очередь, также дѣйствуетъ на тѣло. Что же касается до музыки, то, хотя выше мы указали уже на нѣкоторыя затрудненія, касательно ея педагогическаго значенія, но не безполезно будетъ остановиться на нихъ вновь, съ тѣмъ что бы доставить, такимъ образомъ, нѣкоторое основаніе для послѣдующихъ соображеній.

Не легко, въ самомъ дѣлѣ, сказать, какое значеніе можетъ имѣть музыка для воспитанія, и съ какою цѣлію слѣдуетъ обращаться къ ней — для забавы ли и отдыха, для чего прибѣгаютъ обыкновенно ко сну и къ вину; такъ какъ сонъ и вино, сами по себѣ, не суть что-либо особенно важное, но будучи пріятны, онѣ, какъ говоритъ Эврипидъ [2]), облегчаютъ насъ отъ усталости. Точно также смотрятъ нѣкоторые на музыку и пользуются ею, наравнѣ со сномъ и виномъ. Сюда же относятся также и танцы; — или скорѣе должно думать, что музыка доставляетъ человѣку нравственное образованіе, и какъ гимнастика образуетъ тѣло, — она въ состояніи образовать душу человѣка, пріучая ее наслаждаться чистымъ удовольствіемъ; или въ третьихъ, музыка годится только какъ достойное содержаніе схолическаго времени. Разсмотримъ и то и другое [3]). Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что вос-

зающіеся естественно соревновали другъ другу и тѣмъ самымъ, какъ замѣчено выше у Аристотеля, развивали въ себѣ мужество.

2) См. Эврипидъ Bacch. v. 380.

3) Таково, по Аристотелю, троякое значеніе музыки: какъ предметъ забавы и развлеченія, какъ средство нравственнаго воспитанія, и наконецъ, какъ достойное занятіе во время досуга. Обращая далѣе вниманіе на музыку, какъ на предметъ занятія въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, Аристотель находитъ, что въ этомъ случаѣ

питаніе дѣтей не должно быть для нихъ забовой: учащіеся не забавляются; напротивъ, ученье всегда горько[4]). Но съ другой стороны, и схолическія удовольствія не для дѣтей и не для юношей; потому что все совершенное не прилично тому, что не зрѣло. Но, можетъ быть, скажутъ, что, обучая дѣтей музыкѣ, должно имѣть въ виду то развлеченіе, которое они найдутъ въ ней, когда придутъ въ совершенный возрастъ. Если такъ, то зачѣмъ, спрашивается, учиться имъ самимъ, и почему не поступить въ этомъ случаѣ, по примѣру Персидскихъ и Мидійскихъ царей, которые, для своего удовольствія и знанія, пользуются талантами и свѣдѣніями людей, спеціально занимающихся извѣстнымъ искусствомъ и наукой, и тѣмъ съ большею выгодой, что всякое дѣло лучше дѣлаетъ тотъ, кто занятъ имъ спеціально, нежели кто посвятилъ ему столько времени, сколько нужно для простаго знакомства. Если каждому самому заниматься всякимъ дѣломъ, то почему бы не заниматься тогда и поваренными искусствомъ; но вѣдь это нелѣпо. Тоже самое возраженіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если признать, что музыка въ состояніи улучшить характеръ человѣка — именно: зачѣмъ учиться музыкѣ самимъ? нельзя развѣ наслаждаться музыкой и правильно судить о ней, слушая другихъ? Такъ Лаконцы, хотя не учатся музыкѣ, однако, какъ говорятъ, въ состояніи правильно судить о томъ, какая мелодія хороша и какая нѣтъ. Тоже возраженіе можно также сдѣлать, наконецъ, и противъ того, что музыкой должно заниматься для пріятнаго и приличнаго препровожденія досуга. Почему же, спрашивается, должно учиться музыкѣ самимъ, а не наслаждаться ею чрезъ другихъ[5])? При этомъ даже можно указать на представленіе наше о богахъ. Такъ Зевсъ у поэтовъ никогда самъ не поетъ и не играетъ на киѳарѣ, потому что людей, занимающихся такимъ дѣломъ, мы называемъ ремесленниками, а для порядочнаго человѣка, если онъ не пьянъ и не шутитъ, считаемъ это неприличнымъ. Но обо всемъ этомъ поговоримъ послѣ.

музыка не можетъ имѣть ни перваго ни послѣдняго значенія, а только второе, т. е. какъ средство нравственнаго усовершенствованія.

4) Вотъ фундаментальное положеніе здравой педагогіи, которому, съ такою крайностью, противорѣчитъ современная намъ гувернерская метода воспитанія.

5) Вопросъ этотъ рѣшенъ у Аристотеля практически. См. ниже гл. 6.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Общее значеніе музыки, какъ простаго средства развлеченія; моральное значеніе музыки. Вліяніе музыки на душу. Различіе ея въ этомъ отношеніи отъ другихъ искусствъ. Различный характеръ музыкальныхъ гармоній.

Основной вопросъ касательно музыки есть слѣдующій: необходима ли музыка въ программѣ воспитанія, и каково ея значеніе — собственно ли воспитательное, или она только забава, или, наконецъ, она пригодна для препровожденія схолическаго времени. Безспорно, что музыка годится для всего этого и во всемъ этомъ, кажется, имѣетъ свою долю. Такъ, забава нужна, напримѣръ, для отдыха, а отдыхъ, конечно, пріятенъ (потому что отдыхъ есть лѣкарство противъ утомленія отъ трудовъ), равнымъ образомъ, препровожденіе схолическаго времени должно состоять не только въ прекрасномъ, но и въ пріятномъ, потому что въ составъ счастья жизни одинаково входитъ и то и другое; а музыка одна, или вмѣстѣ съ пѣніемъ, — какъ всѣ согласны въ томъ — есть нѣчто весьма пріятное. Такъ и Музей[1]) говоритъ: «для смертныхъ пѣніе весьма пріятно». Итакъ, вотъ разумное основаніе, по которому музыка принята вездѣ, въ общественныхъ собраніяхъ и дома, во время досуга, какъ самое лучшее средство провести время весело. Одного этого достаточно уже для того, чтобы учить дѣтей музыкѣ; потому что всѣ невинныя удовольствія, не противорѣча цѣли человѣческой жизни, въ то же время служатъ наилучшимъ средствомъ отдохновенія.

Но такъ какъ люди рѣже живутъ въ интересахъ высшей цѣли своей жизни, напротивъ, гораздо чаще проводятъ время въ покоѣ и развлеченіи, то музыка въ этомъ случаѣ, не

---

1) Музей — поэтъ глубокой древности.

говоря уже о чемъ нибудь болѣе важномъ, просто можетъ быть полезна качествомъ того удовольствія, которое она доставляетъ. Но нѣкоторые считаютъ удовольствіе существенною цѣлью жизни. Конечно, достиженіе цѣли доставляетъ человѣку удовольствіе, но это удовольствіе нельзя замѣнять какимъ бы то ни было другимъ. Между тѣмъ люди, стремясь къ первому удовольствію, часто останавливаются на всякомъ другомъ; такъ какъ всякое удовольствіе, по характеру своему, совпадаетъ съ характеромъ удовольствія, доставляемаго достиженіемъ цѣли нашей жизни и дѣятельности: какъ цѣль жизни достигается не ради будущаго, такъ и всѣ обычныя въ жизни удовольствія имѣютъ значеніе не для будущаго, а для настоящаго — каковы утомленіе и скука. Итакъ, вотъ причина, почему люди ищутъ часто своего счастія въ простыхъ удовольствіяхъ, которыя могутъ доставить только развлеченіе. Что же касается до занятія музыкою, то въ пользу ея, какъ кажется, говоритъ не только то, что она доставляетъ удовольствіе, но и то, что она есть лучшее средство для отдыха.

Но нельзя не замѣтить, что музыка, по природѣ своей, гораздо выше того, чтобы пользоваться ею только для этихъ цѣлей, такъ что на нее нельзя смотрѣть, какъ только на средство того общаго удовольствія, какое, болѣе или менѣе, ощущаютъ отъ нея всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, музыка доставляетъ общее для всѣхъ, простое физическое удовольствіе; потому слушать ее любятъ обыкновенно люди всякаго возраста и всякаго характера. Но не оказываетъ ли она, сверхъ того, какого нибудь вліянія на самый характеръ и на душевное расположеніе человѣка. Предположеніе это было бы доказано какъ несомнѣнная истина, если бы намъ удалось только убѣдиться въ томъ, что посредствомъ музыки мы можемъ развить въ себѣ тѣ или другія нравственныя наклонности. А что это такъ, то доказательствомъ тому — опытъ. Не говоря уже о многихъ другихъ музыкальныхъ произведеніяхъ, обратимъ вниманіе на то громадное вліяніе, какое оказываетъ на слушателей музыка Олимпа [2]). Объ этой музыкѣ всѣ говорятъ,

2) Тоже свидѣтельствуетъ объ Олимпѣ и Платонъ. См. Min. p. 509 и Sympos. p. 192. См. также Плутархъ De musica. По упоминаемаго здѣсь Олимпа не должно смѣшивать съ древнѣйшимъ Олимпомъ, ученикомъ Марсія. Сами древніе различали ихъ. Впрочемъ

что она наполняетъ душу энтузіазмомъ, а энтузіазмъ есть не что иное, какъ нравственное измѣненіе, происходящее въ нашей душѣ. Даже при простомъ сценическомъ подражаніи душевнымъ аффектамъ, безъ всякихъ риѳмовъ и мелодій, зрители обыкновенно сами переживаютъ ихъ въ это время. Между тѣмъ простое наслажденіе, доставляемое музыкою, не есть существенное ея свойство: моральное ея значеніе состоитъ въ томъ, что, подъ вліяніемъ ея, мы испытываемъ чистое удовольствіе — истинно любимъ или ненавидимъ; отсюда очевидно, что ни чему не слѣдуетъ такъ учиться, какъ музыкѣ, съ тѣмъ чтобы, при помощи ея, мы могли правильно судить о своихъ душевныхъ аффектахъ и находить удовольствіе только въ истинно моральныхъ чувствованіяхъ и въ однихъ прекрасныхъ дѣйствіяхъ. Посредствомъ риѳмовъ и мелодій музыка можетъ подражать настроенію гнѣва и кротости, а также мужеству и спокойной разсудительности, равно какъ и всѣмъ прочимъ состояніямъ нашей души, и при томъ подражать такъ близко къ естественнымъ проявленіямъ этихъ состояній въ дѣйствительности, что, слушая тѣ или другія риѳмы и мелодіи, мы сами настроиваемся въ душѣ своей такъ или иначе. А испытывая печаль или радость отъ подобій, мы привыкаемъ чувствовать тоже и въ дѣйствительности. Такъ, если при взглядѣ на чей нибудь портретъ, мы чувствуемъ удовольствіе, то очевидно, что видѣть оригиналъ для насъ должно быть одинаково пріятно. Но въ предметахъ, подлежащихъ прочимъ нашимъ чувствамъ, какъ, напримѣръ, чувству осязанія или вкуса, не дано никакого подражанія нашему нравственому состоянію. Впрочемъ, подобная имитація есть, частію, въ предметахъ, подлежащихъ чувству зрѣнія, каковы произведенія живописи и ваянія, но и то мало, да къ тому же не всѣ въ состояніи это понять. Притомъ фигуры, данныя на картинѣ, или въ скульптурѣ, сами по себѣ, не подражаютъ никакому нравственному состоянію; скорѣе можно сказать, что онѣ только знаки этихъ состояній, данные въ очертаніяхъ и цвѣтѣ, посредствомъ чего тѣло и служитъ выраженіемъ душевныхъ движеній. Сверхъ того, различіе сюжетовъ, изображае-

Вестфаль (см. ibid. стр. 157 и сл.) полагаетъ, что и позднѣйшій Олимпъ также не историческое лицо, а только имя, обозначающее школу.

мыхъ живописью или ваяніемъ, заставляетъ дѣлать строгій педагогическій выборъ между ними. На этомъ основаніи, юнощамъ не слѣдуетъ, напримѣръ, показывать произведеній Павзона, но скорѣе произведенія Полигнота, или другаго ка- кого-нибудь болѣе нравственнаго живописца или скульптора [3]). Но музыкальныя мелодіи, непосредственно сами въ себѣ, выражаютъ то или другое наше нравственное состояніе; это ясно видно изъ того, что гармоніи, различаясь одна отъ дру- гой, по своему характеру, возбуждаютъ въ слушателяхъ раз- личное настроеніе духа. Иная гармонія, какъ, напримѣръ, мик- солидическая [4]), настроиваетъ насъ печально, такъ что, слу- шая ее, мы испытываемъ стѣсненное состояніе духа; другая же болѣе легкая музыка приводитъ насъ въ болѣе развязное состояніе; среднее настроеніе духа, настроеніе ровное и спо- койное, преимущественно производитъ въ насъ гармонія до- рическая, а фригійская, напротивъ, обыкновенно возбужда- етъ до энтузіазма. Все это вполнѣ удовлетворительно раз- смотрѣно въ тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ вопросъ о му- зыкальномъ образованіи выясненъ со всею строгостію фило- софскаго анализа и съ ясною аргументаціею самихъ фактовъ [5]). Подобно мелодіямъ, могутъ быть раздѣлены и риѳмы [6]). Такъ, одни изъ нихъ имѣютъ спокойный характеръ, а другіе болѣе подвижной; при томъ, движеніе однихъ порывисто, а другіе болѣе плавны. Отсюда очевидно, что музыка дѣйстви- тельно въ состояніи возбудить въ душѣ нашей то или другое нравственное настроеніе; а если такъ, то музыка непремѣн- но должна входить въ программу воспитанія. Къ тому же за-

3) Объ этихъ художникахъ Аристотель упоминаетъ еще въ Поэт. II. 2. VI. 15.

4) Гармоніями въ классическое время назывались разнаго рода октавы. Вестфаль дѣлаетъ обширное изслѣдованіе о числѣ, составѣ и объ отношеніи древнихъ гармоній къ нашимъ октавамъ. Миксоли- дическая гармонія есть изобрѣтеніе Сапфо. Плачевная и упывная, она соотвѣтствуетъ нашему моль-тону. См. Вестфаль стр. 25 и далѣе.

5) Здѣсь имѣются въ виду изслѣдованія о музыкѣ, принадлежащія философамъ Пиѳагорейской школы, а также и Платонъ. De Rep. L. III. стр. 398—400.

6) Мелодіи тоже что̀ у насъ напѣвы, извѣстное сочетаніе аккор- довъ въ какой либо гармоніи. Риѳмъ есть тактъ; въ разныхъ гармо- ніяхъ, при разныхъ мелодіяхъ и въ разное время онъ былъ разли- ченъ. См. Вестфаль стр. 38 и слѣдующ. и 121 и слѣд.

нятіе музыкой вполнѣ соотвѣтствуетъ натуральному располо- женію юношей, которые, по самому своему возрасту, не имѣ- ютъ охоты останавливаться ни на чемъ непріятномъ, а музыка вообще пріятна. Есть даже какое-то родство души нашей съ гармоніями и риѳмами музыки, а многіе изъ древнихъ муд- рецовъ утверждаютъ, что сама душа есть не что иное, какъ гармонія, или, по крайней мѣрѣ, въ ней есть гармонія [7]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Педагогическое основаніе для активнаго занятія музыкой. Въ какой мѣрѣ слѣдуетъ заниматься музыкой для педагогической цѣли. Выборъ инструментовъ, приличныхъ для педагогическаго занятія музыкой. Флейта и исторія этого инструмента въ классической музыкѣ Грековъ.

Обратимся ко второму нашему вопросу: какъ должно учить дѣтей музыкѣ — заставлять ли ихъ самихъ пѣть и играть на музыкальныхъ инструментахъ, или они должны только слу- шать игру и пѣніе другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ болѣе мы подвергаемся вліянію каждаго дѣла, чѣмъ ближе и непо- средственнѣе участвуемъ въ немъ сами; кромѣ того, безъ не- посредственнаго участія въ дѣлѣ, нельзя, или, по крайней мѣ- рѣ, очень трудно быть въ немъ хорошимъ судьею. Отсюда очевидно, что, хоть до нѣкоторой степени, дѣти должны за- ниматься музыкой сами. Посему гремушка Архита [1]) очень хорошее изобрѣтеніе: это игрушка, которую даютъ дѣтямъ, для того чтобы они, занявшись ею, ничего не ломали въ домѣ; такъ какъ дитя ни на минуту не можетъ оставаться по- койнымъ. Если же эта гремушка есть игрушка, приличная ма- лолѣтнымъ, то систематическое обученіе музыкѣ—вотъ та Ар- хитова гремушка, которая прилична для болѣе взрослыхъ.

7) Мнѣніе это принадлежитъ также философамъ Пиѳагорейской школы. Слич. также Платона Phaed. стр. 88 D. Аристотель опровер- гаетъ его въ своемъ трактатѣ Περὶ Ψυχῆς 1. 4.

1) Архитъ — философъ изъ Тарента. Гремушка Архита — Ἀρχύτε πλαταγή вошла въ пословицу, сказано у Свиды. См. Геттлингъ. Тамъ же стр. 458.

Ясно такимъ образомъ, что только активное занятіе музыкой можетъ имѣть настоящее образовательное значаніе. Что же касается до вопроса о томъ, какая музыка прилична тому или другому возрасту, то отвѣчать на него не трудно. Не трудно также отвѣчать и на возраженія тѣхъ, которые утверждаютъ, что активное занятіе музыкой есть дѣло ремесленниковъ. Если, для правильнаго сужденія о всякомъ дѣлѣ, необходимо самому принимать въ немъ непосредственное участіе, то вотъ, прежде всего, основаніе, по которому юноши должны сами заниматься музыкой; пришедши въ зрѣлый возрастъ, они оставятъ ее, но будутъ въ состояніи судить о художественныхъ произведеніяхъ и наслаждаться ими, какъ должно, благодаря тому эстетическому образованію, которое пріобрѣли они въ своей юности.

Но многіе говорятъ, что активное занятіе музыкой производитъ лишь простыхъ ремесленниковъ въ ней. Это неправда. Стоя за активное занятіе музыкой, нужно только обратить вниманіе на слѣдующее: въ какой мѣрѣ должны заниматься музыкой тѣ, которые воспитываются для политической дѣятельности, въ какихъ мелодіяхъ и риѳмахъ должны они упражняться, и наконецъ, на какихъ инструментахъ должны они изучать музыку; потому что во всемъ этомъ большая разница. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы будетъ также отвѣтомъ и на то замѣчаніе, что активное занятіе музыкой способно произвести только ремесленниковъ, такъ какъ безъ строгаго различія, какъ самой музыки, такъ и инструментовъ, замѣчаніе это можетъ, пожалуй, оправдаться на дѣлѣ.

Прежде всего, занятіе музыкой ни мало не должно препятствовать успѣху послѣдующей дѣятельности людей, занимающихся ею: оно не должно сдѣлать ихъ тѣла — тѣломъ ремесленниковъ, не способнымъ ни къ военнымъ ни къ гражданскимъ занятіямъ — къ военнымъ, во время юности, и къ гражданскимъ, въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Это возможно только въ такомъ случаѣ, когда, при занятіи музыкой, не обращается особеннаго вниманія на то, что относится собственно къ артистической сторонѣ музыкальныхъ состязаній, каковы разные эффекты и слишкомъ изысканные пассажи. Все это имѣетъ мѣсто въ музыкальныхъ состязаніяхъ, но, къ несчастію, оно перешло теперь и въ самое классическое занятіе музыкой. Впрочемъ, всѣми этими тонкостями можно заниматься настолько, насколько это необходимо для того, чтобы быть въ состояніи восхищаться прекрасными мелодіями и риѳмами, и не ограничиваться лишь тѣмъ общимъ музыкальнымъ удовольствіемъ, которое испытываютъ даже нѣкоторыя изъ животныхъ, не говоря уже о большинствѣ рабовъ и дѣтей.

Что касается до выбора инструментовъ, на которыхъ должно учиться музыкѣ, то для этой цѣли нельзя рекомендовать флейту [2]), или киѳару, или иной какой-либо собственно артистическій инструментъ, напротивъ, нужно учиться музыкѣ только на такихъ инструментахъ, которые наиболѣе способствуютъ къ музыкальному образованію, или вообще къ развитію эстетическаго вкуса. А флейта, кромѣ того, неспособна къ возбужденію нравственнаго чувства, и скорѣе дѣйствуетъ только на страсти; поэтому употреблять флейту должно, по преимуществу, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду очищеніе страстей [3]), а не музыкальное образованіе. Къ тому же флейта, въ томъ еще отношеніи, неудобна для изученія музыки, что играющему на ней нельзя со-

---

2) Флейта и киѳара были очень употребительными и весьма древними инструментами. Аристотель указываетъ далѣе на причину того, почему онъ не совѣтуетъ употреблять флейты, при классическомъ изученіи музыки: страстныя ея звуки не способны, по его мнѣнію, возбудить моральнаго чувства; при томъ, играющій на флейтѣ не можетъ сопровождать своей игры пѣніемъ. Это послѣднее замѣчаніе заслуживаетъ полнаго педагогическаго вниманія, со стороны всѣхъ учащихъ и учащихся музыкѣ. Чтобы музыка имѣла образовательное значеніе для чувства, дѣйствительно, хоть мысленно, должно умѣть пѣть то, что̀ играешь. При пѣніи только и возможна болѣе правильная и искусная игра. Впрочемъ, есть указанія, что у Грековъ, въ древнее время, игра на флейтѣ сопровождалась и пѣніемъ, что называлось собственно *авлодика*, и издревле свойственно Грекамъ, а флейта безъ пѣнія есть *авлетика*, и занесена къ Грекамъ съ Востока. Что же касается до киѳары, то этотъ инструментъ, по устройству своему, походитъ на лиру, и былъ у Грековъ въ большомъ употребленіи. Трудно понять, почему Аристотель не рекомендуетъ ея для классическаго занятія музыкой, развѣ потому, что она требуетъ болѣе артистической музыки, а не простой, воспитывающей душу и сердце. Платонъ, отвергая флейту, рекомендуетъ киѳару. De Rep. 1. C. Описаніе музыкальныхъ инструментовъ см. у Вестфиля стр. 85 и слѣд. Также Guhl und Koner. Berlin 1862 стр. 218 и слѣд

3) Очищеніе страстей — моральная задача драматическихъ произведеній по Аристотелю. См. Poet. cap. VI.

провождать своей игры пѣніемъ. Вотъ причина, почему давно уже какъ она вышла изъ употребленія, при классическомъ занятіи музыкой. Когда Геллены, благодаря увеличенію своего благосостоянія, стали вести болѣе досужую жизнь и болѣе интересоваться подвигами добродѣтели, когда — что особенно замѣтно послѣ персидскихъ войнъ — они начали высоко думать о своемъ достоинствѣ; тогда ревностно принялись они изучать всѣ науки и искусства, не дѣлая между ними строгаго выбора, и ища только какъ можно болѣе знанія. Въ это-то время они стали учиться и на флейтѣ. Такъ въ Лакедемонѣ, напримѣръ, хорегъ обыкновенно аккомпанировалъ хору на флейтѣ. Равнымъ образомъ и въ Аѳинахъ, флейта вошла въ такое употребленіе, что ею занималось большинство свободныхъ гражданъ. Это ясно видно на той картинѣ, которую Ѳрасиппъ, находясь въ должности хорега, выставилъ въ честь Экфантида [4]). Въ послѣдствіи, когда стали лучше судить о томъ, какая музыка способствуетъ развитію добродѣтели, флейта была оставлена, по указанію опыта. Равнымъ образомъ, были оставлены и многіе другіе изъ прежнихъ инструментовъ, каковы пиктиды, варвиты, а также и тѣ инструменты, звуки которыхъ доставляютъ слушателю только чувственное удовольствіе: гептагоны, тригоны, самвики [5]) и вообще всѣ тѣ, для игры на которыхъ требуется особенная ловкость рукъ. Характеристично миѳологическое сказаніе древнихъ о флейтѣ. Говорятъ, что Аѳина, изобрѣтательница этого инструмента, сама же потомъ и бросила его. При этомъ говорятъ, что богиня была недовольна этимъ инструментомъ потому, что игра на немъ обезображиваетъ лицо [6]); но болѣе основательно объяснять поступокъ Аѳины тѣмъ, что музыка флейты ни мало не содѣйствуетъ интеллектуальному образованію, тѣмъ болѣе что, въ представленіи нашемъ, Аѳина стоитъ въ ближайшей связи съ наукой и искусствомъ.

4) Экфантидъ, древній комическій поэтъ. Онъ упоминается схоліастомъ Аристотеля къ Ἠθικ. Νικομ. IV. 2. Объясненіе этого мѣста разнообразно и вообще неудовлетворительно. См. Геттлингъ стр. 460. Шнейдеръ стр. 463. С.-Илеръ стр. 284.

5) О всѣхъ этихъ инструментахъ см. въ указанномъ мѣстѣ у Guhl und Koner.

6) Преданіе говоритъ, что и Алкивіадъ, потому же побужденію, отказался играть на флейтѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Различіе педагогическаго занятія музыкою отъ артистическаго ея изученія. Выборъ гармоній и риѳмовъ для педагогическаго занятія музыкой. Раздѣленіе гармоній и различіе ихъ употребленія. Характеръ музыки на музыкальныхъ состязаніяхъ и въ классическомъ занятіи ею. Значеніе дорической гармоніи для музыкальнаго воспитанія. Общія условія классическаго изученія музыки.

Итакъ, что касается до выбора инструментовъ и до практическаго обученія дѣтей музыкѣ, то въ этомъ отношеніи мы исключаемъ изъ музыкальнаго образованія преслѣдованіе всякихъ артистическихъ цѣлей. Артистическое образованіе въ музыкѣ, по нашему мнѣнію, есть изученіе музыки для музыкальныхъ состязаній. При такомъ музыкальномъ образованіи, занимающійся музыкою играетъ не съ цѣлію своего собственнаго нравственнаго усовершенствованія, но для наибольшаго удовольствія своихъ слушателей. Такое занятіе музыкою мы не считаемъ дѣломъ людей свободныхъ, но относимъ его скорѣе къ числу занятій людей, работающихъ по найму. Такое-то занятіе музыкой и производитъ обыкновенно ремесленниковъ музыки; потому что цѣль, для которой артистъ принужденъ играть, иногда можетъ быть очень низка. Въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь грубый слушатель любитъ слушать разнообразную музыку — и вотъ артистъ, въ угоду ему, долженъ входить попеременно то въ то, то въ другое нравственное настроеніе, даже тѣлу своему приходится ему давать различное положеніе, вслѣдствіе различія тѣхъ пріемовъ, которыхъ требуетъ тотъ или другой инструментъ. Что же касается до гармоній и риѳмовъ, то спрашивается: безразлично ли можно пользоваться ими при воспитаніи, или, напротивъ, должно быть особенно осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ. Потомъ — слѣдуетъ ли разсматривать музыку только съ двухъ сторонъ: со стороны мелодіи и риѳма, какъ это принято всѣми, которые занимаются музыкальнымъ образованіемъ юношей, или должно имѣть въ виду еще что-нибудь третье. Во всякомъ случаѣ, нельзя оставлять безъ вниманія вопросъ о томъ, какое значеніе для воспитанія имѣетъ тотъ или другой видъ музыки, и должно ли, въ этомъ отношеніи, давать болѣе преимущества музыкѣ эвменической, или риѳмической. Но такъ

какъ о всѣхъ этихъ вопросахъ основательно разсуждаютъ какъ нѣкоторые изъ нашихъ современниковъ — люди съ истинно музыкальнымъ образованіемъ, такъ и философы, спеціально изслѣдовавшіе вопросъ о музыкѣ, то мы и отсылаемъ къ нимъ тѣхъ, которые пожелали бы поближе познакомиться со всѣми этими вопросами. Съ своей стороны, мы касаемся ихъ только вообще.

Что касается до раздѣленія мелодій, то въ этомъ мы согласны съ тѣми философами, которые различаютъ мелодіи этическія, практическія и энтузіастическія [1]), и для каждой изъ нихъ признаютъ свою собственную гармонію; вмѣстѣ съ тѣмъ, мы утверждаемъ, что музыкой слѣдуетъ заниматься не по одному какому-либо побужденію, но по многимъ: такъ, во-первыхъ, для образованія вообще, потомъ для очищенія страстей, — мы употребляемъ здѣсь это выраженіе безъ объясненія, имѣя въ виду болѣе обстоятельно раскрыть его смыслъ впослѣдствіи, въ сочиненіи о поэтикѣ [2]) — и въ третьихъ, для препровожденія досуга, для развлеченія и отдыхновенія, послѣ утомительнаго труда. Хотя употребительны вообще всякаго рода гармоніи, но не для одной и той же цѣли; такъ, въ воспитаніи, должны быть употребляемы собственно этическія гармоніи, слушать же вообще можно гармоніи практическія и энтузіатическія, потому что душевные аффекты, какъ, напримѣръ, состраданіе и страхъ дѣйствуютъ на душу всякаго, хотя, впрочемъ, на однихъ слабѣе, а на другихъ сильнѣе. Тоже самое должно сказать и объ энтузіазмѣ. На нѣкоторыхъ такая музыка дѣйствуетъ очень сильно. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, каковы бываютъ люди, подъ вліяніемъ священныхъ пѣсень, когда они слышатъ звуки, сильно дѣйствующіе на ихъ душу: они чувствуютъ себя тогда какъ бы уврачеванными и очищенными. Такія же сильныя впечатлѣнія испытываютъ конечно и тѣ, которые находятся подъ вліяніемъ музыки, возбуждающей въ нихъ состраданіе, страхъ и всякій другой аффектъ; — разница зависитъ здѣсь отъ степени воспріимчивости каждаго, но несомнѣнно, что всѣ чувствуютъ въ душѣ своей какое-то очищеніе и облегченіе, нелишенныя удо-

1) См. Обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ у Вестфаля, стр. 186 и слѣд.

2) См. Poet. cap. VI.

вольствія. Точно также и очищающія душу мелодіи возбуждаютъ въ людяхъ невинную радость. Такія-то гармоніи и такія-то мелодіи слѣдуетъ избирать и для публичныхъ состязаній въ музыкѣ. Но такъ какъ слушателями этихъ музыкальныхъ состязаній бываютъ разные люди: одни — свободные и образованные, другіе — люди съ грубымъ вкусомъ, большею частію ремесленники, рабочіе и другіе подобнаго рода; то, для удовольствія этихъ послѣднихъ должно давать такія музыкальныя состязанія и такія представленія, которыя были бы для нихъ занимательны. Согласно съ извращеннымъ настроеніемъ ихъ духа, и самыя гармоніи и мелодіи для нихъ должно выбирать не очень строгаго стиля, но только наиболѣе сильныя и потрясающія; потому что для каждаго всегда пріятнѣе то, что свойственно его природѣ. Въ самомъ дѣлѣ, для состязаній въ театрѣ должно дозволить выбирать ту или другую музыку, сообразно съ характеромъ слушателей. А что касается до воспитанія, то здѣсь дѣло другаго рода: здѣсь, какъ сказано было выше, по преимуществу, должно пользоваться только этическими мелодіями и гармоніями; такова, какъ мы уже и говорили, гармонія дорическая. Впрочемъ, для этой цѣли можно принять и какую нибудь-другую гармонію, которую могутъ рекомендовать намъ люди, знакомые съ философскою педагогіей, или вообще люди свѣдущіе въ музыкѣ. Замѣтимъ при этомъ, что въ государствѣ Платона Сократъ [3]) поступаетъ не хорошо, рекомендуя только фригійскую гармонію, вмѣстѣ съ дорической, тѣмъ болѣе что онъ отвергаетъ флейту, между тѣмъ фригійская гармонія имѣетъ тоже мѣсто въ числѣ прочихъ гармоній, какое занимаетъ флейта въ числѣ всѣхъ другихъ инструментовъ: именно, музыка флейты и композиція фригійской гармоніи, по характеру своему, возбудительны и страстны. Доказательствомъ тому сама поэзія; именно, вакхическая и всякая подобная поэзія, предъ всѣми другими инструментами, особенно хорошо удается на флейтѣ, а для выраженія ея наиболѣе прилична гармонія фригійская; такъ, напримѣръ, дифирамбъ, по общему мнѣнію, считается фригійскимъ. Люди, хорошо знакомые съ этимъ дѣломъ, въ подтвержденіе нашихъ словъ, приводятъ много примѣровъ, между

3) См. De Republ. I. и III 398. E.

прочимъ они указываютъ на Филоксена [4]), который рѣшился было написать дифирамбъ — Миѳы, въ стилѣ дорической гармоніи, но, не могши этого сдѣлать, принужденъ былъ уступить природѣ этой поэзіи и перейдти въ соотвѣтствующую ей фригійскую гармонію. Что же касается до дорической гармоніи, то всѣ согласны въ томъ, что она самая плавная, и по преимуществу, мужественнаго характера. Рекомендуя всегда средину между крайностями, мы думаемъ, что учиться музыкѣ преимущественно должно на дорическихъ мелодіяхъ, такъ какъ дорическая гармонія дѣйствительно представляетъ средину между всѣми другими. При изученіи музыки, должно обращать вниманіе на двѣ вещи: на возможность и на приличіе; потому что каждый наиболѣе долженъ заниматься тѣмъ, что̀ для него возможно и что̀ ему прилично, а это условливается возрастомъ: людямъ пожилыхъ лѣтъ не приходится пѣть воодушевленныхъ мелодій, напротивъ, сама природа располагаетъ ихъ къ спокойнымъ и тихимъ мелодіямъ. Поэтому люди, знающіе толкъ въ музыкѣ, основательно укоряютъ [5]) Сократа въ томъ, что онъ не рекомендуетъ для воспитанія гармоній спокойныхъ, считая ихъ опьяняющими, не въ смыслѣ, конечно, настоящаго опьяненія, (потому что настоящее опьяненіе приводитъ скорѣе въ вакхическое состояніе), но въ смыслѣ ослабленія. Такими гармоніями и такими мелодіями должно, по его мнѣнію, пользоваться въ послѣдующемъ, болѣе зрѣломъ возрастѣ. Но если между гармоніями есть какая нибудь приличная дѣтскому возрасту, вслѣдствіе того что она, вмѣстѣ съ воспитаніемъ, можетъ дать еще и украшеніе, то таковa, повидимому, преимущественно предъ всѣми гармоніями, гармонія лидійская. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ музыкальнаго воспитанія должно выполнять три слѣдующія условія: вопервыхъ, избѣгать всякой крайности; потомъ, учиться тому, что̀ возможно, и наконецъ, тому, что̀ прилично.

---

4) Музыкантъ современный Аристотелю.

5) Καλῶς ἐπιτιμῶσι Другіе читаютъ: οὐ καλῶς. См. Геттлингъ Тамъ же стр. 461.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Задача политики, какъ науки. Современное ея направленіе Отношеніе между законами и формами политическаго быта.

Во всѣхъ искусствахъ и наукахъ, касающихся не отдѣльной части даннаго предмета, но исчерпывающихъ его со всѣхъ сторонъ, задача состоитъ въ томъ, чтобы обозрѣть предметъ со всѣхъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, задача гимнастики состоитъ въ томъ, чтобы знать, какому тѣлосложенію прилично какое упражненіе; далѣе, какое упражненіе лучше; (потому что для тѣла, прекраснаго по природѣ, и прекрасно выдержаннаго и упражненіе, необходимо, прилично самое лучшее), и какое, наконецъ, упражненіе можно рекомендовать, какъ приличное вообще для всякаго тѣлосложенія. Если даже кто и лишенъ тѣлосложенія, годнаго для гимнастическихъ упражненій, и потому не способенъ изучить все то, что̀ потребно для агоны; тѣмъ не менѣе, дѣло педотриба и гимнаста — и въ немъ развить свойственную ему гимнастическую ловкость. Мы видимъ далѣе, что подобная задача имѣетъ также мѣсто во врачебномъ дѣлѣ, въ дѣлѣ строенія кораблей, шитья платья и во всякомъ другомъ подобномъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ очевидно, что и политика, какъ наука, изслѣдующая вопросы, касающіеся политическаго устройства, должна обратить вниманіе какъ на то, какое политическое устройство вообще лучше, такъ и на то, какое политическое устройство, при отсутствіи всякаго препятствія извнѣ, могло

бы быть наиболѣе желательно въ извѣстномъ случаѣ[1]), и какое, наконецъ, свойственно тому или другому государству, потому что не всѣ же государства могутъ пользоваться абсолютно наилучшимъ политическимъ устройствомъ. Поэтому, хорошій законодатель и истинный политикъ должны имѣть понятіе, какъ объ абсолютно-наилучшей формѣ государственнаго устройства, такъ и о лучшей формѣ, при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Кромѣ того, они должны знать, какая форма соотвѣтствуетъ извѣстной, предположенной цѣли; поэтому, относительно каждой данной формы политическаго быта, они должны быть въ состояніи дать отчетъ въ томъ, какимъ бы образомъ она могла организоваться сначала, и какимъ образомъ она можетъ быть потомъ сохранена, въ продолженіи возможно долгаго времени. Потому что есть государства, которыя не только не пользуются наилучшей формой политическаго устойства, будучи лишены необходимыхъ для того условій, но не имѣютъ и той, которая возможна для нихъ, по силѣ данныхъ обстоятельствъ, а находятся въ какой нибудь болѣе худшей формѣ быта. Но помимо всего этого, законодатель и политикъ должны имѣть понятіе о той формѣ политическаго быта, которая наиболѣе свойственна всѣмъ вообще государствамъ.

Политическіе писатели, разсуждая вообще хорошо о томъ и другомъ, большею частію, ошибаются въ практическомъ приложеніи своихъ взглядовъ. Между тѣмъ, недостаточно имѣть представленіе о наилучшей формѣ государственнаго устройства, слѣдуетъ знать еще и ту, которая возможна въ дѣйствительности, которая болѣе удобна и болѣе обща для всѣхъ государствъ. А современные политики[2]) или ищутъ такой совершеннѣйшей формы, для которой потребно много благопріятныхъ условій, или, если и разсуждаютъ о какой нибудь болѣе общей формѣ быта, то, проходя молчаніемъ существующія формы политическаго устройства, хвалятъ устройство лакедемонское, или какое нибудь другое. Между тѣмъ, прямая задача политическаго писателя состоитъ въ томъ, чтобы изобразить такой строй политической жизни, въ значеніи котораго, какъ наиболѣе удобнаго, при данныхъ условіяхъ дѣйствительности, легко было бы убѣдиться всѣмъ, и такимъ образомъ всѣмъ легко было бы принять его; ибо въ политикѣ не менѣе важно имѣть возможность возстановить то или другое политическое устройство, какъ и образовать его вновь; подобно тому какъ вспомнить часто не менѣе трудно, какъ заучить что-либо вновь. Итакъ, ко всему, сказанному доселѣ, слѣдуетъ присовокупить, что политикъ, какъ, впрочемъ, замѣчено уже выше, долженъ быть въ состояніи помочь и существующему политическому устройству, что невозможно въ томъ случаѣ, если онъ не знаетъ, сколько видовъ имѣетъ та или другая форма политическаго устройства. Такъ, въ наше время, думаютъ, что существуетъ только одна демократія и одна олигархія. Но это не справедливо.

Законодатель и политикъ не должны упускать изъ виду того, сколько различій представляетъ то или другое политическое устройство, и сколь разнообразно комбируются онѣ между собою. Вмѣстѣ съ этимъ, имъ слѣдуетъ также имѣть понятіе какъ о томъ, какіе законы вообще лучше, такъ и о томъ, какіе наиболѣе свойственны тому или другому политическому устройству, въ отдѣльности. Потому что законы, конечно, должны быть принаровлены къ политическому устройству, а не политическое устройство организовано по законамъ. Политическое устройство въ государствѣ есть тотъ строй, который лежитъ въ основаніи распредѣленія государственныхъ властей, и опредѣляетъ собою какъ верховную власть въ государствѣ, такъ и норму всякаго въ немъ общежитія. Законы же, взятые отдѣльно отъ политическаго быта, суть тѣ основанія, по которымъ властвующіе должны властвовать и защищать данную форму государственнаго быта противъ тѣхъ, которые ее нарушаютъ[3]). Итакъ очевидно, что,

1) Политическое устройство, годное въ извѣстномъ случаѣ, тоже что̀ политическое устройство, согласное съ предположенной цѣлью (см. нѣсколько ниже) — ἐξ ὑποθέσεως, и противуполагается просто наилучшему политическому устройству — τῃ ἁπλῶς κρατίστῃ. См. Полит. II. 6. III. 5. VIII. 9. VII. 1. IV. 4. 8. 12.

2) Здѣсь Аристотель имѣетъ въ виду Платона и, можетъ быть, Ксенофонта.

3) Въ этихъ словахъ, со всею ясностію, сказался взглядъ Аристотеля на значеніе формъ политическаго устройства. Каждая форма, прежде всего, важна, какъ форма, а не потому, какова она. Со стороны своего качества, ни одна форма ни абсолютно хороша, ни

для изданія законовъ, необходимо знать различіе формъ политическаго устройства и число этихъ различій. А одни и тѣже законы не могутъ быть одинаково пригодны для всѣхъ олигархій и для всѣхъ демократій, такъ какъ есть много видовъ той и другой формы политическаго быта, а не одна только демократія и не одна только олигархія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Связь дальнѣйшаго изложенія съ предшествующимъ. Отношеніе неправильныхъ формъ политическаго устройства къ правильнымъ и другъ къ другу. Планъ послѣдующаго изложенія.

Въ предыдущемъ изслѣдованіи о формахъ политическаго устройства [1]), мы обозначили три правильныхъ формы политическаго быта: царство, аристократію и республику, и три другія, представляющія уклоненіе отъ правильныхъ, таковы: тираннія въ противоположность царству, олигархія въ противоположность аристократіи, и демократія въ противоположность республикѣ. Объ аристократіи и о царствѣ мы уже сказали, (потому что разсуждать о наилучшей формѣ политическаго устройства — то же что говорить о политическихъ устройствахъ, извѣстныхъ подъ этими именами, ибо каждая такая форма политическаго быта зиждется на началѣ добродѣтели). Впрочемъ, мы сказали уже и о томъ, чѣмъ различаются между собою аристократія и царство, и какое политическое устройство должно называть имнемъ царства. Теперь намъ остается сказать о томъ политическомъ устройствѣ, которое извѣстно подъ общимъ именемъ республики и о другихъ формахъ политическаго устройства, какъ-то: объ олигархіи, демократіи и тиранніи. Легко понять, какая изъ формъ политическаго устройства, представляющихъ уклоненіе отъ

абсолютно дурна. Охранителями формъ являются законы; слѣдовательно, законы одного политическаго устройства не могутъ быть обязательны для другаго. Такова основная мысль Аристотеля, по этому вопросу.

1) Кн. III. гл. 5.

правильныхъ, самая худшая, и какая занимаетъ второе мѣсто. Наихудшая, конечно, та, которая представляетъ собою уклоненіе отъ первой и самой божественной формы. Таково царство, когда государственное устройство, не будучи на самомъ дѣлѣ царствомъ, носитъ только имя его, или когда оно таково, на основаніи большаго избытка власти на сторонѣ лица царствующаго. Такимъ образомъ, тираннія, будучи худшею изъ всѣхъ формъ политическаго устройства, всего дальше отстоитъ отъ наилучшей его формы. Второе мѣсто занимаетъ олигархія; (отъ этого политическаго устройсгва много разнится устройство аристократическое). Самая же сносная изъ всѣхъ худшихъ формъ политическаго устройства есть демократія.

Обо всемъ этомъ хотя разсуждалъ уже одинъ изъ предшествововшихъ намъ писателей [2]); но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе: именно, на всѣ формы политическаго устройства онъ смотрѣлъ, какъ на формы вообще удовлетворительныя; потому, сравнительно съ хорошей олигархіей и съ другими подобными формами, демократія была для него самою худшею формою, а сравнительно съ этими же дурными формами, ту же самую демократію онъ считалъ лучшею формою быта. А мы — всѣ эти формы одинаково считаемъ формами извращенными, и съ нашей точки взгляда неправильно сказать, чтобы, напримѣръ, одна олигархія была лучше другой, но можно только сказать, что она менѣе дурна, чѣмъ другія. Но пока довольно объ этомъ.

Теперь, прежде всего, намъ слѣдуетъ опредѣлить, сколько различій представляетъ каждая форма политическаго устройства, такъ какъ дѣйствительно есть нѣсколько видовъ демократіи и олигархіи; далѣе, какая самая общая и, послѣ наилучшей формы, самая достойная форма политическаго быта, и нѣтъ ли какой-нибудь иной аристократической и прекрасно организованной формы быта, которая годилась бы для многихъ современныхъ намъ государствъ. Потомъ, изъ числа прочихъ формъ политическаго устройства, какая какому государству прилична; потому что для однихъ государствъ болѣе свойственна, напримѣръ, демократія, чѣмъ олигархія, а для другихъ, наоборотъ, болѣе олигархія, чѣмъ демократія. За тѣмъ спрашивается еще, какъ должно дѣйствовать для то-

2) См. Платонъ Politicus стр. 303 etc.

го, чтобы организовать ту или другую форму политическаго устройства. Я говорю здѣсь о разныхъ видахъ демократіи и олигархіи. Въ заключеніе же всего этого, припомнивъ вкратцѣ все сказанное выше, постараемся опредѣлить, какія условія бываютъ, по большей части, естественными причинами разрушенія и сохраненія какъ всѣхъ вообще формъ политическаго, устройства такъ и каждой изъ нихъ въ отдѣльности [3]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Различіе формъ политическаго устройства, опредѣляемое различною комбинаціею частей, изъ которыхъ состоитъ государство. Отношеніе формъ политическаго устройства и основаніе для различенія ихъ. Опредѣленіе демократіи и олигархіи. Составныя части каждаго государства.

Причина разнообразія формъ политическаго устройства заключается въ томъ, что каждое государство состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ. Такъ, прежде всего, государство представляетъ собою соединеніе нѣсколькихъ семей; притомъ, члены этихъ семей или богаты, или бѣдны, а иные находятся въ среднемъ положеніи между тѣми и другими. Далѣе, какъ между богатыми, такъ и между бѣдными одни носятъ оружіе, а другіе нѣтъ. Кромѣ того, народъ, составляющій населеніе государства, распадается на землельцевъ, на торговцевъ и на ремесленниковъ. Равнымъ образомъ, между людьми высшаго класса, существуетъ также различіе, какъ вообще по ихъ богатству, такъ и по величинѣ ихъ поземельной собственности: небогатые люди не въ состояніи, напримѣръ, содержать конныхъ заводовъ. Вотъ, между прочимъ, основаніе, почему государства, богатыя лошадьми, имѣли, большею частію, олигархическое устройство — основаніе то, что на войнѣ съ непріятелями, по преимуществу, дѣйствовала тамъ конница. Такъ было, напримѣръ, въ Эретріѣ, Халкидонѣ, въ

3) Эта программа дальнѣйшаго изложенія достаточно ясно раскрываетъ предъ нами планъ расположенія книгъ Политики. См. С.-Илеръ. Тамъ же стр. 299. Слич. впрочемъ Шлоссеръ, тамъ же. Abtheil. III. стр. 9.

Магнетѣ, что при Меандрѣ, и во многихъ другихъ государствахъ Азіи [1]). Но вмѣстѣ съ различіемъ гражданъ по богатству, различіе между ними опредѣляется еще ихъ происхожденіемъ, ихъ личнымъ достоинствомъ и вообще всѣмъ тѣмъ, на что мы указывали, говоря о различіи гражданъ въ аристократическомъ государствѣ. Мы указали тамъ на тѣ части, изъ которыхъ необходимо слагается всякое государство. Но между тѣмъ какъ въ одномъ государствѣ, всѣ его части участвуютъ въ судьбѣ его политики, въ другомъ, напротивъ, дѣйствуетъ только меньшинство, а въ иномъ большинство. Отсюда очевидно, что въ каждой формѣ политическаго устройства должно быть нѣсколько видовыхъ различій, сообразно съ различіемъ тѣхъ частей, изъ которыхъ состоитъ государство. Каждое политическое устройство есть не что иное, какъ то или другое распредѣленіе государственныхъ властей — распредѣленіе, основанное или на началѣ преимущества однихъ предъ другими, или на началѣ общаго для всѣхъ равенства, т. е. или на основаніи преимущества, какъ богатыхъ предъ бѣдными, такъ и бѣдныхъ предъ богатыми, или на основаніи достоинства, общаго для тѣхъ и другихъ [2]). Итакъ, формъ политическаго устройства необходимо столько, сколько формъ государственной власти, формъ, основанныхъ на превосходствѣ и различіи частей, входящихъ въ составъ государства. Но обыкновенно думаютъ, что существуютъ двѣ формы политическаго устройства. Подобно тому какъ различаютъ только два вѣтра: сѣверный и южный, а на прочіе смотрятъ, какъ на уклоненія отъ нихъ; точно также и въ политическомъ устройствѣ признаютъ только двѣ формы: власть народа и власть меньшинства; аристократію же считаютъ за одинъ изъ видовъ олигархіи, а собственно такъ называемую республику — за демократію: такъ и въ вѣтрахъ — зефиръ при-

1) Эретрія и Халкидонъ были въ Эвбеѣ. О конницѣ этихъ государствъ говоритъ Плутархъ. Магнетъ на Меандрѣ былъ колонія Өессалійцевъ и славился своею конницею. Связь олигархическаго устройства государствъ съ конницею подтверждается исторіею среднихъ вѣковъ.

2) Чтеніе этого мѣста въ текстѣ довольно затруднительно. Мы читаемъ его по объясненію Геттлинга. См. тамъ же. Adnotat. стр. 372. См. также объясненіе Тюро въ Observationes criticae in Aristot. Polit. libros стр. 754.

числяютъ къ борею, а юговосточный вѣтеръ къ южному. Нѣкоторые утверждаютъ тоже и относительно гармоній; они признаютъ только двѣ гармоніи: дорическую и фригійскую; а прочія комбинаціи звуковъ называютъ или дорическими, или фригійскими. Точно также привыкли разсуждать и о формахъ политическаго устройства. Но справедливѣе и лучше разсуждать такъ, какъ мы разсуждаемъ:—именно, мы признаемъ два, или одно политическое устройство, хорошо организованное, а прочія считаемъ за уклоненія отъ этой правильной организаціи; подобно тому какъ есть уклоненія отъ хорошо сложенной гармоніи, такъ равно есть уклоненія и отъ наилучшей формы политическаго устройства: — именно, съ одной стороны, формы олигархическія, которыя, въ послѣдней своей степени, стягиваются, наконецъ, въ одномъ лицѣ, такъ что является уже деспотія, а съ другой стороны, распущенныя и слабыя — формы демократическія. При этомъ замѣтимъ, что нельзя, какъ обыкновенно слышимъ въ наше время, опредѣлять демократію только такъ, что она есть будтобы такая форма политическаго устройства, гдѣ верховная власть принадлежитъ множеству; потому что и въ олигархіяхъ, и вездѣ верховная власть обыкновенно находится въ рукахъ большинства; такимъ образомъ, и олигархію нельзя опредѣлить просто, какъ такое устройство, гдѣ верховная власть принадлежитъ меньшинству. Предположимъ, что въ какомъ либо государствѣ всѣхъ гражданъ тысяча триста человѣкъ, и что тысяча изъ нихъ — люди богатые — не допускаютъ къ власти остальныхъ триста, которые отличаются отъ нихъ своею бѣдностію, но также свободны какъ и они, и совершенно одинаковы съ ними во всемъ остальномъ: такое устройство общественнаго быта, конечно, никто не назоветъ демократическимъ устройствомъ. Равнымъ образомъ, гдѣ бѣдныхъ меньше, но политически стоятъ они выше богатыхъ, хотя послѣднихъ и больше; то такое состояніе политическаго быта, въ свою очередь, никто ни назоветъ олигархіею. Итакъ, скорѣе должно сказать, что демократія бываетъ тогда, когда верховная власть принадлежитъ свободнымъ, а олигархія— когда она находится въ рукахъ у богатыхъ, а что тѣхъ много, а этихъ мало—это случайно, и бываетъ такъ только потому, что свободныхъ, вообще говоря, относительно больше, чѣмъ богатыхъ. Точно также, если бы гдѣ нибудь, какъ на-

примѣръ, по словамъ нѣкоторыхъ, было въ Эфіопіи, [3]) государственныя власти раздѣлялись между гражданами, по ихъ росту, или по красотѣ, то тамъ, конечно, была бы олигархія, потому что красивыхъ и рослыхъ людей не много. Но и на одномъ основаніи богатства и бѣдности нельзя еще дѣлать различія между олигархіею и демократіею. Такъ какъ олигархія и демократія состоятъ изъ нѣсколькихъ частей, то тутъ можетъ быть еще нѣсколько комбинацій: тамъ еще не демократія, гдѣ свободное меньшинство властвуетъ надъ не свободнымъ большинствомъ, какъ, напримѣръ, было въ Аполлоніи, при Іонійскомъ морѣ и въ Ѳерѣ; [4]) въ каждомъ изъ этихъ государствъ государственныя должности занимали люди, отличающіеся благородствомъ происхожденія и первые основатели колоній, хотя, по числу, ихъ было, конечно, меньше остальнаго населенія. Равнымъ образомъ, нѣтъ демократіи и тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ древнее время въ Колофонѣ, [5]) богатые господствовали въ государствѣ, только на основаніи своего численнаго превосходства; случилось же это потому, что, предъ началомъ войны съ Лидянами, большинство гражданъ владѣло тамъ хорошимъ имуществомъ. Тамъ только демократія, гдѣ представителемъ верховной власти является большинство хотя свободныхъ, но въ тоже время недостаточныхъ; олигархія же тамъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ меньшинству богатыхъ и благородныхъ. Итакъ, доселѣ о томъ, почему слѣдуетъ признать нѣсколько формъ политическаго устройства. Но такъ какъ ихъ болѣе, нежели о скольких мы говорили, то, выходя изъ того основнаго нашего положенія, что всякое государство состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, разсмотримъ теперь, какія есть еще другія формы политическаго устройства и почему.

Подобно тому какъ при изученіи видовъ животнаго царства, прежде всего, должно опредѣлить то, что необходимо входитъ въ понятіе всякаго животнаго, таковы, напримѣръ,

---

3) Объ этомъ см. Герод. III. 20.

4) Апполонія была колонія Корциры и Коринфа въ Иллиріи. См. Мюллеръ: Die Dirier. II. стр. 51 и 56. Ѳера—островъ, къ сѣверу отъ Крита. См. Герод. IV гл. 145 и слѣд.

5) Колофонъ, одинъ изъ двѣнадцати іонійскихъ городовъ въ Малой Азіи, славился своею морскою силою и своею конницею. См. Страбонъ кн. XIV стр. 951 О войнѣ его съ Лидянами см. Герод. I 14.

нѣкоторые изъ чувственныхъ органовъ, далѣе, органы питанія, претворяющіе и пріемлющіе пищу,—каковы ротъ и желудокъ, и кромѣ того, тѣ члены, которыми каждое животное пользуется для движенія. Положимъ, что существуютъ только эти органы; но такъ какъ они различны—нѣсколько видовъ рта, желудка, нѣсколько видовъ органовъ чувствованія, равно какъ и членовъ, способствующихъ къ движенію; — то число разнообразныхъ сочетаній этихъ органовъ необходимо опредѣлитъ собою различные роды животныхъ. (Потому что одно и тоже животное не можетъ имѣть нѣсколькихъ различій рта, ушей и проч.) Взявъ всѣ возможныя комбинаціи этихъ органовъ, мы получимъ различные виды животныхъ — ровно столько, сколько комбинацій необходимыхъ ихъ членовъ. Точно такимъ же образомъ должно разсуждать и о формахъ политическаго устройства. Государство, какъ уже часто говорено, состоитъ не изъ одной части, но изъ многихъ. Первую часть составляютъ люди, заботящіеся о продовольствіи гражданъ—таковы земледѣльцы; вторую часть—такъ называемое сословіе ремесленниковъ: они занимаются тѣми искусствами, безъ которыхъ существованіе государства невозможно. Нѣкоторыя изъ произведеній этихъ искуствъ требуются самой необходимостію, а другія составляютъ только роскошь, комфортъ жизни. Третью часть государства составляетъ торговое сословіе: подъ торговымъ сословіемъ я разумѣю людей, занимающихся продажей и куплей, оптовой и розничной торговлей; четвертую — классъ ѳетовъ; пятую — сословіе воиновъ; эта часть, конечно, не менѣе другихъ необходима для государства, если мы не желаемъ поставить его въ рабское отношеніе къ его врагамъ. Да и возможно ли, чтобы государство было достойно своего имени, если оно находится въ рабскомъ положеніи? Государство само давлѣетъ себѣ, а рабское состояніе не самодовольно.

Что сказано объ этомъ въ Политикѣ Платона, хотя сказано и казисто, но неудовлетворительно [6]). Сократъ говоритъ

6) Аристотель имѣлъ здѣсь въ виду II книгу (стр. 370) Республики Платона. Но въ настоящемъ случаѣ, Аристотель менѣе справедливъ къ Платону, чѣмъ когда-либо въ другой разъ. Потому что Платонъ, въ этомъ мѣстѣ своей Республики, хотѣлъ только показать, какъ бы на примѣрѣ, какимъ образомъ, изъ столкновенія разныхъ потребностей жизни, слагается форма общественнаго быта, которая, мало по малу, развивается наконецъ до формы государства.

тамъ, что государство слагается изъ четырехъ самыхъ необходимыхъ сословій, обозначая ихъ такими именами: ткачи, земледѣльцы, всякихъ кожныхъ дѣлъ мастера и плотники. Но такъ какъ этого недостаточно, то онъ присоединяетъ еще къ нимъ обработывателей металловъ, пастуховъ скота, за тѣмъ, вообще коммерсантовъ и мелкихъ торговцевъ. Всѣ эти сословія должны, по его мнѣнію, пополнить собою его первый очеркъ,—какъ будто цѣль государства состоитъ только въ удовлетвореніи необходимымъ потребностямъ, а не въ томъ чтобы вообще хорошо жить, и какъ будто какой-нибудь сапожникъ одинаково необходимъ государству, какъ и земледѣлецъ. Допустимъ, вмѣстѣ съ Сократомъ, что воины тогда только должны войти въ составъ государства, когда оно, расширившись въ своихъ предѣлахъ и соприкоснувшись съ предѣлами сосѣднихъ государствъ, вступитъ съ ними въ войну; но въ каждомъ государствѣ, состоитъ ли оно изъ четырехъ или болѣе сословныхъ круговъ, непремѣнно должны быть люди, которые бы отстаивали права каждаго сословія и производили бы судъ. Какъ въ живомъ существѣ, душа считается болѣе существенною его частію, чѣмъ тѣло, такъ и въ государствѣ, сословія воиновъ и судей также должно считать болѣе существенными сословіями, сравнительно съ тѣми, которыя заботятся только объ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей. Къ этимъ двумъ сословіямъ должно присоединить еще людей совѣта, значеніе которыхъ для государства заключается въ ихъ политическомъ умѣ. Принадлежатъ ли всѣ эти отрасли дѣятельности порознь тѣмъ и другимъ, или онѣ находятся въ рукахъ однихъ и тѣхъ же людей, въ существѣ дѣла, въ этомъ нѣтъ разницы. Такъ, напримѣръ, часто бываетъ, что одни и тѣже—и воины и земледѣльцы; и если какъ тѣ, такъ и другіе входятъ въ составъ государства, то воины, очевидно, составляютъ существенную его часть.

Седьмую часть государства составляютъ тѣ, которые, благодаря своему имуществу, отправляютъ разныя литургіи [7]), та

7) Подъ именемъ литургій разумѣются разныя обязанности, исполняемыя гражданами, на пользу всего общества. По законамъ Солона, разныя литургіи были раздѣлены, сообразно съ состояніемъ гражданъ. См. Бёкъ Oecon. polit. der Athen. III. 21.

ково сословіе людей богатыхъ. Восьмую составляютъ администраторы государства и вообще тѣ, которые занимаютъ разныя государственныя должности, ибо государство не можетъ оставаться безъ разнаго рода правителей, напротивъ, въ немъ должны быть люди, которые были бы способны къ управленію и несли бы на себѣ эту обязанность, или безсмѣнно, въ продолженіе всей своей жизни, или, время отъ времени, смѣнялись бы другими. Затѣмъ остаются еще тѣ части, о значеніи которыхъ въ государствѣ мы недавно говорили — это люди совѣта и сословіе судей, возстанавляющихъ права между двумя спорящими сторонами. Если въ государствѣ необходимо должны быть люди, которые бы исполняли всѣ эти обязанности, и исполняли бы честно и справедливо, то въ числѣ гражданъ необходимо должны быть такіе, которые бы имѣли достоинство людей государственныхъ.

Многіе думаютъ, что нѣкоторыя государственныя должности могутъ быть соединены въ рукахъ однихъ и тѣхъ же, такъ, напримѣръ, воины, земледѣльцы и ремесленники могутъ быть одни и тѣже, точно также члены совѣта и судьи. Такъ какъ всѣ имѣютъ притязаніе на политическое достоинство, то всѣ обыкновенно и думаютъ, что въ ихъ рукахъ могутъ быть соединены разныя государственныя должности. Но одни и тѣже не могутъ быть бѣдными и богатыми, въ одно и тоже время; поэтому богатые и бѣдные, по преимуществу, кажется, составляютъ собою отдѣльныя части государства. И такъ какъ первыхъ бываетъ, большею частію, менѣе, а вторыхъ болѣе, то эти части и называются самыми противоположными частями государства. На основаніи превосходства какой-либо изъ нихъ, государство получаетъ ту или другую форму политическаго устройства; почему обыкновенно и думаютъ, что существуютъ только двѣ формы политическаго устройства: демократія и олигархія. Но мы сказали уже, что есть нѣсколько формъ политическаго устройства, и указали на причины. Теперь мы имѣемъ въ виду сказать о томъ, что сами демократія и олигархія имѣютъ, въ свою очередь, также нѣсколько видовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Части, изъ которыхъ состоитъ народъ, и разные виды высшаго сословія. Виды демократіи. Значеніе закона и народныхъ псифизмъ.

Это очевидно изъ того, что народъ, какъ было уже сказано, и такъ называемое высшее сословіе раздѣляются на нѣсколько видовъ. Такъ, народъ состоитъ изъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ и торговцевъ, занимающихся покупкою и продажею; потомъ, изъ приморскихъ жителей, изъ которыхъ одни заняты военною службою на флотѣ, другіе промышленники, тѣ перевощики, а иные рыболовы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, населеніе людей какаго-нибудь такаго рода бываетъ очень многочисленно; такъ, рыболововъ много въ Тарентѣ и въ Византіи, матросовъ въ Аѳинахъ, торговцевъ въ Эгинѣ и Хіосѣ, а перевощиковъ въ Тенодосѣ [1]; за тѣмъ, въ составъ народа, входятъ люди, занимающіеся рукодѣльемъ, малое имущество которыхъ не дозволяетъ имъ вести досужую жизнь. Сюда же относятся также и тѣ, которые свободны только по отцу, или по матери, и наконецъ, всѣ другіе подобнаго рода люди. А люди высшаго сословія различаются другъ отъ друга богатствомъ, рожденіемъ, личнымъ достоинствомъ, воспитаніемъ и другимъ подобнымъ.

Первый видъ демократіи — это та, которая основывается, преимущественно, на равенствѣ. По основному закону этой демократіи, равенство состоитъ въ томъ, что какъ бѣдные, такъ и богатые имѣютъ равное право на власть, что ни одна сторона не господствуетъ надъ другою, но обѣ равны между собою. Такъ какъ свобода и равенство, какъ полагаютъ нѣкоторые, по преимуществу имѣютъ мѣсто въ демократіи, то то̀ и другое, въ наибольшей мѣрѣ, возможно только въ томъ случаѣ, когда въ политической жизни государства всѣ имѣютъ равное значеніе. Гдѣ народъ составляетъ большинство, и гдѣ мнѣніе большинства есть верховный законъ, тамъ необходимо демократія. Таковъ первый видъ демократіи. Въ другомъ видѣ демократія является тогда, когда право на

1) Тарентъ въ Великой Греціи; Византія — мѣсто теперешняго Константинополя; Эгина близь Аттики; Тенедосъ островъ на Эгейскомъ морѣ. См. Страбонъ. VII стр. 493. VIII стр. 577 и XIV стр. 955.

власть зависитъ отъ ценза, впрочемъ не большаго. Каждый, владѣющій опредѣленною собственностію, долженъ участвовать въ дѣлахъ государства, а не имѣющій такой собственности не пользуется этимъ правомъ. Третій видъ демократіи представляетъ такое политическое устройство, въ которомъ, при равномъ правѣ всѣхъ, не находящихся подъ судомъ, гражданъ принимать участіе въ дѣлахъ государства, властелиномъ бываетъ одинъ законъ. Еще новый видъ демократіи образуется въ томъ случаѣ, когда, безразлично, всякій гражданинъ принимаетъ участіе въ отправленіи государственныхъ должностей, а властвуетъ—то собственно точно также одинъ законъ. Наконецъ, еще въ иномъ видѣ, демократія является тамъ, гдѣ, при всеобщемъ участіи гражданъ въ дѣлахъ государства, верховная власть находится въ рукахъ толпы, а не закона. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда во всѣхъ дѣлахъ господствуетъ не законъ, но народная псифизма, которая впрочемъ обыкновенно бываетъ произведеніемъ демагоговъ[2]). Въ демократіяхъ, основыванныхъ на законѣ, не бываетъ демагоговъ, но впереди стоятъ обыкновенно лучшіе изъ гражданъ. А гдѣ верховная власть принадлежитъ не закону, тамъ обыкновенно являются демагоги. Народъ, въ этомъ случаѣ, есть монархъ—какъ бы одно лице, состоящее изъ многихъ. Потому что многіе господствуютъ здѣсь не порознь каждый, но всѣ вмѣстѣ. Не ясно, относительно какой демократіи говоритъ Гомеръ[3]), что многовластіе не хорошо — относительно ли той, о которой мы сейчасъ сказали, или относительно той, гдѣ многіе властвуютъ порознь, какъ бы каждый въ отдѣльности. Въ первой демократіи народъ — монархъ, потому и властвовать онъ хочетъ монархически, не подчиняясь закону, но деспотируя; отъ того льстецы у него въ большой чести. Такая демократія соотвѣтствуетъ тиранніи. Характеръ власти тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же. Въ обоихъ случаяхъ, власть деспотически относится къ лучшимъ людямъ государства; народныя псифизмы имѣютъ здѣсь то же самое значеніе, какое въ тиранніи имѣютъ декреты; наконецъ, демагогъ и льстецъ—одни и тѣже лица, и вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ

2) Нельзя не указать, какъ замѣчено всѣми, что этотъ видъ демократіи одинаковъ съ первымъ ея видомъ.

3) См. Иліад. II ст. 204.

другу: каждый изъ нихъ, на своемъ мѣстѣ, имѣетъ огромную силу: именно, льстецы у тиранновъ, а демагоги у народа. Представляя все на судъ народа, демагоги являются виновниками того, что въ государствѣ господствуютъ народныя псифизмы, а не законы. Вслѣдствіе того, что верховная власть находится въ рукахъ народа, возвышаются и демагоги, потому что они управляютъ мнѣніемъ народа, и толпа обыкновенно вѣритъ имъ. Притомъ всѣ, обвиняющіе въ чемъ нибудь то или другое правительственное лицо, обыкновенно требуютъ, чтобы судъ надъ нимъ былъ произнесенъ народомъ. Народъ охотно принимаетъ это предложеніе, вслѣдствіе чего всѣ власти рушаются. Посему, основательно, кажется, слѣдуетъ порицать эту демократію: такая демократія не есть политическое устройство, потому что гдѣ властвуютъ не законы, тамъ нѣтъ политическаго устройства. Законъ долженъ управлять всѣмъ вообще, а государственныя власти должны обсуживать только каждое дѣло въ отдѣльности. Итакъ, если демократія дѣйствительно есть одна изъ формъ политическаго устройства, то такое состояніе политическаго быта, гдѣ все находится подъ управленіемъ народныхъ псифизмъ, очевидно, не есть демократія, въ собственномъ смыслѣ. Потому что ни какая псифизма не можетъ имѣть всеобщаго значенія.—Итакъ вотъ, по нашему мнѣнію, каковы виды демократіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Виды олигархіи. Изъясненіе разныхъ видовъ демократіи и олигархіи. Опредѣленіе аристократіи и виды ея.

Что касается до олигархіи, то, въ первомъ ея видѣ, право на государственныя должности опредѣляется столь большимъ цензомъ, что бѣдные, составляющіе большинство, не принимаютъ въ нихъ никакого участія, и такимъ образомъ право это остается только за тѣми, кто владѣетъ имуществомъ, опредѣленнымъ по цензу. Другой видъ олигархіи — тотъ, когда право на занятіе государственныхъ должностей опредѣляется не большимъ цензомъ, и должностныя лица сами изби-

раютъ выбывшихъ членовъ. При томъ, если этотъ выборъ дѣлается изъ всѣхъ людей, имѣющихъ по цензу на это право, то избраніе получаетъ тогда аристократическій характеръ: еслиже только изъ нѣкотораго опредѣленнаго числа такихъ людей, тогда оно олигархично. Третій видъ олигархіи тотъ, когда сынъ наслѣдуетъ отцу въ его власти, а четвертый — тотъ, когда, при этой наслѣдственности власти, властвуетъ не законъ, а сами правители. Этотъ послѣдній видъ олигархіи, болѣе всѣхъ другихъ, соотвѣтствуетъ тому политическому устройству, которое, между олигархіями, есть собственно тираннія, а между демократіями — та демократія, о которой мы говорили, какъ о послѣднемъ ея видѣ. Такую олигархію называютъ династіею[1]). Таковы виды олигархіи и демократіи.

Но не должно опускать изъ виду того, что многія государства, не будучи демократическими, по своему политическому устройству, въ тоже время суть истинныя и законныя демократіи, какъ по характеру живущихъ въ нихъ обычаевъ, такъ и по господствующему образу жизни; и наоборотъ, въ другихъ мѣстахъ, хотя, по характеру законодательства, политическое устройство кажется болѣе демократическимъ, но по образу жизни и по господствующимъ обычаямъ, оно скорѣе есть олигархія. Въ такого рода положеніи, по большей части, находятся государства, послѣ происшедшаго въ нихъ измѣненія политическаго устройства. Потому что переходъ отъ одного образа жизни къ другому совершается не вдругъ, напротивъ, жизнь еще долго держится старыхъ формъ, и уступки стараго новому совершаются лишь мало-по-малу. Отсюда и бываетъ, что, хотя прежніе законы и остаются, но формальную силу въ государствѣ имѣютъ уже тѣ люди, которые содѣйттвовали къ измѣненію политическаго устройства. Итакъ, изъ сказаннаго очевидно, сколько видовъ демократіи и олигархіи.

Въ самомъ дѣлѣ, или всѣ, исчисленныя выше, части народа принимаютъ участіе въ дѣлахъ государства, или только нѣкоторыя. Такъ, если верховная власть въ государствѣ принадлежитъ земледѣльцамъ и тѣмъ, которые владѣютъ опредѣленною собственностію, то политическое устройство такого государства основывается, конечно, на законахъ; потому что эти люди, будучи заняты работой, хотя и имѣютъ средства вообще хорошо жить, но не могутъ пользоваться большимъ досугомъ; постановляя законъ, сами они собираются только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Впрочемъ, право участія въ правленіи принадлежитъ здѣсь всѣмъ, имѣющимъ опредѣленную закономъ собственность; потому что, въ противномъ случаѣ, политическое устройство получаетъ уже характеръ олигархическій. Что же касается до досуга, то онъ не доступенъ людямъ, не имѣющимъ постоянныхъ доходовъ. Итакъ, вотъ какъ образуется первый видъ демократіи. Другой ея видъ основывается на системѣ выбора, слѣдующаго по порядку классовъ. Въ этой демократіи, всѣ не имѣющіе на себѣ пятна, по своему происхожденію, могутъ быть выбраны на государственныя должности, но дѣйствительное въ нихъ участіе принимаютъ лишь тѣ, которые въ состояніи вести схолическую жизнь. Посему, и въ этой демократіи управляетъ собственно законъ, такъ какъ граждане не достаточно обезпечены своими доходами. Третій видъ демократіи тотъ, гдѣ всѣмъ свободнымъ гражданамъ позволяется участвовать въ дѣлахъ государства; но по вышеозначенной причинѣ, на самомъ дѣлѣ, они не принимаютъ въ нихъ участія; поэтому и здѣсь управленіе принадлежитъ собственно закону. Наконецъ, четвертый видъ демократіи — та, которая, по времени образованія, бываетъ въ государствахъ, послѣ всѣхъ другихъ формъ политическаго быта. Такъ какъ государства дѣлаются современемъ обширнѣе, нежели какъ были сначала, и посредствомъ торговли пріобрѣтаютъ большіе доходы, то, благодаря избытку средствъ, всѣ не только получаютъ доступъ къ общественнымъ дѣламъ, но, вслѣдствіе возможности досуга, дѣйствительно участвуютъ въ нихъ и люди не зажиточные, но пользующіеся только хорошимъ жалованьемъ. У такихъ людей всегда больше досуга: его не нарушаетъ у нихъ эта вѣчная забота о своихъ интересахъ, которая отнимаетъ такъ много времени у людей достаточно богатыхъ; отъ того послѣдніе часто отказываются отъ участія и въ народномъ собраніи и въ судѣ. Въ этой демократіи верховная власть принадлежитъ уже не законамъ, но массѣ людей бѣдныхъ. Итакъ, по силѣ самой необходимости, вотъ сколько, и вотъ каковы виды демократіи.

[1]) Δυναστεία, наслѣдственное правленіе людей, сильныхъ въ государствѣ. См. Платонъ кн. II гл. 8.

Переходимъ къ олигархіи. Когда въ государствѣ большинство гражданъ владѣетъ имуществомъ, впрочемъ не очень большимъ; то бываетъ олигархія, въ первомъ своемъ видѣ. Право на участіе въ дѣлахъ государства принадлежитъ здѣсь всякому, кто имѣетъ опредѣленное имущество. Но такъ какъ число такихъ людей бываетъ велико, то верховная власть необходимо принадлежитъ здѣсь не людямъ, а закону. Чѣмъ болѣе такое политическое устройство отстоитъ отъ монархіи, и чѣмъ менѣе граждане имѣютъ такую собственность, чтобы, ни о чемъ не заботясь, въ состояніи были вести схолическую жизнь, — хотя и не столь малую, чтобы должны были содержаться на счетъ государства; — тѣмъ болѣе необходимость заставляетъ ихъ желать, чтобы верховная власть въ государствѣ принадлежала закону, а не имъ самимъ. Если же гдѣ число гражданъ, владѣющихъ имуществомъ, сравнительно не велико, но самое имущество ихъ довольно значительно, то здѣсь является олигархія, во второмъ ея видѣ. Чѣмъ сильнѣе эти люди, по своимъ средствамъ, тѣмъ болѣе оказываются притязательными, такъ что, изъ числа прочихъ гражданъ, они сами уже избираютъ тѣхъ, которые занимаются разными дѣлами, по части государственнаго управленія; но не будучи еще столь могущественны, чтобы управлять государствомъ безъ закона, самый законъ они постановляютъ такой, который былъ бы благопріятенъ для нихъ. Но гдѣ меньшинство гражданъ усиливается въ своихъ средствахъ до того, что овладѣваетъ очень большимъ имуществомъ, тамъ образуется новый видъ олигархіи. Имѣя въ своихъ рукахъ государственныя должности, эти люди держатся такого закона, что, по смерти отца, право власти переходитъ къ сыну. Но когда эти оптиматы еще болѣе усиливаются, какъ въ своемъ имуществѣ, такъ и въ количествѣ своихъ приверженцевъ, то такая династія есть уже нѣчто въ родѣ монархіи, гдѣ верховная власть отъ закона переходитъ въ руки самихъ этихъ людей. Таковъ четвертый видъ олигархіи, соотвѣтствующій послѣднему виду демократіи.

Но кромѣ демократіи и олигархіи, есть еще двѣ формы политическаго устройства, изъ которыхъ одну признаютъ всѣ, и говорятъ о ней, какъ объ одной изъ четырехъ формъ политическаго устройства. Обыкновенно говорятъ только о четырехъ формахъ политическаго устройства: монархіи, олигархіи, демократіи и въ четвертыхъ, о такъ-называемой аристократіи. Пятая же форма та, которая обозначается общимъ именемъ всѣхъ политическихъ устройствъ т.-е. республикою (πολιτεία); но такъ какъ, въ дѣйствительности, она попадается не часто, то, исчисляя формы политическаго устройства, обыкновенно упускаютъ ее изъ виду и указываютъ только на четыре, какъ, напримѣръ, мы видимъ это у Платона, въ его книгахъ о Республикѣ.

Аристократіею, по всему праву, можно назвать ту форму политическаго устройства, о которой мы говорили въ предшествующихъ нашихъ изслѣдованіяхъ, потому что одно только то политическое устройство, гдѣ правительственная власть находится въ рукахъ просто наилучшихъ людей, а не въ какомъ нибудь смыслѣ людей хорошихъ, по справедливости, должно быть названо аристократіею: въ одной только этой формѣ политическаго устройства, просто хорошій человѣкъ и хорошій гражданинъ есть одно и тоже лицо, а въ другихъ, граждане называются хорошими, относительно только данной формы политическаго устройства. Но должно замѣтить, что есть нѣкоторыя формы политическаго устройства, которыя, будучи отличны и отъ олигархическихъ формъ и отъ такъ-называемой республики, именуются также аристократіями. Избраніе въ государственныя должности совершается здѣсь не только на основаніи богатства, но и на основаніи личнаго достоинства каждаго. Итакъ, эта форма политическаго устройства отличается отъ тѣхъ обѣихъ и называется аристократіею. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ надобности, чтобы добродѣтель гражданъ составляла предметъ заботы самого государства; и безъ этого условія, въ государствѣ могутъ быть люди, которые будутъ стоять на хорошемъ счету у другихъ и казаться людьми достойными. Такой аристократическій элементъ въ государственномъ устройствѣ имѣетъ мѣсто и тамъ, гдѣ главную роль играютъ богатство, добродѣтель и демосъ, какъ, напримѣръ, въ Карѳагенѣ Онъ имѣетъ мѣсто также и въ томъ государственномъ устройствѣ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Лакедемонѣ, главная роль принадлежитъ только добродѣтели и демосу: такое устройство есть смѣшеніе аристократіи и демократіи. Итакъ, кромѣ первой наилучшей своей формы, аристократія имѣетъ еще два этихъ вида, а третій ея видъ составляетъ то политическое устрой-

ство, которое отъ такъ-называемой республики клонится болѣе къ монархіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Общій взглядъ на разныя формы политическаго устройства; идея и характеристика республики; основные элементы аристократіи, олигархіи и демократіи; элементы республики и отличіе ея отъ аристократіи.

Теперь намъ остается сказать о такъ называемой республикѣ и о тиранніи. Мы ставимъ здѣсь республику, хотя она также, какъ и аристократическія формы, о которыхъ мы не давно говорили, не считается за извращенную форму политическаго устройства; но въ сущности, всѣ эти формы представляютъ собою уклоненіе отъ нормы правильнаго быта. За республикой и аристократіей ставятъ обыкновенно демократію и олигархію, которыя, какъ мы сказали уже прежде, суть уклоненія отъ этихъ послѣднихъ. Что же касается до тиранніи, то объ ней всего лучше разсуждать въ концѣ, потому что тираннія менѣе всѣхъ прочихъ формъ представляетъ собою, въ собственномъ смыслѣ, политическое устройство, между тѣмъ какъ мы, въ своемъ изслѣдованіи, имѣемъ въ виду собственно политическое устройство.

Изъяснивъ причины, по которымъ мы ведемъ свое изслѣдованіи именно въ такомъ порядкѣ, перейдемъ теперь къ изслѣдованію о республикѣ. Характеръ этой формы политическаго устройства долженъ быть для насъ болѣе ясенъ, послѣ того какъ мы уже выяснили себѣ основные элементы олигархіи и демократіи; потому что республика есть, такъ сказать, смѣшеніе этихъ двухъ формъ политическаго устройства. Республикою обыкновенно называютъ такое политическое устройство, которое болѣе клонится къ демократіи, а аристократіею то, которое ближе подходитъ къ олигархіи, потому что въ аристократіи, вмѣстѣ съ богатствомъ, цѣнится также воспитаніе и благородство рожденія. Притомъ, богатые здѣсь, кажется, сами по себѣ владѣютъ тѣмъ, чего другіе добиваются часто путемъ несправедливостей, а между тѣмъ это самое и даетъ богатымъ имя людей благовоспитанныхъ, правственныхъ и знатныхъ. Но нѣкоторые утверждаютъ, что, какъ въ аристократіи, преимущество бываетъ всегда на сторонѣ наилучшихъ гражданъ, такъ будто бы и въ олигархіяхъ правительственная власть, по большей части, принадлежитъ людямъ образованнымъ и нравственнымъ. Между тѣмъ нелѣпо, конечно, допустить, чтобы хорошимъ законодательствомъ пользовалось не то государство, которое находится подъ управленіемъ наилучшихъ людей, а то, которымъ управляютъ дурные люди, и наоборотъ, чтобы государство, имѣющее хорошіе законы, не находилось подъ управленіемъ наилучшихъ людей. Пользоваться хорошимъ законодательствомъ не значитъ только имѣть хорошіе законы, но и подчиняться имъ; именно, подъ пользованіемъ хорошими законами, съ одной стороны, должно разумѣть подчиненіе существующимъ законамъ, а съ другой то, что законы, которымъ подчиняются, дѣйствительно хороши (потому что подчиняться можно и дурнымъ законамъ). Но понятіе о хорошихъ законахъ двояко: оно значитъ или то, что данные законы суть самые лучшіе изъ тѣхъ, которые возможны для извѣстныхъ гражданъ, или, что они просто наилучшіе. Существенное свойство аристократіи преимущественно, кажется, состоитъ въ томъ, что здѣсь государственныя должности распредѣляются между гражданами, на основаніи ихъ личнаго достоинства. Потому что личное достоинство есть основной элементъ аристократіи, точно также какъ богатство есть основной элементъ олигархіи, а свобода — демократіи. А что до большинства, то оно имѣетъ силу во всѣхъ этихъ формахъ государственнаго устройства. Такъ, въ олигархіи, въ аристократіи и въ демократіи значеніе верховнаго закона получаетъ то, что кажется большинству лицъ, участвующихъ въ управленіи государствомъ. Но кромѣ того, очень многія государства носятъ названіе республикъ, — основной элементъ которыхъ, при безразличіи богатыхъ и бѣдныхъ, есть одинаково богатство и свобода; а что касается до аристократическаго элемента, то въ этихъ государствахъ богатые, по большей части, считаются вмѣстѣ и людьми образованными и нравственными.

Въ государствѣ есть три элемента, которые одинъ предъ другимъ оказываютъ притязаніе на политическое равенство — таковы: свобода рожденія, богатство и личное достоинство. Что же касается до четвертаго элемента, такъ называе-

маго благородства, то оно является, какъ слѣдствіе двухъ предшествующихъ, и само по себѣ есть не что иное, какъ древнее богатство и древнее личное достоинство. Очевидно, что то политическое устройство, въ которомъ существуетъ смѣшеніе двухъ изъ этихъ элементовъ — именно: богатыхъ и бѣдныхъ, должно быть названо республикою; а гдѣ смѣшиваются между собою всѣ эти три элемента, тамъ политическое устройство имѣетъ форму аристократіи, преимущественно предъ прочими ея видами, исключая, конечно, только ея первый и самый правильный видъ. Итакъ, мы сказали доселѣ, что кромѣ монархіи, демократіи и олигархіи есть еще другія формы политическаго устройства, и каковы они. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, чѣмъ различаются между собою разные виды аристократіи и чѣмъ, въ свою очередь, республика отличается отъ аристократіи, хотя онѣ и не далеко отстоятъ одна отъ другой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Способы образованія республики изъ демократіи и олигархіи. Условія хорошей республики. Разныя точки взгляда на Лакедемонское устройство.

Вслѣдъ за этимъ, мы имѣемъ въ виду разсуждать теперь о томъ, какимъ образомъ, рядомъ съ демократіей и олигархіей, образуется еще такъ называемая республика, и какъ она должна быть организована. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ будутъ ясны и характеристическія особенности демократіи и олигархіи. Намъ слѣдуетъ сперва понять различіе этихъ двухъ формъ политическаго устройства между собою, и потомъ, взявши по нѣкоторой части отъ каждой изъ нихъ, составить такимъ образомъ нѣчто одно, какъ символъ [1]) той и другой.

Комбинація этихъ двухъ формъ политическаго быта возможна троякимъ образомъ. Такъ, во первыхъ, изъ законодательства демократіи и олигархіи можно взять, напримѣръ, тѣ постановленія, какія въ каждой изъ нихъ существуютъ относительно судебныхъ дѣлъ. Въ олигархіяхъ обыкновенно штрафуютъ богатыхъ, если они не участвуютъ въ судѣ, а бѣднымъ за присутствіе въ немъ не даютъ никакой платы, а въ демократіяхъ, наоборотъ, хотя бѣднымъ и даютъ за это плату, но богатыхъ не подвергаютъ никакому штрафу, если они отсутствуютъ. То и другое вмѣстѣ дастъ нѣчто общее и среднее изъ обоихъ этихъ законодательствъ, что и будетъ носить характеръ республиканскаго учрежденія, такъ какъ оно образовалось бы изъ смѣшенія тѣхъ обоихъ. Итакъ, вотъ одинъ изъ способовъ соединенія олигархіи съ демократіей. Второй способъ состоитъ въ томъ, чтобы изъ учрежденій той и другой формы политическаго устройства взять среднее; такъ, напримѣръ, въ демократіяхъ, право участія въ народномъ собраніи не условливается никакимъ, или, покрайней мѣрѣ, самымъ малымъ цензомъ; а въ олигархіяхъ, оно опредѣляется большимъ цензомъ. То и другое въ отдѣльности не можетъ быть общимъ для демократіи и олигархіи, и для этого должно взять среднюю величину ценза, принятаго въ той и другой формѣ политическаго быта. Третій способъ состоитъ въ соединеніи двухъ учрежденій — одного, взятаго изъ законодательства олигархическаго, а другаго изъ демократическаго. Такъ, напримѣръ, система назначенія лицъ на государвтвенныя должности по жребію есть система демократическая, а система выбора свойственна олигархіи. Кромѣ того, въ демократіи право на государственныя должности не опредѣляется цензомъ, а въ олигархіяхъ оно зависитъ отъ ценза. Но аристократическій и собственно республиканскій характеръ учрежденіе это будетъ имѣть въ томъ случаѣ, если изъ олигархіи мы возьмемъ для него одно, а изъ демократіи другое: именно, изъ олигархіи назначеніе лицъ на государственныя должности по выбору, а изъ демократіи низависимость этого выбора отъ ценза. Итакъ, вотъ еще способъ соединенія олигархіи и демократіи. Самая лучшая комбинація олигархіи и демократіи опредѣляется тѣмъ, что одно и то же политическое устройство можно назвать вмѣстѣ и олигархіею и демократіею. Очевидно, что такъ можно говорить о политическомъ устройствѣ только въ томъ случаѣ, когда элементы олигархіи и демократіи комбинируются дѣйствительно хорошо. Тоже самое можно сказать о политическомъ устройствѣ и въ томъ случаѣ, когда оно есть нѣчто среднее между оли-

---

1) Σύμβολον, по буквальному смыслу, есть все составное одно, въ которомъ неразлѣльно дано два.

гархіею и демократіею, потому что въ немъ выступаютъ тогда крайности той и другой, какъ, напримѣръ, это мы видимъ на политическомъ устройствѣ Лакедемонянъ.

Между тѣмъ, о политическомъ устройствѣ Лакедемонянъ многіе говорятъ, какъ о демократическомъ устройствѣ. Въ этомъ случаѣ основываются обыкновенно на томъ, что въ образѣ жизни Лакедемонянъ есть много демократическаго, таково, напримѣръ, прежде всего, воспитаніе дѣтей. Дѣти богатыхъ воспитываются тамъ одинаково съ дѣтьми бѣдныхъ, такъ что богатые получаютъ точно такое же образованіе, какое доступно и для бѣдныхъ. Тоже равенство богатыхъ и бѣдныхъ имѣетъ мѣсто и въ послѣдующемъ возрастѣ дѣтей, даже и тогда, когда они становятся уже мужами. Богатый и бѣдный ровно ни чѣмъ не различаются тамъ между собою. Такъ, посредствомъ сисситій, соблюдается между всѣми одинаковость въ пищѣ; равнымъ образомъ, богатые носятъ тамъ такое же платье, какое въ состояніи сдѣлать себѣ каждый изъ бѣдныхъ. Кромѣ того, изъ двухъ величайшихъ властей въ государствѣ, одна — именно геронты избираются народомъ, а въ другой — въ эфоратѣ онъ самъ принимаетъ непосредственное участіе. Другіе же, напротивъ, считаютъ лакедемонское устройство олигархическимъ, на томъ основаніи что въ немъ есть много олигархическаго, таково, напримѣръ, назначеніе на всѣ государственныя должности по выбору, а не по жребію, далѣе то, что верховная власть, присуждающая смерть, или ссылку за преступленіе, находится въ рукахъ немногихъ, и многое другое подобное.

Но то политическое устройство, въ которомъ демократическій и олигархическій элементы хорошо комбинированы между собою, должно представить въ себѣ оба эти элемента, а не одинъ только какой-нибудь изъ нихъ. Далѣе, оно должно держаться само собою, а не внѣшнею помощію, и притомъ само собою, не потому что большинство въ государствѣ желаетъ его (потому что большинство можетъ желать и дурнаго политическаго устройства), но потому что другаго политическаго устройства не желаетъ ни одинъ членъ государства[2]). Итакъ, доселѣ мы сказали о томъ, какимъ обра-

2) Это мѣсто въ текстѣ, очевидно, испорчено; мы читаемъ его по исправленному тексту Тюро. Observ. crit. in Ar. Pol. lib. стр. 755.

зомъ должна быть организована республика, равно какъ и такъ называемыя аристократическія формы государственнаго быта.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Тираннія и виды ея.

Намъ осталось еще сказать о тиранніи, но не будемъ распространяться и упомянемъ о ней здѣсь лишь для того, чтобы и она вошла, какъ часть, въ настоящее наше изслѣдованіе, такъ какъ и ее признали мы выше за одну изъ формъ политическаго быта. Выше мы разсуждали о царствѣ; мы обратили тамъ свое вниманіе на собственно такъ называемое царство, разсуждали о томъ, полезно или не полезно такое устройство, какая должна быть организація его, при какихъ условіяхъ и какъ оно можетъ быть образовано. Въ изслѣдованіи о царствѣ, мы различили два вида тиранніи: одинъ видъ ея, по значенію своему, близко подходитъ къ царству, именно по стольку, по скольку обѣ эти формы политическаго устройства основываются на законѣ. Въ нѣкоторыхъ варварскихъ государствахъ избираютъ самодержавныхъ монарховъ, а въ старину, и у Геллиновъ были такіе же монархи: ихъ называли эсимнитами. Но монархіи эти могутъ быть различны. Такъ, вдревле, та монархія, гдѣ власть правителя основывалась на законѣ и гдѣ подчинялись ей добровольно, была царственною монархіей, а гдѣ правитель властвовалъ деспотически, по своему усмотрѣнію, тамъ монархія была тиранническою. Третій видъ тиранніи, кажется, по преимуществу есть тираннія; эта тиранія соотвѣтствуетъ абсолютному царству. Такая тираннія есть та монархія, гдѣ правитель безотчетно властвуетъ надъ равными и даже надъ лучшими, притомъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, а не въ виду пользы своихъ подчиненныхъ. Подданные не произвольно подчиняются здѣсь его власти, потому что никакой свободный человѣкъ произвольно не терпитъ такой власти. Итакъ, вотъ причины, по которымъ мы признаемъ такіе и столько видовъ тиранніи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Значеніе средняго сословія для правильной конституціи государства.

Какая же наилучшая форма политическаго устройства? Какая наилучшая жизнь для большинства государствъ, для большинства людей? При этомъ мы не обращаемъ вниманія ни на то личное достоинство, которымъ нѣкоторые избранные люди превосходятъ обыкновенныхъ смертныхъ, ни на воспитаніе, для котораго, болѣе или менѣе, потребна всегда природная способность и счастливая внѣшняя обстановка; мы не имѣемъ здѣсь также въ виду того идеальнаго политическаго устройства, котораго можно только желать. Напротивъ, мы говоримъ здѣсь о такой жизни, которая доступна большинству людей, о такомъ политическомъ устройствѣ, которое могутъ имѣть у себя большинство государствъ. Что касается до такъ называемыхъ формъ аристократическаго устройства, о которыхъ мы говорили выше, то, съ одной стороны, далеко отстоя отъ тѣхъ условій, въ которыхъ, по большей части, находятся современныя намъ государства, съ другой, въ тоже время, онѣ близко подходятъ къ такъ называемой формѣ республики. Поэтому, обѣ эти формы должны быть разсматриваемы какъ одна, и сужденіе о нихъ слагается изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ. Такъ, если въ Этикѣ справедливо было сказано, что счастливая жизнь состоитъ въ безпрепятственномъ прохожденіи по пути добродѣтели, а добродѣтель есть не что иное, какъ умѣренность двухъ крайностей; посему жизнь умѣренная — въ той степени умѣренности, въ какой каждому она доступна — необходимо и есть наилучшая жизнь. Тоже самое опредѣленіе должно имѣть мѣсто и относительно достоинства и недостатковъ какъ даннаго государства, такъ и вообще политическаго устройства, потому что политическое устройство есть жизнь государства.

Есть три существенныя части каждаго государства: люди очень богатые, люди очень бѣдные, и въ третьихъ, люди, которые занимаютъ среднее положеніе между тѣми и другими. Если всѣ согласны съ тѣмъ, что умѣренное и среднее есть самое лучшее, то очевидно, что собственность средней величины лучше всѣхъ другихъ, потому что владѣтель такой

собственности бываетъ обыкновенно очень разсудителенъ. Напротивъ, тотъ, кто въ избыткѣ пользуется красотою, или силою, или кто высоко стоитъ, по благородству рожденія, или, наконецъ, кто владѣетъ огромнымъ богатствомъ, или, наоборотъ, кто очень бѣденъ, очень немощенъ и лишенъ всякой почести, — всякій такой человѣкъ едва ли можетъ быть достаточно разсудителенъ. Напротивъ, первые бываютъ горды и наклонны къ большимъ злодѣйствамъ, а вторые коварны и очень хитры во всѣхъ мелочахъ, а всѣ несправедливости происходятъ или отъ гордости, или отъ коварства. Кромѣ того, тѣ и другіе очень мало чувствуютъ расположенія и охоты къ занятію государственными дѣлами, что, конечно, очень вредно для государства. Къ тому же, люди, съ избыткомъ пользующіеся счастіемъ, силой, богатствомъ, друзьями и прочими подобными выгодами, обыкновенно не хотятъ и не умѣютъ быть въ подчиненіи. (Эта черта присуща имъ и въ дѣтскомъ возрастѣ и выносится ими еще изъ дому: будучи избалованы, они и въ школахъ обыкновенно не подчиняются своимъ начальникамъ). Тѣ, напротивъ, которые терпятъ большую нужду во всемъ, бываютъ часто очень низкіе люди. Они не умѣютъ сами властвовать, а подчиняться умѣютъ лишь порабски, а тѣ, не признавая надъ собою никакой власти, сами умѣютъ властвовать лишь только по господски. Государство, состоящее изъ такихъ людей, есть государство рабовъ и господъ, а не свободныхъ, — государство, въ которомъ одни завидуютъ другимъ, а другіе гордятся передъ ними; все это вовсе не подходитъ на дружеское общеніе гражданъ, а въ гражданскомъ общеніи дѣйствительно есть элементъ дружбы: со врагами никто не хочетъ дѣлить пути. Государство, напротивъ, желаетъ того, чтобы члены его были, какъ можно болѣе, равны и подобны другъ другу, а это, преимущественно, возможно для людей средняго состоянія. Поэтому, наилучшимъ политическимъ устройствомъ необходимо пользуется только то государство, которое состоитъ изъ такихъ частей, изъ которыхъ, по нашему положенію, естественно образуется организмъ всякаго государства. Граждане средняго сословія, преимущественно предъ всѣми другими, оказываются наиболѣе безопасными членами государства. Потому что ни сами они — не такъ, какъ люди бѣдные — не желаютъ себѣ богатства, ни другіе не ищутъ имущества ихъ, подобно тому

какъ имущество богатыхъ часто есть предметъ желаній для людей бѣдныхъ. Такъ какъ никто не строитъ имъ ковъ, и сами они не злоумышляютъ противъ никого, отъ того жизнь ихъ течетъ безопасно для нихъ. Посему Фокилидъ высказываетъ прекрасное желаніе, говоря: «много очень хорошаго доступно людямъ средняго сословія, и самъ я желаю быть въ государствѣ среднимъ человѣкомъ» [2]). Итакъ ясно, что лучшая форма политическаго общежитія условливается среднимъ сословіемъ, и что тѣ только государства могутъ имѣть хорошее политическое устройство, въ которыхъ среднее сословіе значительно велико и гораздо сильнѣе остальныхъ двухъ, или, по крайней мѣрѣ, одного изъ нихъ. Увеличиваясь въ своей численности, оно дѣйствуетъ вліятельно на остальныя сословія и препятствуетъ перевѣсу одной стороны надъ другою. Поэтому, величайшее счастіе государства состоитъ въ томъ, чтобы граждане его владѣли умѣренною собственностію, но конечно достаточною для ихъ нуждъ; а гдѣ одни имѣютъ чрезвычайно много, а другіе не имѣютъ ничего, тамъ обыкновенно бываетъ или самая неумѣренная демократія, или самая крайняя олигархія, или, наконецъ, какъ результатъ перевѣса въ государствѣ на сторонѣ богатыхъ или бѣдныхъ — тираннія; потому что тираннія одинаково возникаетъ, какъ изъ среды необузданнаго демоса, такъ и изъ среды олигарховъ, и гораздо рѣже изъ средняго сословія и изъ кружковъ, ближайшихъ къ нему. Причину этого мы укажемъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить объ измѣненіи формъ политическаго устройства. Что наилучшая политическая жизнь государства условливается среднимъ классомъ, это также очевидно изъ того, что только средній классъ не подверженъ волненіямъ: гдѣ средній классъ достаточно великъ, тамъ обыкновенно рѣдко бываютъ возстанія и политическія возмущенія. По этой-то причинѣ, большія государства менѣе подвержены возмущеніямъ; именно потому, что средній классъ здѣсь достаточно великъ. Напротивъ, въ малыхъ государствахъ все населеніе легко распадается на двѣ половины, такъ что между двумя крайностями

2) Фокилидъ изъ Милета, гномическій поэтъ, современникъ Солона, пользовавшійся большимъ уваженіемъ современниковъ, какъ поэтъ строгой нравственности.

богатыхъ и бѣдныхъ не остается почти никакой средины. Благодаря тому же среднему сословію, и демократическое устройство оказывается прочнѣе и долговѣчнѣе олигархическаго, потому что въ демократіи всегда болѣе средняго сословія, и для него доступнѣе здѣсь разныя гражданскія почести, чѣмъ въ олигархіяхъ. Но если въ демократіи, помимо средняго сословія, приходятъ въ силу люди бѣдные, то обыкновенно они ведутъ дѣла дурно, и политическое устройство государства скоро разрушается. Въ доказательство важности для государства средняго сословія, должно указать еще на то, что лучшіе законодатели вышли изъ средняго сословія. Такъ Солонъ, какъ видно изъ его стихотвореній [3]), происходилъ изъ этого сословія; точно также Ликургъ [4]) (онъ не былъ царемъ), Харондъ и большинство другихъ. Изъ сказаннаго очевидно также, почему большая часть государствъ имѣетъ демократическое, или олигархическое устройство — именно: при малочисленности средняго сословія, значеніе въ государствѣ получаютъ или богатые собственники, или народъ; устранивъ среднее сословіе, тѣ и другіе стараются дать направленіе политической жизни въ своихъ собственныхъ интересахъ, а посему бываетъ обыкновенно или демократія или олигархія. Притомъ, всѣ столкновенія и распри между народомъ и богатыми оканчиваются обыкновенно тѣмъ, что сторона, одолѣвшая враждебную сторону, не заботится дать государству такое политическое устройство, которое было бы выгодно для всѣхъ и всѣмъ давало бы равныя права; напротивъ, награждая себя за побѣду, побѣдители оставляютъ за собой преимущество въ политическомъ бытѣ государства; и такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ образуется демократія, а въ другомъ олигархія. Такъ въ Гелладѣ каждое изъ тѣхъ двухъ государствъ, которыя, по очереди, имѣли въ ней гегемонію, устроивало обыкновенно политическій бытъ подчиненныхъ ему областей, сообразно съ своимъ собственнымъ устройствомъ — одно демократію, а другое олигархію; слѣдовательно, каждое изъ нихъ имѣло въ виду пользу не этихъ государствъ, а свою собственную. Вотъ причины, почему нигдѣ почти мы

3) См. Плутархъ жизнь Солона гл. 3.
4) О Ликургѣ исторически извѣстно, что онъ происходилъ изъ царскаго рода.

не видимъ политическаго устройства, основаннаго въ интересахъ средняго сословія, или видимъ это очень рѣдко. Изъ числа всѣхъ людей, стоявшихъ доселѣ въ главѣ того или другаго государства, былъ только одинъ человѣкъ, [5]) который рѣшился дать своему государству такое устройство. А нынѣ въ государствахъ образовался такой обычай, что граждане вовсе не желаетъ себѣ равенства правъ, но — или ищутъ власти, или, будучи въ въ подчиненіи, равнодушно остаются въ этомъ положеніи. Итакъ, изъ сказаннаго очевидно, какая форма политическаго устройства лучше другихъ и почему. Что же касается до прочихъ формъ, изъ которыхъ нѣкоторыя мы признали за демократическія, а другія за олигархическія, что касается именно того, какую изъ нихъ должно принять за первую, какую за вторую и такъ далѣе, по степени ихъ относительнаго достоинства, или недостатковъ;—то все это не трудно понять, послѣ того какъ мы уже опредѣлили сущность наилучшей формы. Лучшая изъ нихъ, сравнительно съ другими—та, которая ближе подходитъ къ наилучшей формѣ политическаго устройства, а худшая—та, которая болѣе уклоняется отъ политическаго устройства, основаннаго на выгодахъ средняго сословія. Впрочемъ, такое сужденіе справедливо только вообще, безъ вниманія къ особеннымъ условіямъ дѣйствительности. Говоря это, я разумѣю, что часто, при несомнѣнномъ превосходствѣ одной формы политическаго устройства, для нѣкоторыхъ государствъ можетъ быть полезнѣе какая либо другая форма.

---

5) Комментаторы разногласятъ относительно того, кого здѣсь разумѣлъ Арестотель. Одни говорятъ о Гелонѣ Саракузскомъ, а другіе о Ѳеопомпѣ Лакедемонскомъ; Шнейдеръ указываетъ на Ѳезея; С. Илеръ на Фалеаса; Геттлингъ на Питтака; Шлессеръ на Солона.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Замѣчаніе о консервативной и либеральной партіи въ государствѣ. Условія образованія того или другаго вида демократіи и олигархіи. Значеніе средняго сословія. Разныя постановленія, которыми пользуется олигархическое правительство для сохраненія себя отъ притязаній народа, и противуположныя имъ постановленія демократическихъ государствъ.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ о томъ, какимъ государствамъ прилична какая форма политическаго устройства. [1]) При этомъ, прежде всего, должно принять слѣдующее правило, общее для всѣхъ государствъ: консервативная партія въ государствѣ должна быть сильнѣе противоположной партіи. Элементы, входящіе въ составъ каждаго государства, суть, съ одной стороны, элементы качества, а съ другой — элементъ количества. Подъ элементами качества я разумѣю свободу, богатство, воспитаніе и благородство рожденія, а подъ элементомъ количества численное превосходство массы. Можетъ случиться, что на сторонѣ одной партіи въ государствѣ находятся элементы качества, а на сторонѣ другой — количества; предположимъ, напримѣръ, что число людей не благородныхъ по происхожденію болѣе числа благородныхъ, или число бѣдныхъ болѣе числа богатыхъ, притомъ въ томъ и другомъ случаѣ масса не на столько превосходитъ меньшенство количествомъ, на сколько уступаетъ ему качествомъ. Въ этомъ случаѣ, должно стараться, чтобы тотъ и другой элементъ были соединены между собою. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ масса бѣдныхъ превосходитъ меньшенство именно въ такой пропорціи, какъ мы сейчасъ сказали, тамъ естественно образуется демократія, и притомъ тотъ или другой ея видъ, смотря потому, какая часть демоса возвышается въ государствѣ. Если перевѣсъ бываетъ на сторонѣ земледѣльцевъ, тамъ является демократія перваго вида, а если выступаетъ впередъ сословіе ремесленниковъ и работниковъ, тамъ мы видимъ демократію въ послѣднемъ ея видѣ. Подобнымъ же образомъ опредѣляется происхожденіе и прочихъ

---

1) Изслѣдованіе этого вопроса, въ связи съ другими, составляетъ вторую часть настоящей книги.

видовъ демократіи, занимающихъ средину между двумя этими крайними ея видами.

Если же гдѣ сословіе богатыхъ и благородныхъ въ большей мѣрѣ превосходитъ другихъ по качеству, нежели сколько уступаетъ имъ по количеству; — тамъ бываетъ олигархія, притомъ точно также, тотъ или другой ея видъ, смотря потому, на сторонѣ какого сословія олигарховъ остается перевѣсъ въ государствѣ. Но законодатель, во всякомъ случаѣ, долженъ стараться дать политическое значеніе среднему сословію: все равно, издаетъ ли онъ олигархическіе законы — долженъ имѣть въ виду среднее сословіе; пищетъ ли законы демократическіе — и къ нимъ онъ долженъ стараться притянуть это сословіе. Ибо только тамъ можетъ быть прочное политическое устройство, гдѣ масса средняго сословія пересиливаетъ обѣ эти крайнія части государства, или, по крайней мѣрѣ, одну изъ нихъ. Нечего бояться, что богатые станутъ когда-либо дѣйствовать за одно съ бѣдными, противъ средняго сословія, потому что ни тѣ, ни другіе никогда не захотятъ стать въ рабскія отношенія другъ къ другу; если же они будутъ искать такой формы политическаго быта, въ которой болѣе были бы сохранены ихъ общія права, то они не изобрѣтутъ ни какой другой, кромѣ той, которая основана на перевѣсѣ средняго сословія. Вслѣдствіе недовѣрія другъ къ другу, они ни за что не рѣшатся, по очереди другъ съ другомъ, пользоваться властію и быть въ подчиненіи. Самое довѣренное лицо вездѣ есть посредникъ, а въ данномъ случаѣ этотъ посредникъ есть не кто иной, какъ среднее сословіе. Итакъ, чѣмъ лучше комбинированы въ государствѣ составныя его части, тѣмъ прочнѣе его политическое устройство.

Между тѣмъ, многіе изъ законодателей, заботящихся объ образованіи аристократическихъ формъ политическаго быта, ошибаются въ томъ, что не только даютъ богатымъ болѣе значенія, чѣмъ сколько нужно, но даже эксплуатируютъ въ ихъ пользу демосъ. И вотъ, ложное благо современемъ должно выступить, какъ истинное зло. Неумѣренныя притязанія богатыхъ гораздо скорѣе могутъ разрушить политическое устройство, чѣмъ тѣ интересы, къ которымъ стремится народъ. Олигархическая политика часто нарочно придумываетъ такія постановленія, которыя имѣютъ видъ постановленій полезныхъ для народа. Такихъ постановленій существуетъ до

пяти, и онѣ касаются: народнаго собранія, магистратуры, суда, вооруженія и гимнасія. Такъ, относительно народнаго собранія, при всеобщемъ правѣ участвовать въ немъ, взысканію за неучастіе подвергаются только богатые, или, по крайней мѣрѣ, съ нихъ взыскиваютъ за это гораздо больше. Относительно магистратуры полагается, что всѣ, имѣющіе извѣстный цензъ, не имѣютъ права отказываться отъ государственныхъ должностей, что, какъ бы исключеніе, позволяется, по вниманію къ бѣдности. Точно также и относительно суда, если богатые не принимаютъ въ немъ участія, то подвергаются штрафу, а бѣдные, въ этомъ случаѣ, остаются безнаказанными, или, какъ, напримѣръ, по законамъ Харонда [2]), богатые платятъ большой штрафъ, а бѣдные самый ничтожный. А въ нѣкоторыхъ государствахъ существуетъ такое постановленіе, что всѣ, записанные въ гражданскіе списки, имѣютъ право участвовать въ народномъ собраніи и судѣ; если же кто изъ таковыхъ не участвуетъ ни тамъ ни здѣсь, тотъ подлежитъ большему штрафу, и вслѣдъ за тѣмъ лишается уже права оставаться записаннымъ, а не будучи записанъ, теряетъ такимъ образомъ право участвовать впередъ какъ въ судѣ, такъ и въ народномъ собраніи. Подобныя же постановленія существуютъ относительно вооруженія и гимнасія. Бѣднымъ, напримѣръ, позволяется не носить оружія, а богатыхъ подвергаютъ за это взысканію. Точно также, съ первыхъ не полагается никакого взысканія, если они и не упражняются въ гимнасіѣ, а съ богатыхъ берутъ за это штрафъ, въ виду того, что богатые, боясь штрафа, не будутъ манкировать упражненіемъ своего тѣла, а бѣдные не будутъ принимать участія въ этихъ упражненіяхъ, такъ какъ за это имъ нечего бояться. Таковы постановленія, къ которымъ прибѣгаетъ законодательство олигархическихъ государствъ. Но въ демократическихъ государствахъ мы видимъ противоположныя постановленія. Здѣсь бѣднымъ даютъ плату за то, что они участвуютъ въ народномъ собраніи и судѣ, между тѣмъ какъ богатыхъ не штрафуютъ за уклоненіе отъ этихъ обязанностей. Правильная комбинація этихъ двухъ постановленій была бы въ томъ случаѣ, еслибы, въ одно и тоже время, и давали плату бѣднымъ и брали штрафъ съ богатыхъ. Тогда, дѣйствительно, всѣ

2) См. Polit. кн. II. гл. 9.

въ состоянiи были бы принимать участiе въ дѣлахъ государства; а иначе политическiй бытъ страны всегда будетъ въ рукахъ только нѣкоторыхъ. Что касается до вооруженiя, то понятно, что политическое общество можетъ состоять только изъ людей, владѣющихъ оружiемъ. Величину ценза нельзя опредѣлить просто, сказавъ, что цензъ долженъ быть таковъ; напротивъ, опредѣляя его, должно обращать вниманiе на то, чтобы количествомъ своимъ онъ захватывалъ, какъ можно, болѣе лицъ, такъ чтобы число участвующихъ въ дѣлахъ государства было гораздо болѣе числа не участвующихъ. Что же касается до самыхъ бѣдныхъ, то они, не принимая участiя въ дѣлахъ гражданскихъ, обыкновенно желаютъ себѣ только покоя — лишь бы самихъ ихъ не обижали и не отнимали у нихъ ихъ небольшой собственности. Впрочемъ, на дѣлѣ не всегда бываетъ такъ. Такъ какъ люди, принимающiе участiе въ государственномъ управленiи, не всегда бываютъ деликатны, то бѣдные, коль скоро наступаетъ война, обыкновенно отказываются дѣйствовать, пока не получатъ себѣ достаточнаго содержанiя, а получивъ, дѣйствительно охотно идутъ на войну. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, къ политической дѣятельности имѣютъ доступъ не только тѣ, которые въ настоящее время способны владѣть оружiемъ, но также и тѣ, которые владѣли имъ когда-либо прежде. Такъ въ республикѣ Малiйцевъ [3]), политическое значенiе имѣли только такiя лица; но на правительственныя должности избирались тамъ лишь дѣйствительно способные носить оружiе. Такъ равно и у Гелленовъ, послѣ перiода царства, правительство состояло изъ людей способныхъ къ войнѣ, въ началѣ даже собственно изъ всадниковъ; потому что перевѣсъ войны въ то время зависѣлъ отъ конницы. Извѣстно, что безъ тактики пѣхота не приноситъ никакой пользы, а въ тѣ отдаленныя времена, всѣ попытки въ этомъ дѣлѣ были безуспѣшны, такъ что вся сила, естественно, были на сторонѣ конницы. Но въ послѣдствiи, съ увеличенiемъ государствъ Геллады въ ихъ границахъ и съ усиленiемъ значенiя пѣхоты, возрасло и количество лицъ, участвующихъ въ дѣлахъ государства. Но замѣтимъ, что тѣ формы политическаго устройства, которыя мы теперь называемъ республиками, прежде назывались демократiями. А самыя древнiя формы политическаго устройства, очень естественно, имѣли характеръ олигархiи и царства. Вслѣдствiе небольшаго населенiя государствъ, среднее сословiе было въ нихъ не достаточно велико. Такимъ образомъ, тогдашнее общество, будучи незначительнымъ и какъ масса и какъ военная сила, болѣе было склонно къ тому, чтобы оставаться въ подчиненiи. Итакъ, доселѣ мы разсмотрѣли слѣдующiе пункты: на какомъ основанiи существуетъ нѣсколько формъ политическаго устройства, и почему, кромѣ упомянутыхъ, есть еще другiя (такъ напримѣръ не одна только демократiя, или другая какая-нибудь форма); далѣе, какое между ними различiе и почему; и потомъ, какая вообще наилучшая форма политическаго устройства и какая относительно лучше — для того или другаго народа.

3) См. Мюллеръ. Die Dorier. I. стр. 45.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Составныя части всякаго политическаго устройства. Содержанiе законодательнаго института. Способы всеобщаго участiя гражданъ въ законодательномъ собранiи. Организацiя законодательной власти въ олигархiяхъ и виды ея. Аристократическiй законодательный институтъ. Наставленiя для правильной организацiи законодательнаго института въ демократiяхъ и олигархiяхъ.

Разсмотримъ теперь послѣдовательно тѣ вопросы, которые касаются, какъ вообще всѣхъ формъ политическаго устройства, такъ и каждой изъ нихъ, въ отдѣльности. При этомъ мы останемся вѣрны тому положенiю, которое должно быть основнымъ, при рѣшенiи всѣхъ политическихъ вопросовъ. Въ составъ всякаго политическаго устройства, какую бы форму оно ни имѣло, входятъ три части, на которыя, для благосостоянiя самой формы, законодатель долженъ обращать свое вниманiе. При хорошей организацiи каждой изъ этихъ частей, и цѣлое политическое устройство бываетъ также хорошо; притомъ, различiе формъ политическаго устройства опредѣляется ни чѣмъ инымъ, какъ различiемъ въ организацiи

каждой изъ этихъ частей. Первая составная часть каждаго политическаго устройства есть институтъ законодательный; вторая — институтъ административной власти, (каждая изъ административныхъ властей должна быть опредѣлена въ своемъ характерѣ, объемѣ и въ самой формѣ избранія); третью часть составляетъ институтъ судебный. Верховная власть въ государствѣ принадлежитъ, конечно, тому законодательному институту, которому подлежитъ совѣщаніе о войнѣ и мирѣ, о вступленіи въ союзъ и о нарушеніи союза, о законахъ, о смертной казни, объ изгнаніи, о конфискаціи имуществъ, и предъ которымъ, наконецъ, отвѣтственны всѣ правительственныя лица. Очевидно, что всѣ эти дѣла должны подлежать обсужденію или всѣхъ гражданъ, или только нѣкоторыхъ: (такъ, напримѣръ, они могутъ подлежать вѣдѣнію одного какого нибудь магистрата, или многихъ, или одни — быть подъ вѣдомствомъ одного, а другія подъ вѣдомствомъ другаго), или, наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ дожны подлежать обсужденію всѣхъ гражданъ, а другія только нѣкоторыхъ. Участіе всѣхъ гражданъ въ обсужденіи всѣхъ этихъ дѣлъ свойственно демократіи, потому что демократія ищетъ именно такого равенства. Но есть нѣсколько способовъ для всеобщаго участія гражданъ въ дѣлахъ государства. Такъ первый способъ состоитъ въ томъ, что граждане участвуютъ въ дѣлахъ государства по очереди, а не всѣ заразъ, какъ это принято въ республикѣ Телекла Милетскаго[1]); въ другихъ республикахъ, для совѣщанія о дѣлахъ государства, сходятся только люди, облеченные властію; но на государственныя должности избираются рѣшительно всѣ граждане, только по очереди, изъ филъ и самомалѣйшихъ кружковъ, пока, такимъ образомъ, выборъ не обойдетъ всѣхъ: всѣ же граждане вмѣстѣ сходятся только для постановленія законовъ, для рѣшенія вопросовъ, касающихся измѣненія политическаго устройства, и для выслушанія декретовъ правительственныхъ лицъ. Второй способъ состоитъ въ томъ, что хотя къ участію въ дѣлахъ государства допускаются и всѣ граждане, но сходятся они вмѣстѣ только въ слѣдующихъ случаяхъ: именно — для избранія правительственныхъ лицъ, для постановленія законовъ, для рѣшенія вопросовъ о войнѣ и

1) О Телеклѣ Милетскомъ не упоминаетъ еще никто изъ древнихъ.

мирѣ, а также для принятія отчета отъ лицъ облеченныхъ властію; другія же дѣла рѣшаются въ совѣтѣ правительственныхъ лицъ, спеціально назначенныхъ для тѣхъ или другихъ дѣлъ, и притомъ, или по выбору изъ числа всѣхъ гражданъ, или по жребію. Третій способъ состоитъ въ томъ, что всѣ граждане собираются вмѣстѣ только для избранія правительственныхъ лицъ, для принятія отъ нихъ отчета, для совѣщанія о войнѣ и о заключеніи союза, прочія же дѣла подлежать обсужденію однихъ правительственныхъ лицъ, назначенныхъ для того по выбору. Таковы всѣ тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ доступно только людямъ спеціально въ нихъ свѣдущимъ. Наконецъ, четвертый способъ состоитъ въ томъ, что для совѣщанія обо всѣхъ дѣлахъ сходятся всѣ граждане, а правительственнымъ лицамъ принадлежитъ не окончательное рѣшеніе дѣла, но только предварительное его обсужденіе. Такъ обыкновенно ведутся дѣла въ крайне демократическихъ государствахъ — въ такихъ государствахъ, которыя, какъ мы полагаемъ, стоятъ въ соотвѣтствіи съ династическою олигархіею и тиранническою монархіею. Впрочемъ, и всѣ вышеупомянутые нами способы также носятъ на себѣ демократическій характеръ.

Напротивъ, гдѣ всѣ государственныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію только нѣкоторыхъ гражданъ, тамъ государственное устройство имѣетъ олигархическій характеръ. Но эта система имѣетъ также нѣсколько различій. Такъ, если выборъ правительственныхъ лицъ совершается по умѣренному цензу, такъ что число выборныхъ бываетъ достаточно велико, и они, разсуждая о дѣлахъ государства, не измѣняютъ ничего того, что признано закономъ, но во всемъ слѣдуютъ его постановленіямъ; къ тому же, если право избранія дѣйствительно опредѣляется только цензомъ; то такое правленіе хотя и олигархія, но, по умѣренности своей, имѣетъ болѣе республиканскій характеръ. Еслиже не всѣ участвуютъ въ засѣданіяхъ совѣта, а только выборные, власть которыхъ, впрочемъ, также какъ и тамъ, ограничена закономъ, то такой порядокъ уже болѣе олигархиченъ. Но когда представители совѣта избираютъ сами себя, и когда право участія въ дѣлахъ государства наслѣдственно отъ отца къ сыну, и если къ тому же въ рукахъ этого меньшенства находится верховная власть надъ самими законами, то въ этомъ случаѣ система

правленія, конечно, есть уже чисто олигархическая. Но если только нѣкоторыя дѣла подлежатъ обсужденію нѣкоторыхъ гражданъ — такъ, напримѣръ, если вопросы о войнѣ, о мирѣ, контроль надъ служащими лицами суть дѣла обязательныя для всѣхъ глажданъ, и лишь только нѣкоторыя дѣла подлежатъ вѣдѣнію особыхъ правительственныхъ лицъ, назначенныхъ по выбору, или по жребію, то такая система государственнаго управленія есть система аристократическая. Если же на нѣкоторыя должности назначаютъ по выбору, а на другія по жребію, (притомъ по жребію, или изъ числа всѣхъ гражданъ, или только изъ кандидатовъ), или равно какъ по выбору, такъ и по жребію, то такая система имѣетъ видъ или смѣшеннаго аристократически-республиканскаго управленія, или чисто республиканскаго. Такъ, смотря по различію политическаго устройства, различно организуется въ государствѣ и законодательный институтъ, и такимъ образомъ каждое государство развивается въ томъ или другомъ направленіи своей политической жизни.

Въ демократіи, и особенно демократіи процвѣтающей въ наше время (я разумѣю такую демократію, въ которой народъ имѣетъ власть надъ самимъ закономъ), въ такой демократіи, въ виду лучшей организаціи законодательнаго института, полезно принять ту же мѣру, какая принята въ олигархіяхъ и демократіяхъ[2]), относительно судебнаго института. Въ олигархіяхъ, чтобы принудить къ засѣданію въ судѣ тѣхъ, присутствіемъ которыхъ особенно интересуются, обыкновенно подвергаютъ ихъ взысканію, въ случаѣ если они уклоняются отъ своей обязанности; въ демократіяхъ, напротивъ, бѣднымъ даютъ плату за это, Эту же самую мѣру полезно, говорю, принять въ демократіи и относительно присутствія въ экклесіи. Рѣшеніе государственныхъ дѣлъ будетъ, конечно, лучше, если знатные и народъ будутъ разсуждать о нихъ сообща.

---

2) Въ подлинникѣ сказано только: *ἐν ταῖς ὀλιγαρχίαις*, и за тѣмъ, какъ читатель видитъ, вмѣстѣ съ указаніемъ на обычай олигархіи указывается и на обычай демократіи, потому мы и рѣшились прибавить: и въ демократіяхъ; ибо иначе, если послѣдующіе слова: *полезно принять эту мѣру* — относить къ мѣрѣ въ олигархіяхъ, то выходитъ нелѣпость, тѣмъ болѣе что ниже прямо дано понять, что мѣра, которую рекомендуютъ, состоитъ въ томъ, чтобы давать бѣднымъ плату за участіе въ народномъ собраніи.

Полезно также членовъ совѣта назначать по выбору, или по жребію, въ равномъ числѣ изъ каждаго округа въ государствѣ. Когда же демократическій элементъ, по числу своихъ представителей, будетъ брать перевѣсъ надъ элементомъ республиканскимъ, тогда слѣдуетъ или не всѣмъ бѣднымъ давать плату за присутствіе въ экклесіи, но пропорціонально съ количествомъ людей знатныхъ, или избытокъ лицъ исключить по жребію.

Что же касается до организаціи законодательнаго института въ олигархіяхъ, то здѣсь было бы полезно допустить въ собраніе олигарховъ, по выбору, нѣкоторыя лица и изъ среды народа, или организовать особый институтъ, который впрочемъ существуетъ уже въ нѣкоторыхъ государствахъ и члены котораго называются провулами и номофиликами, — съ тѣмъ чтобы члены общаго собранія занимались лишь только тѣми вопросами, о которыхъ разсуждали уже эти провулы. Такимъ образомъ, народъ, хотя и будетъ участвовать въ совѣтѣ, но не будетъ въ состояніи сдѣлать никакой перемѣны въ государственномъ устройствѣ. Далѣе, можно допустить народъ только къ псифизаціи того, что уже внесено въ общее собраніе, и не давать ему права требовать чего-нибудь противнаго внесенному; или, наконецъ, къ предварительному совѣщанію о дѣлахъ государства можно допустить всѣхъ, а самое рѣшеніе дѣлъ предоставить только правительственнымъ лицамъ. Въ олигархіяхъ вообще слѣдуетъ дѣлать нѣчто противуположное тому, что бываетъ въ республикахъ. Именно, верховную власть должно признать за народомъ только въ отрицаніи псифизмъ, и не слѣдуетъ считать его полновластнымъ въ утвержденіи ихъ, напротивъ, каждая псифизма должна идти на утвержденіе только однихъ правительственныхъ лицъ. Но въ республикахъ поступаютъ совершенно наоборотъ: тамъ въ отрицаніи псифизмъ признается власть меньшинства, а въ утвержденіи ихъ оно не властно, и въ этомъ случаѣ дѣло всегда передается на судъ большинства. Итакъ, доселѣ о законодательномъ институтѣ и о верховной власти въ томъ или другомъ государствѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Административныя власти. Различіе ихъ. Система избранія административныхъ лицъ, сообразная съ тѣмъ или другимъ политическимъ устройствомъ.

Теперь намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на вопросъ объ организаціи административныхъ властей; потому что формы политическаго устройства различаются между собою и въ этомъ отношеніи.

Таково, прежде всего, различіе въ самомъ количествѣ административныхъ лицъ въ государствѣ, въ объемѣ ихъ власти, въ продолжительности того времени, въ которое каждый можетъ быть облеченъ тою или другою властію; такъ, есть административныя должности, въ которыя выбираютъ на шесть мѣсяцевъ, въ другія на меньшее время, въ иныя на цѣлый годъ, а иногда и на болѣе долгое время.

Итакъ, спрашивается: должны ли лица, облеченныя властію, безсмѣнно пользоваться ею, или только въ продолженіе болѣе долгаго времени; далѣе, могутъ ли одни и тѣ же лица быть избираемы въ административныя должности по нѣскольку разъ, или нельзя никого избирать дважды, а только однажды. Потомъ, что̀ касается до самаго избранія административныхъ лицъ, то здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, кто долженъ быть избираемъ, кѣмъ и какимъ образомъ. Мы должны разобрать всѣ возможные способы рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, и затѣмъ присовокупить наше мнѣніе о томъ, что̀ годится для той или другой формы политическаго устройства.

Не легко сказать, какія лица въ государствѣ должно называть собственно администраторами. Всякое политическое общество имѣетъ нужду во многихъ людяхъ, свѣдущихъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; но не всѣхъ лицъ, занимающихъ ту или другую должность въ государствѣ по выбору, или по жребію, слѣдуетъ считать людьми правительственными: таковы, напримѣръ, прежде всего жрецы, которыхъ, конечно, должно отличать отъ людей, имѣющихъ политическую власть въ государствѣ; таковы хореги [1]), герольды, равно и послы, ко-

1) Должность хорега была литургіею; (см. выше гл. 5, прим. 7).

торыхъ также назначаютъ по выбору. Нѣкоторыя изъ государственныхъ должностей имѣютъ политическое значеніе, притомъ, власть должностнаго лица иногда простирается на всѣхъ гражданъ — такова власть полководца во время войны, иногда только на извѣстную часть — такова власть лица, наблюдающаго за поведеніемъ женщинъ и дѣтей. За тѣмъ, другія должности имѣютъ чисто экономическое значеніе [2]). Наконецъ, нѣкоторыя изъ должностей суть только служебныя, такъ что для выполненія ихъ богатые граждане назначаютъ рабовъ. Государственныя должности, въ собственномъ смыслѣ, суть тѣ, которыя даютъ занимающимъ ихъ лицамъ право подавать объ извѣстныхъ дѣлахъ свое собственное мнѣніе, судить, и — что̀ всего болѣе — давать приказаніе, потому что въ этомъ правѣ и заключается отличительный признакъ власти. Впрочемъ, все это различеніе государственныхъ должностей, собственно говоря, не имѣетъ никакого значенія въ практическомъ отношеніи; потому о названіи ихъ никогда не было никакого спора, но это различеніе имѣетъ другой интересъ, собственно только въ отношеніи теоретическомъ. Въ какихъ и сколь многихъ правительственныхъ лицахъ нуждается государство для своего существованія, и какія лица, хотя не необходимы, но полезны для наилучшаго политическаго быта — вотъ вопросы, которые имѣютъ мѣсто, какъ относительно всякаго политическаго устройства, такъ въ особенности относительно малыхъ государствъ. Въ большихъ государствахъ одно и то же лицо можетъ и даже должно брать на себя только одну какую-нибудь должность, потому что, при большомъ количествѣ гражданъ, и правительственныхъ лицъ можно набрать много, такъ что за однимъ и тѣмъ же лицомъ можно здѣсь оставлять только нѣкоторыя должности, и одну и ту же должность поручить одному не иначе, какъ чрезъ значительный промежутокъ времени, а другія вовсе только на одинъ разъ. Каждое дѣло совершается лучше, когда исполнитель его

На хорегѣ лежало попеченіе о хорѣ въ театрѣ; хореги избирались по филамъ, и назначенные для того или другаго поэта должны были содержать хоръ, нужный для представленія какой-либо піэсы; отсюда различіе хора трагическаго и комическаго. На хорегѣ лежала также обязанность разучать хоръ посредствомъ особаго хородидаскола (χοροδιδάσκολος). См. Бёкъ. Die Staatshaushaltung der Athener I. стр. 487.

занять только имъ однимъ, а не многими. Но въ малыхъ государствахъ необходимо совмѣщать многія должности только въ нѣкоторыхъ лицахъ; потому что, вслѣдствіе малочисленности гражданъ, нельзя допустить, чтобы большая часть ихъ занимала мѣста правителей. Да и гдѣ взять тѣхъ, которые бы могли наслѣдовать имъ? Но между тѣмъ, малыя государства имѣютъ нужду въ тѣхъ же самыхъ правителяхъ и законахъ, какъ и большія, съ тѣмъ только различіемъ, что въ малыхъ государствахъ чаще оказывается нужда совмѣщать въ одномъ лицѣ разныя правительственныя должности чѣмъ это требуется въ большихъ. Ничто не мѣшаетъ совмѣщать вмѣстѣ многія служебныя обязанности, если только одна не препятствуетъ другой. Вслѣдствіе недостатка въ людяхъ, правительственными лицами необходимо распоряжаться точно также, какъ распоряжаются тѣмъ инструментомъ, который въ одно и тоже время служитъ и рожномъ для жаренія и подсвѣчникомъ. Еслибы мы имѣли теперь въ виду опредѣлить, какія власти необходимы во всякомъ государствѣ, и какія, хотя не необходимы, но должны бы быть въ немъ, то, уяснивъ это, мы легко могли бы понять, какія правительственныя должности можно совмѣщать въ одномъ лицѣ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду того, какимъ правительственнымъ лицамъ могутъ быть подвѣдомственны многія обязанности, по условіямъ самой мѣстности, и каковы тѣ обязанности, которыя всюду должны быть подъ вѣдѣніемъ одного лица; такъ, напримѣръ, особенное ли лицо должно наблюдать за порядкомъ на площади и въ другомъ мѣстѣ, или для этого должно быть одно лицо? Далѣе, въ какомъ смыслѣ должно отличать одну власть отъ другой: по различію ли задачъ, или по различію людей, на которыхъ она простирается; такъ, напримѣръ, одно ли лицо должно наблюдать за благопристойностію вообще, или за благопристойностію дѣтей и женщинъ должно наблюдать особое лицо? Далѣе, зависитъ ли характеръ той и другой власти отъ формы политическаго устройства; такъ тѣже ли, напримѣръ, правительственныя власти въ демократіи, въ олигархіи, въ аристократіи и въ монархіи? Не говоря уже о томъ, что тамъ и здѣсь онѣ находятся въ рукахъ не такихъ же точно людей и даже не подобныхъ, но въ разныхъ формахъ политическаго устройства принадлежатъ различнымъ лицамъ, — такъ въ аристократіяхъ — людямъ образованнымъ, въ олигархіяхъ — богатымъ, въ демократіяхъ — свободнымъ; — не говоря объ этомъ, нѣтъ ли, спрашивается, тамъ и здѣсь нѣкотораго различія и въ самыхъ должностяхъ, такъ что однѣ должности тамъ могутъ быть совмѣщены, а здѣсь должны быть различены; потому что въ одномъ государствѣ извѣстныя правительственныя должности могутъ имѣть большее значеніе, между тѣмъ какъ въ другомъ онѣ считаются малозначительными. Въ каждомъ государствѣ, дѣйствительно, есть нѣкоторые особенные институты, таковъ, напримѣръ, институтъ провуловъ; этотъ институтъ не демократическій; напротивъ, вула (βουλή) — институтъ демократическій. Но и въ демократіяхъ долженъ быть такой институтъ, задача котораго состояла бы въ предварительномъ обсужденіи тѣхъ вопросовъ, которые должны быть рѣшены въ общемъ собраніи народа, потому что народъ не въ состояніи имѣть всегда досугъ для всесторонняго ихъ обсужденія. Если этотъ институтъ будетъ состоять изъ небольшаго числа членовъ, то онъ будетъ олигархическимъ институтомъ, а такъ какъ число провуловъ дѣйствительно должно быть не велико, то институтъ этотъ собственно есть олигархическій институтъ. Гдѣ существуютъ оба эти института, тамъ провулы контролируютъ вулевтовъ (членовъ вулы); потому что институтъ вулевтовъ есть демократическій институтъ, а институтъ провуловъ олигархическій. Но значеніе института вулевтовъ падаетъ въ тѣхъ демократіяхъ, гдѣ самъ народъ собирается для обсужденія всѣхъ дѣлъ. Это обыкновенно бываетъ тамъ, гдѣ народъ владѣетъ достаточными средствами, или гдѣ за участіе въ народномъ собраніи даютъ плату. Такимъ образомъ, пользуясь значительнымъ досугомъ, народъ часто имѣетъ собранія и обо всѣхъ своихъ дѣлахъ судитъ самъ. Лицо, обязанное надзирать за поведеніемъ дѣтей и женщинъ, и всякое другое подобное правительственное лицо есть порожденіе аристократической среды, а не демократической. Потому что можно ли, напримѣръ, женамъ бѣдныхъ людей запретить выходъ изъ дому? Эти лица не имѣютъ также мѣста и въ олигархической средѣ; потому что жены олигарховъ обыкновенно ведутъ роскошную жизнь. Но объ этомъ пока довольно.

Теперь постараемся основательно разсмотрѣть различныя способы утвержденія правительственныхъ лицъ въ государствѣ. Въ системѣ утвержденія этихъ лицъ есть три различ-

ныя стороны: та или другая комбинація ихъ исчерпываетъ собою всѣ способы этой системы. Эти три стороны суть: вопервыхъ, кто назначаетъ, вовторыхъ, изъ кого назначаются, и въ третьихъ, какъ назначаются правительственныя лица. Каждая изъ этихъ трехъ сторонъ системы, въ свою очередь, имѣетъ по три различія. Такъ, или всѣ граждане избираютъ правительственныхъ лицъ, или только нѣкоторые, далѣе, или изъ всѣхъ, или только изъ нѣкоторыхъ, право которыхъ на избраніе опредѣляется или цензомъ, или происхожденіемъ, или личнымъ достоинствомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Такъ въ Мегарѣ [3]) на правительственныя должности избирали только тѣхъ гражданъ, которые, соединившись вмѣстѣ, воевали противъ демократіи. Наконецъ, правительственныхъ лицъ можно назначать или по выбору, или по жребію. Соединяя между собою эти различія, мы получаемъ еще по одному различію на каждую изъ сторонъ системы. Такъ, одни правительственныя лица избираются только нѣкоторыми гражданами, а другія всѣми; одни изъ числа всѣхъ, а другія изъ числа нѣкоторыхъ; одни назначаются по выбору, а другія по жребію. Всѣ эти различія опять могутъ комбинироваться четверояко. Такъ, правительственныя лица назначаются или всѣми гражданами изъ среды всѣхъ по выбору, или всѣми изъ среды всѣхъ по жребію, притомъ, изъ среды всѣхъ, или по частямъ, такъ, напримѣръ, по филамъ и фратріямъ, пока выборъ не обойдетъ наконецъ всѣхъ гражданъ, или всегда изъ среды всѣхъ гражданъ вмѣстѣ; (за тѣмъ, или всѣми гражданами изъ нѣкоторыхъ только по выбору, или всѣми изъ нѣкоторыхъ только по жребію). Или, наконецъ, такимъ образомъ назначаютъ только на однѣ правительственныя должности, а на другія назначаютъ иначе. Далѣе, если избиратели только нѣкоторые граждане, то — или изъ всѣхъ по выбору, или изъ всѣхъ по жребію, или изъ нѣкоторыхъ по выбору, а изъ нѣкоторыхъ по жребію, или на однѣ такъ, а на другія иначе, т.-е. на однѣ изъ всѣхъ по выбору, а на другія по жребію. Такимъ образомъ, кромѣ двухъ первыхъ комбинацій, у насъ есть еще двѣнадцать способовъ для наз-

3) Мегара, дорическій городъ близь Аттики. Событіе, на которое указываетъ здѣсь Аристотель, относится къ 446-му году, до Р. Х. См. Фукид. IV, 72.

наченія правительственныхъ лицъ. Два изъ нихъ суть демократическаго свойства, именно когда всѣ граждане назначаютъ правительственныхъ лицъ изъ среды всѣхъ же по выбору, или по жребію, или тѣмъ и другимъ способомъ, т.-е. однихъ по жребію, а другихъ по выбору; но когда не всѣ граждане участвуютъ въ назначеніи правительственныхъ лицъ изъ всѣхъ ли, или только изъ нѣкоторыхъ, по жребію, или по выбору, или тѣмъ и другимъ способомъ; или, когда однихъ правительственныхъ лицъ назначаютъ изъ среды всѣхъ гражданъ, а другихъ только изъ нѣкоторыхъ, употребляя при этомъ тотъ и другой способъ (т.-е. одни назначаются по жребію, а другіе по выбору); то такая система назначенія правительственныхъ лицъ носитъ на себѣ вообще республиканскій характеръ. Впрочемъ, когда правительственныя лица назначаются изъ среды всѣхъ гражданъ только нѣкоторыми, притомъ такъ, что одни по выбору, а другіе по жребію, то эта система, хотя также республиканская, но уже болѣе свойственна олигархіи. Собственно же олигархическая система состоитъ въ томъ, что на государственныя должности назначаются только нѣкоторые граждане и изъ среды нѣкоторыхъ, все равно — по выбору или по жребію, или тѣмъ и другимъ способомъ. Но когда нѣкоторые назначаютъ правительственныхъ лицъ изъ среды всѣхъ гражданъ, то эта система уже не олигархическая; когда же всѣ назначаютъ только изъ нѣкоторыхъ, притомъ не иначе какъ по выбору, то эта система чисто аристократическая. Итакъ, вотъ сколько способовъ для назначенія правительственныхъ лицъ, и вотъ какъ распредѣляются они по разнымъ формамъ политическаго устройства. Но какой способъ назначенія приличенъ въ томъ и другомъ случаѣ, и какъ вообще должна быть организована система назначенія правительственныхъ лицъ, это будетъ для насъ вполнѣ ясно, если мы обратимъ вниманіе на значеніе той и другой правительственной должности. Такъ, напримѣръ, одна должность состоитъ въ наблюденіи за доходами государства, другая за безопасностію гражданъ; или, напримѣръ, должность стратега, по значенію своему, совершенно разнится отъ должности того правительственнаго лица, вѣдѣнію котораго подлежатъ дѣла по договорнымъ обязательствамъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Судебный институтъ и виды его; система избранія судей.

Намъ остается еще сказать о судебномъ институтѣ, какъ о третьей основной части каждаго политическаго устройства; и здѣсь, какъ прежде, возьмемъ во вниманіе различные способы организаціи этого института. Различіе въ устройствѣ судовъ падаетъ на три пункта: изъ кого назначаются судьи, для какихъ дѣлъ и какимъ образомъ; изъ кого т.-е. изъ всѣхъ ли гражданъ, или изъ нѣкоторыхъ; для какихъ дѣлъ т.-е. сколько должно быть видовъ суда; что же касается до образа назначенія судей, то это значитъ: должны ли судьи быть назначаемы по жребію, или по выбору. Сперва опредѣлимъ виды суда. Всѣхъ судовъ, по числу, восемь: вопервыхъ, судъ, отчету котораго подлежатъ правительственныя лица; вовторыхъ, судъ надъ нарушителями общественныхъ интересовъ; въ третьихъ, судъ надъ тѣми, которые дѣлаютъ какія-либо нововведенія въ политическомъ устройствѣ государства; въ четвертыхъ, судъ для разбирательства споровъ между правительственными и частными лицами касательно взиманія пошлинъ; въ пятыхъ, судъ для разбора частныхъ сдѣлокъ, имѣющихъ особенную важность; кромѣ того, уголовный судъ и далѣе, судъ, которому подлежатъ дѣла, касающіяся чужестранцевъ. Виды уголовнаго суда — въ нихъ или одни и тѣже дикасты, или разные — суть: судъ надъ уголовными преступленіями преднамѣренными и не произвольными; далѣе, судъ надъ такими преступленіями, которыя хотя оправдываются всѣми, какъ фактъ, но относительно которыхъ расходятся во мнѣніяхъ, по вопросу о правѣ; потомъ, четвертый видъ уголовнаго суда — это судъ надъ тѣми, которые уже подлежатъ наказанію за убійства, таковъ, напримѣръ, въ Аѳинахъ судъ въ Фреаттѣ [1].

---

1) Этотъ судъ состоялъ въ слѣдующемъ: если преступникъ, наказанный уже уголовнымъ судомъ, былъ обвиняемъ въ новомъ уголовномъ преступленіи, то для оправданія своего онъ долженъ былъ подъѣхать въ лодкѣ къ берегу Пирея, гдѣ засѣдали судьи, и не ступая на землю, излагать предъ ними свои оправданія. Что же касается до самого имени: въ Фреаттѣ (ἐν Φρεαττοῖ), то, происходя отъ слова φρέαρ колодезь, оно означаетъ мѣсто при колодезѣ. Такъ говоритъ Павсаній: ἔστι δὲ τοῦ Πειραιῶς πρὸς θαλάσσῃ Φρεαττύς (1. 28). Впрочемъ,

Но такихъ случаевъ и въ большихъ государствахъ бываетъ, вообще, мало. Что же касается до суда относительно чужестранцевъ, то онъ бываетъ двухъ видовъ: одинъ, которому подлежатъ дѣла между одними лишь чужестранцами, и другой, разбирающій дѣла чужестранцевъ съ горожанами. Наконецъ, въ восьмыхъ, кромѣ всѣхъ этихъ судовъ, есть еще судъ для разбора малыхъ сдѣлокъ отъ одной драхмы до пяти, или нѣсколько болѣе. Подобныя дѣла также требуютъ разрѣшенія, хотя онѣ и не подлежатъ обсужденію большаго числа дикастовъ. Но оставляя въ сторонѣ, какъ эти, такъ и уголовные суды, равно и суды касающіеся чужестранцевъ, обратимъ вниманіе только на гражданскіе суды, дурная организація которыхъ ведетъ обыкновенно къ политическимъ возмущеніямъ и волненіямъ. Во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ право суда принадлежитъ или всѣмъ гражданамъ, при томъ, по выбору, или по жребію, или, при общемъ правѣ всѣхъ быть судьями во всѣхъ дѣлахъ, для однихъ дѣлъ судьи избираются по жребію, а для другихъ по выбору, или, наконецъ, для рѣшенія нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ, одни лица назначаются по жребію, а другія по выбору. Итакъ, всѣ граждане могутъ участвовать въ судахъ четырьмя способами; столько же способовъ и для участія только нѣкоторой части гражданъ. Такъ, для всѣхъ судебныхъ дѣлъ судьи назначаются только изъ нѣкоторыхъ гражданъ по выбору, или по жребію, или для однихъ дѣлъ по жребію, а для другихъ по выбору; или, наконецъ, нѣкоторые суды для тѣхъ же самыхъ дѣлъ составляются изъ лицъ, назначенныхъ, какъ по жребію, такъ и по выбору. Эти послѣдніе четыре способа избранія судей, какъ сказано, вполнѣ соотвѣтствуютъ четыремъ верхнимъ. Но всѣ эти различія могутъ быть соединены въ одной системѣ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые суды могутъ быть составлены изъ лицъ, избранныхъ изъ среды всѣхъ гражданъ, другіе — только изъ нѣкоторыхъ, а иные, какъ изъ всѣхъ, такъ и изъ нѣкоторыхъ — т. е. члены одного и того же суда, частію, могутъ быть назначены изъ среды всѣхъ гражданъ, частію, только изъ нѣкоторыхъ; далѣе, члены такъ или иначе составленнаго суда назначаются или по жребію, или по выбору, или тѣмъ и дру-

---

другіе производятъ это слово отъ имени какаго-то героя Фреаттиса. См. Шлоссеръ также Abtheil. 3. стр. 119.

гимъ способомъ. Итакъ, доселѣ мы сказали о томъ, сколько можетъ быть способовъ, для организаціи судовъ. Суды перваго рода, члены которыхъ избираются изъ всѣхъ гражданъ и вѣдѣнію которыхъ подлежатъ всѣ судебныя дѣла, суть суды демократическаго характера; суды же втораго рода, которыхъ судьи, назначаемые только изъ нѣкоторыхъ гражданъ, рѣшаютъ всѣ судебныя дѣла въ государствѣ, суть суды олигархическіе; наконецъ, аристократическаго и республиканскаго характера суть суды третьяго рода, таковы тѣ суды, члены которыхъ назначаются частію изъ всѣхъ гражданъ, частію изъ нѣкоторыхъ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Необходимость комбинаціи разныхъ правительственныхъ учрежденій для образованія болѣе прочнаго политическаго быта. Характеръ демократіи: свобода и различныя ея опредѣленія; учрежденія свойственныя демократіи. Вопросъ о равенствѣ. Критика принциповъ олигархіи и демократіи.

Выше мы указали на различіе совѣщательной и верховной власти въ государствѣ и говорили объ организаціи правительственныхъ должностей, о судахъ; мы указали также и на то, какъ разные правительственные институты измѣняются въ томъ или другомъ политическомъ устройствѣ; далѣе, мы говорили объ источникахъ и причинахъ, какъ разрушенія, такъ и сохраненія каждой формы политическаго устройства [1]. Но такъ какъ есть нѣсколько видовъ какъ демократическаго, такъ и всякаго другаго политическаго устройства, то теперь не худо будетъ обратить намъ вниманіе свое на то, что̀ по этому вопросу осталось пока у насъ въ сторонѣ, и опредѣлить истинную норму, свойственную каждой формѣ политическаго устройства въ отдѣльности. Затѣмъ, мы должны разсмотрѣть

1) Изслѣдованіе объ условіяхъ сохраненія и разрушенія политическаго быта государствъ составляетъ, по нашему расположенію, содержаніе слѣдующей книги, которая, по обыкновенному счету, предшествуютъ нашей седьмой. Но такъ какъ все содержаніе седьмой книги ни мало не предполагаетъ извѣстнымъ взгляда Аристотеля на условія сохраненія и разрушенія государствъ, то С.-Илеръ (тамъ же стр. 361) справедливо думаетъ, что упоминаніе объ этомъ въ настоящемъ случаѣ есть простая интерполяція.

всѣ способы комбинаціи тѣхъ правительственныхъ системъ, которыя, какъ мы сказали, дѣйствуютъ въ той или другой формѣ политическаго устройства. Благодаря этимъ комбинаціямъ, та или другая форма политическаго устройства уступаетъ своему основному принципу, такъ что аристократія принимаетъ видъ олигархіи, а республика — видъ демократіи. Въ примѣръ этихъ комбинацій укажу на слѣдующее: положимъ, напримѣръ, что законодательный институтъ и избраніе правительственныхъ лицъ организованы въ олигархическомъ духѣ, а судебный институтъ имѣетъ аристократическій характеръ; или послѣдній, вмѣстѣ съ институтомъ законодательнымъ, организованъ олигархически, а система избранія властей принята аристократическая; или, наконецъ, институты эти комбинируются какимъ либо другимъ образомъ, но во всякомъ случаѣ такъ, что въ данномъ политическомъ устройствѣ существуютъ не одни только тѣ институты, которые ему лишь свойственны.

Выше мы говорили уже о томъ, какому государству приличенъ какой видъ демократіи, или олигархіи, и всякая другая форма политическаго устройства. Но этого мало: имѣя болѣе или менѣе ясное представленіе о наилучшей для каждаго государства формѣ политическаго устройства, мы должны также указать и на способъ образованія каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Сперва мы будемъ говорить о демократіи, но вмѣстѣ съ этимъ, мы уяснимъ себѣ и противуположную ей форму — олигархію. Чтобы разъяснить вопросъ о демократіи, мы должны обратить вниманіе на всѣ тѣ элементы, которые дѣйствуютъ въ этой формѣ государственнаго быта, и не упускать изъ виду того, что, по общему мнѣнію, непремѣнно сопутствуетъ всякой демократіи. Вслѣдствіе различнаго соединенія элементовъ, одна демократія является во многихъ и различныхъ видахъ. Это различіе формъ демократіи зависитъ отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, отъ того, что самые народы, какъ мы уже говорили, бываютъ различны; такъ, одинъ народъ занимается земледѣліемъ, другой ремеслами, а иной нанимается на работу. Возьмемъ двѣ демократіи: въ одной изъ нихъ, населеніе перваго рода соединяется съ населеніемъ втораго, а въ другой, къ этимъ двумъ населеніямъ присоединяется еще населеніе третьяго рода — обѣ эти демократіи различаются другъ отъ друга не только качествомъ, но и ви-

домъ. Вторая причина различія демократій состоитъ въ разнообразной комбинаціи тѣхъ учрежденій, которыя вытекаютъ изъ натуры демократіи и составляютъ, по видимому, элементъ этой формы политическаго устройства. Въ одной демократіи учрежденія эти существуютъ въ меньшемъ числѣ, въ другой — въ большемъ, а иногда и всѣ безъ исключенія. Выяснить себѣ натуру каждаго изъ этихъ учрежденій, безъ сомнѣнія, полезно, какъ для организаціи всякой новой формы политическаго устройства, такъ и для исправленія прежней. Организуя какое-либо политическое устройство, обыкновенно стараются совмѣстить въ немъ всѣ тѣ институты, которые свойственны ему, по его основному началу, но такой образъ дѣйствія ошибоченъ, какъ сказано это было выше, въ ученіи о разрушеніи и сохраненіи формъ политическаго устройства[2]). Но обратимъ вниманіе на основаніе, характеръ и цѣль каждаго политическаго устройства.

Основное начало демократическаго устройства есть свобода. Такъ обыкновенно говорятъ, потому что будто бы, только въ этой формѣ политическаго устройства, граждане пользуются настоящей свободой; ибо, по словамъ демократовъ, цѣль всякой демократіи есть свобода. Первое выраженіе этой свободы состоитъ въ томъ, что граждане, по очередно, и подчиняются власти, и сами властвуютъ; потому что справедливое въ демократическомъ смыслѣ есть равенство, основанное на числѣ, а не на достоинствѣ; при такомъ опредѣленіи справедливаго, верховная власть необходимо должна принадлежать массѣ, такъ что то только и законно, то только и справедливо, что̀ кажется большинству, ибо каждый гражданинъ, говорятъ демократы, долженъ имѣть равное право. Вслѣдствіе

---

2) Это второе указаніе на содержаніе слѣдующей книги, какъ на нѣчто уже извѣстное, не должно, конечно, возбуждать насъ къ тому, чтобы принять прежній порядокъ размѣщенія книгъ Политики, потому что этотъ порядокъ, подтверждаемый въ настоящемъ случаѣ, противорѣчитъ общему плану сочиненія, тѣмъ болѣе что въ III книгѣ въ 5 гл. также находится указаніе на то, что сохраненіе каждой формы политическаго быта вовсе не зависитъ отъ развитія его исключительно въ томъ, или другомъ направленіи. По этому, и въ настоящемъ случаѣ, слова: «въ ученіи о сохраненіи и разрушеніи формъ политическаго устройства», можно, кажется, какъ дѣлаетъ С.-Илеръ, признать также за простую интерполяцію.

этого, въ демократіяхъ верховная власть принадлежитъ бѣднымъ, а не богатымъ, потому что ихъ больше, а что кажется большинству, то и должно имѣть значеніе верховной власти. Итакъ, вотъ первое выраженіе свободы, на которое демократы смотрятъ, какъ на основное опредѣленіе этой формы политическаго устройства. Другое выраженіе этой свободы состоитъ въ возможности жить каждому такъ, какъ ему хочется Эта возможность, говорятъ они, конечно есть результатъ свободы; потому рабъ не можетъ жить такъ, какъ ему угодно. Итакъ, вотъ еще второе опредѣленіе демократіи; изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что въ демократіи гражданинъ не подчиняется никому, а если и подчиняется, то съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, властвовать и самому. Такимъ образомъ, это второе выраженіе демократической свободы совпадаетъ съ тою свободою, которая основана на равенствѣ. Изъ этихъ основныхъ положеній демократіи и изъ этого принципа свободы проистекаютъ слѣдующія демократическія постановленія: всѣ правительственныя лица избираются изъ всѣхъ гражданъ; всѣ властвуютъ надъ каждымъ, и каждый, въ свою очередь — надъ всѣми; избраніе на всѣ правительственныя должности, или, покрайней мѣрѣ, на тѣ, для которыхъ не нужно особенной опытности и умѣнья, совершается по жребію; занятіе правительственныхъ должностей не опредѣляется никакимъ цензомъ, или развѣ самымъ малымъ; одно и тоже лицо дважды не можетъ занимать никакой власти, или, если можетъ, то рѣдко, и то незначительную власть, исключая, конечно, власти военной; пользованіе всѣми властями, или, покрайней мѣрѣ, по возможности всѣми, должно быть непродолжительно; судьями могутъ быть всѣ и избираются изъ всѣхъ гражданъ; суду ихъ подлежатъ или всѣ дѣла, или большая часть, притомъ, дѣла важнѣйшія и самыя значительныя; таковы отчеты государственнаго управленія, государственные и частные договоры; народное собраніе имѣетъ верховную власть во всѣхъ дѣлахъ, и преимуществу, въ дѣлахъ важныхъ, такъ что всякая другая власть не признается ни въ какихъ дѣлахъ, или только въ самыхъ маловажныхъ. Одно изъ учрежденій, наиболѣе соотвѣтствующихъ духу демократіи — это вула [3]), особенно имѣющая

3) Здѣсь подъ именемъ вулы разумѣется собраніе выборныхъ изъ народа, учрежденіе демократическое, которому въ олигархіяхъ соотвѣтствуетъ институтъ провуловъ, о чемъ говорилъ Аристотель въ кн. VI. гл. 12.

мѣсто тамъ, гдѣ плату за присутствіе въ народномъ собраніи получаютъ не всѣ, потому что иначе и власть вулы теряетъ всякое значеніе; получая достаточное жалованье, народъ, какъ сказали мы въ предыдущемъ изслѣдованіи, беретъ на себя рѣшеніе всѣхъ вопросовъ государственной жизни. За тѣмъ, къ установленіямъ демократіи относятся: плата жалованья, по возможности, всѣмъ членамъ народнаго собранія, судьямъ, административнымъ властямъ; или, покрайней мѣрѣ, послѣднимъ двумъ, а также сенату и членамъ постояннаго народнаго собранія, и наконецъ, тѣмъ лицамъ, которыя обязаны держать общій столъ. Если олигархія опредѣляется породою людей, ихъ богатствомъ и образованіемъ, то черты демократическаго общества, повидимому, совершенно противуположны имъ — таковы: незнатность рода, бѣдность, недостатокъ образованія. Что же касается до властей, то демократическій характеръ ихъ состоитъ въ томъ, что ни одна изъ нихъ не пожизненна; если же какая нибудь и сохранила эту привиллегію изъ древней формы государственнаго быта, то должно ограничить ея значеніе и, вмѣсто власти по выбору, сдѣлать ее властію по жребію. Итакъ, вотъ учрежденія, общія всѣмъ демократіямъ.

Благодаря тому понятію о справедливости, которое признается, съ точки зрѣнія демократіи — (именно, справедливое, въ демократическомъ смыслѣ, есть равенство всѣхъ, основанное только на числительности) — благодаря этому понятію, и существуетъ, кажется, демократія; на немъ-то и основывается власть народа. Это численное равенство ведетъ къ тому, что бѣдные не менѣе властвуютъ какъ и богатые, и верховная власть принадлежитъ не одной какой-либо части, но всѣмъ поровну. При этомъ, думаютъ демократы, достигаются равенство и свобода политической жизни.

Но здѣсь представляется вопросъ: какимъ образомъ можетъ быть достигнуто это равенство? должно ли для этого раздѣлить цензъ такъ, чтобы, напримѣръ, цензъ пятисотъ гражданъ быть равенъ цензу тысячи, и чтобы тысяча гражданъ имѣла, такимъ образомъ, равныя права съ пятью-стами граж-

данъ; или равенство, основанное на численности, должно быть достигнуто другимъ образомъ — именно такъ, чтобы изъ пяти сотъ и изъ тысячи граждан брать равное число, съ тѣмъ чтобы они только и имѣли право избирать власти и присутствовать въ судахъ. Итакъ такое ли, спрашивается, политическое устройство есть самое справедливое, съ точки зрѣнія демократіи, или то, гдѣ политическія права основываются просто на числѣ? Демократы говорятъ: справедливо только то, что думаетъ большинство, а приверженцы олигархіи считаютъ справедливымъ то, что признаютъ граждане, владѣющіе большимъ имуществомъ. По мнѣнію этихъ людей, количество имущества должно быть единственнымъ основаніемъ для права рѣшать вопросы общественной жизни. Но въ томъ и въ другомъ случаѣ, въ результатѣ будетъ неравенство и несправедливость. Если политическія права признать только за меньшинствомъ богатыхъ, то это должно вести къ признанію тиранніи; потому что, если изъ числа богатыхъ одинъ будетъ имѣть болѣе всѣхъ прочихъ, то, по олигархическому понятію о справедливости, этотъ одинъ только и долженъ властвовать. Если же оставить ихъ за численнымъ большинствомъ, то оно, какъ замѣчено выше, будетъ обижать меньшенство богатыхъ, отнимая у него имущество. Чтобы найдти такое равенство, которое признали бы тѣ и другіе, должно обратить вниманіе на то, чѣмъ въ глазахъ той и другой партіи опредѣляется политическое право. Обѣ онѣ говорятъ, что мнѣнія большинства гражданъ должны имѣть значеніе верховнаго закона. Мы допускаемъ это положеніе, но не безусловно — именно: такъ какъ государство состоитъ изъ двухъ частей — изъ богатыхъ и бѣдныхъ, то значеніе верховнаго закона должна имѣть воля и тѣхъ и другихъ, или большинство ихъ обоихъ. Если же мнѣнія той и другой стороны противоположны, то перевѣсъ долженъ быть на сторонѣ большинства тѣхъ, цензъ которыхъ больше. Положимъ, напримѣръ, что богатыхъ десять, а бѣдныхъ двадцать: шесть богатыхъ думаютъ такъ, а пятнадцать бѣдныхъ — иначе. Четверо богатыхъ присоединяются къ бѣднымъ, а пять бѣдныхъ — присоединяются къ богатымъ. На какой изъ этихъ двухъ сторонъ цензъ будетъ больше, мнѣніе той стороны и должно быть принято. Если же обѣ стороны, по цензу, будутъ равны между собою, то тогда будетъ точно такое же затрудненіе, какое случается и теперь, когда, напримѣръ, члены народнаго собранія, или суда раздѣляются на двѣ стороны. Въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ прибѣгать къ жребію, или къ другому какому-нибудь подобному средству. Но какъ ни трудно найдти истину, по вопросу о томъ что есть равное и справедливое, все же это легче, чѣмъ убѣдить въ ней тѣхъ, которые имѣютъ возможность обогащаться; потому что равенства и справедливости ищутъ всегда люди «малые,» а сильные нимало не заботятся объ этомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Устройство первой и наилучшей демократіи—земледѣльческой. Нѣкоторыя мѣры, чтобы сдѣлать народъ земледѣльческимъ. Характеристика послѣдующихъ видовъ демократіи. Средства, способствующія къ поддержанію крайней демократіи.

Изъ четырехъ видовъ демократіи наилучшая та, которая, въ ряду прочихъ занимаетъ первое мѣсто, какъ сказано было уже это въ предыдущихъ главахъ [1]. Она же и древнѣе другихъ. Первою въ ряду прочихъ я называю ее, сообразуясь съ тѣмъ раздѣленіемъ, которое принято мною для народа. Наилучшее народонаселеніе есть земледѣльческое; потому демократія можетъ быть всюду, гдѣ масса населенія живетъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. Не имѣя большой собственности, такой народъ не пользуется большимъ досугомъ, потому и не можетъ собираться часто; нуждаясь въ необходимомъ, онъ проводитъ свое время въ трудахъ и не вмѣшивается въ интересы, чуждые его текущей жизни: напротивъ, онъ гораздо болѣе желаетъ себѣ работы, чѣмъ политической дѣятельности, особенно если нѣтъ отъ нея большой прибыли. Потому что масса всегда больше стремится къ прибыли, чѣмъ къ почестямъ — и вотъ доказательство: древніе народы терпѣли тираннію, какъ теперь терпятъ олигархію, лишь бы только не мѣшали имъ имѣть работу и не отнимали у нихъ ихъ

---

1) Именно въ 7-гл. VI кн.

собственности. Потому что при этомъ нѣкоторые могутъ даже разбогатѣть, а другіе, по крайней мѣрѣ, не бѣдствуютъ. Если же народъ имѣетъ еще къ тому право выбирать правительственныя лица и требовать отъ нихъ отчетности, то это вполнѣ можетъ удовлетворить его честолюбіе; но если даже и не всѣ участвуютъ въ выборѣ правительственныхъ лицъ, а только нѣкоторые, избираемые изъ всѣхъ по очереди, какъ, напримѣръ, это было въ Мантинеѣ[2]), то для большинства достаточно имѣть право подавать только голосъ въ совѣщаніи о дѣлахъ государства. Но, конечно, и эту форму политическаго устройства, какова была когда-то въ Мантинеѣ, также должно считать за демократію.

Итакъ, по смыслу разбираемой нами демократіи, слѣдуетъ, — что̀ впрочемъ въ ней обыкновенно бываетъ — чтобы всѣ ея члены пользовались правомъ избирать правительственныхъ лицъ, требовать отъ нихъ отчетности и засѣдать въ судѣ, а высшія правительственныя власти должно предоставить выборнымъ, притомъ, или на основаніи ценза, такъ чтобы болѣе значительныя власти были обложены наибольшимъ цензомъ, или, не ставя ни одну власть въ зависимость отъ ценза, избирать на каждую по способности. Политическое устройство, организованное на такихъ началахъ, необходимо есть хорошее политическое устройство. Потому что при такомъ устройствѣ власть всегда будетъ находиться въ рукахъ наилучшихъ людей, которые, будучи избраны народомъ, какъ люди порядочные, не будутъ ненавистны ему. Это устройство можетъ удовлетворить также и людей образованныхъ и знатныхъ, потому что они будутъ находиться подъ властію людей, не худшихъ себя, и если сами получатъ власть, то будутъ пользоваться ею со всею справедливостью, потому что общество имѣетъ право требовать у нихъ отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Несомнѣнно, что быть подъ контролемъ и не имѣть возможности дѣлать всѐ что вздумается, вообще очень полезно. Потому что полная свобода дѣйствія не въ состояніи ограничить тѣхъ дурныхъ побужденій, какія,

2) Мантинея славный городъ Аркадіи. Древніе писатели свидѣтельствуютъ о достоинствѣ его законодательства. (См. Эліанъ II) Изъ словъ Аристотеля видно, что правленіе въ немъ имѣло нѣкоторую форму представительства.

естественно, есть въ каждомъ человѣкѣ. Отсюда слѣдуетъ, что самая благопріятная организація государства должна быть такова, чтобы правительственныя должности принадлежали людямъ образованнымъ, которые наименѣе прочихъ могутъ ошибаться, но въ тоже время, чтобы и права народа не были слишкомъ умалены. Итакъ, вотъ какова наилучшая демократія. Достоинство ея, очевидно, заключается въ самихъ качествахъ ея народонаселенія.

Что бы сдѣлать народъ земледѣльческимъ, для этого могутъ быть полезны нѣкоторые законы, существовавшіе прежде во многихъ государствахъ; этими законами не позволялось, напримѣръ, пріобрѣтать земли болѣе опредѣленной мѣры, или право пріобрѣтенія ограничивалось извѣстнымъ разстояніемъ отъ города. Въ старину, во многихъ государствахъ, былъ также законъ, запрещавшій продавать родовыя помѣстья. Нѣчто подобное имѣлъ въ виду законъ, который приписываютъ Оксилу; [3]) по силѣ этого закона каждый землевладѣлецъ могъ отдать въ аренду только нѣкоторую часть земли. Для поддержки земледѣльческаго сословія, можно также возстановить законъ Афитеевъ [4]). При многочисленности этого племени, хотя количество земли, находившейся въ его владѣніи, было очень не велико, но за то всѣ Афитеи были земледѣльцы: дѣло въ томъ, что они платили подать не со всей поземельной собственности, а съ отдѣльныхъ небольшихъ участковъ, вслѣдствіе чего даже и бѣдные въ состояніи были владѣть поземельной соосвенностью въ большемъ количествѣ, чѣмъ сколько требовалось для ценза.

Послѣ земледѣльческаго народонаселенія, лучшее для демократіи то, которое ведетъ пастушескій образъ жизни и занимается скотоводствомъ. Такой образъ жизни близко подходитъ къ земледѣльческому; народъ, живущій такимъ образомъ, особенно бываетъ привыченъ къ военнымъ трудамъ и спо-

3) Оксилъ правитель въ Элеѣ; см. Павсаній кн. V. стр. 380.

4) Ἀφυταίων; другое чтеніе: Ἀφιτάλων. Лучшіе издатели ставятъ Ἀφιτάιων. Это имя упоминается у Гераклида понтійскаго, въ концѣ его сочиненія περὶ πολιτειῶν. Афитъ былъ городъ во Фракіи, какъ говорится у Ксенофонта (Hellenic V. III). Впрочемъ имя города, какъ и населенія разнообразно: Ἄφυτις, Ἀφύτη, Ἀφύτεια. Ἀφυτιεῖς, Ἀφυταῖοι, Ἀφυτεῖς и Ἀφυτήσιοι).

собенъ къ походной жизни. Что же касается до другихъ народовъ, изъ которыхъ состоятъ прочія демократіи, то почти всѣ они гораздо хуже тѣхъ двухъ. Народонаселеніе въ этихъ демократіяхъ ведетъ дурной образъ жизни, не соотвѣтствующій интересамъ добродѣтели; въ самомъ дѣлѣ, въ какой добродѣтели нуждается жизнь ремесленника, торговца, или наемника? Толчась на площадяхъ и на городскихъ улицахъ, эти люди привыкаютъ только къ сходкамъ; между тѣмъ, земледѣльцы, живя разсѣянно по всей странѣ, не сталкиваются другъ съ другомъ, да и не имѣютъ никакой нужды въ этихъ сходкахъ. Гдѣ территорія государства имѣетъ такое положеніе, что земля удобная для обработки лежитъ на дальнемъ разстояніи отъ города, тамъ легко организовать и хорошую демократію и хорошую республику, потому что, въ этомъ случаѣ, большинство населенія принуждено бываетъ жить на поляхъ, вдали отъ города; не должно допускать, чтобы экклесія въ этихъ демократіяхъ состояла только изъ уличной толпы, безъ участія сельскаго населенія. Итакъ, мы сказали о томъ, какъ должно организовать лучшую и первую въ ряду другихъ демократію. Изъ сказаннаго ясно, какъ должно поступать и при организаціи прочихъ демократій; именно—насколько народонаселеніе страны хуже, настолько и самая демократія должна уклоняться отъ своей первой и наилучшей формы; но худшую часть народа, во всякомъ случаѣ, должно удалять отъ государственныхъ дѣлъ. Крайняя же демократія, гдѣ всѣ граждане участвуютъ въ управленіи, не будучи примѣнима ко всякому государству, вообще не легко держится въ странѣ, если нѣтъ въ ней хорошихъ законовъ и обычаевъ. Что же касается до причинъ разрушенія какъ этой, такъ и прочихъ формъ политическаго устройства, то о большинствѣ ихъ мы сказали уже прежде. Чтобы организовать крайнюю демократію и усилить народъ политически, представители такого демократическаго устройства стараются обыкновенно доставить наибольшему числу лицъ въ государствѣ гражданскія права, и признаютъ гражданами не только законнорожденныхъ, но и незаконнорожденныхъ, даже тѣхъ, которые съ одной только стороны имѣютъ гражданское происхожденіе, т. е. или со стороны отца, или со стороны матери. Всѣ подобные люди очень склонны къ такой демократіи. Такъ обыкновенно поступаютъ демагоги. Но они забываютъ, что

массу народа слѣдуетъ увеличивать только до тѣхъ поръ, пока она не пересилитъ людей знатныхъ и людей средняго сословія. Превышая эту мѣру, демагоги тѣмъ самымъ разстроиваютъ политическій бытъ государства, подстрекая знатныхъ противъ этой столь тяжелой для нихъ демократіи. Такъ, дѣйствительно, произошло возстаніе въ Киренѣ[5]). Малое зло проходитъ мимо глазъ, а являясь въ большомъ видѣ, оно болѣе кидается въ глаза. Для организаціи демократіи, полезна еще и та мѣра, которой пользовался Клисѳенъ[6]) въ Аѳинахъ, желавшій усилить тамошнюю демократію, и къ которой прибѣгали также основатели демократіи въ Киренѣ. Эта мѣра состоитъ въ томъ, чтобы въ большемъ числѣ дѣлать новыя филы и фратріи, а частныя религіозныя общины соединять вмѣстѣ, и такимъ образомъ, уменьшая ихъ количество, въ тоже время дѣлать ихъ болѣе публичными, и вообще изобрѣтать все то, вслѣдствіе чего отношенія гражданъ должны перепутаться и прежнія факціи разрушиться. Сверхъ того, всѣ тиранническія мѣры, кажется, могутъ быть полезны для демократіи: таковы, напримѣръ, распущенность жизни рабовъ (что до нѣкоторой степени, дѣйствительно, можетъ быть полезно) а также женщинъ и дѣтей, и вообще позволеніе каждому жить какъ ему угодно; тогда, конечно, увеличится число приверженцевъ этого политическаго устройства, потому что большинству гораздо пріятнѣе жить распущенно, чѣмъ регулярно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мѣры для сохраненія демократіи.

Но дѣло законодателя и организатора такой формы политическаго быта состоитъ не только въ томъ, чтобы основать лишь ее, но гораздо болѣе въ томъ, чтобы придумать средства для ея сохраненія. Просуществовать два или три дня

5) Это возстаніе разсказано у Діодора. Кн. XIV. стр. 669.
6) О Клисѳенѣ мы говорили въ примѣч. къ III кн. 1 г.г. Полит.

не трудно ни для какаго правительства. Но чтобы сдѣлать политическое устройство незыблемымъ, для этого должно выяснить себѣ предварительно тѣ условія, которыя способствуютъ какъ къ сохраненію, такъ и къ разрушенію того или другаго политическаго устройства,—о чемъ мы уже разсуждали выше—и устраняя все дѣйствующее разрушительно, даровать государству такіе законы, какъ писанные, такъ и не писанные, въ которыхъ бы какъ можно болѣе было элементовъ, охраняющихъ конституцію. При этомъ, не должно думать, что для демократіи, или для олигархіи полезно только то, что̀ дѣлаетъ государство наиболѣе демократическимъ, или олигархическимъ; напротивъ, гораздо полезнѣе для нихъ то, что̀ въ состояніи сохранить ихъ на болѣе долгое время.

Въ наше время, напримѣръ, многіе демагоги, угождая народу, дѣлаютъ въ его пользу, посредствомъ суда, большія конфискаціи, но люди, заботящіеся о сохраненіи политическаго устройства, очевидно, должны дѣйствовать совершенно иначе; именно, они должны узаконить, что имущество лицъ, обвиненныхъ судомъ, имущество, конфискуемое въ пользу общества, нисколько не принадлежитъ лично самому народу, но должно быть употреблено на дѣла религіозныя. Такая мѣра ни чуть не менѣе будетъ удерживать отъ противузаконности, (потому что лица, поступающія незаконно, все равно, будутъ подлежать взысканію), а между тѣмъ толпа, не имѣя въ виду получить что-нибудь, менѣе будетъ чувствовать охоты присуждать своими псифизмами подсудимыхъ къ наказанію. Кромѣ того, всегда должно стараться о томъ, чтобы къ суду народа обращаться, какъ можно рѣже; средствомъ для этого можетъ служить большой штрафъ съ тѣхъ, которые сдѣлаютъ неправильное обвиненіе, что̀ случается нерѣдко, потому что обвиненію въ этихъ судахъ обыкновенно подлежатъ не приверженцы народа, но люди знатные. Сверхъ того, по возможности, должно стараться и о томъ, чтобы всѣ граждане были расположены къ существующему политическому устройству, или, по крайней мѣрѣ, должно стараться не имѣть врагами его тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе сильны. Что касается до крайней демократіи, то здѣсь, по причинѣ многолюдности, трудно бываетъ не платить народу за присутствіе въ народномъ собраніи, къ чему знатные люди относятся, конечно, враждебно, особенно въ томъ случаѣ, если

государство не имѣетъ своихъ собственныхъ доходовъ. Потому что, въ этомъ случаѣ, государство необходимо должно получать доходъ отъ контрибуцій, отъ конфискацій, которыя присуждаются несправедливыми судами — злоупотребленія, разрушившія уже много демократій Итакъ, гдѣ государство не имѣетъ своихъ собственныхъ законовъ, тамъ народныя собранія должны быть не такъ часто, равно и суды должны быть не продолжительны. Это полезно, вопервыхъ, въ томъ отношеніи, что богатымъ при этомъ нечего бояться большихъ издержекъ, если только плата за засѣданіе въ судѣ, будетъ идти людямъ недостаточнымъ, а не тѣмъ, которые имѣютъ состояніе, и вовторыхъ, это полезно и въ томъ отношеніи, что при этомъ самыя тяжбы должны рѣшаться гораздо лучше; потому что люди съ состояніемъ, не желая отрываться отъ своихъ занятій на нѣсколько дней, могутъ пожертвовать для общей пользы лишь только нѣкоторое время. Но гдѣ государство имѣетъ достаточные доходы, тамъ не слѣдуетъ поступать такъ, какъ поступаютъ современные демагоги: они раздаютъ народу остатки государственныхъ доходовъ; народъ получаетъ деньги, но скоро снова начинаетъ чувствовать въ нихъ нужду, потому что оказывать такую помощь бѣднымъ — тоже что лить воду въ бочку съ дырой. Впрочемъ, истинный другъ народа долженъ обращать вниманіе на то, чтобы масса была не очень бѣдна; потому что бѣдность массы есть причина погибели демократіи. Но для этой цѣли должно придумать такія средства, которыя бы обезпечивали благосостояніе массы на болѣе долгое время. А если такъ, то въ интересѣ даже самихъ богатыхъ, остатки государственныхъ доходовъ должно дѣлить на бѣдныхъ, раздавая, по возможности, деньги въ такомъ количествѣ, сколько нужно каждому для пріобрѣтенія себѣ участка земли, или, по крайней мѣрѣ, для открытія какой-либо торговли и для занятія земледѣліемъ. Если нельзя раздѣлить на всѣхъ заразъ, то можно дѣлить по очереди, по филамъ, или по другимъ какимъ-либо частямъ. Между тѣмъ, плату народу, за присутствіе его въ народномъ собраніи, должны жертвовать люди достаточные, за что, конечно они должны быть освобождаемы отъ разныхъ безполезныхъ литургій. Дѣйствуя такими мѣрами, правительство въ Карѳагенѣ нашло себѣ друга въ народѣ. Высылая нѣкоторую часть народа въ прилежащія области своей страны, оно доставило ему, такимъ

образомъ, состояніе. Люди высшаго сословія поступаютъ гуманно и разумно, когда, раздѣляя между собою бѣдныхъ и снабжая ихъ нужными средствами, возбуждаютъ ихъ къ работѣ. Въ этомъ случаѣ, хорошо подражать Тарентинцамъ: дозволяя бѣднымъ пользоваться общественнымъ имуществомъ, они, такимъ образомъ, пріобрѣли себѣ благорасположеніе массы. Кромѣ того, всѣ правительственныя должности они раздѣлили на двѣ части: на одни назначали по выбору, а на другія по жребію — по жребію для того, чтобы допустить къ нимъ и народъ, а по выбору для того, чтобы государство управлялось наилучшимъ образомъ. Эту же самую мѣру не худо примѣнить къ одной и той же правительственной должности, раздѣливъ участниковъ ея такъ, чтобы одни изъ нихъ назначались по жребію, а другіе по выбору. Итакъ, мы сказали доселѣ о томъ, какимъ образомъ должно организовать демократію.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мѣры для сохраненія олигархій. Отношеніе разныхъ военныхъ силъ къ разнымъ формамъ политическаго устройства.

Изъ всего сказаннаго легко понять и то, какъ должно поступать, относительно олигархій: именно, въ каждую олигархію должно вводить такія учрежденія, которыя были бы противоположны учрежденіямъ соотвѣтствующей ей демократіи; такъ, напримѣръ, должно организовать и ту олигархію, которая, изъ числа всѣхъ прочихъ, особенно хорошо можетъ быть комбинирована въ своихъ частяхъ и занимаетъ между ними первое мѣсто; эта олигархія всего ближе подходитъ къ такъ называемой республикѣ. Здѣсь цензъ долженъ быть раздѣленъ на два вида: на меньшій и большій — меньшій для тѣхъ, которые хотятъ занять необходимыя правительственныя должности, а большій, какъ условіе для высшей правительственной власти. Пріобрѣтеніе имущества, требуемаго по цензу, должно давать гражданамъ право на участіе въ дѣлахъ государства; при этомъ должно стараться допускать къ правительственнымъ должностямъ, посредствомъ ценза, такую массу народа, чтобы правительство, въ соединеніи съ нею, было сильнѣе тѣхъ, которые не участвуютъ въ дѣлахъ государства. Но при всемъ томъ, только лучшую часть народа можно допускать къ участію въ дѣлахъ государства. Подобнымъ же образомъ должно организовать и всякую другую олигархію, съ тѣмъ только различіемъ, чтобы предѣлы власти простирались въ нихъ на меньшее число лицъ. Что же касается до той олигархіи, которая соотвѣтствуетъ крайней демократіи, и которая, по преимуществу предъ всѣми другими, болѣе держится на силѣ, такъ что, по натурѣ своей, она самая тиранническая, то, будучи хуже прочихъ, она нуждается въ наибольшей охранѣ, чѣмъ всѣ другія. Какъ тѣло, хорошо сложенное въ отношеніи здоровья, или какъ корабли, хорошо построенные для плаванія и снабженные хорошими матросами, могутъ переносить большія невзгоды, не разрушаясь отъ этого; напротивъ, тѣла болѣзненныя и корабли, не хорошо сплоченные и снабженные дурными матросами, не могутъ перенести и малыхъ невзгодъ; точно также худшія формы политическихъ устройствъ нуждаются въ наибольшей охранѣ. Охрана демократій заключается вообще въ ихъ многолюдности. Здѣсь право большинства замѣняетъ право, основанное на личномъ достоинствѣ; а олигархія, напротивъ, можетъ найдти себѣ охрану только въ хорошемъ политическомъ устройствѣ.

Такъ какъ масса народа, главнымъ образомъ, состоитъ изъ четырехъ частей: изъ земледельцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ и наемниковъ, и такъ какъ, далѣе, четыре вида войска необходимы для войны — именно: конница, оплиты [1]), пѣхота и флотъ, посему тамъ, гдѣ страна пригодна для содержанія лошадей, естественно, можно организовать очень сильную олигархію, потому что здѣсь охрана государства находится въ рукахъ этой силы (конницы), а содержаніе лошадей возможно только для тѣхъ, которые владѣютъ большими имѣніями. А гдѣ войско состоитъ изъ оплитовъ, тамъ хотя менѣе сильная, но также возможна олигархія, потому что и оплитами скорѣе могутъ быть люди богатые, чѣмъ бѣдные, но пѣхота и флотъ суть собственно демократическія силы. При томъ нельзя не замѣтить, что часто и большое количество людей, составляю-

1) Оплитами называлось тяжело вооруженное войско.

щихъ эти силы, въ случаѣ возстанія, оказывается хуже своихъ соперниковъ. Какъ средство доставить имъ перевѣсъ, можно рекомендовать ту мѣру, къ которой прибѣгають военные стратеги: къ конницѣ съ оплитами они присоединяютъ обыкновенно нѣкоторое количество легко вооруженныхъ. При этомъ, народъ, дѣйствительно, можетъ имѣть перевѣсъ въ междоусобной войнѣ надъ богатыми; потому что, въ легкомъ вооруженіи ему удобнѣе сражаться и съ конницею и съ оплитами. Слѣдовательно, если олигархи формируютъ пѣхоту изъ низшихъ классовъ народа, то формируютъ ее противъ себя самихъ. Но такъ какъ люди различаются другъ отъ друга по возрасту, то сыновьямъ олигарховъ, во время ихъ молодости, самимъ прилично обучаться легкимъ экзерциціямъ пѣхоты, съ тѣмъ чтобы, по выходѣ изъ дѣтскаго возраста, они сами были знатоками этого дѣла. Къ участію же въ политической дѣятельности должны быть допущены изъ среды массы или тѣ, которые, какъ сказано, владѣютъ опредѣленнымъ, по цензу, имуществомъ, или, какъ у Ѳивянъ [2]), тѣ, которые въ продолженіе извѣстнаго времени не занимаются ванавсическими работами, или, наконецъ, какъ въ Массаліи [3]), раздавать государственныя должности слѣдуетъ, на основаніи достоинства лицъ, безразлично какъ тѣхъ, которые допущены уже къ политической дѣятельности, такъ и тѣхъ, которые стоятъ еще внѣ ея. Что же касается до высшихъ правительственныхъ должностей, которыя должны быть поручаемы лицамъ, имѣющимъ дѣятельное участіе въ политикѣ государства, то ихъ должно соединить съ нѣкоторыми литургіями, для того чтобы народъ охотно отказывался отъ занятія этихъ должностей и добровольно уступалъ бы ихъ тѣмъ, которые уже властвуютъ, такъ какъ они платятся за свою власть большими издержками. Лица, вступающія въ эти должности, должны приносить пышныя жертвы и построить что-нибудь на общую пользу, съ тѣмъ чтобы народъ, участвуя въ жертвенныхъ пирахъ и видя городъ, украшенный статуями и зданіями, съ довольствомъ смотрѣлъ на существующій порядокъ дѣлъ. А между тѣмъ, всѣ эти дѣла будутъ служить памятниками тѣхъ издержекъ, которыя высшія сословія понесли для общества. Но

2) См. выше III. 3.
3) См. ниже VIII. 5.

современные олигархи дѣйствуютъ не такъ, а совсѣмъ напротивъ: они столько же заботятся о своихъ матеріяльныхъ выгодахъ, какъ и о своей чести, посему эти олигархіи могутъ быть названы малыми демократіями. Итакъ, вотъ какимъ образомъ должно устроивать демократіи и олигархіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Виды административной власти въ государствѣ.

Теперь намъ слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ объ административныхъ властяхъ въ государствѣ, число ихъ, свойство каждой изъ нихъ и предѣлы, какъ замѣчено было объ этомъ уже прежде [1]). Какъ не можетъ быть государства безъ предержащей власти, такъ равно оно не можетъ быть хорошимъ государствомъ безъ тѣхъ властей, которыя бы заботились о его благоустройствѣ и порядкѣ. Въ малыхъ государствахъ, такихъ властей должно быть менѣе, а въ большихъ — болѣе, какъ уже мы имѣли случай замѣтить это прежде [2]). При этомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какія власти должны быть соединяемы въ одномъ лицѣ, и какія должны быть раздѣлены между отдѣльными лицами. Изъ числа необходимыхъ властей, прежде всего, должно упомянуть о власти, которая наблюдаетъ надъ агорой: агора должна быть поручена какому-либо лицу, который бы надзиралъ за всѣми торговыми сдѣлками и за благочиніемъ тамошняго общества. Всѣ государства одинаково заинтересованы обоюдными выгодами купли и продажи; торговля для каждаго изъ нихъ служитъ самымъ сильнымъ обезпеченіемъ той самостоятельности, въ интересахъ которой люди и соединяются между собою въ одно политическое цѣлое. Другая, родственная ей власть заботится о городскихъ нуждахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ: она наблюдаетъ за благоустройствомъ города, за сохраненіемъ и исправленіемъ разрушающихся зданій и дорогъ; она

1) Книг. VI. гл. 5.
2) Книг. VI. гл. 12.

охраняетъ взаимные предѣлы собственниковъ, чтобы они не были недовольны другъ другомъ; наконецъ, она простирается вообще на всѣ тѣ предметы, которые необходимы для благосостоянія города. Вообще, власть эта извѣстна подъ именемъ городской полиціи (астиноміи). Она обнимаетъ многія части, такъ что въ многолюдныхъ государствахъ, для каждой изъ нихъ назначаются особые люди; таковы люди, надсматривающіе за постройкой и поправкой городскихъ стѣнъ, резервуаровъ воды, потребной для города, и городскихъ пристаней [3]). Другая, также необходимая и близкая къ ней, власть наблюдаетъ за тѣмъ же самымъ, но только въ селеніяхъ, лежащихъ внѣ города. Представители этой власти называются или огрономами, или илорами (смотрители полей и лѣсовъ). Итакъ, вотъ три вида административной власти въ государствѣ; сюда же относится и та, которая завѣдуетъ общественными доходами; изъ рукъ лицъ, облеченныхъ этою властію, общественные доходы идутъ на каждую отдѣльную отрасль государственнаго управленія. Лица эти называются аподектами и таміями [4]) (казначеями). Затѣмъ слѣдуетъ власть, обязанность которой состоитъ въ письменномъ засвидѣтельствованіи частныхъ сдѣлокъ и рѣшеній дикастовъ; лицамъ, облеченнымъ этою властію, должны подлежать разбирательства обвиненій и исковъ. Въ иныхъ государствахъ, и эта власть дѣлится между многими лицами, но надъ всѣми ими всегда есть одно лицо, первенствующее. Лица, облеченныя этою властію, называются гіеромнемонами, эпистатами, мнемонами и другими подобными именами [5]). Затѣмъ, еще очень необходимая, но въ тоже время, можетъ быть, одна изъ самыхъ тягостныхъ властей — это власть, завѣдывающая назначеніемъ наказаній осужденнымъ, истребованіемъ денежнаго штрафа и надзоромъ за лицами, подлежащими суду [6]). Тягостна эта власть потому, что она бываетъ обыкновенно особенно ненавистна; поэтому, гдѣ она не доставляетъ большихъ выгодъ, тамъ никто и не беретъ ея на себя; если же и берутъ, то не всегда остаются въ предѣ-

3) См. Бекъ Staatshaushaltung d. Athener I стр. 218.

4) См. Бекъ тамъ же 1. стр. 171 и 177.

5) См. Геттлингъ. Adnotat. ad Polit. lib. стр. 421.

6) Тамъ же.

лахъ закона. Но она необходима, ибо самый судъ былъ бы безполезенъ, еслибы рѣшенія его не достигали цѣли; общество, не имѣя возможности существовать безъ судовъ, не можетъ также существовать и безъ того, чтобы судебные приговоры не приводились въ исполненіе. При этомъ замѣтимъ, что гораздо лучше не поручать эту власть одному лицу, а по различію судовъ, дѣлить ее между разными лицами. Равнымъ образомъ, обязанность взыска съ присужденныхъ къ денежному штрафу также должна быть раздѣлена между разными лицами. Вообще, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должны дѣйствовать не одни и тѣже власти; новые судебные случаи лучше поручать новымъ властямъ, а въ случаяхъ уже бывшихъ, должно поступать такимъ образомъ, чтобы приговоръ и выполненіе его принадлежали разнымъ лицамъ [7]); такъ, напримѣръ, приговоры агораномовъ [8]) могутъ быть приводимы въ исполненіе астиномами; а приговоры послѣднихъ — тѣми; потому что, чѣмъ меньше ненависти къ лицамъ, занимающимся судебными дѣлами, тѣмъ скорѣе они достигаютъ своей цѣли. Еслибы одни и тѣже лица были и судьями и исполнителями своихъ приговоровъ, въ такомъ случаѣ, ненависть къ нимъ удвоилась бы; такъ что, еслибы судъ надъ всѣми былъ порученъ однимъ и тѣмъ же лицамъ, тогда для всѣхъ они были бы врагами. Но во многихъ государствахъ, надзоръ за подсудимыми отдѣляется, какъ особенная обязанность, отъ обязанности производить надъ ними слѣдствіе; такъ, въ Аѳинахъ власть эта принадлежитъ корпораціи, члены которой извѣстны подъ именемъ одиннадцати [9]). И дѣйствительно, лучше отдѣлять эту должность отъ всѣхъ другихъ и стараться найдти для нея какую-нибудь особенную гарантію противъ естественнаго къ ней неудовольствія, со стороны общества. Хотя должность эта не менѣе необходима всякой дру-

7) Въ подлинникѣ это мѣсто очень затруднительно: τὰς τῶν νέων μᾶλλον τὰς νέας καὶ τὰς τῶν ἐνεστώτων ἑτέρας καταδικασάσης ἑτέραν εἶναι τὴν πραττομένην. In his tenebris, говоритъ Геттлингъ (стр. 422), si quid video, opposita sibi sunt τὰς τῶν νέων et τὰς τῶν ἐνεστώτων.

8) Ἀγορανόμων. Putaverim ἀγρονόμων scripsisse Aristotelem. Геттлингъ.

9) Институтъ одиннадцати состоялъ въ Аѳинахъ собственно изъ десяти членовъ — по члену отъ каждой филы; одиннадцатый былъ секретарь. См. Германъ. Lehrbuch d. griechischen Staatsalterthümer §§ 127, 137—158.

гой, но порядочные люди, большею частію, избѣгаютъ ея, а поручать ее людямъ дурнымъ небезопасно; потому что они сами болѣе нуждаются въ надзорѣ, нежели сколько въ состояніи надзирать за другими. Очевидно, что обязанность эту не слѣдуетъ поручать однимъ и тѣмъ же людямъ, и еще менѣе поручать имъ ее навсегда. Мы думаемъ, что ее удобно бы можно было поручить молодымъ людямъ, принадлежащимъ къ кружку эфебовъ, или входящимъ въ составъ городской стражи; впрочемъ, можно также поручать ее по очереди и другимъ лицамъ, уже облеченнымъ какою-либо властію.

Итакъ, вотъ тѣ власти, которыя, какъ самыя необходимыя, должны быть поставлены вопервыхъ, за ними слѣдуютъ другія, не менѣе необходимыя и стоящія обыкновенно даже въ болѣе блестящемъ свѣтѣ. Онѣ требуютъ большой опытности и потому даются по довѣрію. Такова власть, обязанность которой состоитъ въ охраненіи города и въ попеченіи о нуждахъ войны. И во время мира, какъ во время войны, одинаково нужны люди, способные охранять городскія ворота и стѣны; они же обязаны стратегически распредѣлять гражданъ по группамъ. Въ иныхъ государствахъ, на всѣ эти должности назначается больше лицъ, чѣмъ въ другихъ; въ малыхъ государствахъ, обыкновенно бываетъ такъ, что всѣми этими дѣлами завѣдуетъ одно лицо. Люди, облеченные такою властію, называются стратегами, полемархами. Такъ какъ въ государствѣ есть всадники, пѣхота, стрѣлки и флотъ, то управленіе каждою изъ этихъ военныхъ группъ часто поручается особымъ лицамъ, которыя называются наврахами, гиппархами, таксіархами; особыя же лица управляютъ и отдѣльными ихъ частями—таковы: тріерархи, лохаги, филархи и такъ далѣе, по частямъ, на какія подраздѣляются эти группы. Но всякая такая власть, въ отдѣльности, составляетъ собою только часть цѣлаго военнаго управленія. Итакъ, вотъ наши соображенія объ этомъ предметѣ.

Но такъ какъ почти всѣ правительственныя лица пропускаютъ чрезъ свои руки большое количество общественныхъ суммъ, то необходимо должна быть еще власть, обязанность которой исключительно состояла бы въ отчетности издерживаемыхъ суммъ и въ контролѣ надъ всѣми правительственными лицами. Люди, облеченные этою властію, называются или эвтинами, или логистами, или эксетастами, или синегорами. Но помимо всѣхъ этихъ властей, въ государствѣ должна быть еще одна власть, стоящая выше всѣхъ ихъ: держа въ своихъ рукахъ начало и конецъ всѣхъ дѣлъ, — власть эта является представительницею массы въ тѣхъ государствахъ, гдѣ верховная власть принадлежитъ народу. Въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ долженъ же быть кто нибудь, кто бы имѣлъ право призвать къ дѣйствію верховную власть страны. Лица, облеченныя этою властію, называются въ иныхъ государствахъ провулами, такъ какъ онѣ предварительно совѣщаются между собою о дѣлахъ государства, а въ демократіяхъ эту власть составляетъ вула (βουλή). Итакъ, вотъ почти всѣ государственныя власти.

Богопочитаніе составляетъ собою предметъ совершенно особой обязанности: такова обязанность жрецовъ и другихъ лицъ, заботящихся о священныхъ предметахъ, какъ-то: о сохраненіи существующихъ и о возстановленіи разрушающихся священныхъ зданій и вообще о соблюденіи всего того, что̀ касается культа. Иногда все попеченіе о религіи сосредоточивается въ одномъ лицѣ, такъ это бываетъ, напримѣръ, въ небольшихъ государствахъ, а иногда оно раздѣляется между разными лицами, принадлежащими къ жреческому сословію; таковы священнодѣятели, смотрители храмовъ и хранители священнаго имущества. Слѣдующія за тѣмъ обязанности культа исключительно касаются попеченія о всѣхъ тѣхъ общественныхъ жертвоприношеніяхъ, которыя законъ поручаетъ не жрецамъ, но людямъ, имѣющимъ эту честь отъ пританія [10]). Исполнители этой обязанности называются то архонтами, то царями, то пританами.

---

10) Ἀπὸ τῆς κοινῆς ἑστίας. Ἑστία κοινὴ тоже, что πρυτανεῖον. Пританство образовалось изъ древняго института царства, съ которымъ, въ древнее время, была соединена обязанность верховнаго жречества. Впослѣдствіи, съ развитіемъ аристократическаго начала, въ Греціи, какъ извѣстно, пало политическое значеніе царской власти; за ней осталось только жреческое достоинство; лица этого достоинства, какъ говоритъ Аристотель, удержали за собою имя царей, называясь въ тоже время архонтами и пританами. Словами же κοινὴ ἑστία или πρυτανεῖον обозначается собственно публичное зданіе, въ которомъ помѣщались эти пританы. См. Вахсмутъ Hellanische Alterthumskunde I. I. стр. 193 и слѣд. Бекъ Die Staatshaushaltung d. Athener. I. стр. 369 и слѣдующ. Германъ. Lehrbuch d. griechieschen Staatsalterthümer §§ 5. 101. 104. 127. 140.

Итакъ, вотъ необходимыя должности въ государствѣ; онѣ касаются богопочитанія, войны, доходовъ и расходовъ, рынка, крѣпости, пристаней и селеній; далѣе — судовъ, письменнаго утвержденія договоровъ, исполненія судебныхъ приговоровъ, надзора за подсудимыми, контроля надъ правительственными лицами и, наконецъ, обсужденія общественныхъ вопросовъ. Но гдѣ граждане имѣютъ болѣе досуга и пользуются большимъ благосостояніемъ, тамъ заботятся еще о благочиніи, для чего существуютъ особенные институты: гинайкономовъ, номофилаковъ, педономовъ, гимнасіарховъ; кромѣ того, здѣсь есть также лица, обязанность которыхъ состоитъ въ попеченіи о гимнастическихъ состязаніяхъ, о діонисіевыхъ празднествахъ и о всемъ другомъ подобномъ. Нѣкоторые изъ этихъ должностей, очевидно, несвойственны демократіи; такова, напримѣръ, должность гинайкономовъ и педономовъ; потому что бѣдные, имѣя недостатокъ въ рабахъ, принуждены прибѣгать, въ своихъ работахъ, къ помощи своихъ женъ и дѣтей. Изъ трехъ правительственныхъ институтовъ, по которымъ распредѣляются всѣ высшія власти въ государствѣ — именно, изъ института номофиликовъ, провуловъ и вулы,— первый принадлежитъ аристократіи, второй — олигархіи, третій — демократіи. Итакъ, вотъ, въ общихъ чертахъ, все то, что касается разныхъ институтовъ административной власти въ государствѣ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общіе источники возмущеній въ томъ или другомъ государствѣ. Направленіе возстанія — или на формы государственнаго устройства, или на лица, стоящія во главѣ правленія. Общая причина возмущеній — стремленіе къ равенству. Двоякое значеніе равенства.

Мы обозрѣли всѣ тѣ вопросы, которые предложили въ началѣ. Теперь, на очереди стоятъ слѣдующіе: прежде всего — отъ какихъ и сколь разнообразныхъ причинъ зависитъ перемѣна одной формы политическаго устройства въ другую; какъ совершается разрушеніе каждой формы политическаго устройства; изъ какой формы въ какую иную измѣняется то или другое устройство государства; далѣе, каковы тѣ условія, которыя зиждительно дѣйствуютъ, какъ относительно всѣхъ вообще формъ политическаго устройства, такъ и относительно каждой изъ нихъ въ отдѣльности; потомъ, какими средствами всего лучше можно сохранить ту или другую форму политическаго устройства. Здѣсь, прежде всего, должно взять въ разчетъ то основное положеніе, что, при общемъ убѣжденіи всѣхъ, что въ основѣ политическаго быта должны лежать справедливость и пропорціональное равенство, многія формы политическаго устройства, какъ сказано объ этомъ уже прежде, произошли отъ ошибочнаго примѣненія этихъ основныхъ положеній на практикѣ. Такъ, демократія произошла отъ того, что люди, равные между собою только въ чемъ нибудь, думаютъ, что они просто равны другъ другу; (именно, будучи равны по отношенію къ свободѣ, они думаютъ, что во всемъ равны между собою). Олигархія же — вслѣдствіе того, что люди, неравные

другъ другу только въ одномъ чемъ нибудь, считаютъ себя вообще неравными: (будучи неравны съ другими только по имуществу, они считаютъ себя просто неравными имъ). Поэтому одни, опираясь на равенство, считаютъ себя въ правѣ во всѣмъ имѣть равное участіе, а другіе, въ силу своего неравенства, во всемъ требуютъ себѣ большей доли, потому что большее есть неравное. Хотя въ томъ и другомъ мнѣніи есть нѣкоторая доля справедливости, но абсолютно оба они ошибочны. Тѣмъ не менѣе, если участіе тѣхъ и другихъ въ политической жизни государства не соотвѣтствуетъ тому взгляду, какой они имѣютъ на себя, то они возмущаются. При этомъ замѣтимъ, что тѣ, которые съ наибольшей справедливостію могли бы быть недовольны — таковы люди, отличные отъ другихъ, по своему личному достоинству, — всего менѣе оказываются такими, хотя всего болѣе раціонально то, что они-то только абсолютно неравны съ другими. Но нѣкоторые, стоя выше другихъ только по своему просхожденію, опираясь на это неравенство, считаютъ себя выше общаго уровня и во всемъ прочемъ; а благородными считаютъ себя тѣ, за которыми стоитъ добродѣтель и богатство ихъ предковъ. Итакъ, вотъ, можно сказать, тѣ источники, откуда берутъ свое начало государственныя возмущенія. Происходящее отъ нихъ измѣненіе въ государственномъ устройствѣ бываетъ двояко. Иногда возмущеніе бываетъ направлено противъ самой формы политическаго устройства, съ тѣмъ чтобы существующую форму замѣнить другою, такъ, напримѣръ, демократію хотятъ замѣнить олигархіей, или олигархію — демократіей, или ту и другую желаютъ замѣнить республикою и аристократіею, или, наоборотъ, вмѣсто республики и аристократіи хотятъ имѣть демокрацію и олигархію. Но иногда возстаютъ вовсе не противъ существующей формы политическаго устройства; но предпочитая данную форму всѣмъ другимъ, инсургенты стремятся лишь къ тому, чтобы самимъ стать во главѣ ея — во главѣ олигархіи, или монархіи. Кромѣ того, въ возмущеніи можетъ имѣться въ виду и самая мѣра, до которой развита та или другая форма политическаго устройства, такъ, напримѣръ, возмущеніе можетъ быть направлено на мѣру олигархическаго устройства, съ тѣмъ чтобы сдѣлать его болѣе олигархическимъ, или менѣе, или на мѣру демократіи, съ тѣмъ чтобы дать демосу еще болѣе силы, или уменьшить ее. Равнымъ

образомъ, и относительно прочихъ формъ политическаго устройства, революція можетъ имѣть въ виду или усиленіе ихъ характера, или ослабленіе. Далѣе, возмущеніе можетъ быть направлено на то, чтобы измѣнить какую либо часть политическаго устройства, напримѣръ: учредить ту или другую власть, или уничтожить существующую. Такъ, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, въ Лакедемонѣ Лизандръ[1]) имѣлъ въ виду уничтожить царскую власть, а царь Павсаній[2]) тоже хотѣлъ сдѣлать съ эфоратомъ. Равнымъ образомъ, и въ Эпидамнѣ[3]) политическое устройство измѣнилось только частію— именно: вмѣсто филарховъ учредили совѣтъ (βουλήν). Чтоже касается до комиціи (Ηλιαίαν)[4]), то, при псифизаціи на какую нибудь правительственую власть, въ нихъ, изъ числа всѣхъ гражданъ, дѣйствующихъ на политическомъ поприщѣ, необходимо должны были присутствовать только лица, облеченныя властію. Другой олигархическій институтъ въ этомъ политическомъ устройствѣ — это лицо архонта, который былъ одинъ въ цѣломъ государствѣ. Итакъ, возмущенія бываютъ вслѣдствіе неравенства, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ это неравенство пропорціонально распредѣляется между неравными. Пожизненное царствованіе также неравенство, если оно существуетъ въ средѣ равныхъ. Слѣдовательно, говоря вообще, возмущенія бываютъ отъ того, что люди стремятся къ равенству. Но равное двояко: одно количественно равное, а другое качественно. Подъ первымъ я разумѣю то, что тожественно и равно по числу и массѣ, а подъ вторымъ — что равно по пропорціи; такъ, по числу—три равно болѣе двухъ, какъ два болѣе единицы, а по пропорціи четыре также относится къ двумъ, какъ два къ одному; потому что два такая же часть четырехъ, какъ единица часть двухъ: та и другая часть есть

1) См. Діод. Сиц. XIV стр. 649. Плутархъ Lys. гл. 24. По словамъ этихъ писателей, Лизандръ не хотѣлъ совершенно уничтожить царскую власть, а желалъ только отнять ее отъ рода Гераклидовъ и сдѣлать избирательною.

2) Павсаній, какъ разсказываетъ Θукидидъ, (I стр. 128 и слѣд.) самъ желалъ быть царемъ надъ всей Греціей.

3) Объ Эпидамнѣ См. кн. III гл. 2.

4) Ηλιαίαν Геттлингъ (ibid. стр. 390), Мюллеръ (Dorier. II. стр. 86 и 156) понимаютъ, что здѣсь этимъ именемъ обозначаются тѣ народныя собранія, которыя были во всѣхъ дорическихъ республикахъ.

половина своего цѣлаго. Но люди, соглашаясь въ томъ, что абсолютно равное есть справедливое, расходятся между собою, какъ сказано выше, во взглядахъ на равенство по достоинству, именно: одни, будучи равны только въ чемъ нибудь, думаютъ, что они вообще равны; а другіе, не равные съ другими только въ нѣкоторомъ отношеніи, считаютъ себя неравными и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. По этому, собственно существуютъ только двѣ формы политическаго устройства: демократія и олигархія; благородство и личное достоинство принадлежатъ не многимъ, но основные элементы тѣхъ двухъ формъ политическаго быта принадлежатъ большинству людей. Истинно благородныхъ и высоконравственныхъ нигдѣ мы не найдемъ и ста человѣкъ, а бѣдныхъ вездѣ много. Но на какомъ бы равенствѣ ни была основана политическая жизнь государства, не хорошо, если она основана на немъ, со всѣхъ своихъ сторонъ. Это мы видимъ на опытѣ. Ни одно изъ такихъ политическихъ устройствъ не прочно, потому что изъ ложнаго начала, положеннаго въ основаніе, въ концѣ необходимо должно быть получено нѣчто дурное. Поэтому, въ однихъ случаяхъ должно поступать на основаніи ариѳметическаго равенства, а въ другихъ—на основаніи равенства по достоинству. Вообще говоря, демократическое устройство болѣе прочно и болѣе свободно отъ возмущеній, чѣмъ устройство олигархическое. Между тѣмъ какъ въ олигархіяхъ возмущенія бываютъ двухъ родовъ: или между самими олигархами, или между олигархами и народомъ; въ демократіяхъ возмущенія бываютъ только противъ олигарховъ. Но возмущеній въ средѣ самого народа—такихъ, о которыхъ стоило бы упоминать, мы не встрѣчаемъ въ демократіяхъ. Наконецъ, то политическое устройство, въ которомъ правительственныя власти назначаются изъ средняго сословія, стоя ближе къ демократіи, чѣмъ къ олигархіи, есть одно изъ самыхъ прочныхъ устройствъ такого рода.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основныя мотивы политическихъ переворотовъ: 1) нравственное настроеніе, 2) руководящія цѣли и 3) разныя внѣшнія обстоятельства.

Чтобы рѣшить вопросъ о томъ, отъ чего происходятъ перевороты въ политическомъ устройствѣ, прежде всего, должно указать на ихъ общіе источники и причины. Опредѣляя ихъ общій типъ, можно указать приблизительно на три такихъ условія. Прежде всего должно взять въ разчетъ, въ какомъ нравственномъ настроеніи находятся люди, которые возмущаются; во вторыхъ, изъ-за какихъ цѣлей они такъ поступаютъ; и въ третьихъ, каковы тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя, большею частію, служатъ поводомъ къ политическимъ безпорядкамъ и къ внутреннимъ междоусобіямъ.

Что касается до нравственнаго настроенія, то на него преимущественно должно смотрѣть, какъ на общую причину всякихъ возмущеній; именно: одни, стремясь къ равенству, возмущаются тотчасъ, какъ только замѣтятъ, что, не смотря на свое равенство съ людьми, которые изобилуютъ во всемъ, они имѣютъ менѣе ихъ; другіе, желая неравенства и превосходства, возмущаются тогда, когда замѣчаютъ, что, при неравенствѣ своемъ съ другими, они не имѣютъ, сравнительно съ ними, большихъ правъ, но лишь равныя, или даже еще меньшія. Но стремленіе однихъ къ равенству, а другихъ къ неравенству справедливо только частію. Несправедливы эти стремленія въ томъ случаѣ, если, напримѣръ, люди низшіе возмущаются съ тою цѣлію, чтобы быть равными, или равные съ другими стремятся быть больше другихъ. Итакъ, вотъ, въ общихъ чертахъ, то нравственное настроеніе, которое служитъ источникомъ возмущеній.

Что же касается до предметовъ, которые побуждаютъ къ возмущенію, то они суть или матеріальная выгода, или честь, или противное тому и другому, потому что побужденіемъ къ возмущенію не рѣдко бываетъ желаніе той или другой части гражданъ смыть съ себя, или съ друзей своихъ пятно безчестія, или избавиться отъ какого-либо взысканія. Всѣхъ причинъ и поводовъ политическихъ волненій, опредѣляемыхъ какъ моральнымъ настроеніемъ гражданъ, такъ и вышеозначенными цѣлями ихъ стремленій, обыкновенно насчи-

тываютъ до семи, но, конечно, ихъ можетъ быть и болѣе. Двѣ изъ нихъ тожественны съ тѣми, о которыхъ мы уже говорили, но вотъ въ чемъ разница: поднимая мятежъ изъ-за выгоды и изъ-за чести, часто поступаютъ такъ не съ тою цѣлію, чтобы, какъ сказано прежде, самимъ достигнуть того или другаго, но просто изъ-за того, что не хотятъ видѣть эти блага въ рукахъ другихъ, по праву, или нѣтъ, владѣющихъ ими. Потомъ, къ этимъ двумъ причинамъ должно отнести: обиду, страхъ, какое нибудь превосходство однихъ передъ другими, презрѣніе, не пропорціональное увеличеніе собственности у одной части гражданъ, сравнительно съ другою. Кромѣ того, причинами политическихъ волненій могутъ быть также: происки, униженіе однихъ другими, разныя ничтожныя причины и несходство взглядовъ. Само собою очевидно, что оскорбленіе и корыстность со стороны правительственныхъ лицъ могутъ служить значительнымъ поводомъ къ возмущенію. Когда люди, имѣющіе въ рукахъ своихъ правительственную власть, наносятъ другимъ оскорбленія и лихоимствуютъ, то въ государствѣ происходитъ возмущеніе, какъ противъ этихъ лицъ, такъ и противъ самого политическаго устройства, которое даетъ имъ такую силу. Источникомъ ихъ богатства, съ одной стороны, служитъ обыкновенно частная собственность, а съ другой, общественное имущество. Точно также и почести, очевидно, имѣютъ значительную силу надъ дѣйствіями людей и могутъ служить причиною возмущеній. Масса населенія, лишенная всякихъ почестей и видя другихъ, осыпанныхъ ими, естественно поднимаетъ возстаніе; и въ самомъ дѣлѣ, распредѣленіе между гражданами почестей не по достоинству вполнѣ не справедливо; ибо справедливость требуетъ каждому воздавать почесть по заслугамъ. Привиллегированное положеніе кого либо изъ гражданъ также служитъ причиною возмущеній. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда одно или нѣсколько лицъ получаютъ въ государствѣ несравненно большую силу, чѣмъ какую позволительно имъ имѣть, какъ по идеѣ государства, такъ и по той роли, какую занимаютъ они въ его политической жизни; потому что, вслѣдствіе этого, обыкновенно образуется монархія, или олигархическая династія. Отсюда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Аргосѣ и въ Аѳинахъ, прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ остракизму. Но, конечно, лучше съ самаго начала заботиться о томъ, чтобы никто

изъ гражданъ не могъ достигнуть такого превосходства, нежели, допустивъ зло, исправлять его потомъ такими мѣрами. Подъ вліяніемъ страха возмущаются или люди виновные, изъ-за боязни, чтобы не пришлось имъ понести наказанія, или люди, ожидающіе себѣ непріятности со стороны другихъ, и потому желающіе предупредить ее. Такъ въ Родосѣ [1]) знатные возстали противъ народа, чтобы избавиться отъ тѣхъ обвиненій, которыя онъ возводилъ на нихъ. Презрѣніе къ правительству также служитъ причиною возмущенія и нападенія на него. Такъ, это бываетъ въ олигархіяхъ, когда большинство, будучи лишено всякаго участія въ дѣлахъ государства, почувствуетъ наконецъ, что оно сильнѣе олигарховъ; а равно и въ демократіяхъ, гдѣ люди достаточные теряютъ наконецъ силы терпѣть тотъ безпорядокъ и ту анархію, которыя такъ часто господствуютъ въ демократическомъ государствѣ. Такъ, напримѣръ, это было въ Ѳивахъ, послѣ войны при Ойнофитахъ [2]): демократія пала тогда вслѣдствіе дурнаго политическаго управленія, точно также пала и демократія Мегарейцевъ [3]), убитая господствовавшими въ ней безпорядкомъ и анархіею. Та же участь постигла и Сиракузы [4]), предъ тираніею Гелона, и Родосъ, гдѣ прежде возстанія знати была также демократія. Политическіе перевороты бываютъ также вслѣдствіе непропорціональнаго увеличенія одного класса, сравнительно съ другими. Какъ тѣло человѣка, слагаясь изъ разныхъ членовъ, должно увеличиваться во всѣхъ ихъ пропорціонально, чтобы сохранилась между ними симметрія, потому что, въ противномъ случаѣ, если, напримѣръ, ноги будутъ въ четыре локтя, а остальное тѣло только въ двѣ пяди,—симметрія тѣла должна пропасть; а увеличиваясь не пропорціонально не только количественно, но и качественно, тѣло можетъ принять даже совершенно иную форму; точно также и въ государствѣ, та или другая его

1) О возмущеніи въ Родосѣ Аристотель говоритъ еще ниже, въ 4 гл; можетъ быть, тамъ и здѣсь онъ имѣетъ въ виду одно и тоже событіе, хотя въ обоихъ случаяхъ онъ указываетъ на разныя причины.

2) См. Ѳукид. I. 108. Діодоръ Сицил. XI, 83.

3) Мюллеръ (Die Dorier. II стр. 167) относитъ это событіе къ времени Ѳеогнида.

4) Событіе относится къ 72 ол. (см. Мюллеръ. Die Dorier II стр. 157).

часть незамѣтно можетъ возрастать въ немъ, въ ущербъ прочимъ частямъ: такъ въ демократіяхъ и въ республикахъ возрастаетъ часто масса бѣдныхъ. Впрочемъ, это бываетъ иногда совершенно случайно. Такъ въ Тарентѣ, послѣ того какъ большинство знати погибло въ войнѣ противъ Япиговъ [5] — что было вскорѣ послѣ персидскихъ войнъ, — изъ прежней республики образовалась демократія. Нѣчто подобное случилось и въ Аргосѣ; когда всѣ, бывшіе въ Гебдомѣ, [6] были истреблены Клеоменомъ Лаконскимъ, то право гражданства пришлось дать нѣкоторымъ изъ періэковъ. Въ Аѳинахъ [7] также число знати уменьшилось отъ того, что, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій пѣхоты въ войнѣ съ Лакедемономъ, знатные должны были идти на войну по списку. Такое измѣненіе случается и въ демократіи, но, конечно, рѣже; — именно, когда въ демократіи возрастаетъ число богатыхъ, или когда увеличивается ихъ имущество, то демократія переходитъ или въ олигархію, или государство подпадаетъ подъ верховную власть какой либо одной династіи.

Но перевороты въ политическомъ устройствѣ часто происходятъ безъ всякаго возстанія, а единственно путемъ интригъ. Такъ въ Гереѣ, [8] напримѣръ, система выбора была замѣнена системою жребія, потому что при выборахъ власть доставалась только интриганамъ. Небрежность въ политикѣ, когда, напримѣръ, врагамъ существующаго государственнаго устройства даютъ доступъ къ высшимъ правительственнымъ должностямъ — также можетъ быть причиною государственнаго переворота. Такъ пала олигархія въ Openѣ [9] вслѣдствіе того что Гераклеодоръ сдѣлался архонтомъ; пользуясь своимъ положеніемъ, изъ олигархіи онъ создалъ республику и демократію. Государственный переворотъ также можетъ быть еще вслѣдствіе невниманія къ тѣмъ малымъ измѣненіямъ, которыя совершаются въ политическомъ устрой-

5) Событіе относится къ 76 ол. Срав. Полит. VII, 3.

6) Ἐν τῇ ἑβδόμῃ; трудно понять, въ какомъ значеніи употреблено здѣсь это слово: — для выраженія ли мѣстности, или времени. См. Геттлингъ Тамъ же. Adnot. стр. 394 — 5. О самомъ фактѣ см. Геродотъ. VI, 78 и Павсаній III, 4.

7) См. Ѳукид. VI, 51.

8) Городъ въ Аркадіи.

9) Орея—Аѳинская колонія въ Этоліи.

ствѣ государства, потому что отъ невниманія къ этимъ малымъ измѣненіямъ часто, незамѣтнымъ образомъ, совершается большой переворотъ въ самыхъ основныхъ институтахъ. Такъ, въ Амвракіи [10] цензъ сперва былъ не великъ, а потомъ и вовсе не стало никакого ценза, какъ будто малый цензъ и отсутствіе всякаго ценза одно, или почти что одно и тоже. Неодинаковость происхожденія гражданъ служитъ также поводомъ къ возмущеніямъ — дотолѣ, пока разнородное населеніе не сольется въ одно; потому что не изъ всякой массы можетъ образоваться государство и не во всякое время. Дѣйствительно, если къ политическимъ правамъ допускаютъ или сосѣдей издавна живущихъ вблизи, или позднѣйшихъ пришельцевъ, то въ этомъ случаѣ, большею частію, бываютъ въ государствѣ возмущенія. Такъ Ахеи, соединившись съ Тризенцами, основали Сибарисъ, но впослѣдствіи, ставъ многочисленнѣе, они изгнали Тризенцевъ: отсюда всѣ ужасы злодѣйства, постигшіе Сибаритянъ [11]. Таже участь постигла Сибаритянъ и въ Туріи, гдѣ они возстали противъ своихъ сосѣдей: считая себя первобытными обитателями страны, они хотѣли имѣть въ ней больше преимуществъ, какъ въ своей собственной странѣ, но кончилось тѣмъ, что сами были изгнаны изъ нея. Позднѣйшіе поселенцы Византіи составили заговоръ противъ своихъ согражданъ, но заговоръ былъ открытъ, произошла битва, послѣ которой они были изгнаны изъ Византіи. Антиссеи [12], принявъ къ себѣ хіосскихъ бѣглецовъ, впослѣдствіи также изгнали ихъ отъ себя, одержавъ надъ ними сраженіе. Но Занклеи [13], принявъ къ себѣ Самосцевъ, сами были изгнаны ими изъ своей страны. Въ Аполлоніи, что близь Понта Эвксинскаго, возмущенія постоянно происходили вслѣдствіе того, что Аполлоніаты приняли въ свое общество позднѣйшихъ пришельцевъ. Тоже самое было и въ Сиракузахъ, послѣ періода тиранніи; возмущенія и войны происходили тамъ вслѣдствіе того, что чужестранцы и наемные солдаты были признаны гражданами [14]. А Амфи-

10) Амвракія, колонія Коринѳа, на Іоническомъ морѣ.

11) См. Діод. Сицил. XII. стр. 76.

12) См. Страб. I. стр. 55.

13) См. Геродотъ VI. гл. 22—25 и слѣдующ.

14) См. Діод. Сицил. XI. стр. 57.

политы [15]), принявъ къ себѣ халкидскихъ колонистовъ, сами въ большинствѣ были изгнаны ими изъ своей страны. Въ олигархіяхъ обыкновенно возмущается большинство, потому что, какъ сказано выше, оно считаетъ несправедливымъ не имѣть равнаго достоинства съ меньшинствомъ, когда оно равно ему по праву. А въ демократіяхъ возстаніе производятъ знатные, недовольные тѣмъ, что, будучи не равны другимъ по достоинству, пользуются однако равными съ ними правами. Иногда топографическое положеніе государства служитъ поводомъ къ возмущеніямъ, что собственно бываетъ въ томъ случаѣ, когда мѣстность не благопріятствуетъ образованію одного государства. Такъ, напримѣръ, въ Клазоменѣ [16]) жители Хитрона возстали противъ островитянъ, равно какъ въ Колофонѣ жители собственнаго Колофона враждовали съ Нотійцами [17]). Да и въ самихъ Аѳинахъ не вездѣ господствуютъ одинаковыя политическія убѣжденія; напротивъ, жители Пирея, напримѣръ, болѣе демократы, чѣмъ жители древняго города. Какъ на войнѣ, переходъ хоть чрезъ самые малые рвы разстроиваетъ фаланги, такъ и въ государствѣ, почти каждое различіе гражданъ можетъ послужить поводомъ къ возстанію. Самый большій раздоръ между гражданами посѣляетъ столкновеніе добродѣтели съ порокомъ, потомъ, богатства съ бѣдностію и такъ далѣе — то и другое служитъ большимъ или меньшимъ поводомъ къ возстанію; къ числу такихъ поводовъ относится также и топографическое положеніе государства, о чемъ мы сейчасъ сказали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Указаніе на нѣкоторыя обстоятельства, бывшія когда-либо причинами политическихъ переворотовъ въ томъ или другомъ государствѣ.

Итакъ, хотя цѣль всякаго возстанія и немаловажна, однако начинаются онѣ нерѣдко изъ-за малости. Но и малыя столкновенія имѣютъ особенно важное значеніе тогда, когда онѣ происходятъ между высшими правительственными лицами, какъ случилось это когда-то въ Сиракузахъ [1]). Переворотъ въ политическомъ устройствѣ Сиракузъ произошелъ тогда вслѣдствіе того, что два юноши, имѣющіе правительственную власть въ государствѣ, враждебно столкнулись между собою въ любовномъ дѣлѣ. Во время отсутствія одного, другой соблазнилъ предметъ его любви, а тотъ, въ отмщеніе ему, склонилъ его жену перейти къ нему. Отсюда, при той поддержкѣ, которую каждый изъ нихъ нашелъ себѣ въ другихъ правительственныхъ лицахъ, дѣло дошло до всеобщаго возстанія. Очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ самаго начала должно поступать осторожно, и стараться скорѣе уничтожать всякое столкновеніе между людьми сильными и могущественными. Потому что сила зла заключается въ его началѣ: начало, какъ говорятъ, есть уже половина цѣлаго; такимъ образомъ, зло въ началѣ дѣла, хотя и малое, пропорціонально возрастаетъ въ прочихъ частяхъ этого дѣла. Вообще же должно замѣтить, что столкновенія между знатными распространяются обыкновенно на все государство; такъ, напримѣръ, случилось это въ Гестіеѣ [2]), послѣ персидскихъ войнъ. Два брата поссорились между собою изъ-за отцовскаго наслѣдства: одинъ болѣе бѣдный, обвиняя другаго въ томъ, что онъ утаилъ имущество отца и пріобрѣтенныя имъ сокровища, склонилъ на свою сторону народную партію, а другой, у котораго состояніе было больше, привлекъ къ себѣ богатыхъ. Подобнымъ образомъ и въ Дельфахъ, [3]) ссора, по поводу одного брака, послужила началомъ всѣхъ послѣдующихъ возмущеній. Женихъ, идя къ невѣстѣ, встрѣтилъ на пути какое-то дурное предзнаменованіе, потому онъ оставилъ ее, не взявъ за себя замужъ. Между тѣмъ, обиженные родственники невѣсты, воспользовавшись однажды тѣмъ временемъ, когда женихъ приносилъ жертву, вложили въ его ящикъ нѣкоторыя священныя вещи, и потомъ умертвили его, какъ святотатца. Возстаніе въ Митиленѣ, происшедшее изъ-за однихъ

15) Амфиполь, городъ во Ѳракіи.
16) См. Страб. XIII. стр. 645.
17) См. Ѳукид. III. 34.

1) Событіе это разсказано Плутархомъ въ его Praecept. Reipubl. ger. стр. 281.
2) Гестіея, городъ въ Эвбеѣ. См. Діод. Сицил. XV стр. 549.
3) См. Мюллеръ Die Dorier. II стр. 182.

богатыхъ наслѣдницъ, также послужило началомъ многихъ бѣдъ для всего города и даже было поводомъ войны его съ Аѳинянами, въ которой Пахесъ [4]) взялъ Митилену. Одинъ изъ богатыхъ людей, по имени Тимофанъ, оставилъ послѣ себя двухъ дочерей; Доксандръ, получивъ отъ нихъ отказъ на предложеніе вступить имъ въ бракъ съ его сыновьями, затѣялъ возстаніе и вовлекъ въ него Аѳинянъ, у которыхъ онъ былъ тогда проксеномъ [5]). Въ Фокеѣ, [6]) между нѣкоторымъ Мнисеемъ, отцомъ Мнисона и Эвтикратомъ, отцомъ Ономарха, произошло однажды столкновеніе изъ-за одной дѣвицы, наслѣдницы богатаго отца и послужило началомъ священной фокейской войны. Политическій переворотъ въ Эпидамнѣ совершился также по поводу одного брака: нѣкто помолвилъ свою дочь за одного молодаго человѣка; а отецъ этого молодаго человѣка, сдѣлавшись правительственнымъ лицомъ въ государствѣ, подвергъ отца невѣсты какому-то взысканію, но тотъ, принявъ это за личное оскорбленіе, возмутилъ всѣхъ, не сочувствовавшихъ настоящей политикѣ государства.

Перемѣна политическаго устройства на олигархію, демократію и на республику бываетъ иногда вслѣдствіе того, что какой-нибудь правительственный институтъ, или цѣлое сословіе въ государствѣ возрастаетъ въ своей славѣ, или въ своемъ могуществѣ. Такъ, во время персидскихъ войнъ, совѣтъ Ареопага [7]) въ Аѳинахъ пріобрѣлъ большую славу, и благодаря своему положенію, доставилъ государству болѣе строгую политическую организацію. Но вотъ и другой случай: Саломинская побѣда, виновникомъ которой былъ народъ, служившій на корабляхъ, доставивъ Аѳинамъ гегемонію, вмѣстѣ съ развитіемъ морскаго могущества государства, усилила въ немъ и демократическій элементъ. Въ Аргосѣ знатные граждане, прославившись битвой съ Лакедемонянами при Мантинеѣ, тотчасъ приступили къ ослабленію національной демократіи. Въ Сиракузахъ народъ, оставшись побѣдителемъ въ войнѣ съ Аѳинянами, республику своего государства перемѣнилъ на демократію; тоже было и въ Халкидѣ: народъ,

4) См. Ѳукид. III. 28.
5) См. Бекъ. Staatshaushaltung d. Athener. I. стр. 55.
6) См. Діод. Сицил. XVI. стр. 106.
7) См. кн. II. гл. 9.

при помощи знатныхъ, лишивъ власти тиранна Факса, тотчасъ самъ овладѣлъ политикой своего государства. Подобное случилось и въ Амвракіи: народъ, соединившись съ заговорщиками, низвергъ тиранна Періандра и захватилъ въ свои руки верховную власть въ государствѣ. Вообще, не должно упускать изъ виду того, что всѣ тѣ, которые сами создаютъ свое могущество въ государствѣ — будутъ ли то частные лица, или правительственныя, цѣлыя ли филы, или извѣстное сословіе, или просто какая-нибудь часть гражданъ — всѣ такіе возбуждаютъ обыкновенно возстаніе. Иниціатива возстанія, въ этомъ случаѣ, принадлежитъ или другимъ, которые завидуютъ имъ въ ихъ почестяхъ, или сами они, опираясь на свое превосходство, не желаютъ оставаться въ одинаковыхъ правахъ съ другими. Политическія устройства претерпѣваютъ измѣненія еще и тогда, когда двѣ, очевидно, противуположныя части, изъ которыхъ состоитъ государство, напримѣръ, богатые и народъ — имѣютъ другъ съ другомъ равную силу, а между тѣмъ средній классъ или малочисленъ, или вовсе не существуетъ; если же какая-нибудь сторона достигаетъ очевиднаго превосходства, то другая уже не желаетъ рисковать напрасно своею оппозиціей. Вотъ, между прочимъ, причина, почему люди, превосходящіе другихъ личнымъ достоинствомъ, не производятъ возстанія, — причина та, что такихъ людей обыкновенно бываетъ меньше, если сравнить ихъ съ большинствомъ другихъ. Итакъ, вотъ, въ общихъ чертахъ, поводы и причины возстаній и переворотовъ, которые бываютъ во всѣхъ формахъ политическаго устройства.

Политическаго переворота въ государствѣ достигаютъ или посредствомъ силы, или посредствомъ обмана; посредствомъ силы — или прямо начинаютъ принуждать общество принять новую форму государственнаго устройства, или прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ въ послѣдствіи; посредствомъ обмана дѣйствуютъ также двоякимъ образомъ: или начавъ обманомъ съ тою цѣлію, чтобы принудить къ измѣненію политическаго устройства, потомъ уже стараются сохранить новое устройство посредствомъ силы; такъ, во время четырехъ сотъ [8]), сперва обманули народъ, сказавъ ему, что персидскій царь даетъ деньги на войну съ Лакедемонянами, а затѣмъ старались уже

8) См. Ѳукид. VIII. 67.

силою удержать въ своихъ рукахъ политическую власть въ государствѣ; или революціонная партія не только сначала убѣждаетъ противниковъ въ необходимости перемѣны, но и послѣ, оставляя ихъ въ этомъ убѣжденіи, властвуетъ надъ ними, съ ихъ собственнаго согласія. Итакъ, вотъ, вообще говоря, источники тѣхъ переворотовъ, которымъ можетъ подвергнуться всякое политическое устройство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Причины переворотовъ, происходящихъ въ демократіяхъ.

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ причины, которыя способствуютъ къ разрушенію собственно той или другой формы политическаго устройства въ отдѣльности. Демократіи, большею частію, подвергаются перевороту вслѣдствіе хитрыхъ поступковъ демагоговъ. Сикофантствуя предъ народомъ на то или другое лицо изъ класса людей, имѣющихъ хорошее состояніе, они такимъ образомъ сближаютъ ихъ другъ съ другомъ (потому что общій страхъ сводитъ самыхъ заклятыхъ враговъ), или на всѣхъ ихъ заразъ стараются натравить массу народа. Въ дѣйствительности этого можно убѣдиться по многимъ примѣрамъ. Такъ пала демократія въ Косѣ [1]); благодаря тому что въ главѣ правленія стояли дурные демагоги, знатные возстали противъ народа. Точно также пала демократія и въ Родосѣ [2]): демагоги, раздавая народу деньги изъ общественныхъ суммъ, не хотѣли выдѣлять изъ нихъ должной части тріерархамъ. Такою несправедливостію тріерархи доведены были до того, что соединившись, разрушили самую демократію. Чрезъ демагоговъ также пала демократія и въ Гераклеѣ [3]), вскорѣ по выселеніи изъ нея колонистовъ. Знатные, претерпѣвая отъ демагоговъ разныя несправедливости, принуждены были выселяться изъ государства, но потомъ, когда число ихъ значительно возросло, они возвратились въ отечество и уничтожили демократію. Почти такимъ же образомъ была разрушена демократія и въ Мегарѣ [4]). Демагоги изгоняли изъ государства многихъ знатныхъ гражданъ и конфисковали ихъ имущество въ пользу народа; но число изгнанниковъ возрасло наконецъ до того, что они, возвратившись, открыли противъ народа войну, побѣдили его и учредили олигархію. Такова же была судьба демократіи и въ Кимѣ [5]), разрушенной Ѳразимахомъ. Если мы взглянемъ на судьбу прочихъ демократій, то увидимъ, что почти во всѣхъ ихъ перевороты произошли точно такимъ же образомъ. Демагоги, желая быть у народа въ милости, обижаютъ обыкновенно знатныхъ, и тѣмъ побуждаютъ ихъ къ возстанію: или они требуютъ отъ нихъ раздѣла ихъ собственности между народомъ, или истощаютъ ихъ доходы на общественныя литургіи, или клевещутъ народу на богатыхъ, чтобы конфисковать ихъ имущество въ его пользу.

Но въ древнія времена, когда одно и то же лицо было демагогомъ и стратегомъ, демократія обыкновенно переходила въ тираннію; дѣйствительно, большинство прежнихъ тиранновъ вышли изъ демагоговъ. Причина, почему было такъ прежде, а не бываетъ такъ теперь, состоитъ въ томъ, что въ то время демагоги выходили только изъ стратеговъ (тогда люди не были еще сильны въ искусствѣ краснорѣчія), а теперь, при наибольшемъ развитіи риторическаго искусства, демагогами являются люди, умѣющіе говорить съ народомъ, но не имѣя опытности въ воинскомъ дѣлѣ, они не очень налегаютъ на свободу народа: а если гдѣ это бываетъ, то господство тиранна продолжается тамъ теперь недолго. Кромѣ того, такъ какъ въ прежнее время въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ совмѣщалось нѣсколько правительственныхъ должностей, то вотъ еще причина, почему тиранны появлялись тогда чаще, чѣмъ въ наше время. Такъ, напримѣръ, въ Милетѣ тираннія часто развивалась изъ пританіи, потому что притану принадлежала тамъ верховная власть во многихъ очень важныхъ дѣлахъ. Къ тому же, государства были тогда не велики; народъ, занятый своими полевыми работами, велъ

1) Косъ островъ на Эгейскомъ морѣ. См. Герод. VII. 164.
2) См. выше гл. 2.
3) Въ Гераклеѣ Понтійской. См. ниже гл. 5.

4) См. выше гл. 2. Событіе относится къ 83 ол.
5) Кима городъ въ Эоліи.

трудовую жизнь; потому представители его, люди способные къ воинскому дѣлу, легко достигали надъ нимъ тираннической власти. Но всѣ демагоги достигали этой власти не иначе, какъ пріобрѣтя напередъ довѣренность народа, а эту довѣренность получали они, враждуя противъ богатыхъ. Такъ въ Аѳинахъ Пизистратъ достигъ тиранніи тѣмъ, что поднялъ возстаніе противъ богатыхъ. Ѳеогенъ въ Мегарѣ [6]), захвативъ стада богатыхъ, въ то время какъ онѣ паслись на берегу рѣки, и перерѣзавъ ихъ, также сдѣлался потомъ тиранномъ. Равнымъ образомъ, и Діонисій [7]), порицая предъ народомъ Дафнея и другихъ богатыхъ, удостоился власти тиранна, потому что за эту вражду свою къ богатымъ онъ пользовался довѣренностью народа, какъ демократъ.

Измѣненіе демократіи иногда состоитъ только въ томъ, что изъ древней формы она переходитъ въ новую. Гдѣ на правительственныя должности хотя назначаютъ по выбору, но выборъ зависитъ не отъ ценза, а отъ воли народа; тамъ искатели власти, являясь демагогами, настаиваютъ часто на томъ, чтобы оставить за народомъ верховную власть и надъ самими законами. Въ избѣжаніе этого, или, покрайней мѣрѣ, въ виду меньшаго зла, слѣдуетъ учредить, чтобы правительственныя лица избирались по филамъ, а не всей массой народа. Итакъ, вотъ, можно сказать, всѣ тѣ причины, отъ которыхъ зависятъ перевороты, случающіеся въ демократіяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Причины, производящія перевороты въ олигархіяхъ.

Что касается олигархій, то перемѣны, происходящія въ нихъ, большею частію, совершаются слѣдующими двумя самыми обычными путями: вопервыхъ, когда олигархи угнетаютъ массу, тогда каждый легко можетъ стать во главѣ ея, чтобы низвергнуть олигархію, но особенно это удается тогда, когда

6) Аристотель говоритъ объ этомъ Ѳеогенѣ еще въ Rhet. 1. 2.
7) См. Діодоръ Сицил. XII, 91.

предводителемъ массы является кто-нибудь изъ среды самихъ олигарховъ; таковъ, напримѣръ, въ Наксосѣ [1]) былъ Лигдамъ, который въ послѣдствіи достигъ надъ Наксосцами даже тираннической власти. Но перевороты, происходящіе въ олигархіяхъ по инициативѣ другихъ лицъ, совершаются различно. Такъ, иногда олигархія падаетъ вслѣдствіе возстанія хотя людей богатыхъ, но лишенныхъ участія въ государственной власти; это бываетъ тогда, когда гражданскія почести доступны очень не многимъ, какъ, напримѣръ, это было въ Массаліи [2]), въ Истрѣ [3]), въ Гераклеѣ [4]) и другихъ городахъ. Лица, не участвующія въ государственной власти, не оставались въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не достигали своей цѣли — сперва старшіе братья, потомъ въ свою очередь и младшіе; при этомъ должно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ олигархическихъ государствахъ отецъ вмѣстѣ съ сыномъ не допускаются къ власти въ одно и тоже время, а въ другихъ это наблюдается относительно старшаго и младшаго брата. Въ Массаліи олигархія приняла болѣе республиканскій характеръ; въ Истрѣ она кончилась демократіей; а въ Гераклеѣ число олигарховъ возросло до шести сотъ человѣкъ. Въ Книдѣ [5]) олигархія пала отъ возмущенія, происшедшаго въ средѣ самыхъ знатныхъ, вслѣдствіе того, что тамъ только меньшинство ихъ принимало участіе въ правительственной власти, такъ что, какъ уже было сказано, при отцѣ, напримѣръ, сынъ не допускался къ власти, равно какъ изъ числа многихъ братьевъ только старшій принималъ участіе въ правленіи. Пользуясь раздоромъ самихъ олигарховъ, народъ напалъ на нихъ, и избравъ себѣ предводителя изъ среды знати, одолѣлъ олигархію, потому что гдѣ возмущеніе, тамъ и безсиліе. Въ Эриѳреѣ [6]) народъ, недовольный властію меньшинства, разрушилъ существовавшій доселѣ политическій порядокъ, не смотря на то что Басилиды, которые съ давнихъ временъ составляли олигархію Эриѳреи, хорошо вели свое дѣло. Олигархическое устройство

1) Наксосъ одинъ изъ цикладскихъ острововъ. См. Аѳеней L. VIII. стр. 548. Мюллеръ Die Dorier. 1 стр. 171.
2) Теперешняя Марсель. См. Страб. IV стр. 171.
3) См. Страб. VII стр. 491.
4) Гераклея на Понтѣ.
5) Дорическая колонія на берегу Малой Азіи.
6) Греческая колонія въ Малой Азіи.

разрушаютъ сами олигархи еще вслѣдствіе того, что, стремясь къ демагогіи, они часто соперничаютъ другъ съ другомъ. Самая же демагогія бываетъ двоякаго рода: или въ средѣ самихъ олигарховъ (потому что демагогъ можетъ быть и въ самомъ малочисленномъ кружкѣ правительственныхъ лицъ; такъ въ Аѳинахъ, въ правленіе тридцати, Хариклъ [7]) имѣлъ демагогическую власть надъ этими тридцатью правителями, равнымъ образомъ и Фринихъ [8]) былъ демагогъ въ правленіе четырехъ сотъ); или члены олигархіи являются демагогами по отношенію къ остальной массѣ; такъ въ Ларисеѣ [9]) демагогами были лица, охранявшія спокойствіе гражданъ (политофилаки); потому что назначались они по выбору самой черни. Такова судьба всѣхъ тѣхъ олигархій, гдѣ на государственныя должности избираетъ не само правительство, но гдѣ полученіе этихъ должностей условливается большимъ цензомъ, или есть дѣло партій; — въ этомъ послѣднемъ случаѣ избирателями являются или воины, или народъ, какъ это, напримѣръ, было въ Авидосѣ [10]). Тоже самое бываетъ и въ тѣхъ олигархіяхъ, гдѣ судейскія мѣста замѣщаются не членами правительства: поблажая народу своими судебными рѣшеніями, судьи тѣмъ самымъ способствуютъ измѣненію существующаго политическаго устройства; такъ это случилось, напримѣръ, въ Понтійской Гераклеѣ. Впрочемъ, такой же участи подвергается олигархическое устройство и въ томъ случаѣ, когда нѣкоторые изъ олигарховъ желаютъ стянуть всю правительственную власть въ руки еще болѣе умѣреннаго меньшинства; тогда люди, ищущіе равенства, принуждены бываютъ обратиться за помощію къ народу. Переворотъ въ олигархическомъ устройствѣ происходитъ равно и тогда, когда олигархи, живя неумѣренно, проживаютъ наконецъ свое имущество; стремясь вслѣдствіе этого ввести въ государство какія-либо нововведенія, они обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что или сами достигаютъ тираннической власти, или приготовляютъ другаго тиранна, какъ, напримѣръ, Гиппаринъ [11]) приготовилъ въ Сиракузахъ Діонисія. Въ Амфиполѣ [12]) одинъ олигархъ, по имени Клеотимъ, пригласилъ въ городъ поселенцевъ изъ Халкиды и потомъ возмутилъ ихъ противъ богатыхъ. Наконецъ, и тотъ Эгинитъ [13]), который велъ всѣмъ извѣстное дѣло съ Харитомъ, точно такимъ же образомъ успѣлъ измѣнить существующее политическое устройство государства. Итакъ, олигархи, какъ мы сказали, или предпринимаютъ какія-нибудь нововведенія, или расхищаютъ государственную казну; отсюда, или въ средѣ ихъ самихъ происходитъ несогласіе, или граждане объявляютъ наконецъ войну своимъ хищникамъ, какъ это случилось, напримѣръ, въ Аполлоніи, что на Понтѣ [14]). Но если въ олигархіи царствуетъ единодушіе, то трудно думать, чтобы она разрушилась сама собою. Доказательствомъ тому служитъ политическое устройство въ Ферсалѣ [15]): здѣшніе олигархи, хотя ихъ было не много, по благодаря хорошимъ отношеніямъ, которыя существовали между ними, имѣли въ своихъ рукахъ верховную власть надъ большою массою. Но если въ средѣ олигархіи образуется еще другая, то олигархія разрушается. Это бываетъ тогда, когда изъ многочисленной среды людей, занимающихся политическими дѣлами, не всѣ имѣютъ право занимать важныя правительственныя должности, какъ это было нѣкогда въ Элидѣ [16]). Здѣсь вся правительственная власть находилась въ рукахъ немногихъ геронтовъ, но такъ какъ геронты, въ числѣ девяноста человѣкъ, были пожизненными правителями, то правительственная власть доставалась, конечно, очень немногимъ; къ тому же, избраніе преимущественно падало только на фамилію оптиматовъ, подобно тому какъ это мы видимъ при избраніи геронтовъ въ Лакедемонѣ [17]). Переворотъ въ олигархіяхъ совершается какъ во время войны, такъ и во время мира — во время войны, вопервыхъ, тогда, когда олигархи, по недовѣрію къ народу, принуждены бываютъ пользоваться наемными войсками; тотъ кому, они довѣряютъ войско, часто дѣлается тиранномъ, таковъ, напримѣръ, въ Корин-

7) См. Ксенофонтъ. Hellen. II. 3. Memorab. I. 2.
8) См. Ѳукид. VIII. 67 и слѣд.
9) Городъ въ Ѳессаліи.
10) Колонія Милета на Геллеспонтѣ.
11) См. Діод. Сицил. XVI стр. 436. Плутархъ. Жизнь Діона.

12) См. выше гл. 2.
13) Исторія эта темна. См. С.-Илеръ. стр. 420 и Геттлингъ стр. 399.
14) См. выше гл. 2.
15) См. Ксеноф. Hellen. VI. 1.
16) См. Ѳукид. V. гл. 47.
17) См. кн. II гл. 6.

ѳѣ былъ Тимофанъ; если же надъ войскомъ начальствуетъ нѣсколько лицъ, то они сами образуютъ изъ себя правительство; вовторыхъ, тогда, когда, боясь этихъ послѣдствій, олигархи принуждены бываютъ обратиться къ народу и допустить массу къ участію въ дѣлахъ политики. А во время мира олигархіи подвергаются перевороту въ томъ случаѣ, когда олигархи, не чувствуя довѣрія другъ къ другу, поручаютъ охрану государства наемнымъ войскамъ, а управленіе надъ ними предоставляютъ такому лицу, который не принадлежитъ ни къ той ни къ другой партіи; между тѣмъ, этотъ правитель забираетъ иногда въ свои руки верховную власть надъ партіями самой олигархіи; такъ это сдѣлалъ, напримѣръ, въ Ларисcѣ, во время правленія Алевадовъ[18]), нѣкто Самъ, тоже случилось и въ Авидѣ, во время господства тамъ политическихъ партій, изъ которыхъ одна была партія Ифіада. Кромѣ того, политическія волненія въ олигархіяхъ происходятъ еще вслѣдствіе взаимной непріязни самихъ олигарховъ и вслѣдствіе столкновеній ихъ между собою, по поводу какого нибудь брака или процесса. Выше мы указали уже на возмущенія, происходившія въ нѣкоторыхъ государствахъ по поводу брака; такъ, между прочимъ, и въ Эретріи[19]) Діагоръ, обиженный по этому поводу, разрушилъ олигархію, состоящую изъ всадниковъ. По поводу судебнаго рѣшенія возстаніе было въ Гераклеѣ и въ Ѳивахъ: въ Гераклеѣ оно состоялось противъ Эветіона, а въ Ѳивахъ противъ Архія: хотя тамъ и здѣсь, по обвиненію въ прелюбодѣяніи, искъ былъ начатъ правильно, но наказаніе было возмутительное: враги обвиненныхъ до того простерли свои притязанія противъ нихъ, что они были преданы на площади позорному столбу. Многія олигархіи пали также вслѣдствіе деспотизма нѣкоторыхъ членовъ правительства; такъ пали олигархіи въ Книдѣ и въ Хіосѣ. Но въ тѣхъ республикахъ и олигархіяхъ, гдѣ участіе въ совѣтѣ, засѣданіе въ судѣ и занятіе другихъ правительственныхъ должностей опредѣляется цензомъ, перевороты происходятъ также и отъ случайныхъ обстоятельствъ. Положимъ, напримѣръ, что цензъ, сперва назначенный по условіямъ времени, достигалъ своей цѣли, такъ

18) Фамилія Алевадовъ была могущественна въ Ѳессаліи. См. Геттлингъ стр. 399.

19) Эретрія — городъ въ Эвбеѣ.

что въ олигархіи правительственныя должности дѣйствительно были доступны только меньшинству, а въ республикѣ — среднему классу; но съ увеличеніемъ благосостоянія, вслѣдствіе ли мира, или по другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, тѣ же самыя имущества возвышаются въ цѣнѣ, такъ что ко всѣмъ правительственнымъ должностямъ получаютъ доступъ уже всѣ граждане. Иногда такой переворотъ совершается постепенно, мало-по-малу и незамѣтно, а иногда очень скоро. Итакъ, вотъ вслѣдствіе чего происходятъ въ олигархіяхъ перевороты и возмущенія. Но вообще должно замѣтить, что какъ демократіи, такъ и олигархіи иногда преобразуются не въ противуположныя формы политическаго устройства, но въ другія формы того же самаго рода; такъ, напримѣръ, изъ демократіи и олигархіи, основанныхъ на законѣ, образуются такія демократіи и олигархіи, въ которыхъ самый законъ подлежитъ верховной власти правительства, и наоборотъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Причины возмущеній и переворотовъ въ аристократіяхъ.

Политическія возмущенія въ аристократіяхъ происходятъ иногда также вслѣдствіе того, что почетныя государственныя должности занимаютъ только не многіе граждане — что, какъ сказано, возбуждаетъ волненія и въ олигархіяхъ, такъ какъ аристократія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть олигархія: сходство между ними состоитъ въ томъ, что тамъ и здѣсь правительственная власть принадлежитъ меньшинству, хотя меньшинство это опредѣляется въ нихъ не однимъ и тѣмъ же; между тѣмъ, по меньшинству аристократія дѣйствительно, кажется, есть олигархія. По поводу меньшинства правительственныхъ лицъ, возмущенія въ аристократіяхъ бываютъ особенно тогда, когда масса населенія состоитъ изъ такихъ людей, которые съ гордостію сознаютъ то, что они одинаковы съ другими по своему личному достоинству; таковы въ Лакедемонѣ были такъ

называемые Парѳеніи:[1]) (по происхожденію своему они были одинаковы со всѣми прочими гражданами). Правительство Спарты, открывъ козни ихъ противъ государства, выслало ихъ изъ страны для основанія Тарента. Возстаніе въ аристократіи возникаетъ также и въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, занимающія почетныя государственныя должности, не оказываютъ почтенія къ другимъ значительнымъ гражданамъ, которые ни чѣмъ не хуже ихъ по своему личному достоинству, такъ, напримѣръ, цари въ Спартѣ относились къ Лизандру; или когда кто-нибудь, не смотря на свои достоинства, не имѣетъ доступа къ почетнымъ должностямъ; таковъ, напримѣръ, былъ Кинадонъ[2]), который, въ царствованіе Агесилая, возсталъ на спартіатовъ; или далѣе,—когда одни граждане слишкомъ бѣдны, а другіе слишкомъ богаты, что особенно бываетъ во время войны: таково, напримѣръ, было положеніе Лакедемона, во время мессинской войны, какъ между прочимъ это видно изъ поэмы Тиртея, [3]) извѣстной подъ именемъ «Эвномія». Люди обѣднявшіе отъ войны требовали равнаго раздѣла полей. Наконецъ, волненіе въ аристократіяхъ бываетъ еще тогда, когда между гражданами есть одно какое-нибудь могущественное лицо, которое въ состояніи быть еще болѣе могущественнымъ, такъ чтобы одному управлять государствомъ, таковъ, напримѣръ, въ Лакедемонѣ былъ Павсаній, главнокомандовавшій въ персидскую войну, таковъ и Ганнонъ въ Карѳагенѣ. Но какъ республики, такъ и аристократіи разрушаются особенно вслѣдствіе нарушенія справедливости въ самомъ политическомъ устройствѣ. Корень зла лежитъ въ неправильномъ смѣшеніи — въ республикѣ элементовъ демократическихъ и олигархическихъ, а въ аристократіи — кромѣ того и элемента личнаго достоинства; впрочемъ, и въ аристократіяхъ преимущественно дѣйствуютъ только два первыхъ элемента, т.-е. демократическій и олигархическій. Отличіе аристократій отъ такъ-называемыхъ республикъ состоитъ только въ способѣ соединенія вышеозначенныхъ двухъ элементовъ, на основаніи чего однѣ изъ этихъ формъ политическаго устройства бываютъ менѣе устроены, а другіе болѣе. Тѣ

1) Παρθενίαι См. Страб. кн. VI стр. 427.
2) См. Ксеноф. Hellen. III. 3.
3) См. Павсан. IV. 18.

изъ нихъ, которыя болѣе склоняются къ олигархіи, называются аристократіями, а другія, болѣе наклонныя къ демократіи — республиками; послѣднія формы прочнѣе первыхъ, потому что большинство сильнѣе меньшинства, и пользуясь равными правами, оно такимъ образомъ не теряетъ расположенія къ существующему политическому устройству, а люди богатые, пользуясь тѣмъ преимуществомъ, которое доставляетъ имъ политическое устройство, только и думаютъ, какъ бы стѣснить другихъ и какъ бы расшириться самимъ. Но на какую бы сторону ни клонилось политическое устройство, вообще оно переходитъ въ ту или другую форму, смотря потому, какая изъ двухъ противуположныхъ сторонъ болѣе возрастаетъ въ своей силѣ; такъ, республика переходитъ въ демократію, а аристократія въ олигархію, или, наоборотъ, аристократія дѣлается демократіей (когда бѣдные, доселѣ притѣсняемые, увлекаютъ, наконецъ, государство на противуположный путь), а республика — въ олигархію; только то политическое устройство прочно, которое обезпечиваетъ каждому право, соотвѣтствующее его достоинству, и безопасность его собственности. Вышесказанный переворотъ республики въ демократію совершился въ Туріумѣ: [4]) большой цензъ, которымъ опредѣлялись тамъ правительственныя должности, замѣнили малымъ; вслѣдствіе чего увеличилось и число тѣхъ лицъ, которымъ стали доступны правительственныя должности. Но кромѣ того, между тѣмъ какъ прежде, вопреки закону, вся земля была во владѣніи только знатныхъ лицъ, потому что политическое устройство, имѣя болѣе олигархическій характеръ, давало имъ возможность обогащаться, сколько имъ угодно; послѣ — народъ, изловчившись въ войнѣ, оказался сильнѣе самого войска, такъ что собственники, которые владѣли большимъ противъ закона количествомъ земли, принуждены были уступить передъ нимъ. Такъ какъ всѣ аристократическія формы носятъ на себѣ болѣе или менѣе олигархическій характеръ, то въ аристократіяхъ преимущественно обогащаются только люди знатные, такъ, напримѣръ, въ Лакедемонѣ [5]) вся поземельная собственность находится въ рукахъ небольшаго числа гражданъ; люди сильные, они

4) Въ Великой Греціи. См. Діод. Сиц. XII стр. 77.
5) См. выше кн. II гл. 6.

всегда имѣютъ болѣе возможности дѣйствовать по своей волѣ; такъ они вступаютъ въ родственные союзы, руководясь только своими собственными соображеніями; но вслѣдствіе того, что нѣкоторыя знатныя лица въ государствѣ Локровъ породнились съ Діонисіемъ, погибло цѣлое государство, чего, конечно, не было бы ни въ демократіи, ни даже въ хорошо организованной аристократіи. Перевороты въ аристократіяхъ совершаются очень часто незамѣтнымъ образомъ, вслѣдстіе измѣненія въ чемъ нибудь маломъ, какъ замѣчено было это выше, относительно всѣхъ вообще формъ политическаго устройства. Дѣйствительно, часто самое малое измѣненіе служитъ причиной рѣшительнаго переворота въ государствѣ. Стоитъ только что нибудь упустить изъ виду въ политическомъ устройствѣ, тогда и другое уже болѣе важное легко подвергается измѣненію, пока наконецъ не перевернется весь строй конституціи. Такая судьба постигла политическое устройство Туріума. По закону этого государства, въ должность стратега можно было быть избраннымъ не иначе, какъ по прошествіи пяти лѣтъ послѣ перваго избранія. Но нѣкоторые молодые люди, полные воинственнаго духа и съ этой стороны хорошо извѣстные войску, не обращая вниманія на людей, занимавшихъ государственныя должности и надѣясь легко достигнуть своей цѣли, рѣшились сперва уничтожить этотъ законъ, съ тѣмъ чтобы имъ дозволили быть стратегами безсмѣнно; въ этомъ случаѣ они разчитывали на народъ. Правительственныя лица — такъ-называемые симвулы, — которые разсматривали этотъ вопросъ, сначала рѣшились-было сопротивляться, но потомъ согласились, полагая, что отъ одного этого закона политическое устройство не пострадаетъ, но въ послѣдствіи, несмотря на все желаніе ихъ воспрепятствовать другимъ нововведеніямъ, они не могли уже ничего сдѣлать, — и весь строй политическаго быта мало-помалу принялъ другой характеръ: государство подпало подъ династическое управленіе людей, предпринявшихъ нововведенія. Вообще должно замѣтить, что всѣ формы политическаго устройства подвергаются измѣненіямъ частію отъ причинъ, дѣйствующихъ внутри самого государства, частію же отъ внѣшнихъ причинъ, когда, напримѣръ, государство съ противуположнымъ политическимъ устройствомъ находится или вблизи, или хотя и далеко отъ другаго государства, но оказываетъ на него свое вліяніе. Таково было вліяніе Аѳинянъ и Лакедемонянъ: Аѳиняне всюду разрушали олигархіи, а Лакедемоняне дѣйствовали также на демократіи. Итакъ, доселѣ о причинахъ, производящихъ возмущенія и перевороты въ политическомъ устройствѣ государствъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Условія, способствующія къ сохраненію аристократій, олигархій и демократій.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать о мѣрахъ, способствующихъ къ сохраненію какъ вообще всѣхъ формъ политическаго устройства, такъ и каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Ясно, что, зная причины разрушенія государствъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ уже и средства для ихъ сохраненія, потому что слѣдствія противуположныя происходятъ отъ противуположныхъ причинъ, а разрушенію противуположно сохраненіе.

Первое условіе для сохраненія всякаго, хорошо организованнаго, политическаго быта состоитъ въ томъ, чтобы ни въ чемъ не отступать отъ законовъ, напротивъ, и самыя мелочи соблюдать, какъ можно аккуратнѣе; потому что перемѣна входитъ въ политическій бытъ незамѣтнымъ образомъ, подобно тому какъ и на малыя, но частыя траты издерживается иногда все имущество. Перемѣна не замѣтна отъ того, что совершается не вдругъ; а относительно всякихъ малыхъ перемѣнъ мысль наша часто заблуждается, допуская, напримѣръ, слѣдующее софистическое положеніе: если каждое въ отдѣльности мало, то и все вмѣстѣ таково; но это положеніе только частію истинно, а частію ложно; потому что цѣлое и все само въ себѣ не мало, но только состоитъ изъ малыхъ частей. Итакъ, одно изъ условій сохраненія государства отъ переворотовъ должно состоять въ оппозиціи политики государства этому софистическому положенію; потомъ не слѣдуетъ довѣрять тѣмъ софизмамъ, которые слагаются для обольщенія толпы; потому что ложь ихъ обличается самымъ дѣломъ. Каковы эти политическіе софизмы, объ этомъ

было сказано выше [1]). Кромѣ того, должно замѣтить, что многія не только аристократическія формы, но и самыя олигархіи продолжительностію своего существованія обязаны не крѣпости самого политическаго устройства, но тѣмъ хорошимъ отношеніямъ, въ которыхъ правительственныя лица находятся какъ къ лицамъ не участвующимъ въ политикѣ, такъ и къ тѣмъ, которые принимаютъ въ ней участіе: въ отношеніяхъ своихъ къ первымъ — къ людямъ не участвующимъ въ политической дѣятельности, они остерегаются всякой несправедливости, напротивъ, лучшихъ изъ нихъ они стараются даже ввести въ міръ политики и тѣмъ самымъ, не оскорбляя людей честолюбивыхъ, не вредятъ массѣ въ ея матеріальныхъ интересахъ; а въ своей средѣ, въ обращеніи съ лицами, принимающими участіе въ политической дѣятельности, они соблюдаютъ демократическія отношенія: ибо равенство, къ которому демократы стремятся относительно цѣлой массы, въ средѣ равныхъ оказывается не только справедливымъ, но и полезнымъ. Дѣйствительно, при многочисленности лицъ, принимающихъ участіе въ политической дѣятельности, полезны разныя постановленія и въ демократическомъ духѣ; таково, напримѣръ, постановленіе о правѣ пользоваться властію въ продолженіе только шести мѣсяцевъ, что бы такимъ образомъ всѣ равные одинаково могли участвовать въ управленіи. Такъ какъ общество равныхъ образуетъ изъ себя какъ бы массу народа, то въ этой средѣ равныхъ, какъ сказано выше, часто выступаютъ демагоги; но при демократическомъ элементѣ въ устройствѣ олигархій и аристократій онѣ не такъ уже легко принимаютъ характеръ династическаго правленія. Въ короткое время правители не могутъ надѣлать столько дурнаго, сколько сдѣлаютъ въ продолженіе долгаго времени; а между тѣмъ эта продолжительность власти и служитъ причиною того, что олигархіи и демократіи часто переходятъ въ тираннію: тамъ и здѣсь къ тиранніи стремятся или лица могущественныя — въ демократіяхъ демогоги, а въ олигархіяхъ династы, — или лица, пріобрѣтшія себѣ большую власть въ государствѣ вслѣдствіе того, что долго пользовались ею прежде. Политическое устройство государства сберегается не только чрезъ удаленіе его отъ государствъ,

[1]) См. кн. VI. гл. 10.

поврежденныхъ въ своемъ устройствѣ, но иногда также благодаря близости къ такимъ государствамъ; потому что страхъ, возбуждаемый дурнымъ состояніемъ государства, заставляетъ болѣе заботиться о сохраненіи своего политическаго устройства. И дѣйствительно, кто заботится о цѣлости своего политическаго устройства, тотъ долженъ приближать отдаленныя опасности, долженъ возбуждать къ нимъ страхъ въ гражданахъ, съ тѣмъ чтобы они были на сторожѣ и, какъ ночная стража, не переставали бы блюсти за политическимъ устройствомъ своего государства. Раздоры и возмущенія знатныхъ должно стараться усмирять законными средствами, уберегая притомъ отъ нихъ людей постороннихъ, пока еще они не вовлечены въ партіи; ибо всегда слѣдуетъ познавать зло въ его началѣ, что впрочемъ доступно не всякому, а лишь только опытному въ политикѣ. Для предотвращенія тѣхъ переворотовъ, которые бываютъ какъ въ олигархіяхъ, такъ и въ республикахъ по поводу ценза, вслѣдствіе того что матеріальныя средства увеличиваются, а цензъ остается все тотъ же, — полезно сумму настоящаго имущества гражданъ сравнивать съ суммою прежняго имущества—ежегодно въ тѣхъ государствахъ, гдѣ цензъ устанавливается на годъ, а въ большихъ государствахъ—чрезъ три года, или чрезъ пять лѣтъ. И если сумма настоящаго имущества окажется больше или меньше, сравнительно съ суммою его въ то время, когда цензъ былъ установленъ для опредѣленія гражданскихъ правъ, то для такихъ случаевъ долженъ быть законъ объ увеличеніи или уменьшеніи самого ценза, притомъ увеличеніе должно быть пропорціонально увеличенію общей суммы имущества; если же сумма уменьшилась, то слѣдуетъ уменьшить и самый цензъ. А безъ этого, въ одномъ случаѣ, изъ олигархіи можетъ образоваться династія, а изъ республики — олигархія, или въ другомъ случаѣ, изъ республики—демократія, а изъ олигархіи — или республика, или демократія. Общее правило какъ для демократіи, такъ для олигархіи (и для монархіи) и для всякой другой формы политическаго устройства состоитъ въ томъ, чтобы не возвышать никого несоразмѣрно; напротивъ, должно стараться награждать каждаго умѣренными почестями и мало по малу, а небольшими и не вдругъ одной за другой (это портитъ людей, ибо не всѣ способны не зазнаться въ счастіи). Въ противномъ же случаѣ, не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, почести,

данныя заразъ, отнимать также все вмѣстѣ, а постепенно. Особенно должно стараться самими законами устроить дѣло такъ, чтобы слишкомъ никто не превосходилъ другихъ ни силою своихъ клiентовъ, ни своимъ имуществомъ; если же есть такiе люди, то должно постараться о томъ, чтобы служба ихъ государству была внѣ государства. Но такъ какъ и люди частной жизни стремятся иногда къ нововведенiямъ, то слѣдуетъ организовать какую-либо правительственную власть, съ цѣлiю наблюденiя за людьми, живущими несогласно съ существующимъ политическимъ устройствомъ государства — въ демократiи съ демократическимъ, а въ олигархiи — съ олигархическимъ и т. д. въ каждой изъ прочихъ формъ политическаго устройства. По этимъ же самымъ причинамъ должно зорко смотрѣть за развитiемъ богатства въ томъ или другомъ сословiи гражданъ; какъ средство противъ того зла, которое можетъ быть вслѣдствiе этого — всегда въ этомъ случаѣ разныя правительственныя должности рекомендуется поручать людямъ противуположныхъ классовъ; массѣ противуположны люди образованные, богатымъ — бѣдные. Далѣе, при этомъ должно стараться или смѣшать массу богатыхъ съ массою бѣдныхъ, или увеличить среднiй классъ, потому что среднiй классъ парализируетъ всякое возмущенiе, происходящее изъ-за неравенства. Но во всякомъ политическомъ устройствѣ главная забота должна состоять въ томъ, чтобы законодательство и вся экономiя общественной жизни были организованы такимъ образомъ, чтобы люди, пользующiеся властiю, не могли наживаться; особенно же должно заботиться объ этомъ въ олигархiяхъ, потому что большинство не столько досадуетъ на то, что оно удалено отъ власти, — напротивъ, нѣкоторые еще довольны этимъ, лишь бы былъ у нихъ досугъ и возможность заниматься своими частными дѣлами, — сколько оно негодуетъ тогда, когда думаетъ, что правительственныя лица расхищаютъ общественные доходы; въ такомъ случаѣ оно досадуетъ на то и другое: и на то что лишено почестей, и на то что не пользуется доходами. Единственно только чрезъ устраненiе отъ правительственныхъ мѣстъ всякихъ доходовъ можно достигнуть соединенiя въ одномъ государствѣ демократiи и аристократiи, при чемъ люди знатные и масса народа будутъ въ состоянiи достигнуть того, чего они желаютъ. Демократическiй элементъ

въ устройствѣ какого-либо государства заключается въ доступѣ всѣхъ гражданъ къ власти, и въ томъ, что на самомъ дѣлѣ властiю пользуются только знатные, заключается аристократическiй его элементъ; а это и будетъ въ томъ случаѣ, когда отъ правительственныхъ должностей нельзя будетъ наживаться. Бѣдные, не получая отъ власти барыша, не будутъ и желать ея, но скорѣе обратятся къ своимъ частнымъ занятiямъ, а богатые, не имѣя никакой нужды въ общественныхъ доходахъ, въ состоянiи будутъ отправлять разныя государственныя должности; такимъ образомъ бѣднымъ, вслѣдствiе ихъ занятiя дѣломъ, удастся, можетъ быть, сдѣлаться даже и богатыми, а людямъ знатнымъ не придется быть подъ управленiемъ кого бы то ни было. Но чтобы деньги, принадлежащiя обществу, не могли быть расхищаемы правительственными лицами, выдачу ихъ должно производить публично, въ присутствiи всѣхъ гражданъ, и копiи отчетовъ должны храниться по фратрiямъ, лохамъ и филамъ. Чтобы правительственныя лица исправляли свои обязанности безплатно, для людей, прославившихся своею дѣятельностiю, должны быть установлены закономъ извѣстныя награды. А въ демократiяхъ должно щадить людей богатыхъ, не принуждая ихъ къ раздѣлу не только своихъ имуществъ, но и самыхъ доходовъ, которые они съ нихъ получаютъ, что однако дѣлается теперь въ нѣкоторыхъ государствахъ. Напротивъ, лучше даже воспрещать богатымъ принимать на себя такiя общественныя обязанности, которыя стоятъ имъ большихъ издержекъ, но неприносятъ пользы; таковы, напримѣръ, устройство хоровъ, факельныхъ процессiй и другiя подобныя. Въ олигархiяхъ же, напротивъ, особенное вниманiе должно обращать на бѣдныхъ и ставить ихъ на тѣ правительственныя должности, отъ которыхъ есть прибыль, а съ богатыхъ за оскорбленiе бѣдныхъ должно взыскивать больше, чѣмъ за оскорбленiя ихъ, причиняемыя другъ другу. Наслѣдство должно доставаться здѣсь не по завѣщанiю, но по праву рожденiя; притомъ, одно и то же лицо должно быть наслѣдникомъ не болѣе какъ только одного имѣнiя, потому что иначе собственность гражданъ могла бы современемъ сравняться, и многiе изъ бѣдныхъ сдѣлались бы богатыми. Но какъ въ демократiи, такъ и въ олигархiи, во всѣхъ дѣлахъ не первой важности, полезно допускать къ равному участiю, или даже къ первымъ ролямъ тѣхъ изъ гражданъ, которымъ вообще менѣе дру-

гихъ доступна государственная дѣятельность, таковы въ демократіи люди богатые, а въ олигархіи бѣдные, напротивъ, тѣ правительственныя должности, которыя имѣютъ важное вліяніе на теченіе государственныхъ дѣлъ, слѣдуетъ поручать или исключительно, или преимущественно тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится судьба государства. Но для занятія высшихъ государственныхъ должностей должно наблюдать слѣдующія три условія: во первыхъ, привязанность къ существующему политическому устройству; во вторыхъ, достаточную способность къ правительственнымъ дѣламъ, и въ третьихъ, честность и справедливость, сообразныя съ духомъ того или другаго политическаго устройства; потому что, если понятіе о правѣ не во всѣхъ государствахъ одно и то же, то необходимо должно быть различіе и въ понятіи о справедливости. Но здѣсь представляется слѣдующій вопросъ: на основаніи чего должно дѣлать выборъ въ томъ случаѣ, если въ одномъ и томъ же лицѣ не совмѣщаются всѣ эти условія? Положимъ, напримѣръ что кто-нибудь одаренъ большимъ талантомъ, но въ тоже время человѣкъ дурной и не расположенъ къ существующему политическому устройству, а другой человѣкъ справедливый и расположенъ къ настоящему устройству государства: на кого изъ нихъ, спрашивается, долженъ пасть выборъ? При этомъ, кажется, слѣдуетъ обратить вниманіе на двѣ вещи: какое качество болѣе доступно всѣмъ и какое менѣе. При выборѣ въ стратеги, очевидно, болѣе должно обращать вниманіе на опытность, чѣмъ на добродѣтель человѣка, потому что стратегическія способности встрѣчаются рѣже, чѣмъ честность. Но для храненія и распоряженія государственною казною, наоборотъ, требуется больше честности, чѣмъ сколько имѣетъ ее большинство людей, между тѣмъ какъ знать это дѣло способны почти всѣ: Но могутъ возразить: къ чему еще требовать отъ человѣка добродѣтели, если онъ имѣетъ уже способность къ политической дѣятельности и расположенъ къ существующему политическому устройству—и при этихъ двухъ условіяхъ онъ принесетъ государству пользу? Но можетъ случиться, что люди, обладающіе этими двумя качествами, лишены добродѣтели. Подобно тому какъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ люди не всегда поступаютъ съ пользою для себя, не смотря на то что знаютъ и любятъ себя, такъ легко можетъ быть, что нѣкоторые

будутъ дѣйствовать такимъ же образомъ и въ дѣлахъ общественныхъ. Вообще говоря, къ сохраненію политическаго устройства служитъ соблюденіе всего того, что въ законахъ его считается для него полезнымъ. Но главнѣйшее при этомъ условіе, о которомъ уже было часто говорено, состоитъ въ заботѣ, чтобы часть гражданъ, благорасположенныхъ къ существующему политическому устройству была сильнѣе части неблагорасположенной къ нему.

Кромѣ всего этого, не должно упускать изъ виду того, чего часто мы не видимъ теперь во многихъ государствахъ, уклоняющихся отъ правильной формы быта: это—мѣра во всемъ; потому что многія изъ учрежденій, которыя кажутся чисто демократическими, разрушаютъ самыя демократіи, и многія, чисто олигархическія, также вредно дѣйствуютъ на олигархіи. Но ошибаются тѣ, которые, думая, что извѣстная черта въ политическомъ устройствѣ есть единственное его достоинство, стараются довести ее до крайности; при этомъ они не думаютъ о томъ, что носъ, напримѣръ, не смотря на уклоненіе его отъ совершеннѣйшей прямизны къ формѣ болѣе закругленнаго, или болѣе тупаго носа, все-таки можетъ быть красивъ и пріятенъ для глазъ. Но если бы еще оттянуть его чрезъ мѣру, то прежде всего чрезъ это нарушилась бы симметрія этого члена съ другими, а потомъ, вслѣдствіе крайняго увеличенія носа и умаленія соотвѣтствующихъ ему членовъ, можно было бы дойдти до того, что носа вовсе не стало бы видно. Это же самое замѣчаніе, имѣя мѣсто относительно другихъ членовъ человѣческаго тѣла, также можетъ быть примѣнено и къ формамъ политическаго устройства. Такъ, олигархія и демократія могутъ быть достаточно хороши, не смотря на то что онѣ уклоняются отъ наилучшей формы политическаго устройства. Но если бы основной элементъ каждой изъ этихъ формъ политическаго устройства развить еще болѣе, тогда политическое устройство сдѣлалось бы хуже и наконецъ не стало бы вовсе никакого политическаго устройства. Поэтому, законодатель и политикъ должны знать, какія изъ демократическихъ и олигархическихъ учрежденій сберегаютъ, и какія изъ нихъ, напротивъ, разрушаютъ демократію и олигархію. Конечно, ни одна изъ этихъ формъ политическаго устройства не можетъ держаться безъ того, чтобы въ ней не было съ одной стороны богатыхъ, а съ другой мас-

сы народа. Но коль скоро собственность между гражданами уравнивается, то при этомъ и политическое устройство необходимо измѣняется; такимъ образомъ тѣ, которые чрезъ расширеніе законовъ въ элементѣ даннаго политическаго устройства, стремятся разрушить элементы противуположной политики, тѣмъ самымъ разрушаютъ данное политическое устройство. Въ этомъ отношеніи, какъ въ демократіяхъ такъ и въ олигархіяхъ поступаютъ неправильно: — именно, въ демократіяхъ, гдѣ народъ имѣетъ верховную власть надъ самыми законами, демагоги поступаютъ неправильно тѣмъ, что, ведя постоянную войну съ богатыми, раздѣляютъ государство на двѣ партіи, между тѣмъ какъ, напротивъ, имъ всегда должно бы держаться такъ, чтобы казаться на сторонѣ богатыхъ, а въ олигархіяхъ люди съ олигархическими понятіями должны казаться на сторонѣ народа и клясться клятвами въ духѣ совершенно противномъ тому, въ какомъ клянутся они теперь. Теперь въ нѣкоторыхъ олигархическихъ государствахъ клянутся такъ: я буду врагомъ народу и всѣми мѣрами, какими только могу, буду злоумышлять противъ него; тогда какъ имъ слѣдуетъ говорить и обѣщать совершенно противное; они должны, напримѣръ, произносить слова такого рода: я не буду дѣлать народу несправедливости.

Но изъ всѣхъ высказанныхъ нами условій, необходимыхъ для продолжительнаго существованія какого либо политическаго устройства, важнѣйшее, которымъ, впрочемъ, въ настоящее время вообще пренебрегаютъ, состоитъ въ воспитаніи, принаровленномъ къ духу даннаго политическаго устройства. Самые полезные законы, законы, которымъ сочувствуютъ всѣ настоящіе граждане, окажутся безполезными, если нравы и воспитаніе въ странѣ не будутъ соотвѣтствовать духу ея политики, т. е. если воспитаніе не будетъ въ духѣ демократическомъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ демократическіе законы, и въ духѣ олигархическомъ — гдѣ законы олигархическіе. Потому что если нѣтъ добродѣтели въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ, то нѣтъ ея и въ цѣломъ государствѣ. Но быть воспитаннымъ въ духѣ даннаго политическаго устройства не значитъ дѣлать то, что пріятно олигархамъ, или друзьямъ демократіи; это значитъ только быть способнымъ какъ къ тому, чтобы быть олигархомъ, такъ и къ тому, чтобы жить въ средѣ демократической Въ настоящее время, въ олигархіяхъ

сыновья правительственныхъ лицъ проводятъ жизнь свою въ роскоши и нѣгѣ, тогда какъ дѣти бѣдныхъ, упражняясь въ гимнастикѣ и перенося разнаго рода труды, тѣмъ самымъ развиваютъ въ себѣ охоту и возможность производить въ странѣ перевороты. А въ демократіяхъ, даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя, повидимому, организованы самымъ демократическимъ образомъ, существуютъ нѣкоторыя постановленія совершенно противныя интересамъ демократіи. Зависитъ же это отъ неправильнаго опредѣленія понятія свободы. По общему мнѣнію, демократія опредѣляется двумя характеристическими чертами, онѣ суть: господство большинства и свобода. Справедливое здѣсь считаютъ равенствомъ, равенство же состоитъ въ признаніи значенія верховнаго закона за тѣмъ, что кажется большинству. Такимъ образомъ, въ этихъ демократіяхъ каждый живетъ, какъ ему угодно, каждый по своей волѣ, какъ говоритъ Эврипидъ. Но это дурно, потому что нельзя думать, чтобы жить въ духѣ даннаго политическаго устройства значило жить рабски, напротивъ, это значитъ жить для сохраненія существующаго политическаго устройства. Итакъ, вотъ, въ общихъ чертахъ, съ одной стороны, причины политическихъ переворотовъ и паденій государственныхъ устройствъ, а съ другой — условія, способствующія ихъ сохраненію и продолжительному существованію.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Причины паденія и условія сохраненія монархіи вообще. Различіе царства отъ тиранніи и царя отъ тиранна. Источники возмущеній въ тиранніяхъ и царствахъ.

Укажемъ теперь на тѣ обстоятельства, которыя естественно влекутъ за собою паденіе монархіи вообще, и на условія ея сохраненія. Положеніе царства и тиранніи, вообще говоря, близко подходитъ къ тому, что сказано было нами относительно политическихъ устройствъ республиканскаго характера. Потому что царство примыкаетъ къ аристократіи, а тираннія слагается изъ элементовъ крайней олигархіи и демо-

кратіи; вотъ причина, почему это политическое устройство такъ тягостно для подданныхъ: состоя изъ двухъ дурныхъ формъ политическаго устройства, оно совмѣщаетъ въ себѣ недостатки и ошибки того и другаго. Оба эти вида монархіи противуположны одинъ другому, по самому принципу: царство существуетъ для защиты высшихъ классовъ противъ народа, и царями обыкновенно бываютъ люди, принадлежащіе къ высшему сословію, при томъ превосходящіе другихъ или личнымъ достоинствомъ, или дѣлами доблести, или, наконецъ, въ силу превосходства того рода, изъ котораго они происходятъ. А тираннъ, напротивъ, выступаетъ обыкновенно изъ массы народа для защиты его противъ знатныхъ, съ тѣмъ будто бы, чтобы народъ не терпѣлъ отъ нихъ никакой несправедливости. Это ясно видно изъ исторіи. Можно сказать, что большинство тиранновъ были сперва демагогами и, благодаря той клеветѣ, которую они распускали на знатныхъ, тѣмъ самымъ пріобрѣли себѣ довѣренность народа. Но такимъ путемъ образуются тиранніи въ тѣхъ государствахъ, которыя уже возросли въ своей силѣ и могуществѣ. А прежде тираннами дѣлались или цари, которые нарушали старинные законы страны и стремились къ деспотической власти, или лица, отправлявшія высшія правительственныя должности, (тѣмъ болѣе, что въ древнія времена всѣ общественныя должности давались обыкновенно на долгое время); наконецъ, нѣкоторые тиранны выходили изъ среды олигарховъ; это бывало въ такомъ случаѣ, когда олигархи поручали кому нибудь одному высшія правительственныя должности. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ легко достигать тираннической власти: стоитъ только пожелать, а средство уже готово — для однихъ въ ихъ царской валсти, а для другихъ въ томъ почетѣ, которымъ они пользуются. Такъ Фидонъ[1]) въ Аргосѣ и другіе тиранны достигли тиранніи путемъ царской власти; іонійскіе тиранны[2]) и Фаларисъ — путемъ высшихъ почестей; а Панетій въ Леонтинахъ, Кипселъ въ Коринѳѣ, Пизистратъ въ Аѳинахъ, Діонисій въ Сиракузахъ и другіе точно также вышли въ тиранны изъ демагоговъ.

---

1) О Фидонѣ см. Страб. кн. VIII стр. 549. Геродотъ V гл. 127. Мюллеръ Die Dorier I. стр. 155.

2) О нихъ у Геродота I. 147.

Итакъ царство, какъ мы уже сказали, примыкаетъ къ аристократіи; потому что царская власть основывается или на достоинствѣ лица властвующаго, или на его личномъ талантѣ, или на превосходствѣ его рода, или она опирается на тѣ благодѣянія, которыя кто-либо оказалъ для своей страны, или, наконецъ, при всемъ томъ, и на силу. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ благодѣтели своей страны, или даже тѣ, которые имѣли только возможность оказать благодѣяніе государству или націи, удостоивались царскаго достоинства — одни, какъ Кодръ, за то что спасли свое отечество отъ предстоящаго рабства; другіе, какъ Киръ, за то что освободили его отъ дѣйствительнаго рабства, иные, наконецъ, за то, что основали государства, или завладѣли страною—каковы были цари у Лакедемонянъ, Македонянъ, и Молоссовъ[3]). Царь ставитъ себѣ задачею быть защитникомъ собственниковъ, чтобы они не терпѣли никакой несправедливости, но равнымъ образомъ онъ хочетъ охранять и народъ отъ всякой обиды. А тираннъ, напротивъ, какъ уже не разъ было говорено, не имѣетъ въ виду общественнаго блага, исключая тѣхъ случаевъ, когда оно можетъ служить ему средствомъ для его собственной выгоды. Цѣль тиранна—пріятное, а цѣль царя - прекрасное. Посему предметъ всѣхъ корыстныхъ желаній тиранна—деньги, а для царя—честь. Стражу царя составляютъ граждане, а стража тиранна состоитъ изъ наемниковъ. Тираннія, очевидно, содержитъ въ себѣ все зло демократіи и олигархіи: съ олигархіей она сходится по своей цѣли, которая для обѣихъ ихъ есть богатство (потому что, единственно только при этомъ условіи, тираннъ можетъ имѣть у себя вѣрную стражу и жить въ роскоши). Другая черта, приближающая тираннію къ олигархіи — это недовѣріе тиранновъ къ массѣ, а отсюда, какъ обыкновенная мѣра ихъ — отнятіе у нея оружія. Наконецъ, всячески вредить народу, изгонять его изъ города и разсѣлять по частямъ—вотъ еще мѣры общія и тиранніи и олигархіи. А связь тиранніи съ демократіею проявляется во враждѣ ея къ знатнымъ, въ томъ, что она губитъ ихъ и тайно и явно и изгоняетъ ихъ изъ страны, какъ своихъ противниковъ, какъ людей мѣшающихъ ея господству. Потому что всѣ заговоры, какъ со стороны тѣхъ, которые сами жела-

---

3) См. Плутархъ Vit. Pyrrhi et Pavsan. I. II.

ютъ власти, такъ и со стороны тѣхъ, которые не хотятъ раболѣпствовать—всѣ такіе заговоры противъ демократіи дѣйствительно строются въ сословіи знатныхъ. Таковъ смыслъ совѣта, даннаго Періандромъ Трисивулу—таково это обрѣзываніе выдающихся отростковъ;—оно означаетъ удаленіе тѣхъ гражданъ, которые возвышаются надъ общимъ уровнемъ [4]).

Чтоже касается до причинъ возмущенія въ монархіяхъ, то нельзя не признать, что здѣсь дѣйствуютъ тѣ же самыя причины, которыя производятъ волненія и въ республикахъ. Несправедливость, страхъ, надмѣнность правителей — вотъ тѣ причины, которыя въ монархіяхъ возбуждаютъ часто къ возстанію. А изъ всѣхъ несправедливостей наиболѣе въ этомъ случаѣ имѣетъ силу личное оскорбленіе и отнятіе собственности. Далѣе, самая цѣль возмущеній въ тиранніяхъ и царствахъ таже самая какъ и тамъ: богатство и почести, которыми въ избыткѣ пользуются монархи, суть предметъ желаній для всѣхъ остальныхъ гражданъ. Иногда возстаніе бываетъ направлено на самую личность правителя, а иногда только противъ его власти. По поводу личнаго оскорбленія, возстаніе обыкновенно имѣетъ въ виду личность; каждое личное оскорбленіе возбуждаетъ обыкновенно гнѣвъ въ человѣкѣ оскорбленномъ, при чемъ оскорбленные большею частію имѣютъ въ виду только мщеніе, а не свое собственное возвышеніе. Такъ, возстаніе противъ Пизистратидовъ произошло вслѣдствіе того, что они, обезчестивъ сестру Гармодія, тѣмъ самымъ нанесли окорбленіе самому Гармодію [5]). Гармодій вступился за сестру, а Аристогитонъ за Гармодія. Равнымъ образомъ, заговоръ противъ Періандра, тиранна Амвракійскаго, состоялся также вслѣдствіе того, что тираннъ, находясь однажды среди своихъ любимцевъ и любовницъ и будучи пьянъ, спросилъ одного юношу не забеременилъ ли онъ отъ него? Филиппъ [6]) былъ умерщвленъ Павсаніемъ за то, что тотъ оставилъ безъ вниманія тѣ обиды, которыя потерпѣлъ онъ отъ партіи Аттала. Такъ Аминта былъ убитъ Дердою, за то что тотъ хвастался своей любовной интригой съ нимъ. Таже участь постигла Эвагора Кипріанина: его

4) См. кн. III гл. 8.
5) См. Ѳукид. 1. 20 VI. 54.
6) См. Діод. Сицил. XVI. стр. 481.

умертвилъ Евнухъ [7]), оскорбленный тѣмъ, что сынъ его отнялъ у него жену. Часто возстанія бывали также и вслѣдствіе личнаго безчестія, которое нѣкоторые монархи причиняли кому-либо изъ своихъ подданныхъ. Такъ, напримѣръ, по этому поводу Кратей возсталъ на Архелая. Для Кратея всегда было непріятно оставаться въ скандальныхъ отношеніяхъ къ Архелаю, такъ что онъ воспользовался бы и менѣе важнымъ поводомъ для того чтобы возстать на Архелая. Поводъ состоялъ въ томъ, что Архелай, не смотря на свое обѣщаніе, не отдалъ за него ни одной изъ своихъ дочерей, но находясь въ тѣсныхъ обстоятельстахъ, по случаю войны съ Аравіею и съ Сиріею, старшую изъ нихъ отдалъ за царя Елиміи, а младшую за сына своего Аминту, думая чрезъ это прекратить вражду между нимъ и другимъ сыномъ, рожденнымъ отъ Клеопатры. Но истинная причина возстанія, кажется, состояла въ томъ, что ему тяжело было оставаться въ любовныхъ отношеніяхъ къ Архелаю. По такой же причинѣ, вмѣстѣ съ нимъ, возсталъ и Гелланократъ Ларисссейскій. Не смотря на то что во время юности его царь находился съ нимъ въ любовныхъ отношеніяхъ, теперь, вопреки своему обѣщанію, онъ не возвратилъ его изъ ссылки; потому тотъ сталъ думать, что прежнее отношеніе къ нему царя не было на самомъ дѣлѣ любовнымъ, и что царь нанесъ ему только личное оскорбленіе. Парронъ и Гераклидъ, оба изъ Эноса, умертвили Котина, въ отмщеніе за своего отца, а Адамъ пострадалъ отъ Котина за оскорбленіе кастрированья, которое онъ совершилъ надъ нимъ еще въ его юности. Есть еще нѣсколько примѣровъ того, какъ люди, пылая гнѣвомъ за то что были обезчещены тѣлеснымъ наказаніемъ, или дѣйствительно погубляли своихъ оскорбителей, или, по крайней мѣрѣ, старались отплатить имъ смертію за свою обиду, не смотря на то что обидившіе часто были люди облеченные важною правительственною властію, или даже царскимъ могуществомъ. Такъ Мегаклъ, при помощи своихъ союзниковъ, погубилъ въ Митиленѣ Пенталидовъ, которые ходили по городу и били палками всѣхъ встрѣчныхъ. Позднѣе, Смердисъ умертвилъ Пентиса, въ отмщеніе за понесенные отъ него удары и за то, что онъ былъ вытолканъ его женою. Главнымъ заговорщи-

7) Ibid. стр. 365.

комъ противъ Архелая былъ Декамнихъ, который и подговорилъ себѣ остальныхъ соучастниковъ. Причина же его гнѣва на Архелая заключалась въ томъ, что Архелай выдалъ его поэту Эврипиду для наказанія плетью. А Эврепидъ былъ сердитъ на него за то, что тотъ сказалъ ему что-то о дурномъ запахѣ изъ его рта. По такимъ же причинамъ пострадали и многіе другіе монархи, и хотя нѣкоторые и не погибли, но испытали всѣ невзгоды возстанія противъ себя. Впрочемъ, возстанія бывали иногда и просто, какъ слѣдствіе страха: страхъ бываетъ одною изъ причинъ политическихъ безпорядковъ, какъ въ республикахъ, такъ и въ монархіяхъ. Такъ, Артапанъ злоумышлялъ на Ксеркса, единственно страшась гнѣва его за Дарія, котораго онъ не сжегъ, не смотря на приказаніе Ксеркса; при этомъ онъ разчитывалъ, что Ксерксъ, можетъ быть, проститъ ему, забывъ и самъ свое приказаніе, такъ какъ оно дано было во время ужина. Презрѣніе къ правительству также бываетъ иногда причиной его низверженія. Такъ, — если только сказаніе это справедливо — Сарданапалъ былъ низверженъ однимъ изъ своихъ подданныхъ, который увидалъ однажды, что онъ, вмѣстѣ съ женщинами, разчесываетъ шерсть. Положимъ, что сказаніе это не истинно относительно Сарданапала; вообще же оно правдоподобно. Руководящимъ мотивомъ возстанія Діона на Діонисія Младшаго было также презрѣніе. Діонъ видѣлъ, что всѣ граждане расположены къ возстанію противъ Діонисія и что самъ онъ постоянно въ нетрезвомъ видѣ. Тоже презрѣніе къ правительству служитъ причиною возстанія и со стороны самихъ друзей его. Пользуясь его довѣренностію, они тѣмъ болѣе презираютъ его, что легко могутъ скрывать свои чувства. Презрѣніе къ правительству служитъ въ свою очередь мотивомъ возстанія противъ него и со стороны всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ, что какимъ-нибудь образомъ они въ состояніи захватить въ свои руки правительственную власть. Какъ люди сильные и, на основаніи этой силы, презирающіе всякую опасность, они бываютъ склонны ко всѣмъ такого рода предпріятіямъ. Такъ, по чувству презрѣнія, военачальники дѣйствуютъ противъ монарховъ. Киръ, напримѣръ, возсталъ противъ Астіага не по какому-либо другому побужденію, какъ по презрѣнію къ нему за его изнѣженную жизнь и за распущенность его войска. Севтисъ Ѳракіянинъ, будучи полководцемъ Амадоки,

возсталъ на него также по презрѣнію къ нему. Но часто возстаніе происходитъ вслѣдствіе нѣсколькихъ такихъ причинъ, напримѣръ, по презрѣнію и по корыстному желанію; такими побужденіями опредѣлилось возстаніе Митридата противъ Аріобарзана. Впрочемъ, такими мотивами руководятся, большею частію, люди по природѣ отважные, которые при этомъ пользуются еще у своихъ монарховъ воинскою честію; отважность есть не что иное, какъ мужество, опирающееся на силу; потому люди, обладающіе тѣмъ и другимъ, производятъ возстанія въ полной надеждѣ, что они легко достигнутъ своей цѣли. Но тѣ, которые подымаютъ знамя возстанія изъ любви къ славѣ, дѣйствуютъ совершенно по другому мотиву, нежели какимъ руководятся тѣ, о которыхъ мы доселѣ говорили. Каждый изъ инсургентовъ, дѣйствующихъ по славолюбію, рискуетъ вовсе не въ виду того, что возбуждаетъ другихъ къ возстанію противъ тиранновъ — именно: тѣ большія средства и тѣ великія почести, которыми они пользуются. Если другіе дѣйствуютъ, большею частію, по такой причинѣ, то люди честолюбивые подымаютъ возстаніе, смотря на него какъ на всякое другое чрезвычайное дѣло, чрезъ которое они могутъ составить себѣ имя и стать извѣстными другимъ; часто они вовсе не желаютъ захватить въ свои руки монархическую власть, но стремятся только къ славѣ. Людей, подымающихъ возстаніе по такому побужденію, конечно, не много, потому что необходимо должно предположить, что такой человѣкъ, въ случаѣ неудачи своего дѣла, не думаетъ о своей собственной безопастости. Такіе люди должны дѣйствовать по мысли Діона; но для большинства не легко рѣшиться на то, на что рѣшился Діонъ. Когда онъ выступилъ на войну противъ Діонисія съ небольшимъ числомъ своихъ приверженцевъ, то, по собственному его признанію, онъ былъ настроенъ признать успѣшнымъ свое дѣло, если бы оно удалось ему хоть нѣсколько: онъ говорилъ, что если онъ, хоть только ступитъ на непріятельскую землю и тотчасъ умретъ, то и тогда сочтетъ свою смерть прекрасною.

Какъ всякая другая форма политическаго устройства, тираннія разрушается часто вслѣдствіе внѣшняго вліянія на нее со стороны другаго болѣе сильнаго государства съ противоположнымъ политическимъ устройствомъ. Въ этомъ случаѣ, вслѣдствіе самой противоположности принциповъ, сосѣдняго

устройства всегда будутъ желать; а чего желаютъ, того, по-возможности, и достигаютъ. Политическія устройства, противуположныя тираніи, суть: демократія, которая хоть въ томъ смыслѣ противуположна тираніи, въ какомъ, по словамъ Гезіода, [8]) одинъ горшечникъ противуположенъ другому, (потому что крайняя демократія есть тоже тираннія); а царство и аристократія противуположны тираніи, въ силу противуположности самого ихъ политическаго устройства. Поэтому Лакедемоняне разрушили очень много тиранній, а также и Сиракузяне, въ цвѣтущее время своего государственнаго быта. Но большею частію, тираннія падаетъ вслѣдствіе причинъ, дѣйствующихъ внутри ея самой. Такъ пала тираннія, основанная Гелономъ и болѣе близкая къ настоящему времени — тираннія Діонисія. Первая пала вслѣдствіе того, что Өразибулъ, братъ Гіерона, потворствуя сыну Гелона и направляя его на разныя удовольствія, съ тѣмъ чтобы самому властвовать, возмутилъ родственниковъ молодаго тиранна, которые, впрочемъ, возстали не съ тою цѣлію, чтобы совершенно разрушить тираннію, но чтобы устранить только Өразибула. Между тѣмъ, остальные граждане, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ ними, воспользовались удобнымъ случаемъ и низвергли всю фамилію тиранна. Тираннія Діонисія была ниспровергнута родственникомъ его Діономъ, который вышелъ на него съ войскомъ, и склонивъ на свою сторону народъ, дѣйствительно низвергъ тиранна; впрочемъ, вскорѣ онъ и самъ погибъ.

Изъ двухъ основныхъ мотивовъ: ненависти и презрѣнія, которые, большею частію, руководятъ возстаніями противъ тиранніи, ненависть естественно должна быть удѣломъ тиранновъ, но многія тиранніи падаютъ также и вслѣдствіе презрѣнія. Дѣло объясняется слѣдующимъ образомъ: кто самъ достигаетъ власти, тотъ, по большей части, и сохраняетъ ее, а кто получаетъ ее по наслѣдству отъ другихъ, тотъ обыкновенно тотчасъ же и теряетъ ее, потому что, живя распущенно, онъ становится презрѣннымъ для другихъ и такимъ образомъ даетъ своимъ противникамъ тысячи поводовъ для своего низверженія. Гнѣвъ также нельзя не признать за мотивъ, который не рѣдко руководитъ возмущеніемъ противъ тиранніи; потому что гнѣвъ ведетъ къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ;

8) См, Ерү. х. ημερ. — ст. 25

а часто онъ даже гораздо дѣйствительнѣе самой ненависти, потому что вслѣдствіе того, что страсть не повинуется разуму, люди въ гнѣвѣ дѣйствуютъ гораздо рѣшительнѣе; особенно же тогда гнѣвъ увлекаетъ сердце человѣка, когда онъ возбуждается въ немъ вслѣдствіе личнаго оскорбленія; такъ, гнѣвъ разрушилъ тираннію Пизистратидовъ и многія другія. Но чаще въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ ненависть, потому что въ гнѣвѣ всегда есть нѣкоторая доля раздраженія, которая не позволяетъ человѣку обдумывать, а ненависть свободна отъ всякой раздражительности. Итакъ, резюмируя все сказанное, мы должны признать, что тѣже самыя причины, о которыхъ мы говорили, какъ о причинахъ паденія чистой и совершеннѣйшей олигархіи и крайней демократіи, производятъ паденіе и тиранніи; потому что обѣ тѣ формы политическаго устройства суть тѣже тиранніи, съ тѣмъ только различіемъ, что власть тиранническая раздѣлена здѣсь между многими.

Что же касается собственно до царства, то разрушеніе его очень мало зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ; отъ того эта форма политическаго устройства вообще продолжительна въ своемъ существованіи. Большею частію, паденіе царства зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, дѣйствующихъ въ немъ самомъ. Эти внутреннія причины паденія царства двоякі: во первыхъ, царство разрушается вслѣдствіе волненій, происходящихъ въ средѣ лицъ, участвующихъ въ управленіи царствомъ, во вторыхъ, вслѣдствіе тиранническихъ стремленій, когда цари думаютъ довести свою власть до абсолютизма и поставить ее внѣ закона. Въ наше время нѣтъ уже болѣе царства; если что и существуетъ въ этомъ родѣ, то это скорѣе монархіи и тиранніи, потому что царская власть такова, что подданные подчиняются ей добровольно; притомъ, она пользуется большими прерогативыми. Въ наше же время большинство людей равны между собою, и преносходство кого бы то ни было никогда не достигаетъ до такой степени, чтобы соотвѣтсвовать величію и достоинству царской власти. Отсюда, въ настоящее время, по доброй волѣ никто не допускаетъ надъ собою такой власти; если же кто нибудь достигаетъ такой власти обманомъ или силою, то это, очевидно, уже тираннія. Но въ тѣхъ царствахъ, гдѣ престолъ царскій наслѣдственъ въ одномъ родѣ, кромѣ вышесказанныхъ причинъ паденія, должно указать еще на одну: имен-

но, многіе изъ наслѣдниковъ престола бываютъ люди достойные всякаго презрѣнія, и по вступленіи на престолъ, не достигнувши еще тиранническаго могущества, а пользуясь просто лишь царскимъ достоинствомъ, тѣмъ не менѣе часто оскорбляютъ своихъ подданныхъ. Въ такомъ случаѣ царство легко разрушается, потому что коль скоро подданные не хотятъ царя, то царь уже не царь; царствуя надъ ними противъ ихъ воли, онъ тираннъ. Итакъ, монархіи вообще разрушаются, какъ вслѣдствіе этихъ причинъ, такъ и вслѣдствіе другихъ подобныхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Условія сохраненія царской власти; способы сохраненія тиранніи: способъ положительный и отрицательный. Непродолжительность тиранической власти.

Сохраненіе монархій, вообще говоря, зависитъ отъ причинъ противуположныхъ причинамъ ихъ разрушенія. Въ частности же, сохраненіе, напримѣръ, царства зависитъ отъ умѣренности царской власти. Чѣмъ ограниченнѣе верховная власть, тѣмъ она, какъ и всякая власть, необходимо продолжительнѣе. При этомъ условіи, цари менѣе деспотичны, и приравниваясь къ своимъ подданнымъ въ образѣ своей жизни, менѣе терпятъ отъ ихъ ненависти. Вотъ причина, почему, напримѣръ, у Молоссовъ царская власть держалась столь долгое время. И въ Лакедемонѣ также долго сохранялось царство вслѣдствіе того, что царская власть издавна была тамъ раздѣлена на двѣ части, а потомъ Θеопомпъ [1]), еще умѣрилъ ея значеніе учрежденіемъ разныхъ правительственныхъ институтовъ, особенно же учрежденіемъ власти эфоровъ. Такимъ образомъ, умаливъ царскую власть въ отношеніи ея могущества, онъ увеличилъ ее относительно ея продолжительности, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ увеличилъ ее, а не уменьшилъ. Такъ, дѣйствительно, говорятъ, и отвѣчалъ онъ

1) См. кн. II. гл. 6.

женѣ своей, когда она сказала, что ужели ему несовѣстно передать своимъ дѣтямъ царскую власть въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ какихъ онъ самъ принялъ ее отъ отца. «Ни мало, отвѣчалъ на это Θеопомпъ, потому что я передаю имъ болѣе продолжительную царскую власть».

Что же касается до тиранній, то онѣ сохраняются двумя противуположными другъ другу способами: одинъ изъ нихъ общеупотребительный, къ которому прибѣгаетъ большая часть тиранновъ для сохраненія своей власти. Многія мѣры этого рода, говорятъ, придуманы были Періандромъ Коринθскимъ, но многія другія можно встрѣтить также и въ практикѣ персидскаго правительства. Сюда относятся всѣ тѣ мѣры, о которыхъ мы говорили выше, какъ о мѣрахъ, способствующихъ возможно продолжительному сохраненію тиранніи, — таковы: угнетеніе людей, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ, вытѣсненіе людей мыслящихъ, запрещеніе всякихъ сисситій, всякихъ ассоціацій, подавленіе образованія и всего другаго подобнаго; напротивъ, строгій надсмотръ за всѣмъ тѣмъ, что возбуждаетъ въ гражданахъ предпріимчивость и взаимное довѣріе; далѣе, запрещеніе жить досужно; запрещеніе всѣхъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ можетъ быть обмѣнъ мыслей; напротивъ, дозволеніе всего того, что способствуетъ къ возможно большему разобщенію гражданъ, потому что сближеніе людей между собою скорѣе рождаетъ въ нихъ довѣренность другъ къ другу. Сюда относится также наблюденіе за тѣмъ, чтобы наличные обитатели государства всегда были на виду и постоянно толпились бы у дверей тиранна, потому что, живя такимъ образомъ, едвали они могутъ сдѣлать что либо тайно; при томъ постоянно рабское положеніе ихъ отучаетъ ихъ отъ самоувѣренности. Кромѣ этихъ тиранническихъ мѣръ, есть еще и другія подобныя, употребительныя у Персовъ и у прочихъ варваровъ; но значеніе всѣхъ ихъ одно и то же. Такъ, къ вышеупомянутымъ мѣрамъ относится еще стараніе не оставаться въ невѣдѣніи всего того, что говорятъ или что дѣлаютъ подданные, но имѣть соглядатаевъ, подобныхъ тѣмъ женщинамъ, которыя въ Сиракузахъ носятъ названіе потагогидъ (доносчицъ), и шпіоновъ, которыхъ Гіеронъ разсылалъ всюду, гдѣ только было какое-либо сходбище, или сборище, потому что изъ страха предъ этими людьми граждане ведутъ себя осторожнѣе, а если высказываются свободно, то, оче-

видно, не могутъ скрыть своихъ намѣреній. Для тиранна полезно также сѣять раздоры и поселять вражду между гражданами; такъ, ему полезно, напримѣръ, поссорить друзей между собою, возбудить народъ противъ знати и поселить раздоръ между богатыми. Кромѣ того, въ интересахъ тиранна дѣлать своихъ подданныхъ бѣдными — съ одной стороны для того, чтобы свою собственную стражу содержать лучше, чѣмъ какъ живутъ остальные граждане, а съ другой для того, чтобы подданные, занятые каждый день работой, не имѣли времени для заговоровъ. Свидѣтелями такого поведенія тиранновъ служатъ египетскія пирамиды, священные монументы Кипселидовъ [2]) построеніе храма Олимпійскому Зевсу [3]), предпринятое Пизистратидами, а также большія постройки Поликрата [4]) на Самосѣ. Всѣ такія предпріятія имѣютъ для тиранновъ одну цѣль: занять своихъ подданныхъ работой и привести ихъ въ бѣдность. Далѣе, какъ на средство тиранна удержать свое господство, можно указать также на взносъ податей въ томъ объемѣ, какъ это было, напримѣръ, въ Сиракузахъ: въ продолженіе пяти лѣтъ Діонисій отнялъ у своихъ подданныхъ всю ихъ собственность. Потомъ, тиранны обыкновенно бываютъ предпріимчивы на войны, для того чтобы занять своихъ подданныхъ и для того чтобы заставить ихъ постоянно чувствовать нужду въ предводителѣ; и между тѣмъ какъ царская власть сохраняется содѣйствіемъ друзей царя, тиранническая власть, напротивъ, для поддержки своей, всего болѣе требуетъ вѣроломства тиранна своимъ друзьямъ, потому что, при общемъ желаніи низвергнуть тиранна, достигнуть этого преимущественно могутъ только друзья его. Все крайне демократическое соотвѣтствуетъ также и цѣлямъ тиранническимъ. Сюда относится власть женщинъ (гинайкократія) въ семейномъ быту, съ тѣмъ чтобы онѣ выдавали своихъ мужей, послабленіе рабамъ съ тою же самою цѣлію. Ни рабы, ни женщины не злоумышляютъ противъ тиранновъ, а если они пользуются благоденствіемъ, то бываютъ даже расположены какъ къ тиранніямъ, такъ и къ демократіямъ, потому что народъ въ демократіяхъ также хочетъ быть монар-

---

2) См. Мюллеръ Die Dorier. I стр. 166.
3) Оконченъ при императорѣ Адріанѣ.
4) См. Геродотъ. III. 60.

хомъ. И вотъ почему льстецъ пользуется почетомъ, какъ у народа, такъ и у тиранна. Въ демократіяхъ такимъ лицомъ является демагогъ (демагогъ есть льстецъ народа), а тираннамъ льстятъ всѣ тѣ, которые въ обращеніи съ ними ведутъ себя униженно, что конечно то же лесть. Поэтому, въ любви у тиранновъ бываютъ только дурные люди: тираннамъ нравится, когда имъ льстятъ, а ни одинъ человѣкъ съ свободнымъ образомъ мыслей не будетъ этого дѣлать: порядочные люди бываютъ друзьями, а не льстецами. Дурные люди годятся только на дурное: клинъ клиномъ выбивается, говоритъ пословица. Далѣе, отличительное свойство тиранна состоитъ въ томъ, что онъ не сочувствуетъ ни чему свѣтлому, либеральному, потому что тираннъ только себя самого считаетъ такимъ. Поэтому всякій, кто имѣетъ свѣтлый взглядъ и либеральный образъ мыслей, лишаетъ его тираннію ея могущества и ея деспотическаго значенія; вслѣдствіе этого, тиранны презираютъ такихъ людей, какъ разрушителей ихъ власти. Тиранны имѣютъ также обычай приглашать къ своему столу и допускать въ постоянное свое сообщество скорѣе иностранцевъ, чѣмъ людей изъ своего государства, потому что на послѣднихъ они смотрятъ, какъ на враговъ своихъ, а въ первыхъ не встрѣчаютъ никакого противодѣйствія. Эти и другія подобныя тиранническія мѣры — вотъ тѣ нравственно дурныя средства, которыми сохраняется власть тиранна. Но всѣ эти мѣры, взятыя вмѣстѣ, распадаются лишь на три вида: Тираннія имѣетъ, вопервыхъ, въ виду сдѣлать своихъ подданныхъ людьми мало-мыслящими (потому что человѣкъ съ малымъ духомъ не въ состояніи злоумышлять противъ кого-либо); вовторыхъ, она стремится поселить между ними недовѣріе другъ къ другу, потому что дотолѣ тираннія не безопасна отъ паденія, пока хоть нѣкоторые имѣютъ еще къ себѣ довѣріе другихъ. Посему тиранны враждуютъ съ людьми порядочными, считая ихъ вредными для своей власти не только потому, что они несогласны быть подъ деспотическою властію, но и потому, что такіе люди пользуются довѣренностію какъ въ своемъ кругу, такъ и въ кругу другихъ и не желаютъ дѣлать доносовъ ни на кого; наконецъ, третья цѣль тиранніи состоитъ въ обезсиленіи своихъ подданныхъ. Никто не предпринимаетъ того, чего не въ состояніи сдѣлать: слѣдовательно, никто не станетъ разрушать тиранію, если нѣтъ у него на это силы.

Итакъ, желанія тиранновъ сводятся къ этимъ тремъ основнымъ пунктамъ; именно, всѣ тиранническія мѣры можно свести къ слѣдующимъ цѣлямъ: къ уничтоженію довѣрія между подданными, къ обезсиленію ихъ, и наконецъ, ко тому чтобы сдѣлать ихъ людьми мало-мыслящими. Итакъ, вотъ первый способъ сохраненія тиранніи.

Дѣйствуя другимъ способомъ, тиранны пользуются мѣрами почти прямо противуположными тѣмъ, о которыхъ мы выше говорили. Мы уяснимъ себѣ эти мѣры, если разсмотримъ тѣ причины, отъ которыхъ зависитъ паденіе царствъ. Одинъ изъ путей, ведущій къ разрушенію царства, это путь тиранизаціи царской власти; сохраненіе тиранніи зависитъ слѣдовательно отъ того, что власть тиранна является болѣе царскою властію. При этомъ тираннъ долженъ заботиться только объ одномъ: не потерять возможности властвовать надъ подданными, не только съ ихъ согласія, но и противъ ихъ воли; потому что безъ этого условія исчезаетъ самая тираннія. Это условіе должно быть сохранено, какъ основное положеніе тиранніи, а за тѣмъ тираннъ въ иныхъ дѣлахъ можетъ дѣйствительно поступать по-царски, а въ другихъ, пожалуй, и притворно, только показывая видъ, что онъ дѣйствуетъ, какъ царь. Прежде всего, онъ долженъ казаться человѣкомъ, заботящимся объ общественныхъ интересахъ, человѣкомъ, не тратящимъ напрасно тѣ дары, надъ производствомъ которыхъ трудится толпа—когда, напримѣръ, тиранны, получая отъ народа разныя цѣнности, на издѣліе которыхъ онъ потратилъ столько труда и усилія, щедрой рукою раздаютъ ихъ своимъ любовницамъ, иностранцамъ и всякаго рода артистамъ; напротивъ, онъ долженъ явиться предъ народомъ правителемъ, отдающимъ отчетъ въ томъ, какъ онъ истратилъ полученное отъ него. Поступая такимъ образомъ, онъ можетъ показаться народу хозяиномъ, а не тиранномъ. Бояться же недостатка въ деньгахъ не приходится тому, кто имѣетъ верховную власть въ государствѣ. Въ случаѣ удаленія тиранновъ изъ своей резиденціи, имъ полезнѣе имѣть не много денегъ, чѣмъ накопивши много, оставить ихъ дома; потому что хранители ихъ сокровищъ менѣе будетъ имѣть повода покуситься на нихъ. Но для отсутствующихъ тиранновъ стража ихъ опаснѣе самихъ гражданъ, потому что стража сопутствуетъ имъ въ ихъ путешествіи, а граждане остаются дома. Далѣе, взносамъ и разнаго рода

литургіямъ должно дать такой видъ, что онѣ собираются на содержаніе государства, чтобы, въ случаѣ нужды, воспользоваться, напримѣръ, ими въ военное время; и вообще тираннъ долженъ представлять изъ себя защитника и охранителя общественныхъ выгодъ, а не своихъ собственныхъ. Потомъ, тираннъ не долженъ быть мраченъ, но свѣтелъ, такъ чтобы встрѣчающіеся съ нимъ чувствовали не страхъ къ нему, но уваженіе. Конечно, кто ненавистенъ своимъ подданнымъ, тому не легко достигнуть этого. Чтобы добиться уваженія себѣ отъ подданныхъ, тираннъ по крайней мѣрѣ долженъ заботиться о политической добродѣтели, если уже пренебрегаетъ онъ прочими добродѣтелями, и вести дѣло такъ, чтобы въ отношеніи къ политической добродѣтели отзывались о немъ съ уваженіемъ. Далѣе, не только самъ онъ долженъ казаться человѣкомъ, не оскорбляющимъ никого изъ своихъ подданныхъ, человѣкомъ, не наносящимъ безчестія ни чьей юности, но и не позволяющимъ этого никому изъ своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ же деликатныхъ отношеніяхъ должны находиться собственныя его жены къ женамъ другихъ лицъ, потому что изъ-за женскихъ интригъ погибли многія тиранніи. Что касается далѣе тѣлесныхъ удовольствій, то въ этомъ отношеніи, тираннъ долженъ держать себя совершенно напротивъ, нежели какъ нѣкоторые тиранны поступаютъ въ наше время: они не только сподрядъ нѣсколько дней, съ утра до ночи, предаются удовольствіямъ, но нарочно даже дѣйствуютъ такъ на виду предъ всѣми, чтобы удивлялись имъ, какъ людямъ блаженствующимъ и счастливымъ. Истинный тираннъ, напротивъ, долженъ, какъ можно болѣе, быть умѣреннымъ въ своихъ удовольствіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, казаться другимъ, что онъ не гоняется за ними. Потому что не на трезваго нападаютъ и не трезваго презираютъ, но пьянаго, не бодрствующаго, но спящаго. Однимъ словомъ, тираннъ почти во всемъ долженъ прибѣгать къ мѣрамъ противуположнымъ тѣмъ, о которыхъ говорено было выше. Онъ долженъ обстроивать и украшать городъ, какъ будто бы онъ былъ охранителемъ его, а не тиранномъ. Потомъ, онъ долженъ казаться всегда благочестивымъ въ отношеніи къ богамъ, потому что отъ человѣка, котораго считаютъ богобоязненнымъ и чтущимъ боговъ, менѣе боятся потерпѣть что либо противузаконное и менѣе

злоумышляютъ противъ него, такъ какъ думаютъ, что сами боги ему содѣйствуютъ. Но въ то же время тираннъ долженъ казаться человѣкомъ безъ суевѣрія. Людямъ замѣчательнымъ чѣмъ бы то ни было онъ долженъ оказывать такія почести, чтобы они не думали, что при автономіи гражданъ они удостоились бы отъ нихъ еще большей чести. При томъ, почести эти онъ самъ долженъ раздавать гражданамъ, а подвергать ихъ наказаніямъ слѣдуетъ чрезъ другія правительственныя и судебныя лица. Общее же правило сохраненія всякой монархіи состоитъ въ томъ, что бы не возвеличивать слишкомъ кого нибудь одного; а если уже непремѣнно нужно возвысить кого нибудь, то стараться возвысить при этомъ и другихъ, съ тѣмъ чтобы они сами наблюдали другъ за другомъ. При томъ, если и есть надобность возвеличить кого нибудь, то должно избѣгать въ этомъ случаѣ людей смѣлаго характера, потому что такіе люди очень предпріимчивы во всѣхъ дѣлахъ. Если же, далѣе, кажется нужнымъ лишить кого нибудь его значенія, то должно дѣлать это постепенно, а не заразъ отнимать у него всю его силу. Потомъ тираннъ долженъ воздерживаться отъ всякаго личнаго оскорбленія юношей. Преимущественно же осторожность такого рода должно наблюдать въ обхожденіи съ людьми честолюбивыми. Какъ люди сребролюбивые съ трудомъ переносятъ оскорбленіе, нанесенное ихъ денежнымъ интересамъ, такъ честолюбивые и вообще люди порядочные не терпятъ наносимаго имъ личнаго оскорбленія. По сему тираннъ или вовсе долженъ воздержаться отъ всякаго мщенія такимъ людямъ, или, наказывая подданныхъ, онъ долженъ давать видъ, что поступаетъ съ ними отечески, а не по неуваженію къ нимъ; отношенія же свои къ юношамъ онъ долженъ выставлять, какъ результатъ дѣйствительной любви своей къ нимъ, а не какъ только злоупотребленіе своей власти. Вообще, тираннъ долженъ иногда оказывать своимъ подданнымъ большія почести, съ тѣмъ чтобы искупить предъ ними все, что можетъ имѣть въ глазахъ ихъ видъ безчестія съ его стороны. Изъ всѣхъ личныхъ враговъ тиранна, стремящихся къ его низверженію, самые опасные, отъ которыхъ ему особенно должно охранять себя, суть тѣ, которые не заботятся о безопасности своей собственной жизни, лишь бы только низложить тиранна. Также особенно должно остерегаться ему такихъ людей, ко-

торые считаютъ или самихъ себя или друзей своихъ оскорбленными тиранномъ: потому что люди, дѣйствующіе по страсти, въ отношеніи къ самимъ себѣ поступаютъ безъ всякой осторожности, какъ сказалъ еще и Гераклитъ: «трудно бороться со страстью, потому что вся душа бываетъ закуплена ею». Такъ какъ государство состоитъ изъ двухъ частей: изъ людей бѣдныхъ и богатыхъ, то тираннъ особенно долженъ стараться убѣдить тѣхъ и другихъ, что благосостояніе ихъ связано съ благосостояніемъ ихъ правительства и наблюдать за тѣмъ, чтобы ни тѣ ни другіе не терпѣли другъ отъ друга ни какой несправедливости. Но тираннъ особенно долженъ приближать къ себѣ людей сильныхъ въ государствѣ, потому что если они расположены къ нему, то ему нѣтъ уже надобности давать свободу рабамъ, или обезоруживать своихъ подданныхъ. Часть гражданъ, расположенная къ власти тиранна, должна быть достаточно сильна для того, чтобы правительство могло одолѣть своихъ противниковъ. Но было бы излишне говорить еще о каждой подобной мѣрѣ въ отдѣльности. Цѣль, къ которой тираннъ долженъ стремиться, очевидна: онъ долженъ являться предъ своими подданными не тиранномъ, но хозяиномъ государства и царемъ, не эксплуататоромъ, но сберегателемъ добра своихъ подданныхъ, наконецъ, человѣкомъ ведущимъ умѣренную жизнь, а не роскошную. Знатныхъ онъ долженъ привлекать къ себѣ своимъ обхожденіемъ, а массу демагогическимъ ласкательствомъ. Какъ результатъ всѣхъ этихъ мѣръ, правленіе тиранна не только будетъ лучше и привлекательнѣе, потому что будетъ казаться, что онъ властвуетъ надъ лучшими, а не надъ униженными, не возбуждая такимъ образомъ въ своихъ подданныхъ ненависти и страха, — но оно будетъ также и продолжительнѣе. Наконецъ, по нраву своему, тираннъ долженъ быть человѣкомъ или вполнѣ добродѣтельнымъ, или хоть только въ половину, но во всякомъ случаѣ не вовсе порочнымъ.

Но не смотря на всѣ эти мѣры, олигархія и тираннія суть самыя недолговѣчныя формы политическаго устройства. Самое продолжительное существованіе имѣла тираннія Орѳагора [5]) и наслѣдниковъ его въ Сикіонѣ: она продолжалась сто лѣтъ. Такое долгое существованіе ея зависѣло отъ того, что тиранны обращались съ подданными умѣренно и во многомъ

---

5) См. Мюллеръ Die Dirier. I. стр. 161.

подчинялись законамъ, равно отъ того, что Клисѳенъ, [6]) будучи человѣкомъ воинственнымъ, не былъ ненавистенъ своимъ подданнымъ, но, благодаря своей постоянной заботѣ о нихъ, пользовался у нихъ демагогическимъ положеніемъ. Говорятъ, что онъ самъ возложилъ даже вѣнокъ на одного человѣка, который оспаривалъ у него побѣду; нѣкоторые утверждаютъ при этомъ, что сидячая статуя, находящаяся на площади въ Сикіонѣ, есть изображеніе этого вѣнчаннаго судьи. Также разсказываютъ о Пизистратѣ, что онъ былъ позванъ однажды къ суду предъ ареопагомъ. Другая болѣе продолжительная тираннія была тираннія Кипселидовъ въ Коринѳѣ; она продолжалась семьдесятъ три года и шесть мѣсяцевъ: именно, Кипселъ былъ тиранномъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, Періандръ — сорокъ четыре года, а Псаммётихъ, сынъ Гардія — три года. Причины продолжительности этой тиранніи были тѣже самыя, что̀ и предшествующей: такъ, Кипселъ былъ демагогомъ и во все свое правленіе никогда не окружалъ себя копьеносцами. Періандръ же хотя былъ и тираннъ, но въ тоже время онъ былъ человѣкъ воинственный. Третья также продолжительная тираннія была тираннія Пизистратидовъ въ Аѳинахъ, впрочемъ, она существовала не безъ перерыва: самъ Пизистратъ, во время своего правленія, два раза принужденъ былъ бѣжать изъ своей страны, такъ что въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ онъ былъ тиранномъ только семнадцать лѣтъ, дѣти же его удерживали тираннію въ продолженіе восемнадцати лѣтъ; такимъ образомъ, тираннія Пизистратидовъ продолжалась всего тридцать пять лѣтъ. Изъ прочихъ тиранній, по продолжительности своей, замѣчательна тираннія Гіерона и Гелона въ Сиракузахъ; впрочемъ, всего-навсего она продолжалась восемнадцать лѣтъ. Гелонъ умеръ на восьмомъ году своей тиранніи, Гіеронъ былъ тиранномъ въ продолженіи десяти лѣтъ, а Ѳразибулъ былъ изгнанъ въ одиннадцатый мѣсяцъ своего тиранническаго правленія. Вообще, большая часть тиранній была очень непродолжительна. Итакъ, доселѣ мы сказали почти обо всемъ, что̀ способствуетъ къ разрушенію и сохраненію какъ республиканскихъ формъ политическаго устройства, такъ и формъ монархическихъ.

---

6) Одинъ изъ наслѣдниковъ Орѳагора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Критика ученія Платона о политическихъ переворотахъ въ томъ или другомъ государствѣ.

Въ Республикѣ Сократъ говоритъ также о возмущеніяхъ, но онъ трактуетъ этотъ вопросъ неудовлетворительно. Онъ не разсуждаетъ о томъ, отъ чего собственно происходятъ перевороты въ томъ политическомъ устройствѣ, которое, по его мнѣнію, есть первое и лучшее изъ всѣхъ другихъ. Вообще, причину переворотовъ онъ полагаетъ въ томъ, что на свѣтѣ ничто не остается безъ перемѣны, но съ теченіемъ времени измѣняется. Основаніемъ же этому явленію служатъ числа [1]). . . . .

Это послѣднее замѣчаніе не дурно; потому что дѣйствительно есть люди, неспособные воспитаться и сдѣлаться людьми морально-совершенными. Но спрашивается: почему переворотъ болѣе касается той формы политическаго устройства, которую онъ называетъ наилучшею, чѣмъ всякой другой и даже вообще всего существующаго? Потомъ, если есть такой моментъ времени, въ который, по его словамъ, все измѣняется, то вмѣстѣ съ другимъ въ этотъ моментъ измѣняется слѣдовательно и то, что̀ еще не начало существовать; по крайней мѣрѣ, бытіе, появившееся за день до переворота, въ данный моментъ должно измѣниться, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ.

Кромѣ того, почему Сократъ думаетъ, что совершеннѣйшее политическое устройство должно измѣниться въ устройство Лакедемонское. Извѣстно, что всякая форма политическаго устройства, по большей части, измѣняется въ противуположную, или въ ближайшую. Тоже самое должно замѣтить и о

---

1) ...... ἀρχὴν δ' εἶναι τούτων ὧν ἐπίτριτος πυθμὴν πεμπάδι συζυγεὶς δύο ἁρμονίας παρέχεται, λέγων ὅταν ὁ τοῦ διαγράμματος ἀριθμὸς τούτου γένηται στερέος, ὡς τῆς φύσεώς ποτε φυούσης φαύλους καὶ κρέιττους τῆς παιδείας.. Смыслъ текста въ высшей степени неясенъ и непонятенъ; потому въ переводѣ мы рѣшились опуститъ эти строки. Аристотель имѣлъ здѣсь въ виду Платона de Republ. VIII стр. 546. Комментаторы и толкователи Платона доселѣ еще не дали удовлетворительнаго объясненія этому запутанному смыслу словъ Платона. См. Геттлингъ. Тамъ же. стр. 411—493.

переворотахъ прочихъ формъ политическаго быта. Такъ, онъ говоритъ: Лакедемонское политическое устройство измѣняется въ олигархію, а олигархія въ демократію, демократія же въ тираннію. Но вѣдь измѣненія совершаются и обратнымъ путемъ: такъ, напримѣръ, демократія переходитъ въ олигархію, или даже въ монархію. Что же касается тиранніи, то Сократъ ничего не говоритъ о ея измѣненіи, о томъ, въ какую форму политическаго устройства она должна измѣниться; если же тираннія стоитъ внѣ условій всякаго переворота, то спрашивается: почему? Молчаніе его въ этомъ случаѣ зависитъ отъ того, что на это ему не легко было бы отвѣчать, потому что дѣло это довольно неопредѣленно. Согласно съ его основнымъ положеніемъ, тираннія должна переходить въ первую и наилучшую форму политическаго устройства, потому что только въ такомъ случаѣ выйдетъ непрерывный кругъ. Но на самомъ дѣлѣ тираннія переходитъ также въ тираннію; такъ, напримѣръ, въ Сикіонѣ тираннія Мирона перешла въ тираннію Клисѳена, или въ олигархію, какъ, напримѣръ, въ Халкидѣ тираннія Антилеонта перешла въ олигархію; или въ демократію: таковъ былъ конецъ тиранніи Гелона въ Сиракузахъ, или даже — въ аристократію, что случилось съ тиранніею Харилая въ Лакедемонѣ; тоже было и въ Карѳагенѣ. Въ тираннію измѣняется также и олигархія; такъ, въ Сициліи почти всѣ прежнія олигархіи измѣнились въ тиранніи; олигархія въ Леонтинахъ также измѣнилась въ тираннію Панетія; въ Гелѣ — въ тираннію Клеандра; въ Регіѣ — въ тираннію Анаксилая и т. д. во многихъ другихъ государствахъ. Ошибочно также думаетъ Платонъ, что какое-либо политическое устройство измѣняется въ олигархію, вслѣдствіе любостяжательности и коммерческихъ занятій правительственныхъ лицъ, а не вслѣдствіе того, что люди, превосходящіе другихъ своимъ имуществомъ, считаютъ несправедливымъ, чтобы другіе, не имѣющіе никакой собственности, участвовали наравнѣ съ ними въ дѣлахъ государства. Во многихъ олигархіяхъ правительственнымъ лицамъ не только не позволяется заниматься коммерческими дѣлами, напротивъ, положительно запрещается это закономъ. А въ Карѳагенѣ — государствѣ демократическомъ, хотя правительственныя лица и занимаются комерческими дѣлами, но политическое устройство Карѳагена не измѣнилось еще и доселѣ. Нелѣпо также утверждаетъ Платонъ, что

олигархическое государство состоитъ изъ двухъ государствъ: изъ государства богатыхъ и государства бѣдныхъ. Почему же, спрашивается, таково собственно олигархическое государство, а не лакедемонское, напримѣръ, или какое нибудь другое, въ которомъ не всѣ граждане имѣютъ равную собственность, или не всѣ одинаковы по своему личному достоинству? Положимъ, что никто изъ бѣдныхъ не сдѣлается еще бѣднѣе, но олигархія все-таки измѣнится въ демократію, если только возростетъ число бѣдныхъ, и на оборотъ, демократія перейдетъ въ олигархію, если богатые окажутся сильнѣе массы и если при томъ они будутъ заботиться о своихъ интересахъ, въ то время какъ масса не будетъ радѣть о своихъ собственныхъ. Притомъ, между тѣмъ какъ политическіе перевороты бываютъ отъ многихъ причинъ, Платонъ говоритъ только объ одной, именно онъ указываетъ только на бѣдность, какъ на слѣдствіе распутной жизни и долговъ, какъ будто бы сначала всѣ, или по крайней мѣрѣ большая часть гражданъ бываютъ люди богатые. Но это конечно ложно. Вообще же справедливо, что коль скоро нѣкоторые изъ лицъ, стоящихъ во главѣ государства, теряютъ свое имущество, то они прибѣгаютъ обыкновенно къ разнымъ нововведеніямъ. Если же такая судьба постигаетъ другія лица, то отъ этого не бываетъ ничего важнаго. Притомъ, по опыту извѣстно, что олигархіи не чаще измѣняются въ демократіи, какъ и въ какую-либо другую форму политическаго устройства. Недопущеніе къ почестямъ, несправедливость и личное оскорбленіе — все это ведетъ къ возмущеніямъ и политическимъ переворотамъ. То же самое бываетъ тогда, когда граждане не могутъ располагать своею собственностію, какъ кому угодно. А Платонъ, наоборотъ, причину переворотовъ усматриваетъ только въ излишней свободѣ. Наконецъ, при существованіи нѣсколькихъ видовъ олигархіи и демократіи, Сократъ разсуждаетъ объ ихъ переворотахъ такъ, какъ будто бы каждая изъ этихъ формъ политическаго устройства была одна въ своемъ родѣ.

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.		Напечатано:	Читай:
7	24	сверху	старѣйшество	старѣйшинство
40	1	—	совершененъ	совершенъ
—	1	снизу	Айяксъ	Аяксъ
53	2	сверху	держивались	издерживались
95	31	—	corsulare	consulare
114	11	и друг.	Ѳилолай	Филолай
—	33	—	Ономакратъ	Ономакритъ
145	5	—	поколеній	поколѣній
146	5	снизу	аиэнскихъ	аѳинскихъ
152	8	сверху	всѣмъ	во всемъ
209	5	снизу	gegraphos	geographos
249	21	сверху	комбируются	комбинируются
252	4	—	Эретріѣ	Эретріи
254	1	—	борѣю	борею
299	5	снизу	быть	былъ
305	9	сверху	Афинахъ	Аѳинахъ
307	6	—	законовъ	доходовъ